ЕЖЕГОДНИК

Международной ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев

№ 1, 2015

ЕЖЕГОДНИК

Международной ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ИЗДАЕТСЯ С 2015 ГОДА
ВЫХОДИТ 1 РАЗ В ГОД

УЧРЕДИТЕЛЬ:
ИНСТИТУТ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ – BiZ (МОСКВА)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Д. и. н. Черказьянова Ирина Васильевна (Санкт-Петербург), главный редактор

Д. и. н. Герман Аркадий Адольфович (Саратов), заместитель главного редактора

К. ф. н. Силантьева Ольга Юрьевна (Москва), ответственный секретарь

К. и. н. Безносова Оксана Владимировна (Москва)

К. и. н. Бобылева Светлана Иосифовна (Днепропетровск)

Д. и. н. Вашкау Нина Эмильевна (Липецк/Волгоград)

К. и. н. Волкова Тамара Петровна (Алматы)

Д. и. н. Дённингхаус Виктор (Люнебург)

Д. и. н. Кириллов Виктор Михайлович (Нижний Тагил)

Д. и. н. Маркдорф Наталья Михайловна (Новосибирск)

Д. ф. н. Меркурьева Вера Брониславовна (Иркутск)

Д. и. н. Плохотнюк Татьяна Николаевна (Ставрополь)

Д. и. н. Смирнова Татьяна Борисовна (Омск)

№ 1, 2015

ЕЖЕГОДНИК МЕЖДУНАРОДНОЙ АССОЦИАЦИИ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ

Научный журнал

№ 1, 2015

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Автономная некоммерческая организация «Институт этнокультурного образования»

Директор: Андрей Лейман

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Татьяна Смирнова, докт. ист. наук, профессор, проректор по учебной работе Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского (Омск) – председатель редакционного совета

Аркадий Герман, докт ист. наук, профессор Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского, председатель Международной ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев (Саратов)

Виктор Дённингхаус, профессор, доктор, заместитель директора Института культуры и истории немцев в Северо-Восточной Европе при Гамбургском университете (Люнебург)

Виктор Ищенко, канд. ист. наук, заместитель директора, научный руководитель Центра германских исторических исследований Института всеобщей истории Российской академии наук (Москва)

Виктор Кириллов, докт. ист. наук, профессор филиала Российского государственного профессионально-педагогического университета в г. Нижний Тагил (Нижний Тагил)

Генрих Мартенс, член президиума Совета при Президенте РФ по межнациональным отношениям, заместитель председателя Комиссии по вопросам сохранения и развития культурного и языкового многообразия народов России, президент Федеральной национально-культурной автономии российских немцев (Москва)

Ольга Мартенс, первый заместитель председателя ассоциации общественных объединений «Международный союз немецкой культуры» (Москва)

Дитмар Нойтатц, профессор, доктор, заведующий кафедрой новейшей истории Восточной Европы Фрайбургского университета имени Альберта Людвига (Фрайбург)

Юрий Петров, докт. ист. наук, профессор, директор Института российской истории Российской академии наук (Москва)

Бруно Рейтер, докт. биологич. наук, профессор, председатель Совета общественной организации «Немецкая национально-культурная автономия Омской области» (Омск)

Ирина Черказьянова, докт. ист. наук, главный редактор «Ежегодника Международной ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев» (Санкт-Петербург)

Олег Штралер, канд. политич. наук, доцент, председатель Правления Института этнокультурного образования (Сыктывкар)

Поддерживается Международным союзом немецкой культуры

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)

JAHRBUCH DER INTERNATIONALEN ASSOZIATION ZUR ERFORSCHUNG DER GESCHICHTE UND KULTUR DER RUSSLANDDEUTSCHEN

Wissenschaftliche Zeitschrift

Nr. 1, 2015

GRÜNDER:

Autonome nichtkommerzielle Organisation „Institut für ethnokulturelle Bildung“

Direktor: Dr. Andrej Lehman

REDAKTIONSBEIRAT:

Prof. Dr. Tatjana Smirnova, Vizerektorin für wissenschaftliche Arbeit des Omsker Staatlichen Universität „F. M. Dostojewski“ (Omsk) – Vorsitzende des Redaktionsbeirats

Prof. Dr. Arkadij German, Nationale Staatliche Forschungsuniversität „N. G. Černyševskij“ Saratov, Vorstandsvorsitzender der Internationalen Assoziation zur Erforschung der russlanddeutschen Geschichte und Kultur (Saratov)

Prof. Dr. Victor Dönninghaus, Stellvertreter des Direktors des Nordost-Instituts (Institut für Kultur und Geschichte der Deutschen in Nordosteuropa an der Universität Hamburg) (Lüneburg)

Dr. Viktor Iščenko, Stellvertreter des Direktors, Leiter des Zentrums für deutsche historische Forschung des Instituts für Weltgeschichte an der Russischen Akademie der Wissenschaften (Moskau)

Prof. Dr. Viktor Kirillov, Zweigstelle der Russischen Staatlichen Lehrerbildungsuniversität in Nižnij Tagil (Nižnij Tagil)

Heinrich Martens, Präsidiumsmitglied des Präsidentenbeirats für zwischenethnische Beziehungen, stellvertretender Vorsitzender der Kommission für Fragen der Erhaltung des Sprachvielfaltes der Völker Russlands, Präsident der Föderalen national-kulturellen Autonomie der Russlanddeutschen (Moskau)

Olga Martens, erste stellvertretende Vorsitzende des Internationalen Verbandes der deutschen Kultur (Moskau)

Dr. phil. Dietmar Neutatz, Professor für Neuere und Osteuropäische Geschichte an der Albert-Ludwigs-Universität Freiburg (Freiburg)

Prof. Dr. Juri Petrov, Direktor des Institutes für russische Geschichte an der Russischen Akademie der Wissenschaften (Moskau)

Prof. Dr. Bruno Reiter, Vorstandsvorsitzender der Deutschen national-kulturellen Autonomie des Omsker Gebiets (Omsk)

Dr. habil Irina Čerkaz’anova, Chefredakteurin des „Jahrbuchs der Internationalen Assoziation zur Erforschung der russlanddeutschen Geschichte und Kultur“ (St. Petersburg)

Dr. Oleg Strahler, Dozent, Vorstandsvorsitzender des Institutes für ethnokulturelle Bildung (Syktywkar)

Unterstützt vom Internationalen Verband der deutschen Kultur

Die Zeitschrift wurde in die russische Zitationsdatenbank aufgenommen

Уважаемые читатели!

В 2015 г. Институт этнокультурного образования, в структуре которого есть кафедра истории и культуры российских немцев, стал учредителем нового научного журнала – «Ежегодник Международной ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев». Уверен, что отвечающий требованиям времени «Ежегодник» откроет для Самоорганизации российских немцев новые перспективы. Так, он позволит успешнее взаимодействовать с учеными из разных стран, будет способствовать дальнейшим научным исследованиям, а также внесет значительный вклад в просветительскую и историко-краеведческую деятельность, которую более 20 лет осуществляют Международный союз немецкой культуры и Ассоциация исследователей истории и культуры российских немцев. Новая форма сотрудничества Самоорганизации с научным сообществом даст возможность более успешно решать образовательные задачи российских немцев и будет в целом способствовать развитию Самоорганизации на основе осмысления исторического опыта.

Желаю коллективу журнала успеха в этом начинании!

Андрей Лейман
Директор Института этнокультурного образования

Sehr geehrte Leser!

Im Jahre 2015 trat das Institut für ethnokulturelle Bildung, zu dessen Struktur ein Lehrstuhl für Geschichte und Kultur der Russlanddeutschen gehört, als Gründer einer neuen wissenschaftlichen Zeitschrift in Erscheinung – des „Jahrbuchs der Internationalen Assoziation zur Erforschung der Geschichte und Kultur der Russlanddeutschen“. Ich bin mir sicher, dass dieses zeitgemäße Jahrbuch der Selbstorganisation der Russlanddeutschen neue Perspektiven eröffnen und dazu beitragen wird, die Zusammenarbeit mit der internationalen Wissenschaftsgemeinschaft erfolgreicher zu gestalten, dass es künftigen wissenschaftlichen Untersuchungen voranhelfen und einen wesentlichen Beitrag zur aufklärerischen Tätigkeit sowie zur Betätigung auf dem Gebiet von Geschichte und Heimatkunde leisten wird, womit sich der Internationale Verband der deutschen Kultur und die Assoziation zur Erforschung der Geschichte und Kultur der Russlanddeutschen bereits seit mehr als zwanzig Jahren erfolgreich befassen. Die neue Form der Zusammenarbeit der Selbstorganisation mit der Wissenschaftsgemeinschaft wird es erlauben, die Bildungsziele für die Russlanddeutschen erfolgreicher zu verwirklichen und die Entwicklung der Selbstorganisation auf der Grundlage der geistigen Umsetzung historischer Erfahrungen insgesamt voranzubringen.

Dem Kollektiv der Zeitschrift wünsche ich viel Erfolg bei seinem Unterfangen!

Dr. Andrej Lehmann
Direktor des Instituts für ethnokulturelle Bildung

Уважаемые читатели!

Перед вами первый номер «Ежегодника Международной ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев», который пришел на смену научно-информационному бюллетеню «Российские немцы».

Ассоциация, многим известная по аббревиатуре МАИИКРН, возникла 20 лет назад, в сентябре 1995 г. Учредители ассоциации понимали важность информационного сопровождения молодого объединения ученых, которое должно было сплотить исследовательские силы постсоветского пространства и дальнего зарубежья.

Еще до учреждения ассоциации вышли в свет два номера бюллетеня. Вскоре он стал ее постоянным печатным органом, который члены ассоциации по-домашнему называли «НИБ». За все годы существования он, как маленький буксир в оживленной гавани, четко вел корабль под названием «МАИИКРН» к выходу в море – в открытое научное пространство. Регулярно освещались все прошедшие и анонсировались будущие научные события: конференции, экспедиции, музейные выставки, защиты диссертаций. На его страницах постоянно публиковались обзоры архивов, текущая библиография, рецензии на новые книги, научно-биографические очерки об исследователях истории и культуры российских немцев. Делалось все, чтобы ассоциация могла как можно подробнее рассказать всему научному сообществу о своей огромной работе.

В настоящее время НИБ выполнил свою консолидирующую и координирующую роль в области исследований истории и культуры российских немцев. В значительной мере его функции взял на себя портал RusDeutsch, на котором есть страница МАИИКРН.

В современных условиях конкуренции научных изданий сборники статей, материалы конференций уже не играют определяющей роли при оценке успешности отдельных авторов или целых организаций. Они по-прежнему актуальны, но нужен современный журнал, мобильный, авторитетный, которому авторы доверяли бы результаты своих исследований. Это требование времени.

Новый журнал призван не только показать научно-организационную сторону работы ассоциации, но и внести существенный вклад в развитие исследований, посвященных российским немцам. Главными задачами издания мы считаем публикацию большего количества аналитических материалов, вынесение на всеобщее обсуждение спорных вопросов. Немцы-колонисты, городские немцы, вклад немцев в развитие науки и техники, немцы в Российской империи и современных государствах ближнего и дальнего зарубежья, научные связи между Россией и Германией – это и многое другое, связанное с понятием «российские немцы», могут представлять интерес для наших будущих авторов.

Журнал публикует статьи на русском языке. Приоритет отдается тем работам, которые отличаются новизной постановки проблем, опираются на новые исторические и литературные документы, в которых соблюдаются принципы академизма, исторической объективности, уважительное отношение к исследованиям предшественников и современников. Полнотекстовая версия журнала размещается на портале RusDeutsch и платформе РИНЦа. С более полной информацией о журнале и правилами оформления статей можно познакомиться на сайте Института этнокультурного образования (www.institut-biz.ru).

Надеемся, что мы сможем доказать жизнеспособность нашего «Ежегодника».

В добрый путь!

Ирина Черказьянова

Sehr geehrte Leserinnen und Leser,

vor Ihnen liegt die erste Ausgabe des „Jahrbuchs der Internationalen Assoziation zur Erforschung der Geschichte und Kultur der Russlanddeutschen“, welches das Wissenschaftliche Informationsbulletin „Die Russlanddeutschen“ ablöst.

Die Assoziation, vielen unter der Abkürzung MAIIKRN [russ. Abk. der Assoziation – Anm. d. Übers] bekannt, entstand vor 20 Jahren, im September 1995. Die Gründer der Assoziation waren sich bewusst, wie wichtig es ist, einen jungen Verband von Wissenschaftlern, der das Forschungspotenzial auf dem Territorium der ehemaligen Sowjetunion und in den Ländern außerhalb der GUS und des Baltikums bündeln sollte, informatorisch zu begleiten.

Noch vor der Gründung der Assoziation waren zwei Ausgaben des Bulletins erschienen, das schon bald ihr ständiges Presseorgan wurde, welches die Mitglieder der Assoziation unter sich „NIB“ [russ. Abkürzung für „Wissenschaftliches Informationsbulletin – Anm. d. Übers.] nannten. In all den Jahren seiner Existenz hat das Bulletin wie ein Schleppkahn in einem viel befahrenen Hafen das Schiff mit dem Namen „MAIIKRN“ sicher zum offen Meer, in den freien wissenschaftlichen Raum, geführt. Regelmäßig wurden alle vergangenen wissenschaftlichen Ereignisse beleuchtet und zukünftige angekündigt: Konferenzen, Expeditionen, Museumsausstellungen und Dissertationsverteidigungen. Auf den Seiten des Bulletins waren immer Überblicke zu Archiven, eine laufend aktualisierte Bibliografie, Rezensionen zu Neuerscheinungen und wissenschaftlich-biografische Skizzen über Wissenschaftler, die die Kultur und Geschichte der Russlanddeutschen erforschen, zu finden. Es wurde alles dafür getan, um der ganzen Wissenschaftsgemeinde so genau wie möglich von der gewaltigen Arbeit der Assoziation zu berichten

Mittlerweile hat das Bulletin seinen konsolidierenden und koordinierenden Auftrag bei der Erforschung von Kultur und Geschichte der Russlanddeutschen erfüllt. Diese Aufgabe hat im Wesentlichen das Internetportal RusDeutsch übernommen, auf dem es auch eine Seite der Assoziation gibt. Unter den heutigen Bedingungen, da wissenschaftliche Publikationen in Konkurrenz zueinander stehen, spielen Sammelbände mit Aufsätzen und Konferenzbeiträgen nicht mehr die entscheidende Rolle, um den Erfolg einzelner Autoren oder ganzer Organisationen zu bewerten. Sie sind nach wie vor aktuell, aber benötigt wird eine moderne Zeitschrift, die so flexibel und angesehen ist, dass ihr die Autoren ihre Forschungsergebnisse anvertrauen würden. Das ist ein Gebot der Stunde.

Die neue Zeitschrift soll nicht nur die wissenschaftlich-organisatorische Seite der Assoziation darstellen, sondern auch wesentlich zum Fortgang wissenschaftlicher Untersuchungen über die Russlanddeutsche beitragen. Wir sind der Meinung, dass es zu den Hauptaufgaben dieser Publikation gehört, viele analytische Beiträge zu veröffentlichen und strittige Fragen zur allgemeinen Diskussion zu stellen. Die deutschen Kolonisten, die Deutschen in den Städten, der Beitrag der Deutschen zur Entwicklung von Wissenschaft und Technik, die Deutschen im Russischen Reich sowie in den heutigen Staaten auf dem Gebiet der ehemaligen Sowjetunion und in anderen Ländern oder die wissenschaftlichen Beziehungen zwischen Deutschland und Russland – das und noch vieles mehr, was man mit dem Begriff „Russlanddeutsche“ verbindet, könnte für unsere künftigen Autoren von Interesse sein. Detaillierte Informationen über diese Zeitschrift und die Anforderungen an Beiträge können Sie auf der Internetseite des Instituts für ethnokulturelle Bildung unter www.institut-biz.ru finden.

Wollen wir hoffen, dass es uns gelingt, die Lebensfähigkeit unseres „Jahrbuches“ zu beweisen. Gutes Gelingen!

Dr. habil. Irina Čerkaz'janova
Chefredakteurin

Содержание

Герман А.А., Черказьянова И.В. Международная ассоциация исследователей истории и культуры российских немцев: 20 лет деятельности 10

МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИИ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Плохотнюк Т.Н. Компаративный анализ процессов иммиграции в Россию во второй половине XVIII – XIX в. 27

Шайдуров В.Н. Европейские диаспоры в России: общероссийские и региональные особенности формирования 39

Дённингхаус В. Национальная политика в РСФСР в отношении нацменьшинств Запада во второй половине 1920-х годов (на примере Ленинградской области). . 49

Шрадер Т.А. Этнокультурные особенности немецких колоний под Петербургом . . 59

Федорук Н.С. «Полезный пример…»: образование и развитие немецких колоний под Новгородом в XIX – первой половине XX в. 67

Чернова-Дёке Т.Н. Своеобразие становления немецких колоний на Южном Кавказе 78

Бобылева С.И. Ямбург: история становления и развития колонии под Екатеринославом 93

Иванова Н.И. Первая мировая война и немецкие колонисты Санкт-Петербургской губернии 117

Шваб Е. К вопросу о «реэмиграции» немцев из России в период Первой мировой войны и первые послевоенные годы 129

Евсеев Н.О. Меннонитская деревня в попытках противостоять голоду в Поволжье в 1920-х годах. 138

Герман А.А. Ленинградские рабочие-двадцатипятитысячники в Республике немцев Поволжья: участие в коллективизации, дальнейшая судьба . . 144

Зейналова С. Влияние советских социально-экономических процессов на жизнь немецких поселений Азербайджана (1920–1941 гг.) 156

Разинков С.Л. Ленинградские немцы в лагерях Урала 166

Маркдорф Н.М., Долголюк А.А. Ленинградские немцы на спецпоселении в Кемеровской области (1941–1956 гг.) . . 174

Вердиева Х. Динамика численности немцев Баку (вторая половина XIX в. – 1941 г.) 185

Клец В.К. Немецкое население Украины в советский период: динамика численности и факторы влияния на нее 194

Корышев М.В. Язык как зеркало истории и культуры немецких колонистов под Санкт-Петербургом 210

Найдич Л.Э. К изучению диалектов немецких колоний под Санкт-Петербургом в свете островной диалектологии. 216

Йон Э. Санкт-петербургские Ромео и Джульетта: песни немецких колонистов в коллективной памяти. . . 226

Меркурьева В.Б. «Борьба языков» в макаронических песнях петербургских колонистов 238

Плесская Э.Г. Вклад немцев – выходцев из Санкт-Петербурга в экономику, культуру и благоустройство Одессы . . . 245

Безносова О.В. Использование российскими меннонитами административных и образовательных ресурсов Санкт-Петербурга. 252

Солодова В.В. Ленинградские ученые и их вклад в этнографическое изучение советских немцев на рубеже 1920–1930-х годов 257

Светозарова Н.Д. Язык, песни и быт немецких колоний на Украине глазами писателя-колониста 267

Романенко С.В. Освещение истории и культуры немцев Северного Причерноморья: опыт Николаевского областного краеведческого музея 276

Жабрева А.Э. Миниатюрные посланцы Германии в Санкт-Петербурге (сувенирные куклы в национальных костюмах из личной коллекции). 284

ПРИЛОЖЕНИЕ

Черказьянова И.В. Законы, регулировавшие основание немецких колоний под Петербургом и организацию их внутренней жизни (1763–1890-е годы) 293

СТАТЬИ

Кириллов В.М. Депортация, трудовая мобилизация и спецпоселение немцев СССР 296

Вайман Д.И. Этнографическое изучение немцев Урала пермскими исследователями 309

Иофе В.Г., Хасанова О.У., Ильина А.О. Р.Р. Шредер – выдающийся ученый-селекционер. 317

Минор А.Я. Формирование основных типов языковой личности немцев Поволжья в период существования автономии (1918–1941 гг.). 328

Богословская З.М., Малкова Р.А., Щеголихина Ю.В. Личные имена как проявление исторической памяти российских немцев. 336

НАУЧНАЯ ХРОНИКА

Черказьянова И.В., Силантьева О.Ю. Научная жизнь: конференции, выставки 348

Герман А.А. XV Международная научная конференция МАИИКРН 354

Черказьянова И.В. Международная научная конференция «Немецкие колонии под Санкт-Петербургом: исторический и культурный ландшафт». 356

Нелипович С.Г. Международная научная конференция «Немцы в истории Волыни» 359

Волкова Т.П., Штейн О.В. Международная научно-практическая конференция «Немцы Казахстана: мост между Астаной и Берлином» 364

Мешков Д. Конференция «Российские немцы в сравнительном контексте. Новые перспективы исследований» 366

Меркурьева В.Б. Защита кандидатской диссертации Ю.В. Щеголихиной 369

БИБЛИОГРАФИЯ, РЕЦЕНЗИИ

Черказьянова И.В. Библиография 372

Черказьянова И.В. Литература по истории петербургских колоний . . . 383

Меркурьева В.Б. Рецензия на книгу Л.Н. Пузейкиной «Немцы в Санкт-Петербургской губернии: история, язык, песни» 390

ЮБИЛЕИ

Малиновский Л.В. Послесловие по поводу прошлого 394

Сведения об авторах 398

Inhalt

Arkadij A. German, Irina V. Čerkaz'anova. Die Internationale Assoziation zur Erforschung der Geschichte und Kultur der Russlanddeutschen: 20 Jahre Tätigkeit . 10

MATERIALIEN DER KONFERENZ IN ST. PETERSBURG

Tat'jana N. Plochotnjuk. Vergleichende Analyse der Prozesse bei der Einwanderung nach Russland in der zweiten Hälfte des 18. Jh. bis zum 19. Jh. 27

Vladimir N. Šajdurov. Europäische Minderheiten in der Diaspora in Russland: russlandweite und regionale Besonderheiten ihrer Herausbildung 39

Victor Dönninghaus. Nationalitätenpolitik in der Russischen Föderation in Bezug auf die nationalen Minderheiten des Westens in der zweiten Hälfte der 1920er Jahre (am Beispiel des Leningrader Gebiets). . . 49

Tat'jana Šrader. Ethnokulturelle Besonderheiten der deutschen Kolonien bei Petersburg 59

Natal'a S. Fedoruk. „Nützliches Beispiel…": Entstehung und Entwicklung der deutschen Kolonien bei Novgorod im 19. Jahrhundert und in der ersten Hälfte des 20. Jahrhunderts 67

Tamara N. Černova-Döke. Eigenartigkeit der Entstehung deutscher Kolonien im Südkaukasus 78

Svetlana I. Bobyleva. Jamburg: Geschichte der Entstehung und Entwicklung der Kolonie bei Ekaterinoslav. 93

Natal'a I. Ivanova. Der Erste Weltkrieg und die deutschen Kolonisten im Gouvernement St. Petersburg. 117

Eva Schwab. Die Frage der „Rückwanderung" der Deutschen aus Russland während des Ersten Weltkriegs und in der unmittelbaren Nachkriegszeit 129

Nikolaj O. Evseev. Der Versuch der mennonitischen Dörfer, der Hungersnot in den 1920er Jahren im Wolgagebiet zu widerstehen. 138

Arkadij A. German. Leningrader Arbeiter – Die „Fünfundzwanzigtausender" in der Republik der Wolgadeutschen: Anteil an der Kollektivierung und weiteres Schicksal 144

Sudaba Sejnalova. Der Einfluss sowjetischer sozialökonomischer Prozesse auf das Leben der deutschen Siedlungen Azerbajdžans (1920–1941) 156

Sergej L. Razinkov. Leningrader Deutsche in den Lagern des Urals 166

Natal'a M. Markdorf; Aleksej A. Dolgoljuk. Leningrader Deutsche in Sondersiedlungen des Gebiets Kemerovo (1941–1956) 174

Chadžar Verdieva. Die Bevölkerungsdynamik der Deutschen in Baku (in der zweiten Hälfte des 19. Jh. bis 1941) 185

Viktor K. Klec. Die deutsche Bevölkerung der Ukraine zur Sowjetzeit: Dynamik der zahlenmäßigen Stärke und ihre Einflussfaktoren 194

Michail V. Koryšev. Sprache als Spiegel von Kultur und Geschichte der deutschen Kolonisten bei St. Petersburg 210

Larisa Ė. Najdič. Zur Erforschung deutscher Mundarten in den deutschen Kolonien bei St. Petersburg unter dem Aspekt der Inseldialektologie 216

Eckhard John. Romeo und Julia in St. Petersburg: Lieder der deutschen Kolonisten im kollektiven Gedächtnis . . .226

Vera B. Merkur'eva. „Der Kampf der Sprachen" in makkaronischen Liedern der Petersburger Kolonisten. . . .238

Ėlvira G. Plesskaja. Der Anteil der aus St. Petersburg zugereisten Deutschen an der Wirtschaft und Kultur in Odessa sowie an der Verbesserung der dortigen Lebensverhältnisse 245

Oksana V. Beznosova. Die Nutzung der Möglichkeiten von Verwaltung und Bildung in St. Petersburg durch die Mennoniten in Russland 252

Vera V. Solodova. Leningrader Wissenschaftler und ihr Beitrag zur ethnografischen Untersuchung der Sowjetdeutschen an der Schwelle der 1920er und 1930er Jahre 257

Natalija D. Svetozarova. Sprache, Lieder und Alltagsleben deutscher Kolonien in der Ukraine aus Sicht eines Kolonisten und Schriftstellers 267

Swetlana V. Romanenko. Die Präsentation von Geschichte und Kultur der Deutschen des Nördlichen Schwarzmeergebiets: Erfahrungen des Heimatmuseums des Gebiets Nikolaev 276

Anna Ė. Žabreva. Deutsche Miniatur-Botschafter in St. Petersburg (Souvenirpuppen in Nationaltrachten aus einer Privatsammlung) 284

ANLAGE

Irina V. Čerkaz'anova. Gesetze zur Gründung deutscher Kolonien bei Petersburg und zur Organisation des Lebens in den Kolonien (1763–1890). 293

ARTIKEL

Viktor M. Kirillow. Deportation, Mobilisierung für die Arbeitsarmee und Sondersiedlungsregime der Deutschen der UdSSR 296

Dmitrij I. Vajman. Eine ethnografische Analyse der Deutschen im Ural von Wissenschaftlern aus Perm 309

Valerij G. Iofe, Obida U. Chasanova, Anastasija O. Il'ina. R. R. Šreder – hervorragender Wissenschaftler und Züchter 317

Aleksandr Ja. Minor. Die Herausbildung der Grundtypen einer sprachlichen Identität der Wolgadeutschen zur Zeit ihrer Autonomie (1918–1941) 328

Zoja M. Bogoslovskaja, Raisa A. Malkova, Julija V. Ščegolichina. Personennamen als Äußerungen des historischen Gedächtnisses der Russlanddeutschen . .336

WISSENSCHAFTLICHE CHRONIK

Irina V. Čerkaz'anova; Olga Ju.Silant'eva. Wissenschaftliches Leben: Konferenzen und Ausstellungen. 348

Arkadij A. German. 15. Wissenschaftliche Konferenz der Internationalen Assoziation zur Erforschung der Geschichte und Kultur der Russlanddeutschen 354

Irina V. Čerkaz'anova. 5. Internationale wissenschaftliche Konferenz „Die deutschen Kolonien bei St. Petersburg: eine historische Kulturlandschaft" 356

Sergej G. Nelipovič. Internationale wissenschaftliche Konferenz „Deutsche in der Geschichte Wolhyniens". 359

Tamara P. Volkova; Olga V. Stein. Internationale wissenschaftlich-praktische Konferenz „Die Deutschen Kazachstans: eine Brücke zwischen Astana und Berlin". 364

Dmytro Myeshkov. Konferenz „Russlanddeutsche in einem vergleichenden Kontext: Neue Perspektiven der Forschung". 366

Vera B. Merkur'eva. Die Verteidigung der Doktorarbeit von Ju. V. Ščegolichina . . 369

BIBLIOGRAFIE UND REZENSIONEN

Irina V. Čerkaz'anova. Bibliografie. 372

Irina V. Čerkaz'anova. Literatur zur Geschichte der Petersburger Kolonien 383

Vera B. Merkur'eva. Rezension zu dem Buch „Die Deutschen im Gouvernement St. Petersburg: Geschichte, Sprache, Lieder" von L. N. Puzejkina 390

JUBILÄEN

Lew V. Malinovskij. Ein Nachwort zum Vergangenem 394

Autorenverzeichnis 398

УДК 94(=112.2)(47): 061

А.А. Герман, И.В. Черказьянова

Международная ассоциация исследователей истории и культуры российских немцев: 20 лет деятельности

В статье исследуется 20-летний путь развития и деятельности Международной ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев (1995–2015). Рассматриваются предпосылки создания ассоциации, дается ее общая характеристика и основные периоды развития, показаны результаты, достигнутые благодаря совместной деятельности членов ассоциации – исследователей из разных стран. Особое внимание в работе уделяется современным достижениям ассоциации и перспективам ее дальнейшего развития.

Ключевые слова: российские (советские) немцы, Международная ассоциация исследователей истории и культуры российских немцев (МАИИКРН), Международный союз немецкой культуры (МСНК), научные конференции, научные экспедиции, научно-информационный бюллетень «Российские немцы», «Новая электронная иллюстрированная энциклопедия российских немцев», «Реестр немецких поселений России», Объединенный электронный банк данных «Репрессивная политика против российских немцев в XX веке», «Ежегодник Международной ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев».

В сентябре 2015 г. исполнилось 20 лет со дня создания Международной ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев (МАИИКРН). Сегодня можно сказать с полным правом, что создание этой общественной интернациональной организации было уникальным явлением. Термин «российские немцы», попавший в название ассоциации, употреблен здесь в самом широком смысле – как немцы Российской империи, Советского Союза и постсоветского пространства. Об этом договорились создатели ассоциации. Такой подход открывал перспективы комплексному исследованию, объединению усилий всех без ограничения ученых из любых стран мира. Так и получилось. Вполне естественно, что в ассоциацию больше всего по количеству входит ученых из России, Украины, Казахстана, Германии, тех стран, где некогда в основном проживали и проживают те немцы, вокруг исследования которых объединились ученые.

ПРЕДПОСЫЛКИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ АССОЦИАЦИИ

Совершившиеся в СССР на рубеже 1980–1990-х годов исторические перемены позволили сделать достоянием всего народа многие факты, явления, процессы нашего прошлого, которые десятилетия замалчивались, либо толковались предвзято, фальсифицировались. Одним из таких «белых пятен» в те годы была история российских немцев, насчитывавшая несколько столетий, и, в частности, история немецкого национально-территориального образования на Волге, существовавшего в течение 23 лет, с 1918-го по 1941 г.

Как совершенно справедливо отмечала в одной из своих публикаций газета «Нойес Лебен» („Neues Leben“), «<…> с тех пор, как Президиум Верховного Совета СССР издал Указ от 28 августа 1941 г., на основании которого была упразднена существовавшая с 1924 г. Автономная Республика немцев Поволжья (до этого с 1918 г. существовала трудовая коммуна, являвшаяся автономной областью), на историю советских немцев было по существу наложено табу»[1].

© А.А. ГЕРМАН, И.В. ЧЕРКАЗЬЯНОВА. ЕЖЕГОДНИК МАИИКРН. 2015 Г. № 1. С. 10–26.

Выселение немецкого населения из Поволжья и других районов европейской части бывшего СССР, его дальнейшая трагическая судьба стали одним из многих проявлений той противоречивой истории, в которую попали немцы – переселенцы из Европы, решившиеся в XVIII в. навсегда покинуть Родину и обосноваться в другом государстве. С тех пор они стали заложниками отношений между двумя великими державами. XX век принес народам две кровопролитные мировые войны, в которых Россия (а затем СССР) и Германия оказались по разные стороны линии фронта, и этот факт самым трагическим образом отразился на судьбе потомков германских переселенцев. В период Второй мировой войны трагедия значительно усугубилась тем, что советские граждане немецкой национальности стали объектом ненависти бесчеловечного сталинского режима, который с невиданной жестокостью осуществлял «наказание» целого ряда «провинившихся» народов. Немцы едва ли не первыми стали его жертвой.

Дефицит информации о немецком населении СССР, искусственные пробелы в его истории, замалчивание на протяжении многих лет самого факта наличия в СССР такой крупной, занимавшей 14 место по численности национальной общности, не говоря уже о существовании в 1918–1941 гг. Автономной республики немцев Поволжья, приводили к вполне естественной неосведомленности советских людей. Незнание, накладывавшееся на нестирающуюся память о минувшей войне, о всенародном горе, пережитом миллионами людей по вине фашистских захватчиков, в борьбу с которыми советские немцы внесли свой заметный вклад, порождала враждебные, противоречившие элементарным цивилизованным нормам формы отношений к немецкому населению страны. Эти отношения, дополняя официальную политику властей, усугубляли дискриминацию немецкого населения, препятствовали его равноправному развитию, ущемляли национальное самосознание.

Лишь после 1953 г. начался медленный, крайне непоследовательный процесс постепенной реабилитации немцев СССР, который, по сути дела, так и не был завершен. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 29 августа 1964 г. лживые обвинения в пособничестве врагу с них были сняты. «Жизнь показала, – говорилось в указе, – что эти огульные обвинения были неосновательны и явились проявлением произвола в условиях культа личности Сталина»[2]. Тем не менее, до 1972 г. немцам не разрешалось возвращаться на жительство в Поволжье и другие места прежнего проживания, а Республика немцев Поволжья так и не была воссоздана[3].

Кроме того, долгие годы, вплоть до конца 1980-х годов, судьба «советских» немцев, их история замалчивались. Весьма ограниченную информацию о жизни немецкого населения СССР и его истории можно было почерпнуть лишь из немногочисленной национальной прессы, появившейся в период «оттепели», издававшейся небольшими тиражами и имевшей узкую немецкоязычную читательскую аудиторию[4]. Первые робкие публикации по истории немцев в немецкоязычной прессе начали появляться лишь с конца 1960-х годов. Тем не менее, значение этих исторических работ трудно

---

[1] *Чернышев В.В.* Уроки по истории советских немцев // Neues Leben. – 1988. – № 38. – 14 сент.

[2] Ведомости Верховного Совета СССР. – 1964. – № 52. – С. 592.

[3] См.: О снятии ограничения в выборе места жительства, предусмотренного в прошлом для отдельных категорий граждан: Указ Президиума Верховного Совета СССР от 3 ноября 1972 г. // История рос. немцев в документах. – М., 1993. – С. 179.

[4] „Neues Leben“ («Новая жизнь») – еженедельная немецкая газета, начала издаваться в Москве в 1956 г.; „Freundschaft“ («Дружба») – ежедневная немецкая газета, выходила в Алма-Ате в 1966–1990 гг.; „Rote Fahne“ («Красное знамя») – ежедневная немецкая газета, выходила в г. Славгород (Алтайский край) в 1957–1990 гг.; „Heimatliche Weiten“ («Родные просторы») – литературно-художественный и публицистический сборник, выходил в Москве в 1981–1990 гг.

переоценить. Хотелось бы отдать дань искреннего и глубокого уважения активным популяризаторам истории немецкого народа в России и СССР: А.Я. Герру, П.И. Герману, И.И. Кроневальду, Л.В. Малиновскому, В.И. Эккерту, Д.А. Гольману, которые в сложных условиях послевоенных лет пытались разрушить стену молчания об истории российских немцев, публикуя свои исследования в немецкоязычных газетах и сборнике „Heimatliche Weiten“, поскольку в научные издания вход им был закрыт. Ряд статей отмеченных выше авторов имел высокий научный уровень. В частности, это относится к работам профессиональных историков И.И. Кроневальда и Л.В. Малиновского[5].

Большим успехом подвижнической деятельности энтузиастов стал выпуск в издательстве «Казахстан» тиражом пять тысяч экземпляров трехтомного сборника „Bis zum letzten Atemzug“ («До последнего вздоха»), включавшего в себя статьи о различных эпизодах истории АССР немцев Поволжья, о жизни и деятельности ее руководителей и простых людей, в разное время внесших свою лепту в хозяйственное и культурное развитие республики, в защиту Родины в годы Великой Отечественной войны[6].

В декабре 1982 г. по инициативе редакции газеты „Neues Leben“ состоялась конференция историков и энтузиастов, занимавшихся историей советских немцев. В ее работе приняли участие такие известные специалисты как Е.И. Дружинина[7], И.М. Кулинич[8], Л.В. Малиновский[9]. Собравшиеся пришли к выводу о насущной необходимости серьезного изучения истории немцев СССР и, в связи с этим, поставили вопрос о создании специального научного центра. Краткое изложение материалов конференции дала газета „Neues Leben“[10]. Однако активность историков пришлась не по вкусу в ЦК КПСС. Очевидно, боясь привлечения внимания к «немецкому вопросу» в СССР, партийное руководство страны не поддержало инициативу историков, а главный редактор центральной немецкой газеты В.И. Цапанов за «неразумную» инициативу был наказан и поплатился своей должностью. Тем не менее, позитивным результатом конференции стало оформление постоянной исторической рубрики в журнале „Heimatliche Weiten“, где и появились уже отмеченные работы И. Кроневальда, Л. Малиновского и других. Нельзя не отметить вклад в развитие истории российских немцев Г.Г. Вормсбехера, который был в то время главным редактором этого журнала.

Под напором перестроенных процессов в СССР стена молчания о советских немцах начала постепенно разрушаться. Особенно заметным этот процесс стал в конце 1988 г., когда 70-летие образования немецкой автономии отметили пространными статьями сразу несколько центральных газет и журналов[11]. В дальнейшем число таких публикаций в советской прессе начало быстро нарастать. Изложенные в этих публикациях, в общем-то, самые элементарные сведения из истории и современной жизни немецкого населения страны для многих людей стали откровением. Они буквально «открыли» для себя немцев СССР.

[5] *Kronewald J.* 1) Wir hatten etwas zu verteidigen // Heimatliche Weiten. – 1985. – № 1. – S. 105–107; 2) Im Kampf um die Sowjetmacht // Op. cit. – 1987. – № 2. – S. 229–252; *Malinowski L.* Ein Rätsel der wolgadeutschen Geschichte // Op. cit. – 1987. – № 2. – S. 229–252.

[6] Bis zum letzten Atemzug. Bd. 1–3. – Alma-Ata, 1968–1974.

[7] Дружинина Елена Иоасафовна (1916–2000), историк, специалист по истории дипломатии России XVIII в., истории Северного Причерноморья (Новороссии).

[8] Кулинич Иван Маркович (1924–2002), доктор исторических наук (1970), заслуженный деятель науки УССР (1984), с момента основания МАИИКРН и до своей кончины являлся членом ассоциации.

[9] Малиновский Лев Викторович с момента основания МАИИКРН и поныне является членом ассоциации, принимает активное участие во всех ее мероприятиях, 25 февраля 2015 г. отметил свое 90-летие.

[10] Neues Leben. – 1982. – № 51; Heimatliche Weiten. – 1988. – № 2. – S. 235–287.

[11] См.: *Ауман В., Чернышев В.* Советские немцы перед войной и сегодня // Правда. – 1988. – 5 нояб.; *Вебер Р.* Чего ждут «приволжские немцы»? // Дружба народов. – 1988. – № 11. – С. 238–244; *Вормсбехер Г.* Немцы в СССР // Знамя. – 1988. – № 11. – С. 193–203; *Лапин А., Франк А.* Русские немцы // Комсомольская правда. – 1988. – 28 дек.

Лишь с 1989 г., когда благодаря публицистам, тема советских немцев стала открытой для широкой общественности, наметился определенный интерес к этой проблеме со стороны государства и официальных научных учреждений. Первыми ласточками таких позитивных перемен стали конференции в Алма-Ате и Москве. 11 мая 1988 г. в Алма-Ате прошла республиканская научно-практическая конференция «Воспитание культуры межнациональных отношений», на которой впервые прозвучали доклады о репрессиях против немцев. Затем последовали казахстанская республиканская научно-практическая конференция «Немцы в братской семье советских народов»[12] (Алма-Ата, 16–17 июня 1989 г.) и Всесоюзная научно-практическая конференция «Советские немцы: история и современность» в Москве (15–16 ноября 1989 г.)[13]. Следует отметить вклад в организацию и проведение этих конференций В.А. Аумана, Н.Ф. Бугая, В.Г. Чеботаревой.

Выступления на этих конференциях еще носили общий характер, основывались в основном на открытой литературе 1920–1930-х годов и материалах, почерпнутых из средств массовой информации того же периода, которые были наполнены «социалистическим оптимизмом» и живописали довоенную жизнь немецкого народа в розовых тонах. Но, несмотря на это, несомненная заслуга отмеченных конференций состоит в том, что они привлекли к себе внимание широкой научной общественности и дали импульс разработке истории российских немцев на профессиональной основе.

В те же годы произошел журналистский бум. Именно журналисты «оседлали» тогда историю российских немцев, их материалами были заполнены перестроечные СМИ. Отсутствовал сколько-нибудь критический взгляд и присутствовало полное незнание реальных проблем жизни немцев СССР до 1941 г. Публицистика того времени в подавляющем большинстве основывалась на копировании материалов довоенных отечественных официальных изданий (энциклопедий, справочников, брошюр, статей из журналов и газет). Это привело к тому, что наряду с положительными результатами, информационный прорыв по проблемам немцев имел серьезные негативные последствия – был реанимирован миф сталинской эпохи о социалистической республике немцев Поволжья как о «цветущем уголке» советской страны, где «зажиточно и счастливо» жили ее граждане, где немцы могли в полной мере реализовать свои национальные интересы и потребности. В дальнейшем этот миф оказал существенное негативное влияние на национальное движение немцев СССР и постсоветского пространства.

Профессионалы-историки в это время получили доступ в архивы и смогли работать с ранее закрытыми документами. Понадобилось несколько лет для сбора материала и его осмысления. Поэтому лишь в начале 1990-х годов появились первые объективные статьи и книги о жизни российских немцев до войны. Естественно, что исследователи следили за историографией и старались фиксировать любую профессиональную работу, выходившую в свет. Так произошло заочное знакомство многих из них. Возникла объективная потребность встретиться, обсудить ситуацию, объединить усилия для создания полной, объективной, затрагивающей все аспекты и стороны жизни истории немцев Российской империи, СССР, постсоветского пространства.

Важную роль сыграла Международная научная конференция «Немецкий российский этнос: этапы исторического пути», прошедшая в июне 1993 г. в Люберцах Московской области под эгидой Государственного комитета по делам федерации и национальностей РФ, Международного института гуманитарных проблем корпорации РАУ и Общества в поддержку немцев за рубежом (VDA, Германия). Конференция показала, что во многих регионах России и странах СНГ возник широкий и устойчивый научный

[12] Немцы в братской семье советских народов: Материалы респ. науч.-практ. конф., Алма-Ата, 16–17 июня 1989 г. – Алма-Ата, 1990.

[13] Советские немцы: история и современность: Материалы Всесоюз. науч.-практ. конф., Москва, 15–16 нояб. 1989 г. – М., 1990.

интерес к изучению проблем истории и культуры российских немцев[14]. Большая заслуга в организации и проведении этой конференции принадлежит В.Г. Чеботаревой.

Так постепенно складывались предпосылки к созданию объединения историков, изучающих достаточно узкую и специфическую, в то время недостаточно исследованную тему истории и культуры российских немцев.

ИСТОРИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ МАИИКРН

Первые годы ее существования неразрывно связаны с черноморским городом Анапа. Именно там, в сентябре 1994 г., в рамках российско-германской научной конференции «Российские немцы на Дону, Кавказе и Волге» (38 участников), собрались будущие члены ассоциации, те, кто уже серьезно и профессионально работал над темой. Естественно, что в ходе конференции, по мере знакомства возникло и становилось все более устойчивым желание объединить свои научные усилия в общем ответственном и благородном деле – создании полноценной истории немцев Российской империи, СССР, постсоветского пространства. Проанализировав состояние научных исследований, участники конференции решили создать Международную ассоциацию исследователей истории и культуры российских немцев[15]. 25 сентября была принята резолюция конференции, которая и определила основные направления работы по формированию будущей ассоциации[16], и сформирован Координационный совет для согласования научной деятельности и разработки устава организации. Проект устава был опубликован в «Научно-информационном бюллетене» (далее – НИБ), который был организован в 1995 г. как часть проекта по созданию ассоциации исследователей[17].

Через год, 24 сентября 1995 г. на второй Анапской международной конференции (51 участник) на общем собрании участников конференции была создана ассоциация, принят устав МАИИКРН и избрано правление. В него вошли председатель И.Р. Плеве (Саратов), заместители А. Айсфельд (Гёттинген) и Э.Р. Барбашина (Новосибирск), члены правления: А.А. Герман (Саратов), Л.В. Малиновский (Барнаул), С.В. Смирницкая (Санкт-Петербург), ответственным секретарем избрана В.Л. Петри (Москва)[18]. В резолюции конференции был намечен комплекс мероприятий на 1996 г.[19] Вскоре правление МАИИКРН разработало основные направления работы ассоциации до 1998 г.[20]

Большая роль в создании МАИИКРН принадлежала Международному союзу немецкой культуры (МСНК) и Институту германских и восточноевропейских исследований в Гёттингене (Германия), их руководителям Г.Г. Мартенсу и д-ру А. Айсфельду.

Официальное учредительное собрание по созданию ассоциации в соответствии с требованиями Минюста РФ было проведено 6 февраля 1996 г. На собрании присутствовало 17 учредителей. На нем было объявлено о создании МАИИКРН, утверждены ее устав и правление. Вскоре ассоциация была зарегистрирована.

В Уставе МАИИКРН были провозглашены следующие цели и задачи:

- сохранение исторического и культурного наследия российских немцев;

[14] Немецкий российский этнос. Вехи истории: Материалы Междунар. науч. конф., Москва, 24–25 июня 1993 г. – М., 1994.

[15] 20-летие первой Анапской конференции // Рос. немцы: Науч.-инф. бюл. – М., 2014. – № 3–4. – С. 2–3.

[16] Резолюция российско-германской научной конференции // Рос. немцы на Дону, Кавказе и Волге: Материалы рос.-герм. конф., Анапа, 22–26 сент. 1994 г. – М., 1995. – С. 355.

[17] Устав Международной ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев (проект) // Науч.-инф. бюл. – М., 1995. – № 2. – С. 2–7.

[18] *Плеве И.* О создании Ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев // Науч.-инф. бюл. – М., 1995. – № 3–4. – С. 4.

[19] Резолюция Международной научной конференции «Российские немцы. Проблемы истории, культуры, языка и современного положения» // Науч.-инф. бюл. – М., 1995. – № 3–4. – С. 13–14.

[20] Основные направления работы ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев // Науч.-инф. бюл. – М., 1995. – № 3–4. – С. 5.

- проведение комплексных научных исследований в области истории, экономики, религии, этнографии, культуры и традиций, устного творчества и литературы немцев в России и в странах СНГ;
- координация научно-исследовательских работ в различных регионах страны, налаживание тесных контактов между исследователями стран постсоветского пространства;
- изучение наличия, состояния и содержания архивных документов;
- проведение научных конференций для укрепления творческих контактов между членами ассоциации;
- планирование и координация других совместных научных мероприятий;
- поддержка исследований творческой молодежи по вопросам истории и культуры российских немцев[21].

Создание ассоциации дало мощный импульс развитию историографии российских немцев. В лице правления ассоциации появился единый координирующий центр, который анализировал ситуацию в области научных исследований, определял наиболее слабые звенья на текущий момент и вырабатывал рекомендации по тематике очередных конференций, что создавало мобилизующий эффект, в результате которого развитие историографии шло целенаправленно, в целом более или менее равномерно. «Белые пятна» в истории российских немцев неуклонно сокращались.

Таким образом, важнейшими мероприятием, помогавшими ученым сверять свой шаг в научных исследованиях, стали научные конференции ассоциации. Они проводились ежегодно: в Анапе (1994–1997), Москве (1998–2003, 2006–2010, 2012, 2015), Саратове (2004, 2011), Кисловодске (2013). 20-я по счету конференция была проведена в августе 2015 г. в Марксе – на Волге под Саратовом. По каждой конференции, за исключением последней, изданы сборники материалов.

Первые две конференции (1994, 1995) носили общий характер и были призваны выявить уровень развития исследований в регионах и определить основных исследователей по данной проблеме[22]. Именно благодаря этим конференциям сформировалось основное ядро членов ассоциации. Причем уже тогда среди участников выявлялись специалисты не только по истории, но и по языку и различным аспектам культурного наследия немцев.

Третья Анапская конференция, организованная уже ассоциацией, рассматривала проблемы историографии и источниковедения российских немцев[23]. Целью конференции было выявление исходных рубежей научной деятельности МАИИКРН. Эта цель в основном была реализована, хотя преобладание докладов по источникам говорило о том, что историография российских немцев, особенно современная, явно нуждается в разработке.

Следующая конференция (последняя, проведенная в Анапе в сентябре 1997 г.) в своем название уже содержала формулировку одной из актуальных проблем истории российских немцев – проблему их миграций[24].

Последующие конференции проходили в Москве. Так было удобней и дешевле, что позволяло привлекать к участию в конференциях большее количество участников. На конференции 1998 г.[25] была предпринята попытка показать историю немцев России в контексте всей отечественной историей, выявив как общие проблемы, так и особенности развития региональных групп немцев. Результаты проведенной конферен-

[21] URL: http://www.rusdeutsch.ru/?menu00=1&menu=13&menu0=35&level3=&z=1 (дата обращения: 30.10.2015)

[22] См.: Российские немцы на Дону, Кавказе и Волге. – М., 1995; Российские немцы. Проблемы истории, языка и современного положения. – М., 1996.

[23] См.: Российские немцы. Историография и источниковедение. – М., 1997.

[24] Миграционные процессы среди российских немцев: исторический аспект. – М., 1998.

[25] Немцы России в контексте отечественной истории: общие проблемы и региональные особенности. – М., 1999.

ции показали необходимость комплексного исследования развития немецкого этноса в России и СССР по определенным периодам. В таком исследовательском ключе стали проходить следующие конференции (1999–2002)[26].

С 2000 г. в связи с ростом количества проведенных конференций, в целях лучшей ориентации в материалах, члены ассоциации приняли решение о присвоении конференциям МАИИКРН порядковых номеров, что отразилось в названии выпускавшихся с этого момента сборников материалов конференций.

ОРГАНИЗАЦИЯ И ПЕРВЫЕ ГОДЫ РАБОТЫ НАУЧНО-ИНФОРМАЦИОННОГО БЮЛЛЕТЕНЯ «РОССИЙСКИЕ НЕМЦЫ»[27]

Изначально организаторы ассоциации исходили из необходимости информационного сопровождения нарождавшегося объединения ученых, которое должно было объединить имеющиеся исследовательские силы на постсоветском пространстве. Поэтому одновременно с решением о создании ассоциации пришли к заключению о важности собственного органа печати. Организаторами бюллетеня выступили: Координационный совет по изучению истории и культуры российских немцев; Институт германских и восточноевропейских исследований (Гёттинген) и МСНК. Финансирование бюллетеня с самого начала шло за счет средств МИДа Германии.

Название печатного органа оформилось не сразу. Вначале он назывался «Научно-информационный бюллетень». В 2001 г. на обложке появляется собственное название бюллетеня «Российские немцы».

На первом этапе существования НИБ стал одним из организаторов МАИИКРН. К началу работы второй Анапской конференции уже вышли два номера НИБа (№ 1, январь – март; № 2, апрель – июнь). На его страницах, как уже отмечалось, были опубликованы резолюция Анапской конференции 1994 г., объявление о будущей конференции в сентябре 1995 г., проект Устава МАИИКРН.

Первый номер вышел без указания на авторство материалов, имени редактора или составителей. Это был коллективный труд Координационного совета. Он носил скорее рекламный характер, но в нем уже были заложены будущие рубрики НИБа: предстоящие и прошедшие конференции, библиография. С № 2 1995 г. НИБ выходил под редакцией канд. ист. наук И.Р. Плеве (Саратов) и д-ра Т.Н. Черновой (Москва). Т.Н. Чернова сначала фигурировала как ответственный составитель, с № 3 (2000) обозначена как главный редактор. Под ее руководством вышло 33 номера (всего издано 80 номеров).

За время существования издания сменилось три редактора: Чернова Тамара Николаевна (№ 2, 1995 – № 2, 2003), Силантьева Ольга Юрьевна (№ 3, 2003 – № 4, 2004), Черказьянова Ирина Васильевна (№ 1–2, 2005 – № 3–4, 2014).

МАИИКРН В XXI ВЕКЕ

В начале 2000-х годов в деятельности ассоциации стали проявляться некоторые кризисные явления. Они носили, прежде всего, организационный и материальный характер. Возникли проблемы с перерегистрацией ассоциации. Не удалось создать в Москве свой самостоятельный орган, который мог бы решать вопросы материально-финансового обеспечения ассоциации, проведения ее мероприятий. Не нашлось менеджеров, которые могли бы квалифицированно заниматься вопросами жизнедеятельности ассоциации. Во многом это было связано и с тем, что, к сожалению, ассоциация не нашла поддержки в научном сообществе Москвы, в частности, академических институтов, вузов. Столичных членов в ассоциации до сих пор – считанные единицы. В это время ассоциацию спасала поддержка МСНК, хотя формально ассоциация была независима от него. К тому времени некоторые члены ассоциации считали, что они уже «переросли» в карьерном и научном плане свою роль в этой организации, стали терять к ней интерес.

В ноябре 2002 г. на очередном отчетно-выборном собрании ассоциации произошла серьезное обновление состава правления, в т. ч. и избрание нового председателя. Ассоциацию возглавил д-р ист. наук, проф. А.А. Герман. А через год, 20 ноября 2003 г. состоявшееся в Москве общее собрание членов ассоциации приняло решение «О вхождении Международной ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев в состав членов Ассоциации общественных объединений „Международный союз немецкой культуры“». В резолюции, в частности, говорилось: «Собравшиеся считают необходимым продолжать и углублять совместную работу, направленную на воссоздание историко-культурного наследия российских немцев. При этом участники заседания подчеркивают важность для проводимой МАИИКРН работы организационной, информационной и издательской деятельности, осуществляемой Международным союзом немецкой культуры <…>»

Для обеспечения более эффективного сотрудничества собрание постановило войти в состав членов АОО «Международный союз немецкой культуры»[28]. Тем самым МАИИКРН входила в МСНК на правах ассоциированного члена.

В резолюции заметны отголоски острой политической борьбы, которая шла в то время между различными организациями российских немцев: «Собрание подчеркивает, что МАИИКРН является общественной организацией, строящейся на неполитической основе, объединяющей ученых не только из России, но и из других стран мира и преследующей цели воссоздания историко-культурной самобытности российских немцев. Исходя из своих уставных целей, МАИИКРН не участвует в политической деятельности. Основываясь на историческом опыте, Ассоциация считает, что на сегодняшний день национально-культурное развитие является актуальнейшей задачей для немецкого меньшинства в России, а национально-культурная деятельность является стратегической целью немецких общественных организаций»[29].

Приняв решение о вступлении в МСНК, общее собрание членов ассоциации особо подчеркивало неполитический характер союза культуры, совпадение общих целей ассоциации и МСНК. Тем не менее, МАИИКРН принимает рекомендации своему партнеру: «Собравшиеся историки настоятельно рекомендуют МСНК не втягиваться в политические баталии, не участвовать в политических блоках и советах и продолжить концентрировать свою работу в качестве профессиональной специализированной организации (*Fachorganisation der Russlanddeutschen*) на реализации конкретных и очень нужных российским немцам проектах в таких сферах как поддержка центров встреч, изучение немецкого языка и сохранение культурной самобытности, работа с детьми и молодежью, информационная и методическая деятельность, работа по восстановлению исторического наследия российских немцев»[30]. На таких общих принципах осуществлялось и до сих пор организовано сотрудничество между МАИИКРН и МСНК.

Поскольку к 2003 г. были достигнуты существенные успехи в изучении собственно истории российских немцев, на первый план вышла проблема взаимоотношений не-

[26] См.: Немцы России и СССР: 1901–1941 гг. – М., 2000; Немцы СССР в годы Великой Отечественной войны и в первое послевоенное десятилетие. 1941–1955 гг. – М., 2001; Немцы России: социально-экономическое и духовное развитие. 1871–1941 гг. – М., 2002; Немцы СССР в постсталинском СССР, в странах СНГ и Балтии (1956–2000 гг.). – М., 2003.

[27] Подробнее см.: *Черказьянова И.В.* 20-летие научно-информационного бюллетеня «Российские немцы» // Российские немцы: 50 лет послевоенному общественному движению. От первых делегаций в правительство через «Возрождение» к современной системе Самоорганизации (1964–2014 гг.). – М., 2015. – С. 406–411.

[28] Резолюция ежегодного собрания Международной ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев (МАИИКРН) «О вхождении в состав членов Ассоциации общественных объединений „Международный союз немецкой культуры“» (принята 20 ноября 2003 г.). Копия // Личный архив А.А. Германа.

[29] Там же.

[30] Там же.

мецкого этноса с инонациональным окружением, с государством и обществом по ключевым проблемам жизнедеятельности. В этом разрезе был спланирован и проведен целый ряд конференций в 2003–2006 гг.[31]

Все эти годы МСНК постоянно расширял и разнообразил свою национально-культурную деятельность. Задачи, которые он решал, становились все масштабнее. МСНК поддержал идею национально-культурной самоорганизации российских немцев, зародившуюся в те годы как протест «низов» против постоянной и изнуряющей политической борьбы различных политических групп в «верхах» немецкого национального движения. В этих условиях требовалось обобщение исторического опыта самоорганизации немцев, научное осмысление и выработка конкретных рекомендации по организации современного самоуправления российских немцев. Ассоциация ученых взяла на себя эту задачу и смогла успешно ее выполнить. Результаты были рассмотрены на первой научно-практической конференции МАИИКРН, прошедшей в Москве 29–30 октября 2007 г.[32]

Успех этой конференции заложил традицию регулярного проведения научно-практических конференций. Решено было чередовать теоретические и практические конференции, проводя их через год. Это решение в полной мере выполнить не удалось, тем не менее, в дальнейшем научные конференции проходили в 2008, 2010, 2013 и 2015 гг.[33], а научно-практические конференции – в 2009, 2011, 2012, 2015 гг.[34]

В 2008 г., опираясь на предшествующие результаты, участники конференции пытались выявить суть исторического феномена российских немцев, заключающегося в повышенной мобильности, в способностях к быстрой адаптации к новым незнакомым условиям, достижения даже в сложной природно-климатической среде достаточно высоких хозяйственных результатов. К сожалению, в XX в. эти перемещения в большинстве своем совершались немцами не по своей воле. Социальные эксперименты советской власти, особенно коллективизация, нанесли сокрушительный удар по ментальности немецкого населения. На конференции присутствовали ученые – историки университета штата Колорадо (США), которые познакомили ее участников с жизнью и судьбой многочисленных немцев – эмигрантов из различных регионов России, проживающих ныне в США и Канаде, в т. ч. и в штате Колорадо.

Научно-практическая конференция 2009 г. обсудила современные проблемы и перспективы развития немцев в России. По сути дела, на ней получили продолжение, развитие и конкретизацию идеи самоорганизации немецкого меньшинства в России.

Все последующие конференции были так или иначе связаны с двумя важнейшими событиями в истории российских немцев. В связи с приближавшимся 70-летием начала Великой Отечественной войны и депортации немецкого населения СССР, в 2010 и 2011 гг. обсуждались различные аспекты жизни немцев России в условиях войны и связанного с ней массового принудительного переселения немцев из Европейской части СССР.

[31] См.: Ключевые проблемы истории российских немцев. – М., 2004; Российские немцы в инонациональном окружении: проблемы адаптации, взаимовлияния, толерантности. – М., 2005; Российское государство, общество и этнические немцы: основные этапы и характер взаимоотношений (XVIII–XXI вв.). – М., 2007.

[32] См.: Немцы России: исторический опыт и современные проблемы самоорганизации. – М., 2008.

[33] См.: Этнические немцы России: исторический феномен «народа в пути». – М., 2009; Гражданская идентичность и внутренний мир российских немцев в годы Великой Отечественной войны и в исторической памяти потомков. – М., 2011; Два с половиной века с Россией: актуальные проблемы и дискуссионные вопросы истории и историографии. – М., 2014. 15-я Международная научная конференция «Образование, жизнь и судьба немецких поселений в России» состоялась 5–9 августа 2015 г. в г. Марксе Саратовской области и была посвящена 250-летию этого города, а также 20-летию МАИИКРН. Ее материалы пока не опубликованы.

[34] См.: Немцы новой России: проблемы и перспективы развития. – М., 2010; Начальный период Великой Отечественной войны и депортация российских немцев: взгляды и оценки через 70 лет. – М., 2011; Российские немцы: 50 лет послевоенному общественному движению. От первых делегаций в правительство через «Возрождение» к современной системе Самоорганизации (1964–2014 гг.). – М., 2015.

Научные конференции 2012, 2013 и 2015 гг. были посвящены другому важному событию: 250-летию манифестов Екатерины II 1762 г. и 1763 г. и началу массового переселения немцев в Россию. Научные заседания проводились в рамках общих праздничных мероприятий, посвященных юбилею, однако на них была проделана серьезная работа по выработке современных взглядов на происходившие процессы переселения, образования немецких колоний в различных частях Российской империи, адаптации немцев к новым условиям жизни. Кроме того, на конференции в Кисловодске в центре внимания исследователей оказались наиболее сложные и дискуссионные вопросы истории и историографии. Основным содержанием конференции в Марксе стало обращение к истории и судьбе немецких поселений в России. Привлекая внимание к этой проблеме, участники конференции отмечали необходимость мер по сохранению остатков немецкой сельской материальной культуры, поскольку угроза ее полного исчезновения вполне реальна.

Кроме «центральных» конференций, под эгидой ассоциации и с участием ее членов за 20 лет проведено немало различных конференций в регионах, а также в странах, чьи граждане являются членами ассоциации. Конференции проходили в Омске, Санкт-Петербурге, Саратове, Волгограде, Новосибирске, Томске, Красноярске, Днепропетровске, Одессе, Луцке, Гёттингене, Аугсбурге и других городах. В качестве примера можно привести конференцию в Санкт-Петербурге, прошедшую в конце сентября 2015 г. и посвященную 250-летию образования первых немецких колоний под Санкт-Петербургом[35].

В целом устойчивая система ежегодных научных конференций, организуемых и проводимых ассоциацией, является важной основой, позволяющей регулировать научные интересы ученых и получать необходимые результаты. В первую очередь благодаря конференциям и издаваемым сборникам их материалов, удалось добиться значимых результатов в научных исследованиях по истории, этнографии, языку[36] и культуре российских немцев. В настоящее время можно сказать, что существует обширная историография российских немцев, охватывающая практически все аспекты существования и развития немецкого меньшинства в России. Конечно, вклад в историографию российских немцев вносят и другие исследователи, не связанные с ассоциацией, но все же, нельзя не видеть, что львиная доля результатов достигнута благодаря усилиям и содружеству членов МАИИКРН.

С самого своего основания ассоциации выходил ежеквартальный научно-информационный бюллетень «Российские немцы», он регулярно публиковал информацию о важнейших достижениях в научных исследованиях, о проведении научных мероприятий и их итогах, о результатах экспедиций и выставочной работе музеев, выходили текущая и тематическая библиография, рецензии на новые книги.

Однако уже в начале 2000-х годов стали появляться первые признаки кризисных явлений в издании НИБа, связанные с изменяющейся ситуацией в области исследований российских немцев, что отразилось и в целом на положении МАИИКРН. В то время как число работ и диссертаций о российских немцах продолжало расти, укреплялась работа имевшихся исследовательских центров, редакция начала испытывать определенный информационный голод. Это были сигналы того, что бюллетень, с одной стороны, в качестве координатора исследований начинает давать сбой, а с другой, это было свидетельством того, что научно-организационная сторона изучения истории российских немцах претерпевает существенные изменения в сторону, если можно так сказать, индивидуализации исследований. Ученые, накопив значительный фактиче-

[35] См.: Программа Международной научной конференции «Немецкие колонии под Санкт-Петербургом: исторический и культурный ландшафт: к 250-летию основания», [Санкт-Петербург], 28–30 сентября 2015 г. – [СПб., 2015]. – 24 с. Конференция организована в сотрудничестве с Фондом поддержки и развития русско-немецких отношений «Русско-немецкий центр встреч» (Санкт-Петербург) и МАИИКРН.

[36] В последние годы сформировалось «содружество» ученых и преподавателей-языковедов в рамках МСНК, оно проводит собственные мероприятия, в т.ч. и конференции, например в Красноярске.

ский материал, опробовав свои результаты на многих предыдущих конференциях, перешли к более глубокому осмыслению фактов, подготовке диссертаций и монографий.

С 2005 г. вся работа по сбору материала, подготовке бюллетеня к изданию лежала на И.В. Черказьяновой. За эти годы НИБ заметно вырос как в содержательном отношении, так и в редакционно-художественном отношении. Недостаток информации редколлегия попыталась восполнить открытием новых рубрик – «Альбом впечатлений» (о поездках в немецкие колонии, которые не попадали в рубрику об экспедициях), «Первые исследователи истории и культуры российских немцев», «Историческое краеведение». С 2003 г. более активно стали использовать фотографию как самостоятельный источник информации. Постоянной оставалась рубрика «Обзор архивных фондов», но по мере углубления исследований и расширения исследовательского поля интерес к обзору документов падал. Значительное место заняли аналитические публикации, поэтому средний объем авторских материалов увеличился. В последние годы НИБ стал более активно играть роль архива деятельности МАИИКРН, публикуя на страницах важные документы ассоциации.

Тем не менее, необходимо констатировать, что в последние годы НИБ перерос собственный формат, требовались радикальные изменения. Поэтому общим собранием ассоциации в феврале 2015 г. было решено завершить издание научно-информационного бюллетеня «Российские немцы», заменив его новым проектом – изданием научного журнала «Ежегодник МАИИКРН».

20-летие существования бюллетеня позволяют дать ему высокую оценку: это уникальное издание, которое практически не знает себе аналогов, т. к. оно всецело было посвящено изучению одного из этносов России, а работа велась интернациональным коллективом, охватывающим Россию, страны СНГ и дальнее зарубежье. Бюллетень является яркой демонстрацией самоорганизации ученых в современных условиях – на протяжении всего времени редколлегия и авторы работали на общественных началах, издание было безгонорарным.

Важной составной частью работы МАИИКРН стала организация и проведение научных экспедиций по бывшим немецким селам, которые проводились в 1996–1998 и 2012–2015 гг. Экспедиционные исследования проходили в Поволжье, Сибири, Украине и других местах. Они позволили собрать большой научно значимый практический материал.

Проект полевых работ 1990-х годов преследовал цель собрать материалы для экспозиций местных краеведческих музеев, исследовать состояние бывших немецких сел, взять устные интервью у тогда еще довольно многочисленных немцев в регионах. Большинство из них уже готовились к отъезду в Германию. Второй проект, разработанный в последние годы, имел целью составить реестр остатков материальной культуры немцев Поволжья и других мест бывшего компактного проживания немцев. Сравнение результатов экспедиций приводит к удручающим выводам. За 18–20 лет, пролетевших между экспедициями, сохранившимся памятникам немецкой культуры в регионах нанесен непоправимый урон. Большинство храмов, сохранявших в 1990-е годы еще более или менее приличный вид, превратились в руины, многие уникальные здания (например, здание фабрики «Фортшрит» в Крацке) полностью исчезли (разобраны на стройматериалы).

Благодаря результатам последних экспедиций 2012–2015 гг. создается «Реестр немецких поселений России», который содержит подробную информацию, в т. ч. и фотоматериал о состоянии материальной культуры.

В течение 20 лет члены ассоциации и сами выросли в научном плане. За это время ими было защищено около 60 кандидатских и свыше 20 докторских диссертаций, кроме того, под руководством членов ассоциации их учениками выполнены десятки диссертационных исследований. В нынешнем составе ассоциации 33 доктора и 75 кандидатов наук. Вышли в свет сотни монографий, сборников статей и документов. Опубликованы важные справочные издания: библиографии изданий по истории российских

немцев[37], «Летопись диссертаций по истории российских немцев»[38], справочник о членах МАИИКРН[39]. В Саратове, Новосибирске, Омске, Томске, Днепропетровске созданы научные школы по истории и культуре российских немцев, выпустившие десятки специалистов. Только в Саратове за 16 лет существования научного центра было защищено 4 докторских и 23 кандидатских диссертаций.

Благодаря накоплению и осмыслению большого фактического материала в 2005 г. стало возможным подготовить учебный комплект «История немцев России», включающий в себя три книги: учебное пособие, хрестоматию, сборник методических материалов[40]. Набор неоднократно переиздавался. Сейчас он прочно обосновался на полках библиотек в немецких культурных центрах и является основой, позволяющей изучать историю российских немцев в массовом порядке. Вышла в свет последняя книга трехтомного издания (т. н. «черных книг»), посвященного депортации, трудармии, спецпоселению. В них научные исследования совмещены с многочисленными воспоминаниями простых немцев, что придает книгам особую ценность для массового пользователя[41].

Наряду с изданием исторической литературы, МАИИКРН регулярно проводит обучающие историко-краеведческие семинары с сотрудниками центров встреч, ответственными за историко-краеведческую работу. Это позволяет, во-первых, активизировать такую работу на местах, а во-вторых, придать ей профессиональный характер.

В 2006 г. на электронном портале www.rusdeutsch.ru создан сайт МАИИКРН. Там же существует электронная библиотека, в которой размещена большая часть книг по истории и культуре российских немцев, выложена развернутая и хорошо иллюстрированная электронная версия истории немцев России, имеется виртуальный музей[42].

За прошедшие годы ряды ассоциации выросли, сегодня насчитывают 133 ученых из 10 стран мира[43] (см. табл. 1).

Таблица 1. Гражданство членов МАИИКРН

Страны	Количество членов	Количество членов правления	Страны	Количество членов	Количество членов правления
Россия	81	9	Латвия	2	-
Германия	17	1	Беларусь	1	-
Украина	16	2	Кыргызстан	1	-
Казахстан	9	1	Узбекистан	1	-
Азербайджан	4	-	Япония	1	-
			Всего	**133**	**13**

[37] *Чернова Т.Н.* Российские немцы: отечественная библиография 1991–2000 гг. – М., 2001; *Петрова Т.Л.* Библиография работ по истории немцев, изданных в Украине за годы независимости (1991–2012). – Днепропетровск, 2015.

[38] *Черказьянова И.В.* Летопись диссертаций по истории и культуре российских немцев (1960-е – 2009 гг.). – СПб., 2009.

[39] Международная ассоциация исследователей истории и культуры российских немцев. 1995–2010 / Науч. ред. И.В. Черказьянова; сост. И.В. Черказьянова, Т.Б. Смирнова. – М., 2010.

[40] *Герман А.А., Иларионова Т.С., Плеве И.Р.* 1) История немцев России: Учеб. пособие. – М., 2005; 2) История немцев России: Хрестоматия. – М., 2005; 3) История немцев России: Метод. материалы. – М., 2005.

[41] Издание включает книги: «Выселить с треском»: Очевидцы и исследователи о трагедии российских немцев: Сб. науч. ст. и воспоминаний. – М., 2011; «…В рабочие колонны на все время войны»: Очевидцы и исследователи о немцах в трудовой армии: Сб. науч. ст. и воспоминаний. – М., 2012; «Навечно, без права возврата»: Очевидцы и исследователи о немецком спецпоселении в СССР: Сб. науч. ст. и воспоминаний. – М., 2015.

[42] URL://http://www.rusdeutsch.ru/?proekt=yes (дата обращения: 19.10.2015)

[43] См.: URL://http://www.rusdeutsch.ru/?menu00=1&menu=13&menu0=34&level3=&z=1 (дата обращения: 19.10.2015)

Тот факт, что из общего числа членов ассоциации 52 (39 %) являются гражданами зарубежных государств, говорит о большой заинтересованности исследователей в совместной работе и о высоком авторитете ассоциации, которая обеспечивает условия для плодотворной совместной работы. За все 20 лет существования ассоциации национальность, гражданство ученых никогда не учитывались и не играли никакой роли в ее работе. Главным критериями всегда был научный интерес, научная добросовестность и ответственность за свою работу.

В настоящее время МАИИКРН реализует следующие важные проекты:

- «Новая электронная иллюстрированная энциклопедия российских немцев» уже размещена на сайте, имеет свободный доступ, работа над ней активно продолжается;
- «Реестр немецких поселений России» продолжит пополняться данными (планируется проведение ряда экспедиций в Поволжье, Сибири, Крыму, на Северном Кавказе и др.).

С 2015 г. началась разработка двух новых проектов.

1) «Объединенный электронный банк данных „Репрессивная политика против российских немцев в XX веке“»[44]. Проект предполагает создание единого современного справочно-информационного ресурса о немцах России, ставших в разное время в течение XX в. жертвами политических репрессий. Такая информация будет представлять особый интерес для российских немцев и членов их семей, проживающих в России, в других странах постсоветского пространства, в Германии. Она будет представлять также интерес и для исследователей (историков, социологов, этнологов, политологов), а также широкого круга общественности.

Первоначально предполагается разместить информацию о российских немцах-трудармейцах Тагилллага (6511 чел.), Богословлага (20 711), Усольлага (3500), ИТЛ Челябметаллургстроя (36 000) общим объемом более 66 000 персоналий. В дальнейшем Объединенный банк данных (ОБД) будет пополняться сведениями по другим местам заключения.

На первом этапе банк данных будет иметь следующую структуру:

- вступительная статья с кратким анализом репрессивной политики против российских немцев;
- историография истории политических репрессий (историографический анализ научной литературы);
- электронные варианты печатных научных изданий и книг памяти по отдельным трудовым лагерям;
- «Всех поименно назвать» (база данных имен с поисковой системой);
- фотогалерея (база данных фотоматериалов с поисковой системой);
- картография (карты лагерей и спецпоселений);
- памятники и мемориальные знаки;
- источники (воспоминания, документы архивов);
- библиография.

В дальнейшем структуру ОБД предполагается расширять за счет новых материалов, возможного создания новых разделов. Подготовленные материалы будут размещены на портале www.rusdeutsch.ru.

После реализации проекта ныне разрозненные базы данных с ограниченным объемом сведений будут объединены в ОБД с системой управления информацией и выдачи ее в единой полной форме по запросам заинтересованных лиц и в первую очередь российским немцам вне зависимости от того, где они проживают в настоящий момент.

[44] Вся информация о проекте почерпнута из его обоснования, подготовленного доктором исторических наук, профессором В.М. Кирилловым.

Выполнение данной работы позволит расширить и укрепить прочную основу информационно-культурного пространства российских немцев, базирующуюся на исторической памяти о поколениях XX столетия.

2) Издание «Ежегодника Международной ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев» – периодического научного издания МАИИКРН. В какой-то мере журнал заменит научно-информационный бюллетень «Российские немцы», выходивший до конца 2014 г.

Учредителем ежегодника является Институт этнокультурного образования (BiZ) (Москва). В состав редколлегии вошли 13 человек, ведущие ученые в области изучения проблем российских немцев, это представители России, Украины, Казахстана, Германии. Журнал представляет собой научное, иллюстрированное, периодическое издание на русском языке. Его целью является углубленное научное изучение проблем истории, культуры и языка российских немцев. Журнал ориентирован на специалистов, а также на широкий круг людей, интересующихся вопросами прошлого и настоящего российских немцев.

Тематика Ежегодника охватывает такие области знания, как «История, исторические науки», «Регионоведение, краеведение», «Социология», «Культурология», «Язык российских немцев». Предлагаются темы для исследований: российские немцы в истории России и международных отношений России; история, этнография и современное положение немецкого населения, проживавшего / проживающего на территории Российской империи, СССР, России, стран СНГ, ближнего и дальнего зарубежья; колонисты и городские немцы; роль российских немцев в области науки, образования, культуры и искусства; фольклор и диалекты, современный язык российских немцев; новые источники по истории и культуре немцев.

Планируется публиковать статьи и сообщения; материалы конференций, «круглых столов», дискуссий; информацию о научных мероприятиях (конференции, семинары, защиты диссертаций, экспедиции и т. п.); отчеты об исследованиях, экспедициях; библиографические (тематические и текущие) обзоры, рецензии на новые книги; комментированное издание источников (архивные и музейные материалы, мемуары, фотографии, документы); переводные (с немецкого и английского языков) статьи ведущих зарубежных ученых; календарь важнейших событий в истории и культуре российских немцев; материалы о юбилеях учреждений, отдельных ученых, деятелей немецкого движения.

Таким образом, за 20 лет своего существования Международная ассоциация исследователей истории и культуры российских немцев внесла существенный вклад в области теоретических исследований и практических дел, которые обеспечивают каждому российскому немцу возможность доступа к информации о своей истории и культурном наследии. Как видим, девиз членов ассоциации, появившийся в 2011 г., «Мы возвращаем российским немцам их историческое и культурное наследие» – не формальная фраза, а повседневный, нелегкий труд многих десятков ученых разных национальностей и государств, дающий реальные плоды.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ауман В., Чернышев В.* Советские немцы перед войной и сегодня // Правда. – 1988. – 5 нояб.
2. *Вебер Р.* Чего ждут «приволжские немцы»? // Дружба народов. – 1988. – № 11. – С. 238–244.
3. *Вормсбехер Г.* Немцы в СССР // Знамя. – 1988. – № 11. – С. 193–203.
4. «…В рабочие колонны на все время войны»: Очевидцы и исследователи о немцах в трудовой армии: Сб. науч. ст. и воспоминаний / Под ред. А.А. Германа, О.Ю. Силантьевой. – М.: МСНК-пресс, 2012. – 352 с.

5. «Выселить с треском»: Очевидцы и исследователи о трагедии российских немцев: Сб. науч. ст. и воспоминаний / Под ред. А.А. Германа, О.Ю. Силантьевой. – М.: МСНК-пресс, 2001 – 352 с.
6. *Герман А.А., Иларионова Т.С., Плеве И.Р.* История немцев России: Учебное пособие; Хрестоматия, Методические материалы. – М., 2005.
7. Гражданская идентичность и внутренний мир российских немцев в годы Великой Отечественной войны и в исторической памяти потомков: Материалы 13-й междунар. науч. конф., Москва, 21–23 окт. 2010 г. / Науч. ред. д-р ист. наук, проф. А.А. Герман. – М.: МСНК-пресс, 2011. – 576 с.
8. Два с половиной века с Россией: актуальные проблемы и дискуссионные вопросы истории и историографии: Материалы 14-й междунар. науч. конф., Кисловодск, 25–29 сент. 2013 г. / Науч. ред. д-р ист. наук, проф. А.А. Герман. – М.: МСНК-пресс, 2014. – 592 с.
9. Два с половиной века с Россией (к 250-летию начала массового переселения немцев в Россию): Материалы 4-й междунар. науч.-практ. конф., Москва, 24–27 авг. 2012 г. / Науч. ред. д-р ист. наук, проф. А.А. Герман. – М.: МСНК-пресс, 2013. – 720 с.
10. 20-летие первой Анапской конференции // Рос. немцы: Науч.-инф. бюл. – М., 2014.– № 3-4. – С. 2–3.
11. Ключевые проблемы истории российских немцев: Материалы 10-й междунар. науч. конф., Москва, 18–21 нояб. 2003 г. / Науч. ред. д-р ист. наук, проф. А.А. Герман. – М.: МСНК-пресс, 2004. – 544 с.
12. *Лапин А., Франк А.* Русские немцы // Комсомольская правда. – 1988. – 28 дек.
13. Международная ассоциация исследователей истории и культуры российских немцев. 1995–2010: Справ. / Науч. ред. И.В. Черказьянова, сост. И.В. Черказьянова, Т.Б. Смирнова. – М.: МСНК-пресс, 2010. – 220 с.
14. Миграционные процессы среди российских немцев: исторический аспект: Материалы междунар. науч. конф., Анапа, 26–30 сент. 1997 г. / Ред. А. Герман, И. Плеве. – М.: Готика, 1998. – 444 с.
15. «Навечно, без права возврата»: Очевидцы и исследователи о немецком спецпоселении в СССР: Сб. науч. ст. и воспоминаний / Под ред. А.А. Германа, О.Ю. Силантьевой. – М.: МСНК-пресс, 2015 – 352 с.
16. Начальный период Великой Отечественной войны и депортация российских немцев: взгляды и оценки через 70 лет: Материалы 3-й междунар. науч.-практ. конф., Саратов, 26–28 авг. 2011 г. / Науч. ред. д-р ист. наук, проф. А.А. Герман. – М.: МСНК-пресс, 2011. – 920 с.
17. Немецкий российский этнос. Вехи истории: Материалы междунар. науч. конф., Москва, 24–25 июня 1993 г. – М., 1994. – 136 с.
18. Немцы новой России: проблемы и перспективы развития: Материалы 2-й междунар. науч.-практ. конф., Москва, 7–9 дек. 2009 г. / Науч. ред. д-р ист. наук, проф. А.А. Герман. – М.: МСНК-пресс, 2010. – 172 с.
19. Немцы России в контексте отечественной истории: общие проблемы и региональные особенности: Материалы междунар. науч. конф., Москва, 17–20 сент. 1998 г. / Науч. ред. А. Герман, И. Плеве. – М.: Готика, 1999. – 488 с.
20. Немцы России и СССР: 1901–1941 гг.: Материалы междунар. науч. конф., Москва, 17–19 сент. 1999 г. / Науч. ред. А. Герман. – М.: Готика, 2000. – 432 с.
21. Немцы России: исторический опыт и современные проблемы самоорганизации: Материалы междунар. науч.-практ. конф. Москва, 29–30 окт. 2007 г. / Науч. ред. д-р ист. наук, проф. А.А. Германа. – М.: МСНК-пресс, 2008. – 120 с.
22. Немцы России: социально-экономическое и духовное развитие 1871–1941 гг.: Материалы 8-й междунар. науч. конф. Москва, 13–16 окт. 2001 г. / Науч. ред. А.А. Герман. – М., 2002. – 552 с.

23. Немцы СССР в годы Великой Отечественной войны и в первое послевоенное десятилетие. 1941–1955 гг.: Материалы 7-й междунар. науч. конф., Москва, 19–22 окт. 2000 г. / Науч. ред. А.А. Герман. – М.: Готика, 2001. – 568 с.
24. Немцы СССР в постсталинском СССР, в странах СНГ и Балтии (1956–2000 гг.): Материалы 9-й междунар. науч. конф. Москва, 4–7 нояб. 2002 г. / Науч. ред. д-р ист. наук, проф. А.А. Герман. – М.: МСНК, 2003. – 440 с.
25. О внесении изменений в Указ Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 года «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья»: Указ Президиума Верховного Совета СССР от 29 августа 1964 г. // Вед. ВС СССР. – 1964. – № 52. – С. 592.
26. О снятии ограничения в выборе места жительства, предусмотренного в прошлом для отдельных категорий граждан: Указ Президиума Верховного Совета СССР от 3 ноября 1972 г. // История рос. немцев в документах / Сост. В.А. Ауман,В.Г. Чеботарева. – М., 1993. – С. 179.
27. *Петрова Т.Л.* Библиография работ по истории немцев, изданных в Украине за годы независимости (1991–2012). – Днепропетровск: Акцент ПП, 2015. – 272 с.
28. 15-летие Международной ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев в цифрах и фактах // Рос. немцы: Науч.-инф. бюл. – М., 2010. – № 3-4. – С. 3–14.
29. Российские немцы в инонациональном окружении: проблемы адаптации, взаимовлияния, толерантности: Материалы междунар. науч. конф., Саратов, 14–19 сент. 2004 г. / Под ред. А.А. Германа. – М.: МСНК-пресс, 2005. – 358 с.
30. Российские немцы на Дону, Кавказе и Волге: Материалы рос.-герм. конф., Анапа, 22–26 сент. 1994 г. / Отв. ред. канд. ист. наук Е. Шервуд. – М., 1995 – 360 с.
31. Российские немцы. Проблемы истории, языка и современного положения: Материалы междунар. науч. конф., Анапа, 20–25 сент. 1995 г. / Ред. И.Р. Плеве. – М.: Готика, 1996. – 512 с.
32. Российские немцы. Историография и источниковедение: Материалы междунар. науч. конф., Анапа, 4–9 сент. 1996 г. / Ред. И.Р. Плеве, А.А. Герман. – М.: Готика, 1997. – 372 с.
33. Российские немцы: 50 лет послевоенному общественному движению. От первых делегаций в правительство через «Возрождение» к современной системе Самоорганизации (1964–2014 гг.): Материалы междунар. науч.-практ. конф., Москва, 11–16 фев. 2015 г. / Сост., науч. ред., автор предисл. д-р ист. наук, проф. А.А. Герман. – М.: МСНК-пресс, 2015. – 480 с.
34. Российское государство, общество и этнические немцы: основные этапы и характер взаимоотношений (XVIII–XXI вв.): Материалы 11-й междунар. науч. конф., Москва, 1–3 нояб. 2006 г. / Науч. ред. д-р ист. наук, проф. А.А. Герман. – М.: МСНК-пресс, 2007. – 480 с.
35. *Черказьянова И.В.* 20-летие научно-информационного бюллетеня «Российские немцы» (1995–2014) // Рос. немцы: 50 лет послевоен. обществ. движению. От первых делегаций в правительство через «Возрождение» к соврем. системе Самоорганизации (1964–2014 гг.): Материалы междунар. науч.-практ. конф., Москва, 11–16 фев. 2015 г. – М.: МСНК-пресс, 2015. – С. 406–411.
36. *Черказьянова И.В.* Летопись диссертаций по истории и культуре российских немцев (1960-е – 2009 гг.). – СПб: Нестор, 2009. – 286 с.
37. *Чернова Т.Н.* Российские немцы: отечественная библиография 1991–2000 гг.: Указ. новейшей литературы по истории и культуре немцев России. – М.: Готика, 2001. – 272 с.
38. *Чернышев В.В.* Уроки по истории советских немцев // Neues Leben. – 1988. – № 38. – 14 сент.

39. Этнические немцы России: исторический феномен «народа в пути»: Материалы 12-й междунар. науч. конф., Москва, 18–20 сент. 2008 г. / Науч. ред. д-р ист. наук, проф. А.А. Герман. – М.: МСНК-пресс, 2009. – 632 с.
40. Bis zum letzten Atemzug. In 3 Bd. – Alma-Ata, 1968–1974.
41. *Kronewald J.* Wir hatten etwas zu verteidigen // Heimatliche Weiten. – 1985. – № 1. – S. 105–107.
42. *Kronewald J.* Im Kampf um die Sowjetmacht // Heimatliche Weiten. – 1987. – № 2. – S. 229–252.
43. *Malinowski L.* Ein Rätsel der wolgadeutschen Geschichte // Heimatliche Weiten. – 1987. – № 2. – S. 229–252.
44. URL://http://www.rusdeutsch.ru/?menu00=1&menu=13&menu0=34&level3=&z=1 (дата обращения: 19.10.2015)

Die Internationale Assoziation zur Erforschung der Geschichte und Kultur der Russlanddeutschen: 20 Jahre Tätigkeit

A.A. German, I.V. Čerkaz'anova

Die Autoren recherchieren die 20-jährige Entwicklung und die Aktivitäten der Internationalen Assoziation zur Erforschung der Geschichte und Kultur der Russlanddeutschen (1995–2015). Sie untersuchen die Voraussetzungen für die Gründung der Assoziation, beschreiben die wichtigsten Perioden ihrer Entwicklung und verweisen auf die Ergebnisse aus gemeinsamen Aktivitäten der Mitglieder – Wissenschaftler aus verschiedenen Ländern. Besonderes Augenmerk wird auf die aktuellen Ergebnisse der Assoziation und die Aussichten für die weitere Entwicklung gelegt.

Schlüsselwörter: Russlanddeutsche (Sowjetdeutsche), Internationale Assoziation zur Erforschung der Geschichte und Kultur der Russlanddeutschen, Internationaler Verband der deutschen Kultur (IVDK), wissenschaftliche Konferenzen, wissenschaftliche Expeditionen, Wissenschaftliches Informationsbulletin „Die Russlanddeutschen", neue elektronische illustrierte Enzyklopädie der Russlanddeutschen, Register deutscher Siedlungen in Russland, Die allgemeine elektronische Datenbank „Repressive Politik gegen die Russlanddeutschen im 20. Jahrhundert", „Jahrbuch der Internationalen Assoziation zur Erforschung der Geschichte und Kultur der Russlanddeutschen".

International Association of Researchers of History and Culture of the Russian Germans: 20 years of work

A.A. German, I.V. Cherkazianova

The authors analyze the 20-year development way and work of the International Association of Researchers of History and Culture of the Russian Germans (1995–2015). They review the prerequisites for creating the association, give its general characteristic and define the main periods of its development, present the results achieved through the joint work of the members of the association – researchers from different countries. Particular attention is paid to the modern achievements of the association and the prospects for its further development.

Keywords: the Russian (Soviet) Germans, International Association of Researchers of History and Culture of the Russian Germans, The International Union of German culture, scientific conferences, scientific expeditions, research news-bulletin "The Russian Germans", "The New Electronic Illustrated Encyclopedia of the Russian Germans", "The Register of the German Settlements in Russia", The total electronic data bank "Repressive policy against the Russian Germans in the twentieth century", "Annual of the International Association of Researchers of History and Culture of the Russian Germans."

УДК 94(47).07(054.72)

Т.Н. Плохотнюк

Компаративный анализ процессов иммиграции в Россию во второй половине XVIII – XIX в.

Автор статьи исследует региональные особенности российской переселенческой политики и предпринимает попытку сравнить их. В статье рассматриваются условия иммиграции подданных немецких государств в Россию, сравниваются основные документы, разрешавшие въезд в Россию, и комплекс мероприятий, который был разработан и осуществлен российским правительством в Поволжье, Новороссии, на Северном и Южном Кавказе, на Волыни. Автор приходит к выводу, что для российского государства миграция была одним из эффективных инструментов обеспечения самых прагматичных потребностей и убедительно доказывает, что колонизационный проект российского государства был грандиозным, по его результатам российское государство смогло сформировать особый элемент колонизационного фонда – человеческий капитал, легко и свободно перемещающийся внутри границ.

Ключевые слова: иммиграция, колонизация, человеческий капитал, российское государство, немцы, меннониты, Поволжье, Новороссия, Северный Кавказ, Южный Кавказ, Волынь.

Одной из исторических особенностей российского государства является масштабность его территории. Размер владений, полученных государством в виде награды за мирное продвижение или некой преференции вследствие военной экспансии, дает не только преимущества в пространственном измерении. Любой потенциал территории для использования требует серьезных инвестиций. Одним из первостепенных и важных вложений в российскую территорию был «человеческий капитал», т. к. в основном все вновь присоединенные к России земли были или незаселенными, или малозаселенными.

Понятие «человеческий капитал» в экономической теории формировалось и наполнялось смыслом в результате процессов капитализации общественного производства, процессов урбанизации, которые и породили проблему нехватки населения, причем нехватку не только людей вообще, но в первую очередь людей, обладавших соответствующим профессиональным уровнем. Конечно, проблему численности населения, пусть не сиюминутно, можно было урегулировать повышением рождаемости (например, поощряя внебрачную рождаемость или стимулируя заключение браков, давая преференции по службе только женатым мужчинам; или мирясь с традицией многоженства), но так как экономика нуждалась в специалистах и средствах, что называется, сиюминутно, то в какой-то момент стало ясно, что самый быстрый способ удовлетворить эту потребность – разрешить въезд иностранцам.

Современная экономическая теория доступно и, главное, убедительно аргументируя возможности и позитивные последствия въезда иностранцев, определяет этот въезд как иммиграцию. Но в тот исторический период термином «иммиграция» никто не оперировал, он не встречался в политической, бытовой и юридической лексике, как и в практике XVIII в., да и на протяжении всего XIX в. Для страны выхода уезжавшие были „Wanderer", „Auswanderer" (в случае Германии) или «отлучающийся за границу» (в случае России), а для принимающей стороны – иностранцы.

© Т.Н. ПЛОХОТНЮК. ЕЖЕГОДНИК МАИИКРН. 2015 Г. № 1. С. 27–38.

И в российском и германском законодательстве понятие «иностранец» резюмировало правовые последствия, которые брали начало из того факта, что личность не принадлежала тому государству, в области юрисдикции которого она находилась. Человек становился в тот момент иностранцем, когда государство его принадлежности и государство его пребывания не идентичны. Понятие «иностранец» конституируется только в процессе перемещения. Поэтому термин «иностранец» без искажения смысла может быть заменен термином «иммигрант», т. к. иностранец только тогда является таковым, когда он въехал в другую страну, не имея ее гражданства[1]. Сначала Германия и чуть позже Россия сформировали солидную юридическую базу, определявшую статус иностранца на территории каждого из государств, но также без использования понятия «иммиграция». Обобщив вышесказанное, мы видим, что у нас есть основание определять въезд иностранцев – выходцев из различных германских государств в Россию как иммиграцию, которая стала возможной благодаря государственной переселенческой политике, колонизационной по своей сути.

Итак, в России процесс перемещения иностранного населения рассматривался как составная часть процесса колонизации. Он объяснялся и обозначался в терминах, производных от понятия «колонизация», – «колонизовать», «колонисты», которые происходят от латинского „colonia“, что переводится как «поселение». В словарях можно обнаружить несколько понятий, передаваемых через этот термин. Среди них, например, страна или территория, находящаяся под властью иностранного государства (метрополии), лишенная политической и экономической самостоятельности и управляемая на основе специального режима; сообщество земляков в чужом городе, в чужой стране; землячество, поселение, основанное древними народами (финикийцами, греками, римлянами) в чужих землях; поселение переселенцев из другой страны, области[2].

Такое разнообразие дефиниций одного термина вполне естественно. Оно подтверждает: как и любой другой социально-экономический феномен, колонизация, прежде чем стать объектом научного исследования, осознавалась и объяснялась обыденным языком и отражалась языком официальных документов, каждый из которых становился этапом оформления правовых понятий, уточняющих характер государственной политики. На этих первых двух уровнях происходило определенное смещение семантического значения термина, обусловленного социальной практикой. В результате мы получили два варианта, благодаря которым можно передать особенности переселенческой политики. Она может быть колониальной в отличие от колонизационной. Колониальная политика приводит к захвату государством чужой территории и ее подчинению, тогда как колонизационная политика направлена на заселение пустующей территории с целью освоения ее потенциала.

Заметим, применение термина «колонизация» в отношении процессов перемещения населения в России в XVIII–XIX вв. – редкий пример в российской практике корректного употребления понятия в соответствии с его семантической адекватностью. Начиная с последней трети XIX в. такие российские исследователи, как В.О. Ключевский, Д.И. Багалей, Г.Г. Писаревский, интерпретировали процессы переселения и государственную переселенческую политику, оперируя понятием «колонизация»[3], хотя

[1] *Dohse K.* Ausländlischer Arbeiter und bürgerlicher Staat: Genese und Funktion von staatlicher Ausländerpolitik und Ausländerrecht. Vom Kaiserreich bis zur Bundesrepublik Deutschland. – Königstein / Ts.: Hain, 1981. – S. 12–14.

[2] *Добрынин Н.М.* Универсальный энциклопедический словарь для всех и каждого. Современная версия новейшей истории государства. – Новосибирск: Наука, 2012. – С. 218.

[3] *Багалей Д.И.* Колонизация Новороссийского края и первые шаги его по пути культуры. – Киев, 1889; *Писаревский Г.Г.* Из истории иностранной колонизации в России в XVIII веке. – М., 1909. Так, В.О. Ключевский назвал колонизацию основным фактом истории России: «История России есть история страны, которая колонизуется. Область колонизации в ней расширялась вместе с государственной ее территорией. То падая, то поднимаясь, это вековое движение продолжается до наших дней» (*Ключевский В.О.* Русская история. Полный курс лекций. Т. 1. – М., 2002. – С. 48).

первые попытки научной дефиниции понятия «колонизация» имели место лишь в начале XX в. Только в первое десятилетие XX в. отечественные исследователи заимствовали определение понятия «колонизация» у западноевропейских социологов и сделали весьма значимое уточнение для дефиниции этого термина, отметив государственный характер процесса колонизации[4].

Ко второй половине XVIII в., когда правительство осознало, что безлюдность российских территорий, во-первых, создает угрозу их потери; во-вторых, стала фактором их «невключенности» в производство, на российском престоле оказалась правительница, осмыслившая эти проблемы, а главное, готовая применить имевшиеся научные разработки для урегулирования данных внутригосударственных проблем. Екатерина Великая, которая по праву вошла в историю как правительница, реализующая идеи Просвещенного абсолютизма, глубоко прониклась значимостью фактора народонаселения. Она открыто признавала: «Мы нуждаемся в населении». И ради того, чтобы население «произрастало» как можно быстрее, она была готова пожертвовать распространением православия среди иноверцев с целью сохранения многоженства как одного из средств «для умножения населения»[5]. Но в своем декларационном по характеру и целям «Наказе»[6] она очень ясно выразила свое предпочтение в методах и способах быстрого увеличения населения: «Чтобы восстановить Державу, обнаженную от жителей, напрасно будем ожидать помощи от детей, могущих впредь родиться. Надежда сия вовсе безвременна; люди, живущие в своих пустынях, не имеют ни ободрения, ниже рачения. Поля, могущие пропитать целый народ, едва дают прокормление одному семейству. <…> Только иностранные колонисты <…> работами, трудами, промыслами, ремесленными заводами и рукодельными мануфактурами *в короткое время равную же могут принести обширной* <…> *империи пользу* – распространение торговли, богатства – какую изгнанные из Франции уничтожением Нантского эдикта протестанты принесли Англии, Голландии, Дании, а особливо болотным, песчаным и неплодородным областям короля Прусского <…>»[7]. Прагматичный ум и развитые аналитические способности Екатерины Великой позволили ей не только усвоить положение экономической теории о «человеческом капитале», но и очень эффективно распорядиться таковым. Желая заставить «кишмя кишеть народ в наших пространных пустырях», она сформировала самостоятельное направление государственной политики, разработав и реализовав особый государственный проект – иммиграционный – с целью колонизации внутренних территорий.

В XVIII в. активнее всех перемещались две категории населения – обнищавшие и гонимые в силу конфессиональных противоречий. Европейские государства не могли не реагировать на эти передвижения. Таким образом, Европа приобретала переселенческий опыт. Опыт, который включал в себя и потребность в перемещении у населения, и государственную практику регламентации такого перемещения. Как отмечал Григорий Писаревский, «ни в Голландии, ни в Англии, вследствие густой населенности этих стран, эмигрантам не было отведено для поселения особых земель: все они поселились в существовавших городах и селениях и занимались преимущественно ремеслами и работой на фабриках и заводах, причем не замедлили оказать свое благотворное влияние на эти отрасли народного труда. Благодаря французским эмигрантам в этих

[4] См.: *Кауфман А.А.* Переселение и колонизация. – СПб., 1908; *Гинс Г.К.* Переселение и колонизация. – Вып. 1–2. – СПб., 1913. – Вып. 2; *Ямзин И.Л., Вощанин В.П.* Учение о колонизации и переселениях. – М.; Л., 1926; *Любавский М.К.* Обзор истории русской колонизации. – М., 1996.

[5] *Писаревский Г.Г.* Указ. соч. – С. 45.

[6] «Наказ Екатерины II» («Наказ комиссии о составлении нового Уложения»), философско-юридический трактат, изданный в 1767 г., предназначался для кодификационной работы специально созданной комиссии. – *Прим. ред.*

[7] *Писаревский Г.Г.* Указ. соч. – С. 45–46.

странах возникают новые виды обрабатывающей промышленности, главным образом совершенствуются уже существующие: французы вносят в эти последние свой тонкий художественный вкус, свойственное им чувство изящного»[8].

В этот период, пожалуй, только Пруссия осуществляла колонизационные проекты. У Писаревского есть объяснение прусской позиции в отношении колонизации: «Исходным пунктом гогенцоллернской колонизации явилось то положение, в которой очутилась северо-восточная Германия и в частности прусские области (Бранденбург, Померания, Восточная Пруссия) после Тридцатилетней войны. Население убавилось наполовину, а в некоторых областях осталась лишь незначительная часть прежнего состава»[9]. Таким образом, проблема незаселенности или малозаселенности стала причиной того, что два европейских государства того времени – Россия и Пруссия не могли ограничиться отдельными мероприятиями по переселению людей, а провели довольно масштабные миграционные проекты. Причем Россия значительно обошла Пруссию на этом поприще – масштабы российских проектов были пропорциональны территориальному приросту страны. Россия вынуждена была реализовать эти большие и затратные, с одной стороны, а с другой стороны, весьма результативные миграционные проекты.

На протяжении исторического периода со второй половины XVIII до начала XIX в. в трех регионах российское государство планировало и осуществило, но с разной степенью успешности, колонизационные проекты, основными участниками которых были иностранцы, среди которых преобладали выходцы из немецких государств – это Поволжье (1763), Северный Кавказ (1778, 1785) и Новороссия (1788, 1793, 1804). Отметим сразу, что об идентичности проектов не может быть и речи. Сходство проявилось лишь в том, что эти три региона были колонизуемыми территориями: чтобы включить ресурсный потенциал этих земель в общественное производство, их следовало, прежде всего, заселить.

В этих случаях въезд иностранцев осуществлялся на основе специально разработанных нормативных актов. Манифест 1763 г. «О дозволении всем иностранцам, в Россию въезжающим, селиться в разных губерниях по их выбору, их правах и льготах» был одним из первых в этом списке документов разрешительного характера. Этим актом российское государство заявило о своем намерении способствовать въезду иностранцев в страну с целью поселения в разных местностях, но в первую очередь на незаселенных и необустроенных землях[10]. В мае 1785 г. Екатерина II издала именной указ в адрес генерал-губернатора саратовского и кавказского П.С. Потемкина «О устройстве Кавказской губернии и области Астраханской», четвертый пункт которого гласил: «Желающим из иностранных поселившихся в Саратовском Наместничестве, для удобнейшего отправления торговли и ремесел их поселиться в городах Кавказской Губернии дать в том дозволение на основании Городового положения»[11]. Манифестом от 14 июля этого же года Екатерина приглашала иностранцев селиться в Кавказской губернии. Текст манифеста начинался с напоминания о том, что «Покровительство, которое обыкли [привыкли. – *Т. П.*] Мы давать народам в Империю Нашу для торгов и промыслов приходящим, известно всему свету»[12]. В нем содержалось обещание свободы вероисповедания, что было важно для всех категорий переселяющихся. Он даровал права и выгоды, равные с правами подданных российской империи, а также предоставлял преференцию по уплате государственной подати[13].

[8] *Писаревский Г.Г.* Указ. соч. – С. 9.
[9] Там же. – С. 9–10.
[10] Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1-е (далее – ПСЗ-1). Т. 16. № 11 880.
[11] Там же. Т. 22. № 16 194.
[12] Там же. № 16 226.
[13] Там же. С. 429.

Но содержание этих двух манифестов выявляет своеобразие правовой регламентации иммиграции в Россию со стороны российского государства: в отличие от европейских государств оно требовало от колонистов, решившихся покинуть Россию после истечения льготных лет, определенной финансовой компенсации, дифференцированной в отношении внутренних территорий. Манифест 1763 г. подтверждал, что любой из иммигрантов (в тексте документа они именуются «иностранные») имеет право на свободный выход из подданства: «<…> которые из поселившихся и вступивших в Наше подданство иностранных пожелали выехать из Империи нашей, таковым всегда свободу даем». Но далее следовало уточнение: «с таким однако ж при том изъяснении, что они повинны изо всего благонажитого в Империи Нашей отдать в казну нашу, а именно: живущие от одного года до пяти лет одну пятую часть, а от пяти и до десяти и далее десятую, и потом отъехать, кто куда пожелает, беспрепятственно»[14]. Для тех, кто въезжал на основании Манифеста 1785 г., в сходном случае выхода из подданства и выезда из России была установлена единовременная плата в размере трехлетней подати: «<…> если же и по прошествию льготных лет когда-либо пожелают выйти из Государства Нашего, в том беспрепятственную свободу иметь будут, заплатив однажды трехлетнюю подать»[15]. Несомненно, эта строгость со стороны российского государства требует интерпретации. Как правило, правители других европейских государств не вводили подобной рестрикции в отношении реэмигрантов. Россия же шла на эти меры в связи с тем, что разрешала иммиграцию в рамках масштабного государственного проекта, который финансировался государством и был весьма затратным.

Для реализации этих планов государство расходовало средства, выделяя деньги не только на переезд и обустройство на местах, но и на формирование колонизационного земельного фонда и создание специальных административно-управленческих органов. Так, в один день с изданием манифеста о разрешении всем иностранцам въезжать в Россию Екатерина II издала инструкцию правительствующему Сенату «Об учреждении Канцелярии опекунства иностранных колонистов»[16], а позже, на основании высочайше утвержденного доклада Сената от 30 апреля 1766 г., была создана Саратовская контора опекунства иностранных поселенцев[17]. Только на содержание канцелярии и квартир для иностранцев российское государство тратило 200 000 руб. в год. Кроме того, деньги получали представители института вызывателей, а по прибытии на место проживания колонисты получали денежную ссуду на обустройство: строительство дома, покупку скота, инвентаря и т. д. Хотя ссуду колонисты должны были вернуть, но все же государство шло на масштабные траты, чтобы обустроить вновь прибывших поселенцев.

Условием, влияющим на результативность проекта, было участие в нем чиновников или вельмож, заинтересованных в исполнении монаршей воли: графа Г.Г. Орлова, князя Г.А. Потемкина-Таврического, генерала А.П. Ермолова. Так, например, князь Потемкин разработал и реализовал проект освоения Новороссии. Указ, разрешавший иностранцам въезжать в так называемые Заднепровские места (т. е. на ту территорию, которая позже при Екатерине II будет расширена и получит название Новороссии), был издан 24 декабря 1751 г. при Елизавете Петровне. Его полное название «О принятии в подданство сербов, желающих поселиться в России и служить особыми полками, о назначении на границе со стороны Турецкой выгодных мест к поселению; об определении жалованья по окладу Гусарских полков конным, а пешим оклада полков пехотных, и о подчинении оных полков Военной коллегии»[18].

[14] ПСЗ-1. Т. 16. № 11 880.
[15] Там же. Т. 22. № 16 194. С. 429.
[16] Там же. Т. 16. № 11 881. С. 316.
[17] Там же. Т. 17. № 12 631. С. 669.
[18] Там же. Т. 13. № 9919.

Этот указ был издан по случаю переселения в Россию выходцев из Сербии, которых завербовал полковник И.С. Хорват при поддержке чрезвычайного российского посла при венском дворе. Елизавета под влиянием ее окружения заявила о создании Новой Сербии на южных рубежах российского государства. Но сербские поселенцы и присоединившиеся к ним молдаване и хорваты не оправдали надежд. «За 10 лет на сербов было издержано около 2,5 млн рублей казенных денег, а для продовольствия их приходилось брать все необходимое у других жителей. Сербские поселения были плохо устроены, а между сербами происходили почти ежедневные ссоры и драки, нередко пускались в ход и ножи. Сербы сразу стали в дурные отношения к своим соседям-запорожцам»[19].

В годы правления Екатерины Второй генерал-губернатором Новороссийского края был назначен князь Г.А. Потемкин (с 1774 г.), который вынашивал грандиозные планы в отношении этой территории: мечтал превратить дикие степи в плодородные нивы и выстроить города. Но осуществление своих замыслов, требующих вложения «человеческого капитала», он начал не с заселения, а, наоборот, с выселения. Сначала ушли запорожские казаки, затем с территории Крыма были выселены греки и армяне. Меры, принимаемые правительством в годы руководства краем князя Потемкина, заставляют думать о том, что оно ставило своей целью во что бы то ни стало оправдать название территории и заселить ее славянским населением – выходцами с Гетманщины, раскольниками, русскими экономическими крестьянами, однодворцами, казаками, отставными солдатами и другими[20].

Города Григорий Потемкин не только заложил, но и отстроил. На новороссийской территории появились Екатеринославль (1777), Херсон (1778), Николаев (1784–1789). Два последних были заложены и отстроены как верфи и порты. В какой-то мере этот факт стал импульсом для появления в Новороссии иностранцев, прежде всего, меннонитов из Данцига. Конечно же, новые города были всего лишь указателями направления миграции этой группы. Среди обстоятельств, породивших само это движение, следует назвать раздел Польши, издание манифеста 14 июля 1785 г. о приглашении иностранцев селиться в Кавказской губернии. Так, спор вокруг Данцига после раздела Польши привел к таможенной блокаде города (Пруссия захватила Фарвассерскую гавань, через которую осуществлялась вся вывозная торговля Данцига), для которого торговля хлебом составляла важную статью развития экономики. Отчаявшиеся жители этой области с воодушевлением восприняли появившийся на страницах местных газет манифест Екатерины о приглашении иностранцев в Кавказскую губернию. Они посчитали, что манифест дает им основание выбрать местом проживания Херсон.

Возможно, они бы не получили разрешения, если бы об их желании не узнал князь Потемкин. В течение двух месяцев правитель Новороссии получил информацию не только о данцигских меннонитах, но также о немцах из Гамбурга, урегулировал все необходимые проблемы, продумал и организовал въезд этих иностранцев на новые территории[21]. Но, по мнению Григория Писаревского, проект «работал», потому что вдохновительницей колонизационных мероприятий была сама императрица: «Выразив еще до вступления на престол свое глубокое убеждение в необходимости увеличения населения в России, Екатерина осталась верна ему до самой своей кончины: совершившийся в ее царствование рост русской государственной территории, в особенности же включения в ее состав обширных земель на юге, которые путем колонизации нужно было пустить в народно-хозяйственный оборот, поддерживали императрицу в ее решимости следовать принятому ее направлению политики народонаселения»[22].

[19] *Миллер Д.П.* Заселение Новороссийского края и Потемкин. – Харьков, 1901. – С. 30.
[20] *Багалей Д.И.* Колонизация Новороссийского края… – С. 74–75.
[21] *Писаревский Г.Г.* Указ. соч. – С. 262–289.
[22] Там же. – С. 339.

Было бы несправедливо замолчать вклад Павла I в дело развития иностранной колонизации. Сын Екатерины даровал жалованную грамоту самым рачительным земледельцам – меннонитам. 6 сентября 1800 г. «Высочайшей грамотой меннонистам» он подтвердил обещанную им ранее свободу вероисповедания, отправление обрядов по своим церковным установлениям и обычаям: «Снисходя на просьбу водворенных в Новороссийской Губернии Меннонистов, которые по засвидетельствованию Начальства отличным трудолюбием и благонравием своим могут быть поставлены в пример прочим поселенным там иностранцам, и тем заслуживают особливое внимание, Всемилостивейше восхотели Мы сею Императорскою Нашею жалованною грамотою не токмо утвердить все их права и преимущества, изъясненные в предварительно заключенных с ними условиях, но и для возбуждения в них вящей ревности к трудам и рачению к домоводству, даровать им и другие выгоды»[23]. Кроме свободы вероисповедания, Павел подтвердил предоставление меннонитам наделов земли в 65 десятин на каждое семейство, беспрепятственную ремесленную и торговую деятельность, освобождение от воинской повинности, а также военных постоев и квартирований. Податная льгота на 10 лет была дарована для каждого въезжающего в Новороссию.

В результате концентрации государственных усилий и материальных средств в ходе колонизации Поволжья и Новороссии были обеспечены плотность и компактность заселения немцев и меннонитов в этих регионах. На Северном Кавказе для немецких поселений была характерна дисперсность. Другой характерной чертой для въезда немцев на эту территорию будет преобладание в составе немецкого населения переселенцев второй, внутренней миграционной волны – сюда будут перемещаться немцы и меннониты из Поволжья и Новороссии.

При этом если сравнивать процесс водворения, т. е. вселения на территорию, невозможно не заметить, что процессу в поволжском регионе были присущи такие черты, как массовость и одновременность. Так, например, только с 1763-го по 1766 г. в Поволжье были переселены почти 30 000 чел. – выходцев из европейских (в основном германских) государств. А вот заселение иностранцев в Новороссию и на Северный Кавказ, особенно на первых порах – в 1750–1760-х годах в Новороссии, в 1770–1850-х годах на Северном Кавказе – проходило менее интенсивно. Но в истории заселения каждого из этих регионов будут этапы относительной интенсивности и массовости заселения немцев. В Новороссии он начнется с 1776 г. с ликвидацией независимости Запорожской Сечи, а на Северном Кавказе с 1864 г. после завершения Кавказской войны. Переселенцы в Новороссию получат поддержку российского государства, а переселенцы на Северный Кавказ таковой уже не смогут воспользоваться. Общей чертой процессов переселения в оба региона можно назвать длительность: немецкое население будет увеличиваться за счет иммиграции и внутренней миграции вплоть до Первой мировой войны в Новороссии и до конца 1920-х годов на Северном Кавказе.

Сравнивая причины и процесс въезда немцев в Россию, уделим внимание таким регионам, как Южный Кавказ и Волынь. И в одном, и в другом регионе немцы появились после 1810 г.[24], когда правительство приняло решение приостановить помощь въезжавшим в виде выдачи ссуды, хотя самому въезду государство не препятствовало[25]. Распоряжение на имя министра внутренних дел от 25 февраля 1810 г. было основано на выводах министра финансов о дороговизне водворения одной колонистской семьи: пособие, выплачиваемое немецкой семье, освобожденной от рекрутской службы и других повинностей, при водворении «<…> могло бы с вероятностью

[23] ПСЗ-1. Т. 26. № 19 546. С. 286.
[24] По сведениям М.П. Костюка, первая немецкая колония появилась в регионе в 1811 г. См.: *Костюк М.П.* Немецкие миграционные движения на Волынь (XVIII – начало XX в.) // Миграц. процессы среди рос. немцев: ист. аспект. – М.: Готика, 1995. – С. 29.
[25] ПСЗ-1. Т. 31. № 24 131. С. 68–69.

обращено быть на переселение 50 российских крестьян»[26]. Несмотря на это, немцы, въехавшие в 1817–1818 гг. на Южный Кавказ, такую помощь получили, а вот устремившиеся на Волынь – нет.

Как следует из рапорта исполняющего дела грузинского гражданского губернатора генерал-майора Ховена на имя управляющего гражданской частью на Кавказе генерала Ермолова, при отправке вюртембергских переселенцев из Одессы в Тифлис на Южный Кавказ каждая семья получила деньги из казны на покупку фуры и двух лошадей (500 руб. на семью), а кроме этого, по 40 коп. на человека на каждый день пути и 50 коп. в день на фураж для каждой лошади. Помимо этих выплат каждому форштегеру (их было 10, т. к. вся партия иммигрантов была разделена на 10 групп) было выдано по 500 руб. на непредвиденные расходы в пути[27]. По прибытии на место часть из них была поселена возле Тифлиса, где они основали шесть поселений, и часть – возле Елисаветполя (два поселения) – они получили необходимый инвентарь. Дома были построены за казенный счет[28]. Когда же встал вопрос о том, должны ли переселенцы вернуть эти деньги, то генерал Ермолов написал министру внутренних дел О.П. Козодавлеву: «<…> с прискорбием испрашиваю я от казны суммы столь значительные и если решаюсь на то, единственно потому, чтобы не могли колонисты сказать, что правительство, к великодушию которого они прибегли, отказало им в самых необходимых пособиях. Впрочем, издержки сие не почитаю иначе как штрафом, который платит правительство за неосмотрительность того, кому поручено было вызвать сих колонистов в Россию»[29].

Анализируя иммиграционные процессы на Волыни, украинский исследователь М.П. Костюк определил несколько этапов въезда, но особо подчеркнув, «<…> что немецкая колонизация на Волыни уже с самого своего начала носила четко выраженный сельскохозяйственный характер – Волынь, по сравнению с другими губерниями Юго-Западного края, имела невысокую плотность населения, слабо развитую промышленность, большие площади неосвоенных в северной части земель, а в помещичьих имениях остро ощущалась нехватка рабочей силы. Эти особенности и сделали ее экономически выгодной и привлекательной для крестьян из Пруссии и немцев-землепашцев из Царства Польского. Более выгодные условия для ведения сельскохозяйственного производства и стали главной причиной, стимулировавшей темпы иммиграции и обозначившей именно сельскохозяйственный ее характер»[30]. Далее Костюк подытоживает: «<…> немецкая колонизация на Волыни и теперь не стимулировалась властями, хотя и использовалась ими для достижения определенных внутриполитических целей. Главными же инициаторами и наиболее заинтересованными в расширении масштабов переселения оставались волынские землевладельцы»[31].

И все же будем настаивать на том, что в миграции немцев в такие удаленные друг от друга регионы, как Южный Кавказ и Волынь, есть общее: появление иностранцев в этих регионах – результат действия геополитического фактора. Эти пограничные территории еще предстояло инкорпорировать, а южно-кавказскую еще и усовершенствовать в хозяйственном отношении. В письме к министру внутренних дел О.П. Козодавлеву от 31 декабря 1816 г. генерал Ермолов писал: «Обращая внимание на сельские работы жительствующих в Грузии народов, нахожу я, что размножающееся земледелие, шелководство, которое по качеству во многих местах вырабатываемого шелка может приносить чрезвычайную выгоду, и многие другие отрасли хозяйства потому не

[26] ПСЗ-1. Т. 31. № 24 131. С. 69.

[27] Акты, собранные Кавказской археографической комиссией (далее – АКАК). – Т. 6, ч. 1. – Тифлис, 1874. – № 460. – С. 340.

[28] Там же. – № 457. – С. 338.

[29] Там же. – № 460. – С. 340.

[30] *Костюк М.П.* Указ. соч. – С. 28.

[31] Там же. – С. 33.

приходят в усовершенствование, что жители не имеют достаточных сведений о хозяйственном устройстве, я полагаю необходимо нужным для наставления их в том поселить колонию трудолюбивых немцев, которых добрый пример и очевидная от хозяйства польза вселили в них желание обратиться к подражанию»[32].

Но Козодавлев не разделял точки зрения и оценок генерала и, ссылаясь на постановление о прекращении материальной поддержки въезда иностранцев, предложил ограничиться приглашением специалиста в области виноделия Жерве, француза по происхождению, но уже живущего в России, который сам предлагал свои услуги российскому государству и даже побывал в Грузии с этой целью[33]. Но Ермолов был непреклонен и даже заявил, что привлечет подчиненных ему военных к обустройству переселившихся немцев. До этого генерал столь же неодобрительно воспринял идею о переселении жителей из северокавказской колонии Шотландской. Подобная позиция главноуправляющего Кавказом заставляет задуматься: возможно, она объяснима тем, что Россия только что завершила войну с французами и продолжала соперничать с британской короной на Кавказе?

Таким образом, можно предположить, что в случае с поселениями близ Тифлиса и Елисаветполя геополитический фактор заставил правительство предпринять меры по привлечению и обустройству представителей христианского учения, но обязательно немцев, с целью укрепления своей социальной базы. Появление же немцев на Волыни, длительность миграционных процессов здесь были следствием европейского геополитического противоборства, наличия неустойчивой границы (две крупные попытки, предпринятые поляками выйти из состава Российской империи в 1830-м и 1863 г.). Разнонаправленность геополитического фактора и стала причиной отличий в отношениях к переселенцам со стороны государства – преференции для вюртембергцев на Южном Кавказе и преобладание рестрикций для выходцев из прусских земель на Волыни.

Одним из первых, кто смог сравнить итоги участия немцев в колонизации российских регионов, прежде всего, Поволжья и Новороссии, а также определить, насколько немцы в России остались немцами, был ученый-экономист барон А. Гакстгаузен. В марте 1843 г. он прибыл в Россию, где оставался до конца года. Свое путешествие по аграрным регионам он начал с 27 апреля (9 мая) 1843 г. и проехал по маршруту протяженностью в 11 000 верст. Его путь пролегал от Петербурга через Саратов как самой восточной точки, на Киев и Одессу как юго-западной черты и до Эриваня как самой южной точки маршрута.

Повсеместно, где путешественник встречался с немцами, он безошибочно определял, что это его земляки: «29 июня, около полудня, достигли мы первой немецкой колонии Шафгаузен. Еще прежде, чем мы въехали в деревню, мы почувствовали уже охватившую нас немецкую атмосферу по нескольким женщинам <…>». Конечно же, в первую очередь особенность проявилась в повседневном женском костюме. Для Гакстгаузена истинная немецкость была в том, что женщины, возвращавшиеся с поля пешком (вряд ли это был релаксирующий моцион перед ужином), вязали при этом чулки. Путешественника привлек тот факт, что это были чулки как традиционный элемент женского и мужского немецкого костюма: «Я нигде не видал русских крестьянок за этой работой, по крайне мере, они никогда не вяжут во время прогулки. Впрочем, большинство русских крестьян и не носит чулок, а обертывает ноги тряпкой»[34].

Проявление «немецкой атмосферы» Гакстгаузен отметил и в том, что «ловкого, вежливого и лукавого русского ямщика на козлах, который любезно и вежливо

[32] АКАК. – Т. 6, ч. 1. – Тифлис, 1874. – № 302. – С. 248.

[33] Там же. – № 303. – С. 249.

[34] *Гакстгаузен А.* Исследования внутренних отношений народной жизни и сельских учреждений в России. – М., 1869. – С. 363.

снимал шапку при каждом слове, и которого лошади несли нас в галоп от станции до станции» сменил неуклюжий немец, который отдал предпочтение легкой рыси, т. к. берег лошадей. От взгляда барона не ускользнуло и то, что немецкая прочная упряжь была очень плотной, и немецкому ямщику не приходилось пять-шесть раз, как это было с русским ямщиком, поправлять, удлиняя или отвязывая, веревку, останавливая экипаж[35].

Сравнив немецкие поселения на Волге и на Хортице и найдя сходство во внешнем облике деревень с поселениями у себя на родине, Гакстгаузен все же подчеркнул, что новороссийские поселения – точная копия Западной Пруссии: «Как будто нас внезапно пересадили <…> в долину Веслы [Вислы. – *Т. П.*] – до того немецки было все кругом!»[36] Его восхитило то, что не только манеры, язык, одежда были прусскими, но даже домашние животные и ландшафт не просто напоминали Германию, а, казалось, перенесены сюда.

Как экономист Гакстгаузен обратил внимание на системы хозяйствования переселенцев в этих регионах и должен был признать, что они существенно разняться. По его мнению, на Хортице было «немецкое разделение и обработка полей»[37], тогда как на Волге немцы из-за нехватки земли «<…> добровольно ввели у себя русскую систему деления земли. Каждые три, четыре или шесть лет они делят всю землю по душам. Они измеряют всю землю особыми шнурами 10 саженной длины, и затем разбирают участки по жребию. Первоначально отведенной им земли скоро стало недостаточно, и правительство несколько раз, в 1825, 1828 и 1840 гг. прирезывало им новой земли; теперь приходится на душу по 5 десятин распахиваемой земли, следовательно, за исключением парового поля»[38]. По мнению путешественника, немцы на Волге «сохранились только по языку, одежде и правилам, все же вокруг их скорее русского характера, разве с примесью некоторого немецкого удобства»[39].

Свои впечатления о меннонитских поселениях Новороссии барон Гакстгаузен обобщил следующим образом: «Эти колонии могут служить для правительства масштабом, а для всего русского народа примером того, как много могут сделать прилежание, нравственность и порядок. Но прежде всего, эти колонии служат для правительства масштабом того, до чего может быть доведена обработка земли и в особенности облесение степи и всей южной России, а это самый главный пункт могущества и внутренней политики России. Если бы весь юг России получит такую же обработку и культуру, как эта полоса, то Москва и Петербург не могли бы быть более центром тяжести и полярной звездой страны, а ими бы стали Харьков или Екатеринославль и Одесса»[40].

Но давая такие оценки, Гакстгаузен не предпринял попыток объяснить, почему имели место столь существенные различия. Несомненно, что при анализе положения поволжских и новороссийских поселенцев стоило учесть, прежде всего, следующее. Это – уровень развития земледельческой культуры к началу эмиграции (меннониты Хортицы, конечно же, не знали себе равных в земледельческом опыте) и степень сформированности природно-хозяйственных и социально-культурных адаптационных механизмов на момент переселения этих групп (меннониты как этноконфессиональная общность оформились в результате миграционных процессов).

Осуществляя миграционные проекты на протяжении второй половины XVIII и XIX в., российское государство смогло сформировать особый элемент колонизационного фонда – человеческий капитал, легко и свободно перемещающийся внутри границ. Переселенцы реализовали природно-ресурсный потенциал колонизуемых территорий, они включили его в общественное производство. Даже в тех регионах, где нет оснований говорить о колонизационных проектах, например, в петербургских колониях, немцы как носители западноевропейской хозяйственной культуры способствовали формированию общего экономического потенциала региона, обеспечивали потребности в ремесленниках различных специальностей, участвовали в развитии новых отраслей хозяйства – молочно-товарного и мясного животноводства, создании плодопитомников, обрабатывающей промышленности. Адаптируясь к новой географической среде, они заимствовали, вырабатывали и отбирали наиболее целесообразные в региональных условиях формы хозяйственной жизни и быта. Источниками стабильности и процветания немецких хозяйств являлись устойчивые стереотипы в поведении немцев, выработанные под влиянием религиозных убеждений: регламентация всего жизненного уклада, аскетизм, высокая работоспособность.

Для российского государства миграция была одним из важных государственных проектов, эффективным инструментом обеспечения самых прагматичных потребностей. Если давать оценки эффективности этих проектов, определять социально-экономические, политические и культурные последствия, то следует быть готовым к тому, что у нас нет оснований говорить о блестящих результатах в каждом региональном случае – можно назвать просчеты и проследить негативные последствия. Но если рассматривать немецкую иммиграцию как мегапроект, растянутый во времени, то он был одним из самых успешных проектов российского государства.

[35] *Гакстгаузен А.* Указ. соч. – С. 363–364.
[36] Там же. – С. 466.
[37] Там же. – С. 467.
[38] Там же. – С. 364.
[39] Там же. – С. 467.
[40] Там же. – С. 486.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т. 1–13 / Под ред. А.П. Берже. – Т. 6. Ч. 1. – Тифлис: Тип. Гл. упр-ия наместника Кавказского, 1874. – 957 с.
2. *Багалей Д.И.* Колонизация Новороссийского края и первые шаги его по пути культуры. Ист. этюд Д.И. Багалея. – Киев: Тип. Г.Т. Корчак-Новицкого, 1889. – 118 с.
3. *Гакстгаузен А.* Исследования внутренних отношений народной жизни и сельских учреждений в России. Т. 1. – М., 1869. – XXII, 490 с.
4. *Гинс Г.К.* Переселение и колонизация. Вып. 1–2. – СПб.: Тип. Ф. Вайсберга и П. Гершунина, 1913.
5. *Кауфман А.А.* Переселение и колонизация. – СПб.: Тип. т-ва «Обществ. польза», 1905. – IX, 82 с.
6. *Ключевский В.О.* Русская история. Полный курс лекций. Т. 1. – М.: АСТ; Харвест, 2002. – 592 с.
7. *Костюк М.П.* Немецкие миграционные движения на Волынь (XVIII – начало XX в.) // Миграц. процессы среди рос. немцев: ист. аспект: Материалы междунар. науч. конф., Анапа, 26–30 сент. 1997 г. / Науч. ред. А. Герман, И. Плеве. – М.: Готика, 1998. – С. 27–45.
8. *Любавский М.К.* Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века / Отв. ред. А.Я. Дегтярев. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1996. – 682 с., порт.
9. *Миллер Д.П.* Заселение Новороссийского края и Потемкин. 2-е изд. – Харьков: Харьков. об-во распространения в народе грамотности, 1901. – 40 с.
10. *Писаревский Г.Г.* Из истории иностранной колонизации в России в XVIII в. (По неизданным архивным документам). – М.: Печатня А.И. Снегиревой, 1909. – XII, 342, 84 с.
11. *Ямзин И.Л., Вощанин В.П.* Учение о колонизации и переселениях. – М.; Л.: Гос. изд., 1926. – IV, 328 с. (Пособия для высш. школы.)
12. *Dohse K.* Ausländlische Arbeiter und bürgerlicher Staat: Genese und Funktion von staatlicher Ausländerpolitik und Ausländerrecht. Vom Kaiserreich bis zur Bundesrepublik Deutschland. – Königstein / Ts.: Hain, 1981. – VII, 460 S.

Vergleichende Analyse der Prozesse bei der Einwanderung nach Russland in der zweiten Hälfte des 18. Jh. bis zum 19. Jh.

T. N. Plochotnjuk

Die Autorin des Aufsatzes untersucht die regionalen Besonderheiten der russischen Einwanderungspolitik und unternimmt den Versuch, diese zu vergleichen. In dem Aufsatz werden die Bedingungen für die Einwanderung von Untertanen deutscher Staaten nach Russland betrachtet sowie die wichtigsten Dokumente, die eine Einreise nach Russland möglich machten, und die von der russischen Regierung ausgearbeiteten und im Wolgagebiet, in Neurussland, im Nord- und Südkaukasus sowie in Wolhynien umgesetzten Maßnahmen miteinander verglichen. Die Autorin kommt zu dem Schluss, dass die Migration für den russischen Staat ein effektives Instrument für die Befriedigung sehr pragmatischer Bedürfnisse war, und sie weist überzeugend nach, dass das Kolonisationsprojekt des russischen Staates grandios war, konnte doch in dessen Folge der russische Staat ein besonderes Element des Kolonisationsfonds formieren: menschliches Kapital, das sich leicht und nach freiem Ermessen innerhalb des Landes verschieben ließ.

Schlüsselwörter: Immigration (Einwanderung), Kolonisation, menschliches Kapital, russischer Staat, Deutsche, Mennoniten, Wolgagebiet, Neurussland, Nordkaukasus, Südkaukasus, Wolhynien.

Comparative analysis of the processes of immigration in Russia in the second half of XVIII – XIX century

T.N. Plokhotnyuk

The author of this article studies the local features of the resettlement policy of the Russian government and makes an attempt to compare them. The article deals with the circumstances of the immigration of the natives of German lands to Russia. The author compares the basic documents that gave the permission for the in-move in Russia and the series of ideas of the Russian government put into action in the Volga region, Novorossiya, in the North and South Caucasus and in Volyn. The author concludes that in the Russian state the migration became one of the effective tools to fill the most pragmatic needs and proves conclusively that the colonization project of the Russian state was ambitious and farreaching, because it gave the Russian government an opportunity to form the special element of the colonization fund – the human capital, that migrated freely on the territory of Russia.

Keywords: the immigration, the colonization, the human capital, the Russian state, the Germans, the Mennonites, the Volga region, Novorossiya, the North Caucasus, the South Caucasus, Volyn.

УДК 323.15 (09)

В.Н. Шайдуров

Европейские диаспоры в России: общероссийские и региональные особенности формирования

Имперская политика России в XVIII – начале XIX в. привела к формированию разных диаспор. Самыми многочисленными стали польская, еврейская, немецкая. Они находились в центре внимания царской администрации, их положение регламентировалось различными законодательными актами. Переселение евреев, немцев, поляков, финнов, латышей, эстонцев на окраины государства было как принудительным, так и добровольным. Законы регламентировали места их проживания и виды хозяйственной деятельности. Цель статьи – определить особенности формирования европейских диаспор в России конца XVIII–XIX в. в общероссийском и региональном масштабе. Необходимо определить характер возникновения национальных общин в макрорегионах России (на примере Сибири), выявить специфику российского законодательства относительно евреев, немцев и поляков, дать количественную характеристику общин.

Ключевые слова: Российская империя, диаспоры, еврейская община, польская община, немецкая община, миграции, вторичная национальная миграция.

Межнациональные противоречия, которые обострились в конце XX – начале XXI в., поставили перед исследователями задачу раскрыть их причины. В многонациональных государствах решение этой задачи невозможно без изучения истории формирования и развития диаспор. Результатом стало появление большого количества работ по истории национальных меньшинств государств имперского типа в эпоху позднего Нового времени (Россия, Турция, Австрия, Китай).

Иван Грозный в середине XVI в. завершил процесс формирования централизованного Русского государства. Активная внешняя политика царя в 50-е – начале 80-х годов XVI в. носила откровенный имперский характер: в состав государства были включены территории, которые ранее не входили в состав Древнерусского государства (X – начало XII в.) и были заселены нерусскими народами (поволжские и сибирские татары, ногайцы, башкиры и др.). В это же время в Москве появилось большое количество европейцев, которые проживали в Немецкой слободе и оказывали влияние на экономическое и культурное развитие Русского государства. Продолжение активной внешней политики в XVIII в. Петром Первым и Екатериной Второй привело к включению в состав Российской империи территорий, населенных европейскими народами (финнами, поляками, восточноевропейскими евреями, литовцами, прибалтийскими немцами и др.). К началу XX в. Российская империя являлась многонациональным государством, в котором проживало более 100 народов и этнических групп.

В современной исторической науке большое внимание уделяется вопросам формирования и развития диаспор, национальных меньшинств в Российской империи. Об этом, в частности, свидетельствует обширная историография. Их активное изучение идет по двух генеральным линиям. С одной стороны, авторы опираются на принципы регионального подхода, рассматривая ту или иную этническую группу в качестве части социального, экономического, культурного целого микро- или макрорегиона.

© В.Н. ШАЙДУРОВ. ЕЖЕГОДНИК МАИИКРН. 2015 Г. № 1. С. 39–48.

Одним из основоположников данного подхода стал австрийско-германский историк А. Каппелер[1], монография которого стала очень популярна среди историков-русистов. К настоящему моменту последними проделана большая работа по реконструкции различных сторон жизни национальных общин. Результатом стало появление большого количества публикаций по истории немцев, поляков, евреев, финнов, татар и других в рамках той или иной губернии Российской империи[2]. Подобный подход к изучению национальных меньшинств значительно обедняет практический результат исследования, т. к. территориальная община рассматривается в этом случае в отрыве от остальной массы соплеменников, а ее существование изучается изолированно от прочих региональных процессов. Это наглядно демонстрируют работы американских историков по истории восточноевропейского еврейства в России[3] или российских немцев[4]. В них главный акцент сделан на проблемы развития конкретной диаспоры.

Решение этой проблемы ставит перед собой так называемая новая имперская история, которая рассматривает исторический процесс как постоянное взаимоотношение различных акторов в политической, административной, экономической, социокультурной среде. Характеристика России как империи со времен Ивана IV позволяет историкам применять ее инструментарий к различным регионам и периодам. Этот подход в последнее время также получил свое распространение в изучении диаспор в России[5].

В то же время авторы выстраивают свои исследования на основах компаративизма, что позволяет им представить сравнительную историю формирования и развития национальных общин в локальных границах, а так же их место и роль в экономике, социальных отношениях и культуре региона[6].

Процесс диаспоризации начался в России с середины XVI в., когда в состав государства начинают включаться этнические группы, ранее обладавшие государственностью или сохранявшие ее элементы на момент присоединения. Так, поволжские татары могут рассматриваться в качестве одной из первых диаспор. Во второй половине XVIII в. этот процесс заметно активизировался, что было связано с включением в состав империи территорий соседних, ранее самостоятельных государств.

Немецкая, польская и еврейская этнические группы имеют достаточно много общих черт. Это проявилось, например, в их включенности в состав России в массовом порядке во второй половине XVIII – начале XIX в., формирование территориальных общин начинается также примерно в одно время. Однако имелись черты, которые по-разному проецировались на рассматриваемые общества. В частности, это проявилось наиболее отчетливо в политике государства. Если немецкие переселенцы в данное время поль-

[1] *Kappeler A.* Russland als Vielvölkerreich. – München: Verlag C.H. Beck, 1992.

[2] См., например: *Шайдуров В.Н.* Формирование и социально-экономическое развитие немецкой диаспоры на Алтае. Конец XIX – начало XX в. – Барнаул, 2003; *Кальмина Л.В.* Еврейские общины Восточной Сибири (середина XIX в. – февраль 1917 года). – Улан-Удэ, 2003; *Must A.* Siber ja Eesti. Jalaraua kolin. – Tallinn, 2012.

[3] См., например: *Nathans B.* Beyond the pale: the Jewish encounter with late imperial Russia. – Berkeley; Los Angeles, 2002; *Avrutin E.* Jews and the imperial state: identification politics in tsarist Russia. – Ithaca, N.Y., 2010.

[4] *Pohl O.* Catherine's grandchildren: a short history of the Russian-Germans under the Soviet rule. – Lincoln, Nebraska, 2009.

[5] См., например: *Горизонтов Л.Е.* Парадоксы имперской политики: Поляки в России и русские в Польше (XIX – начало XX в.). – М., 1999; *Ремнев А.В.* Россия Дальнего Востока. Имперская география власти (XIX – начало XX в.). – Омск, 2004; *Миллер А.* Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования. – М., 2006.

[6] См., например: *Lohr E.* Nationalizing the Russian Empire: the Campaign against enemy aliens during World War I. – Harvard University Press, 2003; *Карих Е.В.* Межэтнические отношения в Западной Сибири в процессе ее хозяйственного освоения. XIX – начало XX в. – Томск: Изд-во Томск. ун-та, 2004; *Шайдуров В.Н.* Евреи, немцы, поляки Западной Сибири в XIX – начале XX в. – СПб.: Изд-во Невск. ин-та языка и культуры, 2013.

зовались покровительством Екатерины II, Павла I, Александра I, то этого нельзя сказать, например, о поляках, которые антирусскими выступлениями последней четверти XVIII в. сформировали представление о себе как о «бунтарях». Отношение власти к евреям на рубеже XVIII–XIX вв. было двойственным. С одной стороны, делались заявления о сохранении еврейской самобытности, а с другой, предпринимались попытки кооптировать их в различные сословия, в первую очередь, городские[7].

Во многом национальная политика формировалась с учетом позиций той части национальной общины – элиты, на которую в случае необходимости можно было опереться, и структуры принимаемого общества. Так, в немецкой среде преобладали консервативно настроенные колонисты-земледельцы Поволжья или Новороссии, которые видели в русском царизме источник своего благосостояния. Польская шляхта, игравшая наиболее активную роль в политической жизни общества, рассматривала царизм как причину уничтожения Речи Посполитой. Для евреев, в среде которых отсутствовало дворянство и преобладал неземледельческий элемент, он представлял власть, которая механически пришла на смену польской.

Колоссальное влияние немцев на развитие различных сторон русского общества в XVIII в. не вызывает сомнения. Это проявилось и в аграрном секторе. Под влиянием идей физиократов Екатерина II и ее сподвижники активизируют аграрную политику. Для хозяйственного освоения окраинных территорий в страну приглашаются колонисты, в первую очередь, из германских земель. В течение второй половины XVIII в. в Поволжье и на Юге России были созданы два анклава немецких колоний. Этот процесс имел не только положительный результат, но и принес обеим сторонам массу разочарований. Несмотря на противоречивость колонизационной политики вплоть до начала XIX в. власти оказывали немецким колониям знаки внимания, что проявилось как в законодательной сфере, так и в деятельности отдельных представителей власти, включая императоров Павла I и Александра I.

Значительная часть украинских и белорусских земель, входивших ранее в состав Речи Посполитой, оказывается в составе России в результате ее разделов. При этом нужно помнить, что собственно польские земли перешли к Пруссии и Австрии. Отношение к полякам в последние годы правления Екатерины II было неоднозначным. С одной стороны, в них видели братский славянский народ, с другой стороны, определенные общественные слои указывали на многовековые русско-польские противоречия, которые обострились после восстания под предводительством Т. Костюшко. Польский вопрос в правление Александра I вылился в дискуссии о польской конституции 1815 г. и включении Царства Польского в состав Российской империи. Однако мероприятия центральной власти не могли нивелировать негативный настрой значительной части польского общества, в первую очередь, дворянства, к русскому господству. О его наличии свидетельствует массовость польского восстания 1830 г. Это подтолкнуло Петербург к проведению на территории Польши репрессивной политики в различных сферах общественной жизни[8].

Еврейская диаспора представляет уникальное явление в истории России. Вплоть до 1770-х годов существовал законодательный запрет на переселение «жидов» в пределы империи. В годы правления Елизаветы Петровны проводились их высылки. Однако в третьей трети XVIII в. само отношение власти к данной национальной группе меняется. Это, в частности, проявляется в изменении терминологии: на смену «жидам» приходят «евреи». Во многом это связано с появлением большого числа евреев в белорусских и польско-литовских провинциях, вошедших в состав России по итогам

[7] *Klier J.* Russia gathers her Jews: the origins of the «Jewish question» in Russia, 1772–1825. – Northern Illinois University Press, 1986. – P. 147.

[8] *Kuczynski A.* Siberia. 400 years of the Polish Diaspora. – Wroclaw; Warszawa; Krakow, 1993. – P. 27.

польских разделов 1770–1790-х годов. По оценкам историков, в России оказалось почти 500 тыс. евреев[9]. Сохраняя прежние права и льготы, власть попыталась кооптировать еврейство в городские сословия, однако специфика диаспоры не позволила в полной мере это реализовать. В то же время этому препятствовало отсутствие практики общения с данной этноконфессиональной группой. В результате центральная власть оказалась под воздействием польско-литовских традиций. Началось формирование нового направления в национальной политики, что наиболее отчетливо проявилось на рубеже XVIII–XIX вв. Инспекционные поездки Г.Р. Державина в белорусские губернии, работа специальной комиссии, устав 1804 г. и иные мероприятия того времени представляют собой звенья одной цепи. Не имея возможности растворить еврейство в общероссийском организме, власть пошла на его изоляцию, реализуя политику сегрегации[10].

Российская империя последней трети XVIII – первой четверти XIX в. развивалась крайне противоречиво, что выражалось в нарастании противоречий экономической модели и политической системы. Тем не менее, для немцев, поляков и евреев включение в российскую жизнь имело хорошие перспективы: уровень ее развития был выше, чем в германских землях и бывшей Речи Посполитой.

Правление Николая I было пронизано духом национализма. С одной стороны, это проявилось в реализации идеи «официальной народности» на различных уровнях общественной жизни. С другой стороны, можно говорить о противоречивости внутриполитического курса в отношении различных этнических групп. В это время происходит консервация общества в условиях господства закоснелых идей. Однако события 1820–1830-х годов оказывают существенное влияние на дальнейшую судьбу рассматриваемых нами диаспор. С этого момента они стали принимать наряду с русскими активное участие в колонизации окраин (Сибирь, Дальний Восток, Кавказ, Центральная Азия).

Польское восстание 1830–1831 гг. в корне изменило отношение царизма к полякам. С одной стороны, это выразилось в существенном сокращении польской автономии, определенной конституцией 1815 г. В частности, в течение 1815–1830 гг. поляки, проживавшие на территории Царства Польского, не подвергались ссылке за пределы его территории. Но закон 1832 г. изменил эту норму[11]. С другой стороны, активные участники антиправительственного выступления подвергаются преследованиям: одних сослали на каторгу, других – на поселение, менее виноватых – в линейные сибирские батальоны. В 1834 г. в Сибирь сослали тех, кто попытался поднять новое восстание в 1833 г. Затем ссылаются участники заговора Шимона Конарского в 1839 г. Здесь оказываются члены кружка «Содружества польского народа». Именно в николаевское время начинается формирование «польской Сибири»[12].

Параллельно с этим шел процесс формирования еврейской общины в Сибири. Этот регион не был включен в черту оседлости, определенную Уставом 1804 г., и на этом основании он был законодательно закрыт для еврейского населения. Существовавший правовой запрет в течение 1820-х годов неоднократно повторялся. Так, 19 декабря 1824 г. министру финансов Е.Ф. Канкрину был объявлен секретный указ (в силу своего характера позднее он не был включен в «Полное собрание законов Российской империи»), на основании которого надлежало выселить с казенных заводов Урала и Алтая проживавших там немногочисленных евреев и в запретить им там проживать в дальнейшем[13]. В 1831–1832 гг. приняты решения о недопущении евреев и цыган в сибирские города. Азиатская часть России, в частности, Сибирь, до середины 1830-х годов была открыта только для тех евреев, которые ссылались сюда за уголовные преступления. Положение еврейства в регионе регламентировалось общерусским законодательством, но были и свои особенности.

[9] *Nathans B.* Beyond the pale: the Jewish encounter with late imperial Russia. – P. 41.

[10] *Klier J.* Russia gathers her Jews. – P. 150.

[11] *Качинская Э.* Поляки в Сибири (1815–1914 гг.). Социально-демографический аспект // Сибирь в истории и культуре польского народа. – М., 2002. – С. 271.

[12] *Kuczynski A.* Siberia. 400 years of the Polish Diaspora. – P. 91.

[13] Подробнее см.: *Шайдуров В.Н.* К вопросу о формировании еврейской общины Сибири в дореформенный период // Вестн. Кемеров. гос. ун-та. – 2012. – № 4 (52). Т. 1. – С. 105.

Однако первая треть XIX в. характеризуется изменениями в отношении властей к еврейскому населению. В частности, в начале правления Александра I был разработан проект переселения части евреев в земледельческие колонии в Новороссию. Некоторые изменения затронули и Сибирь. Так, например, только в 1834 г. ссыльным евреям и членам их семей было разрешено причисляться в сельские и городские общества. В 1835–1836 гг. в качестве места водворения была избрана Сибирь.

В ноябре 1836 г. был опубликован манифест, разрешавший евреям переселяться в Сибирь. Этому предшествовала активная подготовительная работа. В 1835 г. по распоряжению министра внутренних дел в Тобольской губернии и Омской области было выделено более 15 тыс. дес. земли для водворения 1377 еврейских семейств. Но еврейская колонизация Сибири на этом во многом и остановилась. Уже в январе 1837 г. последовал новый манифест, запрещавший евреям переселяться за Урал. Те же еврейские семьи, которые уже находились в пути, было приказано вернуть на прежнее место жительства. Тем не менее, незначительная часть евреев успела осесть на сибирской земле.

Сибирь для немецкой колонизации была открыта в 1763 г. манифестом Екатерины II. Однако для большинства немцев до середины XIX в. она оставалась terra incognita. Знания о ней сводились к тому, что это место, куда ссылают преступников. Этот регион представлял интерес, в первую очередь, для выходцев из среды чиновников и горных мастеров, поступавших на русскую службу. Подобная ситуация объясняется бурным развитием горно-металлургического комплекса. Кроме того, вдали от столицы продвижение по служебной лестнице осуществлялось гораздо быстрее. В результате в сибирских городах в течение второй половины XVIII – начала XIX в. этнические немцы и их потомки играли заметную роль в формировании административного аппарата и корпуса горнозаводских специалистов[14]. Отсутствие интереса к Сибири у немецких колонистов, которые составляли более 80 % диаспоры, можно объяснить наличием значительного запаса свободных земель в местах компактного расположения колоний – в Поволжье и Новороссии. Только в середине XIX в. немцы-колонисты предпринимают первые попытки переселиться за Урал. Так, в 1850-е годы меннониты Таврической губернии обратились к генерал-губернатору Восточной Сибири Н.Н. Муравьеву с просьбой разрешить им водвориться на Амуре. Но взгляды потенциальных мигрантов и столичных чиновников на переселенческий процесс не совпали, а потому ситуация не получила своего дальнейшего развития.

Таким образом, к середине XIX в. в Сибири начинают оформляться польская, еврейская и немецкая общины. Пути и условия их формирования были различны и во многом зависели от позиций правящего режима. В это время общины были немногочисленны. Но отличительные черты начали проявляться. Так, немецкая община вскоре начинает терять свои национальные черты, постепенно ассимилируясь в русской среде. Наиболее быстро это прослеживалось в бытовой сфере. Уже второе поколение переселенцев в большей степени ассоциировало себя с русскими, чем с немцами. В третьем поколении сохранявшиеся отличия нивелировались полностью – они принимали православие, вступали в брак с русскими и т. д. Подобного рода ситуация объясняется отсутствием так называемой критической массы «своих», что позволило бы общине создать необходимые социальные и экономические институты для самосохранения.

[14] *Скубневский В.А.* Немецкое предпринимательство на Алтае во второй половине XIX – начале XX в. // Изв. Алтайск. гос. ун-та. Сер.: История. – 2010. – № 3–4. – С. 198–202.

Совершенно иная ситуация сложилась в польской и еврейской среде. Поляки рассматривали новое место жительства как временное, а потому не прилагали никаких усилий для создания необходимого для общины базиса.

Вторая половина XIX в. внесла свои коррективы в развитие европейских общин в Сибири. Польская община по-прежнему продолжает пополняться ссыльными из западных губерний. После подавления польского восстания 1863 г. было сослано около 17 тыс. поляков, хотя, по оценкам современных польских историков, эта цифра несколько занижена[15]. Община активно пополняется за счет сосланных в Сибирь участников революционного движения 1880–1890-х годов. К концу XIX в. только в Тобольской губернии насчитывалось около 3 тыс. каторжан, ссыльных и ссыльнопоселенцев, или 3,5 % от всех поляков или 4,9 % от всех лишенных свободы.

Круг потенциальных переселенцев в это время значительно расширился. В него начинают включаться члены семей ссыльных, которым было разрешено последовать за ними в Сибирь. Помимо ссыльных и членов их семей за Урал начинают переселяться крестьяне, которые направились сюда в рамках переселенческой кампании. Преимущественно они оседают в южных районах Енисейской и Томской губерний.

Кроме того, регион стал достаточно привлекательным для польских промышленников и торговцев. Это было связано с начавшимся бурным экономическим развитием Сибири, вызванным строительством транссибирской железнодорожной магистрали. Приток населения в города и сельскую местность значительно расширял рынок сбыта готовой продукции. На страницах сибирской периодики в фельетонах конкуренция московских и лодзинских текстильщиков достаточно часто становилась предметом насмешек. Поляки начинают играть заметную роль в развитии обрабатывающих отраслей промышленности. Так, они строили мукомольные мельницы в сельской местности[16].

Во второй половине XIX в. выделяется еще одна группа, за счет которой шел процесс формирования польской общины, – потомки ссыльных и ссыльнопоселенцев более раннего времени.

Таким образом, во второй половине XIX в. польская община формировалась за счет различных источников. При этом соотношение принудительного и добровольного факторов в это время складывается не в пользу первого. Большую роль начинает играть крестьянское переселение, которое достигает своего пика уже в начале XX в. К 1877 г., по данным польских историков, численность польской общины в Сибири насчитывала около 10 тыс. чел.[17] К концу XIX в. на территории трех сибирских губерний (Тобольской, Томской, Енисейской) проживало более 18,5 тыс. поляков. Особенностью полькой общины являлась ее дисперсность. Поляки, поселяясь преимущественно в сельской местности (около 75 %), не создавали моноэтничных поселений. Они предпочитали водворяться в русских деревнях. Другой особенностью общины являлся ее сельский характер. В отличие от прочих общин, польская не стремилась к созданию в Сибири социальных и экономических институтов, т. к. она продолжала рассматривать Сибирь в течение данного периода в качестве места временного пребывания.

Еврейская община Сибири в пореформенный период продолжает испытывать в своем развитии большие сложности. Это было связано с сохранявшимся запретом на добровольное переселение за Урал. Поэтому главным источником пополнения общины в сибирских губерниях остается ссылка на каторгу или поселение в уголовном или административном порядке. Это привело к тому, что основными нормативными актами, регулирующими права и обязанности евреев в Сибири, являлись уставы «О паспортах», «О ссыльных» и «О предупреждении и пресечении преступлений».

[15] *Качинская Э.* Указ. соч. – С. 271.

[16] *Скубневский В.А.* Поляки в администрации и хозяйственной деятельности на Алтае в XVIII – начале XX века // Мир Евразии. – 2009. – № 3 (6). – С. 69.

[17] *Масярж В.* Миграция польских крестьян в Сибирь в конце XIX – начале XX века // Сибирь в истории и культуре польского народа. – М., 2002. – С. 242.

В конце XIX в. Сибирь оказывается в уникальном положении. Это проявилось, с одной стороны, в том, что регион оставался не включенным в черту оседлости, а с другой, в создании здесь персональной черты оседлости для каждого еврея. Так, в одном из уставов было записано, что «в пределах Сибири евреи не пользуются правом свободного жительства и могут проживать лишь в силу приписки к одному из местных обществ, которое и является для них постоянным местом жительства»[18].

На территории Алтайского горного округа продолжал сохраняться запрет на водворение евреев, как из числа добровольных переселенцев, так и из числа ссыльных. Правда, в 1872 г. Министерство внутренних дел попыталось получить у Министерства императорского двора, в чьем непосредственном ведении находился округ, согласие на «допущение евреев к проживанию в Алтайском округе». Этот запрет проявился в очередной раз в вопросе о причислении евреев к мещанскому обществу г. Колывани – его наличие и нахождение города на территории округа не позволили включить их в состав городских жителей.

Таким образом, юридический статус евреев в Сибири не был четко определен: двойственность их положения сохранялась, что давало возможность властям развивать «еврейский вопрос» в регионе в выгодном для себя направлении[19].

Подобная ситуация вызывала возмущение либерально настроенной сибирской общественности. Это наиболее отчетливо прослеживается в публикациях областников. Так, например, уже в начале XX в. на страницах «Сибирских вопросов» и иных изданий появляются статьи и заметки, в которых было показано бедственное положение сибирских евреев и жестокое отношение к ним местных властей[20]. В частности, указывалось на то, что «еврейский вопрос» в Сибири имеет такую же искусственную природу, что и «земельный вопрос».

Вследствие реализации ограничительной политики государство оказывалось в двойственной ситуации. Оно запрещало еврейскую миграцию в Азиатскую Россию, мотивируя это защитой православного населения от «нежелательного жидовского влияния», и в то же время оно ссылало сюда евреев за совершенные ими уголовные преступления, и появление этого элемента, его контакты с местным населением нисколько не смущали власти. Однако, несмотря на все запреты, еврейская община продолжала увеличиваться. Наряду с ссыльными община формировалась за счет потомков ссыльных, детей николаевских солдат и других.

Одна из наиболее крупных общин к концу XIX в. оформилась в Томске (на 1897 г. около 3 тыс. чел.). Здесь впервые местное общество сумело создать разнообразные институты социализации: синагогу, училище. Несмотря на имеющиеся организационные и иные недостатки, именно Томское еврейское училище оставалось в течение длительного времени единственным национальным учебным заведением. Наличие этих институтов свидетельствует о достижении евреями в городе критической массы «своих», которая требовала создания наиболее благоприятных условий для самосохранения. Достаточно крупные общины возникли в Каинске и Мариинске.

Охранительная политика в Алтайском горном округе не стала препятствием для появления здесь небольшой еврейской общины. К 1897 г. только в Барнаульском округе проживало уже более 200 евреев. На рубеже XIX–XX вв. в Барнауле, который являлся центром горного округа, проживало 56 чел. иудейского исповедания. При этом начальник полиции в своих ежегодных докладах сообщал, что иудеев нет.

[18] *Шайдуров В.Н.* Евреи, немцы, поляки Западной Сибири в XIX – начале XX в. – С. 96.

[19] *Островский Ю.* Сибирские евреи. – СПб., 1911. – С. 14.

[20] См., например: *Тихонов Т.И.* Сибирские евреи, их права и нужды // Сибирские вопросы. – 1905. – № 1. – С. 278–309.

К концу XIX в. общая численность общины в западносибирских губерниях составила около 15 тыс. чел., из которых около 50 % проживали на территории Томской губернии. К этому моменту определилась одна из отличительных черт еврейской общины – высокий уровень урбанизированности (около 65,5 %).

Община сибирских немцев во второй половине XIX в. по-прежнему сохранялась. К 1897 г. она насчитывала около 3,4 тыс. чел. Численность увеличивалась за счет естественного прироста. Однако вследствие размытости этнической группы в русской среде этот показатель был очень незначителен[21].

Основным источником пополнения общины оставалась добровольная миграция. Правовых ограничений на переселение немцев за Урал не существовало. Однако отсутствие разработанного переселенческого законодательства, предоставлявшего им льготы и помощь со стороны государства, в значительной степени сдерживало поток желающих переселиться. Другим ограничительным фактором являлось сохранение до 1871 г. нерушимости общинных порядков. Только в результате реформы колоний в 1871 г. стал возможен выход из колонистской общины.

В 1880-е годы немецкие колонисты начинают рассматривать Сибирь как один из наиболее вероятных объектов водворения. К поиску новых земель их подталкивали различные социальные, экономические, политические факторы. Однако масштабы переселения были невелики. Тем не менее, именно в это время определяются основные районы компактного и дисперсного расселения, которые будут активно формироваться в годы столыпинского переселения (западная и юго-западная части Томской губернии, район около Омска).

Преобладание в числе переселенцев выходцев из сельской местности во многом определило лицо сибирских немцев. В среднем, более 70 % общины было сосредоточено вне городов. Это позволяло выработать наиболее благоприятные условия для накопления необходимой критической массы «своих» и создания социальной и экономической основы для самосохранения общества и нерастворения его в окружающем большинстве.

На протяжении XIX в. национальные общины были включены в экономическую и социокультурную жизнь макрорегионов (Поволжье, Новороссия, Северный Кавказ, Сибирь). В процессе адаптации они сумели найти свои экономические ниши самостоятельно или при помощи принуждения. Так, подавляющее большинство российских немцев в Поволжье, Новороссии было вовлечено в сельское хозяйство. Для евреев-ашкеназов традиционными занятиями были мелочная торговля, ремесла, которые были связаны с переработкой сельскохозяйственного сырья (винокурение, мукомольное производство), транспорт, ростовщичество. Хозяйственная деятельность поляков за пределами Царства Польского напрямую зависела от их юридического статуса. Ссыльные использовались до конца XIX в. на принудительных работах в горном производстве, зачислялись в арестантские роты русской армии. Поляки, которые самостоятельно переселялись на окраины Российской империи, благодаря высокому образовательному уровню находили свое место в гражданской администрации, армии, промышленном производстве. Можно согласиться с мнением российских историков XX в., что появление на окраинах Российской империи большого количества нерусского населения европейского происхождения положительно отразилось на социально-экономическом развитии макрорегионов, которые перешли в стадию развития капиталистических отношений.

Таким образом, во второй половине XVIII–XIX в. в национальном составе населения Российской империи произошли заметные изменения, что было связано с проводившимися властями активными внешнеполитическими мероприятиями. Volens nolens на ее территории оказались многочисленные представители разных национальных групп, самыми многочисленными из которых оказались евреи, немцы и поляки. Эти диаспоры оказались включенными в экономику, имевшую более высокий уровень развития, чем в родных странах.

[21] *Шайдуров В.Н.* Немецкая община Западной Сибири (вторая половина XVIII – начало XX вв.) // Нов. ист. вестн. – 2008. – № 17. – С. 52–53.

В течение XIX в. осуществлялся процесс формирования региональных общин, на который непосредственное влияние оказывала проводимая властями национальная политика. Поляки, евреи и немцы начали играть заметную роль во внутрироссийских миграциях. Их многочисленные общины сформировались в разных макрорегионах Российской империи (Поволжье, Новороссия, Северный Кавказ, Сибирь). На рубеже XIX–XX вв. наиболее быстрыми темпами росли европейские национальные общины в Сибири. Так, еврейская община насчитывала только в Западной Сибири в начале XX в. более 30 тыс. чел., польская община – более 50 тыс. чел., немецкая – около 100 тыс. чел. Переселяясь на окраины Российской империи, они, как и русские мигранты, выполняли свою роль по их освоению. Теперь шел процесс вторичной национальной миграции из развитых в экономическом отношении регионов в отсталые. Результатом стало формирование территориальных общин, которые играли большую роль в сельском хозяйстве, переработке минерального и сельскохозяйственного сырья, торговле, транспорте.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Горизонтов Л.Е.* Парадоксы имперской политики: Поляки в России и русские в Польше (XIX – начало XX в.). – М.: Индрик, 1999. – 272 с.
2. *Кальмина Л.В.* Еврейские общины Восточной Сибири (середина XIX в. – февраль 1917 года). – Улан-Удэ: ВСГАКИ, 2003. – 423 с.
3. *Карих Е.В.* Межэтнические отношения в Западной Сибири в процессе ее хозяйственного освоения. XIX – начало XX в. – Томск: Изд-во Томск. ун-та, 2004. – 232 с.
4. *Качинская Э.* Поляки в Сибири (1815–1914 гг.). Социально-демографический аспект // Сибирь в истории и культуре польского народа / Науч. ред. П.С. Романов, А. Кучинский. – М.: Ладомир, 2002. – С. 225–277.
5. *Масярж В.* Миграция польских крестьян в Сибирь в конце XIX – начале XX века // Сибирь в истории и культуре польского народа / Науч. ред. П.С. Романов, А. Кучинский. – М.: Ладомир, 2002. – С. 241–245.
6. *Миллер А.* Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования. – М.: Нов. литер. обозрение, 2006. – 248 с.
7. *Островский Ю.* Сибирские евреи. – СПб.: Тип. И. Лурье и К°, 1911. – 62 с.
8. *Ремнев А.В.* Россия Дальнего Востока. Имперская география власти (XIX – начало XX в.). – Омск: Изд-во Омск. ун-та, 2004. – 552 с.
9. *Скубневский В.А.* Немецкое предпринимательство на Алтае во второй половине XIX – начале XX в. // Изв. Алтайск. гос. ун-та. Сер. История. – 2010. – № 3–4. – С. 198–202.
10. *Скубневский В.А.* Поляки в администрации и хозяйственной деятельности на Алтае в XVIII – начале XX века // Мир Евразии. – 2009. – № 3 (6). – С. 66–71.
11. *Шайдуров В.Н.* Евреи, немцы, поляки Западной Сибири в XIX – начале XX в. – СПб.: Изд-во Невск. ин-та языка и культуры, 2013. – 260 с.
12. *Шайдуров В.Н.* К вопросу о формировании еврейской общины Сибири в дореформенный период // Вестн. Кемеров. гос. ун-та. – 2012. – № 4 (52). – Т. 1. – С. 104–110.
13. *Шайдуров В.Н.* Немецкая община Западной Сибири (вторая половина XVIII – начало XX вв.) // Нов. ист. вестн. – 2008. – № 17. – С. 50–63.
14. *Шайдуров В.Н.* Формирование и социально-экономическое развитие немецкой диаспоры на Алтае. Конец XIX – начало XX в. – Барнаул: Полиграф-сервис, 2003. – 140 с.
15. *Avrutin E.* Jews and the imperial state: identification politics in tsarist Russia. – Ithaca; N.Y., 2010. – 216 p.

16. *Kappeler A.* Russland als Vielvölkerreich. – München: Verlag C.H. Beck, 1992. – 294 S.
17. *Klier J.D.* Russia gathers her Jews: the origins of the «Jewish question» in Russia, 1772–1825. – Northern Illinois University Press, 1986. – 236 p.
18. *Kuczynski A.* Siberia. 400 years of the Polish Diaspora. – Wroclaw; Warszawa; Krakow, 1993. – 436 p.
19. *Lohr E.* Nationalizing the Russian Empire: the Campaign against enemy aliens during World War I. – Harvard University Press, 2003. – 237 p.
20. *Must A.* Siber ja Eesti. Jalaraua kolin. – Tallinn, 2012. – 752 p.
21. *Nathans B.* Beyond the pale: the Jewish encounter with late imperial Russia. – Berkeley; Los Angeles, 2002. – 424 p.
22. *Pohl O.* Catherine's grandchildren: a short history of the Russian-Germans under the Soviet rule. – Lincoln, Nebraska, 2009. – 106 p.

Europäische Minderheiten in der Diaspora in Russland: russlandweite und regionale Besonderheiten ihrer Herausbildung

V. N. Šajdurov

Die imperiale Politik Russlands im 18. Jahrhundert und zu Beginn des 19. Jahrhunderts führte dazu, dass verschiedene Diasporagemeinden entstanden, von denen die polnische, die jüdische und die deutsche die größten waren. Sie befanden sich im Fokus der zaristischen Behörden, und ihre Lage wurde durch verschiedene Rechtsvorschriften reglementiert. Die Umsiedlung von Juden, Deutschen, Polen, Finnen, Letten und Esten in die Randgebiete des Staates erfolgte teils zwangsweise, teils freiwillig. Durch Gesetze des Russischen Reiches wurden die Wohnorte und die Formen der wirtschaftlichen Betätigung vorgeschrieben. Ziel des vorliegenden Beitrages ist es, die russlandweiten und regionalen Besonderheiten bei der Herausbildung der europäischen Diasporagemeinden in Russland zum Ende des 18. und zu Beginn des 19. Jahrhunderts herauszuarbeiten. Dazu ist es erforderlich, die Art der Entstehung von Gemeinden nationaler Minderheiten in Makroregionen Russlands (am Beispiel Sibiriens) zu bestimmen, die Spezifik der russischen Gesetzgebung in Bezug auf Juden, Deutsche und Polen herauszufinden und diese Gemeinden quantitativ zu bewerten.

Schlüsselwörter: Russisches Reich, Diasporagemeinden, jüdische Gemeinde, polnische Gemeinde, deutsche Gemeinde, Migration, sekundäre Migration nationaler Minderheiten.

The European diasporas in Russia: National and regional aspects of organization and development

V.N. Shaidurov

The imperial policy of the Russian government in the 18th and early 19th century led to the formation of various diasporas, with the largest being of Polish, Jewish, German and Finnish origin. They were in the focus of attention of the tsarist administration while their status was regulated by a variety of laws. The Jews, the Germans, the Poles, the Finns, the Latvians and the Estonians moved to the outskirts of the state both by force and of their own accord. The Laws of the Russian Empire spelt out what places they could reside in and what types of economic activities they could engage in. The aim of the author of this article is to define the aspects of organization and development of the European diasporas in Russia in the late 18th and early 19th century both on the national and on the regional level. In order to get that done we need to determine the nature of the formation of the ethnic communities in the Russian macroregions (such as Siberia), to reveal specificity of the Russian legislation regarding the Jews, the Germans and the Poles and to give a quantitative characteristics of the communities. Accomplishing this will make it possible to describe the way the European diasporas were formed and developed in Russia in the 18th and 19th century.

Keywords: the Russian Empire, diasporas, the Jewish community, the Polish community, the German community, migrations, secondary ethnic migration.

УДК 323.15(471.23)«192»

В. Дённингхаус

Национальная политика в РСФСР в отношении нацменьшинств Запада во второй половине 1920-х годов (на примере Ленинградской области)

В настоящей статье предпринимается попытка осветить реалии, специфику и степень эффективности национальной политики большевиков второй половины 1920-х годов в отношении так называемых национальных меньшинств Запада на примере диаспоральных групп Ленинградской области.

Ключевые слова: Советский Союз, национальная политика, федерация, титульная нация, нацменьшинства, западные национальные меньшинства, немцы.

Национальная политика большевиков, бесспорно, стала одним из наиболее успешных достижений «советского проекта». Придя к власти, большевики смогли привлечь на свою сторону широкие слои нерусского населения, выиграть Гражданскую войну и на долгие 70 лет консолидировать многонациональную страну на новых основаниях. Это очарование советской национальной политики сохраняется до сих пор, несмотря на все наши знания о «национальных» операциях НКВД 1937–1938 гг. и массовых этнических депортациях военного и послевоенного времени[1]. В литературе можно встретить сравнение СССР с империей Габсбургов, а автор одной из самых известных монографий, посвященных национальной политике большевиков, характеризует молодое Советское государство как «империю позитивной дискриминации» – Affirmative Action Empire[2].

Эта слава «золотого века» многонациональной империи во многом базируется на успехах национально-территориального административного строительства 1920-х годов, позволившего расселить этносы по своим многочисленным «квартирам» в форме советских федеральных и автономных республик, автономных областей и национальных районов, а также на широком использовании в государственном строительстве национальных советско-партийных и функциональных элит (т.н. «коренизация»). Однако в целом такая внешне успешная национальная политика 1920-х годов знала периоды не только взлетов, но и падений. В настоящей статье предпринимается попытка осветить реалии, специфику и степень эффективности национальной политики большевиков второй половины 1920-х годов в отношении так называемых национальных меньшинств Запада на примере диаспоральных групп Ленинградской области.

[1] См., например: *Dönninghaus V.* „Ohne Schuld schuldig…“: Stalins Politbüro und die Deportationen nationaler Minderheiten des Westens in den 1930er Jahren // Nordost-Archiv. Zeitschrift für Regionalgeschichte N.F. XXI. – 2012. – S. 34–63; *Savin A.* Nationale Operationen des NKVD der UdSSR 1937/1938 // Lexikon der Vertreibungen. Deportation, Zwangsaussiedlung und ethnische Säuberung im Europa des 20. Jahrhunderts / Hrsg. von D. Brandes, H. Sundhaussen, S. Troebst. – Wien; Köln; Weimar, 2010. – S. 462–465.

[2] См. подробнее: *Mazower M.* Der dunkle Kontinent. Europa im 20. Jahrhundert. – Berlin 2000; *Martin T.* The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939. – Ithaca 2001.

© В. ДЁННИНГХАУС. ЕЖЕГОДНИК МАИИКРН. 2015 Г. № 1. С. 49–58.

Специфика национальной политики второй половины 1920-х годов во многом определялась ликвидацией в апреле 1924 г. Народного комиссариата национальностей – специального органа правительства, отвечавшего за выработку и реализацию политики государства в национальной сфере. Эта ликвидация автоматически лишила целый ряд национальностей, включая национальные меньшинства (нацмен) Запада, представительства в высших государственных органах власти. Отдел национальностей ВЦИК РСФСР (далее – ОН ВЦИК), в отличие от своего предшественника, не имел специальных «этнических» подотделов. В результате решение всех вопросов, связанных с жизнедеятельностью отдельных национальных групп, включая представителей нацмен Запада, возлагалось на инструкторов. К их компетенции относились организация встреч и совещаний уполномоченных по делам нацмен, координация и контроль над их деятельностью на местах, оказание им методической помощи и т. п. Причем сотрудники Отдела национальностей самокритично признавали, что из-за низкой численности аппарата он фактически до середины 1920-х годов оставался «чрезвычайно неприспособлен» к эффективному контролю за нацработой в РСФСР.

Структура ОН ВЦИК не претерпела особых изменений и во второй половине 1920-х годов, которые были бы способны кардинально расширить его возможности. К концу 1926 г. в штате Отдела работало всего четыре инструктора (по еврейским делам, по делам западных, восточных и угро-финских национальностей), курировавшие 22 млн нерусского населения РСФСР, что являлось практически нереальной задачей. Неудивительно, что, оценивая уровень «обслуживания нацмен» РСФСР, один из сотрудников Отдела заметил в 1926 г.: «Приходится констатировать, что, не говоря уже о работе общих ведомств, деятельность даже специальных учреждений для обслуживания нацмен далеко не удовлетворительна»[3]. Разница статуса «нацмен» и «титульных наций» была разительной. Немцы, бытовавшие в РСФСР в 1920-е годы в обеих ипостасях, служат здесь лучшим примером. В качестве «титульной» нации, имевшей собственную автономную республику, они были представлены в Москве, помимо центрального представительства АССР немцев Поволжья при Президиуме ВЦИК[4], еще в восьми различных представительствах Немреспублики (Немторг, Немволбанк, Немгосиздат, Немкустпромсоюз, Сарпинсоюз, Немсельскосоюз и др.)[5]. Зато как национальное меньшинство РСФСР они не имели даже собственного инструктора в Отделе национальностей ВЦИК РСФСР.

Ограниченность возможностей и средств ОН ВЦИК свела всю его деятельность только к теоретическим разработкам по «национальному вопросу» и методической работе с уполномоченными по делам нацмен. Основной формой этой работы явились прежде всего организация и проведение всероссийских встреч и совещаний уполномоченных, которых за период 1924–1930 гг. состоялось в Москве не менее восьми.

Регулярно подчеркивая прикладное значение своей «теоретической» деятельности, сотрудники ОН ВЦИК разрабатывали конкретные планы работы по улучшению хозяйственной и культурной жизни нацмен. Речь, как правило, шла о вовлечении их в дело «государственного строительства», заключавшегося в организации

[3] *Ильин С.К.* Проблема нацменьшинств Северокавказских автономий в деятельности центральных органов РСФСР: теория и практика. 20-е годы // Северный Кавказ. Выбор пути национального развития. – Майкоп, 1994. – С. 174–175.

[4] В 1929–1930 гг. представительство АССР НП при Президиуме ВЦИК состояло из 10 сотрудников. См.: Отчет представительства АССР НП при Президиуме ВЦИК за 1928/29 гг. // Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. Р-1235. Оп. 124. Д. 59. Л. 18 об.

[5] В связи с вхождением АССР НП в Нижне-Волжский край в 1928–1929 гг. в Москве осталось только одно представительство АССР НП при Президиуме ВЦИК. См.: Отчет представительства АССР НП при Президиуме ВЦИК за 1928/29 гг. // ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 124. Д. 59. Л. 59.

национальных сельсоветов, волостных и районных исполнительных комитетов; переводе делопроизводства и судопроизводства на национальные языки; развертывании сети культурно-просветительных учреждений и т. д.[6] Весьма «плодотворными» для Отдела национальностей стали 1927–1928 гг., когда его сотрудники уделили повышенное внимание этнодисперсным группам в автономных республиках и областях, разбив их на две основные категории. При этом главной задачей Центра по отношению к первой, «культурно и экономически отсталой группе национальностей», должно было стать ее «выравнивание» по отношению к коренному населению соответствующей автономной республики или области. По отношению же ко второй, более культурно и экономически развитой группе нацмен, к которой были отнесены и представители западных народностей, задачи были поставлены намного скромнее: «Создание таких условий, которые обеспечили бы изжитие старого наследства и воспитание трудящихся масс всех национальностей в духе братского сожительства»[7]. На II Всероссийском совещании уполномоченных по делам нацмен в мае 1928 г. было открытым текстом заявлено, что работа с западными национальностями (немцами, латышами, эстонцами и др.) практически не велась, что в итоге и вызвало «сильное влияние на них кулацких и антисоветских элементов». Совещание призвало немедленно «усилить организационно-массовую работу» среди представителей народов Запада путем сплочения бедняцких и середняцких слоев вокруг национальных сельсоветов. В принятом участниками совещания постановлении впервые рекомендовалось установить «более дифференцированный подход в деле обслуживания каждой отдельной национальности с учетом их бытовых особенностей, экономического и культурного уровня»[8]. Кроме этого, было признано необходимым практиковать созыв регулярных совещаний нацменработников (как центральных, так и региональных) строго по группам отдельных национальностей: западных, тюркских и угро-финских[9].

В связи с особенностями положения ОН ВЦИК, о которых упоминалось выше, его сотрудники не могли оказывать прямого влияния на положение нацменьшинств в административно-территориальных подразделениях РСФСР и в ее автономиях, а следовательно, большинство теоретических разработок отдела оставались на бумаге. Свою роль сыграло и то обстоятельство, что после XII съезда РКП(б) руководство партии посчитало формирование национальной доктрины в СССР в целом законченным. На решенность теоретических аспектов проблемы нацмен в РСФСР указывали и участники I Всероссийского совещания уполномоченных по делам нацмен в декабре 1926 г. Один из них буквально заявил следующее: «Как вам всем известно, наша линия по работе среди нацменьшинств определена нашими руководящими органами в достаточной степени, и в этой области, конечно, нам нового ничего сделать не приходится»[10]. Вместе с тем в решениях того же совещания было признано, что работа среди нацменьшинств «повсюду носит зачаточный характер», отсутствуют плановость и система, уполномоченные по работе с нацменами «больше заняты другой работой» и т. д.[11] Такое положение сложилось также за счет того, что после ликвидации НКН все обя-

[6] Докладная записка Р. Сабирова о постановлениях и решениях Совещаний уполномоченных по делам нацмен от 15.06.1928 г. // ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 123. Д. 4. Л. 113–114.

[7] Тезисы доклада об итогах и очередных задачах в области работы среди нацменьшинств РСФСР, май 1928 г. // ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 123. Д. 4. Л. 186–186 об.

[8] Постановление II Всероссийского совещания уполномоченных по делам нацмен [май 1928 г.] // ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 123. Д. 4. Л. 141.

[9] Там же. Л. 142, 145.

[10] Цит. по: *Ильин С.К.* Проблема нацменьшинств… – С. 164.

[11] Докладная записка Р. Сабирова о постановлениях и решениях Совещаний уполномоченных по делам нацмен от 15.06.1928 г. // ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 123. Д. 4. Л. 113.

занности по реализации поставленных ВЦИК задач, связанных с решением «национального вопроса», возлагались на отраслевые наркоматы и ведомства, для которых они были «пятым колесом». «Примерно до начала 1927 г., – признавался заместитель секретаря ВЦИК А.И. Досов, – работа среди национальных меньшинств понималась как работа по обслуживанию исключительно культурных нужд нацмен населения (организация школ, изб-читален, ликвид[ационных] пунктов [неграмотности] и др.) <…> Вопросам хозяйственного обслуживания нацмен, советского строительства <…>, уделялось мало внимания»[12].

Весной 1927 г. была предпринята попытка повлиять на ситуацию: Президиум ВЦИК своим специальным постановлением от 14 марта 1927 г. поставил центральным и местным органам власти задачу «во всех своих планах и мероприятиях по советскому, хозяйственному и культурному строительству учитывать и отражать интересы национальных меньшинств»[13]. Были даны и конкретные директивы по различным отраслям этой работы: ускоренное выделение национальных административно-территориальных единиц; коренизация аппарата, обслуживающего нацмен; расширение школьной сети на национальных языках, проведение землеустройства и агрокультурных мероприятий, укрепление сети кооперативных организаций и др. Однако и через год, несмотря на указания высшего органа власти республики, ОН ВЦИК констатировал, что выделение национальных сельсоветов проходило довольно вяло (оставалось много смешанных сельсоветов, волостей и районов); перевод делопроизводства на родные языки нацмен имел место только в отчетах, но не на практике; фактически отсутствовали подготовка и переподготовка нацработников для советского аппарата; «белым пятном» оставалась работа кооперативных организаций и т. д.[14]

Посмотреть на проблему «снизу» позволяет анализ ситуации в Ленинградской области, которая может расцениваться как репрезентативный объект для изучения государственной политики в отношении диаспор, поскольку доля представителей национальных меньшинств была здесь достаточно высокой. В целом на 1928 г. в Ленинградской области проживало свыше 610 тыс. представителей нацмен, что составляло около 10 % от ее населения: финнов – 133 тыс. чел., евреев – 115 тыс., эстонцев – 87 тыс., поляков – 60 тыс., белорусов – 52 тыс., латышей – 39 тыс., немцев – 5,2 тыс. и т. д. При этом среди 34 национальностей, отнесенных к нацменам, «советская работа» велась только на 14 родных языках. Причем к «культурно отсталым народностям» было причислено всего около 40 тыс. чел., т. е. 6,5 % (ижорцы, вепсы, лопари, зыряне и т. д.). Основную группу нацмен составляли представители народов Запада, однако, как и в целом по стране, работа среди них практически не велась. Причины такого положения уполномоченный по делам нацмен Ленинградской области Янсен объяснял следующим образом: 1) мнение, превалирующее среди советских работников, что «на работу среди национальностей западной культуры не нужно обращать внимания, так как они уже достаточно культурны»; и 2) «эти национальности – латыши, финны, эстонцы, немцы – представляют собой в большинстве зажиточное кулачество»[15]. Дело также было в том, что собственный низкий уровень развития и образования советских работников и незнание языков зачастую не позволяли им эффективно проводить «советскую» работу среди представителей западных национальностей[16]. Неудивительно, что большинство из совработников предпочитали работать в русскоязычных деревнях или селениях, населенных «культурно отсталыми» народами. Именно этой причиной, по мнению Центра, объяснялся рост «кулацкой» верхушки среди нацмен Запада, включая Ленинградскую область. «Только этим можно объяснить, – констатировал представитель оргкомиссии ВЦИК Самойлович (1930), – успех агитации антисоветских, кулацких элементов и руководителей религиозных групп, направленной против наших мероприятий по социалистическому переустройству экономики и быта национальных меньшинств»[17].

Что касается организации национально-административных единиц в свете директив партии и правительства «по приближению низового советского аппарата к массе», то к 1928 г. в Ленинградской области были выделены уже 121 национальный сельсовет и два национальных района[18]. «Работа эта сильна затруднена, – жаловались при этом работники Ленинградского облисполкома, – так как имеется большая разбросанность нацмен». Причем в результате этого «районирования» политическая работа с целым рядом групп нацменьшинств не только не усилилась, а, наоборот, ослабела. Дело в том, что относительно компактно в области проживали только финны. Из 39 тыс. латышей, к примеру, около 70 % были разбросаны в 120 населенных пунктах, объединявших от 5 до 15 хозяйств. В аналогичном положении находились эстонцы, карелы, немцы и др. При этом, несмотря на оговоренные облисполкомом нормы по объединению в национальные сельсоветы (не менее 500 и не более 3000 чел.), на практике они отличались большим разбросом (от 150 до 6000 чел.). Вместе с тем в области оставалось еще около 125 смешанных сельсоветов с преобладающим количеством (свыше 50 %) какой-либо одной из групп нацмен[19]. Что касается перевода делопроизводства на национальные языки, то это коснулось в основном только национальных районов. Из 121 национального сельсовета Ленинградской области к началу 1928 г. на национальные языки были переведены менее трети (31 %).

Сложившееся положение власти объясняли не только отсутствием подготовленных технических работников, владеющих языком этих национальностей, но и довольно прозаической причиной – отсутствием пишущих машинок с национальным шрифтом[20]. Можно вполне согласиться в этом случае с логикой вышеупомянутого функционера высшего звена Самойловича, заявлявшего: «Нельзя ожидать превра-

[12] Докладная записка А.И. Досова в Президиум ВЦИК от 15.03.1928 г. // ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 123. Д. 4. Л. 486.

[13] Там же. Ср.: *Самойлович П.* Организационное укрепление нацменработы в РСФСР // Революция и национальности. – 1930. – № 1. – С. 83.

[14] Докладная записка А.И. Досова в Президиум ВЦИК от 15.03.1928 г. // ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 123. Д. 4. Л. 487–488. Ср.: Протокол № 14 заседания Комиссии Президиума ЦИК СССР по советскому строительству и оргвопросам от 25.03.1930 г. // ГАРФ. Ф. Р-3316. Оп. 23. Д. 1339. Л. 45 об.

[15] Материалы совещания уполномоченных по работе среди национальных меньшинств при ЦИКах автономных республик, областных, краевых и губернских исполнительных комитетах. 1928. Стенографический отчет. – М.: Изд-во ВЦИК, 1928. – С. 174–175.

[16] Отсутствие интереса к большевистской пропаганде в среде немецкого населения нашло свое отражение в довоенном издании знаменитого сатирического произведения И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой теленок». При распределении участков на конференции «детей лейтенанта Шмидта» никто из 30 претендентов не желал идти в университетские центры или большие города, тем более в АССР немцев Поволжья. «А что, разве это такая плохая республика? – невинно спрашивал Балаганов. – Это, кажется, хорошее место. Немцы как культурные люди не могут не протянуть руки помощи. – Знаем, знаем! – кричали разволнованные дети. – У немцев возьмешь!» «Дети» были прекрасно осведомлены, что немцы революцией и политикой не интересовались, а следовательно, ничего не знали о судьбе легендарного лейтенанта Шмидта. См.: *Ильф И., Петров Е.* Золотой теленок. – М., 1933. – С. 28–29; *Энгель-Браншмидт А.* Поклонение золотому тельцу: Одесский роман немецкого писателя Р. Штратца и немцы в дилогии И. Ильфа и Е. Петрова // Literature, folklore, arts. Scientific papers University of Latvia. – Vol. 705. – Рига, 2006. – С. 72.

[17] *Самойлович П.* Организационное укрепление нацменработы… – С. 83.

[18] Среди национальных сельсоветов Ленинградской области (имевших от 70 до 90 % населения одной национальности) было выделено (1928): финских – 82, латышских – 6, лопарских – 8, эстонских – 8, вепсских – 6, немецких – 5, карельских – 3 и т. д.

[19] Национальный сельсовет организовывался только при наличии 66 % населения одной национальности.

[20] Материалы совещания уполномоченных по работе среди национальных меньшинств… – С. 177–179.

Колхоз «Ленинская крепость» в поселке Ручьи. Пробный выезд к севу. Первая и вторая бригады. 21 апреля 1932 г.

Из семейного архива Ф.А. Бича

В состав колхоза вошли некоторые немецкие колонисты из близлежащих хуторов

щения сельсоветов <…>, в которых работа ведется на русском языке, в активно действующие организации, поскольку чаще всего батрацко-середняцкие массы не знают русского языка»[21]. До 1928 г. включительно в Ленинградской области не уделялось внимания ни хозяйственно-кооперативному строительству среди нацмен, ни вовлечению их в колхозы. В целом по всей области было создано только 24 колхоза из представителей этнодисперсных групп: 15 еврейских, 6 эстонских и 3 финских, объединявших в общей сложности 992 чел.[22] Если учитывать, что такое состояние дел в области работы с нацменами было зафиксировано в одной из наиболее развитых областей – «столичной», то в отдаленных от центра регионах, в особенности в автономных республиках и областях РСФСР, эта работа находилась в еще более худшем состоянии[23]. Участники II Всероссийского совещания уполномоченных по делам нацмен (май 1928) были вынуждены признать, что все центральные наркоматы и ведомства, за исключением НКН, несмотря на все правительственные постановления об усилении работы среди этнодисперсных групп населения, этой работой совершенно не руководят[24].

Такое положение сохранялось вплоть до коллективизации. Есть смысл привести ряд наиболее характерных заявлений ведущих наркоматов РСФСР, датируемых началом 1930 г., недвусмысленно характеризующих их отношение к работе с нацменами. Так, например, руководство НКВД открытым текстом заявляло, что в получаемых с мест материалах показатели по нацгруппам (не объединенным в национально-территориальные единицы) совершенно не выделяются, а следовательно, «наркомат не имеет <…> сведений, которые отображали бы состояние адм[инистративных] органов по обслуживанию нацменьшинств». Наркомтруд, в свою очередь, сообщал, что «вопросы внедрения национальных меньшинств и культурно отсталых народностей

[21] *Самойлович П.* Организационное укрепление нацменработы… – С. 86. Ср.: Протокол № 14 заседания Комиссии Президиума ЦИК СССР по советскому строительству и оргвопросам от 25.03.1930 г. // ГАРФ. Ф. Р-3316. Оп. 23. Д. 1339. Л. 67.

[22] Материалы совещания уполномоченных по работе среди национальных меньшинств… – С. 177–179. Ср.: Доклад о культурно-хозяйственном обслуживании нацменьшинств БССР (поляков, латышей, литовцев и немцев) от 3.04.1930 г. // ГАРФ. Ф. Р-3316. Оп. 23. Д. 1360. Л. 31–32.

[23] См., например: Постановление Президиума ЦИК Союза ССР по докладу Северо-Кавказского крайисполкома о практическом осуществлении национальной политики в Северо-Кавказском крае от 12.02.1930 г. // Революция и национальности. – 1930. – № 1. – С. 114–116.

[24] Докладная записка Р. Сабирова о постановлениях и решениях Совещаний уполномоченных по делам нацмен от 15.06.1928 г. // ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 123. Д. 4. Л. 117–118.

HUNGERN DIE DEUTSCHEN KOLLEKTIVISTEN?

ANTWORT DEM FASCHISTISCHEN LüGENGESINDEL: *Unsere sozialistische Landwirtschaft gibt uns eine reiche Ernte!*

Wir werden wohlhabende Menschen!

Fotos „Sojusfoto"

Das faschistische Regime in Deutschland hat den Arbeitern und Bauern die Erfüllung aller ihrer in der Sowjetunion erfunden. — Hunderte von Protestbriefen mit tausenden von Unterschriften Wünsche versprochen. Das Ergebnis ist: Steigende Not und Elend, bittere Enttäuschung. Um abzuwaren die Antwort der deutschen Kollektivwirtschaftler; auf diesen Verleumdungsfeldzug. Unsere lenken haben die faschistischen Machthaber die Lüge von dem Hunger der deutschen Kinderfrichten Fotos aus deutschen Kolchosen zeigen eine reiche Ernte, arbeitsame, gesunde und lustige Menschen.

Während in Deutschland die armen und mittleren Bauern immer mehr verschulden, sodass sie gezwungen sind, ihr letztes Vieh zu verkaufen, hat unser sozialistischer Staat hundertausende Maschinen und Traktoren zur Verfügung gestellt, die die Arbeit erleichtern und das Vieh schonen.

Dicht bei Leningrad liegt der deutsche Kolchos 1. Mai, der 54 Wirtschaften auf 350 Hektar vereinigt. 51 Kollektivisten haben einen Protestbrief gegen die Lügenhetze unterschrieben. Wer denken zweifelt, fahre mit dem Autobus hin, der zwischen Leningrad und Koltuschuni verkehrt.

Die grösste Empörung über den Faschistenschwindel herrscht in der Deutschen Wolgarepublik. Unser Foto zeigt eine Versammlung einer Erntebrigade auf dem Felde. Der Brigadier liest aus der Zeitung vor und schlägt vor, 16 Kinder aus Deutschland im eigenen Kolchos aufzunehmen.

Eine Bauerngruppe vom deutschen Kolchos 1. Mai, die zur Heumahd fährt. Sehen sie verhungert und zerlumpt aus? Diese Frauen können ruhig ihrer Arbeit nachgehen, denn ihre Kinder befinden sich wohlverwahrt und gefüttert in Krippen und in der neu erbauten Schule.

Das ist Emma Eibert, Stossgruppierin aus dem deutschen Kolchos „Einheit" in Kanton Marxstadt, Wolga. Sie lächelt über die faschistischen Märchen und arbeitet ruhig weiter.

„Die deutschen Wolgabauern fressen vor lauter Hunger oft ihre eigenen Kinder" liegt das Faschistenpack in die Welt hinaus. Während dieser Zeit häufen sich die Ernteideeäcke an den Schüttpunkten, erfüllen die Kollektivisten 100-tig ihre Pflicht gegenüber dem sozialistischen Staate.

Und dieser junge deutsche Sprösling vom Kolchos 1. Mai wird einst in Geschichtsbüchern lesen, dass es in Deutschland mal einen Faschismus gegeben hat.

Размер 53 × 82. Печ. знак. 140.000 Ленгорлит № 10983 | 1¼ печ. листа. Заказ 3795 Типография им. Володарского | Сдано в набор 4 августа. Подп. в печ. 8 августа Ленинград «11» Фонтанка 67.

Страница газеты «Роте Цайтунг» за 1933 г., посвященная успехам немецких колхозов Ленинградской области и Республики немцев Поволжья

Из фондов РНБ

Материал использован в пропагандистских целях, чтобы убедить общественность Запада в отсутствии голода в немецких колхозах в СССР

в производство не занимали сколь-нибудь должного внимания в работе местных органов труда»[25]. Не смогли предоставить материалы о работе с нацменами и ВСНХ, Всероссийский совет коллективных крестьянских хозяйств, Центральный союз потребительских обществ, Союз союзов сельхозкооперации и др.[26] Не отличались информативностью и сообщения руководства плановых комиссий краевых территориальных подразделений, автономных республик и областей РСФСР. «Никакой особой работы с нацменьшинствами <…> не велось», – сообщали, к примеру, из приграничной с Финляндией «образцово-показательной» Карельской АССР. «Дифференциация среди отдельных нацменьшинств далеко не изучена, и по-серьезному эта проблема до сих пор не ставилась <…>» – отмечало руководство Западной области РСФСР. Почти слово в слово подобная информация повторялась и в докладах из Сибири, Крыма, Северо-Кавказского края и Ленинградской области. Руководство Госплана РСФСР было вынуждено констатировать, что работа в отношении этнодисперсных групп западных и восточных национальностей центральными органами управления республики фактически находится в зачаточном состоянии[27]. Была указана и причина такого положения: «недопонимание многими местными и центральными органами основ национальной политики»[28].

В сентябре 1930 г. по поручению СНК РСФСР проверкой выполнения правительственных директив по обслуживанию нацменьшинств центральными наркоматами и правительствами автономных республик занялся Народный комиссариат РКИ. Результаты проверки еще раз подтвердили выводы Госплана. Так, было установлено, что в мероприятиях ВСНХ РСФСР «директивы партии и Правительства по обслуживанию нацменьшинств по линии промышленности не отражались», а в Наркомземе до середины 1930 г. не только не имелось уполномоченного по работе с нацменами, но и «не было даже попыток отразить нужды нацменьшинств в планах»[29]. «В наш плановый век, – замечал по этому поводу С.М. Диманштейн в качестве заместителя секретаря Президиума Совета национальностей ЦИК СССР, – кто не попадает в план <…>, вообще оказывается вне [советского. – *В. Д.*] строительства»[30]. Коллегия Наркомфина, в свою очередь, издала свое первое постановление по обслуживанию этнодисперсных групп населения лишь в августе 1930 г., т. е. только после получения директив НК РКИ о сборе информации по нацработе[31].

[25] Докладная записка «О результатах выполнения наркоматами директив правительства по обслуживанию нацменьшинств» [сентябрь 1930 г.] // ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 122. Д. 42. Л. 22. Проблемы формирования «национального пролетариата» остро стояли как в союзных, так и в автономных республиках СССР. См.: *Аммосов М.* Проблема национальных кадров в период социалистической реконструкции // Революция и национальности. – 1930. – № 1. – С. 20–28.

[26] Ср.: Материалы совещания уполномоченных по работе среди национальных меньшинств… – С. 263.

[27] Докладная записка «О результатах выполнения наркоматами директив правительства по обслуживанию нацменьшинств» [сентябрь 1930 г.] // ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 122. Д. 42. Л. 20, 22. Ср.: Постановление СНК РСФСР по докладу Госплана РСФСР [сентябрь 1930 г.] // ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 122. Д. 42. Л. 37.

[28] Докладная записка «О результатах выполнения наркоматами директив правительства по обслуживанию нацменьшинств» [сентябрь 1930 г.] // ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 122. Д. 42. Л. 20.

[29] Докладная записка замнаркома Наркомата РКИ М.А. Трилиссера в СНК РСФСР от 6.09.1930 г. // ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 122. Д. 42. Л. 40–45 об. Ср.: Протокол № 14 заседания Комиссии Президиума ЦИК СССР по советскому строительству и оргвопросам от 25.03.1930 г. // ГАРФ. Ф. Р-3316. Оп. 23. Д. 1339. Л. 62–63.

[30] *Диманштейн С.* Реконструктивный период и работа среди национальностей СССР // Революция и национальности. – 1930. – № 1. – С. 18.

[31] Докладная записка замнаркома Наркомата РКИ М.А. Трилиссера в СНК РСФСР от 6.09.1930 г. // ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 122. Д. 42. Л. 40–45 об. Еще на II Всероссийском совещании уполномоченных по делам нацмен (весна 1928 г.) было указано на необходимость выделения во всех центральных наркоматах «особых ячеек» по учету и обслуживанию нацмен. См.: Постановление II Всероссийского совещания уполномоченных по делам нацмен [май 1928 г.] // ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 123. Д. 4. Л. 141–142.

Большие пробелы были выявлены также в политике коренизации среди «текущих национальных групп», включая и нацмен Запада[32], несмотря на строгие директивы партийных съездов, съездов Советов, не говоря уже об отдельных законодательных актах Президиума ВЦИК и ЦИК СССР[33]. Так, например, в целом по СССР к непосредственному участию в «советском строительстве», начиная от членов сельсовета и заканчивая членами ЦИК СССР, было привлечено по состоянию на 1930 г. всего около 7 тыс. немцев из 1 млн 238 тыс., т. е. только 0,5 % от всего немецкоязычного населения страны[34]. Если учесть, что к этому времени были созданы 553 немецких сельсовета и 11 районов, а также Немреспублика на Волге, то это представительство было не только мизерным, но и отражало «суровую» реальность политики коренизации на местах, когда руководство советской работой в «национальных ячейках» осуществлялось далеко не представителями нацмен, а русскоязычным или иноязычным большинством.

Главной задачей национальной политики большевиков являлась советизация жизни национальных меньшинств. Для решения этой задачи руководство партии сделало в 1920-е годы ставку на использование национальных советско-партийных элит и национально-территориальное административное строительство. Однако в условиях нэпа эти инструменты оказались малоэффективными, тем более что они применялись лишь в течение весьма непродолжительного времени, в условиях резкого сворачивания компетенции и полномочий центральных органов власти, отвечавших за выработку и реализацию национальной политики в отношении диаспор. В результате к концу 1920-х годов процесс советизации национальных меньшинств был далек от своего завершения, что наглядно продемонстрировало массовое сопротивление коллективизации со стороны национальной деревни. Это, в свою очередь, вынудило сталинскую власть внести существенные коррективы в национальную политику государства, которая с этого времени начала свой дрейф в сторону русификации.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Гебгарт И.* Перестроить работу советов в немецких районах // Революция и национальности. – 1930. – № 1. – С. 44–47.
2. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р–1235. Оп. 122. Д. 42; Оп. 123. Д. 4; Оп. 124, Д. 59; Ф. Р-3316. Оп. 23, Д. 1339, 1360; Оп. 42. Д. 99.
3. *Диманштейн С.* Реконструктивный период и работа среди национальностей СССР // Революция и национальности. – 1930. – № 1. – С. 9–19.
4. *Ильин С.К.* Проблема нацменьшинств Северокавказских автономий в деятельности центральных органов РСФСР: теория и практика. 20-е годы // Северный Кавказ. Выбор пути национального развития: Сб. ст. / Отв. ред. Н.Ф. Бугай. – Майкоп: Меоты, 1994. – С. 159–178.
5. *Ильф И., Петров Е.* Золотой теленок. – М.: Федерация, 1933. – 434 [5] с.
6. Материалы совещания уполномоченных по работе среди национальных меньшинств при ЦИКах автономных республик, областных, краевых и губернских исполнительных комитетах. 1928. Стенографический отчет. – М.: Изд-во ВЦИК, 1928.
7. *Самойлович П.* Организационное укрепление нацменработы в РСФСР // Революция и национальности. – 1930. – № 1. – С. 82–88.

[32] См.: Протокол № 3 заседания Президиума Совета национальностей ЦИК СССР от 9.12.1929 г. // ГАРФ. Ф. Р-3316. Оп. 42. Д. 99. Л. 65.

[33] Имеются в виду резолюции по национальному вопросу X и XII съездов РКП(б); III и X Всероссийских съездов Советов; постановление ВЦИК от 23.11.1925 г. «О плане работ уполномоченных по делам нацменьшинств» и др.

[34] *Гебгарт И.* Перестроить работу советов в немецких районах // Революция и национальности. – 1930. – № 1. – С. 44.

8. *Энгель-Брауншмидт А.* Поклонение золотому тельцу: Одесский роман немецкого писателя Р. Штратца и немцы в дилогии И. Ильфа и Е. Петрова // Literature, folklore, arts. Scientific papers University of Latvia. – Vol. 705. – Рига: Латвийск. ун-т, 2006. – С. 67–75.
9. *Dönninghaus V.* «Ohne Schuld schuldig…»: Stalins Politbüro und die Deportationen nationaler Minderheiten des Westens in den 1930er Jahren // Nordost-Archiv. Zeitschrift für Regionalgeschichte N.F. XXI. – 2012. – S. 34–63.
10. *Martin T.* The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939. – Ithaca: Cornell University Press, 2001. – 528 p.
11. *Mazower M.* Der dunkle Kontinent. Europa im 20. Jahrhundert. – Berlin: Alexander Fest Verlag, 2000. – 640 S.
12. *Savin A.* Nationale Operationen des NKVD der UdSSR 1937/1938 // Lexikon der Vertreibungen. Deportation, Zwangsaussiedlung und ethnische Säuberung im Europa des 20. Jahrhunderts / Hrsg. von D. Brandes, H. Sundhaussen, S. Troebst. – Wien; Köln; Weimar, 2010. – S. 462–465.

Nationalitätenpolitik in der Russischen Föderation in Bezug auf die nationalen Minderheiten des Westens in der zweiten Hälfte der 1920er Jahre (am Beispiel des Leningrader Gebiets)

V. Dönninghaus

In diesem Beitrag wird die Nationalitätenpolitik der Bolševiki in der zweiten Hälfte der 1920er Jahre in Bezug auf die sogenannten nationalen Minderheiten des Westens, hier die Diasporagruppen im Gebiet Leningrad, beleuchtet. Zudem wird danach gefragt, wie wirksam diese Politik gewesen ist.

Schlüsselwörter: Sowjetunion, Nationalitätenpolitik, Föderation, Titularnation, nationale Minderheiten, nationale Minderheiten des Westens, Deutsche.

Nationalities policy in the RSFSR in the second half of the 1920s, regarding minorities of the Western diaspora (illustrated through an example of the Leningrad Region)

V. Dönninghaus

The author of the article is turning the light on the problem of characteristic aspects and the effectiveness of the nationalities policy of the Bolsheviks during the second half of the 1920s towards the so called "Western diaspora minorities". The problem is illustrated through an example of the Leningrad Region.

Keywords: Soviet Union, nationalities policy, Federation, dominant ethnic group, national minorities, Western diaspora minorities, the Germans.

УДК 39(470.23-25)(=112.2)

Т.А. Шрадер

Этнокультурные особенности немецких колоний под Петербургом

В статье отражены данные об этнической культуре немецких колонистов Петербургской губернии, проживавших там в XIX – начале XX в. Немецкие крестьяне всех колоний на протяжении многих десятилетий сохраняли свою национальную культуру, но исторические события XX в. привели к исчезновению этого феномена.

Ключевые слова: немецкие колонисты, Петербургская губерния, этнокультурные особенности.

О немецких колонистах, в т. ч. в Санкт-Петербургской губернии, имеется значительное число публикаций, в которых рассматривается история создания колоний, география расселения колонистов, демография, экономическое состояние, но этнографический аспект этой группы населения по отдельным колониям изучен слабо. Все же за последние годы опубликован ряд работ о жизни и традициях колонистов под Петербургом.

Прежде всего, надо назвать монографию Л.Э. Найдич[1] – плод многолетнего труда автора, которая на базе большого количества научных работ русских, советских и зарубежных исследователей, а также используя данные 19 информантов – потомков немецких колонистов, представила широкую картину жизни немецких колонистов под Петербургом. В книге затронуты практически все аспекты жизни немецких крестьян. Большим достоинством работы является то, что автор провела глубокий анализ фонетических, лексикологических и других особенностей языка колонистов.

В книге Л.Н. Пузейкиной «Немцы в Санкт-Петербургской губернии»[2], помимо интересного по содержанию рассказа об истории немецких поселений в России, уделяется внимание изучению языковых особенностей песенного фольклора колонистов, в т. ч. и Петербургской губернии. Содержание книги основано на данных коллекции академика В.М. Жирмунского, которая была собрана им в 1920-е годы во время этнографических, фольклорных экспедиций по немецким поселениям в СССР.

Кроме того, в последние годы был опубликован ряд статей С. Бокариус[3], Л.Э. Найдич[4], Н.М. Сысоевой[5], в которых отражены аспекты повседневной жизни немецких ко-

[1] *Najdič L.* Deutsche Bauern bei St. Petersburg-Leningrad. Dialekte – Brauchtum – Folklore. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1997. – 241 S.

[2] *Пузейкина Л.Н.* Немцы в Санкт-Петербургской губернии. История, язык, песни. – СПб.: Нестор-История, 2013. – 384 с., ил.

[3] *Bokarius S.* Die traditionelle Kultur der Deutschen des Gouvernements Petersburg. Historische und ethnographische Aspekte // Der Beitrag der Deutschbalten und der städtischen Russlanddeutschen zur Modernisierung und Europäisierung des Russischen Reiches im 18. und in der ersten Hälfte des 19. Jahrhunderts / Hrsg. von D. Meissner und A. Eisfeld. – Köln: Verlag Wissenschaft und Politik, 1996. – S. 95–102.

[4] *Найдич Л.* 1) Быт и образ жизни немецких колонистов под Петербургом // Немцы в России: Люди и судьбы: Сб. ст. / Отв. ред. Л.В. Славгородская. – СПб.: Дм. Буланин, 1998. – С. 101–107; 2) Немецкие крестьяне-колонисты под Петербургом в XVIII в. Вопросы истории, культуры, языка // Немцы в Санкт-Петербурге (XVIII–XX века): Биограф. аспект. – Вып. 3 / Отв. ред. Т.А. Шрадер. – СПб.: МАЭ, 2005. – С. 273–283.

[5] *Сысоева Н.М.* Немецкая колония Овцыно: прошлое и настоящее // Немцы в Санкт-Петербурге (XVIII–XX века): Биограф. аспект. – Вып. 3 / Отв. ред. Т.А. Шрадер. – СПб.: МАЭ, 2005. – С. 289–308.

© Т.А. ШРАДЕР. ЕЖЕГОДНИК МАИИКРН. 2015 Г. № 1. С. 59–66.

лонистов Петербургской губернии. Авторы указанных работ использовали различные источники, исследования всех трех авторов отражают общие явления в повседневной культуре колонистов и дополняют друг друга неизвестными фактами.

В статье С. Бокариус использованы в основном архивные материалы фонда Министерства государственных имуществ (Российский государственный исторический архив), в которых отражен уклад немецких колонистов в середине XIX в. Две статьи Л.Э. Найдич написаны на базе опубликованных зарубежных работ и полевых исследований. Сведения об информантах, имена которых указаны в статье, в определенной степени раскрывают этнокультурные традиции колонистов под Петербургом. Кроме того, во второй статье автор предоставила интересные данные об истории переселения колонистов в Россию, в частности под Петербург, приведены примеры сохранения колонистами тех традиций, которые были характерны для районов Германии, откуда их предки в XVIII в. выехали в Россию. Работа Н. Сысоевой посвящена истории создания, жизни, культуре, контактам немцев с соседями финнами в колонии Овцыно и основана на опубликованных литературных источниках, а также полевых исследованиях в колонии. Автор отразила схожие характерные черты уклада жизни немецких колонистов, отмеченные в ранее указанных работах. Отрадно отметить интерес к этой теме молодых исследователей. Так, в сборнике «Наследники Великого города», в котором опубликованы доклады участников историко-краеведческих чтений при Дворце творчества юных в Петербурге, опубликована статья О. Тупахиной о небольшом выселке на Петергофской дороге[6].

Обратимся к особенностям управления и уклада петербургских колоний, которые во многом предопределяли дальнейшее формирование традиций колонистов. В разные периоды подчинение вышестоящим органам выглядело по-разному. В период царствования Екатерины II контроль над поселениями осуществляла Канцелярия опекунства иностранных и Санкт-Петербургская казенная палата. В 1797 г. по указу Павла I при Сенате была создана Экспедиция государственного хозяйства, опекунства иностранных и сельского домоводства (с 1802 г. в ведомстве МВД). В 1809 г. по указанию Александра I образованы отдельные управления Санкт-Петербургских (Северных) колоний. Подобные управления были созданы и в южных губерниях России. В 1838 г. колонии империи передаются из подчинения МВД в ведение Министерства государственных имуществ, которое возникло в конце 1837 г. МГИ стало высшей административной инстанцией для колонистов, при этом сохраняли свой статус Саратовская контора иностранных поселенцев и Попечительный комитет для южных колоний, на местах продолжали действовать местные палаты государственных имуществ.

В ходе колонистской реформы в 1871 г. колонисты были переданы из ведения МГИ в общегубернское управление, тем самым утратили свой прежний привилегированный статус. 4 (16) июня 1871 г. были опубликованы «Правила об устройстве поселян собственников (бывших колонистов), водворенных на казенных землях в губерниях». В этих правилах отражен порядок выкупа наделов в собственность. Они уравнивали колонистов с крестьянами России и изменили социально-правовое положение немецких колонистов, но традиционный порядок их повседневной жизни не был нарушен. В Санкт-Петербургской губернии были учреждены три волости – Среднерогатская, Новосаратовская, Колпинская. Часть колоний входила в состав других волостей на территории губернии.

После 1917 г. в немецких волостях Петроградской (Ленинградской) губернии создавались волостные и сельские советы.

В первой половине XIX в. уклад жизни немецких колонистов, проживавших под Петербургом, определялся «Инструкцией для внутреннего распорядка и управления в Санкт-Петербургских колониях». Административный порядок мало отличался от принятого

[6] *Тупахина О.* 11-я верста Петергофской дороги // Наследники Великого города. Вып. 11: Фрагменты докл. учащихся Санкт-Петербурга на город. ист.-краевед. чтениях. 2002 г. – СПб., 2002. – С. 12–14.

в других немецких колониях России: в каждой колонии имелся приказ, в котором хранились документы, находящиеся под контролем выборного на три года старосты, в помощь старосте избирались выборные на два года. Руководство колонии следило за порядком, состоянием мостов, дорог и пр. В обязанности крестьян входило содержать старосту, выборных, пастора. За всеми этапами земледельческого цикла следил староста. Ему же поручалось наблюдение за поведением поселян. В начале XIX в. немцы использовали трехпольную систему земледелия и переходили на шести-семипольную. К работе на земле детей приучали с ранних лет, привлекая их к прополке и очищению полей от камней. Ежегодно во всех селениях заполняли «запасные магазины» – складские помещения для хранения сельхозпродуктов, собранных с каждого двора[7].

Основными сельскохозяйственными культурами немецких крестьян в Петербургской губернии были рожь, овес и картофель. В колониях интенсивно развивалось молочное скотоводство, молоко поступало на рынок Петербурга. Широко было развито огородничество и садоводство. Селения крестьян располагались на небольших расстояниях от мегаполиса, и это позволяло им, помимо торговли там плодами своего труда, собирать в городе и окрестных населенных пунктах нечистоты для удобрения своих полей. На берегах Невы друг против друга располагались русское и немецкое поселения – Рыбацкая слобода и Ново-Саратовская колония. Основание Рыбацкой слободы восходит к началу XVIII в., немецкой колонии – ко второй половине того же века. Доставка нечистот по Неве жителями Ново-Саратовской колонии в середине XIX в. вызвала недовольство у жителей Рыбацкой слободы. Колонисты привозили собранные отходы по реке на плотах, разгружали их, поднимали вверх по высокому берегу, при этом засоряли у этого берега тони русских рыбаков. В 1850-е годы на протяжении нескольких лет тянулась тяжба между жителями этих селений. Причиной судебного разбирательства были гибель в тонях рыбы и дурной запах. Дело кончилось тем, что немецкие колонисты должны были поменять место доставки нечистот[8].

14 августа 1866 г. немецкие колонисты широко праздновали 100-летие основания первых колоний. Юбилейные торжества проходили в Ново-Саратовской колонии. Об этом празднике подробно написал «Санкт-Петербургский еженедельник» („St. Petersburger Wochenschrift“). Праздник проходил следующим образом. Утром в кирхе совершалась торжественная служба, по украшенной цветами и гирляндами улице шествовала колонна со знаменами, стягами, центральное место занимали портреты Екатерины II и Александра II с супругой. На юбилей прибывали гости из других колоний, которые тоже принимали участие в демонстрации по главной улице селения. В 5 часов начиналось веселье. Как отмечал автор материала, крестьянам впервые было разрешено прилюдно, на улице пить пиво и откушивать бутерброды, были и карусель, и танцы, и фейерверк. А некоторые «жаждущие» колонисты перебирались на другой берег Невы, в Рыбацкую слободу, чтобы как следует отпраздновать юбилейное событие в русском трактире[9].

Русское и немецкое население обоих селений имели тесные контакты, посещали друг друга с помощью лодок и парома. К примеру, в начале 1930-х годов немецкий исследователь Э. Кох, собиравший материал о северных колониях России, писал, что добрался из Ленинграда до Рыбацкого на трамвае, а затем на небольшом пароме «Юный пионер» попал на противоположный берег Невы в немецкую колонию, где отметил изменения не в лучшую сторону[10]. Девушки из русской деревни нередко выходили замуж за молодых немецких колонистов.

[7] ПСЗ. Собр. 1-е. Т. 27. № 20 798.

[8] *Шрадер Т.А.* Правовая и культурная адаптация немецких колонистов в Петербургской губернии в пореформенное время // Петербург и губерния: ист.-этнограф. исследования / Сост., отв. ред. Н.В. Юхнева. – Л.: Наука, 1989. – С. 136.

[9] *Najdič L.* Deutsche Bauern bei St. Petersburg-Leningrad. – S. 145–146.

[10] Op. cit. – S. 35.

Деятельность немецких крестьян не ограничивалась землепашеством. Около селений строились различные заводы, продукция которых позволяла им быть независимыми от окружающих условий. Так, например, к середине XIX в. около Петергофской колонии был построен кирпичный завод, около Ново-Саратовской и Франкфуртской – лесопильные заводы, около Среднерогатской колонии – конебойный. В ведении общины Среднерогатской колонии, в местечке под названием Новенький, находились два дома, в которых располагался постоялый двор[11].

Число немецких колоний росло за счет покупки земельных участков немцами из старых колоний. В процессе работы автором статьи была составлена карта-схема размещения немецких колоний в Петербургской губернии. За основу была взята карта Петербургской губернии до 1917 г., на нее наложена карта Ленинградской области, и поскольку известно, в каких населенных пунктах располагались немецкие колонии, была составлена эта карта-схема. Может быть, на карте отображены не все немецкие колонии, эта схема дает представление о расположении поселений немецких крестьян на территории губернии.

В немецких поселениях под Петербургом сохранился характерный для колоний план застройки. Селение располагалось на одной длинной улице, иногда встречались параллельные и перпендикулярно идущие улицы меньшей длины. В большом селении в центре, как правило, стояла кирха. Строились колонии в удобных местах: на берегу реки (Ново-Саратовская, Ижорская) или на важном дорожном тракте – Среднерогатская. Ширина улиц была различной, улицы частично мощеные, по обеим сторонам – канавы, через которые были уложены мостки. Каждая семья должна была следить за состоянием мостков около их дома.

В начале создания колонистских поселений дома строились по утвержденным проектам. Но типовые проекты постоянно меняли облик, стиль, архитектуру. Немецкие переселенцы в России внесли коррективы, сформировали особый тип дома, отличный от домов окружающего населения. Дома немцев отличались не только планировкой и внешним видом, но и размерами и интерьером. В северных колониях жилище немцев испытывало влияние местных форм, приближаясь к дачному типу, строились с мезонином, верандой[12].

Во дворе колониста были сарай, хлев, другие хозяйственные постройки, а также летний дом для дачников из Петербурга[13]. Из воспоминаний потомка колонистов с 11-й версты Петергофской дороги Николая Федоровича Берча узнаем следующее: «У государства было условие, чтобы все дома были двухэтажными (вторым этажом был мезонин), перед ними сад, обнесенный забором, в саду должен быть газовый фонарь, чтобы были мосты через отделявшую участок от шоссе канаву, а около мостов скамейки». Дома, по словам информаторов, были розового цвета, а крыши с красной черепицей, двор вымощен булыжником. Хозяева участка должны были следить за состоянием примыкающей к их дому дороги[14].

По данным Л.Э. Найдич, с начала XX в. до 1942 г. интерьер дома немецкого крестьянина под Петербургом скорее напоминал квартиру городских жителей среднего достатка – мебель красного дерева, бархатные диваны, зеркальные шкафы, буфеты. Украшены комнаты были различными безделушками из городских магазинов, самодельными скатертями, салфетками. Обязательно на подоконниках горшки с цветами[15]. Кухня была местом, где семья собиралась за столом, причем плита, на которой готовили

[11] Списки населенных мест Российской империи. Т. 37: Санкт-Петербургская губерния. – СПб., 1864. – С. 12, 17, 134, 202.

[12] *Филимонова Т.Д.* Об этнокультурном развитии немцев в СССР // Сов. этнография. – 1986. – № 4. – С. 107.

[13] *Найдич Л.* Быт и образ жизни немецких колонистов под Петербургом. – С. 103.

[14] *Тупахина О.* 11-я верста Петергофской дороги. – С. 13.

[15] *Найдич Л.* Быт и образ жизни немецких колонистов под Петербургом. – С. 103.

пищу, называлась заимствованным из русского словом „Plitt“. Но в доме могла быть и русская печь для хозяйственных нужд. Названия в некоторых колониях кухонных предметов отличались друг от друга. Например, по тому, как крестьяне называли деревянный сосуд для воды, определяли, из какой они колонии[16].

Нет надобности говорить о характерном для немецких колонистов чистом содержании дома. По данным Тупахиной, дома, где жили семьи Шефер и Берч, были образцом для местных жителей. Немцы вели привычный для них образ жизни и не учили соседей своим правилам вести дом. Но их соседство оказывало благотворное влияние. Старожил района Ирина Антоновна Якимович вспоминала, как она в молодом возрасте в 1930-е годы ходила в дом к Софье Ивановне Шефер за молоком, и какое впечатление на нее производил порядок в этом доме[17].

Л.Э. Найдич полагала, что в каждодневной жизни одежда немецких крестьян под Петербургом мало отличалась от городской, только в торжественных случаях немки одевались в национальные костюмы с вышивками на передниках и другими украшениями. Большой интерес представляет фотография колонистки, проживавшей на 11 версте Петергофской дороги, Христины Петровны Шефер (1889–1979), снятой в праздничном национальном костюме немецких крестьян Петербургской губернии.

Традиционные и характерные для немецких крестьян под Петербургом особенности – кухня, подготовка к проведению семейных праздников: Рождества, дней рождения и др. в целом мало отличались от общепринятого уклада жизни немцев России.

Как правило, семьи колонистов были многодетными. Архивные материалы дают интересные факты внутрисемейных отношений крестьян. Так, в 1893 г. при переезде двух семей Эйкстеров из Ново-Саратовской в Колпинскую общину один из Эйкстеров, уезжая со второй женой и детьми, оставил в проданном доме свою бывшую жену. По договору новый владелец усадьбы должен был содержать эту женщину до ее смерти за ряд бесплатно переданных построек, предоставить ей помещение в доме, оплачивать пропитание и отопление ежемесячно в размере 6 рублей серебром[18].

В 1867 г. крестьяне из Ново-Саратовской колонии Севастьян Бич, Яков Штерн, Петр Шефер и Андрей Штро выкупили свои наделы размером в 17 десятин по 879 руб. за участок. Представляет интерес завещание Адама Штро от 1874 г., в котором он распорядился, чтобы его жена проживала в доме одного из ее сыновей, остальные должны были платить ей по 20 руб. в год, а больной сын этой семьи получал от родственников одежду, мог проживать у одного из братьев (их было трое) и ежемесячно получать от каждого по одному рублю. Сын Яков получил дачу в 15 дес. в Уткиной заводи в 1863 г., купленную в 1856 г. Андрей получил надел в Ново-Саратовке, Карлу досталась дача, приобретенная у графини фон Шуленбург (14 дес.) в селе Александровская[19]. Братья Яков и Андрей должны были передать Карлу корову и 40 руб. серебром. Две девицы этого семейства получили богатое приданое, а замужние дочери получили наделы «сполна».

Колонисты в XIX в. уделяли внимание школьному образованию своих детей. Преподавание в сельских школах и училищах велось на немецком языке. Школы были практически во всех крупных населенных пунктах немецких крестьян. В середине XIX в. в колонии Стрельнинская училось от 40 до 80 детей. Сельские училища находились в Среднерогатской, Стрельнинской и Ижорской колониях[20].

Близость столицы давала возможность немецким крестьянам приглашать учителей в школы из немцев, проживавших в Петербурге. Училища и сельские школы до 1881 г.

[16] *Найдич Л.* Быт и образ жизни немецких колонистов под Петербургом. – С. 104.

[17] *Тупахина О.* 11-я верста Петергофской дороги. – С. 13.

[18] Центральный государственный исторический архив (ЦГИА СПб.). Ф. 258. Оп. 3. Д. 242. Л. 4.

[19] Там же. Ф. 190. Оп. 4. Д. 484. Л. 3, 4, 20.

[20] Списки населенных мест Российской империи. – С. 12, 156.

были в ведении Министерства государственных имуществ, после 1881 г. они перешли в Министерство народного просвещения. В 1913 г. были изданы «Правила о начальных училищах для инородцев», а это касалось и немецких поселенцев. По этим правилам преподаванию русского языка уделялось большое внимание, учитель русского языка должен был быть русским подданным и владеть родным языком учащихся. Таким образом, русский язык активно внедрялся в среду немецких колонистов. В 1914 г. началась Первая мировая война, которая внесла коррективы в жизнь немцев в России. Местные власти, в т. ч. и в Петербургской губернии, провели строгий учет всех иноверцев, в т. ч. и немецких. Из-за запрета на использование немецкого языка в общественных местах немецкие крестьяне боялись говорить вне дома по-немецки.

В 1920-е годы новое правительство поначалу не препятствовало развитию школ нацменьшинств. Немцы-активисты из Петрограда-Ленинграда уделяли внимание обучению сельских школьников немецкому языку, за годы войны многие дети уже не могли свободно владеть родным языком. Власти пытались обеспечить школы учебниками, но, как правило, дело обучения языку продвигалось очень медленно, не хватало учебников и учителей. В 1924 г. в Москве были организованы одиннадцатимесячные курсы по подготовке учителей сельских школ, составлялись программы обучения немецких крестьян. В сельских немецких школах ряды учителей пополнялись выпускниками Немецкого педагогического техникума, открытого в Ленинграде. После 1929 г., года начала массовой коллективизации, в колхозных школах бывших немецких колоний активно создавались пионерские организации, политическая программа немецких сельских школ отражала процессы, происходившие в советской школе 1930-х годов. В 1938 г. все школы нацменьшинств в СССР были закрыты[21].

В немецких поселениях в XIX – начале XX в. активно развивалась общественная инициатива, создавались библиотеки, духовые оркестры, хоровые коллективы. Хор певцов из колонии Фриденталь, например, участвовал в концертах И. Штрауса в Павловске. После 1917 г., особенно в период военного коммунизма, немецкие колонисты были поставлены в очень тяжелые условия. Местные власти вынуждали их сдавать в три раза больший объем продналога, чем с соседних селений. Но все же архивные документы того времени, а именно протоколы различного рода общих собраний и руководства колоний, в частности, Ново-Саратовской и Стрельнинской, свидетельствуют, что культурная жизнь немецких крестьян в 1920-е годы сохранилась. Так, в 1921 г. в Ново-Саратовской колонии действовал музыкальный кружок, который состоял из 25 чел., причем игрой на фортепиано занимались с подростками и взрослыми, «у которых руки не огрубели от работы», существовал научный кружок, на заседаниях которого слушались лекции по географии, немецкому языку, физике, астрономии, истории, электротехнике, посещали немцы политический и литературный кружки, работал драматический кружок[22].

В протоколе общего собрания немецкого клуба Стрельнинской колонии от июня 1921 г. читаем, что библиотека открыта по понедельникам и пятницам, что намечено пригласить А. Шмидта инструктором со всем составом его учеников для зачисления в оркестр клуба, что танцевать надо «по-старому», соблюдать приличия и полное подчинение дирижеру[23]. В протоколе от 17 мая 1921 г. перечислены мероприятия по подготовке празднования Духова дня 20 июня, а именно мытье полов, уборка помещения и др.[24]

Тяга к культуре сохранялась у немецких крестьян и в 1930-е годы. В архивных документах отмечается, что они часто выезжали в Ленинград на различного рода культурные мероприятия, которые проходили в немецком коммунистическом Доме просвещения им. Левинэ, там они слушали лекции, смотрели самодеятельные театральные представления, танцевали.

[21] *Шрадер Т.А.* Школьное образование в немецких колониях Ленинградской губернии в 1920-е годы // Немцы и развитие образования в России / Отв. ред. Г.И. Смагина. – СПб., 1998. – С. 267.

[22] Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб.). Ф. Р-2552. Оп. 1. Д. 929. Л. 64–66.

[23] Там же. Л. 67–68.

[24] Там же. Л. 80–80 об.

В начале периода коллективизации колониям не удалось предотвратить схватки за землю между так называемыми кулаками, зажиточными немецкими крестьянами, и бедняками[25]. С наступлением эры колхозов жизнь немецких крестьян была под контролем местного партийного руководства, в общественных помещениях размещались стенгазеты, устраивали красные уголки, но, судя по статьям в газете „Rote Zeitung“, выходившей в Ленинграде до 1936 г. на немецком языке, а также протоколам заседаний руководства немецких колхозов внедрение в жизнь крестьян новых, можно сказать, чуждых им порядков проходило с большим трудом. Немецкие крестьяне сохранили ряд общественных праздников, к примеру, Праздник урожая. Как до создания колхозов, так и во время их существования немецкие крестьяне поддерживали традиции, связанные с христианскими праздниками. Но проводились они, конечно, не так открыто, как ранее.

В годы советской власти в немецких поселениях, которые до этого времени были моноэтничными, стали появляться представители других национальностей, в основном русские. Этническая гомогенность немецких поселений постепенно уменьшалась. Но конфессиональная принадлежность, стремление сохранить немецкий язык в общении, особенности хозяйствования и специфика уклада жизни немецких крестьян около Ленинграда сохранялись и в советское время, хотя, принимая во внимание опубликованные в газете „Rote Zeitung“ статьи, немецкие колхозники, вступившие в ряды коммунистической партии, пытались вести борьбу с «прошлым буржуазным бытом».

За годы существования немецких поселений в Петербургской губернии сложилась, можно сказать, уникальная культура. Немецкие традиции, которые были привнесены из различных регионов Германии, безусловно, в определенной степени находились под влиянием русских, иногда финских соседей. Так, например, в колонии Овцыно немцы проживали рядом с финнами, поселившимися там в XVII в. и имевшими свои традиции. Общение с культурой мегаполиса, где немецкие крестьяне встречались с представителями различных национальностей, в т.ч. с городским немецким населением, влияло на архаичный образ жизни крестьян. К сожалению, культура немецких колонистов Петербургской губернии безвозвратно утеряна.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Глезеров С.Е.* Битва за землю в Новосаратовке // СПб. вед. – 2008. – 3 окт.
2. *Найдич Л.* Быт и образ жизни немецких колонистов под Петербургом // Немцы в России: Люди и судьбы: Сб. ст. / Отв. ред. Л.В. Славгородская. – СПб.: Дм. Буланин, 1998. – С. 101–107.
3. *Найдич Л.* Немецкие крестьяне-колонисты под Петербургом в XVIII в. Вопросы истории, культуры, языка // Немцы в Санкт-Петербурге (XVIII–XX века): Биограф. аспект. – Вып. 3 / Отв. ред. Т.А. Шрадер. – СПб.: МАЭ, 2005. – С. 273–283.
4. ПСЗ. Собр. 1-е. Т. 27. № 20798. «Инструкция для внутреннего распорядка и управления в Санктпетербургских колониях» (1803).
5. *Пузейкина Л.Н.* Немцы в Санкт-Петербургской губернии. История, язык, песни. – СПб.: Нестор-История, 2013. – 384 с., ил.
6. Списки населенных мест Российской империи. Т. 37: Санкт-Петербургская губерния: по свед. 1862 года / Ред. И. Вильсон. – СПб., 1864. – 254 с., [1] л. цв. карт., [1] л. цв. план.
7. *Сысоева Н.М.* Немецкая колония Овцыно: прошлое и настоящее // Немцы в Санкт-Петербурге (XVIII–XX века): Биограф. аспект. – Вып. 3 / Отв. ред. Т.А. Шрадер. – СПб.: МАЭ, 2005. – С. 289–308.

[25] *Глезеров С.Е.* Битва за землю в Новосаратовке // СПб. вед. – 2008. – 3 окт.

8. *Тупахина О.* 11-я верста Петергофской дороги // Наследники Великого города. Вып. 11: Фрагменты докладов учащихся Санкт-Петербурга на город. ист.-краевед. чтениях. 2002 г. – СПб., 2002. – С. 12–14.
9. *Филимонова Т.Д.* Об этнокультурном развитии немцев в СССР // Сов. этнография. – 1986. – № 4. – С. 100–111.
10. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. Р-2552. Оп. 1 Д. 929 («Дело по контролю и руководству за деятельностью школ и клубов в немецких колониях». 1921).
11. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 190. Оп. 4. Д. 484 («О выкупе участков бывшими колонистами Новосаратовской колонии С. Бич, Я. Штерн, Т. Шефер, А. Штро». 1876–1878); Ф. 258. Оп. 3. Д. 242 («По перечислению поселян Новосаратовской колонии И.И. и И.Х. Эйкстеров в Колпинское мещанство Царскосельского уезда». 1893–1894).
12. *Шрадер Т.А.* Правовая и культурная адаптация немецких колонистов в Петербургской губернии в пореформенное время // Петербург и губерния: ист.-этнограф. исследования / Сост., отв. ред. Н.В. Юхнева. – Л.: Наука, 1989. – С. 132–139.
13. *Шрадер Т.А.* Школьное образование в немецких колониях Ленинградской губернии в 1920-е годы // Немцы и развитие образования в России / Отв. ред. Г.И. Смагина. – СПб., 1998. – С. 260–267.
14. *Bokarius S.* Die traditionelle Kultur der Deutschen des Gouvernements Petersburg. Historische und ethnographische Aspekte // Der Beitrag der Deutschbalten und der städtischen Russlanddeutschen zur Modernisierung und Europäisierung des Russischen Reiches im 18. und in der ersten Hälfte des 19. Jahrhunderts / Hrsg. von D. Meissner und A. Eisfeld. – Köln: Verlag Wissenschaft und Politik, 1996. – S. 95–102. (Der Göttinger Arbeitskreis, Veröffentlichung № 452)
15. *Najdič L.* Deutsche Bauern bei St. Petersburg-Leningrad. Dialekte – Brauchtum – Folklore. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1997. – 241 S. (Zeitschrift für Dialektologie und Linguistik, Beihefte, 94).

Ethnokulturelle Besonderheiten der deutschen Kolonien bei Petersburg

T. A. Šrader

In dem Artikel wird die ethnische Kultur der deutschen Kolonisten bei St. Petersburg im 19. Jahrhundert und zu Beginn des 20. Jahrhunderts behandelt. Die Bewohner aller Kolonien waren darum bemüht, diese Minderheitenkultur zu bewahren, aber die historischen Ereignisse des 20. Jahrhunderts haben diese einzigartige Kultur vernichtet.

Schlüsselwörter: deutsche Kolonisten, Gouvernement St. Petersburg, ethnokulturelle Besonderheiten.

Ethnic and cultural features of the German colonies in St. Petersburg Governorate

T.A. Shrader

The data about the ethnic culture of the German colonists who settled the St. Petersburg Governorate in 19th – the beginning of the 20th century are being presented in the article. German peasants in all the colonies had preserved their national traditions for many decades, but historical events of the 20th century crushed this unique culture.

Keywords: the German colonists, the St. Petersburg Governorate, ethnocultural features.

УДК 94(470+571)

Н.С. Федорук

«Полезный пример…»: образование и развитие немецких колоний под Новгородом в XIX – первой половине XX в.

Статья посвящена истории немецких колоний в Новгородской губернии в XIX – первой половине XX в. Автор анализирует условия возникновения немецких колоний, определяет основные этапы их развития, описывает ключевые события, оказавшие влияние на судьбу немецких колоний и колонистов.

Ключевые слова: немецкие колонии, Новгородская губерния, лютеране, земледелие и скотоводство, Александровская, Гореловская, Николаевская.

Цель данной статьи – выделить основные этапы в истории немецких колоний под Новгородом, дать характеристику каждого этапа, для чего определить ключевые события, проанализировать их содержание и влияние на последующее развитие колоний. Основой для исследования стали архивные документы из фондов Государственного архива Новгородской области (далее – ГАНО), законодательные акты, а также опубликованные статистические материалы.

История немецких колоний в Новгородской губернии начинается в 20-е годы XIX в. и на начальном этапе она теснейшим образом связана с немецкими колониями Санкт-Петербургской губернии. Первые немецкие поселения под Санкт-Петербургом были основаны еще в 60-е годы XVIII в., к 1820-м годам численность жителей в них заметно возросла, тогда как количество земельных наделов, выделенных при основании поселений, оставалось прежним. Более того, семейные земельные наделы колонистов не подлежали дроблению и передавались по наследству только одному из сыновей в семье. В итоге, эти две причины – увеличение численности жителей и недостаток земли – вынуждали часть колонистов к переселению на новые свободные земли. А так как ближайшей к Санкт-Петербургской была Новгородская губерния, то неудивительно, что часть немецких колонистов избрала ее территорию для переселения.

Первоначальная инициатива по переселению немецких колонистов в Новгородскую губернию исходила от военного министра, начальника военных поселений А.А. Аракчеева. Стремясь организовать наилучшим образом не только воинскую службу поселян, но и их сельскохозяйственную деятельность, Аракчеев старался использовать различные методы. В начале 20-х годов XIX в. министр представляет императору доклад «О поселении колонистов в округах военного поселения». В докладе сообщалось, что военные поселяне «…не пощадят для пользы своей никаких усилий, чтобы наилучшим образом поля их были обрабатываемы»[1]. Он был уверен, что это даст возможность и в северном климате собирать хороший урожай. «Но об успехах их можно

[1] ПСЗ. Собр. 1-е. Т. 37. № 28 610.

© Н.С. ФЕДОРУК. ЕЖЕГОДНИК МАИИКРН. 2015 Г. № 1. С. 67–77.

судить только по сравнению с успехами других хороших хозяев, обрабатывающих одну и ту же землю, в одном и том же месте. Лучшими в сем роде хозяевами, по общему мнению, суть иностранные колонисты»[2]. Постоянный труд и терпение в обрабатывании земли помогают колонистам извлечь максимальную пользу. Немаловажным было и то, что, по мнению Аракчеева, «…самый образ их жизни, трезвость, чистота и порядок в домах, служить могут полезными примерами»[3].

Таким образом, по замыслу А.А. Аракчеева, проживание немецких колонистов в округах военных поселений Новгородской губернии позволило бы местным жителям перенять эффективные методы обработки земли, а также положительные составляющие образа жизни.

Для решения этого вопроса Аракчеев обратился к инспектору санкт-петербургских колоний И. Бунину. В ответ на предложение Бунина несколько семей колонистов выразили желание переселиться в Новгородскую губернию. Из них было выбрано два лучших семейства. Они и положили начало истории немецких колоний в Новгородской губернии.

17 апреля 1821 г. доклад А.А. Аракчеева получил высочайшее утверждение императора. Инициатива была одобрена. В этом же 1821 г. те две семьи, которые решили переселиться из Санкт-Петербургской в Новгородскую губернию, были размещены в округе 1-й Гренадерской дивизии. Колония получила название Гореловская.

Условия переселения первых колонистов на новгородские земли были сформулированы в уже упомянутом нами докладе А.А. Аракчеева. Они основывались на правилах переселения иностранцев в Россию, зафиксированных в Манифесте Екатерины II от 22 июля 1763 г., но были более конкретизированы. Переселявшиеся в Новгородскую губернию колонисты получали по 50 десятин земли на двор. Из этих 50 десятин шесть предлагалось расчистить для пашни «<…> с тем, чтобы в остальных 44 десятинах было достаточно лугов». Каждой семье предполагалось построить дом с надворными сооружениями «…по плану, собственно ими прожектированному». Колонисты снабжались всем, что будет необходимо для ведения хозяйства. Для первого посева колонисты получали семена хлеба и картофеля, а также деньги в сумме 300 рублей на семью для пропитания в течение первого года. Переезд в Новгородскую губернию осуществлялся за казенный счет с выплатой по 50 рублей на семью. Кроме этого, колонисты получали льготы на 10 лет по выплате податей. «По истечении льготных лет они обязываются платить казне в сумму военного поселения поземельной подати с каждой десятины по одному рублю 25 копеек, и в уплату суммы, которая употребится на их обзаведение <…> вносить от 30 до 50 рублей в год»[4]. Всего на переезд первых двух семей немецких колонистов в Новгородскую губернию предполагалось выделить из сумм военного поселения 9391 рубль 34 копейки. Из этой суммы безвозвратно выплачивались средства на постройку двух домов – 5252 рубля 34 копейки, а остальные 4139 рублей колонисты должны были вернуть казне по окончании льготных лет.

Процесс образования немецких колоний в Новгородской губернии получил продолжение в 30-е годы XIX в. Инициатива исходила уже от самих колонистов Санкт-Петербургской губернии, обратившихся с просьбой о переселении их в Новгородскую губернию на земли военных поселений. В течение 1835–1836 гг. «<…> в 1 и 2 округа пахотных солдат было переселено 91 семейство из Ново-Саратовской, Ижорской, Стрельнинской и Кипенской колоний»[5]. В 1835 г. первая партия переселенцев образовала на Новгородской земле во втором округе пахотных солдат колонию, получившую название Николаевская. В 1836 г. еще одна партия переселенцев была частично размещена в Николаевской колонии, а 30 семей образовали новую колонию в первом округе пахотных солдат – Александровскую. Так как заселение этих колоний шло в два этапа – в 1835 и 1836 г., то число семей в них изменялось. В именном указе от 2 мая 1836 г. о платеже оброка колонистами упоминается 51 семейство колонистов Ново-Саратовской и Ижорской колоний, водворенных во втором округе пахотных солдат[6]. Вероятнее всего, здесь речь идет о Николаевской колонии и тех семьях, которые переселились в 1835 г. В итоге всех переселений в Николаевской колонии была поселена 61 семья, а в Александровской колонии 30 семей[7]. Таким образом, изначально во всех трех новгородских колониях проживало 93 немецких семьи, переселившихся из Ново-Саратовской, Ижорской, Стрельнинской и Кипенской колоний Санкт-Петербургской губернии. В свое время предки этих колонистов приехали в Санкт-Петербургскую губернию из Бранденбурга, Вюртемберга, Гессен-Дармштадта[8], значит, новгородские колонисты могли быть потомками выходцев из этих немецких земель. Однако уже к концу XIX в. для новгородских властей происхождение колонистов не всегда представлялось определенным. В дореволюционных публикациях, подготовленных новгородским губернским земством, этническая принадлежность населения колоний определялась очень обобщенно. Так, в «Списках населенных мест и сведениях о селениях Новгородской губернии» от 1884 г. отмечается, что в Гореловской и Александровской колониях живут «колонисты протестантского исповедания», а в Николаевской колонии «курляндцы протестантского исповедания», об их немецком происхождении речь не идет.[9] Тем не менее, отметим, что местные русские жители Новгородской губернии всегда определяли колонистов как немцев.

В дореволюционных источниках и документах советского периода не существовало однозначного наименования новгородских немецких колоний. Их названия встречаются в различных вариантах: Гореловская (Горелово, Горелая); Александровская (Александровское, Александровка, Тигода); Николаевская (Николаевское, Ново-Николаевская, Ново-Николаевка). Все три колонии располагались в Новгородском уезде на север от Новгорода вдоль правого берега реки Волхов. Николаевская находилась в 10 верстах от Новгорода на правом берегу реки Малый Волховец. Гореловская в 35 верстах от Новгорода на Аракчеевском шоссе. Александровская в 53 верстах от Новгорода и в 5 верстах на восток от деревни Селищи.

Приведем сведения о численности населения этих трех колоний. По данным 10-й ревизии населения Российской империи (1858 г.)[10] в Гореловской колонии насчитывалось три хозяйства, в которых проживало 24 чел., из них 14 мужчин и 10 женщин. В Александровской колонии на этот момент было 30 хозяйств, в которых проживало 373 чел., их них 203 мужчины и 170 женщин. В Николаевской колонии на 1858 г. числилось 61 хозяйство, в которых проживало 820 чел., из них 403 мужчины и 417 женщин. Таким образом, Николаевская колония являлась самой крупной, а Гореловская самой маленькой. К концу XIX в. численность жителей в этих колониях возросла. По данным за 1893 г., в Гореловской колонии насчитывалось четыре хозяйства и 50 чел. обоего пола; в Александровской колонии – 62 хозяйства и 424 чел. обоего пола; в Николаевской колонии – 118 хозяйств и 1349 чел. обоего пола.[11]

[2] ПСЗ. Собр. 1-е. Т. 37. № 28 610.
[3] Там же.
[4] Там же.
[5] *Бахмутская Е.В.* Образование немецких колоний в Санкт-Петербургской губернии (вторая половина XVIII – начало XX в.) // Немцы в России: Петербургские немцы: Сб. ст. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. – С. 242.

[6] ПСЗ. Собр. 2-е. Т. 11. № 9129.
[7] *Бахмутская Е.В.* Указ. соч. – С. 242.
[8] *Бахмутская Е.В.* Немецкие колонии Санкт-Петербургской губернии. 1760-е – 1870-е гг.: Автореф. дис. … канд. ист. наук. – СПб., 2003. – С. 15.
[9] ГАНО. Ф. 98. Оп. 3. Д. 1768. Л. 15, 17, 21 об.
[10] Там же. Д. 1819. Л. 218 об., 268 об.
[11] Там же.

Деревня Новониколаевская, возникшая на месте бывшей Николаевской немецкой колонии под Новгородом. 5 августа 2015 г.

Фото Н.С. Федорук

В период существования в Новгородской губернии военных поселений, а с 1831 г. округов пахотных солдат, водворенные на их территории немецкие колонисты находились под управлением военного ведомства. Оброк в размере 60 рублей в год после истечения десятилетней льготы колонисты платили в капитал военных поселений[12]. Но в 1857 г. округа пахотных солдат в Новгородской губернии были ликвидированы, а управление тремя колониями на основании именного указа от 24 декабря 1858 г. было передано удельному ведомству[13]. Этим указом был также закреплен новый порядок взимания податей с новгородских колонистов. Они должны были платить подушную подать в размере 86 копеек с человека, подать на устройство путей сообщения по 9 копеек с человека, земские подати, поземельную подать в размере 57 с четвертью копеек с десятины, принадлежащей им удобной земли (до 1 января 1862 г. поземельная подать составляла 38 копеек с десятины)[14]. Таким образом, до 1862 г. новгородские колонисты должны были выплачивать по 4 рубля 9 и ¾ копеек с души, а после 1 января 1862 г. по 5 рублей 38 копеек с души.

Функционирование хозяйства колонистов в дореволюционный период рассмотрим на примере Николаевской колонии, т. к. о ней сохранилась более подробная информация. Напомним, что основана эта колония была в 1835 г. и ее особенностью стало то, что колонисты заняли уже готовые постройки, в которых ранее размещались военные поселяне. Это были так называемые «связи» – деревянные одноэтажные дома, разделенные на две жилые половины.[15] Данные дома поступили в собственность колонистов за плату по 100 рублей за каждую связь. Помимо этого, на обзаведение хозяйством прибывшие семейства получили по 200 рублей. Все эти деньги колонисты должны были вернуть и выплатить в течение десяти лет.

Николаевская колония состояла из двух селений, которые разделял небольшой ручей, впадавший в Малый Волховец. Южнее ручья и ближе к Новгороду располагалась Верхняя половина, а севернее ручья – Нижняя половина. Посередине между двумя селениями длинной полосой располагался участок церковной земли в 25 десятин с

[12] ПСЗ. Собр. 2-е. Т. 11. № 9129.

[13] Там же. Т. 33. Ч. 2. № 33 951.

[14] Там же.

[15] *Козловский П.* Ново-Николаевская колония под Новгородом // Вестн. Новгород. земства. – 1906. – № 14. – С. 37.

пашней и сенокосами[16]. Отметим, что аналогичное деление на два селения – Верхнее и Нижнее было, например, в Ижорской (Колпинской) колонии Санкт-Петербургской губернии[17]. В начале XX в. из состава Николаевской колонии выделился Ксенофонтовский поселок и Мало-Михайловская колония. Земли колонии составляли Ново-Николаевскую волость Новгородского уезда Новгородской губернии.

На момент образования Николаевской колонии каждая семья получила земельный надел по 50 десятин, и этой землей семьи владели до вступления детей в рабочий возраст. После этого колонисты постановили, 25 десятин земли передавать старшему сыну, а другую половину оставить за прежними домохозяевами. «Затем, по установившемуся обычаю у колонистов в Саратовской губернии и в тех колониях, откуда они сами вышли, было заповедано, вновь поделенную землю передавать старшему в роде и на более мелкие участки не делить, так как хозяйство с 25 десятинами принято ими за норму, ниже которой невозможно вести сносное сельское хозяйство»[18]. Размер семейных наделов земли сохранялся и в начале XX в. По данным за 1917 г., из 128 хозяйств колонистов в Верхней и Нижней половинах Николаевской колонии у большинства надел составлял именно 25 десятин, только у трех хозяйств надел земли составлял 50 десятин. Но у некоторых владельцев наделы земли в это время составляли уже 12,5 десятин, что говорит о некотором отступлении от принятых правил. Однако земельных наделов площадью менее 12,5 десятин не было. Видимо, это был нижний предел при разделе земельных владений между членами семьи[19]. Несмотря на то, что младшие дети в семье земельного надела не получали, они не оставались без поддержки семьи. Старший в семье был обязан кормить, одевать и посылать в школу младших. С наступлением рабочего возраста старший выделял младшему полосу земли «с высевом от 1 до 3 кулей овса». В первый год старший засевал данную полосу за свой счет. Младший собирал этот урожай и на следующий год засевал свою полосу чем хочет и за свой счет. Как упоминают современники, «в большинстве случаев, младшие братья у старшего не засиживаются, а с отбытием воинской повинности или же с наступлением 22–23 лет, из хозяйства старшего брата выходят и на скопленные деньги обзаводятся своим домом и скотом у себя же в колонии и занимаются каким-либо ремеслом <...> или же уходят на сторону, на фабрики, заводы, экономии и т. д.»[20]. Таким образом, основным занятием колонистов было сельское хозяйство – земледелие и скотоводство. Современники подчеркивали, что земли, отведенные для Николаевской колонии, не были покрыты глухими лесами и болотами, что повсеместно для Новгородской губернии. Место было сухое, земля плодородная. Колонисты имели усадебную землю под домом и двором, пашню, сенокосы, землю под выгон скота с кустарником. На этих землях колонисты выращивали рожь, овес, картофель, косили сено. Выращивание картофеля велось колонистами не только для собственного употребления, но и, в большей мере, на продажу. Даже во всеподданнейшем отчете новгородского губернатора за 1861 г. отмечалось, что в губернии посадка картофеля распространена практически повсеместно для домашнего употребления, но «...сбытом оного на продажу занимаются преимущественно колонисты»[21]. Кроме этого, колонисты занимались выращиванием огородных овощей – капусты, лука, огурцов, свеклы, моркови. Только немецкие колонисты выращивали такие культуры, как салат, петрушка, редиска, сельдерей, шпинат, горчица. Отмечалась тщательная обработка земли колонистами с применением удобрений и различных сельскохозяйственных орудий. В Николаевской

[16] *Бычков Г.Н.* Опыт подворного исследования экономического положения и хозяйства крестьян в трех волостях Новгородского уезда. – Новгород, 1882. – С. 91.

[17] *Бахмутская Е.В.* Образование немецких колоний... – С. 236.

[18] *Козловский П.* Указ. соч. – С. 38.

[19] ГАНО. Ф. 33. Оп. 1. Д. 5. Л. 4 об.–6, 9 об.–29.

[20] *Козловский П.* Указ. соч. – С. 38.

[21] РГИА. Ф. 1281. Оп. 6. Д. 55. Л. 3 об.

колонии имелся собственный общественный хлебный магазин, из которого для нуждающихся колонистов выдавались ссуды ржи, овса[22]. Как мы уже отметили, кроме земледелия колонисты занимались разведением скота. Излишки мяса продавали или перерабатывали в знаменитые колбасы, окорока, также продававшиеся на новгородских рынках. Мужчины занимались различными видами ремесла. У женщин Николаевской колонии было традиционно распространено рукоделие. Они ткали холсты, тонкую ткань для полотенец, простыни, изготавливали шерстяную ткань для одежды, шерстяные одеяла, домашнее сукно, вязаные шерстяные юбки и большие теплые платки[23].

Николаевская колония имела свою инфраструктуру. На 1894 г. в этой колонии было пять лавок, мукомольный и лесопильный заводы, питейный дом, школа, лютеранская церковь[24]. В Николаевской колонии лютеранская церковь была построена в 1861 г.[25] Она была деревянной размером 6×12 саженей. По сведениям 1920-х годов, данная церковь имела железную крышу и была окрашена в темно-синий цвет. Внутри церкви имелось все необходимое: 50 деревянных окрашенных парт, стулья, шкафы, 6 подсвечников, 3 бронзовые люстры, деревянный аналой, ковры, скатерти, картина в раме «Вознесение Христа», деревянный крест с распятием, колокол весом 25 пудов 19 фунтов и орган[26]. При церкви в колонии существовало кладбище. В Александровской колонии также существовала лютеранская церковь, но дату ее возведения нам пока не удалось установить. Эта церковь была построена из дерева на каменном фундаменте размером 6×11 метров с железной крышей. В 1920-е годы церковь в Александровской колонии имела следующее убранство: 18 парт-скамеек, алтарь, две кафедры, подсвечники, люстры, 8 картин на стенах, две круглые печи, колокол весом 5 пудов, орган[27].

В Александровской и Николаевской колониях функционировали школы. По сведениям за 1908 г., в александровской лютеранской земской школе обучался 101 ребенок и работал один учитель, в новониколаевской земской школе обучался 191 ребенок из обеих половин колонии и работал один учитель.[28] Эти школы обслуживали только колонии и содержались на средства их жителей. Обучение детей в колониях было обязательным и велось на немецком языке, хотя изучалась и русская азбука. Результаты обучения выражались в том, что среди колонистов был наибольший процент грамотных по сравнению с другими волостями Новгородского уезда. Г.Н. Бычков пишет: «Самое большое число грамотных имеет Ново-Николаевская волость, населенная немцами. В ней на 1000 жителей 504,6 человека обоего пола умеет читать и сносно писать»[29].

Таким образом, в начале XX в. все три немецкие колонии Новгородской губернии представляли собой довольно богатые поселения, жители которых успешно вели свое хозяйство. Численность населения колоний постоянно возрастала, что также свидетельствует о стабильности их развития. Однако, и по прошествии 90 лет, немецкие колонисты вели обособленный образ жизни, довольно редко контактируя с окружающим русским населением.

В период Первой мировой войны процесс развития новгородских немецких колоний столкнулся с трудностями, обусловленными общей ситуацией. В стране разворачивается кампания по борьбе со шпионажем в пользу Германии и ее союзников. Новгородская губерния располагалась близко к зонам ведения боевых действий и под подозрение властей попадали все подданные Германии и Австрии. Местное население стало относиться с подозрением и к немецким колонистам, несмотря на то, что они были российскими подданными. Возникали даже предложения о выселении немецких колонистов с территории губернии. В 1915 г. в Александровской и Николаевской колониях были закрыты немецкие школы.

[22] *Бычков Г.Н.* Указ. соч. – С. 98.

[23] *Е.* Кустарный отдел Ново-Николаевской сельскохозяйственной выставки // Вестн. Новгород. земства. – 1903. – № 17. – С. 22.

[24] ГАНО. Ф. 98. Оп. 3. Д. 1768. Л. 63 об.

[25] Там же. Ф. Р-269. Оп. 1. Д. 894. Л. 60.

[26] Там же. Ф. Р-269. Оп. 1. Д. 894. Л. 1–1 об.

[27] Там же. Ф. Р-171. Оп. 1. Д. 16. Л. 10.

[28] Там же. Ф. 98. Оп. 3. Д. 1322. Л. 7 об.–8, 25 об.–26.

[29] *Бычков Г.Н.* Указ. соч. – С. 113.

После установления советской власти все колонии Новгородской губернии продолжили свое существование как отдельные немецкие поселения. Отметим, что в официальных и неофициальных документах 20–30-х годов XX в. эти поселения продолжали именоваться колониями. Более того, в 20-е годы количество немецких поселений в Новгородской губернии увеличивается за счет выделения так называемых выселков и хуторов. Наиболее активно процесс создания новых немецких поселений стал развиваться после 1923–1924 гг. Большинство выселков было создано жителями Николаевской колонии (в документах советского периода она в основном называется Ново-Николаевская). К 1927 г. на расстоянии 3–7 км от колонии существовали такие поселения, как Тарасиха – 32 хозяйства, Шендорф – 29 хозяйств, Малая Вишерка – 30 хозяйств, Малая Михайловка – 12 хозяйств, Сосниха (Сосенька) – 14 хозяйств, Ксенофонтово (Селефонтьево) – 8 хозяйств, Вороний Остров – 6 хозяйств[30]. Жителями Александровской колонии к 1927 г. были созданы выселки: 2-я Александровская – 32 хозяйства, Фридендорф – 27 хозяйств[31]. В документах за 1922–1923 гг. упоминается немецкий хутор-колония Пусточь Дубовицкой волости Старорусского уезда, в котором насчитывалось 12 хозяйств. В отчете инструктора немецкой секции Губернского комитета РКП(б), посетившего этот хутор-колонию, указывается, что Пусточь отстоит от Старой Руссы на 3 версты, «<…> но жители окраин города, как и по пути лежащих деревень не знают о существовании таковой»[32]. Самой крупной и в это время продолжала оставаться Николаевская колония. Только протяженность данного населенного пункта составляла 5 верст[33].

Национальная специфика учитывалась и на уровне местного самоуправления. «Постановлением малого президиума Новгородского губисполкома от 3 декабря 1926 г. в Новгородском уезде были закреплены ранее организованные национальные сельсоветы…»[34], в т.ч. немецкие сельсоветы: Александровский Спасско-Полистской волости, в который входила колония Александровка, и Ново-Николаевский Троицкой волости, к которому относилась колония Ново-Николаевка с выселками. Ново-Николаевский национальный сельсовет просуществовал до 1939 г., после чего постановлением президиума Ленинградского облисполкома от 14 апреля 1939 г. был присоединен к Хутынскому сельсовету Новгородского района. Этим же постановлением Александровский сельсовет Чудовского района был преобразован из национального в обычный[35].

Выше мы перечислили выявленные нами в документах названия отдельных немецких поселений и сельсоветов Новгородской губернии, но помимо этого, немцы проживали и среди русского населения в городах и волостях Новгородской губернии. Так, в Новгороде в 1922 г. проживало до 500 чел. немецкой национальности, на станции Окуловка до 570 чел., в городе Боровичи 170 чел., в Крестцах 125 чел.[36] Более активное функционирование немецких поселений в данный период подтверждается и продолжающимся увеличением численности их жителей.

[30] ГАНО. Ф. Р-265. Оп. 2. Д. 488. Л. 12.

[31] Там же. Оп. 2. Д. 488. Л. 34.

[32] Там же. Оп. 1. Д. 344. Л. 17.

[33] Там же. Оп. 2. Д. 414. Л. 61 об.

[34] Административно-территориальное деление Новгородской губернии и области. 1727–1955 гг.: Справ. – СПб., 2009. – С. 72.

[35] Там же. С. 122.

[36] ГАНО. Ф. Р-265. Оп. 1. Д. 401. Л. 8.

Советская власть декларировала свободное развитие национальных меньшинств, населяющих страну, и уделяла этому вопросу пристальное внимание. На особом контроле находилась образовательная и культурно-просветительная работа среди национальных меньшинств. Для этих целей 15 июля 1921 г. при Губернском отделе народного образования (Губоно) была организована немецкая секция[37]. При поддержке и активной организационной работе секции в Александровской и Николаевской колониях с сентября 1921 г. вновь стали работать школы. Сотрудники немецкой секции Губоно отмечали, что в течение предшествовавших шести лет занятия в школах совершенно не проводились[38]. «Дети немецкой национальности никакого образования не получали, и никто об этом не заботился, и если в дальнейшем это будет продолжаться, то немцы в губернии будут дикими, то есть такими темными неучами»[39], – писал в августе 1921 г. заместитель заведующего немецкой секцией Римплер. В Александровской колонии школа находилась в большом собственном доме, занятия вели два учителя. В Николаевской колонии школа занимала два больших дома, располагавшихся в центре поселения, занятия вели три, а затем четыре учителя. Языком преподавания был немецкий, а русский язык преподавался как предмет[40]. Также преподавалась арифметика, пение, рисование, один раз в неделю физкультура. Хозяйственное содержание школ, содержание учителей и обслуживающего персонала обеспечивали жители колоний, для чего с каждого из них взимался определенный взнос деньгами или продуктами. По вопросу содержания школы с сельсоветом колонии заключался специальный договор, в котором подробно прописывались все условия[41]. Обеспечение деятельности немецких школ встречало немало трудностей – это частая смена учителей, отсутствие учебников и книг на немецком языке, отсутствие дров для отопления школы, необходимость ремонта и пр. Одной из проблем было то, что родители зачастую оставляли детей дома для выполнения работы по хозяйству. Резко снижалась посещаемость школы детьми в период полевых работ и во время религиозных праздников, например, Пасхи. Часто в качестве причины того, что ребенок не посещает школу, указывалось отсутствие у него одежды и обуви. Помимо обучения детей проводилась работа по ликвидации неграмотности среди взрослого населения. Так, в Николаевской колонии в 1926 г. было учтено 123 неграмотных взрослых в возрасте 15–30 лет и 44 неграмотных подростка в возрасте 10–14 лет[42]. Для их обучения при школах создавались специальные пункты ликвидации неграмотности, в которых занятия вели школьные учителя.

В 20-е годы XX в. стали возобновлять свою работу и немецкие библиотеки. На начало 1920-х годов таких библиотек в Новгородской губернии насчитывалось три: в Новгороде, в Николаевской и Александровской колониях[43]. В колониях за работу библиотек отвечал школьный учитель либо руководитель избы-читальни. В библиотеке при избе-читальне Николаевской колонии в 1927 г. насчитывалось 1068 томов книг, в месяц ее посещало около 50 чел. и интересовались они в основном беллетристикой[44]. В Александровской колонии библиотека также работала при избе-читальне и в 1927 г. в ней насчитывалось 1700 томов книг, «в основном старая немецкая литература»[45]. Достаточно крупной была немецкая библиотека в Новгороде. Еще в 1921 г. сотрудник немецкой секции Губоно отмечал, что библиотека в Новгороде «весьма запущена и там полнейший беспорядок»[46]. Но уже к 1923 г. работа этой библиотеки была налажена, назначен заведующий. В 1924 г. немецкая библиотека в Новгороде насчитывала 2034 тома книг и 97 постоянных читателей[47]. В это время в губернии действовало еще два немецких отделения при уездных центральных библиотеках в Старой Руссе и Малой Вишере[48].

[37] ГАНО. Ф. Р-265. Оп. 1. Д. 344. Л. 1.
[38] Там же.
[39] Там же. Оп 2. Д. 351. Л. 2 об.
[40] Там же. Оп. 1. Д. 488. Л. 12 об.
[41] Там же. Оп 2. Д. 351. Л. 32.
[42] Там же. Д. 455. Л. 17–22, 23–25.
[43] Там же. Оп. 1. Д. 344. Л. 13.
[44] Там же. Оп. 2. Д. 488. Л. 13.
[45] Там же. Д. 482. Л. 22 об.

Возрождение немецких библиотек в первые годы советской власти сопровождалось пересмотром содержания их книжного фонда. Книги религиозного характера из библиотек изымались, а пополнение фондов шло за счет политической литературы, изданий сельскохозяйственной тематики. Так, заведующий избой-читальней Николаевской колонии А.П. Барч в одном из отчетов о своей работе писал: «Книги церковного содержания я снял из обращения и уничтожил, ввиду того, что они даже исторической ценности не представляют. Желающим читать вручил исключительно книги политического и агрономического содержания»[49].

Новой формой культурно-просветительской деятельности стало создание в колониях изб-читален. В Николаевской колонии изба-читальня была создана в 1924 г. и занимала одну комнату в школе. При ней работал справочный стол, а также кружки: драматический, кооперативный, кружок сельских корреспондентов, военный[50]. В Александровской колонии изба-читальня образована в 1925 г. и также находилась в помещении школы. При ней работал стол справок, драматический, профсоюзный, военный кружки, хор, издавалась стенгазета «Ди нэйэ цейт»[51]. Для александровской избы-читальни выписывались газеты «Дойче Цейтунг», «Новая Звезда», «Беднота», «Безбожник», журнал «Батрак». Целью деятельности изб-читален была не только культурная работа, но и политическая пропаганда, агитация, разъяснение жителям сути мероприятий советской власти, ознакомление с издаваемыми декретами и законами. Заведующие избами-читальнями старались привлекать к их работе местных жителей и особенно молодежь. Но в такой политико-агитационной работе среди молодежи встречалось много препятствий. Заведующие избами-читальнями отмечали, что молодежь немецких колоний полностью зависела от старшего поколения. «Без разрешения стариков молодежь не осмеливается иначе думать, не говоря уже о действии»[52]. Еще одна проблема заключалась в бедности населения колоний. Это заставляло жителей часто и надолго отлучаться из колонии на заработки и делало их вовлечение в культурно-просветительную работу невозможным. В своей работе избы-читальни сталкивались и с тем, что часто посещению политических мероприятий молодежь предпочитала традиционные развлечения, и это весьма раздражало советских агитаторов. «Молодежь очень деморализована чисто ничтожными и вредными развлечениями, как-то танцы, и считается даже позором, если кто плохо танцует или совсем не умеет»[53], – отмечается в отчете за 1925 г. о работе среди немецкой молодежи в Николаевской колонии. Действительно, в Николаевской колонии молодым был отведен специальный старый дом, где они занимались устройством танцевальных вечеров во время праздников или дней отдыха.

Так в переплетении со старыми традициями закладывались основы нового советского образа жизни. И уже во время празднования годовщины Октябрьской революю-

[46] ГАНО. Ф. Р-265. Оп. 1. Д. 344. Л. 2.
[47] Там же. Л. 15.
[48] Там же. Л. 15 об.
[49] Там же. Оп. 3. Д. 454. Л. 44.
[50] Там же. Оп. 2. Д. 488. Л. 13.
[51] Там же. Д. 482. Л. 23.
[52] Там же. Оп. 3. Д. 454. Л. 44.
[53] Там же. Оп. 2. Д. 414. Л. 29.

ции молодежь поет «Интернационал» и революционные песни. В 1927 г. молодежь Александровской колонии создает комсомольскую ячейку из 13 чел.[54], а в Николаевской колонии организована кандидатская группа ВКП(б) из 8 чел.[55] При школах появляются пионерские отряды. В середине 30-х годов XX в. колхозники селения Нижняя половина Николаевской колонии поднимают вопрос о выделении для клуба более просторного помещения. На общем собрании колхозников 22 января 1935 г. было предложено передать под клуб помещение церкви в Новониколаевской колонии. Большинством голосов колхозники приняли решение о закрытии церкви и передаче этого помещения под «клуб для селения Новониколаевского имени товарища С.М. Кирова»[56]. Данное решение было утверждено 2 февраля 1936 г. на заседании областной комиссии по вопросам культов при президиуме Ленинградского облисполкома[57]. 30 марта 1936 г. лютеранская церковь в Николаевской колонии была ликвидирована[58], а помещение передано под клуб.

В начале 30-х годов XX в. в немецких колониях начинают создаваться колхозы. В частности, в составе Ново-Николаевского сельсовета Новгородского района Ленинградской области действовало четыре коллективных хозяйства: колхоз «Звезда» в селении Нижняя половина; колхоз «Рот Фронт» в селении Верхняя половина, колхоз «Роте Фане» в селении Тарасиха; колхоз «Батрак» в селении Шендорф. Немецкие колхозы производили молоко, мясо, члены колхоза занимались заготовкой сена, лесозаготовками. Основное внимание уделялось выращиванию зерновых и овощных культур, таких как рожь, пшеница, ячмень, овес, горох, картофель, капуста, огурцы, помидоры, морковь, лук, свекла.

Приведенные сведения свидетельствуют, что и в новых условиях после установления советской власти немецкие колонии Новгородской губернии (с 1927 г. – Ленинградской области) развивались достаточно успешно. В это время немецкие поселения становятся более открытыми, их жители широко вовлекаются в реализацию экономических, культурных, политических мероприятий советской власти.

Очередной поворот в истории новгородских немецких колоний происходит в конце 30-х годов XX в. и связан он с политическими репрессиями. В 1937–1938 гг. многие жители немецких колоний подверглись надуманным обвинениям в шпионаже, диверсионной деятельности в пользу Германии, ведении националистической пропаганды, в итоге, они были арестованы и приговорены к расстрелу. После начала Великой Отечественной войны на территории Ленинградской области стало проводиться массовое выселение этнических немцев из прифронтовых районов. Эвакуация была принудительной – в случае отказа жители подлежали аресту. «В этот период успели депортировать значительную часть немцев с территории Новгородской области, многие попали в Коми АССР»[59]. Разорение немецких колоний было продолжено уже в ходе военных действий. К 20 августа 1941 г. Новгород был оккупирован фашистскими войсками. До 1944 г. по р. Волхов проходила линия фронта, на которой оказались и немецкие поселения. В большинстве своем они были разрушены. Так, «во время проведения Любанской операции зимой – весной 1942 г. была полностью сожжена и сровнена с землей одна из новгородских колоний – Александровская колония Селищской волости на Волхове»[60]. В послевоенный период далеко не все немецкие поселения смогли возродиться. В настоящее время продолжает существовать, но уже как обычный населенный пункт, деревня Новониколаевская Новгородского района Новгородской области. В ней ничего не напоминает о немецких колониях, кроме старого немецкого кладбища, находящегося в запущенном состоянии.

Таким образом, история новгородских немецких колоний, начавшись в 20-е годы XIX в. и пройдя несколько этапов, закончилась в середине XX в. Долгое время воспоминания о существовании немецких колоний хранились в семьях потомков бывших колонистов, живущих в Великом Новгороде и Новгородской области. И только в последнее время вновь возрождается интерес к этой странице новгородской истории.

[54] ГАНО. Ф. Р-265. Оп. 2. Д. 482. Л. 15-17.
[55] Там же. Д. 488. Л. 30.
[56] Там же. Ф. Р-558. Оп. 1. Д. 3. Л. 34–34 об.
[57] Там же. Ф. Р-138. Оп. 3. Д. 28. Л. 2.
[58] Там же. Л. 49.
[59] *Черказьянова И.В.* Трагедия войны для немцев Ленинграда и Ленинградской области // URL: http://wolgadeutsche.ru/70_Jahre_Deportation.htm
[60] Там же.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Административно-территориальное деление Новгородской губернии и области. 1727–1955 гг.: Справ. – СПб., 2009. – 352 с.
2. *Бахмутская Е.В.* Немецкие колонии Санкт-Петербургской губернии. 1760-е – 1870-е гг. Автореф. дис. … канд. ист. наук. – СПб., 2003. – 31 с.
3. *Бахмутская Е.В.* Образование немецких колоний в Санкт-Петербургской губернии (вторая половина XVIII – начало XX в.) // Немцы в России: Петербургские немцы: Сб. ст. / Отв. ред. Г.И. Смагина. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. – С. 233–244.
4. *Бычков Г.Н.* Опыт подворного исследования экономического положения и хозяйства крестьян в трех волостях Новгородского уезда. – Новгород, 1882. –116 с.
5. *Е.* Кустарный отдел Ново-Николаевской сельскохозяйственной выставки // Вестн. новгородского земства. – 1903. – № 17. – С. 21–22.
6. *Козловский П.* Ново-Николаевская колония под Новгородом // Вестн. новгородского земства. – 1906. – № 14. – С. 37–42.
7. *Черказьянова И.В.* Трагедия войны для немцев Ленинграда и Ленинградской области // URL: http://wolgadeutsche.ru/70_Jahre_Deportation.htm

„Nützliches Beispiel …“: Entstehung und Entwicklung der deutschen Kolonien bei Novgorod im 19. Jahrhundert und in der ersten Hälfte des 20. Jahrhunderts

N. S. Fedoruk

Der Artikel stellt die Geschichte der deutschen Kolonien im Gouvernement Novgorod im 19.Jahrhundert und in der ersten Hälfte des 20. Jahrhunderts dar. Der Autor analysiert die Bedingungen für die Entstehung deutscher Kolonien, arbeitet die Hauptetappen ihrer Entwicklung heraus und beschreibt Schlüsselereignisse, die das Schicksal der deutschen Kolonien und Kolonisten beeinflusst haben.

Schlüsselwörter: deutsche Kolonien, Gouvernement Novgorod, Lutheraner, Ackerbau und Tierhaltung, Aleksandrovskaja, Gorelovskaja, Nikolaevskaja.

“A useful example…”: the formation and development of the German colonies near Novgorod in the XIX – the first half of the XX century

N.S. Fedoruk

The article is concerned with the history of the German colonies in the Novgorod Governorate in the XIX – the first half of the XX century. The author is analyzing the conditions for the emergence of German colonies, is defining the main stages of their development and describing the essential events, which have made an impact on the fate of the German colonies and colonists.

Keywords: the German colonies, the Novgorod Governorate, Lutherans, agriculture and animal husbandry, Alexandrovskaya, Gorelovskaya, Nikolayevskaya.

УДК 940.28(Р479=3)

Т.Н. Чернова-Дёке

Своеобразие становления немецких колоний на Южном Кавказе

Рассматриваются особенности переселения в 1817–1818 гг. швабов из Вюртембергского королевства на Южный Кавказ и создания ими колоний. Автор выявляет региональную специфику социокультурной адаптации, миграционных процессов, экономической жизни колонистов, религиозную обособленность лютеранских общин и их независимость от консистории. Симбиоз трудолюбия и государственной поддержки, развитие фургонного ремесла, виноградарства и виноделия ведут к благополучию немецких поселений и превращают их в важный экономический фактор в крае.

Ключевые слова: немецкая колонизация, Южный Кавказ, региональные особенности, швабы, внутренние миграции, сепаратизм и сектантство, религиозная обособленность, культурные заимствования.

Изучение проблемы «общее и особенное» в создании немецких колоний в Российской империи предполагает компаративный анализ политики и практики земледельческой колонизации. Детальное исследование своеобразия отдельных территориальных, социальных, конфессиональных групп российских немцев в местах компактного проживания создает основу, на которой базируется воссоздание их истории. Попытки рассмотрения немцев как единого этноса в имперский период ведут к нарушению принципа историзма. Важно отметить, что «кавказские» немцы, черты их характера и уклад жизни значительно отличались от других групп.

В этом ключе актуально выявление особенностей становления швабских колоний на Южном Кавказе. Академический интерес вызывает термин «новая имперская история постсоветского пространства». Изучение исторического опыта небходимо для преодоления стереотипа «империи зла» и созидания доверительных отношений современных соседей, суверенных закавказских республик и Российской Федерации. Тема актуальна также в свете познания исторических корней взаимосвязей Германии с Кавказом. Сложность постижения вопроса состоит в том, что его следует рассматривать сквозь призму российско-германских отношений, поскольку Кавказский край входил в состав Российской империи. Данное исследование призвано раскрыть суть государственной колонизационной политики и взаимоотношений центра и окраин, специфику социокультурной адаптации, экономической жизни, религиозную обособленность закавказских немецких колоний. Такова поставленная задача.

Краткий обзор историографии дает представление о степени изученности темы. Обширная дореволюционная литература, порой это описания по долгу службы (чиновник министерства Н. Никифоров, пастор М. Шренк и др.), официальная хроника, статистика, пресса – служит определенным источником информации, фактологии и суждений. Почти полное замалчивание тематики в советский период не требует комментариев. Исключение составляет работа Г.Х. Манджгаладзе о немецких колонистах в Закавказье (на грузинском языке), подготовленная в начале 1970-х годов. Новейшие интенсивные исследования истории и культуры немецкого этноса в России затронули Кавказ. Идет поиск концепции и места темы в кавказоведении. Впервые взгляд был

© Т.Н. ЧЕРНОВА-ДЁКЕ. ЕЖЕГОДНИК МАИИКРН. 2015 Г. № 1. С. 78–92.

Дом колониста.
Грузия, г. Болниси (быв. колония Екатерининфельд), 2007 г.
Фото Т.Н. Черновой-Дёке

обращен к истокам колонизации, к Манифесту Екатерины II 1775 г., ее призыву к поселению иностранцев в степном Предкавказье[1].

В российской историографии отсутствует комплексное рассмотрение темы немецкой колонизации в кавказском регионе. Имеющиеся наработки в изучении и освещении закавказских колоний получили адекватное своей значимости выражение и озвучены на международных научных конференциях, в частности, которые ежегодно проводит Международная ассоциация исследователей истории и культуры российских немцев (МАИИКРН). Так, впервые рассмотрены роль А.П. Ермолова в создании немецких колоний, особенности их административного управления, религиозной жизни, духовной культуры швабов, исторический опыт их социальной адаптации и взаимоотношений с местным населением. Определенным прорывом явилась монография – столетняя история колоний «за Кавказом»[2]. По ряду вопросов и аспектов проблематики в попытке преодоления стереотипов и мифов, в интерпретации фактов порой возникает дискуссионное поле. Заметный интерес к теме проявлен в Азербайджанской Республике[3]. Активное изучение проблем базируется на архивных материалах, фотодокументах, воспоминаниях. Но многие работы по имперскому периоду носят описательный характер. В Баку были проведены две конфереции, посвященные немцам в Азербайджане. На этом фоне реконструкция прошлого швабских колоний в Грузии остается в тени[4].

---

[1] *Чернова-Дёке Т.Н.* У истоков колонизационной политики Екатерины II // Вопр. истории. – 2013. – № 6. – С. 83–91.

[2] *Чернова-Дёке Т.Н.* 1) Немецкие поселения на периферии Российской империи. Кавказ: взгляд сквозь столетие (1818–1917). – М., 2008. – 179 с., ил.; 2) Немецкие колонии в Грузии: специфика становления, управления и экономической жизни (1817–1917) // Рос. государство, общество и этнич. немцы: основные этапы и характер взаимоотношений (XVIII–XXI вв.): Материалы 11-й Междунар. науч. конф., Москва, 1–3 нояб. 2006 г. – М., 2007. – С. 108–135; 3) Исторический опыт социальной адаптации немецких поселенцев на Южном Кавказе (1817–1917) // Диаспоры. – 2010. – № 2. – С. 6–21; и др.

[3] *Алиев К.* Швабы и Азербайджан. – Баку, 2003; *Ахундова Т.* Немцы-колонисты Азербайджана XIX – начала XX в. – Баку, 1999; *Вердиева Х.* Немцы в Северном Азербайджане. – Баку: Элм, 2009; *Гумбатова Т.* Жизнь немцев-колонистов за Кавказом. – Баку, 2005; *Джафарли М.* Немцы в Азербайджане. – Баку, 1998; *Зейналова С.* 1) Немецкие колонии в Азербайджане (1819–1941). – Баку, 2002; 2) Немцы на Кавказе. – Баку: Мутарджим, 2008; Кавказские немцы – немцы на Кавказе до Первой мировой войны: Материалы Перв. Междунар. науч. конф., 22–25 сент. 1997 г., Баку – Гянджа. – Баку: Элм, 2001; Deutsche in Aserbaidschan: Materialien der Konferenz, gewidmet dem 190. Jubiläum der Einsiedlung der Deutschen nach Aserbaidschan. – Baku, 6.–7. April 2009. – Baku, 2009.

[4] *Манджгаладзе Г.Х.* Немецкие колонисты в Закавказье (1817–1920). – Тбилиси, 1974 (груз.); *Майсурадзе Р.И.* Немецкий религиозный сепаратизм и лютеранство в Грузии: Автореф. дис. … канд. ист. наук. – Тбилиси, 1990; *Springhorn D.* Deutsche in Georgien / Hrsg. vom Goethe-Institut Tbilissi. – Tbilissi, 2004; *Udsulaschwili E.* Die deutschen Kolonisten in Georgien (Elisabethtal-Asureti. 1818–1941). – Tbilissi, 2006.

Отметим внимание к данной тематике немецких ученых. В их трудах обозначились следующие направления: миграционные процессы (Auswanderungsforschung)[5] и феномен религиозной мотивации эмиграции швабов[6]. Нашли освещение ход переселения и предпринимательская деятельность немецких колонистов в Азербайджане[7]. Особо следует выделить публикации воспоминаний, как дань памяти «кавказских» немцев, проживающих сегодня в Германии[8].

ПРОЛОГ

По определению кавказского наместника гр. И.И. Воронцова-Дашкова, в сравнении с Польшей, Прибалтикой, Финляндией, Кавказ был величиной «совершенно особого рода». Покоренный в ходе кровопролитных войн, он был «усмирен» и стал в силу своего геополитического положения важным опорным пунктом, но весьма дорогостоящей окраиной империи.

Летом 1783 г. в г. Георгиевске был подписан Договор об установлении протектората империи над Картли-Кахетинским царством (Восточной Грузией). Воссоединение Грузии с Россией произошло позже. Незадолго до своей смерти царь Георгий XII Багратиони (1746–1800) отправил делегацию в Санкт-Петербург с просьбой о принятии Картли-Кахетии под защиту в «вечное подданство». В грамоте он запросил письменное обещание, «что достоинство царское не будет отнято у дома моего». Прошение было одобрено. В ноябре 1799 г. в Тифлис вступил егерский полк для «постоянного пребывания». Государственный совет империи поспешил вынести решение о немедленном присоединении царства. 18 декабря 1800 г. Павел I подписал манифест, который был направлен генералу К.Ф. Кноррингу для объявления. Обнародованный 18 января 1801 г. манифест «О присоединении Грузинского царства к России»[9] был оглашен 17 февраля во всех грузинских и армянских церквах Тифлиса.

Правда, в манифесте был обойден вопрос о династических правах Багратионов. Судьба определила так, что Георгий XII умер 28 декабря, не дождавшись решения. Ответную ноту из Грузии от царевича Давида (с просьбой утвердить его царем) не смог получить Павел I, погибший в марте 1801 г. в Михайловском замке в результате переворота. Так, Картли-Кахетинское царство, утратив свою независимость, превратилось в одну из окраин обширной империи: указом от 6 марта была образована Грузинская губерния (две провинции). Манифест о присоединении послужил отправным пунктом для насаждения российской военно-административной системы, ставшей опорой в покорении и хозяйственном освоении всего Кавказского региона. К весне гарнизон русских войск насчитывал почти 10 тыс. чел.

[5] *Becker H.* Die Auswanderung aus Württemberg nach Südrußland. 1816–1830. – Tübingen, 1962; *Stumpp K.* Die Auswanderung aus Deutschland nach Rußland. 1763–1826. – Tübingen,1972; *Hippel W. von.* Auswanderung aus Südwestdeutschland. – Stuttgart, 1984.

[6] *Petri H.* Schwäbische Chiliasten in Südrußland // Kirche im Osten. – Stuttgart, 1962. – S. 76–96. (Studien zur osteuropäischen Kirchengeschichte und Kirchenkunde. Bd. 5); *Groß A.* Missionäre und Kolonisten: Die Basler und die Hermannsburger Mission in Georgien am Beispiel der Kolonie Katharinenfeld. 1818–1870. – Hamburg: Lit, 1998. (Studien zur Orientalischen Kirchengeschichte. Bd. 6); *Föll R.* Sehnsucht nach Jerusalem. Zur Ostwanderung schwäbischer Pietisten. – Tübingen, 2002; *Haigis P., Hummel G.* Schwäbische Spuren im Kaukasus: Auswandererschicksale. – Metzingen: Sternberg-Verlag, 1996.

[7] *Аух Е.-М.* 1) Немецкие колонисты в Закавказье // Рос. немцы на Дону, Кавказе и Волге. – М., 1995. – С. 101–119; 2) Предпринимательская деятельность немецких колонистов в Азербайджане // Кавказ. немцы – немцы на Кавказе до Первой мировой войны. – С. 222–251; *Auch E.-M.* Deutsche Kolonisten als Unternehmer im Kaukasus // „…das einzige Land in Europa, das eine große Zukunft vor sich hat.“ Deutsche Unternehmen und Unternehmer im Russischen Reich im 19. und frühen 20. Jahrhundert. – Essen, 1998. – S. 589–610.

[8] *Allmendinger E.* Katharinenfeld, ein deutsches Dorf im Kaukasus. 1818–1941. – Selbstverlag, 2006; *Lorenz A. (Wenkeler).* Der Heimat beraubt. – Bad Krozingen, 2008; Vom Kaukasus nach Kasachstan. Deutsche Dörfer, Schicksale in Erinnerungen und Bildern / Hrsg. Edgar Reitenbach. Bd. 1–3. – Duisburg, 2003–2007.

[9] Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). Собр. 1-е. Т. 26. № 19 721.

Приняв после смерти Павла I бразды правления, 23-летний сын его Александр I в манифесте от 12 марта 1801 г. объявил, что будет управлять «по законам и по сердцу в Бозе почивающей Августейшей Бабки нашей Государыни Императрицы ЕКАТЕРИНЫ Великой» и что в основе его политики будет «не личная воля или каприз монарха, а строгое соблюдение законов»[10]. Именным указом Правительствующему Сенату от 12 сентября 1801 г. было учреждено Верховное Грузинское правительство. «Не для приращения сил, не для корысти, не для распространения пределов и так уже обширнейшей в свете Империи приемлем мы на себя бремя управления царства Грузинского <…>» Священный долг состоял в учреждении правления, «которое могло бы утвердить правосудие <…> и дать каждому защиту закона»[11]. По манифесту «О учреждении внутреннего управления Грузии», верховная военная и гражданская власть была сосредоточена у главнокомандующего, командира Отдельного Грузинского (с 1820 г. – Кавказского) корпуса. Одновременно он являлся главноуправляющим в Грузии, начальником Астраханской области и выделенной из нее в 1802 г. Кавказской губернии. Назначался он непосредственно императором.

Однако расширение пределов империи за счет Закавказья не заставило себя ждать. В ходе противостояния с Персией (Ираном) и Оттоманской Портой (Турцией), в результате войн и побед Россией были признаны по договорам 1812–1813 гг. Дербентское, Ширванское, Бакинское и Карабагское ханства, Западная Грузия и Абхазия (протекторат). По договору 1828 г. с Персией за Россией были закреплены Эривань, Нахичеванское и Талышское ханства. По Адрианопольскому миру 1829 г. с Турцией – все Черноморское побережье до Поти, Гурийское княжество и Ахалцыхский пашалык. Так первостепенной задачей в деятельности администрации столь важного в геополитическом отношении края было укрепление власти, порой – силой оружия. Лишь во второй половине XIX в. произошло смещение акцента на его хозяйственно-экономическое освоение.

В этой сложной обстановке в 1817–1818 гг. произошло неординарное событие: переселение в Грузию швабов – крестьян и ремесленников из Вюртембергского королевства. По вполне понятным причинам, таким как удаленность региона, дефицит казенных земель, перманентные войны и усмирение восстаний горцев, этот регион был уязвим и малодоступен в сравнении с Новороссией. К тому же изменился характер иммиграционной политики, проводимой Александром I. Его Манифест от 20 февраля 1804 г. сохранил преемственность, континуитет политики Екатерины II. Условия поселения были довольно привлекательны, но уже появились явно рестриктивные черты, как введение имущественного ценза и годовой квоты[12]. Кавказ не был в планах иностранной колонизации, не являлся целью иммиграционной политики, не был назван в указах 1803–1804 гг. о местах поселения в России колонистов.

Идею создания в Закавказье образцовой немецкой колонии для подражания ей местными крестьянами выдвинул главноуправляющий в Грузии генерал от инфантерии А.П. Ермолов (1777–1861). Роль его в этом неоспорима, но неоднозначна[13]. В письме от 31 декабря 1816 г. министру внутренних дел О.П. Козодавлеву он запросил «фамилий 30 под собственный присмотр»[14]. Интересно совпадение – именно в этот день

[10] ПСЗ. Собр. 1-е. Т. 26. № 19 779.

[11] Там же. № 20 007.

[12] Там же. Т. 28. № 21 163.

[13] *Чернова-Дёке Т.Н.* Позиция и роль А.П. Ермолова в становлении немецких колоний в Закавказье // Отечеств. история. – 2008. – № 1. – С. 13–25.

[14] Акты, собранные Кавказской археографической комиссией (далее – АКАК) / Архив Гл. упр-ия наместника Кавказского. – Т. 6. Ч. 1. – Тифлис, 1874. – Док. 302. – С. 248. Ответы О.П. Козодавлева см.: Там же. – Док. 422–423.

под Одессу прибыло 50 семей виноградарей из Вюртемберга. 31 семья швабов-сепаратистов из Швайкхайма (округ Вайблинген) пожелала поселиться на Кавказе. Преодолев значительное расстояние, к осени 1817 г. они прибыли в Тифлис. Весной к востоку от него была основана первая немецкая колония Мариенфельд. Это переселение, поддержанное МВД, укладывается в рамки государственной колонизационной политики. Однако годом позже прибыло еще 500 семей. Массовое переселение швабов, по выражению Ермолова, было «решено вопреки невозможностей». В посмертно опубликованных его «Записках» есть строки: «Я, желая дать грузинам пример хозяйственного порядка, <…> выписал тридцать семейств колонистов <…> Но такого количества, в каковом прибыли колонисты, я никогда не желал»[15]. Это признание раскрывает суть первоначальной идеи и двойственность позиции Ермолова – администратора и человека.

На 1817 г. пришелся пик эмиграции из Вюртемберга. 9394 эмигранта, более половины из 17 383 покинувших королевство, отправились в Россию. (Сравним, в 1816 г. в империю выехало всего 1071 из 3108 эмигрантов)[16]. Большинство стремилось на Кавказ. В анкетах выезжавших в графе «страна, куда прибывали» просто указывали „Kaukasus“, наряду с Россией, Северной Америкой или Австрией. Причины массового исхода швабов – экономические, политические, религиозные – копились годами. Общий эмиграционный подъем в угнетающей обстановке отражал поиск спасения на Востоке от последствий наполеоновских войн, дороговизны, непомерных налогов, разорения; от преследований за отход от официальной Лютеранской церкви (богослужение на дому, самостоятельное крещение детей, отлучение их от школы и т. д.), за свою веру и стремление уйти от происков Антихриста. Умы сепаратистов будоражила литература пиетистов. Этому содействовали также проповеди балтийской баронессы Ю. Крюденер и активная агитация, как например, призыв на Кавказ Эсслингенской гармонии (объединения «детей Божьих» в братские общины единоверцев) от 11 ноября 1816 г. Резкое ухудшение экономического положения, непогода, неурожаи и голод 1816 г. – все способствовало ускорению процесса.

Важную роль сыграла отмена в 1815 г. запрета на эмиграцию. Это было санкционированное властями движение. Через королевского министра, на подпись королю списками подавались прошения, но далеко не все, судя по архивным данным, указывали целью Кавказ. Сюда стремились тысячи семей сепаратистов и религиозных фанатиков хилиастов (от греч. *chilia ete* – хилиада – одна тысяча лет) в надежде встретить второе пришествие Христа в 1836 г. и его тысячелетнее царство, по предсказанию теолога-пиетиста Й.А. Бенгеля (1687–1752). Правительство публично предостерегало, что в случае неудачи эмигрантам запрещалось возвращение. Но и это не сдерживало наплыв: распродавая имущество, шли семейные, с детьми, и холостые крестьяне-виноградари, и ремесленники.

Претерпев значительные трудности и потери в пути из Ульма по Дунаю до Измаила и во время карантина, швабы прибыли осенью 1817 г. под Одессу, где перезимовали в немецких колониях. Часть изнуренных дорогой переселенцев решила остаться и создать колонии на предложенных здесь землях. Но около 500 семей были непреклонны и упорно настаивали на отправлении на Кавказ. В декабре делегаты от них прибыли в Москву (где пребывал император), доставили письменное «Прошение» и добились аудиенции и разрешения («Бог с нами и защитит нас»). Весной старшины дали согласие на земли, какие есть, на построение домов «своими силами», ибо «здесь жить праздно» (см. «Всеподданнейшее объяснение» от 11 мая 1818 г.). Ермолов уведомлял МВД о невозможности поселить сразу 500 семей, о больших издержках. Он писал А.А. Аракчееву, что известит позже, «сколько таковых пригласить в Грузию надобно будет»,

[15] *Ермолов А.П.* Записки Алексея Петровича Ермолова. С прил. – Ч. 2: 1816–1827 гг. – М., 1868. – С. 67–68.
[16] *Hippel W.* Op. cit. – S. 177, 215, 252.

и просил в этом году «непременно отложить доставление»: «Возможно ли будет правительству спокойно смотреть на их нужды и не помочь <…>»[17] Император отозвался на рапорт Ермолова, представленный Аракчеевым: «<…> чтобы сих людей отправлять в Грузию самыми малыми партиями, и таким образом, дабы в течение нынешней осени немного их могло быть отправлено, предоставляя, впрочем, министру внутренних дел принять и другие меры, могущие пособить описанным генералом Ермоловым затруднениям»[18]. Однако, без извещения Ермолова от МВД и из Одессы, генерал-лейтенант И.Н. Инзов (председатель Попечительного комитета о колонистах Южного края) отправил 10 партий швабов по 50 семей. Известие, полученное в августе, о нахождении нуждавшихся в помощи людей уже близ Моздока было шокирующим – администрации края пришлось самой разрешать эту сложную ситуацию.

Поселение на Южном Кавказе гонимых нуждой и религиозными устремлениями швабов было уступкой Александра I их желанию и напору. Глубоко набожные люди на свой страх и риск отправились в отдаленный и небезопасный регион. Фактически они оказались заложниками авантюристических устремлений собственных форштегеров (старшин) – все своими силами! Переселение можно рассматривать в контексте общей переселенческой политики, поскольку теперь оно шло за счет государства под покровительством правительства.

Глубокой осенью 1818 г. все потоки переселенцев достигли Тифлиса. Ермолову предписывалось селить колонистов на общих основаниях, по правилам приема и водворения 1804 г. Генералу удалось добиться, чтобы вопрос был представлен в Комитет министров. Юридической основой для расселения швабов явилось положение Комитета министров от 7 сентября 1818 г. «О поселении Виртембергцев в Грузии»[19] (согласно правописанию того времени. – *Т. Ч.-Д.*), в основе которого лежало донесение Ермолова. Комитет дал, наконец, разрешение на обмен частных и казенных земель и закрепил отвод участков по 35 (а не 60) десятин на семейство, с правом пользования пастбищами и лесами. На выделении 35 дес., а не 60 дес., положенных колонистам по правилам поселения, настоял Ермолов. От грузинского правительства в распоряжение генерала отпускалось 100 000 руб. ассигнациями в счет 1818–1819 гг. Для соблюдения порядка и верной отчетности казенных сумм, для управления и водворения колонистов учреждалась Контора, по примеру подобных контр в других колониях, под личным надзором Ермолова. По указу Сената о штате конторы выплата жалованья чиновникам определялась с ноября 1818 г., со времени начала выдачи ссуд и производства колонистских дел. В штате был предусмотрен назначаемый Конторой смотритель колоний[20].

Расселение вюртембергских крестьян и ремесленниов было проведено в двух уездах[21]. В Тифлисском уезде возникло 5 колоний. Около 50 семей ремесленников избрали место выше селения Куки на левом берегу Куры и, получив по одной десятине земли на двор, основали в предместье колонию Ней-Тифлис. (Колония в 1861 г. вошла в состав города). Остальные поселения возникли вокруг Тифлиса в радиусе до 65 верст. Севернее города появилась колония Александерсдорф: 26 семей (по архивным данным – 35) получили участок в 664 дес. (по норме недоставало 175 дес.). В 12 верстах к востоку от Тифлиса поселились 17 семей, но из-за притязаний на землю церкви вынуждены были вскоре переселиться на берег р. Иора, основав колонию Петерсдорф,

[17] АКАК. – Т. 6. Ч. 1. – Док. 426, 428, 431; Док. 436. – С. 324.
[18] ПСЗ. Собр. 1-е. Т. 35. № 27 530.
[19] Там же.
[20] Там же. Т. 36. № 27 822; АКАК. – Т. 6. Ч. 1. – Док. 459–460.
[21] Национальный архив Грузии. Центральный исторический архив (далее – НАГр. ЦИА). Ф. 227. Оп. 1. Д. 27. Л. 10–15 (Истор. справка о поселении); *Чернова-Дёке Т.Н.* Немецкие поселения на периферии Российской империи. – С. 31.

в полуверсте от Мариенфельда. Юго-западнее Тифлиса, при слиянии рек Алгети и Ассурети, возникла колония Елизаветталь (65 семей). В 60 верстах к югу от Тифлиса расположилась колония Екатериненфельд. Первоначально 135 семей основались близ г. Елизаветполь (г. Гянджа). Но ввиду «гнилого» климата и малярии, потеряв 256 чел., ее жители переселились в 1819 г. на новый надел к реке Мушавер. 115 семей создали колонию, которой суждено было стать в будущем центром и самой крупной из грузинских колоний.

Прибывшие последними колонны, несмотря на протесты измотанных дорогой людей, были отправлены под конвоем, с охраной от возможных нападений, в Елизаветпольский уезд. Изначально здесь были основаны три колонии (но екатариненфельдцы, как отмечено выше, были переселены). Колонии Еленендорф (127 семей) и Анненфельд (84 семьи), удаленные от Тифлиса на 187 верст, оказались де факто на территории Северного Азербайджана, среди татарского населения, в мусульманском мире (татарами называли в документах мусульман).

Всего в восьми материнских колониях, включая первопроходцев Мариенфельда, поселилось более двух тысяч человек. Организация самоуправления колоний: создание сельских приказов (выборные староста-шульц, два заседателя-бейзитцера и писарь), периодическое проведение сельского схода для решения бытовых вопросов – общее во всех регионах явление, была одной из первоочередных задач водворения. Но предварительно требовалось обязательное принятие подданства. В этом вопросе сепаратисты проявили стойкость, отказываясь принимать присягу на верность государю, поэтому вопрос был рассмотрен правительством. На заседании 2 декабря 1819 г. Комитет министров решил, не принуждать их к обыкновенной присяге и, в уважение данного им права свободного отправления веры по их уставам и обрядам, предоставить им возможность давать присягу соответственно правилам их вероисповедания в одном устном утверждении: да прося Бога помочь им быть верными Государю императору подданными[22]. Особенность принятия присяги заметно выделяла сепаратистов на Кавказе среди остальных колонистов в империи.

Водворение швабов состоялось в духе екатерининской политики колонизации, но имело свои особенности. По самым усредненным данным, в двух уездах колонистам было выделено 20 900 дес. казенной земли. Обустройство их не могло проходить без поддержки властей, что явилось заботой местной администрации. И генерал Ермолов приложил к тому немало усилий: в начале 1819 г. он ходатайствовал перед МВД о выделении 300 тыс. руб. ассигнациями единовременно на нужды колонистов и 2350 руб. серебром ежегодно – на содержание Конторы. Генерал «с прискорбием» признавал, что запрашивает значительные суммы, но просил министра о помощи. Ведь из-за дороговизны (особенность региона!) затраты на обустройство семьи «за Кавказом» оказались выше предусмотренных для Новороссийского края 300 рублей. Каждая семья по прибытии получала по 125 руб. на постройку дома, 70 руб. на сельскохозяйственные орудия, 100 руб. на приобретение скота, 105 руб. на посев, итого – 400 руб. ассигнациями[23]. В течение года выдавались «кормовые деньги». Милосердие императора проявилось в отсрочке переселенцам, «во уважение крайней их бедности и претерпенного изнурения», возврата ссуды «в срок дальнейший, нежели вообще для колонистов определено»[24], т. е. свыше 10 лет. Процесс окончательного водворения затянулся до 1822 г. Причин было несколько: 1) трудное начало – без крова в небывало холодную зиму (будто сам Бог проверял силу веры! „Ach, da wurde das Gottvertrauen geprüft!“) и сложности адаптации; 2) леность и незаинтересованность

[22] ПСЗ. Собр. 1-е. Т. 34. № 28 012.
[23] НАГр. ЦИА. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2071. Л. 48.
[24] АКАК. – Т. 6. Ч. 1. – Док. 456. – С. 337.

сектантов оставаться на Кавказе из-за стремления в Палестину, что вызывало недовольство администрации. Ермолов находил колонистов «весьма мало пекущимися о домашнем устройстве», а секты – «без всякой нравственности <…> небережливых и праздных»[25]. Успокаивало лишь то, что их повседневные занятия толкованием Апокалипсиса не влияли на местных жителей.

Так была возобновлена практика дарования привилегий за государственный счет. Поселение состоялось в обход закона 1810 г., указа Александра от 25 февраля министру внутренних дел о прекращении правительством выдачи денежных ссуд. Фактически запрещались переселения за казенный счет «по чрезмерной дороговизне водворения колонистов»[26]. Обустройство швабов обошлось казне в солидую сумму: 963 711 руб. 36,5 коп. С учетом выданных в Одессе на отправление колонн 38 010 руб. – более 1 млн руб. ассигнациями[27].

Своеобразие становления колоний проявилось и в том, что государство облегчило выплату долга. В 1831 г. по запросу администрации и распоряжению императора, отдельным категориям семей была списана почти четверть долга. Остаток в 712 182 руб. ассигнациями подлежал выплате в рассрочку в течение 20 лет. К 1851 г. долг возвратный в сумме 212 258 руб. был почти вдвое меньше, чем безвозвратный[28]. Также следует отметить существенную помощь разоренным в войне с Персией в августе 1826 г. трем колониям (почти три пятых всех семей колонистов). Решением Комитета министров от 22 декабря 1826 г., по ведомости о деньгах «на кормовое довольствие и хозяйственное обзаведение», им было выделено безвозвратно 45 314 руб. серебром: по 172 руб. на семью для Екатариненфельда и Еленендорфа и по 132 руб. для Анненфельда[29]. Так, уступки и поддержка правительства стимулировали благоприятные условия для экономического развития колоний.

Административное управление колониями было организовано более независимо, чем на юге империи. С упразднением Грузинской конторы летом 1833 г. (одновременно с тремя конторами Южного края) управление ими было передано гражданскому губернатору кн. Н.О. Палавандову. Дальнейшая децентрализация власти, введение в 1844 г. наместничества, довольно частые изменения форм управления обширным краем вели к смене учреждений в аппарате администрации, в ведении которых находились немецкие колонии. С преобразованием управления в 1883 г. колонисты подчиняются губернским управлениям государственных имуществ. Надзор осуществлялся на основе «Правил о колонистах Кавказского края». Не все реформы и законы в империи имели здесь адекватное воплощение в жизнь. Так, закон от 4 июня 1871 г. «Правила об устройстве поселян-собственников», абсолютно изменивший статус колониста, долго не находил применения «за Кавказом». Только летом 1903 г. в двух губерниях состоялась передача водворенных на казенных землях колонистов в ведение общих губернских и уездных, а также местных по крестьянским делам учреждений. В августе колонии были распределены в приказном порядке по мировым, крестьянским и поселянским отделам[30]. Восстановление наместничества (1905–1917) ничего не изменило в системе управления и положении немецких поселенцев.

Своеобразие становления колоний проявилось также в особенностях миграционных процессов. Можно выделить три вида внутренних миграций. 1) Создание дочер-

[25] АКАК. – Т. 6. Ч. 1. – Док. 458.
[26] ПСЗ. Собр. 1-е. Т. 31. № 24 131.
[27] АКАК. – Т. 6. Ч. 1. – Док. 470; *Никифоров Н.К.* Экономический быт немецких колонистов в Закавказском крае // Материалы для изуч. эконом. быта гос. крестьян Закавказ. края. – Т. 1. – Тифлис, 1885. – С. 107.
[28] НАГр. ЦИА. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2071. Л. 106, 113–114, 140 об., 158; АКАК. – Т. 7. – Тифлис, 1878. – Док. 188.
[29] НАГр. ЦИА. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2071. Л. 49–50; АКАК. – Т. 7. – Док. 83, 181.
[30] ПСЗ. Собр. 3-е. Т. 23. № 23 132; Поземельное устройство государственных поселян, переселенцев и немецких колонистов, водворенных на казенных землях в Закавказье. – Тифлис, 1903. – С. 72–73, 79.

них колоний, подселения колонистов из одной колонии в другую. 2) Вынужденные переселения всей колонией ввиду неудачного местонахождения (Екатариненфельд, Петерсдорф, Анненфельд). Фрейденталь (Абаз-Туманская колония, основанная в 1843 г. выходцами из Вюртемберга) в 250 верстах от других, добилась перевода на участок вблизи Мариенфельда. 3) Приход сюда колонистов из других губерний, попытки образования своих колоний. Так, «за Кавказ» пожелали переселиться 70 семей колонистов из Таврической губернии (выходцев из Вюртемберга). Им был выделен участок казенной земли в 1790 дес. по реке Пир-Сагата, в 7 верстах от Шемахи (Каспийская область). Летом 1843 г. прибыло 35 семей (158 душ). Получив ссуду в 1 тыс. руб. серебром (до 1847 г.) и пшеницы из казенного податного хлеба, они приступили к основанию колонии Александринфельд. Однако через год колонисты ходатайствовали о возвращении на прежнее место. После всех согласований между МГИ, Главноуправляющим А.И. Нейгардтом и Попечительным комитетом им было разрешено вернуться, несколько семей ушли в «грузинские» колонии. Второй пример неудачного переселения – попытка 10 семей с детьми из колонии Иоганнесдорф Ставропольской губернии летом 1850 г. основать колонию в 18 верстах от Тифлиса, на берегу р. Лочин. Получив ссуду по 150 руб. серебром на семью для строительства домов и надел в 273 дес., т. е. ниже нормы, они отчаянно пытались наладить быт и прокормиться. Но получили отказ на отпуск продовольствия до урожая и ссуды на покупку семян. Окончательно выбившись из сил, колонисты Лочино запросили управление наместничества о возвращении, но даже не могли вернуть ссуду. Только обратившись к наместнику с просьбой простить им долг, они получили разрешение вернуться в родную колонию. Их строения было решено осенью 1854 г. продать с публичного торга[31]. Таковы особенности внутренних миграций немецкого сельского населения в крае и малоизвестный факт основания неприжившихся колоний.

Религиозная жизнь являлась важнейшей составной духовного мира колонистов. Религиозный мотив был доминирующим среди причин, а сохранение свободы вероисповедания – одним из главных условий их переселения. Счастливый случай, что все они были единой конфессии и выходцами из одного региона Германии. Перед колонистами не вставала проблема внутренней интеграции. Вернее, она проявилась в совершенно особой форме противостояния внутри общин сектантству. Отход сепаратистов от догм лютеранской церкви и действия сект даже привели к открытому расколу.

Изначально стремление приобщить сепаратистов к церкви наблюдалось по двум каналам: через местную администрацию и Базельское общество миссионеров. Духовный наставник колонистов миссионер Йохан Залтет был официально назначен обер-пастором. Высшим представительным органом управления общинами являлся синод – ежегодное собрание избранных. Из казны отпускались средства на строительство церквей. Духовная жизнь регламентировалась уставом. Швабы придерживались богослужения по вюртембергскому служебнику (Агенде) и старому сборнику духовных песен, отвергая новый; вели замкнутый, полуаскетический образ жизни, в труде и отказе от удовольствий. Но в общине Екатариненфельда произошел раскол: 24 семьи во главе с Я. Козером отвергали устав и церковный брак, обряд крещения детей и т. д. Конфликт был лишь на время прерван нападением на колонию персов в 1826 г. Сектантство стало особенностью религиозной жизни колоний, что вызывало обеспокоенность администрации. В спорах по толкованию Библии возникали группы последователей: А. Бёппле (Елизабетталь), Я. Кауттера (Александерсдорф, Мариенфельд).

Большое значение для колоний имело принятие синодом в 1828 г. устава «для поселенных в Грузии протестантских сепаратистов» (утвержден императором 6 февраля 1829 г.). Ввод устава допускался, поскольку был «не противен общим государственным законам и порядку, учрежденному для внутреннего управления колониями»[32]. Устав сохранял независимость в религиозном культе от консистории. Исходя из этой традиции, швабы не восприняли Устав Евангелическо-лютеранской церкви в России (1832). Лишь постепенно к нему стали обращаться по отдельным вопросам. В феврале 1835 г. было утверждено положение Комитета министров «о распространении на поселенных в Грузии сепаратистов» данного устава. Приходам разрешалось употребление его в тех или других случаях, что «могло бы принести для сих колоний несомненную пользу»[33]. Синод 1836 г. принял решение руководствоваться уставом по своему усмотрению. Этот факт важен для понимания эволюционного подхода к пересмотру собственного устава. Новый устав приходов закавказских колоний Николай I официально утвердил 25 ноября 1841 г., отменив прежний. Фактически на колонии был распространен общероссийский устав, за рядом исключений. Некоторые особые правила из устава 1829 г. были изданы синодом в виде приложения к общему уставу 1832 г.[34], с целью сохранения данных колонистам при водворении прав и привилегий в духовном отношении.

Однако это вызвало усиление беспокойства сектантов. Притягательным центром был Екатариненфельд, а идейной вдохновительницей – Варвара Шпон, «невеста Христа и посредница с Богом». Ее призыв к «детям Божьим» идти в Иерусалим привел к попытке 4 июня 1843 г. эмиграции собравшихся здесь из разных колоний 368 чел. с детьми. Правда, выход был решительно пресечен казачьим отрядом «за ослушание правительства»[35]. Итак, раскол был преодолен, но заметно усилилась зависимость синода и обер-пастора от влияния наместника в духовном управлении. С введением в 1883 г. нового Учреждения управления Кавказского края обер-пастор и пасторы колоний (во изменение ст. 870 и 874 Устава) стали назначаться МВД, по соглашению с Главноначальствующим гражданской частью на Кавказе.

Своеобразие религиозной жизни закавказских немцев проявилось в том, что евангелическо-лютеранские приходы Закавказского края (ст. 433 и 434 Устава) состояли в ведении Московской консистории, за исключением иностранных поселенцев в колониях. Здесь сосуществовали два округа: округ евангелическо-лютеранского Синода закавказских немецких колоний (округ Закавказского колонистского Синода) и Закавказский округ евангелическо-лютеранской общины (округ Московской Евангелическо-лютеранской консистории), куда входили общины Тифлиса, Баку, колоний Георгсталь и Петровка (у г. Карс). Для многочисленной лютеранской общины Тифлиса, прихожанами которой были чины администрации и военные из остзейского дворянства и горожане-лютеране, в 1897 г. была построена новая евангелическо-лютеранская кирха (по проекту архитектора Л. Бильфельда). Итак, немецкие колонистские приходы, сохранявшие независимость от консистории (ст. 869 Устава), находились в «ведении Колонистского Синода и Обер-пастора», которые были в непосредственной зависимости от главы администрации Кавказского края.

Первый период хозяйственного развития колоний, по ряду причин, оказался малоэффективным. На начальном этапе их становления сказались трудности объективного плана: тяжелая адаптация к новым климатическим условиям и условиям труда; сти-

[31] Подробнее см.: *Чернова-Дёке Т.Н.* Немецкие поселения на периферии Российской империи. – С. 46–52.

[32] *Schrenk M. Fr.* Geschichte der deutschen Colonien in Transkaukasien. – Tiflis, 1869. – S. 84–86; НАГр. ЦИА. Ф. 1728. Оп. 1. Д. 7. Л. 13; ПСЗ. Собр. 2-е. Т. 4. № 2659.

[33] ПСЗ. Собр. 2-е. Т. 10. № 7853.

[34] Там же. Т. 14. Отд. 2. № 15 059; Устав 1841 // Свод законов Российской империи (СЗ). – 1857. – Т. 11. Ч. 1, кн. 2. – Разд. 2, гл. 3.

[35] Подробнее см.: АКАК. – Т. 9. Ч. 2. – Тифлис, 1884. – Док. 574–577; *Schrenk M. Fr.* Op. cit. – S. 116–117; *Groß A.* Op. cit. – S. 72–73; *Смирнов С.К.* Немецкие сектанты за Кавказом // Рус. вестн. – М., 1865. – № 5. – С. 241–257.

хийные бедствия, неурожаи; эпидемии и высокая смертность; межевые и поземельные споры; чуждое этноконфессиональное окружение. Влияли и неравные стартовые условия: вынужденные переселения, недомер земли по норме, темпы строительства жилья, разорение в ходе русско-персидской войны. Это был этап выживания, обустройства, освоения земель, становления натурального хозяйства, психологической адаптации. Но при поддержке государства был заложен прочный фундамент специализации и будущего процветания закавказских колоний.

Только после всех потрясений, в середине века наметились определенный сдвиг в экономическом развитии и интерес к тому благочестивых немцев, фактически достигнутый усилиями второго и третьего поколений. Какие факторы способствовали экономическому подъему в «эпоху великих реформ»? Из внешних – «замирение Кавказа», строительство дорог и железнодорожных путей сообщения, общее промышленное оживление в регионе. По мнению Кавказского наместника вел. кн. Михаила Николаевича, «только железная дорога может прикрепить Кавказский край и Закавказье к России прочными и неразрывными узами»[36]. Важнейшими событиями стали открытие в 1875 г. железной дороги Ростов-Владикавказ; в конце 90-х годов – в Порт-Петровск (г. Махачкала) и Дербент, ввод линий Тифлис-Баку и к Поти, порту на Черном море. Соединение закавказских дорог с общероссийской сетью вело к укреплению торговых связей и формированию нового экономического пространства.

Внутренние факторы, способствовавшие подъему, связаны с переходом от натурального хозяйства к товарному производству, четкой специализацией колоний, ориентацией на развитие земледелия, огородничества, виноградарства, животноводства, молочного скотоводства. Особой статьей дохода колонистов были мукомольная промышленность и сыроварение. Так, общественная сыроварня в высокогорной дочерней колонии Александерсгильф производила швейцарский сыр «высокого достоинства» и могла конкурировать с крупной молочной фермой прусского подданного барона А. фон Кученбаха. Немцами был завезен на Кавказ картофель, привнесено производство пива. Первый пивоваренный завод возник в Тифлисе, также в ряде колоний было заводское производство пива для собственного потребления.

Основа для предпринимательской деятельности была заложена развитием ряда ремесел. Роль ремесленной традиции проявилась в промышленном производстве четырехколесных повозок – фургонов. Оно оказалось действительно доходным делом. Особенно в ходе Крымской кампании (1854–1855) изготовление фургонов по заказу военного ведомства для нужд армии (по 500–600 руб. за штуку) неожиданно принесло значительные средства. Это позволяло покупать сельхозмашины, семена, скот, земли; брать землю в аренду, развивать виноделие. Возникла особая отрасль, ставшая дополнительным источником благосостояния. Развитие ремесла отчасти решало проблему занятости безземельных сыновей. К 1871 г. в колониях было уже 170 ремесленников разных профессий. Большое значение имело бочарное дело (бондарные мастерские), связанное с виноделием. Бочки изготовлялись исключительно из дуба, емкостью от 20 до 150 ведер. Практичные для хранения вина, они шли на продажу, быстро вытесняя из употребления туземные громадные кувшины и бурдюки из кожи.

Постепенно виноградарство и виноделие приобретают значение ведущей отрасли хозяйства. К 1915 г. виноградные плантации занимали обширные площади: в Екатериненфельде – до 275 дес. надельной земли и 300 дес. собственной; Елизаветтале – до 156 дес., Георгиевском (Георгсфельде) и Анненфельде – 755 дес., Еленендорфе – 373 дес. надельных и 739 дес. частных владений[37]. Уход за виноградниками был «доведен до

[36] *Кислинский Н.А.* Наша железнодорожная политика по документам архива Комитета министров. – СПб., 1902. – Т. 2. – С. 36.

[37] Сведения о культурно-экономическом состоянии колоний в Закавказском крае. – Пг., 1916. – С. 8–9.

высшей степени совершенства», методы же орошения (подземные каналы – кягризы) были заимствованы у татар. Сбор винограда был настоящим праздником труда. «Школы на эти дни закрываются; дома остаются только больные, да хозяйки, занятые приготовлением кушаний; все остальное население, стар и млад, женщины и дети, находятся на работе» – писал современник[38]. В эту пору нанимали поденных сезонных рабочих. Весь виноград шел на приготовление вина.

Следует особо отметить важную особенность бытия закавказских колонистов: сравнительно позднее введение воинской повинности. Первый набор был осуществлен только в 1887 г., в то время как военная реформа в стране прошла в 1874 г. Это сохраняло в хозяйствах рабочую силу.

Наличие богатой сырьевой базы – виноградников – обусловило стремительное развитие винокуренной промышленности. Виноделие стало основным источником достатка и богатства. И здесь проявляется специфика: в Еленендорфе отрасль в значительной мере была монополизирована двумя фирмами братьев Форер и Гуммель, которые аккумулировали значительные средства. Созданная в 1892 г. фирма «Бр. Форер», с годовым оборотом в 300 тыс. руб., имела широкую сеть винных складов и магазинов в Тифлисе, Баку, Ростове, Томске и огромные подвалы для хранения вина. Фирма имела самый крупный в Елизаветпольской губернии ректификационный завод, дававший 45 % спирта, вырабатываемого в губернии. В 1896 г. был построен новый завод по производству коньячного спирта. В 1909 г. продажа коньяка отличного качества в 38 губерниях достигла 20 тыс. ведер в год. Братья Форер не жалели инвестиций, имели свою бондарную мастерскую. Это, как и розлив с 1882 г. спиртного в бутылки (производства стекольного завода барона фон Кученбаха), благоприятно сказалось на экспорте его за рубеж и вывозе в различные районы России. О масштабах и темпах развития фирмы свидетельствует пятикратное увеличение годового оборота: в 1911 г. он составлял уже 1662 тыс. руб. (это шестая часть оборота всех крупных торгово-промышленных предприятий в губернии). Вскоре все ее капиталы и имущество были объединены: в 1913 г. был учреждено товарищество – Торговый дом «Братья Форер»[39].

Деятельность второй фирмы «Бр. Гуммель» достигла особого размаха на рубеже веков. Семейства Гуммелей уже в декабре 1900 г. объединили свое имущество, все отрасли хозяйств в торговый дом, имевший целью: производство вина, водки, спирта, коньяка и других винных и водочных изделий и торговлю «всеми этими произведениями». Реализация продукции шла в 39 губерниях России. К примеру, в 1912 г. было вывезено 205 тыс. ведер вина. Наблюдались высокие темпы роста годового оборота: в 1913 г. он составлял около 1,2 млн руб. Соответственно более чем удвоилась чистая прибыль, достигнув 180 тыс. руб. в начале войны[40].

Итак, процесс капитализации стал устойчивой тенденцией экономического развития. Предпринимательские династии оказали влияние на развитие целой отрасли в стране. Оба примера свидетельствуют о том, что в систему хозяйствования колонистов к началу XX в. проникли капиталистические рыночные отношения, началось вхождение колонистских хозяйств в региональный и общероссийский рынки.

В результате проведенного Министерством государственных имуществ летом 1884 г. обследования государственных крестьян и девяти колоний, чиновник МГИ резюмировал, что «закавказским колонистам на свою судьбу трудно пожаловаться»,

[38] *Никифоров Н.К.* Указ. соч. – С. 136.

[39] Краткий очерк экономии бр. Форер в Елизаветпольском уезде Елизаветпольской губернии. 1860–1901 гг. – Тифлис, 1901. – С. 31–32; *Ахундова Т.* Указ. соч. – С. 84–89; «Конкордия». Производственный кооператив виноградарей и виноделов Гянджинского района. – Одесса, 2001. – С. 228–230 (Прил. № 2 «Выписка из договора об образовании Торгового дома «Братья Форер» // ГИА АР. Ф. 415. Оп. 1. Д. 1. Л. 48–51, заверенная копия); *Auch E.-M.* Deutsche Kolonisten. – S. 589–606.

[40] «Конкордия». – С. 225; *Ахундова Т.* Указ. соч. – С. 90–91.

блестящим своим состоянием они «обязаны гораздо в меньшей степени своему трудолюбию <…> чем постоянным заботам о них правительства». Отмечалось, что за 70 лет благосостояние местных жителей «нисколько не выиграло от соседства богатых колоний». Ближайшие селения «неизмеримо беднее немецких колоний»[41]. Такой была официальная точка зрения. Бесспорно, ссуды, льготы и привилегии, помощь сыграли свою роль, но ее не следует преувеличивать. На наш взгляд, лишь симбиоз трудолюбия и правительственных инвестиций смог привести к экономическому прогрессу колоний. По мнению наместника Кавказского гр. И.И. Воронцова-Дашкова, лишь немногочисленные разряды крестьян, получив разные льготы в платеже повинностей и податей, например, «немецкие колонисты сумели ими воспользоваться, почему и резко выделяются своим благосостоянием и культурными приемами земледелия среди крестьян Закавказья»[42].

Немецкие поселения стали важным экономическим фактором, и не только для Закавказского края. Так, перед Первой мировой войной их доля производства вина в секторе виноделия империи составила 8,56 % (2,3 млн ведер из 27 млн ведер хранившегося вина) и 4 % всероссийской винной торговли[43]. Немцам принадлежали 45 526 дес. земли, из них 18 055 дес. частных владений. Об экономическом потенциале только 15 колоний в аграрном секторе говорят данные на 1914 г.: было получено хлеба 279 500 пуд., картофеля – 252 580 пуд., 2 311 900 ведер виноградного вина, сливочного масла – 4840 пуд., швейцарского сыра – 13 200 пуд. Наличие недвижимости – земли, садов, десятков заводов, складов, мельниц, кузниц, мастерских – являло результат успешной торгово-предпринимательской деятельности швабов. На частные сооружения было израсходовано около 24 млн руб.[44] Все эти показатели свидетельствовали об ощутимом вкладе немецких поселенцев в экономику Закавказского края.

С годами понятие «замкнутость жизни колоний» претерпевало трансформацию. Полифония этноконфессионального окружения была неповторимой оособенностью жизни колонистов на Кавказе. Укрепление хозяйственно-деловых связей с соседями заметно изменили ландшафт взаимоотношений в сторону понимания и уважения, несмотря на бытовые конфликты. Ауру доверия помогало создавать элементарное знание немцами не только русского языка, но и языков местных народов. Общение посредством «обиходной речи» создавало возможность для совместного проживания с представителями других народов в немецких поселениях, куда со временем стали подселяться «кавказцы». Так, в 1903 г. в Еленендорфе проживало 2109 немцев, 479 армян, 312 русских, 50 картвельцев, 300 персов[45]. Вероятно, влиял факт, что население колоний возрастало с весны за счет пришлых торговцев, мастеровых, чернорабочих, поденщиков. Мнение, что «Екатериненфельд – это чисто немецкая колония, в которую не проберется ни одна чуждая национальность», оказалось заблуждением. В 1917 г. в Екатериновке (б. колонии Екатериненфельд) проживало 2718 немцев совместно с грузинами, армянами, татарами, айсорами, русскими – всего 3659 жителей[46]. Обстоятельства менялись.

Вековое проживание колонистов в «пестром» этноконфессиональном сообществе в духе толерантности вело к взаимовлиянию, к культурным заимствованиям в хозяйстве, быту, в еде и одежде, в архитектуре домов. К примеру, в традиционном немецком доме (стиль «фахверк») стали строить типично кавказский балкон с навесом вдоль стен, для защиты от солнца. В свою очередь, швабы привнесли много полезного для местного населения.

[41] *Никифоров Н.К.* Указ. соч. – С. 129, 162.

[42] Всеподданнейшая записка по управлению Кавказским краем ген.-адъют. графа Воронцова-Дашкова. – Тифлис, 1907. – С. 88.

[43] *Hummel Th.* 100 Jahre Erbhofrecht der deutschen Kolonisten in Russland. – Berlin, 1918. – S. 136.

[44] Сведения о культурно-экономическом состоянии колоний. – С. 5, 10–11, 15.

[45] Обзор сведений Елизаветпольской губернии за 1903 год. – Тифлис, 1904. – С. 115. (См. изд. в: ГИА АР. Ф. 508. Оп. 1. Д. 93. Л. 10)

[46] *Басихин П.* Немецкие колонии на Кавказе. Этнограф. очерк // Кавказ. вестн. – Тифлис, 1900. – № 1. – С. 25; Сельскохозяйственная и поземельная перепись 1917 г. – Тифлис, 1922. – С. 96.

ФАЦИТ

Действие противоречивых факторов, углублявших изоляцию или разрушавших ее, сопутствовало формированию немецкой диаспоры, своеобразию ее пути. Перед Первой мировой войной 12,5 тыс. немцев-поселян, несмотря на малочисленность, иные вероисповедание и менталитет, языковой барьер, сумели сохранить идентичность, свои национальные черты, свой язык, веру, традиции. Дилемма – интеграция и «растворение» или «самосохранение» – решалась признанием Кавказа своей Родиной.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. «Конкордия». Производственный кооператив виноградарей и виноделов Гянджинского района / Науч. ред. О.В. Коновалова. – Одесса: Астропринт, 2001. – 247 с.
2. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией (АКАК) / Архив Гл. управл. наместника Кавказскаго. – Т. 6, 7, 9. – Тифлис, 1874–1884.
3. *Ахундова Т.* Немцы-колонисты Азербайджана XIX – нач. XX в. – Баку: Шуша, 1999. – 126 с.
4. *Басихин П.* Немецкие колонии на Кавказе. Этнографический очерк // Кавказ. вестн. – Тифлис, 1900. – № 1. – С. 1–27.
5. Всеподданнейшая записка по управлению Кавказским краем ген.-адъют. графа Воронцова-Дашкова. – СПб.: Гос. тип, 1907. – 164 с.
6. Государственный исторический архив Азербайджанской Республики (ГИА АР). Ф. 415. Оп. 1. Д. 1; Ф. 508. Оп. 1. Д. 93.
7. *Ермолов А.П.* Записки Алексея Петровича Ермолова. С прил. В 2-х ч. – Ч. 2 (1816–1827). – М.: Изд. А.П. Ермолова, 1868.
8. *Кислинский Н.А.* Наша железнодорожная политика по документам архива Комитета министров. Истор. очерк / Под ред. статс-секр. А.Н. Куломзина. В 4-х т. – Т. 2. – СПб.: Канцелярия Ком. министорв, 1902.
9. Краткий очерк экономии бр. Форер в Елизаветпольской губернии Елизаветпольского уезда, 1860–1901 гг. – Тифлис, 1901. – 84 с.
10. Национальный архив Грузии. Центральный исторический архив (НАГр. ЦИА). Ф. 2. Оп. 1. Д. 2071; Ф. 227. Оп. 1. Д. 27; Ф. 1728. Оп. 1. Д. 7.
11. *Никифоров Н.К.* Экономический быт немецких колонистов в Закавказском крае // Материалы для изучения эконом. быта госуд. крестьян Закавказ. края. – Т. 1. – Тифлис, 1885. – С. 103–165.
12. Обзор Елизаветпольской губернии за 1903 год. – Тифлис, 1904. – 79 с. (См. изд. в: ГИА АР. Ф. 508. Оп. 1. Д. 93).
13. Поземельное устройство государственных поселян, переселенцев и немецких колонистов, водворенных на казенных землях в Закавказье / Изд. кн. Гр.Н. Диасамидзе. – Тифлис: Тип. «Гуттенберг», 1903. – 96 с.
14. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). – Собр. 1-е. – Т. 26, 28, 31, 34–36; Собр. 2-е. – Т. 4, 10, 16; Собр. 3-е. – Т. 23.
15. Сведения о культурно-экономическом состоянии колоний в Закавказском крае. – Пг.: Тип. Кюгельген, Глич и К°, 1916. – 15 с.
16. Свод законов Российской империи (СЗ). – 1857. – Т. 11. Ч. 1. – С. 1–171.
17. Сельскохозяйственная и поземельная перепись 1917 г. – Тифлис: Изд. ЦСУ, 1922.
18. *Смирнов С.К.* Немецкие сектанты за Кавказом // Рус. вестн. – № 5. – Т. 57. – М., 1865. – С. 241–257.

19. *Чернова-Дёке Т.Н.* Немецкие поселения на периферии Российской империи. Кавказ: взгляд сквозь столетие (1818–1917). – М.: МСНК-пресс, 2008. – 179 с., ил.
20. *Auch E.-M.* Deutsche Kolonisten als Unternehmer im Kaukasus // „…das einzige Land in Europa, das eine große Zukunft vor sich hat.“ Deutsche Unternehmen und Unternehmer im Russischen Reich im 19. und frühen 20. Jahrhundert. – Essen, 1998. – S. 589–610.
21. *Groß A.* Missionäre und Kolonisten: Die Basler und die Hermannsburger Mission in Georgien am Beispiel der Kolonie Katharinenfeld. 1818–1870. – Hamburg: Lit, 1998. – 385 S. (Studien zur Orientalischen Kirchengeschichte. Bd. 6)
22. *Hippel W.* Auswanderung aus Südwestdeutschland. – Stuttgart: Klett-Cotta, 1984. – 276 S. (Studien zur württembergischen Auswanderung und Auswanderungspolitik im 18. u. 19. Jh. Bd. 36)
23. *Hummel Th.* 100 Jahre Erbhofrecht der deutschen Kolonisten in Russland. – Berlin, 1918. – 253 S.
24. *Schrenk M. Fr.* Geschichte der deutschen Colonien in Transkaukasien. – Tiflis, 1869. – 198 S.

Eigenartigkeit der Entstehung deutscher Kolonien im Südkaukasus

T. N. Černova-Döke

Betrachtet werden die Besonderheiten bei der Übersiedelung von Schwaben aus dem Königreich Württemberg in den Südkaukasus in den Jahren 1817–1818 und die Gründung von Kolonien. Die Autorin beleuchtet regionale Spezifika der soziokulturellen Anpassung, der Migrationsprozesse und des wirtschaftlichen Lebens der Kolonisten sowie die religiöse Isoliertheit lutherischer Gemeinden und deren Unabhängigkeit vom Konsistorium. Die Symbiose von Arbeitsfleiß und staatlicher Förderung, die Entwicklung des Stellmacherhandwerks, des Weinbaus und der Winzerei führten zum Wohlstand deutscher Siedlungen und ließen sie zu einem wichtigen ökonomischen Faktor in der ganzen Region werden.

Schlüsselwörter: Deutsche Kolonisierung, Südkaukasus, Schwaben, regionale Besonderheiten, innere Migrationen, Separatismus und Sektierertum, religiöse Isoliertheit, kulturelle Anleihen.

The uniqueness of the formation of the German colonies in the South Caucasus

T.N. Chernova-Döke

The author reviews the special aspects of the resettlement of the Swabians from the Kingdom Wurttemberg to the South Caucasus and the aspects of their colonies` formation in 1817–1818. The author finds out the special features of the social and cultural adapting, of the migration processes and of the economic life of the colonists according to the regional specific features, also she evidentiates the religious isolation of the Lutheran communities and their independence from the Consistory. The combination of the strong work ethic and of the government assistance, the development of the van-making skill, of the winegrowing and the winemaking led to the prosperity of the German settlements and formed them into the key economic factor for the territory.

Keywords: the German colonization, the South Caucasus, the regional specific features, the Swabians, internal migration, separatism and sectarianism, religious isolation, cultural borrowings.

УДК 94 (477)(=112.2С)

С.И. Бобылева

Ямбург: история становления и развития колонии под Екатеринославом

Статья посвящена истории возникновения католической немецкой колонии Ямбург. Рассмотрены вопросы миграции немецкой общины из Санкт-Петербургской губернии в Новороссию, сложности начального периода обустройства, роль и место Конторы опекунства новороссийских иностранных поселенцев в процессе их адаптации и хозяйственного развития первой половины XIX в. Основное внимание уделено анализу политических, экономических, социальных и культурных процессов, происходивших в этой колонии в межвоенные годы. В статье использован большой массив архивных материалов.

Ключевые слова: миграция, Первая мировая война, землеустройство, церковь, коллективизация, репрессии.

История немецкого этноса на территории Российской империи, СССР, постсоветского пространства, переставшая быть запретной темой, вызывает большой интерес у историков, публицистов. Появляются большие монографические исследования, очерки, посвященные проблемам этой истории в целом и отдельных регионов. На этом фоне обращение к истории одной немецкой колонии – Ямбург, ставит вопрос о целесообразности анализа истории отдельного поселения. Ответ на этот вопрос определил цель и задачи данной работы.

Нами предпринята попытка дать объективную, опирающуюся на архивные документы, историю колонии и при этом увидеть общественно-культурные явления Ямбурга, включенные в общероссийский и национальный контекст. Цель достигается с помощью решения следующих задач.

1) Необходимо опровергнуть очередной виток мифологизации прошлого немецкого населения, который сегодня транслируется средствами массовой информации Украины и представлен в ряде научных проектов, поданных на получение грантов. Речь идет об утверждении существования «золотого века» для населения этих колоний при царизме, когда население Ямбурга якобы было самым богатым среди немецких колоний региона; о том, что мастерицы Ямбурга обшивали царский двор, что в Ямбурге был расположен католический монастырь; о том, что благодаря колонистам Украина заняла первое место в мире по экспорту зерна.

Нынешнее безмерное восхваление «золотого века» присуще не только ямбуржцам. Это связано в значительной мере с тем, что прошлые годы были временем молодости их предков, сохранивших в памяти и передавших потомкам свое восприятие жизни, когда они были полны сил, видели перспективу позитивного преобразования своей жизни. Эту атмосферу жизнерадостности, оптимизма нарушает голос безвинно погибших, страдавших жителей этой колонии, которые вместе с другими прошли свой путь на Голгофу.

2) Задачей работы является анализ уникальности истории колонии Ямбург, жители которой до переселения на берег Днепра проживали не один десяток лет в империи, и это время не стало для них периодом адаптации. Более того, их отличала большая привязанность к культуре предков, к языку. Ямбург – единственная колония на юго-вос-

© С.И. БОБЫЛЕВА. ЕЖЕГОДНИК МАИИКРН. 2015 Г. № 1. С. 93–116.

токе, где сохранился баварский диалект[1]. 3) Важно проследить межкультурную коммуникацию, объясняющую межнациональные и межэтнические процессы, происходившие в Ямбурге в межвоенные годы. 4) Ретроспективное освещение «давно ушедшего» в истории Ямбурга должно способствовать более четкому пониманию происходившего и классификации его характерных элементов. Оно может стать своеобразной матрицей для анализа аналогичных процессов, имевших место в других немецких колониях. 5) Использование архивных материалов должно показать исследователям недооценку ими даже уже введенных в научный оборот источников, указать на необходимость рассмотрения одних и тех же фактов с разных сторон, разными методами. 6) При анализе процессов, проходивших на всем протяжении истории существования Ямбурга, необходимо увидеть не частичку «дробленной картины мира»[2], а логическую часть общих явлений, происходивших на территорий всей России.

Несмотря на большое количество публикаций по истории немецкого населения России, работ по истории отдельных регионов проживания немецкого этноса, специальных публикаций по Ямбургу, где были бы рассмотрены основные моменты экономической, общественно-политической, культурной, религиозной жизни этой колонии от момента ее основания до 1943 г., когда немецкое население было вывезено на Запад, нет. Хотя отдельные периоды начальной истории колонии нашли отражение в работах как историков, так и архивистов. Это относится к статьям Е.В. Бахмутской[3] и Н.Л. Юзбашевой[4]. Если общим для этих работ было широкое использование архивных материалов, иллюстрирующих процессы на первом этапе переселения в Россию и обустройства колонистов, то различия между публикациями весьма существенны. Е. Бахмутская рассматривает историю колонии в контексте развития других поселений Петербургской губернии. Н. Юзбашева исследует колонию Ямбург Екатеринославской губернии в период ее основания на землях Новороссии и обустройства в первой четверти XIX в. Объем информации о колонии Ямбург в статье С.И. Бобылевой и Е.Е. Логиновой[5] небольшой, она дана в качестве фонового материала, чтобы лучше показать различия в экономическом развитии двух немецких колоний (Йозефсталь и Ямбург). Немецкие авторы[6] также обращались к судьбе населения Ямбурга. Однако в их работах либо дан слишком обобщенный образ истории этого поселения, что диктовалось характером издания (речь идет, например, о публикации К. Штумппа), либо авторы касались лишь одного из важных периодов – периода оккупации и судеб немецкого меньшинства (работа Р.Х. Вальта). В 2004 г. в свет вышла книга Якоба Моора[7]. Ее автор, любитель истории, собрал интересный материал о жизни колонии – оригинальные фотографии, схемы поселения, списки жителей, воспоминания переживших коллективизацию, голод, войну. Однако в работе отсутствует научный аппарат, не привлечен значительный массив архивных данных по истории Ямбурга.

[1] Народные песни баварской колонии Ямбург на Днепре / Авт.-сост. В. Жирмунский. – М., 1996. – 88 с.

[2] *Фуко М.* Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / Пер. с фр. В.П. Визгина, Н.С. Автономовой. – СПб.: A-cad, 1994. – 406 с.

[3] *Бахмутская Е.В.* К вопросу об экономическом развитии немецких колоний С.-Петербургской губернии (вторая пол. XVIII–XIX вв.) // Рос. немцы. Проблемы истории, языка и соврем. положения. – М.: Готика, 1996. – С. 158–172.

[4] *Юзбашева Н.В.* Колония Ямбург: становление и развитие (1793 – первая четверть XIX в.) // Спадщина. До 85-річчя Державн. архіву Дніпропетровськ. області: Зб. наук. ст. – Днепропетровск, 2008. – С. 117–132.

[5] *Бобылева С.И., Логинова Е.Е.* Из истории колонии Йозефсталь // Вопр. герм. истории: Сб. научн. ст. – Днепропетровск, 2000. – С. 145–167.

[6] *[Stumpp K.]* Über die Gründung und Entwicklung einiger Kolonien. Josefstal // Heimatbuch der Deutschen aus Russland. – [Stuttgart], 1958. – S. 63–68; *Brandes D.* Von den Zaren adoptiert. – München, 1993; *Schnur J.* Die Kirchen und das religiöse Leben der Russlanddeutschen. Katholischer Teil. – Stuttgart, 1978.

[7] *Mohr J.* Geschichten der bayerischen Kolonie Jamburg, derer Tochterkolonien und Verbannungsort Asbest. – Bad Laer, 2004.

В то же время архивы Украины содержат большое количество документов, имеющих прямое отношение к истории колонии. Начальный период ее истории в Новороссии отражен в делах Днепропетровского областного архива (Ф. 134). Материалы «Екатеринославского губернского комитета коммунистической партии (большевиков) Украины» (Ф. П-1, П-7), «Днепропетровского обкома Компартии Украины» (Ф. П-19), «Екатеринославского губкома ЛКСМУ» (Ф. П-5) и целого ряда других фондов позволяют реконструировать общественно-политическую и экономическую жизнь Ямбурга в межвоенные годы.

Екатерининский манифест, приглашавших к переселению в Российскую империю иностранцев, получил отклик у значительной части малоимущего населения европейских стран, часть которых кроме материальных невзгод испытывала и религиозные притеснения. Последовало несколько волн европейских мигрантов, рассчитывавших изменить свою судьбу к лучшему. Среди них были и католики из Пфальца, поселенные в окрестностях уездного города Санкт-Петербургской губернии Ямбург. Условия переезда и обустройства определялись статьями манифеста и были дополнены частными договоренностями. Анализ льгот, обустройства и начального периода проживания, предоставленных российской администрацией, позволяет утверждать, что государство делало реальные шаги для облегчения переезда колонистов и их обустройства на новом месте. Так, в частности, каждая семья получала земельный надел в 35 дес., денежное пособие (300 руб.). Кроме того, ямбургские колонисты на значительный срок (13 лет) освобождались от налогов. По истечении этих лет они должны были платить только поземельную подать. Ссуду, полученную ими для обустройства на новом месте, должны были начать погашать через 10 лет. Колонисты освобождались от денежных земских повинностей, военных постоев и рекрутской службы. Казалось бы, полученные льготы должны были привести к быстрой хозяйственной обустроенности и существенному подъему их материального благосостояния. Но все произошло как раз наоборот. Колонисты не только не смогли приступить к погашению своих долгов перед казной, они не смогли обеспечить даже сносный уровень жизни своим семьям. Это объясняется природно-климатическими условиями, качеством земли и размерами полученных наделов. Если бы 35 дес. земли были тучными черноземами, расположенными в более благоприятной природно-климатической зоне, то таких размеров земельных наделов могло бы и хватить. Но речь идет о сложном характере климата, о плохом качестве земли. Поэтому обстоятельства побудили ямбуржцев искать выхода из тяжелого материального положения, в котором они оказались. Кроме того, уже тогда проявилась тенденция у колонистов к работе за пределами самого поселения. В основном они уходили работать на Ямбургскую суконную фабрику. Это была возможность не столько увеличить бюджет семьи, сколько хотя бы прокормить.

Тяжелое материальное положение колонистов не было тайной для власти. Сама императрица, убедившись в неплатежеспособности колонистов, в 1779 г. издала указ о сокращении поземельной подати, а чуть позже вообще простила им долг вместе с недоимками[8]. Однако это существенно не изменило тяжелого положения переселенцев. И тогда правительство пошло на радикальный шаг – переселение 273[9] душ в Екатеринославскую губернию. Указ о переселении был издан 17 августа 1793 г.

Не следует забывать о новой ситуации, сложившейся в это время на Юге империи. Уничтожение Запорожской Сечи, русско-турецкие войны и их результаты позволили включить в границы государства обширные земли Новороссии, значение которых

[8] *Бахмутская Е.В.* Указ. соч. – С. 158–159.

[9] В Указе о переселении ямбургских колонистов от 17 августа 1793 г. речь идет о 270 чел. Но Якоб Моор составил поименный список жителей колонии и дает цифру переселенцев 273 (*Mohr J.* Указ. соч. – S. 14). Эта же численность переселенцев приведена в работе В.М. Жирмунского (*Schirmunski V.M.* Volkslieder aus der bayrischen Kolonie Jamburg am Dnjepr. – S. 7).

в военно-стратегическом и хозяйственном плане резко возрастало. Последовали волны колонизации этого региона. В эти годы преобладали меннониты Пруссии, сформировавшие целый комплекс поселений, но среди представителей других конфессий католики были в меньшинстве.

Переселение ямбуржцев вновь сопровождалось финансовой поддержкой государства. На путевое содержание было выделено 8 тыс. руб., были предоставлены новые льготы: переселенцы на 10 лет освобождались от повинностей, уплаты налогов и долга[10]. Несмотря на то, что к этому времени у правительственных чиновников уже появился определенный опыт по водворению переселенцев, многие вопросы так и не были решены. В частности, это касалось постройки домов. Нехватка строительного материала, прежде всего леса, и недобросовестность подрядчиков – эти беды были вообще характерны для периода конца XVIII – начала XIX в., проявились и при основании колонии.

Колония Ямбург находилась в 17 верстах от Екатеринослава. Ее земли располагались на возвышенности и выходили к Днепру. Место было чудесным. Его живописность, красота и сегодня не оставляют никого равнодушным. Здесь были плодородные земли, тучные луга, берег Днепра, изрезанный балками с густо цветущими травами, многие из которых сегодня занесены в Красную книгу. Однако насладиться всеми прелестями открывающегося вида переселенцы смогли лишь спустя год и восемь месяцев, когда начали заселять построенные дома. До этого времени они проживали на квартирах в казенном селении Старый Кодак, расположенном недалеко от выделенного им места поселения.

Несмотря на то, что жители Ямбурга, в отличие от других первопоселенцев, зимовавших в стогах сена, в наспех вырытых землянках, прожили этот период в селе, они не избежали нужды и болезней. Результатом стала смерть части колонистов, и число водворенных сократилось до 239 чел.[11] Причины следует видеть в следующем. Во-первых, несогласованность действий государственных властей. Обратим внимание на то, что деньги на строительство домов для переселенцев были выделены лишь летом 1794 г. Во-вторых, сложности, возникшие в ходе самого строительства. Екатеринославский городничий Шостак, которому было поручено строительство жилья для колонистов, не проявил должного внимания, что и привело к затягиванию сроков. Выход был найден – заказ на постройку домов передали коллежскому асессору Кронингу, который весной 1797 г. сообщил о готовности домов. В-третьих, субъективные факторы. А именно, недобросовестность и, практически, казнокрадство лиц, причастных к строительству и хозяйственному обзаведению колонистов. Так, кременчугскому купцу С. Борисенко был выдан подряд на постройку 15 домов для колонистов[12]. Сам подрядчик затягивал сроки строительства, ссылаясь на проблему с лесом (потеря бревен из-за разрушения плотов на днепровских порогах). Однако дело этим не ограничилось. Он же получил подряд на покупку скота, хозяйственного инвентаря для поселенцев. В 1798 г. С. Контениус, направленный в Новороссийскую губернию с инспекторской проверкой, обнаружил серьезные финансовые нарушения, совершенные подрядчиками и не только при строительстве домов. Речь шла о прямом подлоге, обмане, казнокрадстве купца Борисенко – покупке им скота и сельскохозяйственного инвентаря по явно завышенным ценам и плохого качества[13]. Кроме того, обратим внимание на то, что Кронинг еще в марте 1797 г. рапортовал о завершении строительства домов[14]. Однако год спустя Контениус констатировал, что в двух домах, постройка которых была

[10] Государственный архив Днепропетровской области (далее – ГАДО). Ф. 134. Оп. 1. Д. 28. Л. 7–10.

[11] Государственный архив Одесской области (далее – ГАОО). Ф. 147. Оп. 1. Д. 41. Л. 9; ГАДО. Ф. 741. Оп. 1. Д. 36. Л. 30–31.

[12] ГАДО. Ф. 134. Оп. 1. Д. 19. Л. 96.

[13] Там же. Л. 95–98; Д. 31. Л. 36–36 об.; Д. 328. Л. 33 об.–34.

[14] Там же. Ф. 741. Оп. 1. Д. 36. Л. 30–31.

поручена Борисенко, возведены «только одни стены без дверей, окон и ставен, потолков, печей и труб, а в четырнадцати хатах в оконницах вставлены самые худые стекла, а оконницы, ставни и двери без железных приборов[15]. Судебное разбирательство этого дела длилось с 1798 г. по 1805 г. в нижнем земском, уездном судах и в Екатеринославском гражданском суде. Результатом стало решение о взыскании с купца Борисенко в пользу ямбургских колонистов суммы в размере 694 руб. Дело этим не было завершено. Деньги были получены колонистами лишь в августе 1808 г.[16], задержка выплаты объяснялась как нежеланием подрядчика вернуть украденные деньги, так и чисто российской чертой – бюрократической волокитой.

Главной задачей колонистов было введение в хозяйственный оборот полученных земель, т. е. занятие хлебопашеством. Ямбуржцы при переселении в Екатеринославскую губернию получили 1930 дес. (по 15 дес. на ревизскую душу) удобной земли и 369 дес. неудобной[17]. Это были плодородные черноземы, по своему качеству принципиально отличавшиеся от земли, которую они имели в Петербургской губернии. Казалось бы, что результаты их хозяйствования на новом месте должны были быть хорошими. Однако анализ многочисленных ведомостей о посевах и урожайности колонистов данного региона воссоздает далеко не радужную картину. В Ямбурге выращивали зерновые культуры, культивировали, как и в других немецких колониях, картофель, сеяли лен. Но успехов в сельском хозяйстве ямбуржцы в начале XIX в. так и не достигли. Н.В. Юзбашева приводит данные о посевах и урожайности в 65 новороссийских колониях за 1809 г. По средним показателям на одну семью Ямбург был на 18-м месте, по собранному урожаю на 44-м, по составу посевного материала и урожайности на 56 месте[18].

Чем можно объяснить такие результаты? Причин было несколько. Во-первых, ямбургские колонисты прибыли к месту нового жительства обедневшими, т. е. у них отсутствовал стартовый капитал. Во-вторых, многие колонисты на прежнем месте не занимались хлебопашеством, а работали на суконной фабрике и частично утратили навыки земледелия. В-третьих, часть колонистов владела ремесленными специальностями и не без основания считала их использование более прибыльным делом, чем тяжелый труд хлебопашца. Отсюда и усилия, прилагаемые ими в земледелии, были явно недостаточными. В-четвертых, колония располагалась на высоком берегу Днепра, где земли были открыты всем степным суховеям (лесопосадок еще не было), поэтому их хозяйства фактически оказывались в зоне рискованного земледелия, серьезно зависимыми от климатических условий. Особенно это проявилось в самом начале их хозяйственной деятельности (неурожай 1794 и 1795 гг.). И для выживания, в прямом смысле этого слова, колонисты вынуждены были пойти на «незапланированный» долг – взять зерно в запасных магазинах сел Новомосковского, Павлоградского и Кременчугского уездов на сумму свыше 2,5 тыс. руб.[19] И, наконец, в-пятых, «леность», нерадение в хлебопашестве «худых хозяев», о чем в 1810 г. писал С. Контениус. К большому сожалению, часть жителей Ямбурга в этом были замечены. Проявлялось это не только в выращивании зерновых культур, но и в культивировании в колонии новых занятий, производств. В частности, настойчивые предложения колонистской администрации заняться помимо земледелия еще и садоводством были восприняты колонистами Ямбурга с неудовольствием и возражением. Подчеркиваем – ямбургскими. Если Йозефстальская лютеранская колония демонстрировала серьезные успехи в выращивании зерновых, фруктовых деревьев и вообще эта колония отличалась гораздо более успешным хо-

[15] ГАДО. Ф. 134. Оп. 1. Д. 19. Л. 95 об.

[16] Там же. Д. 342. Л. 32–32 об.

[17] Там же. Д. 504. Л. 755.

[18] *Юзбашева Н.В.* Указ соч. – С. 122.

[19] ГАДО. Ф. 134. Оп. 1. Д. 19. Л. 188; Д. 31. Л. 36–36 об.

зяйственным развитием, что отчасти было следствием их конфессиональной принадлежности, духа протестантской этики, то католики Ямбурга демонстрировали явное нежелание исполнять рекомендации Конторы опекунства, смотрителей в деле развития садоводства. В самом начале разведения садов жители Ямбурга свое нежелание ими заниматься оправдывали якобы нехваткой земли (что было далеко от правды)[20]. После настойчивых действий колонистской администрации, когда фруктовые деревья все-таки были посажены, поселенцы продемонстрировали явное небрежное отношение к саженцам, следствием чего была гибель части деревьев, их невысокая урожайность[21]. Однако власти проявили большую настойчивость, и сады в Ямбурге все же стали развиваться. Если в 1808 г. в них росло 2 905 фруктовых деревьев, то в 1823 г. – 5 тыс. Цифры впечатляющие, хотя в близко расположенном Йозефстале в это же время было уже 10,5 тыс. деревьев[22].

Та же небрежность, даже неряшливость, была проявлена ямбуржцами в обустройстве колонии, ее внешнем виде. Спустя 25 лет после вселения внешний вид жилых строений вызвал возмущение руководителя Екатеринославской конторы иностранных поселенцев А.М. Фадеева, посетившего Ямбург в 1822 г. Увиденное вынудило его обязать колонистов, имеющих развалившиеся строения, перестроить дома, придав их виду и планировке единообразие. Крыши домов обязаны были иметь прочные покрытия, а не крыты беспорядочно накинутой соломой. Печи – иметь кирпичные трубы[23].

С. Контениус, горячо болевший за судьбы колонистов, видя не всегда успешные их дела в ведении хлебопашества и учитывая явно проявляющуюся тенденцию демографического роста населения колонии, что в перспективе должно было вызвать земельный голод, предлагал колонистам различные виды занятий, которые бы улучшили их материальное положение. Помимо садоводства ямбуржцам, как и другим колонистам, было предложено заняться овцеводством и шелководством. Если в разведении тонкорунных овец Ямбург не очень преуспела (здесь достаточно долго отсутствовали общественные овчарни и лишь небольшое количество племенных овец было размещено в отдельных помещениях[24]), что видно из сравнительных данных соседних колоний Йозефсталь и Рыбальское, то в шелководстве Ямбург явно имела успехи. Хотя, казалось бы, должно было быть наоборот, ибо шерсть была востребована суконными фабриками Екатеринослава, Одессы и готовая их продукция всегда имела спрос для обеспечения армии. Но производство шелка, рыночная стоимость которого была весьма высока, позволило Ямбургу получать неплохой доход.

Если в уходе за овцами у колонистов был определенный опыт, то шелководство являлось совсем новым занятием. Стоит лишь удивляться чувству рыночной конъюнктуры Контениуса, как и всей Конторы опекунства. Вообще Йозефстальский округ, в который входил Ямбург, был предметом постоянного внимания и со стороны конторы. И здесь не следует искать иных причин, кроме того, что колонии округа были расположены в непосредственной близости от губернского центра. В то же время нельзя не заметить определенного доминирования интересов лютеранского Йозефсталя. Так, при приблизительно равном числе жителей этой колонии и Ямбурга, в 1809 г. Йозефсталю было выделено 1500 шелковых деревьев, а Ямбургу лишь 500[25]. Близость административного центра обусловила не только контроль конторы за жизнедеятельностью колонии, но и реальную им помощь. Известно, что после неудачи в выращивании шелковицы в личных хозяйствах, было предложено заложить общественные плантации,

[20] ГАДО. Ф. 134. Оп. 1. Д. 82. Л. 72.
[21] Там же. Д. 428. Л. 29–42 об.
[22] Там же. Ф. 134. Оп. 1. Д. 710. Л. 16 об.–17.
[23] Там же. Д. 734. Л. 43–43 об.
[24] Там же. Ф. 134. Оп. 1. Д. 428. Л. 34–36.
[25] Там же. Д. 226. Л. 17–18.

которые бы находились под контролем колонистских приказов. Уход за этими деревьями был возложен на всех колонистов. Поражает скрупулезность подхода самого Контениуса к своему очередному детищу. Так, в 1809 г., когда выращивание шелковичных деревьев уже стало делом не только общины Ямбурга (в их хозяйствах произрастало 1318 шелковиц), но им занимались и наиболее рачительные хозяйства (на общественной плантации – 5672[26]), он отдает приказ, чтобы колонии прислали необходимое «число людей для бережного и без повреждения корня выкапывания тех деревьев, которые сажать в плантациях по кварталам, мною разбитым, расстояния в 6 аршин одно от другого». Речь идет о саженцах из казенного сада, взятых для посадок в конкретных колониях. Спустя четыре года на укоренившихся деревьях начали разведение шелкопряда. Не только Контениус, но и Опекунская контора оказывала большую помощь колонистам, давая им ценные профессиональные наставления по разведению шелкопряда, сбору коконов, сбыту шелка-сырца. Колонистская администрация, «убедившись в нерадивости хозяев, по вине которых тутовые саженцы, засыхая, погибали», предложила заложить две общественные плантации, наняла садовников, учеников садовников, рабочих. Средства были взяты из общественных доходов[27]. Результаты не заставили себя долго ждать. В 1814 г. Ямбург производил более половины шелка, выделанного всеми йозефстальскими колониями. Если учесть, что в начале второго десятилетия ежегодный доход этих колоний от реализации шелка-сырца колебался от 1200 до 2000 руб.[28], то прибыль, получаемая жителями Ямбурга, колебалась от 700 руб. до 1200 руб. В то же время, летом 1816 г., Контениус доносил, что Ямбург, не имея общественных доходов, вынужден был собирать с каждого хозяйства деньги на покупку двух испанских баранов. Было собрано 200 руб.[29] Возможно, общественные деньги колония потратила на постройку сараев для разведения червей шелкопрядов и приобретения саженцев шелковицы, значительная часть деревьев которой ранее (в 1813 г.) из-за сильных морозов погибла[30].

Не только в Ямбурге отношение к новациям Контениуса было неоднозначным. Сам он так написал об этом: «<…> до шелководства, до садоводства, даже до улучшенного овцеводства касающиеся, не заведены без роптания колонистов, которые по простоте и невежеству своему пренебрегают всякими для их понятия новыми предметами, особливо, когда усовершенствование оного требует долгого времени»[31].

Среди его многочисленных начинаний и предложений нельзя не отметить насаждение лесов. Ямбург, расположенный на высоком берегу Днепра, в условиях местного климата, с летней жарой, засухами, степными ветрами, испытывал крайнюю нужду в снегозадержании, защите от степных суховеев, но и просто в лесе. Леса не было в этих «степных местах на починку кровли или земледельческих орудий, ни же на деревянный гвоздь»[32].

В то же время, как пишет О. Айсфельд, даже в 1815 г. Контениус считал саму постановку вопроса о лесонасаждениях преждевременной[33]. В тот период речь шла еще о хлебе насущном. Однако по мере хозяйственного развития колонии, роста относительной состоятельности колонистов эта проблема могла и должна была быть решена. В своем письме императору Александру I от 16 октября 1825 г. Контениус писал о том,

[26] ГАДО. Ф. 134. Оп. 1. Д. 212. Л. 5.
[27] Там же. Д. 428. Л. 29–30.
[28] Там же. Л. 5, 31 об.
[29] Там же. Ф. 134. Оп. 1. Д. 500. Л. 6–7.
[30] Там же. Д. 428. Л. 29–31.
[31] Там же. Л. 42–42 об.
[32] Там же. Л. 40–41.
[33] *Айсфельд О.* Предисловие / Самуил Христианович Контениус об иностранной колонизации южной России. Сб. док. 1801–1829 гг. – Одесса, 2003. – С. 14.

что с самого начала колонизации «этой хорошей страны» он видел «величайший» ее недостаток – отсутствие леса. Помня с каким противодействием он столкнулся в своих прежних начинаниях, Контениус обратился к императору с просьбой убедить колонистов в необходимости лесонасаждений. Он писал: «<…> если бы Вам было благоугодно объявить старшинам колонистских поселений, что для существенного блага их самих и их потомства Вы желаете, чтобы каждый отец семейства посадил и возделывал последовательно хоть полдесятины леса скорорастущих видов деревьев <…> и можно с достоверностью предполагать, что через десять лет, когда убедятся в успехе предприятия, найдутся благонамеренные хозяева, которые пожелают оставить своим детям и целую десятину леса, составляющего одну из первых потребностей для человеческого существования <…> Одно милостивое увещание, произнесенное по этому поводу Вашим императорским величеством, заставило бы исчезнуть сопротивлению колонистов к полезному делу <…>»[34]. Эта выдержка из письма говорит о многом. Во-первых, все начинания Контениуса на начальном этапе встречали значительное сопротивление колонистов. О степени их противодействия говорит уже то, что он был вынужден обратиться за поддержкой даже к императору. Во-вторых, свидетельствует о гражданском мужестве самого автора: обращаться к императору с такой просьбой, фактически рекомендацией, означало в какой-то мере переступить черту дозволенного. В-третьих, находясь на склоне лет, Контениус думал о благе для переселенцев. Он ничего не просил для себя, надеясь, что его дело – дело всей его жизни – обустройство жизни колонистов будет продолжено. В своей деятельности он, как и колонистская администрация, опирался на «благочестивых» хозяев.

Как обстояло дело в Ямбурге? Из 54 хозяев 14 были отнесены смотрителем Гончаровым к «рачительным», т. е. занимались вполне успешно земледелием, овцеводством, молочным животноводством; 34 хозяева отнесены к посредственным, а шесть были признаны находящимися в состоянии упадка[35]. Другими словами, Ямбург даже в первой половине XIX в. все еще не смог стать вровень по своему хозяйственному развитию с соседскими лютеранскими и тем более меннонитскими колониями губернии.

Вторая половина XIX в., период стремительных процессов модернизации Российской империи, особенно ее южных районов, стала временем подъема экономического состояния и Ямбурга. Связано это было с новой ситуацией в характере землепользования и землевладения. Отмена принципа неделимости полученных ранее наделов стала отправной точкой стремительно шедшего процесса социальной дифференциации колонистов. Наделы делились между сыновьями. И далеко не у всех колонистов имелись средства на покупку новой земли. Это могли сделать состоятельные меннонитские общины за счет общественных денег, основывая дочерние поселения на купленных у помещиков землях. Ямбуржцы в 70-е годы XIX в. тоже основали несколько дочерних колоний: Мариенфельд (Мариенталь, Вороное) – основано в 1873 г. в живописном месте, где река Вороная впадает в Днепр; Серафимовку (1873) и Катеринхоф (Катериновка, 1870)[36]. Однако земельный вопрос в Ямбурге в полном объем так и не был решен. В то же время обращает на себя внимание поселение в Ямбурге нескольких семей, приехавших туда из Германии в 1870–1880-е годы. Эти новые поселенцы, естественно, не получили никаких наделов. Они арендовали землю у соседних помещиков. Однако результаты хозяйственной деятельности новых жителей были неутешительными. Очень скоро арендаторы разорились, пополнив собой малоимущее население Ямбурга.

Следует отметить и позитивные явления в жизни Ямбурга. Экономический бум Екатеринославщины, вызванный открытием и использованием криворожских железных руд, железнодорожным строительством, постройкой целого ряда металлургических предприятий – все это сопровождалось демографическим ростом населения Екатеринослава, резким возрастанием рыночных отношений. В этой ситуации Ямбург оказался в выгодном положении. Его молочная продукция стала востребованной в городе в большом количестве. Творог, сметана, масло, молоко ямбуржцев пользовались большим спросом и были очень популярны. Изготовляемые ими пуховые подушки и одеяла не залеживались на прилавках. Особенно доходным стал колесный промысел. Столяры колонии едва поспевали за спросом рынка. Небольшие повозки, телеги, экипажи, так называемые двуколки, тачанки – все это изготовлялось в колонии. Качество их продукции было отменным, и изделия пользовались большой популярностью. Что касается хлебопашества, то больших успехов не наблюдалось, но и явного отставания от урожаев ближайших немецких соседей тоже не было. В то же время в сравнении с соседними украинскими селами, где ощущался большой земельный голод, жители Ямбурга были гораздо состоятельнее.

Реформы 70-х годов XIX в. внесли существенные изменения в жизнь колонии. Были отменены все ранее полученные льготы, введена воинская повинность, в школьном образовании произошли серьезные изменения. Немцев стали призывать в армию. Уже в годы Русско-турецкой войны 1877–1878 годов среди воевавших были и призывники из Ямбурга. То же происходило и в годы Русско-японской войны[37]. Армейская служба немцев Ямбурга сказывалась на хозяйственном положении семей, которые на длительный срок теряли рабочие руки. Многие авторы крайне негативно оценивают начавшийся в 80-х годах процесс русификации образования в колониях. Однако это явление, т. е. введение официального государственного языка, было присуще всем европейским странам и не было российской прихотью. Что же касается самой проблемы языка, то русификация, помимо негатива, имела и положительные стороны. Она способствовала интегрированию немецкого населения в экономическую, общественно-политическую жизнь российского общества, помогая преодолеть сохраняющуюся замкнутость колонистов. Ямбуржцы, тесно связанные с рынком продаж в городе, соседствуя с жителями рядом расположенных украинских сел, относительно спокойно восприняли процесс русификации. Что же касается школы и церкви, то русский язык стал одним из предметов преподавания, но обязательным. Все остальные предметы по-прежнему преподавались на немецком языке. Церковь не была затронута всем происходящим.

Анализируя документы начала XX в., можно с полным основанием утверждать следующее: ситуация в вопросах межнациональных отношений была вполне удовлетворительной. Хотя следует отметить, что украинское население близ Ямбурга с некоторой завистью смотрело на колонию. Не только экономическая состоятельность большей части жителей вызывала это чувство, окрашенное этноконфессиональным компонентом (в хозяйствах Ямбурга было гораздо больше лошадей, крупного рогатого скота хорошей мясо-молочной породы, птицы, чем в украинских селах). Здесь была широкая улица с чистыми побеленными домами, кирпичными строениями, обсаженными цветниками, ухоженными садами. Все это диссонировало даже с внешним видом украинских сел, население которых в своем большинстве было значительно беднее колонистов. Поиск причин этого некоторыми современными украинскими авторами приводит их к не совсем верным выводам, поскольку все сводится ими к льготам, предоставленным в свое время переселенцам Екатериной II. На самом деле различия в экономическом состоянии немцев Ямбурга, как и населения других немецких колоний, не столь одномерны. Немецкие колонисты не были крепостными уже в германских землях и, следовательно, их отношение к труду было иным, чем у украинского крестьянства первой половины XIX в. Товарно-денежные отношения, формирующие

[34] *Айсфельд О.* Указ. соч.
[35] ГАДО. Ф. 134. Оп. 1. Д. 710. Л. 28–28 об.
[36] *Mohr J.* Geschichten der bayerischen Kolonie Jamburg. – S. 26.
[37] *Mohr J.* Geschichten der bayerischen Kolonie Jamburg. – S. 31–35.

особое отношение к труду и его результатам, у немцев возникли уже в XVII–XVIII веках. Стартовые условия хозяйствования в России, даже у бедного населения Ямбурга, действительно были гораздо выше, чем у местного украинского крестьянства. Кроме того, присутствовали различия и в менталитете колонистов и местного населения. Все это, с учетом одного из важнейших факторов хозяйственного быта сельского населения – земельного вопроса, который разительно отличался у колонистов и украинского крестьянства, определяло существенную разность в уровне экономического состояния и развития хозяйств региона.

Существующее положение резко изменилось с началом Первой мировой войны и введением «ликвидационных» законов. Это событие стало для немецкого населения России национальной, экономической и политической катастрофой[38]. Мужское население Ямбурга, как и украинских сел, призывали в армию[39]. Несмотря на то, что служили немцы в основном на Кавказском фронте, где активность была несопоставима с боевыми действиями на Западном фронте, тем не менее, здесь тоже гибли солдаты, получали ранения.

Но положение ямбуржцев усугублялось не только дискриминационными экономическими мерами правительства этого периода. Безусловно, серьезнейшее влияние на население оказали действия властей в гуманитарной сфере. Речь шла о запрещении общественных, культурно-просветительских организаций, о языковой политике, когда было запрещено использование немецкого языка в общественных местах; оголтелой антинемецкой пропаганде, поиске шпионов, врагов и т. д. Все это формировало у окружающего Ямбург украинского населения чувство подозрительности, враждебности[40]. Февральские события 1917 г. не смогли переломить ситуацию. А затем последовали Октябрь и Гражданская война – начался политический, военный хаос.

Жители Ямбурга не проявили особой активности ни в революции, ни в период Гражданской войны, тем не менее последствия этих военно-политических потрясений были крайне тяжелыми. Несмотря на то, что в Ямбурге практически не было крупных землевладельцев, 3-й Универсал Центральной Рады (7 ноября 1917 г.) серьезно затрагивал интересы средних землевладельцев колонии. Более того, начавшиеся военные действия между Советской Россией и Центральной Радой не только привели к установлению советской власти на значительной территории Украины, но и распространили действия ленинских декретов о земле на Украину. В ходе установления новой власти осуществлялись конфискации, экспроприации хозяйств немцев-колонистов. Не избежал этого и Ямбург. Здесь, кроме украинских крестьян, в экспроприации активно участвовали и шесть колонистов (братья Валентино, Пфайфер, Цин, И.Е. Иллензеер и Ф.Ф. Фольтин). Приход в Украину австро-германских войск остановил этот процесс, но ненадолго. Осенью повстанческие отряды крестьян, возникшие из-за действий нового правительства С. Скоропадского и немецких оккупационных властей по «умиротворению» украинских крестьян, объединившихся вокруг Нестора Махно[41], приступили к грабежу немецких колоний. Возникший временный союз Махно с советской властью не изменил ситуацию к лучшему. Приход Добровольческой армии генерала А. Деникина, встреченный колонистами вполне доброжелательно, тоже сопровождался фактами изъятия зерна, фуража, лошадей из хозяйств колонистов. Борьба красных и белых на территории Украины проходила особенно ожесточенно. Жертвами, по большей части материального характера, были колонисты. Волны безвластия, беззакония, грабежей, эпидемий сыпного тифа, занесенного в колонию воюющими армиями, прокатились и по Ямбургу. Документы свидетельствуют об ущербе, понесенном населением колонии от белогвардейцев (49 118 крб) и махновцев (12 169 крб)[42].

Межвоенный период для жителей Ямбурга тоже был далеко не однозначен. С чем пришел Ямбург к началу проводимой советской властью продразверстки? Обращают на себя внимание демографические изменения в колонии. Население составляло в 1818 г. – 348 чел., 1825 г. – 440, 1859 г. – 1394, 1885 г. – 1409, 1905 г. – 2024, 1908 г. – 2790, 1911 г. – 1902, 1919 г. – 1131, 1925 г. – 702 чел.[43] Причины столь резкого уменьшения жителей к 1925 г. следует искать в событиях предшествующих лет. В результате испепеляющей засухи 1921 г., недорода 1922 г., развала хозяйств в годы войны колонисты оказались в тяжелом положении. Кроме того, власти потребовали вернуть зерно, недополученное в 1920 г.

Урожай зерновых в результате засухи в колониях по сравнению с традиционными нормами составил в Екатеринославской губернии лишь 5 %. Это было усугублено недосевом, вызванным нехваткой инвентаря и посевного материала, что по сравнению с 1916 г. составляло 16–40 %. Кроме того, резко сократилось поголовье домашнего скота: волов и лошадей – на 37 %, коров – на 25 %, свиней – на 83 %. Часть населения вообще уже не имела домашних животных[44]. В Ямбурге ситуация была тяжелейшей. Ежедневно в колонии умирало 6–7 чел.[45] Созданный в селе НКС Комнезам (Комитет незаможных селян), состоящий из 35 чел., председателем которого был И.И. Иленсеер, 5 марта 1922 г. принял решение об открытии вспомогательной столовой для голодающих[46]. Для ее открытия состоятельные граждане колонии (а были ли такие?!) были обложены продуктовым налогом. Уже 17 марта 1922 г. волостной совет, расположенный в Ямбурге, констатировал наличие в селе 135 голодающих детей. Созданная к этому времени Комиссия помощи голодающим, рассмотрев списки голодающих детей, тоже постановила открыть столовую за счет местных средств; открыть питательные молочные пункты. Комиссия выделила для этих детей 80 пайков, т. е. на 80 детей. Остальные 55 были поставлены на очередь. Пытаясь спасти положение, принимается решение о том, что крестьяне в хозяйствах, у которых еще сохранились коровы, обязаны были ежедневно выделять по стакану молока в питательные молочные пункты[47]. Все эти меры не смоги остановить «жатву» смерти в Ямбурге. Колония за период голода 1921–1922 гг. потеряла 500 чел. Это были люди разных возрастных групп. После такого удара колония уже не могла оправиться, и к 1941 г. в ней проживало всего 683 немца[48]. Голод был всеобщим, он охватил все население, особенно сельское. Но более зажиточные колонии понесли меньше людских потерь. Соседняя Йозефсталь в этот период потеряла 200 своих жителей.

Положение Ямбурга в тот период было катастрофическим. Обессилевшее население не могло убирать трупы и хоронить умерших. Начинавшаяся весенняя оттепель 1922 г. грозила появлением эпидемий и массовыми эпидемиями. В этой ситуации во-

[38] *Плесская Э.Г.* Немцы Причерноморья. – Одесса: Астропринт, 2008. – С. 62.

[39] Там же; *Mohr J.* Geschichten der bayerischen Kolonie Jamburg. – S. 32–35.

[40] *Бобылева С.И.* Немцы Причерноморья и российское общество в годы Первой мировой войны // Причерноморск. регіон у контексті європейськ. політики. – Одесса, 2008. – С. 425–432; *Бобылева С.И., Кадол А.Н.* «Немецкий вопрос» в России времен Первой мировой войны глазами царских сановников // Вопр. герм. истории: Сб. науч. тр. / Отв. ред. С.И. Бобылева. – Днепропетровск: РИО ДНУ, 2006. – С. 66–80.

[41] Якоб Моор пишет, что советская власть установила в Гуляй Поле памятник Махно. Это не так. Речь идет о том, что власти современной Украины, стремясь сформировать пантеон новых героев, сделали таковым и Нестора Махно, который теперь предстает в образе интернационалиста. При этом оказываются попранными архивные документы, свидетельства очевидцев, подтверждающие зверства махновцев в отношении немецких колонистов, еврейского населения территории.

[42] Описание населенных мест Екатеринославской губернии на 1 января 1925 г. – Екатеринослав, 1926. – 635 с.

[43] Немцы России: населенные пункты и места поселений: Энцикл. словарь / Сост. В.Ф. Дизендорф. – М.: ЭРН, 2006. – С. 461.

[44] *Осташева Н.В.* Голод // Немцы Украины. Пилот. сб. – М., 2002. – С. 62.

[45] ГАДО. Ф. П-4. Оп. 1. Д. 151. Л. 4.

[46] Там же.

[47] Там же. Л. 104.

[48] Немцы России: населенные пункты и места поселений. – С. 461.

лостной совет Ямбурга принял решение о создании санитарной комиссии (Е.И. Донгаузер, М.И. Суттор и А.К. Шефтнер), которая должна была следить за санитарным и эпидемиологическим состоянием села, организовывать очистку дворов, захоронение умерших жителей[49].

Установление советской власти повлекло за собой административные преобразования и в немецких колониях. Некогда единые в культурно-экономическом отношении немецкие анклавы, представленные немецкими волостями, механически разъединялись. В созданных сельсоветах отныне находились помимо немецкого населения и представители других этносов. Уже этот процесс наносил удар по национально-культурным интересам немецкого населения. В смешанных сельсоветах возникали языковые трудности, ибо зачастую члены сельсоветов не знали немецкого языка.

Ситуация еще больше обострилась в процессе проводимой кампании по землеустройству. Земли изымались у зажиточного населения и частично передавались малоземельным немецким хозяйствам. Существовавшая еще до 1917 г. социальная дифференциация усилилась, возросла социальная напряженность. Это стало особенно очевидно в период коллективизации. Землеустроительная кампания в Ямбурге сопровождалась увеличением земельного надела колонии. Так, если в 1917 г. площадь, занимаемая колонией, составляла 1784 дес., то в 1927 г. она увеличилась до 2230 дес. Все это проходило на фоне существенного увеличения количества дворов и едоков. До 1917 г. в Ямбурге было 194 двора с 963 едоками, то в 1927 г. число дворов стало уже 227, а едоков – 1077[50]. Тем не менее решить земельный вопрос (18 дес. на каждого колониста, достигшего 18-летнего возраста) не удалось. Часть малоземельного населения Ямбурга была переселена во вновь созданное поселение – Красный Ямбург (1926–1928)[51]. Оно располагалось в 7 км к востоку от Ямбурга. В конце 1928 г. там было построено 8 домов. Среди первопоселенцев были Иоганн Блайхер, Иоганн Иллензеер и Катарина (урож. Донгаузер), Иоганн и Барбара Цайгери. (Перед выселением в Германию в 1943 г. в Красном Ямбурге проживало уже 40 немецких семей[52].) Но и это не смогло решить проблему. Колония пыталась «достучаться» до разума властей. В ответ на их просьбу решить земельную проблему президиум Екатеринославского окружного исполкома назначил комиссию, возглавляемую Жендринским. Ее решением Ямбургу было отказано в увеличении земельного надела, а их просьба части жителей переселиться в Мелитопольский округ была передана для дальнейшего рассмотрения в Наркомат земледелия Украины[53].

В марте 1921 г. X съезд РКП (б) принял решение о переходе к новой экономической политике. Это событие было знаковым и для немцев Украины. Подтверждением стало издание специального циркуляра ЦК КП(б)У от 1923 г. «Об отношении партийных и советских органов к немецким колонистам». В нем речь шла о высоком хозяйственном и культурном уровне немецких колонистов и необходимости учета их национально-культурных и экономических интересов. В Екатеринославской губернии эти решения совпали с процессом присоединения к ней территорий Запорожской области. И если в 1921 г. в первой было 47 немецких колоний (19 892 немца), то в 1923 г. уже 205, а число немцев достигло 93 454[54]. Годом позже стали активно создаваться немецкие сельсоветы даже в украинских районах.

Происходившее влияло на характер, специфику и объем идейно-политической работы советских органов власти. Это касалось как анализа ситуации в среде самих колонистов, так и охвата их комсомольско-партийным вниманием, состояния системы

[49] ГАДО. Ф. П-4. Оп. 1. Д. 151. Л. 104.
[50] Там же. Ф. 594. Оп. 1. Д. 14. Л. 189.
[51] Там же. Ф. П-7. Оп. 1. Д. 791. Л. 4, 7–8.
[52] *Mohr J.* Geschichten der bayerischen Kolonie Jamburg. – S. 50.
[53] ГАДО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 14. Л. 186–187 об., 200.
[54] Там же. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 1525. Л. 152; Д. 1495. Л. 42.

образования, агитационно-массовой работы. Весь создаваемый властью механизм должен был выполнить задачу по изменению мировосприятия немецкого населения, изменению его мировоззрения. В конечном итоге речь шла о сломе национальной идентичности. И сделать это в первую очередь попытались путем агитационно-массовой пропаганды.

Нужно отдать должное тому, что новая власть попыталась осуществлять проводимую работу с учетом наличия различных социальных, религиозных, половозрастных особенностей населения. Так, была сделана ставка на работу среди женщин. В резолюции секции нацменьшинств при губкоме партии прямо говорилось о том, что «работа среди женщин немецких колоний важна ввиду ее большой роли в хозяйстве <…> и большого влияния на подрастающее поколение <…>»[55]. Предлагался целый набор мер для вовлечения колонисток в общественную жизнь. С этой целью женотделам было рекомендовано выделить специальных организаторов для немецких волостей (районов), прессе – «отводить страничку для колонистки».

Достаточно небольшое число пропагандистов, владеющих немецким языком, стало одной из причин большого внимания властей к соответствующей прессе, с помощью которой следовало вести культурную, партийно-массовую работу. Немецкоязычная пресса по различным направлениям советской властью была создана. Она же (власть) следила за ее содержанием, распространением в колонистской среде. Так, в Ямбурге в 1928 г. население было обязано выписывать следующие газеты: «Дас нойе Дорф» – 270 экз. на 1112 жителей села, «Дейтше Централ-Цайтунг» – 40 экз. (1 экз. на 25 хозяйств), «Ди Заад» – 17 экз., «Ди Трампете» – 17 экз.[56] Школа тоже должна была выписывать немецкоязычную прессу.

Задачи, стоявшие перед советской властью, были грандиозны по своим замыслам. Необходимо было ликвидировать частную собственность, решить по-новому аграрный вопрос. Все это осуществлялось достаточно оперативно. Гораздо масштабнее и сложнее была проблема воспитания нового человека, перевоспитания взрослого населения. Не имея никакого опыта на этом поприще, новая власть интуитивно нащупала очень важный инструмент, с помощью которого и началась борьба за умы детей, юношества, людей старшего поколения.

Серьезным препятствием на этом пути была малограмотность населения. Ее преодоление стало важнейшей задачей новой власти. Необходим был широкий охват населения. Это могли осуществить школы, ликбезы, избы-читальни.

Гражданская война и разруха привели к закрытию школ в немецких колониях, но уже в 1921 г. в Ямбурге начала работать начальная школа. С самого начала возник ряд трудностей, связанный не только с материальной стороной, но и психологическим состояниям колонистского сообщества. Запрещение Закона Божьего в школе вызвало возмущение населения, которое в то время само содержало школу[57]. Реакцией жителей стал их отказ посылать детей учиться[58]. И хотя официально власти объясняли слабую посещаемость занятий детьми материальными трудностями (они действительно были), но на самом деле речь шла и о нежелании жителей отдавать детей учиться туда, откуда был изгнан Закон Божий, где велась активная антирелигиозная пропаганда.

Не менее острой была проблема педагогических кадров[59]. Далеко не все из учителей отвечали требованиям политического момента. Уже в 1922 г. Екатеринославским губкомом партии были проведены учительские конференции. На них отмечал-

[55] ГАДО. Ф. 7-1. Оп. 1. Д. 518. Л. 27.
[56] Там же. Д. 519. Л. 9–13.
[57] Там же. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 1525. Л. 152.
[58] Там же. Д. 1995. Л. 17.
[59] Там же. Д. 1495. Л. 52–54.

ся дефицит немецкоязычной литературы, слабость материально-технической базы школ. Проблема школьного образования требовала срочного решения. Достаточно отметить, что если в 1921 г. в Екатеринославской губернии насчитывалось 47 колоний (19 892 немца) и в каждой из них была школа (47 школ, 88 учителей, 3234 ученика)[60], то уже в 1923 г., когда произошло присоединение к Екатеринославской территории Запорожской губернии, в 205 колониях стало 190 школ. Возросла и численность немецкого населения – 93 454[61].

Школа стала объектом постоянного внимания властей. В первую очередь власти были недовольны уровнем политической грамотности учителей. В 1923 г. была проведена политическая проверка педагогических кадров. Из 425 преподавателей ее прошли 303 учителя[62]. В марте этого же года было принято решение об усилении политико-просветительской работы в школе, в апреле состоялась проверка сотрудниками ГПУ выполнения колонистами декрета об отделении государства от церкви. Год спустя, в 1924 г., по всем школам губернии состоялось новое обследование школ. Проверяющие вынесли вердикт: преподавание ведется «по дореволюционным учебникам, пропитанным религиозно-националистическим духом». В силу этого необходимо подготовить новые учебники на немецком языке. Через создание курсов «повышения квалификации повысить политграмотность учителей»[63].

Новых учителей еще не успели подготовить, а старые далеко не всегда устраивали власть; учебной литературы на немецком языке, да и вообще литературы на немецком языке, не было издано. Документы пестрят сообщениями об острой нехватке немецкоязычной литературы[64], необходимости срочного составления хрестоматий, учебников[65]. В этой обстановке «книжного голода» власть принимает решение об уничтожении литературы, присланной из Германии, обвинив ее в излишне религиозном содержании[66]. Все это происходило на фоне реформирования системы школьного образования и создания трудовых школ[67]. В Ямбурге такая была создана, обучение в ней велось на немецком языке.

Политический надзор, установленный властью над школой, библиотеками, читальнями, культпросветкружками, осуществлялся постоянно[68]. Большое внимание уделялось ликвидации безграмотности. Желая получить однородную в политическом отношении людскую массу, власти руководствовались ленинским высказыванием о том, что «неграмотный человек стоит вне политики, его сначала надо обучить азбуке». Украина приступила к выполнению этого посыла согласно постановлению от 21 мая 1921 г., когда при Наркомате просвещения и местных органах власти были созданы чрезвычайные комиссии по ликвидации безграмотности.

Помимо этих структур, большую роль сыграла общественная организация «Геть неписьменность» им. В.И. Ленина, которую возглавлял Г.И. Петровский[69]. Результатом такой работы стало решение 1930 г. о введении всеобщего начального образования. Что же касается Ямбурга, то в 1941 г. в селе не было среди детей, молодежи, лиц среднего возраста неграмотных. Среди пожилых жителей Ямбурга неграмотные составляли 5 %[70].

[60] ГАДО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 525. Л. 152.
[61] Там же. Д. 1495. Л. 42.
[62] Там же. Д. 1525. Л. 93.
[63] Там же. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 1525. Л. 153.
[64] Там же. Ф. П-11. Оп. 1. Д. 447. Л. 52.
[65] Там же. Ф. П-5. Оп. 1. Д. 348. Л. 18.
[66] Там же. Ф. П-11. Оп. 1. Д. 315. Л. 26.
[67] Там же. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 1592. Л. 111.
[68] Там же. Д. 542. Л. 18, 25; Д. 1491. Л. 70 об; Ф. П-7. Оп. 1. Д. 495. Л. 120.
[69] Там же. Ф. 7. Оп. 1. Д. 453. Л. 37.
[70] *Вальт Р.Х.* Рихард. Обломки всемирной истории. – Эссен, 1996. – 524 с.

Показателем общественно-политического положения в Ямбурге 20-х годов является создание в колонии в 1922 г. партийной (И. Класс, Д. Намайер, В. Бланк) и комсомольской ячеек. Инструктор Екатеринославского упарткома Ф.Д. Кошляк, проверявший Ямбург весной 1922 г., отмечал, что идейно-политическая работа ведется очень слабо, волисполком не ведет документацию, а комсомольцы занимаются в основном обсуждением вопросов дисциплины и помощи местному населению[71].

Комсомольская ячейка Ямбурга и после критики продолжала быть пассивной. Это отмечалось на заседании бюро Лоц-Каменского райкома ЛКСМУ[72]. К декабрю 1926 г. она выросла до 4 членов, но активной общественной работой по-прежнему не занималась.[73] В то же время она стала базой пополнения партгруппы села. Так, уже в марте 1925 г. членом КП(б)У стал Н.М. Иллензеер, а год спустя А.И. Майер. Иллензееру на момент вступления в партию было 17 лет, Майеру – 20. Оба они имели начальное образование, в анкете указывали, что читают и пишут не только на немецком, но и на русском языке, работали у кустаря. Майер к моменту вступления в партию был секретарем комсомольской ячейки Ямбурга[74]. Обращает на себя внимание возраст вступивших в партию. Если в 1922 г. в партячейку входили 33-летний Д.М. Наймаер, 29-летний В.И. Бланк, 26-летний И.И. Класс, т. е. это были люди, имевшие какой-то жизненный опыт, их вступление в партию носило более-менее осознанный характер, то прием в 1925–1926 гг. перечисленных лиц носил скорее элемент эмоционального всплеска, чем взвешенного поступка. В целом документы неоднократно фиксировали пассивность молодежи, косность ее мышления, обусловленную «общинным образом жизни» в колонии[75], религиозность и консерватизм населения[76].

Не надеясь на успех в социальной переориентации взрослого населения, власти сделали упор на работу с молодежью. Этому были посвящены многочисленные заседания и решения властных структур различных уровней[77]. Серьезное влияние на сознание молодежи оказывала церковь. Поэтому борьба с ней носила не только идеологический характер, когда в ход пускалась устная, печатная пропаганда. Советская власть с первых своих шагов повела с церковью борьбу законодательными, административными действиями. Это был декрет об отделении церкви от государства, декрет о земле, национализировавший церковную землю, изъятие церковного имущества, закрытие религиозных общин. Уже в отчете губкома КП(б)У за 1924 г. указано, что из пяти католических общин Екатеринославской губернии четыре закрыты. Уцелел в то время лишь Ямбургский костел. Уже это само по себе говорит о многом. Авторитет католической общины, ее руководителя был настолько велик, что власти не решились ее закрыть[78].

Вопрос образования в немецких и меннонитских колониях был кровно связан с религией и церковью. В условиях новой власти эта связь была насильно разрушена, чем был нанесен непоправимый удар по национально-культурной идентичности населения. Вызывают крайнее недоумение формулировки документов официальных органов власти, заявлявших о том, что у национальных меньшинств России, в частности, немцев, до революции была «убогая национальная культура»[79], которая в результате антинемецкой политики царизма исчезла без «всяких следов». То, что происходило с немцами, их культурой, национальными традициями в 20–30-е годы, было определе-

[71] ГАДО. Ф. П-4. Оп. 1. Д. 151. Л. 84, 85.
[72] Там же. Ф. П-10. Оп. 1. Д. 165. Л. 67, 121.
[73] Там же. Д. 255. Л. 10.
[74] Там же. Ф. П-7. Оп. 1. Д. 518. Л. 3, 4.
[75] Там же. Ф. П-5. Оп. 1. Д. 373. Л. 65.
[76] Там же. Ф. П-10 Оп. 1. Д. 156. Л. 36.
[77] Там же. Ф. 7-1 Оп. 1. Д. 518. Л. 19; Ф. П-10. Оп. 1. Д. 165. Л. 67, 121 об.
[78] Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 158. Л. 113.
[79] Там же. Ф. П-19. Оп. 1. Д. 434. Л. 18 об.

но в документе как «*процесс переработки* старого человеческого материала»[80] (курсив наш. – *С. Б.*). Шла насильственная ломка, уничтожение национальной самобытности, хотя власти все происходящее квалифицировали как «рост культурного социалистического сознания»[81].

Что же касается церкви, то костел, возведенный в 1798 г. (по архивным документам в 1803 г.), неоднократно горел, перестраивался. Последнее здание было построено помощником екатеринославского архитектора Бродницкого – Гершесемом. Его торжественно открыли на рубеже XIX–XX веков. Он был построен на пожертвования жителей Ямбурга и его дочерних колоний. Настоятели костела Успения Пресвятой Девы Марии разделили горькую судьбу своих прихожан. Многие из них были арестованы, отбывали ссылки на Соловках, были расстреляны. Сам костел был закрыт в 1932 г.

Новая экономическая политика породила у жителей Ямбурга надежду на то, что самое тяжелое в политической, экономической их жизни осталось позади. Результаты изменения политики государства начали сказываться очень быстро. Уже на начало 1925 г. экономическое положение колонии улучшилось. Число лошадей увеличилось на 25 %, крупного рогатого скота на 35 %, свиней на 37 %, овец на 121 %. В то же время документы свидетельствуют, что часть колонистов, получив землю, не стала ее обрабатывать. Одни из них продали свои наделы вместе с инвентарем и постройками «кулацкому элементу», другие, сохранив за собой землю, ушли на заработки в Екатеринослав. Оживившаяся экономическая жизнь села касалась не только земледелия, животноводства, но и традиционных для Ямбурга занятий. В январе 1925 г. работало 12 кузниц, 7 бричечных мастерских. В 1926 г. была создана чулочно-бельевая артель, в которой работали 10 «вдов-беднячек»[82]. Развивалась потребительская кооперация. Только в 1924 г. она получала 2000 руб. чистой прибыли[83].

Индустриализация страны затронула и Ямбург. Строительство дамбы Днепрогэса привело к затоплению прибрежных территорий. Результатом стало уничтожение одной улицы села, шедшей вдоль берега Днепра. Часть жителей переехала в Красный Ямбург, часть (10 семей) перебралась в удаленную на 50 км деревню Кудашевку. Тем временем НЭП вызвал еще больший процесс социального расслоения. Речь шла не столько об увеличении числа бедноты и батраков в Ямбурге, сколько о росте числа крепких хозяйств (кулаков и середняков). Власть не могла допустить размывания социальной основы своего существования, поэтому в 1924–1928 гг. вопрос о кулачестве стал решаться через усиление налогообложения, лишения их, наряду со служителями культа, избирательных прав. Отношение к кулаку из экономической плоскости стало переходить в политическую.

Уже в отчете Карл-Марксовского райкома комсомола за октябрь–декабрь 1924 г. (Ямбург в то время относился к этому району) речь шла о пассивно-враждебном отношении кулачества при землеустроительных работах[84], необходимости исключения кулаков из рядов партии и комсомола, ареста ряда деятелей кооперативного движения[85], необходимости союза с середняком.

Созданная специальная комиссия во главе с В. Чубарем выявила многочисленные факты нарушения при землеустройстве немецких колоний. Так, в Ямбурге при наличии 870 едоков земли было 2258 дес. Норма же требовала хозяйственного использования 3000 дес.[86] Однако решение вопроса о выделении дополнительных площадей

[80] ГАДО. Ф. П-19. Оп. 1. Д. 434. Л. 18 об.
[81] Там же.
[82] Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1598. Л. 113.
[83] Там же. Ф. П-7. Оп. 1. Д. 791. Л. 3.
[84] Там же. Ф. П-10. Оп. 1. Д. 155. Л. 39 об.
[85] Там же. Л. 40.
[86] Там же. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 1928. Л. 17.

растянулось во времени. Ямбург, как известно, частично решил земельный вопрос путем основания нового поселения Красный Ямбург.

В первой половине 20-х годов были проведены первые шаги по коллективизации. Так, в Ямбурге уже в 1922 г. был создан колхоз «Победа». Его организовали 16 семей бедноты. Однако к 1926 г. в этом колхозе осталось лишь 5 семей. Остальные либо вышли сами, либо исключены как негодный «элемент»[87].

Все это усиливало эмиграционные настроения немцев и меннонитов, что вызвало обоснованную тревогу властей, ибо отъезд бедноты и середняков компрометировал эту власть в глазах мировой общественности и серьезно влиял на экономическое положение в стране.

Первый этап коллективизации проходил на фоне избирательных перипетий 1925–1926 гг. – выборов в местный совет. Немецкое население в подавляющем большинстве относились к происходящему либо индифферентно, либо с большим недоверием. Так, в Ямбурге на отчетно-выборное собрание из 415 избирателей явилось лишь 127 чел., из них две женщины. Вообще активность женской части избирателей села была гораздо ниже, чем в соседней Йосифовке. Там из 140 избирателей на собрании присутствовало 44 женщины[88].

Однако к 1927 г. ситуация в немецких колониях относительно нормализовалась. В Ямбурге некоторые жители брали кредиты на приобретение оборудования для своего кустарного производства, покупки сельскохозяйственной техники. Единоличные хозяйства производили продукцию не только для личного потребления, но и на продажу. Налоговое бремя возлагалось на жителей с учетом уровня доходности хозяйства, т. е. бедняцким семьям снижали размер единого сельхозналога, а зажиточные облагали большим размером. Пожалуй, этот год был пиком экономического развития Ямбурга. Следующие – 1928–1929 гг. стали периодом резкого увеличения хлебозаготовок, политики самообложения. Выполнить контрольные показатели было нереально.

В этот период государство перешло от мер экономического принуждения к «чрезвычайщине». Шла ускоренная коллективизация села с полным игнорированием принципа добровольности. Происходившее полностью отвечало сталинской установке, согласно которой «социалистический город может вести за собой мелкокрестьянскую деревню не иначе, как *насаждая* (курсив наш. – *С. Б.*) колхозы и совхозы»[89]. Темпы коллективизации и методы ее проведения были ужасающими[90]. Если в январе 1930 г. в Украине было коллективизировано 15,4 % хозяйств, то на 1 марта цифра была уже иная – 62,8 %.

Осенью 1929 г. и в Ямбурге началась вторая волна коллективизации. У зажиточной части жителей села безвозмездно изымалось все хозяйство, а самих их высылали в Сибирь. Среди сосланных были: Иозеф Колтайс с женой Марией и сыном Людвигом; Захарий Бланк с женой Элеонорой и двумя сыновьями: Адамом и Иоганном; Карл Наймайер с женой Марианой и четырьмя детьми; Барбара Штегер с пятью детьми; Иоганн Калтайе с женой Агнессой и тремя детьми, Иоганн Майер с женой Марией и пятью детьми и многие другие. В Ямбурге, помимо ранее созданного колхоза «Победа» (1922), были образованы еще два коллективных хозяйства: им. Ленина и им. Петровского[91].

На 13-й Днепропетровской окружной партийной конференции (май 1930 г.) руководитель артели им. Ленина Минкевич рапортовал собравшимся о том, что бедняки,

[87] ГАДО. Ф. П-7. Оп. 1. Д. 797. Л. 5.
[88] Там же. Л. 7.
[89] *Сталин И.В.* Сочинения. Т. 12. – М.: Госполитиздат, 1949. – С. 149.
[90] Коллективизация: истоки, сущность, последствия. Беседа за круглым столом // История СССР. – 1989. – № 3. – С. 51–55; *Осташева Н.В.* На переломе эпох… Меннонитское сообщество Украины в 1914–1931 гг. – М.: Готика, 1998. – 256 с.
[91] ГАДО. Ф. П-7. Оп. 1. Д. 1548.

Общий вид колонии Ямбург. Лето 1929 г. Фото супругов В.М. и Т.Н. Жирмунских. Из семейного архива А.В. Жирмунской и В.В. Аствацатуровой-Жирмунской

Ямбургские снимки входят в альбом, собранный самим В.М. Жирмунским

Деревенская улица (Dorfstrasse). Ямбург, 1929 г.

Фото супругов В.М. и Т.Н. Жирмунских. Из семейного архива А.В. Жирмунской и В.В. Аствацатуровой-Жирмунской

несмотря на чинимые им препятствия со стороны кулачества и буржуазии, организовались на 90 %[92]. Цифра действительно большая, чем и вызвала овацию присутствующих. Позже в 1931 г. в Ямбурге конфисковали хозяйства еще у семи семей. А их самих отправили на Урал. В 1932 г. за ними последовали 17 семей. А дальше были нереальные цифры хлебосдачи, голод. Уже осенью 1931 г. 97 членов артели им. Ленина не смогли выполнить плановых заданий хлебозаготовки[93]. В январе 1932 г. артель фактически сорвала план хлебосдачи. Тогда же ее «как опозорившую имя Ленина» переименовали, и она стала называться артелью «Бричка»[94]. Произошла смена руководства артели. Отстранили от работы комсомольского руководителя Я. Циммера, заведующего красным уголком Раппопорта.

Аналогичной была ситуация и в «Победе». Здесь не выполнили план сдачи хлеба 33 чел.[95] За этим последовало исключение из кандидатов в члены партии руководителя колхоза М. Донгаузера. Жители Ямбурга переживали «об утраченном индивидуальном хозяйстве»[96], многие из них уходили работать в город. Однако они все равно были обязаны, даже не являясь колхозниками, платить сельскохозяйственный налог (2–5 % от зарплаты). В то же время их семьи, оставшиеся в Ямбурге, не получали продуктовую помощь из колхозного фонда.

Да, собственно, нечего было уже получать. В Ямбурге начался голод[97]. Его жертвами стали 58 жителей. Ситуация усугублялась еще и тем, что многие, спасаясь от неминуемого изъятия скота, продали скот или зарезали его. Список жителей Ямбурга, предпринявших такие шаги, был составлен зимой 1931 г. заготовительной комиссией. Он достаточно велик и включает фамилии не только лиц, отнесенных властью к категории «кулаков», но и середняков. Всех их обвиняли в отказе участвовать в мясозаготовках, в отказе от выплаты новых налогов. Начались аресты, в ходе которых им припоминали службу в Белой армии, сдачу в аренду земли, ремесленное производство[98].

Забранное, изъятое «под метлу» зерно (был забран даже посевной материал) вызвало проблему весеннего сева 1933 г. Реакцией властей стало выселение «классово-чуждого и паразитирующего элемента» из областей. Бюро областного КП(б)У разослало директиву всем секретарям РПК, политотделам и начальникам райотделов ГПУ о порядке подготовки к выселению. Согласно ей, в 10-дневный строк необходимо было составить список индивидуальных хозяйств, злостно уклоняющихся «от выполнения заданий по весеннему севу»[99]. Такой список был составлен по всем районам. Он включал 17 тыс. семей и 5 тыс. одиноких[100]. К. Штумпп приводит данные о 44 лицах насильственно выселенных и сосланных. Я. Моор пишет о 59 лицах, высланных из Ямбурга в Сибирь с 1930 по 1939 г. В Катериновке, дочерней колонии Ямбурга, в эти годы на Урал было выселено 59 чел.[101] Оставшееся население, экономически обескровленное, постоянно находясь под «дамокловым мечом» арестов и ссылок, пошло в колхозы. Продуктивность работы в колхозе была гораздо ниже, чем это было в единоличных хозяйствах[102]. Тем не менее, несмотря на низкий уровень оплаты труда, колхозники могли выживать. Так, в 1930 г. на один трудодень они получали 0,5 кг зерна,

---

[92] ГАДО. Ф. П-7. Оп. 1. Д. 1548. Л. 105.
[93] Там же. Ф. 1760. Оп. 1. Д. 22. Л. 4.
[94] Там же. Д. 33. Л. 2.
[95] Там же. Д. 22. Л. 4.
[96] Там же. Д. 33. Л. 6.
[97] Подробнее см.: Колективізація і голод на Україні: 1929–1933. – Киев, 1992. – 651 с.
[98] ГАДО. Ф. 1760. Оп. 1. Д. 32. Л. 80, 85.
[99] Там же. Ф. П-19. Оп. 1. Д. 1865. Л. 27.
[100] Там же. Л. 33–35.
[101] *Mohr J.* Geschichten der bayerischen Kolonie Jamburg. – S. 37.
[102] Op. cit. – S. 38.

в 1932 г. уже 3 кг и 0,5 кг картофеля. 1933 г. принес неплохой урожай по сравнению с предыдущим (пшеницы собрали по 14 ц с гектара, годом ранее – 8 ц; ячменя – 10 ц, в 1932 г. – 6 ц)[103]. Практически весь урожай был властью забран, как и посевные материалы для следующего года. Результатом стало катастрофическое падение урожая. В 1934 г. пшеница дала 6 ц, ячмень 6 ц (вместо 10 ц в 1933 г.), овес 5 ц (вместо 10 ц), рожь 6,5 ц (вместо 12,5 ц). Не лучше обстояло дело и с оплатой трудодней[104]. Спасаясь от голода, часть населения Ямбурга уезжала в Днепропетровск, пополняя ряды рабочих промышленных предприятий.

Первые шаги по оказанию помощи голодающим были сделаны Германией. Активную работу проводил комитет «Братья в нужде», организация «Фаст и Бриллиант», Центральный комитет немцев Черноморья, Германский Красный крест. Нацистские лидеры умело использовали заговор молчания советских властей о голоде и, эксплуатируя тему национальной солидарности, завоевывали симпатии масс. По данным ГПУ, с апреля 1933 г. по апрель 1934 г. в Днепропетровскую область было направленно 203 тыс. руб. Продовольствие, закупленное на эти деньги, спасало жизнь многим. Тем не менее в Ямбурге 58 жителей умерло голодной смертью.

Между тем власти развернули кампанию по борьбе с «гитлеровской помощью», подрывающей авторитет социалистического государства. Последовали репрессии. Период 1934–1938 гг. для жителей Ямбурга стал «жатвой» смерти. Особенно страшными были 1937–1938 гг. Достаточно обратить внимание на список репрессированных жителей этого села, опубликованный Я. Мором: Иозеф Байтлер (1938), Алоис Блойхер (1941), Никодемиус Донгаузер (1937), Алоис Айгензекр (1937), Иоганн Айгензеер (1937), Якоб Пфейфер (1937), Грунтенталер (1937), Себастьян Грентенталер (1937), Иоганнес Иллензеер (1938), Франц Класс (1938) – всего 29 чел. К началу оккупации Ямбурга в августе 1941 г. 36,5 % немецких семей не имели отцов, но ведь были еще и репрессированные сыновья, братья. Даже беглый анализ списка репрессированных, а все они были расстреляны, свидетельствует о том, что НКВД проводило тщательную зачистку мужского населения Ямбурга.

Конец 30-х годов стал временем окончательного сворачивания сталинским руководством политики поддержки национальных меньшинств. 10 апреля 1938 г. Политбюро ЦК КП(б)У приняло постановление «О реорганизации национальных школ в Украине», согласно которому немецкие школы обвинялись в насаждении среди детей буржуазно-националистических и антисоветских настроений и в связи с этим преобразовывались в «советские школы обычного типа». Школа в Ямбурге была переведена на русский язык преподавания. Окончившая в Днепропетровске физкультурный техникум Галина Иллензеер (в зам. Чабан) преподавала в ней физкультуру. Закрытую кирху стали использовать как клуб, где работали музыкальные кружки, был духовой оркестр, насчитывающий более 20 инструментов. (В период оккупации их забрали румынские солдаты.) Там же демонстрировали фильмы – была своя киноаппаратура, работали спортивные секции, функционировала библиотека, ее книжный фонд насчитывал 1 тыс. книг.

Начавшаяся Вторая мировая война сказалась на психологической атмосфере немецкого населения Ямбурга. Причиной этого было улучшение советско-германских отношений того времени. Если с 1933 по 1939 г. советская пропаганда всеми доступными ей средствами громила и обличала германский фашизм и власти требовали прекращения каких-либо связей немецкого населения с немецкими «буржуазно-феодальными организациями», то в 1939 г. произошло резкое изменение внешнеполитического курса СССР и вместо обличения фашизма, Гитлера печать и радио стали

[103] *Mohr J.* Geschichten der bayerischen Kolonie Jamburg. – S. 38.
[104] Op. cit. – S. 39.

вещать о советско-германской дружбе, о чуть ли не боевом содружестве, результатом которого стало уничтожение Польши. В такой ситуации сознание людей расщеплялось, оно лишалось какой-либо опоры для понимания внешнеполитических кульбитов советского руководства. Поэтому события 22 июня 1941 г. стали полной неожиданностью для многих, в т.ч. и жителей этого немецкого села. Практически сразу же часть мужского населения была призвана военкоматом. О многих из них до сих пор нет никакой информации. Часть мужчин и юношей старше 16 лет вместе со скотом отправились на Восток. Оставшиеся мужчины были заняты ремонтом тракторов для их дальнейшей отправки. Известная опрятность немецких сел с их белеными домами на этот раз могли стать объектом бомбежек. Поэтому в спешном порядке дома перебелили в темный цвет, окна завесили. Близость города и аэропорта «Днепропетровск» была причиной сильных бомбардировок. Красная Армия укрепилась на восточном берегу Днепра, а село оказалось в эпицентре артиллерийских и бомбовых обстрелов. Спасаясь, жители перебрались в Красный Ямбург. В ходе военных действий в августе 1941 г. погибли: Христиан Донгаузер, сын Байтлера, Лоренц Байтлер и одна женщина, фамилии которой односельчане сегодня не могут вспомнить.

Летом 1941 г. в Ямбурге проживало 746 чел. (683 чел. немцев, 44 чел. украинцев. 10 чел. русских, одна семья евреев и 7 семей лиц разных национальностей). Появление ненемецкого населения в Ямбурге произошло в основном в годы землеустроительной кампании. Ситуация несколько изменилась уже в 1942 г. Численность немцев составила 651 чел., украинцев – 44, русских – 5, евреев – нет, других национальностей – 8 чел. Здесь имелось 5 смешанных семей. В этих семьях было 17 детей. Обращает на себя внимание диспропорция в половозрастном составе жителей Ямбурга: 186 женщин и 110 мужчин. Дети до 18-летнего возраста составляли самую большую часть населения – 338 чел. Это было зеркальным отражением политики репрессий советской власти в предвоенные годы.

В религиозном отношении население было в подавляющем большинстве католическим. Хотя судя по фамилиям здесь проживали и меннониты. К моменту оккупации лишь пять человек не были крещеными. Это было либо результатом деятельности «Союза безбожников», активно работавшего в 20-е годы, либо отсутствием возможности крещения после закрытия в 1932 г. костела.

С началом оккупации население Ямбурга не испытывало притеснений от солдат вермахта. Хотя отдельные изменения и произошли. Колхоз не был распущен, но был назначен новый председатель. Порядок в селе контролировали трое полицейских (один из них был Абрам Класс), прошедшие краткосрочный «курс обучения» в соседнем украинском селе Кайдаки. Они получили оружие и униформу. К концу лета 1942 г. немецкая армия выдвинулась дальше вперед, и село заняли румынские части. Их бесцеремонное поведение вынудило полицейских использовать свои права и урезонить румын.

В колонии продолжала работать школа. Ее посещали 38 детей (22 мальчика и 16 девочек). Резко изменился преподавательский контингент. Если до войны работало 7 учителей (3 мужчины и 4 женщины), в национальном отношении это был один немец и шестеро русских, то в период оккупации работал один учитель (немец). Преподавание велось на немецком языке. Ряд авторов пишут о неэффективности системы образования в немецких колониях в межвоенные годы. Признавая справедливость этих замечаний, следует заметить, что в Ямбурге командой Штумппа[105] не было обнаружено безграмотных детей, а среди взрослого населения лишь 5 % не умели читать и писать.

[105] Д-р Штумпп являлся руководителем Зондеркоманды Имперского министерства оккупированных восточных территорий. Подробнее о нем см.: *Айсфельд А.* Штумпп // Немцы России: Энцикл. – Т. 3: П–Я. – С. 797–798.

Школа Ямбурга удивила германскую администрацию своим оборудованием, ухоженностью. Там были карты, глобус, учебные пособия, счеты, микроскоп, киноаппаратура, бильярд, пианино.

В период оккупации в селе практически отсутствовало медицинское обслуживание, но ситуацию спасала близость Днепропетровска.

В середине сентября 1943 г. немцы Ямбурга, Красного Ямбурга, Днепропетровска и прилегающих сел получили указание – в течение одной недели подготовиться к переезду в Германию. Далеко не все жители были согласны с приказом. Часть из них, особенно смешанные семьи, стремились избежать эвакуации. Так, семья Чабан пряталась в оврагах. Избежали эвакуации семьи Наймайеров, Иллензееров. Выезд жителей происходил организованно. Обозом ямбуржцев (80 повозок, загруженных вещами, фуражом для лошадей, детьми и стариками) и жителей Рот-Ямбурга (20 повозок) руководил 18-летний Георг Блайхер. За порядок в обозе отвечал Абрам Класс. Выезжали через станцию Апостолово. Путь был долгим и мучительным. Лишь в конце февраля 1944 г. ямбуржцы достигли Германии. Больше они уже не вернулись в родное село.

Таков был финал истории этого поселения. Отступая от строго научного стиля, хочется сказать словами А. Некрасова: «И сердце, обливаясь кровью, чужою скорбью болит…»

Сегодня Ямбург, официально именуемый селом Днепровое, заселен в основном украинцами. Из бывших немецких жителей здесь проживают те немцы и их потомки, которые избежали эвакуации в 1943 г. Часть жителей, членов смешанных семей, перешли на фамилии своих отцов, матерей. Так, Галина Чабан, по мужу Хорошилова, как и ее сын, талантливый художник, мастер бисерного шитья, Александр, перешли на девичью фамилию своей матери, бабушки. Они теперь пишутся Иллензеерами. Тоже произошло с Наймаерами, Блахерами, Донгаузерами. Ныне они составляют немецкую общину села (28 чел.) и являются активными прихожанами костела в Днепропетровске. Много усилий предпринимается ими в деле восстановления (вернее, строительства на месте взорванной в середине 80-х годов) церкви в Ямбурге.

Образ исторического развития колонии Ямбург, реконструированный на базе значительного массива архивных материалов, позволяет сделать ряд обобщений.

Колония Ямбург, при переселении ее жителей в Новороссию, в течение первых десятилетий испытывала трудности бытового обустройства. Колонистская администрация предпринимала действенные шаги по улучшению ситуации в этой колонии, что позволило населению Ямбурга к началу второго десятилетия XIX в. адаптироваться к новым природно-климатическим условиям и встать на путь экономического развития. Переселение (его история была уникальной – вначале в Петербургскую губернию, а затем в Новороссию) привело к тому, что на момент основания Ямбурга на берегу Днепра ее жители были гораздо беднее, чем колонисты соседних поселений. Это отставание прослеживается на всем пути существования Ямбурга. Несмотря на то что в колонии не было особо крупных хозяйств, именно в Ямбурге наблюдалась значительная политическая дифференциация населения. Свидетельством этого было создание первых в этом регионе партийных и комсомольских ячеек. Население Ямбурга, несмотря на наличие рыночных связей с городом еще в XIX в., где приходилось использовать языки общения (русский и украинский), смогло сохранить язык своих предков – баварский диалект немецкого языка. В этом большую роль сыграли семья, церковь, существующий в колонии хор, бережно хранимые в колонистском сообществе культурные традиции. Межвоенная история Ямбурга, как и период оккупации, полностью укладываются в общероссийскую, общеукраинскую матрицу экономических и политических процессов тех лет. Массив архивных материалов по истории Ямбурга значителен и позволяет достаточно полно воссоздать историю этой немецкой колонии.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Айсфельд О.[В.].* Предисловие / Самуил Христианович Контениус об иностранной колонизации южной России: Сб. док. 1801–1829 гг. – Одесса: Астропринт, 2003. – 376 с.
2. *Айсфельд А.* Штумпп Карл // Немцы России: Энцикл. – Т. 3: П–Я. – М.: ЭРН, 2006. – С. 797–798.
3. *Бахмутская Е.В.* К вопросу об экономическом развитии немецких колоний С-Петербургской губернии (вторая пол. XVIII–XIX вв.) // Рос. немцы. Проблемы истории, языка и соврем. положения: Материалы междунар. науч. конф., Анапа, 24–25 сент. 1955 г. / Ред. И.Р. Плеве. – М.: Готика, 1996 – С. 158–172.
4. *Бобылева С.И., Кадол А.Н.* «Немецкий вопрос» в России времен Первой мировой войны глазами царских сановников // Вопр. герм. истории: Сб. науч. тр. / Отв. ред. С.И. Бобылева. – Днепропетровск: РИО ДНУ, 2006. – С. 66–80.
5. *Бобылева С.И.* Немцы Причерноморья и российское общество в годы Первой мировой войны // Причерноморск. регіон у контексті європейськ. політики = Region nadczarnomorski w polityce europejskiej [сб. ст.] / Ред. Т. Цисельский, Э. Чапевский, В. Кушнир. – Одесса: Изд-во Одес. нац. ун-та им. И.И. Мечникова, 2008. – С. 425–432.
6. *Бобылева С.И., Логинова Е.Е.* Из истории колонии Йозефсталь // Вопр. герм. истории: Сб. науч. ст. / Отв. ред. С.И. Бобылева. – Днепропетровск: Изд-во ДНУ, 2000. – С. 145–167.
7. *Вальт Р.Х.* Обломки всемирной истории: Российские немцы между Сталиным и Гитлером. – Эссен: Klartext, 1996. – 524 с.
8. Государственный архив Днепропетровской области (ГАДО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 158; Ф. 7. Оп. 1. Д. 453; Ф. 134, Оп. 1. Д. 19, 28, 31, 82, 212, 226, 328, 342, 428, 500, 504, 710, 734; Ф. 1760. Оп. 1. Д. 22, 32, 33; Ф. 594. Оп. 1. Д. 14; Ф. 741. Оп. 1. Д. 36; Ф. 7-1. Оп. 1. д. 518, 519; Ф. П-1. Оп. 1. Д. 525, 542, 1491, 1495, 1525, 1592, 1928, 1995; Ф. П-4. Оп. 1. Д. 151; Ф. П-5. Оп. 1. Д. 348, 373; Ф. П-7. Оп. 1. Д. 495, 518, 791, 797, 1548; Ф. П-10. Оп. 1. Д. 155, 156, 165, 255, 315; Ф. П-19. Оп. 1. Д. 434, 1865.
9. Государственный архив Одесской области. Ф. 147. Оп. 1. Д. 41.
10. Колективізація і голод на Україні: 1929–1933: Зб. матеріалів і документів / Ред. С.В. Кульчицкий. – Киев: Наукова думка, 1992. – 651 с.
11. Коллективизация: истоки, сущность, последствия. Беседа за круглым столом // История СССР. – 1989. – № 3. – С. 51–55.
12. Народные песни баварской колонии Ямбург на Днепре, запис. и опубл. проф. доктором Виктором Жирмунским. – М.: Готика, 1996. – 88 с.
13. Немцы России: населенные пункты и места поселений: Энцикл. словарь / Сост. В.Ф. Дизендорф. – М.: ЭРН, 2006. – 472 с.
14. Описание населенных мест Екатеринославской губернии на 1 января 1925 г. – Екатеринослав: Губисполком, 1926. – 635 с.
15. *Осташева Н.В.* Голод // Немцы Украины: Пилотн. сб. / Сост. С. Бобылева. – М., 2002. – С. 62–65. (Материалы к энцикл. «Немцы России». Вып. 7)
16. *Осташева Н.В.* На переломе эпох… Меннонитское сообщество Украины в 1914–1931 гг. – М.: Готика, 1998. – 256 с.
17. *Плесская Э.Г.* Немцы Причерноморья. – Одесса: Астропринт, 2008. – 136 с.
18. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1-е. – Т. 23. – № 17 147.
19. *Сталин И.В.* Соч. Т. 1–18. – М.; Тверь, 1946–2006. – Т. 12. – М.: Госполитиздат, 1949. – 397 с.
20. *Фуко М.* Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / Пер. с фр. В.П. Визгина, Н.С. Автономовой; вступ. ст. Н.С. Автономовой. – СПб.: A-cad, 1994. – 406 с., портр.
21. *Юзбашева Н.В.* Колония Ямбург: становление и развитие (1793 – первая четверть XIX в.) // Спадщина. До 85-річчя Державн. архіву Дніпропетровськ. області: Зб. наук. ст. – Днепропетровск, 2008. – С. 117–132.

22. *Branders D.* Von den Zaren adoptiert. Die deutschen Kolonisten und Balkansiedler in Neurußland und Bessarabien. 1751–1914. – München: R. Oldenburg Verlag, 1993. – 550 S.
23. *Mohr J.* Geschichten der bayerischen Kolonie Jamburg, derer Tochterkolonien und Verbannungsort Asbest. – Bad Laer, 2004. – 470 S.
24. *Schirmunski V.* Volkslieder aus der bayrischen Kolonie Jamburg am Dnjepr. – Wien: Verlag des Deutschen Volksgesang-Vereines, 1931. – 71 S.
25. *Schnurr J.* Die Kirchen und das religiöse Leben der Russlanddeutschen. Katholischer Teil. – Stuttgart, 1978. – 400 S.
26. *[Stumpp K.]* Über die Gründung und Entwicklung einiger Kolonien // Heimatbuch der Deutschen aus Russland. – [Stuttgart], 1958. – S. 63–68.

Jamburg: Geschichte der Entstehung und Entwicklung der Kolonie bei Ekaterinoslav

S. I. Bobyleva

Der Artikel ist der Entstehungsgeschichte der katholischen deutschen Gemeinde Jamburg gewidmet. Es werden die Probleme der Migration dieser Gemeinde aus dem Gouvernement Petersburg nach Neurussland, die Schwierigkeiten der Anfangsperiode der Ansiedlung und der Einfluss des Vormundschaftskontors von Neurussland auf ausländische Siedler im Laufe ihrer Anpassung und wirtschaftlichen Entwicklung in der ersten Hälfte des 19. Jahrhunderts behandelt. Ein besonderer Stellenwert kommt der Analyse der politischen, wirtschaftlichen, sozialen und kulturellen Prozesse in der Zwischenkriegszeit in der Gemeinde zu. Der Artikel basiert auf einer Vielzahl von Archivalien.

Schlüsselwörter: Migration, Erster Weltkrieg, Landesordnung, Kirche, Kollektivierung, Repressalien.

Yamburg: the history of the initial period and the development of the colony near Ekaterinoslav

S.I. Bobyleva

The article is concerned with the history of Catholic German colony Yamburg. The author turns the light on the problems of the migration of the Germans' community from the Province of St. Petersburg to the Novorossiya, the complexity of the initial period of development, the role of the Institute of guardianship for the foreign settlers in the Novorossiya in the process of their adaptation and economic development in the first half of the 19th century. The main attention is paid to the analysis of political, economic, social and cultural processes which were taking place in the colony during the interwar period. The article is based on a large cohort of archival documents.

Keywords: migration, the First World War, Land Management, church, collectivization, repressions.

УДК 940.31(Р474.1=3)

Н.И. Иванова

Первая мировая война и немецкие колонисты Санкт-Петербургской губернии

Первая мировая война дала возможность слабому государственному аппарату Российской империи направить недовольство масс против так называемых «внутренних врагов». Колонисты владели значительными земельными территориями, которые предполагалось у них изъять. Идея возникла задолго до начала войны, но именно война стала поводом к изъятию земель у немцев. «Ликвидационные законы» должны были поднять престиж власти, перераспределить сельскохозяйственные обработанные земли.

Ключевые слова: немецкие колонисты, Санкт-Петербургская губерния, Первая мировая война, землевладение и землепользование, «ликвидационные законы».

История немецких колонистов в период Первой мировой войны стала предметом исследований уже с начала 1990-х годов, когда на постсоветском пространстве нарастал интерес к немецкой проблематике. Хотя имеется множество публикаций о «немецком вопросе» в годы войны и о положении немцев, приживавших в это время на Украине, Северном Кавказе и в Сибири, тема до настоящего времени изучена недостаточно полно, в частности, это относится к петербургским колонистам[1]. Имеется ряд работ, посвященных ликвидационной политики царского правительства в целом[2]. Поэтому мы ограничиваемся выяснением особенностей положения в годы войны и применения «ликвидационных законов» к жителям немецких колоний под Петербургом. Основными источниками для настоящего исследования послужили материалы периодической печати военного времени и документы из Российского государственного исторического архива (РГИА).

Начавшаяся война оказала влияние на все стороны жизни населения страны, но на долю российских немцев и немцев, подданных Германии, выпали особые испытания, несмотря на их лояльность к царскому правительству. Это стало очевидным уже с первых дней войны. Указ о мобилизации от 17 июля 1914 г., широко распубликованный до объявления войны[3], касался всех подданных империи, и немцы не стали исключением. Жителей немецких поселений призывали на действительную службу нарав-

[1] См.: *Шрадер Т.А.* Результаты аграрной политики царского правительства в Петроградской губернии в годы Первой мировой войны // Миграц. процессы среди рос. немцев: истор. аспект. – М., 1998. – С. 196–204.

[2] *Поткина И.* Ликвидационное законодательство // Немцы России: Энцикл. – Т. 2: К–О. – М., 2004. – С. 335–337; *Соболев И.Г.* Борьба с «немецким засильем» в годы Первой мировой войны. – СПб., 2004; *Шубина А.Н.* Отношение власти и общества к проблеме так называемого немецкого засилья в России в годы Первой мировой войны: Автореф. дис. … канд. ист. наук. – М., 2012; *Ерохина О.В.* «Ликвидационное законодательство» Первой мировой войны // Вестн. Москов. гос. гуманитар. ун-та им. М.А. Шолохова. История и политология. – 2014. – Вып. 1. – С. 69–81 и др.

[3] Санкт-Петербургские губернские ведомости (далее – ПГВ). – 1914. – 17 июля.

© Н.И. ИВАНОВА. ЕЖЕГОДНИК МАИИКРН. 2015 Г. № 1. С. 117–128.

не с другими, они участвовали в военных действиях, поставляли в армию лошадей, повозки, упряжь. 28 июля 1914 г. был подписан указ о правилах военного положения, который напрямую касался иностранных подданных. В соответствии с ним прекращалось «действие всяких льгот и преимуществ, предоставленных в свое время договорами или началами взаимности» подданным неприятельских государств. 6 августа в газете появилось объявление губернатора Петербурга, в котором запрещалось «отдельным лицам пребывание в местностях, объявленных на военном положении», а также предлагалось «выселять отдельных лиц во внутренние губернии империи с извещением о том министра внутренних дел для учреждения над ними полицейского надзора на время не свыше продолжения военного времени»[4].

Война дала возможность слабому государственному аппарату Российской империи обернуть недовольство масс против так называемых «внутренних врагов» – немецких и австрийских подданных. Негативное отношение правительства было направлено и на немцев-колонистов, подданных России, владевших значительными земельными угодьями, которые можно было использовать после изъятия для раздачи возвращавшимся с фронтов русским солдатам. Эта идея возникла еще до начала Первой мировой войны, но именно война стала поводом к изъятию земель у немцев-колонистов.

Поражение в русско-японской войне привело к росту революционного движения в империи, усилению крестьянских выступлений. «Начиная с первого пятилетия XX века экономическое положение крестьян, которое все более и более ухудшалось в условиях земельной общины, вызвало ряд аграрных беспорядков и причинило много забот правительству», – писал А.П. Извольский[5]. Стихийные бунты русского крестьянства в 1905 г. вызывали страх и беспокойство правящего класса. К этому времени недовольство народа достигло своей кульминационной точки. «Требования крестьян заключались в следующем: они получили часть земли крупных собственников полвека тому назад, но остались бедняками, следовательно, им необходимо получить ту землю, которая оставалась еще в руках их прежних господ»[6].

Не желая решать земельную проблему, используя помещичью землю, правительство решило осуществить ее с помощью земель, имеющихся у немцев-колонистов. Проблема нарастала, а ее разрешение не предвиделось. «Правительство не принимало мер к удовлетворительному разрешению аграрного вопроса и направило все свои усилия на энергичное подавление движения (крестьянского. – *Н. И.*). <…> Никаких шагов не было сделано для того, чтобы представить Думе какой-нибудь аграрный законопроект»[7]. Думские депутаты не смогли выдвинуть каких-либо иных проектов, кроме «принудительной экспроприации земель у крупных собственников <…> принцип, который был категорически отвергнут правительственной декларацией»[8]. Разрешение аграрного вопроса не произошло в начале века, и вступление страны в новую войну стало парадоксальным выходом из проблемы. Но и предпринятые правительством действия не стали разрешением земельных проблем России.

Уже в начале войны антинемецкие настроения вылились в погромы. В Петербурге 23 июля 1914 г. были разгромлены германское посольство и ряд учреждений, принадлежащих немцам и австрийцам. После нападения на посольство поверенный в делах США, принявший на себя охрану германских подданных и германского имущества в России, направил ноту протеста министру иностранных дел С.Д. Сазонову[9].

[4] ПГВ. – 1914. – 6 авг.
[5] *Извольский А.П.* Воспоминания. – М., 1989. – С. 111.
[6] Там же. – С. 112.
[7] Там же. – С. 113.
[8] Там же. – С. 112.
[9] Петербургский курьер. – 1914. – 24 июля. Сазонов Сергей Дмитриевич (1861–1927), с 1909 г. товарищ министра иностранных дел, в 1910 г. – управляющий МИД, министр.

Вскоре началось интернирование немецкого гражданского населения. 2 августа 1914 г. «Петербургский курьер» сообщал, что полицейские задержали «в качестве военнопленных 120 германских и австрийских подданных в возрасте от 18 до 45 лет. Задержанные будут рассортированы на две партии – одна будет выслана из Санкт-Петербурга в отдаленные губернии, другой будет разрешено остаться в пределах Санкт-Петербургской губернии и заниматься своими делами. Военнопленные второй категории будут находиться под постоянным наблюдением полиции»[10]. Таким образом, проживавшие в стране подданные Германии и Австрии без судебного разбирательства приравнивались к военнопленным.

8 августа в уездной печати сообщалось о высылке немцев и австрийцев за пределы региона. В течение двух недель было выселено 500 чел., из них 100 чел. – из Царскосельского уезда. Указывалось, что «при задержании с немцами и австрийцами обращаются в высшей степени корректно, о женщинах заботятся»[11]. Через неделю та же газета «Царскосельское дело» сообщала: «Одной из разумных мер момента является конфискация у германских и австрийских подданных лошадей, повозок и экипажей. Мера эта в Царскосельском уезде уже приведена в исполнение. Отношение губернской администрации к подданным этих государств весьма строгое и всякие, даже малейшие поблажки укрывательства, преследуются отдачей виновных под суд»[12].

В городе и его окрестностях появились беженцы, и по распоряжению петроградского губернатора графа А.В. Адлерберга была проведена регистрация всех жителей Петроградского, Царскосельского и Петергофского уездов и всех вновь прибывших сюда. В губернии становилось все беспокойнее. Поэтому было приказано землевладельцам, крестьянским обществам, владельцам недвижимых имуществ «наряжать и содержать караулы для охранения в пределах их владений порядка и безопасности»[13].

26 августа состоялось переименование Санкт-Петербурга в Петроград[14]. С осени 1914 г. все активнее муссировался вопрос о «шпионской деятельности» немцев, особенно это касалось жителей приграничных областей.

Антинемецкие меры коснулись и сферы образования. Министр просвещения Л.А. Кассо предписал ректору университета не принимать в университет германских и австрийских подданных, одновременно он сделал запрос об их количестве среди студентов[15]. Проводившаяся правительством политика русификации немецких школ вызывала протесты колонистской общественности, и в ходе первой революции немцам удалось вернуть некоторые права в вопросе языка преподавания. Но с наступлением войны запрет на использование немецкого языка касался уже всех сфер: от разговоров в общественных местах, телефонных переговоров и телеграфных сообщений до табличек владельцев у входа в квартиры. 27 января 1915 г. попечителям всех учебных округов было разослано уведомление за подписью министра просвещения П.Н. Игнатьева о запрещении преподавания школьных предметов на немецком языке, кроме закона Божьего и «природного» языка. Многие немецкие школы в колониях в течение 1915 г. были закрыты[16].

Несмотря на нарастание антинемецких настроений сами немцы Петрограда включились в патриотическое движение по оказанию помощи фронту, раненным и семьям погибших. Так, например, был создан Комитет евангелических общин по организации лазарета для раненых воинов. Во главе комитета стояли генерал-адъютант А.А. Грин-

[10] Петербургский курьер. – 1914. – 2 авг.
[11] Царскосельское дело. – 1914. – 8 авг.
[12] Там же. –15 авг.
[13] ПГВ. –1914. – 1 авг.
[14] Петроградский курьер. – 1914. – 26 авг.
[15] Там же. – 19 авг.
[16] РГИА. Ф. 733. Оп. 173. Д. 31. Л. 315, 322, 324, 333. 334.

вальд и епископ К. Фрейфельд. Пожертвования начали собирать в конторах петроградских немецких газет и в бюро комитета, разместившемся на Конногвардейском бульваре, д. 4[17]. Житель Фридентальской колонии А.Ф. Мундингер объявил в конце августа 1914 г., что предоставляет один этаж своего дома в Царском Селе для помещения приюта на 15–20 чел. для детей убитых на войне солдат. Помещение состояло «из шести комнат с кухней и людской, квартира в первом этаже для этой цели специально отремонтирована: были переменены обои, выкрашен пол, выбелены потолки и т. п.». В статье указывалось на бюрократические препоны, задерживающие открытие приюта: «Домовладелец с ног сбился, все пороги обил, узнавая, когда же будет открытие приюта, и ему каждый раз отвечали, что все будет сделано на днях. Между прочим, ему обещали провести в приют электричество, и когда он заговорил о плате за проводку, то плата была любезно отклонена. <…> Передавали довольно забавный факт. Когда домовладелец стал перебирать пустые ящики, в которых была привезена посуда для приюта и которые разгружались под непосредственным наблюдением смотрителя, то почти во всех ящиках были найдены брошенные невыбранные вещи»[18].

Для нужд войны требовались все новые поставки. Так, например, 20 сентября появилось объявление о платной реквизиции в Петроградской губернии 232 верховых, 200 артиллерийских, 378 обозных лошадей. Жители Петергофского, Шлиссельбургского, Новоладожского, Лужского, Гдовского уездов, Стрельны, Шлиссельбурга, Новой Ладоги, Луги, Гдова должны были представить на сборный пункт по три лошади каждого вида. Правительственные меры, направленные на возможность получения продовольствия из губернии, обернулись насильственным изъятием «излишков» продовольствия, фуража и запрещение вывоза продуктов питания в другие местности[19].

Чтобы оградить себя от возможных «антинемецких» действий, некоторые иностранцы переходили в российское подданство, наблюдалась и перемена немецких фамилий на русские. К 9 октября 1914 г. в подданство России вступили 383 германских и австрийских подданных, в т.ч. 238 несовершеннолетних, после чего они подпадали под действие закона о воинской повинности[20]. Одновременно продолжалось выселение германских и австрийских подданных в возрасте от 17 до 60 лет за 100 верст от Петрограда. За неподчинение приказу предписывалось строгое наказание – бессрочная каторга. Только по приблизительным подсчетам количество выселяемых было свыше 5 тыс. чел. Все предупрежденные о выселении должны были давать подписку о «добровольном выселении» к 15 января 1915 г.[21]

Между тем властные структуры становились все слабее и в трудных условиях войны уже плохо справлялись с ситуацией в стране. Весь «дух борьбы» власти, «раздираемой различными влияниями и лишенной воли», выражался лишь в том, чтобы «ставить заслоны»[22].

С осени 1914 г. начались имущественные ограничения в отношении подданных воюющих с Россией стран. В 1915 г. действия правительства приобрели уже ликвидационный характер и распространились не только на иностранцев, но и на немцев, подданных России.

10 октября 1914 г. министр внутренних дел Н.А. Маклаков представил Совету министров доклад «О мерах к сокращению немецкого землевладения и землепользования». В нем был дан исторический обзор мер российского правительства по сокращению землевладений выходцев из германских государств. Он указывал, что эти меры

[17] Петроградский курьер. – 1914. – 25 авг.
[18] Царскосельское дело. – 1914. – 31 окт.
[19] Петроградский курьер. – 1915. – 15 марта.
[20] Там же. – 1914. – 9 окт.
[21] Там же. – 1915. – 1 янв.
[22] *Блок А.* Последние дни императорской власти. – М., 2012. – С. 6.

предпринимались, начиная с середины 1880-х годов. Параллельно издавались законы, которые призваны были уравнять права иностранных поселенцев с русскими крестьянами. Вслед за распространением на колонистов в 1874 г. всеобщей воинской повинности последовали дополнительные ограничения их прав.

В докладе Маклакова немецким поселенцам ставилось в вину «отсутствие стремления слиться с окружающим населением, сохранение своей особенности, отчуждение от русского народа»[23]. Российское подданство, с точки зрения докладчика, для колонистов является формальным, а сохранение национальных традиций и языка стало доказательством приверженности своим немецким предкам. Он добавлял, что это сохраняется и у их потомков, родившихся уже в России. Поддерживая усиливающиеся в стране настроения «шпиономании», министр подчеркивал, что, начиная с 1870 г., Германия использовала российских немцев для осуществления своих целей. Маклаков сообщал, что российский Генеральный штаб информировал о существовании в Берлине «Общества попечительства о немецких поселенцах, возвращающихся в Германию»[24]. По мнению министра, общество пыталось через бывших колонистов получать военную информацию[25].

Обсуждение нового закона в Совете министров началось в октябре 1914 г. и продолжалось почти три месяца, в итоге завершилось появлением 2 февраля 1915 г. «ликвидационных законов». В этот день Николай II утвердил три положения Совета министров, которые радикально изменили правовое положение проживавших в России подданных Германии, Австро-Венгрии и Турции, а также выходцев из этих стран, состоявших в российском подданстве, и их потомков. Это были законы «О землевладении и землепользовании в государстве Российском австрийских, венгерских, германских и турецких подданных», «О землевладении и землепользовании некоторых разрядов состоящих в русском подданстве австрийских, венгерских или германских выходцев», «О прекращении землевладения и землепользования австрийских, венгерских или германских выходцев в приграничных местностях». Второй и третий документ имели прямое отношение к немцам-колонистам (в законе они обозначены как «австрийские, венгерские и германские выходцы»). Согласно сведениям МВД, «выходцам» в России принадлежало свыше 2,5 млн дес. земли.

Законы запрещали приобретение прав собственности и вотчинных прав пользования и владения на земельные имущества, земли, полученные по наследству, добровольно продавались или изымались через публичные торги. Земли подлежали добровольному отчуждению на территории 24 губерний, в княжестве Финляндском, Области войска Донского, на Кавказе и в Приамурье. Запрет касался тех россиян, кто перешел в российское подданство после 1 января 1880 г. Исключение составляли славяне и православные, приехавшие из Германии, Австро-Венгрии и Турции, а также участники боевых действий, «проявившие свое участие или участие одного из своих восходящих или нисходящих по мужской линии в боевых действиях русской армии или русского флота против неприятеля в звании офицера или в качестве добровольцев или принадлежность свою, или кого-либо из означенных лиц к числу получивших награды за боевые отличия, или смерть одного из них на поле брани»[26]. Выполнение законов возложили на губернские и областные правления. Распоряжением министра финансов от 1 мая 1915 г. Крестьянскому поземельному банку предоставлялось право покупать на свои средства земли поданных и выходцев из враждебных государств.

[23] Цит. по: *Шрадер Т.А.* Результаты аграрной политики царского правительства. – С. 198.
[24] Речь идет об организации „Fürsorgeverein für deutsche Rückwanderer“, главной задачей которой была вербовка и организация возвращения в Германию немцев, проживавших в Восточной Европе. (*Прим. ред.*)
[25] Подробнее см.: *Шрадер Т.А.* Указ. соч. – С. 197.
[26] ПГВ. – 1915. – 3 февр.

Петроградская губерния попадала под действие законов во всех отношениях, в первую очередь, потому что была приграничной территорией, кроме того, в городе сильно было влияние германского капитала, а в окрестностях проживали немцы-колонисты.

22 ноября 1914 г. был определен табель законной оценки земель для исчисления пошлин в Петроградской губернии. В волостях: Александровской, Московской, Ново-Саратовской, Среднерогатской, Рыбацкой, Усть-Ижорской Петроградского уезда, в которых проживала основная часть немцев-колонистов, цена одной десятины составляла 300 руб., в Стародеревенской и Полюстровской – 200 руб., в Муринской, Парголовской, Сестрорецкой – 150 руб., в Лужской – 50 руб. В волостях Петергофского уезда Ораниенбаумской, Константиновской и северной части Ропшинской стоимость десятины земли определили в 100 руб., в Царскосельской и Колпинской – 140 руб., Ижорской – 75 руб. Через месяц оклады поземельного налога повысили на 100 %. Он составил по Петроградской губернии 10 ¼ коп. за одну десятину[27].

Весной 1915 г. губернские и уездные учреждения приступили к составлению «ликвидационных» списков немцев-владельцев, их земель и имущества. Учитывались территории, расположенные не в «материнских» колониях, а купленные колонистами позднее. Благодаря этим материалам нам известны не только места расселения колонистов в Петербургской губернии, но и площади земельных владений, наличие на них построек. Списки публиковались с апреля 1915 г. в течение года в официальной газете «Петроградские губернские ведомости». Появилось несколько списков, касавшихся иностранных подданных, а также немцев, подданных России (основной список в двух частях и три дополнительных).

В первом «Списке недвижимых имуществ в Петроградской губернии, принадлежащих австрийским, венгерским, германским выходцам, подлежащих действию закона 2 февраля 1915 г.», опубликованном 4 апреля[28], под 94 порядковыми номерами указаны 172 владельца и совладельца земельных участков[29]. Согласно списку, в Шлиссельбургском уезде были учтены земли и постройки на них в колониях Овцыно, Смольная (Ковалево) и Янино, а также в поселке Рябово, который не относился к немецким колониям, но немцы в нем проживали. Были отмечены 15 владельцев[30] из Смольной, имевшие 206 дес. 1478 кв. саж. земли[31], 7 – из Рябово (7 дес. 870 кв. саж.), 47 – из Овцыно (724 дес. 2199 кв. саж.), 23 – из Янино (428 дес. 1805,16 кв. саж.) Всего по первому списку учитывалось 1367 дес. 1552,16 кв. саж. земли.

В Смольной колонии самым крупным был участок Александра Федоровича Ловеренца (38 дес.). В Рябово самая большая площадь была у двух хозяев, каждый из них владел двумя участками. Это – Густав Карлович Келлер (2 дес. 1170 кв. саж.) и Яков Давидович Штейнмиллер (3 дес. 375 кв. саж.). В Овцыно это – Федор, Генрих и Христиан Христиановичи Финки (56 дес. 1100 кв. саж.) и Федор Богданович Бич (45 дес. 1390,5 кв. саж.). Самым крупным владением в первом списке было имение Иды Рейнгольдовны Шульц (100 дес.), проживавшей по Правому берегу Невы[32] близ деревни Пороги Колтушинской волости.

[27] ПГВ. – 1915. – 9 янв.

[28] Там же. – 4 апр. – С. 1–2.

[29] Несовпадение номеров с числом владельцев объясняется тем, что в одних случаях совладельцами указаны несколько человек из одной семьи, в других случаях одному владельцу принадлежало несколько участков. Например, под № 71 указаны жители колонии Янино Бауэры: Федор, Иван, Петр, Карл, Христиан Ивановичи; под № 72 – Аман Адам, Петр, Егор Егоровичи, при этом Бауэры и Аманы совместно владели участком в 72 дес.

[30] В число владельцев могли входить как один человек, так и несколько. При конкретном указании владельцев можно достоверно указать количество владельцев земельных участков. В отдельных случаях есть указание на наследников. В данном случае количество владельцев установить невозможно.

[31] При подсчетах использовалась «казенная» десятина, составлявшая 2400 квадратных саженей.

[32] Так называлась набережная Невы (*Прим. ред.*).

7 апреля 1915 г. появилось продолжение списка «выходцев». В общей сложности в двух частях основного списка под 238 номерами были зафиксированы данные о колонистах и других немцах, подданных России, приобретших земли во многих уездах губернии. Чаще это были сведения о жителях дочерних колоний, появившихся на арендованных или купленных землях. Например, по списку четко фиксируются жители так называемого хутора Берчей и Шеферов, проживавшие на Петергофской дороге.

В ходе составления списков некоторые сведения оказывались неполными, поэтому появились дополнительные списки недвижимых имуществ. Первый из них опубликован 1 июля 1915 г., затем последовали дополнения 17 декабря 1915 г. и 6 апреля 1916 г.

В ходе уточнения списков было выявлено, что многие поселяне Среднерогатской и Новосаратовской колоний приобрели земли близ колонии Гражданка, в селении Пороховые и Московско-Ямской слободе, участки полевой земли и пустоши за Лиговским каналом, пустопорожние участки на проспекте Петра Великого.

В первый дополнительный список вошла информация о 24 владельцах (20 порядковых номеров), в т.ч. о жителях колоний: Среднерогатской, Новосаратовской, Знаменской, Пискаревки, Гражданки. На некоторых из них имелись постройки. Было установлено, что в Московской волости Петроградского уезда выходцы из Среднерогатской колонии имели 65 дес. 373,75 кв. саж. земли; из колонии Гражданка – 7,5 дес. В зоне деятельности Петроградской пригородной полиции на Полюстровском участке Петроградского уезда выявлены участки жителей Новосаратовской колонии (188,25 кв. саж.), Гражданки (1757,7 кв. саж.), Пискаревки (1 дес. 1040 кв. саж.), Знаменской колонии (150 кв. саж.). Всего по первому дополнительному списку учитывалось более 73 дес. земли.

17 декабря 1915 г. печатается «Второй дополнительный список недвижимых имуществ в Петроградской губернии», принадлежащих «выходцам». В нем указано 123 номера, под которыми обозначены имена домохозяев, имеющих земли в колонии Гражданка (33), в поселке «Бичи» при Гражданке (2), на Лесном участке Петроградской пригородной полиции (16), Полюстровском участке (2), Александровском участке (колонисты Новоалександровской колонии – 34), в колонии Уткина Заводь (9), в Веселом Поселке (22). Участки в колонии Гражданка принадлежали жителям материнских колоний: Среднерогатской (14 владельцев), Новосаратовской (17), Колпинской (2). В их собственности находилось 135 дес. 294 кв. саж. земли.

В этом же списке отмечались владения колонистов на Лесном участке Петроградской пригородной полиции (14 номеров): на проспекте Петра Великого, вдоль Пискаревской дороги, дороги на Гражданку, «вблизи Лаборатории» (Лабораторный пр.), у Богословского кладбища. На этих территориях хозяевам из Среднерогатской и Новосаратовской колоний принадлежали 58 дес. 314,5 кв. саж. земли.

Заметно преобладание выходцев из Новосаратовской колонии на новых землях. Например, на Александровском пригородном участке обосновались девять хозяев из Новосаратовки, в колонии Уткина Заводь из девяти владельцев участков пятеро были новосаратовцами. Обращает на себя внимание тот факт, что в дочерней колонии Новоалександровской помимо пахотных земель братья Вализер (Фридрих, Яков, Леонтий и Севастья) приобрели торфяные болота общей площадью 40 дес. Возможно, планировалась их промышленная разработка в дальнейшем.

В третьем дополнительном списке были учтены хозяева (10 номеров), имеющие собственность в Петергофском, Царскосельском, Гдовском уездах и в пригороде Петрограда, в т.ч. колонисты из Стрельны (А.А. Менг, П.А. Шмидт, М.М. Бреннер, им принадлежали 1 дес. 573 кв. саж. земли), Кипени (Ф.К. Киблер, записан как Гиблер) и Новоалександровки (наследники братьев Керн, 20 дес.). Всего по третьему списку изъятию подлежали 21 дес. 923 саж. земли.

Всего в Петроградской губернии предполагалось к отчуждению колонистских земель более 2628 дес. земли, владельцами которой были более 310 домохозяев и их наследники. Точное количество последних подсчитать невозможно[33].

Изъятие владений колонистов дополнялось усиленным административным надзором за жителями «материнских» колониях. К этому времени в колониях Среднерогатской, Овцыно, Каменка размещались квартиры полицейских урядников, в каждой из Ижорских колоний (Нижней и Верхней) проживал помощник волостного старшины.

24 апреля 1915 г. названия некоторых немецких поселений и волостей изменили: «селение Буксгевдена» в Среднерогатской волости Петроградского уезда поменяли на поселок «Лиговка», Дудергофскую волость Царскосельского уезда – на «Дударьгорскую», колонию Франкфуртскую Ямбургского уезда – на поселок «Заречное», местечко Магербург – на «Низино»[34].

В мае 1915 г. Крестьянский поземельный банк получил право скупки колонистских земель. Предполагалось, что созданные при каждом филиале банка ликвидационные отделы, к лету 1916 г. должны изъять отчужденные по России у колонистов около 2 млн десятин земли. Отделы получали сведения о владельцах-колонистах, о площади их земли, времени ее приобретения и ориентировочной стоимости. Нужные сведения так и не собрали до конца, хотя списки владельцев опубликовали. Публикация в газете должна была являться предупреждением о том, что в соответствии с законом от 2 февраля 1915 г. устанавливается 10-ти месячный срок для добровольной продажи хозяйств, подлежащих изъятию. По окончании срока имущество должно было продаваться с публичных торгов. К осени 1915 г. основная часть работы по учету «немецких земель» была выполнена.

13 декабря 1915 г. издается новый закон, расширивший круг лиц, на которых распространялся ликвидационный закон от 2 февраля 1915 г. Он применялся к лицам, перешедшим в российское подданство до 1 января 1880 г. К 24 губерниям добавились Киевская, Новгородская, Псковская и Витебская. В новом законе говорилось: «1) В случае приобретения по наследованию прав на недвижимое имущество, составляющее предмет наследования (фамильного или фидеикомисса) лицами упомянутого узаконения (имеется в виду закон от 2 февраля 1915 г. – *Н. И.*) права этих лиц признаются недействительными <…> 2) С истечением одного года со дня обнародования настоящего постановления утрачивают силу узаконения обществам, товариществам и отдельным лицам права по заключенным ими договорам на рубку леса в недвижимых имениях <…>. Недвижимые имущества не могут впредь отдаваться в залог, ни обременены иными вотчинными правами, а также вытекающими из договоров найма, аренды или рубки леса. Кроме того, означенные имущества не могут быть оставлены по безуспешности публичных торгов за залогодержателями по закладным, совершенным после 1 ноября 1914 г. Немедленно по истечении срока, означенного в законе для добровольного отчуждения недвижимого имущества, подлежащее губернское правление распоряжается о наложении на означенное имущество запрещение и о производстве описи его и оценке»[35].

Для составления описи и оценки губернское правление назначало чиновника (или представителя полиции) и двух понятых. Владельца имущества за две недели до срока извещали публикацией в губернских ведомостях о необходимом присутствии при описи хозяйства. Его отсутствие при составлении описи не являлось основанием для не проведения работы чиновников и понятых. Оценка производилась по ценам 1910 г. После оценки земля оставалась в ведении хозяина. В том случае, если он выбирал поверенного для ведения своих дел, то хозяйство должно было находиться под управлением поверенного. Важным в новом законе являлся пункт о надзоре за ведением управления отчуждаемого хозяйства полицейскими чинами.

[33] В списках указаны наследники: Христофора Эргардта, Христианы Адамовны Бич, Ивана Балтазаровича Грауле, Якова Назаровича Ро, Федора Адамовича Биллера, Христиана Яковлевича Герлемана, Ивана Богдановича Зеттель, Карла Федоровича Штро, Якова Адамовича Штро, Петра Людвиговича Мейера, Петра Богдановича Рейха, Якова Богдановича Рейха, Кондратия Христиановича Фогельгезанга, Готфрида Готфридовича Фрицлера, Карла Адамовича Штро, Казимира Андреевича Эргардта, Якова и Петра Керн, но конкретное количество их неизвестно

[34] ПГВ. – 1915. – 8 июля.

[35] Там же. – 29 дек.

Объявления о дате торгов также публиковались в губернских ведомостях не позднее одного месяца со времени проведения описи. Предполагалось, что продажа могла осуществляться и ниже установленной суммы оценки имущества. При отсутствии покупателя мог состояться вторичный торг, но в случае несостоявшейся продажи на владение накладывался секвестр. Оно изымалось у владельца и переходило к Крестьянскому поземельному банку. Закон запрещал колонистам управлять или заведовать имуществами других людей. В случае неисполнения закона нарушители высылались из пределов губернии. Крестьянский банк по новому постановлению получил право приобретения недвижимого имущества немцев-колонистов сроком до 1 января 1921 г. включительно. То есть отчуждение земель и построек жителей колоний рассматривалось на долгосрочный период. Присутствующий как при оценке имущества, так и при торгах, представитель банка мог поручить надзор за имуществом своему представителю. Банку предоставлялись неограниченные возможности оплаты проданного имущества – плата могла производиться наличными суммами полностью, частями или облигациями займа. В законе указывалась допустимая площадь владения – 50 дес. Но мало кто из колонистов имел владения такой площадью[36].

Правительство рассчитывало на быстрое исполнение закона о ликвидации собственности немецких колонистов. На деле же происходило иначе. Для Крестьянского поземельного банка было затруднительно определить реальную стоимость земли в нынешних ценах. Пытаясь как можно скорее приобрести земли колонистов, разослали циркуляр о скупке, прежде всего небольших участков.

Изъятию земель придавался вид законного приобретения их государством. В колонию являлся полицейский пристав и оценщик банка, приглашалось несколько представителей колонии. Цены на приобретаемую собственность колониста были явно заниженными. После посещения чиновниками колонистам направляли письменное уведомление о дне заседания по оценочному производству и ликвидации собственности. Некоторые жители колоний отказывались подписывать акты передачи своей земли в казну. Часть собственников-немцев продавали свои владения, другие занимали выжидательную политику. В течение мая – июня 1916 г. в Петроградской губернии было продано 37 владений. Ввиду неопределенности будущего колонисты старались не полностью засевать землю или вообще не засевать ее. Таким образом, участок зарастал сорняками. Действия «ликвидационных» законов приводили к спекуляциям со скупкой земли и другим злоупотреблениям. Конечным результатом становилось запустение прежде плодородных территорий.

Министр земледелия А.Н. Наумов в письме в МВД указывал «на угрожающие уменьшения посевной площади, вызванные, в частности, ликвидацией немецкого землевладения в России». Земли не засевались, сельскохозяйственный инвентарь распродавался и, как следствие, останавливались предприятия обрабатывающей промышленности. Наумов констатировал, что вызванная продолжающейся войной острая нехватка рабочих рук и отчуждение ранее используемых колонистских земель ведет к необратимым последствиям[37].

[36] ПГВ. – 1915. – 29 дек.

[37] Там же. – 12 марта.

На заседаниях Государственной Думы постоянно и безуспешно обсуждались вопросы бедственного положения с продовольствием и отчуждения земель немецких колонистов. В своей речи на четвертой сессии Государственной думы 8 марта 1916 г. депутат А.Ф. Мейендорф, занимавший последовательную позицию по защите прав немцев-колонистов, пытался сгладить нападки отдельных депутатов (С.П. Мансырова, Я.Ю. Гольдмана). По поводу административных выселений немецких колонистов он говорил: «Во-первых, колонисты, куда бы они ни были высланы, [должны] пользоваться теми же пособиями, которые выдаются другим эвакуированным жителям, и, во-вторых, чтобы административная высылка лиц, которых ни в чем решительно не обвиняют, применялась, во всяком случае, не предпочтительно перед воспрещением жительства». К сожалению, слова Мейендорфа не были услышаны[38].

Антигерманские настроения, охватившие все слои общества, были возведены в ранг государственной политики. Для координации мер по осуществлению антинемецкой кампании 1 июня 1916 г. был создан специальный орган – Особый комитет по борьбе с «немецким засильем», в него вошли высшие чиновники министерств и видные сановники. Комитет разрешал сомнения, возникающие при применении на практике ограничительных законов, и рассматривал вопросы и предложения по борьбе с «немецким засильем» от глав ведомств и генерал-губернаторов. (Комитет был упразднен Временным правительством 14(27) июля 1917 г.)

Кампания по борьбе с «немецким засильем» коснулась и священников Петроградского консисториального округа, в т.ч. немецких подстоличных колоний. По распоряжению Главного начальника Петроградского военного округа некоторые священники были выселены в административном порядке. Так, выслали без объяснения причин пастора Новосаратовской колонии Вильяма Юккума[39], в Иркутскую губернию отправили пастора Фердинанда Бодунгена[40]. Евангелическое духовенство пыталось противостоять репрессивным мерам. Было направлено письмо в Департамент духовных дел иностранных исповеданий МВД. Евангелическо-лютеранская церковь рассчитывала на «доброжелательное отношение и необходимую поддержку» правительства. В течение войны «целые селения русских подданных евангелическо-лютеранского вероисповедания были высланы из мест постоянного жительства <…> в целых округах прекращается совершение треб – крещения, венчания, погребения, метрические записи не ведутся, дети остаются без духовного обучения и конфирмации, а взрослые без святых даров и проповеди и вообще без всякой религиозной поддержки». Но обыски и опросы продолжались, священники высылались «на неопределенное время»[41].

Дальнейшие запреты последовали и в области образования. 12 июля 1916 г. вышло постановление Совета министров о воспрещении преподавания на немецком языке во всех учебных заведениях империи, включая средние и высшие, в первую очередь, в Юрьевском университете. Продолжалось преследование за использование немецкого языка в общественных местах[42].

Жителей колоний не лишали избирательных прав, поэтому они принимали участие в выборах гласных и представителей в уездное земское избирательное собрание. В публиковавшихся списках желающие баллотироваться должны были указывать наличие недвижимого имущества, его стоимость и местонахождение. Так, например, участвовали в выборах: И.А. Аман, А.Ф. Бауэр, А.Ф. Берч, А.К. Бич, Б.И. Грауле, Н.М. Даувальтер

[38] ПГВ. – 1916. – 9 марта.
[39] РГИА. Ф. 828. Оп. 13. Д. 679. Л. 38.
[40] Там же. Л. 39.
[41] Там же. Л. 13, 14, 17, 18, 19.
[42] ПГВ. –1916. – 6 янв.

и многие другие. В списках указывались не только мужчины, но и женщины. Среди лиц не дворянского происхождения числились, например, жена поселянина Среднерогатской колонии Аман Вера Петровна, владевшая имуществом на сумму 24 868 руб., вдова Бок Елизавета Ивановна с имуществом на сумму 23 128 руб.[43] Вопрос был в том, могли ли колонисты реально воспользоваться правом в случае избрания.

Сенат получал многочисленные претензии немцев на несправедливые изъятия владений. Жалобы подавались теми владельцами, которые при конфискации земель теряли все. Разбором жалоб занимался Особый комитет, учитывающий: «полную благонадежность просителей, отсутствие на них неблагоприятных данных со стороны военных и гражданских властей; принадлежность наследников каждого из просителей к православному вероисповеданию; особо полезную общественную или служебную деятельность просителей». Инспекторы Особого комитета, выезжавшие на места, отмечали «высокую агрокультуру колонистов и бережное, рациональное использование ими своих владений»[44].

10 января 1917 г. ликвидационные законы 2 февраля и 13 декабря 1915 г. распространили на всю территорию России. К 1 января 1917 г. в списки владений немцев-колонистов России, подлежавших изъятию, входило свыше 44 тыс. владений общей площадью более 3,5 млн дес. земли. Но добровольно переданных или проданных с торгов хозяйств, было лишь 1343 участка с площадью 261 дес. Необходимо также отметить, что распространение готовящихся мероприятий по изъятию колонистских земель в прессе было в большей степени «сотрясанием воздуха». Так, в апрельском номере 1916 г. в большой статье «Немцы в России» указывалось, что «борьба с немецким засильем принимает постепенно решительную и реальную форму <…> земля будет ликвидирована у всех колонистов без изъятия: в Великом княжестве Финляндском, Петроградской губернии и т. д.»[45]. К этому времени в Киевской губернии и на территориях Войска Донского удалось изъять земли колонистов, при этом имущество 76 владельцев площадью 2660 дес. было выставлено на торги. Причем указывалось, что «добровольных отчуждений не наблюдалось»[46].

Основные законы об отчуждении собственности немецких колонистов изменялись и дополнялись, но в реальности они приносили мало пользы. В 1915 г. из общей численности территорий по России, приобретенных Крестьянским поземельным банком, лишь 36,3 % принадлежали «неприятельским выходцам». После Февральской революции 1917 г. операции банка декретом Временного правительства были приостановлены, а с октября он перестал существовать.

Слабость правительства в условиях нарастающего политического кризиса, стремительного удорожания продуктов первой необходимости и недовольства народных масс проявилась в его попытках сохранить свои позиции за счет так называемого «внутреннего врага». Начавшаяся Первая мировая война дала толчок планам переложить на плечи немецких колонистов острейшие нерешенные земельные проблемы государства. «Ликвидационные» законы преследовали цель поднятия престижа власти, перераспределения сельскохозяйственных обработанных земель. Но это не спасло продовольственного положения страны – голод захлестнул Россию. «Министерская чехарда», невозможность государственного аппарата в условиях войны разрешить насущные вопросы страны, поражение в войне привели к смене государственного строя России.

[43] ПГВ. –1916. – 12 янв.
[44] Там же. – 18 марта.
[45] Там же. – 6 апр.
[46] Там же. – 24 апр. В Киевской губернии конфисковали собственность 566 хозяйств (60,3 дес.), в Области войска Донского – 3041 хозяйства (6400 дес.).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Блок А.* Последние дни императорской власти. – М.: Прогресс-Плеяда, 2012. – 160 с.
2. *Ерохина О.В.* Крестьянский поземельный банк и ликвидация немецкого землевладения в области Войска Донского (1915–1916 гг.) // Нов. истор. вестн. – № 7. – М.: Изд. Ипполитова, 2011. – С. 38–47.
3. *Извольский А.П.* Воспоминания. – М.: Междунар. отношения, 1989. – 192 с.
4. Немцы России: Энциклопедия. В 3 т. – М.: ЭРН, 1999–2006.
5. Петербургский (Петроградский) курьер. – 1914–1915.
6. Российский государственный исторический архив. Ф. 733. Оп. 173. Д. 31; Ф. 828. Оп. 13. Д. 679.
7. Санкт-Петербургские (Петроградские) губернские ведомости. – 1914–1916.
8. Царскосельское дело. – 1914, 1916.
9. *Шрадер Т.А.* Результаты аграрной политики царского правительства в Петроградской губернии в годы Первой мировой войны // Миграц. процессы среди рос. немцев: истор. аспект: Материалы междунар. науч. конф., Анапа. 26–30 сент. 1997 г. / Ред. А.А. Герман, И.Р. Плеве. – М.: Готика, 1998. – С. 196–204.

Der Erste Weltkrieg und die deutschen Kolonisten im Gouvernement St. Petersburg

N. I. Ivanova

Der Erste Weltkrieg bot dem schwachen Staatsapparat des Russischen Reiches die Möglichkeit, die Unzufriedenheit der Massen auf die sogenannten „inneren Feinde“ zu lenken. Die Kolonisten besaßen beträchtliche Ländereien, und es war vorgesehen, ihnen diesen Grund und Boden zu nehmen. Die Idee, Ländereien zu konfiszieren, war lange vor Ausbruch des Krieges entstanden, aber gerade der Krieg wurde als Vorwand genutzt, den Grund und Boden der Deutschen zu beschlagnahmen. Die „Liquidationsgesetze“ sollten das Ansehen des Staates heben und den bestellten landwirtschaftlichen Boden umverteilen.

Schlüsselwörter: deutsche Kolonisten, Gouvernement St. Petersburg, Erster Weltkrieg, Grundbesitz und Bodennutzung, „Liquidationsgesetze“.

The First World War and the German colonists in the St. Petersburg Governorate

N.I. Ivanova

The First World War made it possible for the weakling state apparatus of the Russian Empire to direct the discontentment of the masses against the so-called “internal enemies”. The colonists owned considerable land areas, and it was supposed to expropriate the land. The idea of land expropriation appeared long before the First World War, but it was the War that became the reason for the seizure of land from the German colonists. “Liquidation laws” had to raise the prestige of the government and to redistribute the agricultural land.

Keywords: the German colonists, Saint Petersburg Governorate, the First World War, landowning and land tenure, “Liquidation laws”.

УДК 947.083+325.2(=3)

Е. Шваб

К вопросу о «реэмиграции» немцев из России в период Первой мировой войны и первые послевоенные годы

В настоящей статье предпринимается попытка осветить процесс «реэмиграции» российских немцев в Германию до 1914 г., а также во время Первой мировой войны и после нее. Обосновывается идея о том, что российские немцы были использованы в качестве инструмента демографической политики Германии.

Ключевые слова: российские немцы, миграция, Первая мировая война, Российская империя, Германская империя, Пангерманский союз, голод, Веймарская республика, гражданство, рынок труда, этнодисперсные группы, национальные меньшинства.

По данным переписи населения 1897 г., в России проживало 1,8 млн граждан, для которых немецкий язык был родным[1]. Однако в 1870-е годы и позже многие из них выехали в Южную и Северную Америку, поскольку начиная с 1860-х годов колонисты были постепенно, шаг за шагом, лишены своих привилегий. Кроме того, многие немцы покидали Российскую империю из-за обозначившейся тенденции к русификации, а также из-за недостатка земель. С начала 1880-х годов некоторые из них выезжали в Германию. До начала 1930-х годов в Германию прибыли примерно 200 тыс. российских немцев. Ниже речь пойдет о той их части, которую традиционно называют реэмигрантами. Германия как целевая страна для «реэмиграции» привлекала российских немцев, поскольку с 1880-х годов немецкие власти вели активную агитацию, особенно среди немцев, проживавших в странах Восточной Европы, призывая их к выезду[2].

Националистские круги пытались использовать это немецкое меньшинство для переселения в Германскую империю, в первую очередь в Познань и Западную Пруссию, что было связано с определенными выгодами для переселенцев. Намерение переселить немцев в Германскую империю было вполне осознанным, оно мотивировалось стремлением предотвратить приток в эти области так называемых «инородных» групп, например поляков, поскольку из самой Германии в Познань и Западную Пруссию переехало лишь небольшое число немцев[3]. В апреле 1886 г. был принят «эмигра-

[1] См.: *Brandes D.* Die Deutschen in Rußland und der Sowjetunion // Deutsche im Ausland – Fremde in Deutschland. Migration in Geschichte und Gegenwart / Hrsg. Bade K.J. – München, 1992. – S. 85–120; См. также: *Kappeler A.* Rußland als Vielvölkerreich. Entstehung, Geschichte, Zerfall. – München, 1992. – S. 234; *Kappeler A., Bauer H., Roth B.* Die Nationalitäten des Russischen Reichs in der Volkszählung von 1897. – Stuttgart, 1991. – S. 75–77; *Fleischhauer I.* Die Deutschen im Zarenreich. – Stuttgart, 1986. – S. 277–278.

[2] *Oltmer J.* Deutsche „Rückwanderer“ aus Rußland in Deutschland von den 1890er Jahren bis in die Zwischen-kriegszeit // Enzyklopädie Migration in Europa. Vom 17. Jahrhundert bis zur Gegenwart. 3. Aufl. – Paderborn 2010. – S. 505–506. См. также: *Oltmer J.* „Heimkehr“? „Volksdeutsche fremder Staatsangehörigkeit“ aus Ost-, Ostmittel- und Südosteuropa im deutschen Kaiserreich und in der Weimarer Republik // Europäische Geschichte Online (EGO) / Hrsg. Institut für Europäische Geschichte (IEG) Mainz. // URL: http://ieg-ego.eu/en/threads/europe-on-the-road/economic-migration/heimkehr-volksdeutsche-fremder-staatsangehoerigkeit

[3] *Oltmer J.* „Heimkehr“? – Abs. 6.

© Е. ШВАБ. ЕЖЕГОДНИК МАИИКРН. 2015 Г. № 1. С. 129–137.

ционный» закон, направленный против поляков, и «Королевская комиссия по колонизации провинций Познань и Западная Пруссия» (далее – Колонизационная комиссия) форсировала переезд немецких переселенцев из восточной части Европы. Примерно 26 тыс. российских немцев прибыли в Германию перед Первой мировой войной в период с 1909 по 1914 г. и работали прежде всего в сельском хозяйстве. Важнейшей организацией по привлечению и интеграции реэмигрантов было «Общество попечительства о немецких переселенцах» (Fürsorgeverein für deutsche Rückwanderer, далее – Общество попечительства). Оно было основано в 1909 г. по настоянию и при помощи правительства Пруссии. Его членами были 9 палат по сельскому хозяйству, 20 сельских округов, Союз в поддержку немцев восточных провинций (Ostmarkenverein) и акционерное общество «Гамбург-Америка-Лайн». В России общество имело 106 доверенных лиц. Оно оказывало поддержку российским немцам при переселении и получении рабочих мест. И все же численность немецких реэмигрантов значительно уступала численности польских трудовых мигрантов: в 1909 г. последняя составила 216 тыс., а в 1914 г. – 251 тыс. поляков, которые эмигрировали в Германскую империю из Галиции и входившей в состав России Центральной Польши[4].

За счет водворения переселенцев из числа российских немцев планировалось ограничить последствия массового переселения из деревни в города к востоку от Эльбы, заменить ими польских сезонных рабочих и возродить в этом регионе патриархальные отношения между землевладельцами и сельскохозяйственными рабочими, как это сообщалось в публицистике того времени[5]. К тому же правительственные круги рассчитывали, что переселенцы из числа российских немцев помогут во внутриполитической борьбе с социал-демократами, поскольку, по утверждению националистически настроенных публицистов, социал-демократы якобы подстрекали польских сезонных рабочих против землевладельцев[6].

Крайне националистически настроенный Пангерманский союз (Alldeutscher Verband) также поддерживал агитацию за переселение российских немцев, поскольку они, имея очень большие семьи, со временем вытеснили бы поляков, а их дети несли бы военную службу в Германии, а не в армиях других стран[7]. «Преимущества (российских немцев составляют. – *Е. Ш.*) – их неиспорченная немецкая сущность, крепкая вера, патриархальные семейные отношения, глубокая любовь к сельской жизни и многодетность», – писал в 1915 г. А. Борхардт, основатель «Общества попечительства о немецких переселенцах»[8]. Борхардт и его общество одновременно являлись издателями журнала «Возвращение домой» („Heimkehr“). Журнал выходил два раза в месяц с марта 1916 г. по декабрь 1923 г. Общество попечительства или, точнее, издаваемый им журнал демонстрировали сочувствие к положению реэмигрантов и смогли убедить почти 26 тыс. чел. из общего числа желающих выехать из Российской империи выбрать именно Германию в качестве цели своей миграции[9].

[4] См.: *Oltmer J.* „Heimkehr“? – Abs. 3–5; *Neutatz D.* Die Wolgadeutschen in der reichsdeutschen Publizistik und Politik bis zum Ende des Ersten Weltkriegs // Zwischen Reform und Revolution. Die Deutschen an der Wolga 1860–1917 / Hrsg. von D. Dahlmann, R. Tuchtenhagen. – Essen, 1994. – S. 125–127.

[5] См.: *Oltmer J.* „Heimkehr“? – Abs. 6.

[6] Op. cit. См. также: Deutsche Rückwanderer aus Rußland: Ein Leitfaden für ländliche Arbeitgeber / Hrsg. von Fürsorgeverein für deutsche Rückwanderer. – Berlin, 1908. – S. 25.

[7] См.: *Oltmer J.* „Heimkehr“? – Abs. 7.

[8] *Borchardt A.* Deutschrussische Rückwanderung // Preußische Jahrbücher. Bd. 162. H. 1. – 1915. – S. 142; *Schulz R.* Der deutsche Bauer im Baltikum. Ein Beitrag zur Entstehungsgeschichte eines deutschen Bauernstandes im Baltikum. – Berlin, 1938. – S. 35–36. Шульц говорит о семьях с числом до 12 детей; кроме того, важными для поселения качествами колонистов также считались протестантская вера, «твердая многовековая приверженность к немецкой самобытности» и «стремление к землевладению».

[9] *Neutatz D.* Die „deutsche Frage“ im Schwarzmeergebiet und in Wolhynien. Politik, Wirtschaft, Mentalitäten und Alltag im Spannungsfeld von Nationalismus und Modernisierung (1856–1914). – Stuttgart, 1993. – S. 231.

Вербовка немецких поселенцев была делом решенным, однако при ее проведении требовалась особая осторожность, поскольку в Российской империи было запрещено уговаривать ее подданных эмигрировать. Наряду с журналом «Возвращение домой» распространялись листовки, Пангерманский союз занимался сбором адресов, в Россию засылались информаторы, которые на местах агитировали за эмиграцию. При этом агитаторы должны были избегать демонстрации любой связи с Колонизационной комиссией. По словам современника, нужно было разбудить «тоску по старой немецкой родине»[10], где реэмигранты могли бы жить «как немцы среди немцев».[11]

На словах Общество попечительства выступало за прием мигрантов из гуманитарных соображений, поскольку условия в Германии были якобы значительно лучше, чем в России, но истинной причиной была потребность в рабочей силе, особый дефицит которой проявился во время Первой мировой войны. По словам другого современника, требовалась новая рабочая сила, призванная компенсировать людские потери в годы войны, но хотелось иметь не «инородную рабочую силу», а переселенцев, которые должны были поселиться в новых завоеванных областях и на которых можно было бы положиться[12].

Во время Первой мировой войны и отчасти после нее активно обсуждалось, какие возможности Германской империи дает «реэмиграция», прежде всего в случае победы. С этим были непосредственно связаны цели войны и демографическая политика в тех областях, которые должны были быть аннексированы. Уже в 1914 г. рассматривался вариант: поселить немцев на востоке в так называемой «приграничной полосе». Исходя из военных, экономических и этнонациональных соображений, планировалось аннексировать части территории России на границе с Пруссией: от Восточной Пруссии до Силезии. Власти намеревались заселить эту «буферную зону» немецкими реэмигрантами, что стало бы продолжением довоенной миграционной политики в отношении Восточной Пруссии, и образовать так называемый «надежный немецкий пограничный вал». Политика «германизации» этого приграничного региона должна была проводиться на практике при помощи российских немцев, что обсуждалось в середине 1915 г.[13] В начале 1917 г. ответственные за это власти – прусские и имперские департаменты, высшее командование и Главнокомандование Восточным фронтом (Oberkommando Ost) – приняли решение, согласно которому русские жители этого региона после аннексии ни в коем случае не должны были получить германское гражданство; их следовало лишить собственности и изгнать, в то время как потерпевшее поражение Российское государство должно было возместить им понесенный ущерб[14]. Затем в мае 1918 г. была создана еще одна организация – «Имперская служба реэмиграции немцев» (Reichsstelle für deutsche Rückwanderung), которая

[10] Цит. по: *Oltmer J.* „Heimkehr“? – Abs. 8. (Отношение обер-президента в Познани к императору Вильгельму II в Берлин от 12.07.1903)

[11] *Oltmer J.* 1) Migration und Politik in der Weimarer Republik. – Göttingen, 2005. – S. 150; 2) Einführung: Steuerung und Verwaltung in Deutschland seit dem späten 19. Jahrhundert // Migration steuern und verwalten. Deutschland vom späten 19. Jahrhundert bis zur Gegenwart / Hrsg. von J. Oltmer. – Göttingen, 2003. – S. 48.

[12] *Oltmer J.* „Heimkehr“? – Abs. 9. См. также: Oltmer J. Migration und Politik. – S. 164–165.

[13] См.: *Geiss I.* Der polnische Grenzstreifen 1914–1918. Ein Beitrag zur deutschen Kriegszielpolitik im Ersten Weltkrieg. – Hamburg; Lübeck, 1960. – S. 53. *Oltmer J.* Migration und Politik. – S. 164–165. *Mommsen W.J.* Der „polnische Grenzstreifen“. Anfänge der „völkischen Flurbereinigung“ und der Umsiedlungspolitik // Der Erste Weltkrieg. Anfang vom Ende des bürgerlichen Zeitalters. – Frankfurt am Main, 2004. – S. 120–132.

[14] Цит. по: *Oltmer J.* „Heimkehr“? – Abs. 11 (Протокол обсуждения вопроса о «Реэмиграции немецких соплеменников из России и других стран и включении этих условий в мирные договоры» во внешнеполитической службе в Берлине, 31.03.1917). См. также: *Basler W.* Deutschlands Annexionspolitik in Polen und im Baltikum 1914–1918. – Berlin, 1962. – S. 244–245.

также должна была агитировать за переселение среди российских немцев и организовывать для мигрантов сборные лагеря, работу и места поселения[15].

Кроме этого приграничного региона планировалось поселить российских немцев в Прибалтике, где они должны были «усилить» тамошнее немецкое меньшинство. Но этот план оказался невыполнимым, поскольку царил продовольственный дефицит, а также не хватало свободных земель для всех вновь прибывших[16].

Таким образом, в планах Германии на первом месте стояла не помощь российским немцам во время войны и революции в России, а геополитические интересы и привлечение немецкой рабочей силы. Вызванный войной дефицит рабочей силы власти намеревались компенсировать за счет целенаправленной миграции, что, собственно, и было главной задачей «Имперской службы», которая организовывала выезд в Германию, а позднее переезд за океан[17].

Военное поражение в 1918 г. сорвало планы по аннексии и переселению. В результате в послевоенное время изменились как положение российских немцев-реэмигрантов, так и в особенности политика по отношению к ним. Весной 1919 г. «Имперская служба реэмиграции немцев» писала, что «дальнейшее пребывание колонистов <…> как и раньше в качестве граждан Украины или России, учитывая современные политические условия, с точки зрения пользы для немецкой политики» не имеет альтернативы. Кроме того, теперь считалось, что немецкие колонисты в Центрально-Восточной и Восточной Европе якобы обеспечат «сохранение там немецкой национальности», а у Германии нет возможности организовать «реэмиграцию»[18]. Теперь российские немцы, которых до и во время войны «Имперская служба реэмиграции немцев» и другие организации уговорили эмигрировать и которые уже находились в Германии, стали нежелательными для того же самого учреждения, переименованного в мае 1919 г. в «Имперскую службу миграции» (Reichswanderungsamt). Сообщалось, что «острая заинтересованность <…> состоит в том, чтобы, насколько только возможно, способствовать возвращению беженцев за границу». Уже с конца войны в 1918 г. российские немцы должны были вновь вернуться в места своего происхождения, поскольку в Германии царил дефицит работы и жилья и, по мнению «Имперской службы миграции», многие реэмигранты «совершенно не имели средств» и отчасти находились «на постоянном попечении» государства[19].

Теперь честолюбивая политика правительства в области народонаселения отошла на задний план, уступив место более насущным проблемам, и пресса или администрация лишь изредка интересовалась, какую позицию следует занимать или какую политику регулирования вести в отношении реэмигрантов. Политика Веймарской республики по отношению к немецким меньшинствам была однозначной: переселение в Германию необходимо пресекать, люди должны оставаться в своих колониях в Восточной, Центрально-Восточной и Южной Европе даже в тех случаях, когда они находились в тяжелом положении. За счет немецких меньшинств за границей правительство Германии хотело сохранить для себя возможность косвенно влиять на внутреннюю

[15] См.: *Oltmer J.* „Heimkehr“? – Abs. 12–13.

[16] *Basler W.* Deutschlands Annexionspolitik. – S. 244; Neutatz D. Die „deutsche Frage“ – S. 233–236. Подробнее см. также: *Arndt N.* Umsiedlung wolhyniendeutscher Kolonisten ins Baltikum 1907–1913 // Wolhynische Hefte. – 1988. – H. 5. – S. 91–241.

[17] См.: *Oltmer J.* „Heimkehr“? – Abs. 13; *Oltmer J.* Einführung: Steuerung und Verwaltung in Deutschland. – S. 46; *Bade K.J.* „Amt der verlorenen Worte“: Das Reichswanderungsamt 1918–1924 // Zeitschrift für Kulturaustausch. 39. Jg. – 1989. – H. 3. – S. 313–114.

[18] *Oltmer J.* „Heimkehr“? – Abs. 15 (Отношение Имперской службы миграции при Министерстве внутренних дел в Берлине от 08.03.1919); *Oltmer J.* Einführung: Steuerung und Verwaltung in Deutschland. – S. 13.

[19] Op. cit. (Reichsamt für deutsche Einwanderung, Rückwanderung und Auswanderung in Berlin an Auswärtiges Amt in Berlin, 18.01.1921).

политику этих государств, они являлись «внешнеполитическим средством давления»[20], которое можно было также использовать через Лигу Наций. Кроме того, в публичной дискуссии в Веймарской республике немецкие меньшинства стали начиная с Версальского договора олицетворением «несправедливой Версальской системы»[21]. Эти немцы были полезными для правительства лишь до тех пор, пока оставались в своих родных регионах на востоке Европы, поэтому им предоставлялась различная помощь, в т. ч. финансовые дотации[22].

Веймарская республика проявила свою неумолимость в этом вопросе даже тогда, когда Гражданская война, голод 1921–1922 гг., коллективизация сельского хозяйства и индустриализация Советского Союза унесли миллионы жертв, а существование российских немцев вновь оказалось под угрозой. Как сообщал один чиновник в 1921 г., въезд в Германию беженцам из числа российских немцев не разрешался. И все же, возможно, от 2 до 3 тыс. чел. смогли в это время найти убежище в Германии; кроме того, голод заставил многие тысячи немцев направиться в Сибирь и другие регионы России[23]. По информации Министерства иностранных дел Германии, во время голода в немецкие колонии направлялись посылки с помощью; при этом сами колонии следовало сохранить, поскольку Германия была не в состоянии предоставить беженцам достаточное количество продовольствия и жилья, а саму ее нельзя было подвергать риску массового притока людей из-за границы. Таким образом, помощь голодающим представляла собой так называемую «превентивную меру в борьбе с эпидемиями и нежелательной эмиграцией». В то же время она была полезна для собственной экономики Германии. «Мы можем обеспечить себе Юг России в качестве области сбыта для нашей сельскохозяйственной промышленности, а также на будущее как источник богатой, пригодной для экспорта продукции недр, если мы немедленно добьемся облегчения его бедственного положения, обеспечив населению возможность поправить свое состояние, остаться на месте и обрабатывать землю», – считал министр иностранных дел Вальтер Ратенау[24].

После голода 1921–1922 гг. миграция внутри Советского Союза и за его пределы контролировалась настолько сильно, что российские немцы практически уже не могли покидать страну[25]. Такое ограничение вполне устраивало правительство Германии, в т. ч. из-за надвигавшегося мирового экономического кризиса. Это проявилось в том, что МИД Германии лишь после продолжительных переговоров в конце 1929 г. принял решение разрешить въезд немецким крестьянам, пострадавшим от принудительной

[20] См.: *Brubaker R.* 1) Nationalism Reframed. Nationhood and the national question in the New Europe. – Cambridge University Press / Melbourne, 1996. – P. 111–134; 2) Zufällige Diasporas und externe ‚Heimatländer‘ in Mittel- und Osteuropa // Staatsbürgerschaft in Europa. Historische Erfahrungen und aktuelle Debatten / Hrsg. von Ch. Conrad, J. Kocka. – Hamburg, 2001. – S. 115–143.

[21] См.: *Krekeler N.* Revisionsanspruch und geheime Ostpolitik der Weimarer Republik. Die Subventionierung der deutschen Minderheit in Polen. – Stuttgart, 1973. – S. 48–64; *Krekeler N.* Die deutsche Minderheit in Polen und die Revisionspolitik des Deutschen Reiches 1919–1933 // Die Vertreibung der Deutschen aus dem Osten. Ursachen, Ereignisse, Folgen / Hrsg. W. Benz. – Frankfurt am Main, 1995. – S. 18–31; *Alexander M.* Die Politik der Weimarer Republik gegenüber den deutschen Minderheiten in Ostmitteleuropa, 1918–1926 // Annali dell‘Istituto Storico Italo-Germanico in Trento. – Vol. 4 – 1978. – S. 342–344.

[22] См.: *Krekeler N.* Revisionsanspruch und geheime Ostpolitik. – S. 48–64; *Krekeler N.* Die deutsche Minderheit in Polen. – S. 18–31; *Alexander M.* Die Politik der Weimarer Republik – S. 341–367; *Grundmann K.-H.* Deutschtumspolitik zur Zeit der Weimarer Republik. Eine Studie am Beispiel der deutsch-baltischen Minderheit in Estland und Lettland. – S. 41–60.

[23] *Oltmer J.* 1) „Heimkehr“? – Abs. 17; 2) Migration und Politik. – S. 188–191.

[24] Цит. по: *Mick Ch.* Sowjetische Propaganda, Fünfjahrplan und deutsche Rußlandpolitik 1928–1932. Probleme der deutsch-sowjetischen Beziehungen in den letzten Jahren der Weimarer Republik. – Stuttgart, 1995. – S. 350–351.

[25] *Felshtinsky Y.* The Legal Foundations of the Immigration and Emigration Policy of the USSR, 1917–27 // Soviet Studies. – Vol. 34, № 3. – 1982. – P. 336–343.

коллективизации. От 13 до 14 тыс. немцев прибыли тогда в Москву и надеялись на помощь посольства Германии[26].

В конечном итоге около 5700 российских немцев получили разрешение приехать в Германию после того, как объединения российских немцев согласились оплатить расходы своих подопечных на проезд и проживание. Эти объединения, по мнению правительства, должны были также позаботиться о том, чтобы мигранты вскоре снова выехали из Германии и направились в Америку. В конце 1929 г. людей сначала размещали в лагерях, откуда они затем в 1930–1931 гг. направлялись далее в Канаду и Южную Америку. В феврале 1930 г. приток российских немцев полностью прекратился, поскольку из-за продолжающейся коллективизации существовала опасность их массового выезда в Германию, чего не позволяли последствия мирового экономического кризиса; также считалось, что нельзя допустить, чтобы эмиграция немцев вызвала дальнейшее ухудшение отношений с СССР[27].

В период с 1890-х и до начала 1930-х годов в Германию прибыло около 200 тыс. российских немцев, однако существует предположение, что более 100 тыс. из них в 1920-е годы вернулись в Восточную Европу или выехали в Америку[28]. Почти все сельскохозяйственные рабочие из числа российских немцев, прибывшие до войны, снова покинули страну, равно как и многие из приглашенных реэмигрантов, иммигрировавших во время Первой мировой войны или из-за голода. Причину нового выезда объединения по защите интересов российских немцев видели в том, что германское общество не хотело принять и интегрировать реэмигрантов. Правительство Германии не позаботилось о том, чтобы предоставить колонистам из числа российских немцев землю, из-за чего те не могли работать по специальности, поскольку были преимущественно крестьянами. Вместо того чтобы, как немцы, получить ожидаемую поддержку со стороны государства и общества, они чувствовали, что к ним относятся как к конкурентам. Из-за этого многим из них было нетрудно решиться на то, чтобы попытать счастья в Северной или Южной Америке, или даже на возвращение в знакомое окружение в России[29].

По сообщениям публицистов в 1923 г., условия жизни реэмигрантов в Германии были нелегкими. Союзы сельскохозяйственных рабочих Восточной Пруссии воспринимали выходцев с Волыни как конкурентов и потому добились от германских ведомств многочисленных мер, чтобы осложнить жизнь волынским немцам: исключение из союзов сельскохозяйственных рабочих, отмена льгот, принудительное приобретение дорогостоящих удостоверений личности и т. д. По словам одного из современников, это означало, что «немецкие выходцы с Волыни теперь не кто иные, как иностранцы, которых используют как дешевую рабочую силу. <…> В данном случае этим людям, которых, как мы снова и снова вынуждены подчеркивать, зазвало в страну германское правительство, угрожает высылка из страны как нежелательным иностранцам [sic]!»[30]. Далее сообщалось, что немцев – выходцев с Волыни следовало бы выселить, и многие из них

[26] См.: *Oltmer J.* „Heimkehr"? – Abs. 20–21.

[27] См.: *Mick Ch.* Sowjetische Propaganda. – S. 40–48; *Fleischhauer I., Pinkus B.* Die Deutschen in der Sowjetunion. Geschichte einer nationalen Minderheit im 20. Jahrhundert. – Baden-Baden, 1987. – S. 179–186; *Oltmer J.* Migration und Politik. – S. 199–212; *Dönninghaus V.* Minderheiten in Bedrängnis: sowjetische Politik gegenüber Deutschen, Polen und anderen Diaspora-Nationalitäten 1917–1938. – München, 2009.

[28] *Oltmer J.* „Heimkehr"? – Abs. 22. Существуют различные точки зрения относительно числа российских немцев, оставшихся в Германии. Одни считают, что осталось лишь несколько сотен (*Oltmer J.* Einführung: Steuerung und Verwaltung in Deutschland. – S. 50). Другие называют такие цифры оставшихся немцев: 5 тыс. из Прибалтики, 10 тыс. из части Польши, относящейся к России, 35 тыс. волынских немцев, 2 тыс. из Причерноморья и Поволжья, 5 тыс. петербургских и московских немцев и 400 – с Кавказа (*Fleischhauer I., Pinkus B.* Die Deutschen in der Sowjetunion. – S. 156).

[29] *Oltmer J.* „Heimkehr"? – Abs. 22.

[30] Die Lage der deutschen Flüchtlinge aus Wolhynien in Ostpreußen // Wolgadeutsche Monatshefte: Monatsschrift für Kultur und Wirtschaft der Wolgadeutschen. – Bd. 2, H. 7–8. – 1923. – S. 103.

хотели бы вновь вернуться на Волынь, что, однако, якобы было невозможно, поскольку их прежнее имущество перешло к другим и они были не в состоянии оплатить дорогу[31].

В Веймарской республике государство не облегчало иммиграцию и расселение российских немцев, а препятствовало им. По-прежнему был в силе «Закон о принадлежности к империи и о гражданстве» 1913 г., который присваивал так называемым «фольксдойче с другим гражданством, проживающим в рейхе», статус, отличный от того, который имели немцы, изначально проживавшие в Германии, и существенно осложнял их быструю адаптацию в качестве «фольксдойче»[32]. Такое отношение обосновывалось тем, что юридическое равноправие реэмигрантов с немцами из рейха вызвало бы их «отчуждение от Родины»[33]. А это, в свою очередь, якобы имело бы негативные последствия для немецких меньшинств за границей – «ослабление» меньшинств, разжигание эмиграционных настроений и в худшем случае полное исчезновение немецких колоний за рубежом[34], в то время как немецкие колонии за границей должны были обязательно сохраниться[35].

Можно сделать вывод о том, что до Первой мировой войны и во время войны российские немцы-реэмигранты были желательным человеческим ресурсом для Германии[36], зато в послевоенное время политическое руководство посчитало их бременем. Теперь демографическая политика проводилась под лозунгом повторной «реэмиграции» или «эмиграции дальше в другие страны». В итоге реэмигранты стали инструментом германской демографической политики, направленной на обеспечение страны рабочей силой, а также экономических, военно-стратегических интересов и интересов в области политики расселения[37].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Alexander M.* Die Politik der Weimarer Republik gegenüber den deutschen Minderheiten in Ostmitteleuropa, 1918–1926 // Annali dell'Istituto Storico Italo-Germanico in Trento. – Vol. 4 – 1978. – S. 341–367.
2. *Arndt N.* Umsiedlung wolhyniendeutscher Kolonisten ins Baltikum 1907–1913 // Wolhynische Hefte. – 1988. – H. 5. – S. 91–214.
3. *Bade K.J.* „Amt der verlorenen Worte": Das Reichswanderungsamt 1918–1924 // Zeitschrift für Kulturaustausch 39. Jg. – 1989. – H. 3. – S. 312–321.
4. *Basler W.* Deutschlands Annexionspolitik in Polen und im Baltikum 1914–1918. – Berlin: Rutten, 1962. – 457 S. (Veröffentlichungen des Instituts für Geschichte der Völker der UdSSR an der Martin-Luther-Universität Halle-Wittenberg)
5. *Borchardt A.* Deutschrussische Rückwanderung // Preußische Jahrbücher. Bd. 162. H. 1. – 1915. – S. 133–150.
6. *Brandes D.* Die Deutschen in Rußland und der Sowjetunion // Deutsche im Ausland – Fremde in Deutschland. Migration in Geschichte und Gegenwart / Hrsg. Bade K.J. – München: C.H. Beck, 1992. – S. 85–120.
7. *Broeker R. von.* Der Volksdeutsche fremder Staatsangehörigkeit im Reiche. Eine Darstellung seiner Rechtslage. – Berlin: Verlag der Deutschen Rundschau, 1930. – 94 S.

[31] Die Lage der deutschen Flüchtlinge aus Wolhynien in Ostpreußen // Wolgadeutsche Monatshefte: Monatsschrift für Kultur und Wirtschaft der Wolgadeutschen. – Bd. 2, H. 7–8. – 1923. – S. 103.

[32] *Nathans E.* The Politics of Citizenship in Germany. Ethnicity, Utility and Nationalism. – New York / Oxford, 2004. – S. 203–204.

[33] *Broeker R. von.* Der Volksdeutsche fremder Staatsangehörigkeit im Reiche. Eine Darstellung seiner Rechtslage. – Berlin, 1930. – S. 22–39.

[34] Op. cit.

[35] *Oltmer J.* 1) Migration und Politik. – S. 213–214; 2) „Heimkehr"? – Abs. 23.

[36] *Oltmer J.* Migration und Politik. – S. 165–168, 176.

[37] Op. cit. S. 187–188. *Oltmer J.* „Heimkehr"? – Abs. 16, 23.

8. *Brubaker R.* Nationalism Reframed. Nationhood and the national question in the New Europe. – Cambridge University Press / Melbourne, 1996. – XI, 202 p.
9. *Brubaker R.* Zufällige Diasporas und externe „Heimatländer“ in Mittel- und Osteuropa // Staatsbürgerschaft in Europa. Historische Erfahrungen und aktuelle Debatten / Hrsg. von Ch. Conrad, J. Kocka. – Hamburg, 2001. – S. 115–143.
10. Die Lage der deutschen Flüchtlinge aus Wolhynien in Ostpreußen // Wolgadeutsche Monatshefte: Monatsschrift für Kultur und Wirtschaft der Wolgadeutschen / Hrsg. Verein der Wolgadeutschen e.V. – Bd. 2, H. 7-8. – 1923.
11. Deutsche Rückwanderer aus Rußland: Ein Leitfaden für ländliche Arbeitgeber / Hrsg. von Fürsorgeverein für deutsche Rückwanderer. – Berlin: Im Selbstverlage der Rückwandererstelle, 1908. – 138 S.
12. *Dönninghaus V.* Minderheiten in Bedrängnis: sowjetische Politik gegenüber Deutschen, Polen und anderen Diaspora-Nationalitäten 1917–1938. – München: Oldenburg Verlag, 2009. – 693 S. (Schriften des Bundesinstituts für Kultur und Geschichte der Deutschen im östlichen Europa. Vol. 35)
13. *Felshtinsky Y.* The Legal Foundations of the Immigration and Emigration Policy of the USSR, 1917–27 // Soviet Studies. – Vol. 34, № 3. – 1982. – P. 236–348.
14. *Fleischhauer I.* Die Deutschen im Zarenreich. Zwei Jahrhunderte deutsch-russische Kulturgemeinschaft. – Stuttgart, 1986. – 671 S.
15. *Fleischhauer I., Pinkus B.* Die Deutschen in der Sowjetunion. Geschichte einer nationalen Minderheit im 20. Jahrhundert. – Baden-Baden: Nomos Verlagsgesellschaft, 1987. – 599 S. – (Osteuropa und der internationale Kommunismus. Bd. 17).
16. *Geiss I.* Der polnische Grenzstreifen 1914–1918. Ein Beitrag zur deutschen Kriegszielpolitik im Ersten Weltkrieg. – Hamburg; Lübeck: Matthiesen Verlag, 1960. – 183 S. – (Historische Studien. H. 378).
17. *Grundmann K.-H.* Deutschtumspolitik zur Zeit der Weimarer Republik. Eine Studie am Beispiel der deutsch-baltischen Minderheit in Estland und Lettland. – Hannover: Hirschheydt, 1977. – 741 S. – (Beiträge zur Baltischen Geschichte. Bd. 7).
18. *Kappeler A.* Rußland als Vielvölkerreich. Entstehung, Geschichte, Zerfall. – München: C.H. Beck, 1992. – 400 S.
19. *Kappeler A., Bauer H., Roth B.* Die Nationalitäten des Russischen Reichs in der Volkszählung von 1897. – Stuttgart: Steiner Franz Verlag, 1991. – 580 S.
20. *Krekeler N.* Revisionsanspruch und geheime Ostpolitik der Weimarer Republik. Die Subventionierung der deutschen Minderheit in Polen. – Stuttgart, 1973. – 161 S. – (Schriftreihe der Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. Bd. 27).
21. *Krekeler N.* Die deutsche Minderheit in Polen und die Revisionspolitik des Deutschen Reiches 1919–1933 // Die Vertreibung der Deutschen aus dem Osten. Ursachen, Ereignisse, Folgen / Hrsg. W. Benz. – Frankfurt am Main, 1995. – S. 16–32.
22. *Mick Ch.* Sowjetische Propaganda, Fünfjahrplan und deutsche Rußlandpolitik 1928–1932. Probleme der deutsch-sowjetischen Beziehungen in den letzten Jahren der Weimarer Republik. – Stuttgart, 1995. – 490 S.
23. *Mommsen W.J.* Der „polnische Grenzstreifen“. Anfänge der „völkischen Flurbereinigung“ und der Umsiedlungspolitik // Der Erste Weltkrieg. Anfang vom Ende des bürgerlichen Zeitalters / Hrsg. W.J. Mommsen. – Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuchverlag, 2004. – S. 118–136.
24. *Nathans E.* The Politics of Citizenship in Germany. Ethnicity, Utility and Nationalism, – New York / Oxford: Berg Publishers, 2004. – XVIII, 294 p.
25. *Neutatz D.* Die „deutsche Frage“ im Schwarzmeergebiet und in Wolhynien. Politik, Wirtschaft, Mentalitäten und Alltag im Spannungsfeld von Nationalismus und Modernisierung (1856–1914). – Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1993. – 480 S. – (Quellen und Studien zur Geschichte des östlichen Europa. Bd. 37).

26. *Neutatz D.* Die Wolgadeutschen in der reichsdeutschen Publizistik und Politik bis zum Ende des Ersten Weltkriegs // Zwischen Reform und Revolution. Die Deutschen an der Wolga 1860–1917 / Hrsg. von D. Dahlmann, R. Tuchtenhagen. – Essen: Klartext Verlag, 1994. – S. 115–135.
27. *Oltmer J.* Deutsche „Rückwanderer“ aus Rußland in Deutschland von den 1890er Jahren bis in die Zwischenkriegszeit // Enzyklopädie Migration in Europa. Vom 17. Jahrhundert bis zur Gegenwart. 3. Aufl. / Hrsg. von Bade K.J., Emmer P.C., Lucassen L., Oltmer J. – Paderborn, 2010. – S. 505–508.
28. *Oltmer J.* Einführung: Steuerung und Verwaltung in Deutschland seit dem späten 19. Jahrhundert // Migration steuern und verwalten. Deutschland vom späten 19. Jahrhundert bis zur Gegenwart / Hrsg. von J. Oltmer. – Göttingen: V&R Unipress, 2003. – S. 9–56.
29. *Oltmer J.* „Heimkehr“? „Volksdeutsche fremder Staatsangehörigkeit“ aus Ost-, Ostmittel- und Südosteuropa im deutschen Kaiserreich und in der Weimarer Republik // Europäische Geschichte Online (EGO) / Hrsg. Institut für Europäische Geschichte (IEG) Mainz. // URL: http://ieg-ego.eu/en/threads/europe-on-the-road/economic-migration/heimkehr-volksdeutsche-fremder-staatsangehoerigkeit (дата обращения: 03.03.2015)
30. *Oltmer J.* Migration und Politik in der Weimarer Republik. – Göttingen: Vandenhoeck&Ruprecht, 2005. – 564 S.
31. *Schulz R.* Der deutsche Bauer im Baltikum. Ein Beitrag zur Entstehungsgeschichte eines deutschen Bauernstandes im Baltikum. – Berlin, 1938. – 148 S.

Die Frage der „Rückwanderung“ der Deutschen aus Russland während des Ersten Weltkriegs und in der unmittelbaren Nachkriegszeit

E. Schwab

In diesem Beitrag wird die „Rückwanderung“ von Deutschen aus Russland nach Deutschland kurz vor und während des Ersten Weltkriegs und in der unmittelbaren Nachkriegszeit dargestellt und aufgezeigt, wie die Menschen zu Instrumenten der deutschen Bevölkerungspolitik geworden waren.

Schlüsselwörter: Russlanddeutsche, Migration, Erster Weltkrieg, Zarenreich, Deutsches Kaiserreich, Alldeutscher Verband, Hungersnot, Weimarer Republik, Staatsangehörigkeit, Arbeitsmarkt, nationale Minderheiten.

The issue of “return migration” of the Germans from Russia during the First World War and in the immediate postwar period

E. Schwab

The author of the article examines the “return migration” of the Germans from Russia to Germany before 1914, during the First World War and in the immediate postwar period. The point is that the Germans of Russia had become an instrument for the German population policy.

Keywords: Russian Germans, migration, First World War, Russian Empire, German Empire, Pan-German League, famine, Weimar Republic, citizenship, labour market, diaspora minorities.

УДК 908[286.12]

Н.О. Евсеев

Меннонитская деревня в попытках противостоять голоду в Поволжье в 1920-х годах

В статье рассматривается жизнь меннонитской деревни в Поволжье в начале XX в. через призму событий первых лет советской власти и голода в Поволжье 1921 г. Данная работа основывается на неопубликованных архивных документах, а также на источниках личного происхождения – дневниках, мемуарах, письмах.

Ключевые слова: Гражданская война в России, голод в Поволжье 1921 г., немцы Поволжья, меннониты, Американская администрация помощи (АРА), Американская меннонитская помощь (АМП), И.И. Дик (1885–1948).

Системный кризис, разразившийся в России в 1917–1921 гг. в результате Первой мировой и Гражданской войн, революций, политической нестабильности, затронул все слои общества. Развитие кризиса в бывших немецких колониях Поволжья имело те же причины, что и в целом по стране: последствия войны, засуха 1920 г. и политика «военного коммунизма».

Меннонитские колонии Малышинской волости находились в тяжелом хозяйственном положении. Они возникли в 1850–1870-х годах в Новоузенском уезде Самарской губернии, на 1 января 1917 г. они были объединены в Малышинскую волость. В 1918 г., когда Новоузенский уезд вошел в состав Автономной области (Трудовой коммуны) немцев Поволжья (АО НП), волость стала Кеппентальским районом. Высокие экономические показатели этих колоний в предреволюционное время способствовали распространению среди русских и немецких крестьян мнения об их общей зажиточности и благосостоянии. Это привело к большему продовольственному и налоговому нажиму в период «военного коммунизма», поскольку власти относились к меннонитским селениям как к очагам кулачества и центрам контрреволюции.

К июню 1921 г. меннонитские колонии пребывали в плачевном состоянии – посевная площадь по району составила 9 % от довоенного уровня. Количество домашнего скота сократилось до 23 %, а лошадей – до 11 % от уровня 1913 г.[1] Уже в июне 1921 г. стало понятно, что продовольственной катастрофы не избежать.

Первые случаи голодной смерти в АО НП были зарегистрированы в январе 1921 г. Смертность росла до мая 1922 г. и составила 27 % от численности населения автономии. Весной 1922 г. голодом было охвачено почти все население автономии – 96,8 %[2]. Однако в отличие от остальной территории автономии Кеппентальский район пережил это время относительно благополучно. Об этом говорит и тот факт,

[1] *Dyck J.J.* Autobiography Johannes J. Dyck. – Winnipeg, 1994. – P. 67; *Dyck J., Surukin W.E.* Am Trakt: a Mennonite Settlement in the Central Volga Region. – Winnipeg, 1995. – P. 64.

[2] *Винс О.В.* Смертность населения АО НП от голода в 1921–1922 гг. // Культура российских немцев в Поволжском регионе. – Вып. 1: История, теория, культура. – Саратов, 1993. – С. 64.

© Н.О. ЕВСЕЕВ. ЕЖЕГОДНИК МАИИКРН. 2015 Г. № 1. С. 138–143.

что массовая смертность от голода зимой – осенью 1921 г. в меннонитских колониях не зафиксирована[3].

Весь 1921 г. население пыталось активно противостоять бедствию. Летом на Кубань меннониты отправили экспедицию для закупки домашнего скота и еды. Результатом этой поездки стал договор с меннонитской колонией Великокняжеское на Кубани. После продолжительной дискуссии они согласились принять у себя 100–200 голодающих и обязались передать 200–300 голов породистого скота к зиме 1921 г. В качестве компенсации прибывшие с Волги обязывались работать, а также передать одну треть своего домашнего скота в качестве платы за еду. Несмотря на невыгодные условия договора, многие меннониты из Кеппентальского района готовы были переселиться на время в Великокняжеское. В итоге на Кубань переселились 130 чел. и передано 250 голов скота[4].

Способом поддержания жизнедеятельности стала продажа за еду сельскохозяйственного инвентаря, главным образом моторов. Осенью 1921 г. в Кеппентальский район приезжали русские крестьяне из западных областей Саратовской губернии, пострадавшей от голода в гораздо меньшей степени, для продажи зерна в обмен на лошадей и сельскохозяйственный инвентарь. За один мотор мощностью 18 л.с., стоивший до революции 1300 руб., платили от 100 до 150 пудов ржи[5].

Положение в меннонитских колониях стало угрожающим в начале сентября 1921 г. Пшеничная мука полностью исчезла. Ее заменила ржаная, смешанная с отрубями, картофелем, тыквой и даже с травой, из которой выпекался хлеб. Из тыквы и воды меннониты делали «тыквенный суп». От систематического недоедания люди слабели и опухали. В селениях были зафиксированы первые случаи заболевания сыпным тифом. Настроение населения было подавленным. В ноябре 1921 г. сильно нуждающихся меннонитов насчитывалось «не более 170 душ» (около 10 % населения района)[6]. В том же месяце Иоганн Дик сообщил родственникам в Америке, что большинство семей имеет продовольствие только на 2–3 месяца[7].

В ноябре 1921 г. газеты сообщили, что Альвин Миллер, директор Американской меннонитской помощи (АМП), должен прибыть в Москву для ведения переговоров с советским правительством о разрешении работать в России параллельно с АРА (Американская администрация помощи). В середине декабря 1921 г. И. Дик и И. Пеннер прибыли к нему в Москву с просьбой разрешить действовать этой организации в их районе. Миллер назначил Дика главой местного комитета АМП и выдал чек на сумму 300 долларов США, на которые можно было получить продукты на складе АРА в Саратове[8].

25 декабря 1921 г. старейшина Петер Винс торжественно объявил на рождественской службе в Кеппентале, что «первая партия продуктов от наших братьев и сестер из Америки должна прийти совсем скоро, и эти подарки будут приходить регулярно начиная с этого месяца»[9]. Наконец, 27 декабря 1921 г. в Кеппентальский район прибыли 10 саней продовольствия. И. Дик вспоминал об этом дне: «Все прибывшее продовольствие занесли в огромное зернохранилище, где мы разделили его по деревням по числу жителей. Мы получили муку, бобы, рис, какао, сахар, сгущенное молоко и растительные жиры. Все было превосходного качества. После стольких лет трудностей и лишений, когда большевики постоянно грабили и лишали средств к существованию, все эти продукты казались

[3] *Назарова Т.П.* Благотворительная деятельность зарубежных меннонитских организаций в Советском государстве в 1920 – начале 1930-х гг. (гуманитарная и агротехническая помощь, поддержка эмиграции). – Волгоград, 2013. – С. 103.

[4] *Dyck J.J.* Autobiography. – P. 72–73.

[5] *Dyck J., Surukin W.E.* Am Trakt. – P. 64.

[6] Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. Р-424. Оп. 1. Д. 9. Л. 72.

[7] *Назарова Т.П.* Указ. соч. – С. 103.

[8] *Dyck J.J.* Autobiography. – P. 75; ГАРФ. Ф. 424. Д. 8. Л. 89.

[9] Op. cit. – P. 76.

нам чуть ли не предметами роскоши. Многие, многие человеческие жизни были спасены благодаря этим продуктам!» В Москву в представительство АМП ушла телеграмма следующего содержания: «Продукты распределены 31 декабря. Отчет следует письмом»[10].

За каждую поставку продуктов А. Миллер требовал отчета от Дика. Например, в телеграмме от 22 января 1922 г. он предупреждает комитет АМП в Кеппентале: «Продукты должны быть только употребляемы для раздачи голодающим и ни в коем случае израсходованы иначе»[11]. От комитета постоянно требовали «вести точный отчет», «извещать» или «телеграфировать при получении продуктов»[12]. И. Дик вспоминал в дальнейшем: «Нам приходилось строго отчитываться за все как перед г-ном Миллером в Москве, так и перед АРА в Саратове. Но люди из АРА проявляли себя более деловыми, чем Миллер, который, казалось, имел мало опыта для ведения подобных дел. Было гораздо проще работать с американцами из АРА, чем с Миллером, который всякий раз демонстрировал свои мелочные педантичные замашки, что осложняло нашу с ним работу»[13].

Насколько эффективной была помощь АМП? В отличие от АРА, которая до апреля 1922 г. выдавала помощь исключительно детям, помощь от АМП распространялась и на взрослое население района. Как свидетельствуют данные источников, механизм получения продуктов был следующим. Из Москвы поступал денежный перевод на имя И.И. Дика. Например, в мае 1922 г. сумма составила 2900 долларов США[14]. На эти деньги на саратовском складе АРА выкупались продукты и затем доставлялись в район. Здесь продовольствие делилось между девятью деревнями района на пайки. Зимой 1922 г. АМП разрешила включить в раздачу одно неменнонитское село – Ней-Варенбург[15].

Если в декабре 1921 г. помощью АМП воспользовались только 36 % населения района (рис. 1), в январе 1922 г. – 56 %, в феврале – апреле – 72 %, то в мае – июне продуктами меннонитской организации питались уже 97 и 91 % жителей района соответственно[16]. Благодаря урожаю 1922 г. Кеппентальский район смог противостоять бедствию до сентября 1923 г. Наиболее сильная вспышка голода произошла весной 1924 г., когда продовольствие АМП получали 34 % населения. В дальнейшем голод то усиливался, то утихал. Все это подтверждает тезис А.А. Германа о том, что голод не ограничивался

Рис. 1. Население Кеппентальского района и число жителей, получивших помощь АМП в 1921–1924 гг.

[10] ГАРФ. Ф. Р-424. Оп. 1. Д. 9. Л. 70.
[11] Там же. Д. 8. Л. 74.
[12] Там же. Л. 12, 61, 71.
[13] *Dyck J.J.* Autobiography. – P. 77.
[14] ГАРФ. Ф. Р-424. Оп. 1. Д. 9. Л. 41.
[15] Там же. Д. 8. Л. 74.
[16] Там же. Д. 41. Л. 22–28.

двумя годами – 1921 и 1922 гг., а, начавшись в конце 1920 г., периодически усиливаясь и ослабевая, существовал вплоть до 1925 г.[17]

Количество полученного продовольствия каждый месяц было разным. Из диаграммы (рис. 2) видно, что наибольшее количество продуктовых пайков было получено в мае 1922 г. – 63 100[18]. В 1923–1924 гг. число выданных пайков колебалось от 656 до 1910, в 1925 г. – от 18 до 175 в месяц[19]. В состав пайков входили такие продукты, как сахар, какао, мука, рис, жиры, крупы и молоко.

Рис. 2. Число пайков, выданных населению Кеппентальского района в декабре 1921 – июне 1922 г.

Приведенная ниже таблица показывает, по какому принципу Кеппентальский комитет АМП распределял продукты. В декабре 1921 г., январе 1922 г., мае – июне 1922 г. продовольствие распределялось по принципу равенства. В самые тяжелые голодные месяцы – с февраля по апрель – наибольшую помощь получили наиболее нуждавшиеся в ней[20]. В 1923–1924 гг. помощь в основном получали испытывающие нужду, дети, больные, ученики и учителя школы. В апреле – мае 1924 г. 400 чел., не попавшие в вышеперечисленные категории, получали помощь на платной основе[21]. В состав продуктового пайка, как правило, входили сахар, какао, молоко, крупа, жиры и мука.

Таблица 1. Распределение пайков АМП среди населения Кеппентальского района

	Декабрь 1921	Январь 1922	Февраль 1922	Март 1922	Апрель 1922	Май 1922	Июнь 1922	Сентябрь 1923
Количество человек	560	920	928	906	946	740	1247	253
	40	30	73	209	172	940	388	
			242	113	130			
Число пайков за месяц	33	46	28	31	30	37	35	20
	32	47	63	53	71	38	34	
			64	54	72			

Оказание помощи АМП не ограничивалось только продовольствием. В конце мая 1922 г. организация отправила в Кеппенталь целый вагон одежды, белья и крупы общим весом в 139 пудов 38 фунтов. Одежда и белье, правда, были ношеными, только некоторые вещи являлись совершенно новыми. В течение лета имущество поделили между девятью меннонитскими селениями и Ней-Варенбургом[22].

[17] *Герман А.А.* Большевистская власть и Немецкая автономия на Волге (1918–1941). – Саратов, 2004. – С. 94.
[18] ГАРФ. Ф. Р-424. Оп. 1. Д. 9. Л. 22–28.
[19] Там же.
[20] Там же.
[21] Там же. Л. 9.
[22] Там же. Л. 12–21.

АМП предоставляла меннонитам денежную и агротехническую помощь. С января по июнь 1925 г. на деньги организации была восстановлена школа, закупались лекарства и продукты. Всего же за полгода АМП выделила помощь в размере 353 руб. 50 коп.[23] Кроме того, предоставлялся в пользование сельскохозяйственный инвентарь. Например, в мае 1922 г. АМП предложила Кеппентальскому району пять тракторов на условиях замещения от 20 до 50 % их стоимости[24].

Помощь меннонитам Поволжья оказала и Американская администрация помощи (АРА). В основном эта организация, как уже отмечалось, обеспечивала питанием детей. С апреля 1922 г. АРА начала выдавать сухие кукурузные пайки и взрослому населению. В декабре 1921 г. в столовых АРА получали питание 55 % (рис. 3), а в январе 1922 г. она обеспечивала уже 67 % детей. С апреля по июнь 1921 г. АРА на 100 % снабжала меннонитский район продовольствием[25].

Рис. 3. Деятельность АРА на территории Кеппентальского района АО НП

Другим видом помощи стали индивидуальные посылки из США и Канады от родственников и знакомых. Всего за период с января 1921 по июнь 1922 г. в Кеппентале получено 337 посылок[26]. Дик вспоминал: «Несмотря на то, что этих посылок было немного, они доставляли мне много работы. Получение каждой фиксировалось, получатели уведомлялись, содержимое взвешивалось и отдавалось под роспись, а расписка в получении направлялась в Москву»[27].

Нельзя обойти вниманием и характер государственной помощи. Вспоминая события 1922 г., И.И. Дик писал в автобиографии: «Когда пришло время сева, едва у кого имелись семена. Правительство распространяло их в небольшом количестве, но они были такого плохого качества, представляли собой мешанину из разных сортов, яровая и озимая пшеница часто перемешивались друг с другом. Количество семян было ненамного больше, чем мы посеяли в 1921 г. Но больше всего ощущался недостаток лошадей – многие погибли во время голода, а выжившие оставались еще очень слабыми. Из моих 20 лошадей осталось только шесть. А так как они были очень слабыми, чтобы противостоять болезням, четыре лошади погибли одна за другой еще до конца сева»[28]. В апреле 1923 г. помощь оказала Областная комиссия по ликвидации последствий голода, предоставив семена ржи[29]. Немсельхозсоюз передал в Кеппентальский район двух лошадей[30].

[23] ГАРФ. Ф. Р-424. Оп. 1. Д. 9. Л. 1–7.
[24] Там же. Д. 8. Л. 30.
[25] *Назарова Т.П.* Указ. соч. – С. 107.
[26] ГАРФ. Ф. Р-424. Оп. 1. Д. 9. Л. 22–28.
[27] *Dyck J.J.* Autobiography. – P. 77.
[28] Op. cit.
[29] Государственный архив новейшей истории Саратовской области (далее – ГАНИСО). Ф. 1. Д. 487. Л. 20.
[30] Там же. Д. 209а. Л. 50.

Таким образом, роль иностранных благотворительных организаций оказалась решающей в оказании помощи меннонитскому району. Многие советские историки доказывали, что помощь иностранцев хотя и была значительной, но не преобладающей ни в одном из районов АО НП. Приведенные выше данные убедительно доказывают обратное. Помощь АМП и АРА распространялась на 97 и 100 % населения района. Благодаря этой помощи меннонитский район избежал массовой гибели населения, и процесс восстановления хозяйства здесь проходил значительно быстрее. Например, в сентябре 1924 г. число дворов без скота составляло лишь 8 % от общего числа[31]. К 1926 г. можно говорить о полном восстановлении хозяйственного потенциала меннонитских колоний на Волге.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Винс О.В.* Смертность населения АО НП от голода в 1921–1922 гг. // Культура российских немцев в Поволжском регионе. – Вып. 1: История, теория, культура. – Саратов, 1993. – С. 62–69.
2. *Герман А.А.* Большевистская власть и Немецкая автономия на Волге (1918–1941). – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2004. – 520 с., ил.
3. Государственный архив новейшей истории Саратовской области (ГАНИСО). Ф. 1. Д. 487, 209а, 925.
4. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-424. Оп. 1. Д. 8, 9.
5. *Назарова Т.П.* Благотворительная деятельность зарубежных меннонитских организаций в Советском государстве в 1920 – начале 1930-х гг. (гуманитарная и агротехническая помощь, поддержка эмиграции). – Волгоград: Волгоградск. ГАУ, 2013. – 270 с.
6. *Dyck Johannes J.* Autobiography Johannes J. Dyck. – Winnipeg, 1994. – 190 p.
7. *Dyck J., Surukin W. E.* Am Trakt: a Mennonite Settlement in the Central Volga Region. – Winnipeg, 1995. – 93 p.

Der Versuch der mennonitischen Dörfer, der Hungersnot in den 1920er Jahren im Wolgagebiet zu widerstehen

N. O. Evseev

Dieser Artikel betrachtet die Geschichte der mennonitischen Dörfer im Wolgagebiet zu Beginn des 20. Jahrhunderts durch das Prisma der ersten Jahre der Sowjetmacht und der Hungersnot im Jahre 1921 im Wolgagebiet. Dabei stützt sich die vorliegende Arbeit auf Archivdokumente und historische Quellen aus Privatbesitz – Tagebücher, Briefe, Lebenserinnerungen usw.

Schlüsselwörter: Bürgerkrieg in Russland, Hungersnot im Wolgagebiet 1921, Wolgadeutsche, Mennoniten, American Relief Administration (ARA), American Mennonite Relief (AMR), J. J. Dyck (1885–1948).

The Famine and the Mennonite Village in the Volga Region in the 1920s

N.O. Yevseyev

The article deals with the history of the Mennonite village life in the Volga Region in the beginning of the 20th century, in terms of the first years of the Soviet Regime and of the famine in the Volga Region in 1921. This article is based on unpublished archival documents and on historical sources of personal origin – diaries, letters, memoirs, etc.

Keywords: Russian Civil War, Volga Region famine of 1921, Volga Germans, Mennonites, American Relief Administration (ARA), American Mennonite Relief (AMR), I. I. Dyck (1885–1948).

[31] ГАНИСО. Ф. 1. Д. 925. Л. 46.

УДК 94(470.44/.47)|1929/1931|

А.А. Герман

Ленинградские рабочие-двадцатипятитысячники в Республике немцев Поволжья: участие в коллективизации, дальнейшая судьба

Статья посвящена рабочим Ленинграда, направленным в Республику немцев Поволжья для проведения коллективизации. Они входили в состав 25 тыс. советских рабочих, мобилизованных Коммунистической партией и направленных в сельскую местность для оказания помощи местным коммунистам. Автор представляет социально-демографическую и социокультурную характеристику рабочих, показывает, как они были распределены по кантонам. Рабочие Ленинграда стали ударной силой в кампании раскулачивания. В составе штурмовых бригад они отбирали у крестьян зерно («хлебозаготовки»). Некоторые из них стали руководителями колхозов, совхозов, МТС. Большинство рабочих не смогли прижиться в немецкой республике и вернулись домой.

Ключевые слова: ленинградские рабочие, двадцатипятитысячники, Республика немцев Поволжья, коллективизация, раскулачивание, хлебозаготовки.

Поднимаемая в статье проблема практически не изучена. Не удалось обнаружить публикаций на эту тему. Основными источниками, используемыми в работе, являются материалы обкома ВКП(б) Республики немцев Поволжья, хранящиеся в Государственном архиве новейшей истории Саратовской области.

Как и по всей стране, курс на «сплошную коллективизацию» в Республике немцев Поволжья начал проводиться с сентября 1929 г. по мере окончания уборочной кампании, в ходе начавшейся новой очередной хлебозаготовки и в непосредственной связи с ней.

В результате небывало жестокого «натиска» на крестьянство к 1 января 1930 г. план хлебозаготовок был выполнен на 89,1 %[1]. Основная часть хлеба была добыта репрессивными методами. Около 10 % наиболее зажиточных крестьян были обложены непомерно высокими индивидуальными заданиями, за невыполнение которых свыше 6 тыс. хозяйств были разорены кратированием и конфискацией[2]. Таким путем большевистское руководство Немреспублики решало сразу две задачи: выполняло план хлебозаготовок и «ликвидировало кулачество как класс».

Коллективизация проходила под сильным нажимом «сверху», сопровождалась массовым насилием и шантажом в отношении не желавших вступать в колхозы. Одновременно с коллективизацией развернулась беспрецедентная антирелигиозная кампания, в ходе которой священнослужители подвергались издевательствам и репрессиям, а церкви закрывались административным порядком без учета мнения населения или же это мнение фальсифицировалось.

[1] Государственный архив новейшей истории Саратовской области (далее – ГАНИСО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 1714. Л. 28.

[2] Там же. Л. 48.

© А.А. ГЕРМАН. ЕЖЕГОДНИК МАИИКРН. 2015 Г. № 1. С. 144–155.

Тон всему этому беспределу был задан решениями ноябрьского (1929) пленума ЦК ВКП(б), который официально провозгласил курс на сплошную коллективизацию, принял решение об ускорении ее темпов. Несмотря на опасения некоторых делегатов, подавляющее большинство участников пленума посчитали, что коллективизацию можно успешно провести за год-два. Разработка конкретных сроков была поручена специальной комиссии Политбюро ЦК ВКП(б). В качестве основной формы коллективного хозяйства вскользь была названа сельхозартель, однако партийное руководство страны в своих директивах функционерам на местах предпочитало не акцентировать на этом внимания, более того, говорилось о максимально возможном обобществлении имущества частников. Это привело к тому, что непосредственные организаторы коллективизации в селах были ориентированы на коммуну, требовавшую практически поголовного обобществления имущества крестьян. Разговоры о возможных трудностях в процессе коллективизации И.В. Сталин отмел как «оппортунистические»[3].

В целях оказания помощи деревне в проведении ускоренной коллективизации ноябрьский пленум ЦК ВКП(б) принял также решение о направлении в деревню на организационно-хозяйственную и политическую работу «передовых» рабочих из крупных промышленных центров СССР, имевших опыт такой работы. Всего для «похода в деревню» должно было быть завербовано 25 тыс. чел.[4] По этой причине рабочих, которые в начале 1930 г. стали пребывать в деревню, стали называть «двадцатипятитысячниками».

3–6 декабря 1929 г. в Покровске состоялся объединенный пленум областного комитета и областной контрольной комиссии ВКП(б) АССР НП, который одобрил итоги и решения ноябрьского (1929) пленума ЦК ВКП(б), подтвердившего курс на сплошную коллективизацию и рассмотрел вопросы о сплошной коллективизации в Немреспублике, о хлебо- и мясозаготовках, о внутрипартийном положении. Пленум областных партийных органов объявил АССР НП районом сплошной коллективизации, определил в качестве основных организационных форм объединения крестьян сельхозартель и коммуну, потребовал максимального обобществления имущества[5].

Спустя несколько дней (8–11 декабря) в Республике прошел 1-й съезд колхозников, на котором при явном попустительстве партийного руководства Немреспублики, и в частности организовывавшего и проводившего съезд заведующего отделом обкома по работе в деревне А. Вельша, был принят ряд решений, резко накаливших и без того напряженную обстановку в деревнях. Съезд постановил коллективизировать все имущество крестьян, включая мелкий скот, птицу, домашнюю утварь. В постановлении «О наступлении на религию» съезд провозгласил одной из важнейших задач колхозного движения «ликвидацию» религии и закрытие церквей. Решения съезда колхозников даже в условиях начавшейся гонки за темпами коллективизации выглядели настолько экстремистскими, что несколько позднее обком партии вынужден был отмежеваться от них, признав их «левым загибом»[6].

К январю 1930 г. в колхозы в Республике немцев Поволжья было загнано 73,6 тыс. крестьянских хозяйств (свыше 68 %). В целом по стране процент коллективизации в это время составлял 18,1 %. В основных зернопроизводящих районах он был значительно выше: в Среднем Поволжье – 41,7 %, на Северном Кавказе – 48,1, в Нижнем Поволжье – 56 %.

Все нараставшее возмущение крестьян в последние дни 1929 г. переросло в мощный социальный взрыв. Начались массовые выступления крестьян более чем в 30 селах Немреспублики, протестовавших против огульной коллективизации и раскулачивания, против закрытия церквей. Наиболее острые формы выступления приняли в католиче-

[3] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 5 (1929–1932). – М.: Политиздат, 1984. – С. 28–49.

[4] ГАНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1714. С. 34.

[5] Там же. Д. 1678. Л. 1–110.

[6] Там же. Д. 1673. Л. 52–53.

ских селах Каменского и Франкского кантонов. Как правило, инициаторами выступлений становились женщины. В ходе выступлений крестьяне освобождали арестованных, распускали колхозы, забирали назад собственное имущество, при этом возвращалось имущество и раскулаченным крестьянам[7]. Христианские нравственные устои явно брали верх над коммунистическими классовыми заповедями.

Характер настоящего восстания принял социальный взрыв в Мариенфельде Каменского кантона. Восставшие разогнали сельсовет, партийную ячейку, дали отпор нескольким попыткам милиции захватить село и арестовать «зачинщиков». Восстание было подавлено лишь во второй половине января вооруженным отрядом ГПУ. Репрессиям подверглись свыше 60 крестьян. События в Мариенфельде вызвали серьезную обеспокоенность в Центральном Комитете ВКП(б). От областного комитета ВКП(б) АССР НП потребовали подробного отчета о происшедших в Мариенфельде выступлениях и принятия мер к недопущению подобных явлений впредь[8]. Это указание Центра обком не смог выполнить. Ему не раз впоследствии приходилось направлять подробные отчеты о крестьянских волнениях в тех или иных районах Немреспублики.

Видя в крестьянском сопротивлении коллективизации происки своих «классовых врагов» – кулаков, центральное партийное и советское руководство страны пришло к мысли о необходимости форсирования «ликвидации кулачества как класса». 30 января Политбюро утвердило постановление ЦК ВКП(б) «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации». На основании этого документа 2 февраля Президиум Нижне-Волжского краевого исполкома издал постановление «О мерах по ликвидации кулачества как класса». В постановлении отмечалось, что в Нижне-Волжском крае сплошная коллективизация проведена на 80 %, дальнейшему ее осуществлению мешает «сопротивление кулаков». Постановление предписывало осуществить «ликвидацию кулачества» в крае до начала весенней посевной кампании.

В тот же день в административном центре Нижне-Волжского края – Саратове – состоялось совещание секретарей окружных и областных парторганизаций края. В его работе участвовал и ответственный секретарь обкома ВКП(б) АССР НП Х. Горст. Совещание, опираясь на постановление ЦК ВКП(б), наметило «подвергнуть конфискации кулацкие хозяйства, исходя в среднем из 5–6 % всех хозяйств по краю, т. е. 50–60 тыс. хозяйств». Для Немреспублики была установлена «норма раскулачивания» в 7 тыс. хозяйств – на 1–2 тыс. больше, чем в любой другой административной единице Нижне-Волжского края[9]. Массовое раскулачивание началось с первых дней февраля.

В такой сложной и противоречивой обстановке началось прибытие двадцатипятитысячников в Республику немцев Поволжья.

Вопрос о 25-тысячниках стал рассматриваться руководством Немреспублики сразу же после соответствующего решения ноябрьского (1929) пленума ЦК ВКП(б). Было определено общее количество 25-тысячников, необходимое в Немреспублике. Причем оно несколько раз пересматривалось в сторону увеличения: от 287 до 341. Из этого числа рабочих планировалось назначить: на должности директоров совхозов – 10; председателями «крупных» колхозов – 105; на другую руководящую работу в совхозах и колхозах – до 30 чел.; на различную административную работу в республиканских и кантональных органах, осуществлявших руководство совхозным и колхозным строительством («Немсельтрест», Немколхозсоюз», правления кредитных товариществ), – 36. Остальных (130–160 чел.) предполагалось распределить по колхозам и совхозам в качестве механиков, инструкторов-трактористов, токарей, слесарей[10].

[7] ГАНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1575. Л. 184–190.
[8] Там же. Л. 81, 82, 84.
[9] Там же. Л. 223.
[10] Там же. Д. 1709. Л. 931, 945.

Следует отметить, что в соответствии с решениями высшего руководства партии и государства направлявшиеся в деревню 25-тысячники имели целый ряд привилегий. В частности, их заработная плата в 1,5–2 раза превышала зарплату местных работников, занимавших аналогичные должности. Например, директору совхоза начисляли зарплату в размере 140–183 руб., чуть меньше была зарплата председателей колхозов. Оклад инструктора-тракториста составлял 85–125 руб., рядового тракториста 48–75 руб., «старшего рабочего» – 50–75 руб., токарей – 75–100 руб. Кроме того, 25-тысячники должны были обеспечиваться специальными пайками, куда входили такие калорийные продукты, как мясо, масло, молоко и др. В дальнейшем привилегированное положение 25-тысячников нередко становилось причиной неприязни к ним со стороны рядовых колхозников и даже представителей местной партийно-советской и хозяйственной бюрократии.

По инициативе руководства АССР немцев Поволжья между республикой и Ленинградом был заключен договор о шефстве. Для его оформления состоялись предварительные переговоры двух партийных комитетов: АССР НП и г. Ленинграда, куда выезжала представительная делегация от Немреспублики, включавшая в себя не только партийных и советских руководителей, но и административных работников нижнего звена, рядовых колхозников и рабочих совхозов. Это мероприятие получило освещение в газетах АССР НП и Ленинграда. Благодаря договору все 25-тысячники, прибывшие в немецкую республику, были из Ленинграда[11].

Вопросы встречи и распределения рабочих-25-тысячников находились под жестким контролем ЦК ВКП(б). Сохранилось немало телеграмм ЦК, адресованных немецкому обкому партии с требованием постоянных отчетов по этим вопросам, проведения широкой разъяснительной работы на местах, создании положительных настроений в отношении приезжавших рабочих. Эти указания обком ВКП(б) ретранслировал кантонным комитетам партии и далее на места. От «крупных» колхозов требовали принятия общими собраниями колхозников постановлений о присылке им в качестве председателей колхозов «рабочих промышленных центров»[12].

Однако для руководителей Немреспублики, ее кантонов выполнение задачи по встрече и распределению 25-тысячников усложнялось тем, что параллельно им приходилось решать целый ряд других важных задач, поставленных центром. Среди них, прежде всего, подготовка к раскулачиванию (все же 7 тыс. семей по республике – это примерно в среднем по 25–30 семей на каждый населенный пункт республики – «разверстка» очень суровая); отбор и направление в деревню рабочих-«тысячников»[13], сбор денег с колхозников на покупку тракторов («задаточных сумм»), обобществление семян и создание семенного фонда колхозов и др.

Из телеграммы, отправленной ответственным секретарем обкома ВКП(б) Х. Горстом в канткомы партии 27 января 1930 г. становится понятно, что задача распределения и размещения прибывающих рабочих-ленинградцев все еще не решена. Ответственным секретарям канткомов партии предлагалось «под личную ответственность» немедленно «проработать» вопрос о назначении прибывающих рабочих, особое внимание обратить на подготовку им жилья. Окончательное распределение прибывших 25-тысячников было рассмотрено и утверждено на заседании комиссии обкома ВКП(б) по приему и распределению ленинградских рабочих 31 января 1930 г.[14]

[11] ГАНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1546. Л. 41 об.
[12] Там же. Д. 1709. Л. 934.
[13] Наряду с общей мобилизацией по стране 25 тыс. рабочих для отправки в деревню, руководство каждой республики, округа в составе края, области должны были, по решению ЦК ВКП(б), подобрать 1 тыс. рабочих-добровольцев для работы в колхозах на подведомственных промышленных предприятиях, что для аграрной Немреспублики было задачей достаточно сложной.
[14] ГАНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1709. Л. 861.

Основная масса ленинградских рабочих (310 чел.) прибыла в Саратов и была направлена в Немреспублику 28 января 1930 г. Вместе с некоторыми рабочими прибыли и члены их семей (30 жен и 34 ребенка). Позднее численность ленинградских рабочих достигла 318 чел. Реальное распределение этих людей по ранее запланированным объектам продолжалось более недели. Лишь 5 февраля 1930 г. немобком отчитался Нижне-Волжскому крайкому ВКП(б) о том, что «прибывшие ленинградские рабочие все размещены и направлены к месту работы»[15].

Из 318 рабочих в республиканских учреждениях осело примерно 40 чел., остальные были распределены по 12 кантонам (см. табл. 1). Не получили ленинградских рабочих только маленькие по территории Красноярский и Куккусский кантоны с чисто немецким населением.

Таблица 1. Распределение ленинградских рабочих-двадцатипятитысячников по кантонам Республики немцев Поволжья, их социально-демографическая характеристика[16]

Основные демографические характеристики	Оставлены в Покровске (Энгельс)	Количество рабочих, распределенных по кантонам													
		Бальцерский	Зельманский	Золотовский	Каменский	Краснокутский	Мариентальский	Маркштадтский	Палласовский	Покровский	Старополтавский	Федоровский	Франкский	Практиканты в совхозах	Всего
Всего, в т.ч.	39	15	20	22	8	42	11	17	18	19	29	33	11	34	318
Мужчин	37	14	19	20	8	41	10	16	15	18	27	31	11	29	296
Женщин	2	1	1	2	–	1	1	1	3	1	2	2	–	5	22
Семейных	37	11	17	16	8	32	9	16	12	16	16	22	11	21	244
Одиноких	2	4	3	6	–	10	2	1	6	3	13	11	–	13	74
Возраст:															
До 23 лет	3	2	2	3	1	6	–	3	4	1	6	8	1	7	47
23–30 лет	10	6	12	12	3	17	5	6	5	9	18	10	7	20	140
31–40 лет	19	6	5	6	2	15	6	6	8	8	4	13	2	7	107
41–50 лет	7	1	1	1	2	4	–	2	1	1	1	2	1	–	24
Свыше 50 лет	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Национальность:															
– русские	36	14	20	22	7	34	10	15	15	18	27	29	8	34	289
– латыши		–	–	–	–	1	–	–	1	–	–		–	–	2
– евреи	1	–	–	–	–	1	–	1	1	1	–	2	1	–	8
– немцы		–	–	–	–	1	1	1	–	–	–		1	–	4
– поляки		–	–	–	–	–	–	–	–	–	1		–	–	1
– финны	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–		–	–	1
– др. национальности	1	1	–	–	1	5	–	2	1	–	1	2	1	–	15
Владение немецким языком	1				1	1	1	1					1		6

[15] ГАНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1709. Л. 839.

[16] Таблица подготовлена автором на основе анализа архивных материалов. См.: ГАНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1709. Л. 807–814.

Анализ приведенных данных позволяет сделать следующие выводы.

39 рабочих (12 %) были оставлены в Покровске (Энгельс), они попали в организации, руководившие совхозным и колхозным строительством («Немсельтрест» и «Немколхозсоюз»), в систему государственной торговли и потребительской кооперации. Остальные были распределены по кантонам.

В целом распределение рабочих по кантонам происходило пропорционально количеству имевшихся в них населения, сел и созданных там совхозов и колхозов. Однако заметны исключения. Больше всего рабочих было направлено в кантоны с подавляющим преобладанием русского населения (Краснокутский кантон – 42, Федоровский – 33, Старополтавский – 29). Даже крошечный Золотовский кантон получил 22 чел., что больше численности посланных рабочих-ленинградцев в любой из «немецких» кантонов. Такую ситуацию можно объяснить тем, что из 318 присланных в АССР немцев Поволжья ленинградских рабочих только шесть владели немецким языком. По переписи 1926 г. в Немреспублике русские и украинцы составляли 31 % населения, т. е. почти треть. Понятно, что от использования ленинградцев (99,96 % русских) в русско-украинских селах ожидался наибольший эффект. По чисто «немецким» кантонам было распределено 72 чел., т. е. всего 22,6 % от общего количества прибывших в Немреспублику рабочих. Из владевших немецким языком одного оставили в Энгельсе, 4 чел. распределили по кантонам с чисто немецким населением и одного направили в кантон со смешанным русским и немецким населением.

Из 318 рабочих мужчин было 296 (93 %), женщин всего – 22 (7 %). Преобладание мужчин объяснялось рядом причин: на крупном промышленном производстве их всегда было больше, чем женщин, они более чем женщины, были втянуты в общественно-политическую жизнь. Из сохранившихся архивных документов видно, что набору в 25-тысячники женщин партийно-советское руководство страны уделяло особое внимание. В одной из телеграмм на места секретарь ЦК ВКП(б) А.П. Смирнов прямо пишет: «<…> по ряду мест качеству отбора вербуемых на колхозную работу не уделяется достаточного внимания <…> Необходимо также усилить вербовку женщин»[17]. Напрашивается вывод, что с набором в 25-тысячники женщин имелись серьезные проблемы и это указание ЦК ВКП(б), судя по статистике прибывших в АССР НП женщин, в полной мере выполнено не было. Основную часть ленинградских работниц более или менее равномерно распределили по кантонам АССР НП (в основном по 1–2 чел. на кантон), 5 чел. были отправлены в совхозы в качестве практикантов[18].

Среди направленных в АССР НП рабочих 244 чел. (77 %) были семейными и лишь 74 (23 %) – одинокими (в основном – молодежь). Однако выше отмечалось, что вместе с рабочими прибыло всего 30 их жен, т. е. 214 семейных рабочих (88 %) не решились в силу разных причин взять свои семьи и поехали без них. Этот фактор говорит об определенной неуверенности, а может быть, и нежелании остаться на постоянное жительство в Немреспублике, променять жизнь в одном из крупнейших городов СССР на жизнь в сельской глубинке.

Анализ ленинградцев по возрасту говорит о том, что в подавляющем своем большинстве это были люди молодые, активные, не достигшие 30 лет (59 %). Людей в возрасте от 30 до 40 лет было тоже немало – 34 %. Рабочих старше 40 было всего 7 %, но и они по своему возрасту не превышали порог в 50 лет.

[17] ГАНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1709. Л. 926.

[18] Как показывает анализ документов, практиканты стажировались в совхозах на основных руководящих должностях. Это была, пожалуй, самая спокойная работа, связанная с чисто внутрисовхозными проблемами, носившими главным образом хозяйственно-производственный характер. Всего из ленинградских рабочих в практиканты попало 34 чел. Складывается впечатление, что этих рабочих чьей-то волей специально направили туда, чтобы более или менее спокойно отбыть срок командировки и пережить смутные времена. См.: ГАНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1709. Л. 807–814.

Свыше 90 % ленинградских рабочих (289 чел.) были русскими. Из 29 остальных было евреев и украинцев по 8 чел., немцев – 4, латышей и эстонцев – по 2, по одному человеку были представлены поляки, финны, белорусы, венгры, датчане.

Не меньший, чем социально-демографическая, вызывает интерес политическая и социокультурная характеристика ленинградских 25-тысячников, оказавшихся в Республике немцев Поволжья (см. табл. 2).

Таблица 2. Распределение ленинградских рабочих-двадцатипятитысячников по кантонам Республики немцев Поволжья, их социально-политическая и социокультурная характеристика[19]

Основные демографические характеристики	Оставлены в Покровске (Энгельс)	Количество рабочих, распределенных по кантонам													
		Бальцерский	Зельманский	Золотовский	Каменский	Краснокутский	Мариентальский	Марксштадтский	Палласовский	Покровский	Старополтавский	Федоровский	Франкский	Практиканты в совхозах	Всего
Всего, в т.ч.	39	15	20	22	8	42	11	17	18	19	29	33	11	34	318
Партийность:															
– члены ВКП(б)	29	13	15	15	6	40	8	14	12	17	19	24	7	21	240
– кандидаты в чл.	2	–	–	3	1	2	1	2	3	–	2	2	1	7	26
– члены ВЛКСМ	1	1	–	1	–	–	–	–	2	–	3	4	2	2	16
– беспартийные	7	1	5	3	1	–	2	1	1	2	5	3	1	4	36
Образование:															
– высшее	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
– среднее /неполное среднее	8	2	3/1	3	–	4	–	1	1	1	1/3	3	2	1	30/4
– «низшее» (начальное и неполное начальное)	31	13	16	19	8	38	11	16	17	18	25	30	9	33	284
Производственный стаж:															
– до 3 лет	–	1	–	–	–	–	–	–	–	2	2	1	–	2	8
– 3–5 лет	3	2	6	9	–	3	1	3	5	1	9	6	4	9	61
– 6–10 лет	7	4	9	5	6	14	5	1	6	2	11	12	1	9	92
– 11–15 лет	9	5	1	5	–	10	2	6	1	5	3	7	3	7	64
– свыше 15 лет	20	3	4	3	2	15	3	7	6	9	4	7	3	7	93

Анализ приведенных в таблице № 2 данных позволяет понять, что из 318 рабочих, посланных в Немреспублику из Ленинграда, лишь 36 чел. были беспартийными (11 %). Все остальные – члены, кандидаты в члены партии и комсомольцы (89 %). Такой партийный состав рабочих в полной мере отражал требования руководства партии и страны и соответствовал тем основным задачам, которые были поставлены перед ними. О них говорилось выше. Некоторое недоумение вызывает очень низкий процент комсомольцев – всего 5 %, хотя в то время численность комсомольцев на производстве, как правило, уже превосходила численность коммунистов. Можно предположить, что для выполнения задач коллективизации нужны были опытные и проверенные комсомольцы, а таких было мало, поскольку в те годы прием в партию молодых людей осуществлялся довольно рано. Возрастной ценз пребывания в комсомоле в 29 лет был установлен позже. Коммунисты составляли подавляющее большинство тех, кто был направлен в кантоны для проведения коллективизации.

[19] Таблица подготовлена автором на основе анализа архивных материалов. См.: ГАНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1709. Л. 807–814.

Вполне естественным выглядит тот факт, что основная часть рабочих (89 %) имели «низшее» образование. Это явление характерно для конца 1920-х годов. Тогда даже большинство партийных и советских работников имело такое же образование. Скорее удивляет наличие в рабочей среде 11 % людей со средним и неполным средним образованием. Представляется, что это специфическая особенность, присущая именно Ленинграду, городу высокой культуры с развитой сетью образовательных учреждений даже в те переломные годы.

Из анализа данных таблицы № 2 можно сделать еще один важный вывод. Почти все посланцы Ленинграда – рабочие с довольно продолжительным трудовым стажем на крупнейших предприятиях города. Всего 8 чел. из 318 имели стаж менее 3 лет. Почти половина всех рабочих имели производственный стаж свыше 10 лет, большинство из них начали работать еще в дореволюционные годы. Несомненно, что это были авторитетные представители питерского рабочего класса, и власть очень рассчитывала на этот их авторитет. Именно они, по мнению партийных верхов, должны были переломить настроения в деревне.

Первые недели пребывания 25-тысячников в кантонах и селах, проблемы, с которыми пришлось столкнуться, хорошо описывает рабочий ленинградского завода «Красный химик» А.А. Быстров[20]. Далее краткое изложение письма. Быстров прибыл в село Боаро Марксштадтского кантона 4 февраля; встретили «хорошо, был митинг», но уже 5 февраля пришлось «подавлять восстание в селе» (16 колхозников хотели забрать из колхоза свой скот, Быстров их переубедил). В настоящее время работает заместителем председателя колхоза; основные трудности: нет фуража, кормов, из-за этого идет падеж лошадей (погибло 27 лошадей); в колхозе нет денежных средств, огромная задолженность – 78 тыс. руб.; инвентарь не отремонтирован, нет запчастей к тракторам; кантком партии и кантисполком помощи Быстрову в организации колхоза не оказывали, по его ходатайству руководство Марксштадтского кантона было снято и заменено; руководит партячейкой (6 членов и 4 кандидата в члены партии), а также комсомольской организацией – 36 чел. Все они – его основная опора. В селе имеется 638 хозяйств и проживает 3479 чел.; заменил на 100 % сельсовет, на 60 % – правление колхоза; коллективизация проведена на 100 %.

В этом же письме Быстров пишет, что с жильем у него дело обстоит удовлетворительно, а вот с питанием плохо. Необходимый паек лавка не выделяет, приходится брать продукты из комитета взаимопомощи, что вызывает недовольство батраков и бедняков[21].

Как видно из письма, ленинградских посланцев ожидала в селах масса проблем, и они сходу начинали решать их так, как им предписывалось.

В письме подчеркивается решительность, с какой автор повел борьбу со «старой властью» в селе и даже в кантоне. Действительно, прибыв в села, многие 25-тысячники начали свою работу с «разоблачения» местных властей. Приведем несколько типичных фраз из донесений и писем ленинградских рабочих в разные вышестоящие инстанции: «больным местом в колхозе является полное отсутствие труддисциплины», «наблюдается полное отсутствие организации труда», «имеют место почти везде иждивенческие настроения», «наблюдается несоблюдение устава». Встречаются и прямые доносы: «<…> в селе Лапоть предправления Павлов убил свинью <…>»[22]

[20] Текст письма см.: ГАНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1709. Л. 708–709.
[21] Там же. Л. 709.
[22] ГАНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1709. Л. 726.

В документах зафиксированы факты грубости, произвола и даже физического воздействия рабочих-администраторов по отношению к колхозникам. Имели место случаи, когда местные коммунисты вставали в оппозицию к посланцам из Ленинграда (села Штреккерау, Усатово, колхоз «Коминтерн» и др.), некоторые из них открыто бросали рабочим обвинение в излишней жестокости. И все же постепенно ленинградские рабочие влились в ряды организаторов коллективизации и вместе с ними совершали «великий перелом»[23].

Довольно скоро (февраль–март 1930 г.) ленинградцы были использованы в качестве «ударной силы» в раскулачивании зажиточных крестьян, а позднее (осенью и зимой 1930–1931 гг.) они начали наступление на единоличника, заставляя его вступать в колхозы, создали немало новых колхозов.

Кампания раскулачивания семей, предназначавшихся к аресту и отправке первым маршрутом на Крайний Север, началась строго по плану 10 февраля 1930 г. Раскулачивание проводилось тайно, по-воровски, ночью. Тем не менее скрыть от крестьян ничего не удалось. Весть о новых насилиях мгновенно распространилась по всем селам и вызвала бурю негодования. Вновь начались массовые крестьянские волнения. Документы свидетельствуют, что в защиту раскулаченных выступило абсолютное большинство сельских жителей. Во многих случаях они оказывали открытое сопротивление командам, выполнявшим задачу по раскулачиванию. В этих командах главную роль играли 25-тысячники. Так, в селах Байдек и Обермонжу раскулаченные семьи удалось вывезти только после введения туда воинских подразделений[24].

Одна из причин, вызвавших сопротивление крестьян, – жестокое обращение с раскулаченными, и особенно с их детьми. Арестованных родителей увозили, а малолеток бросали на произвол судьбы. В лучшем случае их подбирали родственники и сердобольные соседи, в худшем – дети погибали или становились беспризорниками.

Неожиданное для руководства АССР НП массовое сопротивление крестьян задержало кампанию по раскулачиванию на несколько дней. Первый маршрут с раскулаченными (267 семей, 1757 чел.) – несколько эшелонов – был отправлен из Немреспублики 24 февраля на Крайний Север. Основная масса семей была выгружена и расселена в поселке Сольвычегодск и окрестных деревнях[25].

После отправки из Немреспублики первого маршрута кампания по раскулачиванию продолжалась, накаляя политическую обстановку. Массовые волнения крестьян охватили практически все села Нагорной стороны и значительное число сел левобережья. Крестьяне сел Куккус, Моргентау, Кано и некоторых других по два-три дня противодействовали раскулачиванию своих односельчан. Волнения подавлялись вооруженной силой. После подавления волнений «мятежные» села были подвергнуты суровым репрессиям[26].

Второй маршрут, в Сибирь, был отправлен из Немреспублики 1 марта 1930 г. (210 семей, 1242 чел.). Туда же были высланы 18 марта 326 семей (1766 чел.) и 5 апреля 112 семей (806 чел.). Всего же в феврале, марте и апреле из Республики немцев Поволжья были высланы 929 семей (5585 чел., в т. ч. 2465 детей). На их перевозку использовалось 139 вагонов[27].

В дальнейшем, в течение всего 1930 г., происходили раскулачивание и высылка семей, подпадавших под 3-ю и 4-ю категории. После суровых репрессий февраля и марта кампания проходила без особых эксцессов. Это объяснялось, с одной стороны, моральной подавленностью основной массы крестьянства, только что пережившей жестокую расправу, с другой – ослаблением нажима руководства Немреспублики, напуганного размахом только что подавленных крестьянских волнений.

[23] ГАНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1709. Л. 718–721.
[24] Там же. Д. 1574. Л. 22; Д. 1575. Л. 197–198.
[25] Там же. Д. 1574. Л. 22; Д. 2086. Л. 11.
[26] Там же. Д. 1574. Л. 22; Д. 1826. Л. 29.
[27] Там же. Д. 2086. Л. 10–11.

Однако осенью 1930 г. власти, вновь почувствовав себя уверенно, начали очередной «натиск» на кулаков. 18 сентября секретарь обкома ВКП(б) Х. Горст в секретном письме, адресованном комитетам партии, потребовал «форсированного выселения кулачества» из сел в отдаленные местности Немреспублики, где из них надлежало создавать «рабочие группы» (по 15–20 семей), которые должны были работать под контролем органов ГПУ. На операцию отводилось три недели[28].

В марте – мае 1931 г. по указанию ЦК ВКП(б) в Немреспублике были переведены во 2-ю категорию и выселены в отдаленные районы СССР 919 крестьянских семей (5273 чел.). Раскулачивание производилось и в дальнейшем. 10 июля 1931 г. в Казахстан было отправлено 2211 трудоспособных мужчин, а в период с 26 июля по 10 августа десятью эшелонами им вслед отправили их семьи, а также новую партию раскулаченных. В конце июля – начале августа в Казахстан было переселено 2443 семьи (11 285 чел.). Это было самое массовое переселение за время коллективизации. Всего же в 1930–1931 гг. из немецкой автономии было выселено 4288 семей (24 202 чел.) – 3,7 % от общей численности крестьянских хозяйств Немреспублики[29].

Постепенно раскулачивание принимало характер репрессий за невыполнение заданий по хлебозаготовкам, «разбазаривание колхозного имущества», невыполнение различных повинностей и т. п.

Из-за непосильных для крестьян планов и норм начавшаяся с июля 1930 г. очередная кампания хлебозаготовок проводилась очень сложно, с применением беспрецедентного «нажима» и массовых репрессий как по отношению к крестьянам, так и по отношению к партийным и советским работникам, «не обеспечившим» выполнение плана.

2 ноября 1930 г. Нижне-Волжский крайком ВКП(б) в целях «подтягивания отстающих районов по хлебозаготовкам» принял решение об организации «краевого социалистического штурма отстающих районов». Для проведения «штурма» организовывались «штурмовые бригады» в количестве 15–20 чел. (партийный и комсомольский актив, «лучшие колхозники»). В АССР НП было создано свыше 150 «штурмовых бригад», представлявших собой по сути дела продотряды 1919–1920 гг. Действия штурмбригад, выполнявших взятые на себя «революционные самообязательства», существенно ужесточили хлебозаготовительную кампанию, привели к новому всплеску насилия и беспредела. Штурмовые бригады под черными знаменами прибывали в село, окружали его и проводили тотальную проверку хозяйственных объектов, огородов, жилья на предмет выявления зерна. Весь найденный хлеб конфисковывался. Как правило, руководили штурмовыми отрядами и их основу составляли 25-тысячники[30].

Больше всего досталось единоличникам, против которых был направлен главный удар штурмбригад. Вынужденные обеспечить себе и своим семьям хоть сколько-нибудь сносное существование, стремясь избежать дискриминации, третирования, морального и физического террора со стороны партийных, советских, хозяйственных органов и штурмбригад, единоличники вновь пошли в колхозы. Началась «вторая волна» коллективизации. До конца года в колхозы вступило свыше 30 тыс. единоличников[31].

20 марта 1931 г. в одном из донесений в Москву сообщалось: «Совместно с парторганизациями на местах 25-тысячниками проделана большая работа при проведении мероприятий по ликвидации кулачества как класса, вскоре по приезде на места эта работа всей тяжестью легла на 25-тысячников, и по завершению сплошной коллективизации (организация новых приливов в колхозы)»[32].

[28] ГАНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1575. Л. 235, 296, 324; Д. 1737. Л. 25.
[29] Там же. Д. 1737. Л. 235, 296, 324; Д. 2086. Л. 8–11.
[30] Там же. Д. 1696. Л. 73–74.
[31] Там же. Д. 1734. Л. 2.
[32] Там же. Д. 1709. Л. 317.

Несомненно, что ленинградские 25-тысячники повлияли на ход раскулачивания и коллективизации в Немреспублике. Они помогли окончательно сломить сопротивление крестьян. Однако отношение к ним со стороны крестьянского населения Немреспублики было прохладным, что неоднократно отмечалось в партийных документах. По-видимому, это отношение сыграло определенную роль в том, что через год «самозакрепились», т. е. решили остаться в местах, куда они были направлены, всего 70 чел. Эти люди сумели адаптироваться к новой незнакомой ранее сельской среде. Как отмечалось в донесении обкома ВКП(б), они были «самыми лучшими работниками, как в политическом, так и в практическом отношении». Большинство из них занимали различные административные и хозяйственные должности: председателей колхозов, директоров совхозов и МТС, председателей сельсоветов, руководителей отделов в кантисполкомах и т. п.

Еще около 200 чел. на тот момент пока находились в Немреспублике, но собирались ее покинуть и вернуться домой. Они не смогли найти свое место в Немреспублике, попытка адаптации закончилась неудачно.

Как отмечается в том же донесении, «незначительная часть 25-тысячников оказалась непригодной к работе по руководству колхозным строительством, благодаря низкому своему политическому уровню и общей малоразвитости, которые недостаточно серьезными и неправильными действиями компрометировали, теряли авторитет в глазах колхозников и единоличников <…>»[33] Интересны сведения о таких людях, почерпнутые в архивных документах. Приведем некоторые из них.

Ленинградец Я.Ф. Скнопов «записался» в Немреспублику, чтобы не платить алименты. Был разыскан, получил исполнительный лист, был «привлечен к ответственности». Бальцерский кантком партии вернул в Ленинград А.И. Иванову, т. к. ей было «чрезвычайно трудно ориентироваться в работе деревни и [она] плохо подготовлена к таковой». Рабочий Данилов скомпрометировал себя пьянством, был откомандирован в Ленинград. Рабочий Ковшук заявил: «Как бы поскорее уехать в Ленинград. Я не доброволец, я мобилизованный». Рабочий Ермаков, несмотря на «обостренное продовольственное положение» в колхозе и кантоне требовал для себя «такие продукты, про которых не может быть и речи» (мясо, масло, молоко и др.), тем самым «вооружил колхозников против себя». Рабочий И.И. Спиридонов возвращен в Ленинград «ввиду его отказа от работы». Рабочий М.И. Федяшин «дезертировал и посейчас неизвестно его местопребывание», при этом Федяшин бросил на произвол судьбы привезенных с собой жену и детей[34].

Член ВКП(б) ленинградка Е.В. Федорович, работавшая в с. Коппенталь Зельманского кантона, в письме в крайком ВКП(б) сообщает, что ее сняли с поста «председателя многолавки»[35] и перевели в другое село. «Снята я была за то, что ко мне приезжали ленинградцы <…> и я была в близких отношениях с уполномоченным КИКа». Она просит вернуть ее в Коппенталь на прежнюю работу, мотивируя это тем, что «<…> уже давно все кончено с Завурвайном (уполномоченным КИКа. – *А. Г.*), и не один беспартийный ничего не знает и ничего не замечает, а местные партийцы зацепили это дело и постарались изжить меня»[36].

Как видим, люди, направленные из Ленинграда в Немреспублику творить «великий перелом», не были свободны от многих обычных человеческих пороков и недостатков, которые проявлялись в условиях чрезвычайной ситуации, созданной «коллективизаторами» в деревне, особенно рельефно.

[33] ГАНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1709. Л. 317 об.
[34] Там же. Д. 1709. Л. 458, 537, 643, 669, 673, 676, 716.
[35] Многолавка – система государственной торговли в селах в конце 1920-х – начале 1930-х годов.
[36] ГАНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1709. Л. 671.

В целом же 25-тысячники, обеспечив успех коллективизации и раскулачивания, оказались государству ненужными. Последние упоминания о них в документах, которые удалось обнаружить, датируются концом 1931 г. Их судьба, как и судьба миллионов советских людей в эпоху сталинизма, сложилась по-разному, но все они пережили, а может быть, и нет, одни и те же трагические события 1930-х годов: голод, крепостную зависимость от государства, массовые репрессии. Оставив определенный след в советской истории, сами они исчезли бесследно.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Государственный архив новейшей истории Саратовской области. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1546, 1574, 1575, 1673, 1678, 1696, 1709, 1714, 1734, 1737, 1826, 2086.
2. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 5 (1929–1932). – М.: Политиздат, 1984.

Leningrader Arbeiter – Die „Fünfundzwanzigtausender“ in der Republik der Wolgadeutschen: Anteil an der Kollektivierung und weiteres Schicksal

A. A. German

Der Beitrag ist den Arbeitern von Leningrad gewidmet, die in die Republik der Wolgadeutschen entsandt wurden, um die Kollektivierung voranzubringen. Sie gehörten zu den 25.000 sowjetischen Arbeitern, die, mobilisiert von der Kommunistischen Partei, aufs Land geschickt wurden, um die Kommunisten vor Ort zu unterstützen. Der Autor gibt eine soziodemografische und soziokulturelle Beschreibung der Arbeiter und zeigt, wie sie auf die Kantone verteilt wurden. Die Arbeiter aus Leningrad wurden die Offensivkraft in der Kampagne zur Entkulakisierung. Als Mitglieder von „Sturmbrigaden“ nahmen sie den Bauern gewaltsam das Getreide („Getreidebeschaffung“). Einige von ihnen wurden Vorsitzende von Kolchosen, Sowchosen und MTS (Maschinen- und Traktoren-Ausleihstationen). Die meisten Arbeiter konnten sich nicht an das Leben in der deutschen Republik gewöhnen und kehrten nach Hause zurück.

Schlüsselwörter: Leningrader Arbeiter, „Fünfundzwanzigtausender“, Republik der Wolgadeutschen, Kollektivierung, Entkulakisierung, „Getreidebeschaffung“ („Chlebozagotovka“).

Leningrad Workers – Twenty-Five-Thousanders in the Volga Germans Republic: Participation in the Collectivization and Their Fate

A.A. German

The article is focused on Leningrad workers, who were assigned to carry out collectivization in the Volga Germans Republic. They were part of the 25 thousand Soviet workers mobilized by the Communist Party and sent to the countryside to help the local Communists. The author presents sociodemographic and sociocultural characteristics of the workers and shows how they were distributed to the cantons. Leningrad workers were used as shock force in the campaign of “raskulachivanie” (deprivation of property). As members of assault teams they forcibly took away the crops from peasants (“hlebozagotovka”). Some of them became heads of collective farms, state farms and MTS. Most of the workers were unable to adapt to the life in the German Republic and returned home.

Keywords: Leningrad workers, Twenty-Five-Thousanders, Volga Germans Republic, collectivization, “raskulachivanie” (deprivation of property), “hlebozagotovka” (forcibly taking away the crops from peasants).

УДК 940.5(479.24)+390(=3)

С. Зейналова

Влияние советских социально-экономических процессов на жизнь немецких поселений Азербайджана (1920–1941 гг.)

Статья освещает историю немецких поселений Азербайджана в период советской власти, влияние советских социально-экономических процессов на жизнь немецких колонистов (1920–1941 гг.). Рассмотрены вопросы деятельности винодельческого кооператива «Конкордия», коллективизации в немецких поселениях, хозяйственной деятельности колонистов до депортации 1941 г.

Ключевые слова: немецкие поселения в Азербайджане, советский период, хозяйственная деятельность, виноградарство и виноделие, кооператив «Конкордия», немецкие колхозы.

Переселение немцев в Азербайджан и возникновение их поселений относятся к первым десятилетиям XIX в. После завоевания Кавказа Российской империей в результате проводимой царизмом переселенческой политики, а также на фоне сложной политической и экономической обстановки в Германии и роста сектантства в 1816–1818 гг. на Южный Кавказ переселились группы немецких крестьян-сепаратистов, выходцев из Вюртемберга. В 1819 г. на территории Северного Азербайджана были основаны первые немецкие колонии – Еленендорф и Анненфельд. В дальнейшем вследствие экономического развития и демографического роста число немецких поселений на территории Азербайджана увеличилось и к началу XX в. доходило до восьми – Еленендорф, Анненфельд, Георгсфельд (Гергиевское, Георгиевка), Алексеевка, Грюнфельд, Эйгенфельд, Траубенфельд, Елизаветинка, – находившихся в основном на местах старых азербайджанских селений в Гёйгёльском, Шамкирском, Газахском, Тоузском, Агстафинском районах. По данным переписи 1939 г., в Азербайджанской ССР проживало 23 133 немца[1].

В период XIX – начала XX столетия в немецких поселениях Азербайджана наблюдалось развитие сельского хозяйства, отраслей хозяйственной специализации – виноградарства и виноделия. Колонисты, пройдя этап адаптации, смогли войти в экономическую инфраструктуру региона и организовать успешную хозяйственную деятельность. К началу XX в. в колониях действовали как крупные немецкие винодельческие фирмы братьев Форер и братьев Гуммель, так и средние и мелкие предприниматели-фермеры, а также созданные хозяйственно-промышленные и потребительские кооперативы.

28 апреля 1920 г. в результате оккупации 11-й Красной армии был положен конец независимости Азербайджана, прекратила деятельность Азербайджанская Демократическая Республика (1918–1920). В Азербайджане была установлена советская власть и провозглашена Советская Республика. Эти события положили начало новому этапу в истории Азербайджана – советскому периоду, который характеризуется многими особенностями, изменениями в курсе развития общества. Происходившие перемены в этот период коренным образом влияли на жизнь всего населения Азербайджана, в т.ч. на положение проживавших здесь немцев.

[1] Всесоюзная перепись населения 1939 г. Основные итоги / Под ред. Ю.А. Полякова. – М.: Наука, 1992. – С. 71.

© С. ЗЕЙНАЛОВА. ЕЖЕГОДНИК МАИИКРН. 2015 Г. № 1. С. 156–165.

Касаясь историографии проблемы, отметим, что в целом в научных работах исследователей более широко изучены вопросы истории немецких колоний в Азербайджане в период XIX – начала XX в.[2] Различные вопросы истории немцев в советский период освещены в исследованиях М. Джафарли[3], С. Зейналовой[4]. В монографиях М. Джафарли на основании фондов НКВД рассмотрены вопросы проводимых советским руководством репрессий среди немецкого населения республики в 1920–1930-е годы. В монографиях С. Зейналовой освещены вопросы хозяйственной, культурной, общественной жизни немецкого населения республики в советский период.

Научная новизна данного исследования, проведенного на основании выявленных в архивах Азербайджанской Республики документов, материалов статистических сборников и периодической печати того периода, заключается в постановке темы влияния советских социально-экономических процессов на жизнь немецких поселений Азербайджана, а также в подробном рассмотрении вопросов начала советизации, процессов кооперации и коллективизации в немецких колониях в 1920–1930-е годы.

Национализация, продразверстка, НЭП, индустриализация и коллективизация в республике – все непосредственным образом влияло на жизнедеятельность, уклад немецкого населения. Социально-экономическое развитие немецких поселений в 1920–1930-е годы, на наш взгляд, можно разделить на несколько этапов: 1) 1920–1922 гг. – начало советизации; 2) с 1922 г. до второй половины 1920-х годов – период, связанный с проведением новой экономической политики, характеризуемый созданием в немецких поселениях производственной, потребительской кооперации, деятельностью крупного немецкого винодельческого кооператива «Конкордия»; 3) с конца 1920-х – 1930-е годы – период коллективизации и колхозного строительства.

С мая 1920 г. повсеместно в Азербайджане начался процесс советизации. Согласно декрету от 3 мая 1920 г., на местах создавались местные органы власти – уездные, участковые, сельские ревкомы. В результате 18 мая 1920 г. на сельском сходе в центральном немецком селении Еленендорф был избран местный ревком, председателем которого колонисты единогласно избрали бывшего шульца (старосту) – Роберта Яковлевича Куна, а в состав ревкома вошли 10 колонистов – В. Фрик, В. Гурр, А. Бек и др.[5] Еленендорфский ревком находился в подчинении Гянджинского губернского ревкома. Аналогичные ревкомы были созданы и в других немецких поселениях.

После утверждения советской власти, образования новых местных исполнительных органов в немецких поселениях началось непосредственное проведение в жизнь советских декретов – о земле, национализации промышленных предприятий. На местах создавались Временные земельные комиссии, которые, проводя в жизнь Декрет о земле, занимались изъятием земель, инвентаря, скота и уравнительным распределением их между крестьянами по установленной норме. По постановлению Временной Гянджинской уездной земельной комиссии от 7 июня 1920 г. в отношении немецких колоний уез-

[2] См., например: *Ибрагимов Н.* Немецкие страницы истории Азербайджана. – Баку: Азербайджан, 1995. – 200 с.; Ахундова Т. Немцы-колонисты Азербайджана XIX – нач. XX в. – Баку: Шуша, 1999. – 126 с.; *Вердиева Х.* Ограничительные меры Кавказского наместничества в годы Первой мировой войны в отношении подданных Тройственного союза // Рос. государство, общество и этнич. немцы: основные этапы и характер взаимоотношений (XVIII–XXI вв.): Материалы XI Междунар. научной конф., Москва, 1–3 нояб. 2006 г. – М., 2007. – С. 222–231; и др.

[3] *Джафарли М.* Немцы в Азербайджане. – Баку: Изд-во Бакинск. ун-та, 1997; *Он же.* Политический террор и судьбы азербайджанских немцев. – Баку: Шарг-Дизайн; Стамбул: A4-Ofset, 1998.

[4] *Зейналова С.* Немцы на Кавказе. – Баку: Мутарджим, 2008.

[5] Государственный исторический архив Азербайджанской Республики (далее – ГИААР). Ф. 508. Оп. 1. Д. 454. Л. 10; Д. 452. Л. 33.

да, в частности Еленендорфа, было принято за норму на одного едока поливной земли – 1 дес., а неполивной – 2 дес. Все имения Фореров, Гуммелей и других немецких собственников были изъяты, а самим им выделялась установленная земельная норма. Также была определена трудовая норма на садовые земли – 2 дес. Постановлением от 9 августа 1920 г. была утверждена норма на домашний скот: из молочного скота – 5 дойных коров на семью, мелкого рогатого скота – 20 голов коз, овец и 10 голов свиней на семью, рабочего скота – 1 лошадь на 3 чел. В результате только в одной колонии Еленендорф земельной комиссией было насчитано 6695 дес. 600 саж. земли, обрабатываемой колонистами, которая изымалась и распределялась в уравнительном порядке[6]. Наряду с земельным уравнением у колонистов реквизировались большое количество рабочего, вьючного скота, повозки, фургоны, инвентарь, которые передавались в основном отрядам Красной армии.

В первые годы советской власти в самом тяжелом положении оказались наиболее развитые отрасли хозяйства, на которых специализировались немецкие поселения, – виноградарство и виноделие. В процессе советизации, согласно декрету Азревкома от 9 июля 1920 г., все находящиеся на территории Азербайджана винодельческие предприятия, винные и спиртные погреба, склады переходили в ведение АзСНХ, который должен был проводить их учет, обследование и надзор за ними[7]. В результате проведения в жизнь этого декрета, а также декрета Азревкома о национализации частных промышленных предприятий винодельческие предприятия колонистов, в т.ч. и крупные фирмы братьев Форер и братьев Гуммель, перешли в государственное ведение. Наряду с промышленными предприятиями, согласно Декрету о земле, виноградники, которыми владели как крупные предприниматели-колонисты, так и середняки, распределялись в уравнительном порядке по установленной норме садовых земель среди безземельных и малоземельных крестьян[8]. Подобное положение, создавшееся в отраслях виноградарства и виноделия, не могло способствовать их развитию. Как отмечалось в обследованиях, опубликованных в «Экономическом вестнике Азербайджана», «Елизаветпольско-Казахский район пережил за время революции серьезные потрясения. В наиболее крупных хозяйствах (быв. Форер, Гуммель, Цейтлер) обработка была ослаблена; военные реквизиции уменьшили количество скота, а разрыв связей с заграницей прекратил подвозку оттуда лечебных материалов (серы) и аппаратов (опрыскивателей и т. д.). Естественно, что в больших виноградных хозяйствах урожаи стали понижаться»[9].

Колонисты, потерявшие свои виноградники, винодельческие предприятия, которые национализировались и распределялись в уравнительном порядке, должны были обеспечивать себя продовольствием и поэтому переходили в большей степени на возделывание земледельческих, огородных, садовых культур. Снижение урожая винограда, уменьшение производительности в винодельческой промышленности способствовали хозяйственному упадку в немецких поселениях. С целью улучшения положения в области виноделия как основной специализированной отрасли хозяйства в немецких поселениях и его дальнейшего развития колонистами был учрежден Производственный союз трудовых виноградарей-виноделов (Просотрудвин). Первое делегатское собрание проведено 30 октября 1920 г. В правление союза были избраны Г.Г. Бек, Ф. Кох, Е. Меликов, а членами союза являлись виноградари-виноделы всех немецких колоний[10]. Отметим, что винодельческие предприятия, хозяйства, имущество, конфискованные у семейств Форер, Гуммель и других колонистов, были переданы в ведение Просотрудвина. Подобная организация немецких виноградарей-виноделов способствовала их объединению и тем самым принятию совместных решений в области поднятия хозяйства.

[6] ГИААР. Ф. 508. Оп. 1. Д. 459. Л. 24, 35, 51.

[7] Декреты Азревкома (1920–1921): Сб. док. – Баку: Азернешр, 1988. – С. 124.

[8] Архив политических документов Управления делами Президента Азербайджанской Республики (далее – АПДУДПАР). Ф. 240. Оп. 1. Д. 576. Л. 7; Ф. 81. Оп. 1. Д. 73. Л. 1.

[9] Экономический вестник Азербайджана. – 1922. – № 23 (30). – С. 27.

[10] Государственный архив Азербайджанской Республики (далее – ГААР). Ф. 816. Оп. 6с. Д. 14. Л. 6.

К 1922 г. в связи с устранением жестких мер и проведением новых мероприятий в рамках курса НЭПа положение в немецких поселениях начало стабилизироваться. Принятые руководством решения в области виноделия создали условия для возобновления немцами винодельческого хозяйства, в развитии которого большое значение имел созданный в немецких поселениях кооператив «Конкордия». Усилившийся в стране в 1921–1922 гг. процесс кооперации, а также непосредственное развитие и расширение торговой сети Союза виноградарей-виноделов способствовали его преобразованию в кооперативное объединение (Просотрудвин). На собрании уполномоченных 8 августа 1922 г. Просотрудвин был переименован в Производственный кооператив виноградарей-виноделов Гянджинского района «Конкордия».

Согласно проведенным исследованиям, в 1926 г. кооператив объединял 96,1 % населения 8 немецких колоний Азербайджана, т. е. почти абсолютное большинство немецких колонистов. По всем немецким колониям к 1926 г. было кооперировано 1247 хозяйств, а число членов кооперативов составляло 1498 чел.[11] В 1925 г. в «Конкордии» из урожая виноградников, собранного по всем немецким колониям, было получено 1 705 274 ведра вина[12]. В 1926 г. во владении кооператива по учотделам всех 8 немецких поселений имелись 9 норменно-винокуренных, спиртово-ректификационных и 5 коньячных заводов, 11 винодельческих и коньячных подвалов, а также подсобные предприятия – 3 котельные в Еленендорфе, Анненфельде, Георгиевске, 3 собственные электростанции в Еленендорфе и Георгиевске и различные бондарные, слесарные мастерские. Как видно, промышленные предприятия были распределены по всем колониям, что способствовало развитию каждой из них[13]. «Конкордия» имела свои представительства и отделения в различных городах СССР – Бакинское, Тифлисское, Московское, Ленинградское, Ростовское, Ташкентское, Саратовское, а также имела розничные магазины. Также необходимо отметить деятельность Берлинского представительства «Конкордии», посредством которого за границу поставлялась винная продукция и закупались оборудование, лечебные средства для кооператива[14].

Помимо решения производственных вопросов, кооператив «Конкордия» содействовал развитию культурной жизни немецких поселений, оказывал помощь школам в колониях, поддерживал научно-технические изыскания в области виноделия. В 1923 г. при «Конкордии» был учрежден Энтомологический кабинет в Еленендорфе, руководителем которого был И.Я. Принц. В лабораторных условиях велась научно-исследовательская работа по борьбе с сельскохозяйственными вредителями, создавались усовершенствованные удобрения, используемые в виноградарстве, и т. д. Согласно Уставу, основными органами управления были правление и собрание уполномоченных, ревизионная комиссия и участковые отделы. Всего в «Конкордии» имелось семь учотделов: Еленендорфский, Анненфельдский, Георгиевский, Траубенфельдский, Алексеевский, Эйгенфельдский, Грюнфельдский (объединял два села – Грюнфельд и Елизаветинка)[15].

Краткую характеристику деятельности кооператива дал в своей приветственной речи, произнесенной на 20-м собрании уполномоченных «Конкордии» 17 февраля 1927 г., председатель Сельскосовета, инструктор Плодовинсоюза из Москвы Н.Д. Черепенин, который отметил высокую продуктивность этого кооператива благодаря подходу и мето-

[11] ГААР. Ф. 816. Оп. 6с. Д. 14. Л. 34, 285; XX Собрание уполномоченных производственного сельскохозяйственного кооператива виноградарей-виноделов Гянджинского района «Конкордия». – Баку, 1927. – С. 7.

[12] XX Собрание уполномоченных производственного сельскохозяйственного кооператива… – С. 13.

[13] ГААР. Ф. 2384. Оп. 1. Д. 2. Л. 214; Ф. 816. Оп. 6. Д. 56. Л. 7–8; Социалистическое строительство АССР: Стат. сб. – Баку: Союзоргучет, 1935. – С. 41–50.

[14] ГААР. Ф. 2384. Оп. 1. Д. 17. Л. 100–101; АПДУДПАР. Ф. 1. Оп. 85. Д. 613. Л. 65; Ф. 240. Оп. 1. Д. 685. Л. 98–113.

[15] *Зейналова С.* Немцы на Кавказе. – С. 111–112.

дам работы. Как им было отмечено, «главный секрет заключается в последовательном проведении кооперативных принципов: крестьянин совершенно освобожден от забот по переработке и сбыту продукции своего хозяйства, и, кроме этого, кооператив подошел к работе так, что крестьянин весь продукт своего труда без остатка сдает в кооператив, и поэтому член кооператива кровно заинтересован в своем кооперативе. Мы ценим этот кооператив и приветствуем его от имени Сельскосовета и Плодовинсоюза»[16].

Наряду с «Конкордией» в немецких колониях в эти годы были созданы и действовали потребительские кооперативы, как, например, потребительский кооператив «Помощь» в Еленендорфе, основными задачами деятельности которого были снабжение населения колонии предметами первой необходимости, удовлетворение производственно-хозяйственных нужд своих членов. Кроме того, действовали потребительские кооперативы «Меркурий» в Грюнфельде, «Надежда» в Георгиевку, «Энергия» в Алексеевке.

Со второй половины 20-х годов деятельность «Конкордии» перестала соответствовать курсу проводимой властями экономической политики, что привело к применению ограничений по отношению к этому объединению. Несоответствия прежде всего выражались в расширении частного товарооборота кооператива, самостоятельной торговли через собственные представительства и отделения, обогащении и увеличении так называемой «кулацкой» прослойки в среде колонистов. Согласно переписи 1923 г., только в одном Еленендорфе насчитывалось 547 промышленных заведений, из которых большинство были частными, небольшая часть – кооперативными и только одно – государственным, а из общего числа застроенных владений в колониях национализировано или кооперировано было только небольшое количество, большинство же принадлежало частным лицам[17]. Недовольство и недоверие партийного руководства вызывала и организационная структура кооперации. Помимо этого острым вопросом являлось членство в «Конкордии» бывших предпринимателей-промышленников, в особенности семейств Форер и Гуммель. Во многих актах обследований «Конкордии» указано членство бывших фабрикантов Фореров и Гуммелей, а также участие их в управленческой структуре кооператива, что было недопустимым явлением в советской системе хозяйствования. В 1925–1926 гг. ситуация в кооперативе осложнилась. В докладной записке, составленной на основе тайного обследования кооператива в июне 1925 г. уполномоченными ЗакЧека и АзЧека и направленной С.М. Кирову под грифом «совершенно секретно», «Конкордия» обвинялась в националистической деятельности, в связях с Германией, с националистами-эмигрантами, в наличии «диктатуры капиталистов» – Фореров, Гуммелей, т. е., в общем, в несоответствии установкам советского общества. Здесь же было указано, что необходимо обратить внимание на некоторых членов кооператива и правления – Г. Гуммеля, Х. Форера, Л. Куна, Г. Бека и др., на возможность проведения обысков и дальнейшего расследования[18]. В конце 1925 – начале 1926 г. было открыто следственное дело по кооперативу «Конкордия», арестованы 16 руководителей, среди которых на скамье подсудимых оказались бывший председатель кооператива Георг Бек, ответственные работники – Лоренц Кун, Г. Гуммель, Р. Онгемах, О. Цейзер и другие авторитетные и зажиточные колонисты[19]. Они обвинялись в покупке валюты, пересылке денег за границу – в Германию, коррупции, в содействии строительству капиталистического общества в немецких поселениях и были приговорены Верховным Судом АзССР летом 1926 г. к разным срокам тюремного заключения[20]. В результате многих ходатайств со стороны ответственных лиц «Конкордии» и других организаций постановлениями Секретариата ЦК АКП (б) в ноябре 1926 г. осужденные по делу кооператива «Конкордия» – Г. Бек, Л. Кун, Г. Гуммель, О. Цейзер, Р. Онгемах – были отпущены на принудительные работы в другие кооперативы и организации АзССР[21]. Судебный процесс по делу «Конкордии» был предзнаменованием приближающейся ликвидации кооператива.

[16] XX Собрание уполномоченных производственного сельскохозяйственного кооператива… – С. 7.
[17] Бюллетень АзЦСУ. – 1926. – № 2 (7). – С.4–5; Там же. – 1929. – № 1. – С. 32.
[18] АПДУДПАР. Ф. 1. Оп. 74. Д. 142. Л. 155–160.
[19] *Джафарли М.* Немцы в Азербайджане. – С. 21.
[20] АПДУДПАР. Ф. 1. Оп. 235. Д. 102. Л. 657.

В сжатые сроки властями была проведена частичная реорганизация структуры кооператива. Так, в первую очередь было ликвидировано Берлинское представительство «Конкордии», что прервало заграничные поставки и связи кооператива. Местные учотделы в каждой колонии были реорганизованы в самостоятельные кооперативы, входящие в членство Азплодвинсоюза, что способствовало расчленению «Конкордии». Постепенно ликвидировались Московское, Ростовское и другие представительства и отделения «Конкордии», переходившие в ведение Азшараббирлиги, что привело к ликвидации собственной торговой сети. Изменения происходили и в управленческой структуре «Конкордии». На основе постановления ЦИК и СНК СССР от 18 сентября 1929 г. о реорганизации всей сельскохозяйственной кооперации правление Шараббирлиги (Объединение (союз) виноделов Азербайджана) вынесло постановление о реорганизации кооператива «Конкордия» в Районное объединение поселковых товариществ виноградо-винодельческой кооперации и о реорганизации участковых отделов кооператива в самостоятельные поселковые производственные товарищества, являющиеся первичными звеньями, объединяющими крестьянские хозяйства колоний. Районное объединение входило в Шараббирлиги, через которое осуществляло сбытовые операции. В состав же поселковых товариществ не принимались кулаки, зажиточные колонисты, что способствовало активизации процесса раскулачивания[22]. Вследствие исполнения всех этих решений 5 ноября 1931 г. на заседании бюро Наримановского райкома было постановлено: «…считать необходимым реорганизацию Конкордии и создание комбината, исходя из политических соображений, реорганизацию провести после уборки урожая»[23]. В 1935 г. был проведен суд по делу кооператива «Конкордия», в ходе судебного разбирательства 21 колонист был обвинен, в т. ч. и руководящие работники кооператива. В итоге, признав действительным «вредную», «подрывную» экономическую деятельность «Конкордии», кооператив был окончательно ликвидирован[24].

С конца 1920-х годов в Азербайджанской ССР, как и во всех союзных республиках, проводилась политика сплошной коллективизации. В этот период во всех сельских местностях Азербайджана, в т.ч. и в немецких поселениях, осуществлялся процесс колхозного строительства и включения индивидуальных либо кооперированных хозяйств в состав колхозов. Социально-экономическое положение немецких поселений в 30-е годы необходимо рассматривать в рамках колхозного строительства, т. к. все хозяйственные процессы были непосредственно связаны с деятельностью созданных колхозов.

В Азербайджанской ССР до середины 1928 г. создание колхозов проходило умеренными темпами. Однако с середины 1928 г. этот процесс был ускорен, началось осуществление сплошной коллективизации, в ходе которой не учитывались национальные, культурные, хозяйственные особенности местного населения. В 1930–1932 гг. в немецких поселениях были образованы колхозы: в Еленендорфе – колхоз им. Тельмана, Анненфельде – им. Клары Цеткин, Георгиевске – «Борьба», Траубенфельде – «Советштерн», Марксово (Елизаветинке) – «Интернационал», Грюнфельде – «Роте-Фане», Алексеевке – им. Ленина. Отметим интересный факт: к началу 1933 г. в общем составе этих колхозов было всего 622 хозяйства из существовавших во всех 8 немецких селениях и имевших виноградники 1844 хозяйств, т. е. в состав колхозов, образованных в немецких колониях, входило лишь около одной трети всех имеющихся в них виноградарских хозяйств. Общий

[21] АПДУДПАР. Ф. 1. Оп. 74. Д. 695. Л. 2, 49; Оп. 74. Д. 200. Л. 2.
[22] ГААР. Ф. 2384. Оп. 1. Д. 10. Л. 85–86; Ф. 379. Оп. 7. Д. 87. Л. 9.
[23] АПДУДПАР. Ф. 81. Оп. 3. Д. 148. Л. 231.
[24] «Конкордия». Производственный кооператив виноградарей и виноделов Гянджинского района. – Одесса: Астропринт, 2001. – С. 17–18.

процент коллективизации в колониях составлял 35 %. Сплошная коллективизация наблюдалась в Грюнфельде и Алексеевке, а самый меньший процент был в Еленендорфе – 3,4 %, т. к. в составе Еленендорфского колхоза им. Тельмана было 21 хозяйство, а вне колхоза оставались 664 хозяйства[25]. Такое положение в Еленендорфском колхозе можно объяснить тем, что в Еленендорфе как самой богатой и центральной немецкой колонии имелось большое количество зажиточных колонистов, не желающих вступать в колхозы и остающихся в составе реорганизованной «Конкордии» вплоть до ее окончательной ликвидации в середине 30-х годов. В результате этих шагов в колониях начался процесс нового распределения земли. Так, например, в Георгсфельде было постановлено: в кулацких хозяйствах за трудовую норму считать 0,33 га на одного трудоспособного члена семьи, а лишнюю площадь виноградников передать местному колхозу «Борьба». Также в распоряжение колхоза переходили находящиеся в данных хозяйствах как сельхозмашины, так и лечебные средства[26]. В итоге новообразованные колхозы строились на фундаменте переданного имущества зажиточных, кулацких и середняцких слоев, которые преобладали в поселениях. Как отмечалось в обследовании колхозов в немецких поселениях, проведенном бригадой ЦИК и РКИ АзССР под руководством А.П. Скублинского, «с 1929 до 1932 г. индивидуальный сектор потерял 42,5 % площади своих виноградников, которые влились в колхозный сектор; эта крупнейшая операция в производственной и социальной структуре виноградно-винодельческого района АзССР не могла пройти незаметно без серьезных последствий для этой отрасли сельского хозяйства АзССР»[27]. В целом в 30-е годы во всех немецких поселениях была развернута большая работа, направленная против кулацко-зажиточной прослойки колонистов. Так, в очередном протоколе Секретариата от 13 апреля 1932 г. было записано, что вся площадь виноградных садов немецких колоний, отобранных у кулаков, будет полностью освоена Совхозтрестом, а часть – самими колхозами[28].

При этом властями были определены основные признаки хозяйств, которые должны были считаться кулацкими и быть раскулачены. В результате не только кулаки, но и часть середняцкой массы были причислены к лишенцам и обложены в индивидуальном порядке. Такое положение дало о себе знать прежде всего в снижении хозяйственного уровня, урожайности. Так, в докладной записке о результатах обследования комиссией ЦК АКП (б) работы Наримановского района от 1936 г., отправленной секретарю ЦК АКП (б) тов. Багирову, относительно колхозного строительства отмечалось, что «в крупных колхозах, как колхоз им. Тельмана и др., в результате отсутствия индивидуальной сдельщины в прошлом 1935 г. большое количество колхозников работало неудовлетворительно, в 1935 г. имелось снижение урожая винограда в колхозе им. Тельмана»[29].

К середине 30-х годов в немецких поселениях принимались усиленные меры против кулачества. В документах того времени часто указывается, что среди немецкого населения, проживающего в Азербайджане, активизировались кулацкие антисоветские элементы, в колхозах много кулаков. Во второй половине 30-х годов – период проведения массовых репрессий – увеличилось число арестов. К примеру, в отчете НКВД, представленном в исследованиях М. Джафарли, указывалось, что за 1935 г. число репрессированных немцев по АзССР достигло 381 человека, из которых большинство были раскулачены либо арестованы по делу «Конкордии»[30]. Отметим, что после судебного дела и окончательной ликвидации «Конкордии» во второй половине 30-х годов некоторые хозяйства колонистов, не входившие в состав колхозов, были раскулачены, колонисты с клеймом «кулака» подвергались арестам, а их имущество в административном порядке конфисковалось. Одним из примеров проходивших процессов может служить акт за 1940 г. о конфискации имущества, изъятого по г. Ханлару, в котором были указаны дома 11 колонистов с хозяйственными пристройками, подвалами, подлежащие конфискации[31]. Большая часть репрессированных немцев были высланы из Азербайджана в лагеря НКВД в Сибирь, Алтайский край либо в Казахстан, и связь родных с ними сразу же прекращалась. Репрессированные немцы обвинялись в основном в антисоветской деятельности, кулачестве, высказываниях против колхозов, связях с Германией и т. д. Среди подвергнутых репрессиям были известные семьи немецких колонистов; например, некоторые представители семьи Гуммель, обвиненные как бывшие крупные собственники-предприниматели в антисоветской деятельности, связях с Германией (последнее усугублялось наличием там родственников), были арестованы, высланы. На наш взгляд, проведение в 30-е годы репрессий среди немецкого населения было отражением осуществления политики массовых репрессий советского руководства в этот период в Азербайджанской ССР и в целом по всему Союзу.

Одним из инцидентов, выявивших сложную ситуацию в немецких поселениях, были события 18 марта 1930 г. в Еленендорфе. Согласно архивным материалам, 18 марта 1930 г. в селе была организована демонстрация протеста, в результате которой некоторые колонисты вошли в помещение РИКа, вследствие чего была открыта стрельба и имелись жертвы. Интересным источником, в котором подробно представлены данные события в Еленендорфе, являются мемуары Эриха Онгемаха. Будучи свидетелем этих событий, он описал их следующим образом. 18 марта 1930 г. вечером в Еленендорфе раздался звук набатного колокола с церковной башни. Люди вышли на улицы. Перед зданием администрации толпились людские массы. Во дворах раздавались требования запретить колхозы. Внезапно в окна здания администрации посыпался град камней. Раздались выстрелы. Прибыла группа чекистов. На следующий день около 200 человек – крестьяне – были задержаны[32]. Это был серьезный инцидент, который привлек внимание и вызвал большое беспокойство центральных властей. В этот же день заведующим Орготделом окружного комитета АКП (б) было направлено требование секретарю Еленендорфского ДПК и председателю Дайрайисполкома с целью провести расследование этого события: «через уполномоченных ГПУ развернуть осведомительскую сеть для подробного установления, кем и как была организована демонстрация, выдвинутая против местных работников, выяснить роль кулаков, созвать 19 марта заседание местной комячейки, где провести разъяснительную работу под уклоном разъяснения роли кулаков в этом деле, учесть возможность отражения сегодняшней демонстрации на окружающие села и применить соответствующие меры». В итоге 14 мая 1930 г. на заседании президиума Зурнабадского (Ханларского) райпарткома по поводу действий колонистов 18 марта было отмечено, что «большинство членов сельсовета является нездоровыми, потому считать необходимым в срочном порядке переизбрание сельсовета».[33]

В итоге коллективизации к концу 30-х годов абсолютное большинство хозяйств немецких колонистов было включено в колхозы. Согласно сведениям статьи «Колхоз имени Тельмана в третьей пятилетке», опубликованной в газете «Коммунист», к началу 1939 г. в этом колхозе кол. Еленендорф насчитывались 601 хозяйство и 720 га земли. В 1938 г. в колхозе с одного гектара было получено 104 центнера винограда, а в целом 49 455 центнеров[34]. Однако процесс колхозного строительства в немецких поселениях не проходил гладко и быстрыми темпами. Даже к концу 30-х годов, когда коллективизация была завершена, в немецких поселениях периодически возникали определенные

[25] ГААР. Ф. 816. Оп. 6. Д. 899. Л. 131а; Гянджинский филиал ГААР. Ф. 348. Оп. 1. Д. 3. Л. 2; Ф. 347. Оп. 1. Д. 44. Л. 73, 82.

[26] ГААР. Ф. 816. Оп. 6. Д. 1183. Л. 18.

[27] Там же. Д. 899. Л. 136.

[28] АПДУДПАР. Ф. 1. Оп. 74. Д. 801. Л. 11.

[29] Там же. Оп. 88. Д. 149. Л. 21–24.

[30] *Джафарли М.* Политический террор и судьбы азербайджанских немцев. – С. 71.

[31] Гянджинский филиал ГААР. Ф. 424. Оп. 1. Д. 3. Л. 5–6.

[32] *Ohngemach E.* Memoire eines Unbekannten // Heimatliche Weiten. – M., 1989. – S. 112.

[33] АПДУДПАР. Ф. 81. Оп. 1. Д. 225. Л. 48; Ф. 81. Оп. 3. Д. 108. Л. 45.

[34] Колхоз имени Тельмана в третьей пятилетке // Kommunist. – 1939. – 6 mart. – № 53 (5585).

проблемы в деятельности колхозов. В протоколе сессии Ханларского горсовета депутатов трудящихся от 19 мая 1940 г. отмечалось, что «слабо поставлен вопрос о реализации постановления ЦК ВКП (б) и СНК о 100 % вовлечении колхозников и колхозниц в работу колхоза, как колхоза им. Тельмана. Сессия обязывает правление колхоза им. Тельмана развернуть социалистические методы труда (соцсоревнование и стахановское движение), массово-агитационную и воспитательную работу среди колхозников»[35].

Процесс коллективизации, начатый в немецких поселениях в конце 20-х, равно как и во всех сельских местностях Азербайджанской ССР, согласно взятому советским руководством курсу, был завершен во второй половине – конце 30-х годов. Если в 1932–1933 гг. общий процент коллективизации во всех немецких поселениях составлял 35 %, то к концу 30-х годов абсолютное большинство хозяйств немецких крестьян было включено в колхозы. Создание в немецких селах колхозов сказалось на их социально-экономическом положении. По своей структуре и организации труда колхозы отнимали у колонистов самостоятельность в хозяйственной деятельности, предоставляя им только необходимое для жизни и отбирая излишки труда. Вследствие этого в немецких поселениях на протяжении 30-х годов наблюдался хозяйственный спад по сравнению с уровнем, достигнутым колонистами в период НЭПа к середине 20-х годов. Такая тенденция сохранялась вплоть до депортации в 1941 г.

Таким образом, социально-экономические процессы, проводимые советским руководством в 20–30-е годы прошлого столетия, имели непосредственное влияние на жизнь и хозяйственную деятельность немецких колоний Азербайджана. Если в первые годы советской власти в немецких поселениях, как и во всех сельских местностях республики, проводились уравнительное распределение земли и ликвидация частной собственности (что привело к началу упадка основных отраслей хозяйственной специализации колонистов – виноградарства и виноделия), то с 1922 г. в связи с проведением новой экономической политики кооперативная форма организации хозяйства оказалась наиболее выгодной и соответствующей советской идеологии. В итоге в 1920-е годы в немецких поселениях действовал винодельческий кооператив «Конкордия», объединивший хозяйства абсолютного большинства немецких крестьян и содействовавший хозяйственному росту в колониях. В 1930-е годы в связи с изменениями в экономическом курсе советского государства место кооперативных хозяйственных организаций заняли колхозы. Созданные в немецких поселениях колхозы являлись формой коллективной организации хозяйства. Издержками организации деятельности колхозов были ограничения индивидуальной хозяйственной деятельности немецких крестьян, проводимые раскулачивания. Несмотря на все сложности и особенности рассматриваемого периода, немецкие колонисты, проживавшие более столетия в Азербайджане, продолжали заниматься сельским хозяйством, основными отраслями специализации – виноградарством и виноделием, имели организованную структуру хозяйственной деятельности и культурной жизни, наблюдаемые вплоть до депортации немецкого населения в 1941 г.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Архив политических документов Управления делами Президента Азербайджанской Республики (АПДУДПАР). Ф. 1. Оп. 74. Д. 142, 200, 695, 801; Оп. 85. Д. 613; Оп. 88. Д. 149; Оп. 235. Д. 102; Ф. 81. Оп. 1. Д. 73, 225; Оп. 3. Д. 108, 148; Ф. 240. Оп. 1. Д. 576, 685.
2. *Ахундова Т.* Немцы-колонисты Азербайджана XIX – нач. XX в. – Баку: Шуша, 1999. – 126 с.
3. Бюллетень АзЦСУ. – 1926. – № 2 (7); 1929. – № 1.
4. *Вердиева Х.* Ограничительные меры Кавказского наместничества в годы Первой мировой войны в отношении подданных Тройственного союза // Российское государство, общество и этнические немцы: основные этапы и характер взаимоотношений (XVIII–XXI вв.): Материалы XI Междунар. научной конф., Москва, 1–3 нояб. 2006 г. / Под ред. А.А. Германа. – М., 2007. – С. 222–231.
5. Всесоюзная перепись населения 1939 г. Основные итоги / Под ред. Ю.А. Полякова. – М.: Наука, 1992. – 256 с.
6. Государственный архив Азербайджанской Республики (ГААР). Ф. 379. Оп. 7. Д. 87; Ф. 816. Оп. 6с. Д. 14; Оп. 6. Д. 56, 899, 1183; Ф. 2384. Оп. 1. Д. 2, 10, 17.
7. Государственный исторический архив Азербайджанской Республики (ГИААР). Ф. 508. Оп. 1. Д. 452, 454, 459.
8. Гянджинский филиал Государственного архива Азербайджанской Республики (ГААР). Ф. 347. Оп. 1. Д. 44; Ф. 348. Оп. 1. Д. 3; Ф. 424. Оп. 1. Д. 2, 3.
9. XX Собрание уполномоченных производственного сельскохозяйственного кооператива виноградарей-виноделов Гянджинского района «Конкордия». – Баку, 1927. – 70 с.
10. Декреты Азревкома (1920–1921): Сб. док. – Баку: Азернешр, 1988. – 519 с.
11. *Джафарли М.* Немцы в Азербайджане. – Баку: Изд-во Бакинск. ун-та, 1997. – 71 с.
12. *Джафарли М.* Политический террор и судьбы азербайджанских немцев. – Баку: Шарг-Дизайн; Стамбул: A4-Ofset, 1998. – 314 с.
13. *Зейналова С.* Немцы на Кавказе. – Баку: Мутарджим, 2008. – 424 с.
14. *Ибрагимов Н.* Немецкие страницы истории Азербайджана. – Баку: Азербайджан, 1995. – 200 с.
15. «Конкордия». Производственный кооператив виноградарей и виноделов Гянджинского района / Науч. ред. О.В. Коновалова. – Одесса: Астропринт, 2001. – 248 с.
16. Социалистическое строительство АССР: Стат. сб. – Баку: Союзоргучет, 1935. – 430 с.
17. Экономический вестник Азербайджана. – 1922. – № 23 (30).
18. Kommunist. – 6 mart 1939. – № 53 (5585).
19. *Ohngemach E.* Memoire eines Unbekannten // Heimatliche Weiten. – M., 1989. – S. 104–142.

[35] Гянджинский филиал ГААР. Ф. 424. Оп. 1. Д. 2. Л. 23.

Der Einfluss sowjetischer sozialökonomischer Prozesse auf das Leben der deutschen Siedlungen Azerbajdžans (1920–1941)

S. Sejnalova

Der vorliegende Beitrag gibt einen Einblick in die Geschichte der deutschen Siedlungen Azerbajdžans zu Zeiten der Sowjetmacht und schildert den Einfluss der sowjetischen sozialökonomischen Prozesse auf das Leben der deutschen Kolonisten (1920–1941). In dem Aufsatz werden die Tätigkeit der Winzergenossenschaft „Concordia“, die Kollektivierung in den deutschen Siedlungen und die wirtschaftliche Tätigkeit deutscher Kolonisten bis zur Deportation 1941 betrachtet.

Schlüsselwörter: deutsche Siedlungen in Azerbajdžan, sowjetische Periode, wirtschaftliche Tätigkeit, Weinbau und Winzerei, die Genossenschaft „Concordia“, deutscher Kolchos.

The influence of the social and economic processes that took place in the Soviet Union on the common life of the German settlers in Azerbaijan (1920–1941)

S. Zeynalova

This article is concerned with the history of the German settlements in Azerbaijan under the Soviet regime, with the influence of the social and economic processes that took place in the Soviet Union on the common life of the German colonists (1920–1941). The author gives consideration to the main aspects of working of the cooperative society “Concordia”, founded by the German winemakers, to the process of collectivization in the German settlements and to the problem of economic activities of the German colonists up to their deportation in 1941.

Keywords: the German settlements in Azerbaijan, the Soviet period, economic activities, the growing of grapes and winemaking, the cooperative society “Concordia”, the collective farms of the Germans.

УДК 94(47).084.8:929.535

С.Л. Разинков

Ленинградские немцы в лагерях Урала

В статье на основе материалов просопографической базы данных проводится анализ социально-демографических сведений о ленинградских немцах, мобилизованных в трудовую армию в лагеря НКВД на территории Урала (Тагиллаг, Богословлаг, Бакаллаг), для того чтобы выявить общие тенденции и особенности, характеризующие эту социальную группу.

Ключевые слова: просопографические базы данных, социальный портрет, трудовая армия, лагеря НКВД, Урал, Вторая мировая война.

В лаборатории исторической информатики Нижнетагильского филиала Российского государственного профессионально-педагогического университета под руководством д-ра ист. наук В.М. Кириллова были созданы электронные базы данных на основе учетных карточек трудармейцев трех лагерей НКВД, расположенных на территории Урала: Тагиллага (6524 записи), Богословлага (20 711 записей) и Бакаллага-Челябметаллургстроя (ЧМС) (37 086 записей). Отдельную базу данных составляют сведения о немцах-трудармейцах, умерших в Усольлаге (3508 записей)[1]. Материалы баз данных позволяют с максимальной достоверностью охарактеризовать существенные черты немцев-трудармейцев как социальной группы и проанализировать «жизненные пути» ее отдельных представителей. В этой связи особое значение имеют просопографические методы исследования, которые направлены на исследование модели общественных взаимоотношений и социальной активности посредством изучения коллективной биографии, сбора и анализа статистически значимого количества биографических данных о четко определенной группе лиц.

Мобилизацией в трудармию были затронуты практически все слои и группы граждан СССР немецкой (и не только немецкой) национальности, в т.ч. и ленинградские немцы. Целью настоящей работы является анализ социально-демографических сведений о мобилизованных в трудовую армию ленинградских немцах, для того чтобы выявить общие тенденции и особенности, характеризующие эту социальную группу. Достижение поставленной цели предполагает решение следующих задач: во-первых, уточнить понятие «ленинградские немцы» в контексте цели исследования; во-вторых, охарактеризовать основные социально-демографические характеристики мобилизованных ленинградских немцев (пол, возраст, партийность, образование и т. д.); в-третьих, проанализировать причины убытия ленинградских немцев из уральских лагерей.

При определении понятия «ленинградские немцы» мы рассматривали три аспекта: территориальный, временной и национальный.

Во-первых, исходя из особенностей заполнения массовых источников (в которых информация о месте рождения трудармейцев указывалась в соответствии с действовавшим на момент составления учетных карточек административно-территориальным делением) в качестве географического критерия отбора данных используется

[1] GEDENKBUCH: Книга памяти немцев-трудармейцев Усольлага НКВД/МВД СССР (1942–1947 гг.) / [Сост. Э.А. Гриб; ред. В.Ф. Дизендорф]. – М.: ОАНРН, 2005. – 452 с.

© С.Л. РАЗИНКОВ. ЕЖЕГОДНИК МАИИКРН. 2015 Г. № 1. С. 166–173.

Ленинградская область в ее административно-территориальных границах на начало 1941 г. (т. е. включает не только территорию г. Ленинграда, но и территории современных Ленинградской, Псковской и Новгородской областей, но уже не включает территории Вологодской и Мурманской областей).

При этом следует учитывать, что при указании места рождения в учетных карточках зачастую указывалось наименование крупного города (областного или районного центра) вместо названия пригородного немецкого населенного пункта[2]. Например, на трудармейца А.Ф. Штро в Тагиллаге были последовательно заведены две учетные карточки, в одной из которых в качестве места рождения указан г. Ленинград, а в другой – немецкая Новосаратовская колония.

Во-вторых, представители этой категории должны быть связаны с регионом в течение определенного времени. В этой связи возможны три варианта: 1) персона проживала в Ленинграде и/или Ленинградской области с момента рождения до депортации (как, например, востоковед Альфред Арендс, высланный из Ленинграда в марте 1942 г.); 2) уроженец Ленинграда или области, который в результате добровольной или принудительной миграции покинул регион задолго до 1941 г. (как, например, знаменитый впоследствии конструктор Борис Раушенбах, который в середине 1930-х годов перебрался в Москву); 3) персоны, родившиеся за пределами Ленинградской области, но постоянно проживающие в Ленинграде и области к моменту депортации (как, например, Феликс Валенбургер, родившийся в Минской губернии, но проживший значительную часть жизни в Ленинграде). Ограниченный формуляр учетной карточки трудармейца (в отличие от несохранившихся личных дел) позволяет выявить в базе данных только представителей двух первых категорий, т. е. трудармейцев, местом рождения которых является Ленинград и Ленинградская область. Таких персоналий в БД насчитывается 418 чел., а их распределение по лагерям НКВД приведено в табл. 1.

Таблица 1. Распределение ленинградских немцев по лагерям НКВД

Объект НКВД	Количество (чел.)		
	мужчин	женщин	общее кол-во
Богословлаг	97	3	100
Тагиллаг	94	22	116
Усольлаг *	9		9
Челяблаг	184	9	193
Всего	**384**	**34**	**418**

* Только трудармейцы, умершие в Усольлаге.

В-третьих, достаточно большое значение имеет вопрос об этнической принадлежности трудармейцев, т. к. в категорию «мобилизованные немцы» попадали не только немцы, но и представители многих других национальностей (относящихся к титульным нациям государств – противников СССР). Например, только в Челябметаллургстрое, помимо немцев, находились 5603 чел. (15 % от лагерного контингента), представлявших 40 национальностей. Среди них было более 2,5 тыс. финнов, уроженцев Ленинградской области.

Другая проблема этнической идентификации связана с тем, что некоторые трудармейцы были рождены в результате смешанных браков и стремились подчеркивать свою ненемецкую этничность с целью скорейшего освобождения из лагеря. При отборе подмножества ленинградских немцев в качестве критериев выборки из БД вы-

[2] См. также: *Черказьянова И.В.* Ленинградские немцы: судьба военных поколений (1941–1955 гг.). – СПб.: Нестор-История, 2011. – С. 7–8.

ступали не только национальность, но и место рождения (немецкая колония), принадлежность к определенному мобилизационному потоку (время и место мобилизации), а также время и причина освобождения из трудармии.

Таблица 2. Распределение ленинградских немцев по национальности

Национальность	немец	русский	эстонец	австриец	венгр	латыш	украинец	швейцарец	**Всего**
Количество (чел.)	393	15	5	1	1	1	1	1	**418**

Прибытие мобилизованных советских немцев в лагеря НКВД происходило поэтапно, несколькими волнами. Это утверждение также применимо и к ленинградским немцам (см. табл. 3 и рис. 1).

Таблица 3. Распределение ленинградских немцев по месту мобилизации в трудовую армию

Регион	Урал	Сибирь и Дальний Восток	Казахстан	Средняя Азия	Европейская часть России	Украина, Молдавия, Крым	из заключения или РККА	нет данных	**Всего**
Кол-во (чел.)	131	89	46	31	27	10	11	73	**418**
Кол-во (%)	38,0	25,8	13,3	9,0	7,8	2,9	3,2		

Первую волну граждан СССР немецкой национальности, фактически положившую начало процессу создания военизированных трудармейских формирований, составляли советские немцы, отозванные из РККА и/или мобилизованные во внутренние строительные части в 1941 г. Часть из советских немцев, мобилизованных в сентябре 1941 г. в строительные батальоны, была направлена в Богословлаг НКВД. В этом мобилизационном потоке из 6247 чел. оказалось лишь 5 немцев, родившихся в Ленинграде, но к моменту мобилизации проживавших на территории Украинской ССР.

Первая массовая мобилизация, инициированная постановлением ГКО № 1123сс от 10 января 1942 г., охватила немцев-мужчин в возрасте от 17 до 50 лет, «переселенных» из АССР немцев Поволжья в Сибирь и Среднюю Азию, которые рекрутировались «в рабочие колонны на все время войны»[3], также практически не затронула «ленинградских немцев» (см. рис. 1).

Рис. 1. Динамика прибытия ленинградских немцев в лагеря Урала в 1941–1946 гг.

[3] Текст постановления см.: История российских немцев в документах (1763–1992). – Т. 1. – М., 1993. – С. 168–169.

В марте – июне 1942 г. после второй массовой мобилизации в соответствии с постановлением ГКО № 1281сс от 19 февраля 1942 г. контингент лагерей НКВД пополнили так называемые «местные немцы» – мужчины в возрасте от 17 до 50 лет, постоянно проживавшие в областях, краях, автономных и союзных республиках и не подвергавшиеся депортации в 1941 г.[4] Именно в рамках этого потока было мобилизовано значительное число ленинградских немцев, имевших статус эвакуированных из европейской части страны. Анализ географического распределения трудармейцев второго массового призыва по месту мобилизации позволяет сделать вывод о том, что территории – источники и объекты-приемники мобилизуемых людских ресурсов – располагались преимущественно в пределах четырех регионов: Сибирь (Омская обл.), Средняя Азия (Таджикская ССР, Фрунзенская и Ташкентская обл.), Северный Казахстан и Урал.

Третья, самая массовая, мобилизация советских немцев осенью 1942 г., по которой в рабочие колонны наряду с мужчинами 15–55 лет направлялись и женщины, имевшие детей старше трех лет, которых они должны были передать на воспитание ближайшим родственникам или органам советской власти, не затронула объекты НКВД. Однако в соответствии с постановлением ГКО № 2409сс от 14 октября 1942 г. действие постановлений ГКО «о мобилизации в рабочие колонны немцев-мужчин, годных к труду, в возрасте от 17 до 50 лет» было распространено на «граждан других национальностей воюющих с СССР стран – румын, венгров, итальянцев, финнов»[5]. Вместе с финнами в конце 1942-го – начале 1943 г. в уральские лагеря было направлено и некоторое число ленинградских немцев, ранее избегнувших мобилизации.

Осенью 1943 г., вероятно, по постановлению ГКО № 3860 в Тагиллаг из Красноярского края прибыла большая группа женщин-немок и мужчин (в возрасте старше 55 лет или повторно мобилизованных в трудовую армию), среди которых находилось несколько десятков ленинградских немцев. Один из трудармейцев уже в Нижнем Тагиле так рассказывал своим товарищам по несчастью об этой мобилизации: «Нам прислали повестки и собрали в клуб, где мы переночевали, а на другой день нам объявили, что вы мобилизованы, от матерей отбирали детей силой, при погрузке в автомашины не желающих отдать детей работники милиции толкали»[6].

Обработка сведений электронных баз данных позволяет сделать вывод о наличии четкой взаимосвязи между территориальной локализацией ленинградских немцев, временем призыва в трудармию (принадлежности к определенному мобилизационному потоку) и лагерем НКВД, в котором они оказались. Так, например, упоминаемая выше группа немцев была мобилизована в Тагиллаг НКВД на территории Абанского района Красноярского края в сентябре 1943 г.

Следует отметить, что образовательный уровень ленинградских немцев был существенно выше среднего. Например, по числу лиц, имевших высшее образование, они в несколько раз превышали аналогичный показатель трудармейцев (в табл. 4 для сравнения приведены данные для трудармейцев Челябметаллургстроя). По нашему мнению, это объясняется спецификой состава ленинградских немцев, которые в силу географической близости к учебным и научным центрам имели больше возможностей получить качественное образование, а статус Ленинграда как промышленного, культурного и управленческого центра способствовал концентрации в нем высококвалифицированных и подготовленных кадров.

[4] История российских немцев в документах (1763–1992). – Т. 1. – С. 170.

[5] Документ опубликован в: «Мобилизовать немцев в рабочие колонны… И. Сталин»: Сб. док. (1940-е годы). – М.: Готика, 2000. – С. 44–45.

[6] Государственный архив административных органов Свердловской области (УГААОСО). Ф. Р–1. Оп. 1. Д. 29 663. Л. 9 об.

Таблица 4. Распределение ленинградских немцев по уровню образования

Уровень образования	Ленинградские немцы		Трудармейцы Челябметаллургстроя (%)
	Кол-во (чел.)	Кол-во (%)	
Высшее законченное	38	10,9	2,0
Высшее незаконченное	1	0,3	0,7
Среднее законченное	88	25,2	6,1
Среднее незаконченное	71	20,3	12,6
Низшее (начальное)	107	30,7	54,4
Малограмотный	33	9,4	16,8
Неграмотный	11	3,2	7,4
Нет данных	69		
Всего	**349**		

Указанными выше обстоятельствами можно объяснить и специфическое распределение ленинградских немцев по признаку партийной принадлежности – число коммунистов и комсомольцев среди них существенно превышало средние показатели для трудармейцев в лагерях Урала (см. табл. 5).

Таблица 5. Распределение ленинградских немцев по партийной принадлежности

Партийность	Ленинградские немцы		Трудармейцы (%)		
	Кол-во (чел.)	Кол-во (%)	Челябметаллургстой	Богословлаг	Тагиллаг
ВКП(б)	20	5,2	2,4	2,2	2,6
ВЛКСМ	23	6,0	4,2	3,8	4,1
Беспартийный	338	88,7			
Нет данных	37				
Всего	**418**				

В лагерях НКВД ленинградские немцы с высшим или средним техническим образованием, как правило, «использовались по специальности». Например, в прошлом заведующий производственным бюро паросилового хозяйства Ижорского завода Ф.Г. Валенбургер работал в Тагиллаге нормировщиком. По своей специальности работал и Б.В. Раушенбах. С другой стороны, известный ученый-востоковед А.К. Арендс, крупнейший исследователь средневековых персидских рукописей, владевший семью восточными и европейскими языками, до 1947 г. трудился разнорабочим, а затем инструментальщиком на карьере «Шайтанка»[7].

Причины убытия ленинградских немцев из уральских лагерей (в сравнении с трудармейцами Челябметаллургстроя) приведены в табл. 6.

Таблица 6. Причины убытия ленинградских немцев из лагерей Урала

Причины убытия	Ленинградские немцы		Трудармейцы Челябметаллургстроя (%)
	Кол-во (чел.)	Кол-во (%)	
Демобилизация (в т. ч. по инвалидности, национальному признаку)	101	24,2	34,7
Перевод на прочие объекты (НКВД или других наркоматов)	30	7,2	5,2

[7] Архив ОАО «Тагилстрой». Оп. 1 (служащие). Личное дело Арендс А.К.

Причины убытия	Ленинградские немцы		Трудармейцы Челябметаллургстроя (%)
	Кол-во (чел.)	Кол-во (%)	
Освобождение из трудармии и перевод на спецпоселение	171	40,8	26,7
Арестовано, осуждено	37	8,9	8,5
Умерло	46	11,0	17,3
Дезертировало	10	2,4	5,1
Прочие причины	–	–	0,1
Нет данных (в основном перевод или спецпоселение)	23	5,5	2,4
Всего	**418**	**100**	**100**

Большинство из указанных в табл. 6 причин убытия ленинградских немцев в силу их обобщенных формулировок требуют более подробной характеристики и анализа с привлечением дополнительных материалов (архивных документов, воспоминаний и т. д.). На данной стадии исследования возможно лишь провести первичный анализ некоторых причин убытия трудармейцев, в первую очередь на основе материалов БД.

1. *Смертность*. Следует отметить, что уровень смертности среди мобилизованных немцев был в действительности выше (может быть, существенно выше), т. к. актированные инвалиды и обвиняемые, умершие в период предварительного следствия, учитывались в лагерных картотеках соответственно как арестованные и демобилизованные. Еще в августе 1942 г. в справке ОУРЗ ГУЛАГа отмечалось, что в лагерях НКВД в январе – июле 1942 г. наблюдается высокая естественная убыль из рабочих колонн мобилизованных немцев «за счет умерших и демобилизованных инвалидов», причинами которой является «ослабление рабочего фонда, доведение его до состояния инвалидности и непригодности к труду»[8]. Однако пик смертей среди трудармейцев пришелся на октябрь 1942 г. – май 1943 г. Эта тенденция резкого увеличения числа смертности среди трудармейцев была в той или иной степени характерна для всех лагерей НКВД. Например, в Челябметаллургстрое за восемь месяцев умерли 3849 трудармейцев (60,1 % от смертных случаев за весь 51-месячный период трудармии), в Богословлаге – 1282 чел. (10,9 %), в Ивдельлаге – 1339 чел. (12,9 %), Тагиллаге – 277 чел. (7,6 %), Усольлаге – 1301 чел. (19,6 %) и т. д.

Следует отметить, что уровень смертности среди ленинградских немцев оказался заметно ниже, чем в среднем среди трудармейцев уральских лагерей (11 % против 17,3 % в Челябметаллургстрое). Это можно, по нашему мнению, попытаться объяснить рядом факторов – использование многих ленинградских немцев (в силу высокого уровня образования) на квалифицированных инженерно-технических работах, а также относительно «позднее» прибытие значительного числа ленинградцев в лагеря НКВД (вторая половина 1942–1943 г.).

2. *Дезертирство*. Пик дезертирства приходится на 1946–1947 гг. и связан с невозвращением немцев-трудармейцев и спецпоселенцев из отпусков, которые с 1 января 1946 г. им стали предоставлять «на общих основаниях со всеми рабочими и служащими»[9]. Многие отпускники предпочитали оставаться в местах проживания своих семей, несмотря на то что в соответствии с указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 декабря 1941 г. самовольный уход с предприятия рассматривался как дезертирство, караемое лишением свободы на срок от 5 до 8 лет. Массовые невозвращения из отпуска спецпоселенцев были характерны и для многих лагерей НКВД – например, в 1946–1948 гг. каждый десятый ра-

[8] Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р–9414. Оп. 1. Д. 1157. Л. 149–150. Документ опубликован в: «Мобилизовать немцев в рабочие колонны… И. Сталин». – С. 138–139.

[9] Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). Ф. Р–1619. Оп. 1. Д. 40. Л. 52.

ботник треста «Тагилстрой» – бывший трудармеец – дезертировал с производства, чаще всего не возвратившись из предоставленного ему отпуска. Данные БД показывают, что уровень дезертирства среди ленинградских немцев был в два раза ниже, чем среди трудармейцев в целом. Это можно объяснить двумя причинами: во-первых, поздним прибытием многих ленинградцев в лагеря НКВД (и, соответственно, их неучастием в первой волне дезертирства в феврале – июне 1942 г.), во-вторых, невозможностью для большинства из них использовать описанную выше модель невозвращения из отпуска к семье.

В декабре 1945 г. отдельным трудармейцам «в случае необходимости или в порядке поощрения» был разрешен выезд к семьям на время отпуска, а также для поездки за семьей, переводимой к месту работы, во все районы СССР, кроме Московской и *Ленинградской областей* (курсив наш. – *С. Р.*), пограничных районов, а также территорий, находившихся под временной оккупацией немецких войск[10]. Таким образом, ленинградские немцы в подавляющем большинстве были лишены возможности возвращения на свою «малую родину». Как правило, они оставались в тех районах, где прежде находились в трудовой армии или куда были депортированы. В этой связи представляют интерес результаты проверки размещения спецпоселенцев – бывших трудармейцев, проведенной в Челябинске в 1951 г. (см. табл. 7). Они показывают, что только двум из 33 ленинградских немцев удалось вернуться в те регионы, из которых они были изначально депортированы (соответственно в Новгородскую и Днепропетровскую обл.).

Таблица 7. Размещение ленинградских немцев – бывших трудармейцев Челябметаллургстроя в 1951 г.

Регион	Количество (чел.)	Регион	Количество (чел.)
Челябинская обл.	10	Северо-Казахстанская обл.	1
Южно-Казахстанская обл.	4	Восточно-Казахстанская обл.	1
Свердловская обл.	3	Курганская обл.	1
Джамбульская обл.	2	Омская обл.	1
Молотовская обл.	2	Павлодарская обл.	1
Кемеровская обл.	1	Новгородская обл.	1
Новосибирская обл.	1	Кустанайская обл.	1
Днепропетровская обл.	1	Красноярский край	1
Кокчетавская обл.	1	**Всего**	**33**

3. *Арест, осуждение*. Доля ленинградских немцев, арестованных и осужденных в период нахождения в трудармии, в целом соответствует общим трудармейским показателям (несмотря на неоднократно отмеченное выше «позднее» прибытие многих ленинградцев в лагеря). Этот факт, по нашему мнению, объясняется тем, что для определенных категорий трудармейцев, олицетворяющих собой интеллектуальную и политическую элиту этноса, вероятность подвергнуться аресту и осуждению (особенно по обвинению в контрреволюционных преступлениях) была существенно выше средней. Например, для мобилизованного немца с высшим или незаконченным высшим образованием опасность подвергнуться репрессии в лагере была в два раза больше (по ст. 58 – почти в три раза больше), чем для «среднестатистического» трудармейца Челябметаллургстроя (для члена ВКП(б) вероятность ареста и осуждения была выше соответственно в 1,5 и 1,8 раза).

По показаниям осужденных трудармейцев, данным в начале 1950-х годов, следователи оперативно-чекистского отдела ЧМС применяли методы физического и психологического воздействия: подвергали подозреваемых неоднократным избиениям, «допрашивали в ночное время, а днем не давали спать», «подолгу держали на допросах, зажимали в дверях пальцы рук». Бывший оперуполномоченный ОЧО ЧМС Б.С. Гарн на допросе в 1957 г. так характеризовал обстановку ведения следствия в ЧМС: «По отношению к арестованным со стороны следователей применялись меры физического воздействия: побои, угрозы оружием, содержание в изоляторе, где для арестованных создавались невыносимые условия, т. е. лишение нормальной пищи, прогулок. Кроме этого, арестованным во время допроса наносились грубые оскорбления». В результате, как вспоминал впоследствии один из обвиняемых трудармейцев, «после всех душевных и физических истязаний я, как и многие другие, пришел к выводу, лучше подписать ложь и клевету на себя, чем погибнуть, а когда дело будет заслушано на суде, сказать всю правду о насильственном принуждении»[11]. Однако в большинстве случаев подобные дела рассматривал не лагерный суд, а внесудебный орган – Особое Совещание при НКВД.

Таким образом, интерпретация материалов баз данных показывает, что социальный облик ленинградских немцев, мобилизованных в лагеря НКВД на территории Урала, имеет определенные специфические черты, отличающие эту группу от социодемографических показателей, характерных для немецкого этноса в СССР.

[10] Муниципальный архив социально-правовых документов г. Нижний Тагил (МАСПД). Ф. Тагиллага. Оп. Приказы начальника Тагилстроя-Тагиллага НКВД. 1945 г. Д. 1. Л. 113.

[11] ОГАЧО. Ф. Р–467. Оп. 3. Д. П–7704. Л. 157–157 об., 181 об., 190, 197 об. –198, 263.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. История российских немцев в документах (1763–1992) / Сост. В.А. Ауман, В.Г. Чеботарева. – Т. 1. – М.: б.и., 1993. – 448 с.
2. «Мобилизовать немцев в рабочие колонны… И. Сталин»: Сб. док. (1940-е гг.) / Сост., предисл., коммент. Н.Ф. Бугая. – М.: Готика, 2000. – 352 с.
3. *Черказьянова И.В.* Ленинградские немцы: судьба военных поколений (1941–1955 гг.). – СПб.: Нестор-История, 2011. – 399 с.
4. GEDENKBUCH: Книга памяти немцев-трудармейцев Усольлага НКВД/МВД СССР (1942–1947 гг.) / Сост. Э.А. Гриб; Ред. В.Ф. Дизендорф. – М.: Обществ. акад. наук рос. немцев, 2005. – 452 с.

Leningrader Deutsche in den Lagern des Urals

S. L. Razinkov

In dem Artikel werden auf der Basis einer prosopografischen Datenbank soziodemografische Informationen über die Leningrader Deutschen, die für Lager des NKVD im Ural (Tagillag, Bogoslovlag, Bakallag) mobilisiert wurden, analysiert, um gemeinsame Trends und Besonderheiten dieser sozialen Gruppe herauszuarbeiten.

Schlüsselwörter: prosopografische Datenbank, Gesellschaftsporträt, Arbeitsarmee, NKVD-Lager, Ural, Zweiter Weltkrieg.

The Leningrad Germans in the Ural forced labor camps

S.L. Rasinkov

The article is based on the prosopographical database and deals with the analysis of the socio-demographic data about the Leningrad Germans who became mobilized in NKVD forced labor camps in the Ural (Tagillag, Bogoslovlag, Bakallag), in order to identify common trends and features that characterize this social group.

Keywords: prosopographical databases (PDBs), social portrait, labor army, NKVD labor columns, the Ural, the Second World War.

УДК 94 (47.230) (=30)

Н.М. Маркдорф, А.А. Долголюк

Ленинградские немцы на спецпоселении в Кемеровской области (1941–1956 гг.)

В рамках данной статьи рассмотрены судьбы немцев из Ленинграда и Ленинградской области, направленных на спецпоселение в Кузбасс, а также сферы применения их труда на предприятиях индустриального региона. Для написания статьи использованы материалы личных дел и воспоминания немцев-спецпоселенцев, научные публикации российских историков, исследовавших режим спецпоселения. Дана краткая характеристика личных дел, карточек персонального учета, приводятся выдержки из материалов дел. На основе воспоминаний немцев из Ленинградской области характеризуются условия их труда и быта. Особое внимание авторы уделили судьбам такой категории персонального учета, как «немцы по решению правительства». Авторы приходят к выводу, что вся «вина» людей и причины направления их на спецпоселение состояла лишь в принадлежности к немецкой национальности.

Ключевые слова: спецпоселенцы, ленинградские немцы, личные дела, категории специального учета.

Великая Отечественная война привела к массовому перемещению различных категорий советских людей внутри страны, а также за ее пределы. Большая часть населения оставила места постоянного проживания не по своей воле. К ним относятся и так называемые «репрессированные народы». Самым большим контингентом среди них стали российские немцы. В «трудармии» 1940-х годов они составляли до 60–70 % от общей численности «бойцов». Немцев выселяли и отправляли в восточные районы СССР из многих регионов, над которыми нависла угроза оккупации. Одним из них стала Ленинградская область. В ней и в ее административном центре столетиями проживала большая община российских немцев, для которых Россия уже давно стала родиной. Вместе с выходцами из других территорий они пополнили ряды трудармейцев. Немало ленинградских немцев было направлено в Сибирь, в частности, в Кузбасс, где они использовались преимущественно для работы в угольной промышленности. Эта сфера занятости для «новоселов» была закреплена в качестве одной из основных постановлением Государственного Комитета обороны (ГКО) от 7 октября 1941 г.

Изучению судеб немцев, выселенных из Ленинградской области и направленных на спецпоселение в Кузбасс, посвящена настоящая статья. На основе воспоминаний трудармейцев авторы рассматривают сферы применения труда репрессированных немцев, их жилищные условия, продовольственное снабжение, которые были типичны для большей части спецпоселенцев.

В отечественной историографии изучение проблемы советских депортаций активизировалось со второй половины 1980-х годов, особенно после того как в ноябре 1989 г. Верховный Совет СССР признал депортацию целых народов незаконной. Российским немцам в этих исследованиях отводилось много внимания. Различные аспекты, связанные с их перемещением из европейской части СССР в восточные районы

© Н.М. МАРКДОРФ, А.А. ДОЛГОЛЮК. ЕЖЕГОДНИК МАИИКРН. 2015 Г. № 1. С. 174–184.

страны, нашли свое отражение в крупных обобщающих работах о депортации народов Н.Ф. Бугая, Н.М. Поляна, В.Н. Земскова[1]. Они сосредоточили свое внимание на изучении причин переселения огромной массы населения, его масштабов, рассмотрели условия, в которых осуществлялось выселение, описали деятельность центральных и местных органов власти по приему, размещению депортированных, вовлечению их в хозяйственную жизнь.

К тематике, связанной с депортированными немцами, активно подключились и многие сибирские ученые: Л.П. Белковец, Б.В. Базаров, Л.П. Саганова, Т.В. Чебыкина, Л.В. Занданова, С.А. Метлин, Е.Э. Казаков, Л.Н. Славина, Л.И. Обердерфер и многие другие, которые провели историко-правовые исследования о немцах, депортированных в Сибирь и в ее отдельные регионы[2].

В своих работах авторы затронули широкий круг проблем. В частности, ими поставлены вопросы существования тоталитарного режима и репрессивной политики советского государства в отношении советских немцев, они охарактеризовали их административно-правовое положение на поселении, бытовое обустройство, трудовые отношения государства и этноса в новых местах жительства, «агентурно-оперативное обслуживание» и другие вопросы.

В 2000–2006 гг. были защищены кандидатские диссертации Р.С. Бикметовым, А.А. Шадтом, Е.В. Коневым, Е.Л Зберовской[3]. В более узких территориальных рамках – в пределах нынешней Кемеровской области проблему изучали О.А. Гербер, О.В. Костюнин и Е.В. Констанц. Первая из них дала анализ источников по использованию принудительного труда мобилизованных немцев в угольной промышленности Кузбасса в военные и послевоенные годы[4]. Объектом изучения второго стали лишь немцы,

---

[1] *Бугай Н.Ф.* Л. Берия – И. Сталину: «Согласно Вашему указанию …». – М.: АИРО-XX, 1995; *Его же.* Реабилитация репрессированных граждан России (XX – начало XXI века): Книга-мониторинг. – М.: ЗАО «МСНК-пресс», 2006; *Полян П.М.* Не по своей воле … История и география принудительных миграций в СССР). – М.: ОГИ – Мемориал, 2001; *Земсков В.Н.* Спецпоселенцы в СССР, 1930–1960. – М.: Наука, 2003.

[2] *Белковец Л.П.* Административно-правовое положение российских немцев на спецпоселении 1941–1955 гг.: Ист.-прав. исслед. – Новосибирск, 2003; *Базаров Б.В., Саганова Л.П.* Спецпоселение немцев в Бурятии (1943–1956 гг.) // Этнич. и нац. политика государства в Бурятии (XIX – начало XXI в.). – Ч. 2. – Улан-Удэ, 2008. – С. 141–167; *Чебыкина Т.В.* Депортация немецкого населения из Европейской части СССР в Западную Сибирь // Наказанный народ: Репрессии против рос. немцев. – М., 1999; *Занданова Л.В., Метлин С.А.* 1) Спецпереселение немцев Поволжья и Ленинграда в Приангарье: депортационная политика, переселенческие и адаптационные процессы (1941–1945 гг.) // Сибирская ссылка. – Иркутск, 2009. – Вып. 5. – С. 504–518; 2) Повседневная жизнь немцев-спецпереселенцев в Приангарье: социокультурный аспект [2-я пол. 40-х – 50-е годы XX в.] // Славян. языки и культуры: прошлое, настоящее, будущее: Материалы III Междунар. науч.-практ. конф. (Иркутск, 21–22 мая 2009 г.). – Иркутск, 2009. – С. 92–98; *Казаков Е.Э.* Из истории сибирского тыла: мобилизованные советские немцы // Сибиряки в Великой Отечественной войне: Материалы регион. науч.-практ. конф., посвящ. 65-летию Победы (Новосибирск, 29–30 апр. 2010 г.). – Новосибирск, 2010. – С. 181–187; *Славина Л.Н.* 1) Немцы в Красноярском крае (некоторые итоги демографического и социокультурного развития в условиях спецпоселения) // Немцы России и СССР (1900–1941 гг.): Материалы междунар. науч. конф. – М., 2000. – С. 503–516; 2) Социально-демографические последствия депортации (на примере Краснояр. края) // Гуманитар. науки в Сибири. – 2004. – № 2. – С. 34–39; *Обердерфер Л.И.* Демографическое положение немецкого населения Новосибирской области в 1940-е гг. // Немцы СССР в годы Великой Отечественной войны и в первое послевоенное десятилетие. 1941–1955 гг. – М., 2001. – С. 321–344.

[3] *Бикметов Р.С.* Спецконтингент на шахтах Кузбасса в 1930-е – середине 1950-х гг.: Автореф. дис. … канд. ист. наук. – Кемерово, 2000; *Шадт А.А.* Спецпоселение российских немцев в Сибири (1941–1945 гг.): Автореф. дис. … канд. ист. наук. – Кемерово, 2000; *Конев Е.В.* Немцы Северо-западной Сибири в 1940–1990-е гг. (на материалах Кемеров., Новосибир. и Томск. областей): Автореф. дис. … канд. ист. наук. – Кемерово, 2002; *Зберовская Е.Л.* Спецпоселенцы в Красноярском крае (1940–1950-е гг.): Автореф. дис. … канд. ист. наук. – Красноярск, 2006.

[4] *Гербер О.А.* Источники изучения проблемы использования принудительного труда мобилизованных немцев в угольной промышленности Кузбасса в 1940-е гг. // Рос. немцы. Проблемы истории, языка и соврем. положения: Материалы междунар. науч. конф., Анапа, 20–25 сент. 1995 г. – М., 1996. – С. 97–115.

переселенные в Кузбасс из Поволжья[5]. Третий автор попыталась проследить судьбы немцев-трудармейцев города Сталинска (Новокузнецка) по материалам личных карточек, сохранившихся в архиве отдела кадров[6].

За последние годы опубликовано много документов, извлеченных как из федеральных, так и из региональных архивов[7]. Источниковая база, характеризующая режим спецпоселения, представлена обширным пластом исторических документов, все еще не в полном объеме исследованных историками. Например, в региональном (ведомственном) информационном центре Главного управления внутренних дел по Кемеровской области (ГУВД КО), в архивах промышленных предприятий (шахт) сохранился значительный корпус документов, представленный личными карточками немцев-спецпоселенцев; личными, учетными и архивно-следственными делами, делами-формулярами, заведенными на немцев, находившихся на спецпоселении в этом индустриальном регионе. Содержащиеся в них сведения уникальны по своей информативности. Документы содержат сведения личного характера, о социальном происхождении, способах использования труда на шахтах и на промышленных предприятиях, о времени нахождения на спецпоселении.

Личные карточки, как правило, плохой сохранности, трудночитаемы ввиду того, что заполнены неразборчивым почерком. Зачастую текст написан на листах книг, обоев, на оберточной бумаге. Большую ценность для исследователей представляют содержащиеся вместе с карточками списки трудармейцев. Они дают возможность выявить численность этой категории спецконтингента на различных индустриальных объектах. Среди сведений, имеющихся в личных карточках, есть и данные о регионах прежнего места жительства людей. Как правило, это немцы из Саратовской, Ростовской, Ленинградской и других областей РСФСР, а также из Украины, Белоруссии, Казахстана, республик Средней Азии и других регионов СССР.

Ценный и уникальный корпус документов, судя по характеру содержащейся в них информации, лишь частично рассекреченный в настоящее время, представлен личными делами, делами-формулярами. На немцев-спецпоселенцев, переданных в постоянные кадры угольной промышленности с режимом спецпоселения, городскими и районными отделами (отделениями) НКВД-МВД и Отделами спецпоселений (ОСП) МВД-УМВД, а также подчиненными им комендатурами, оформлялись типовые личные дела. В основе дел лежали персональные данные, материалы оперативного планового учета и проверок, проведенных в ходе агентурно-оперативных мероприятий. В этих делах обычно находились регистрационный лист, анкета или опросный лист, протоколы допросов, типовые расписки, справки о наличии компрометирующего материала, документы личного характера (паспорт, личные письма, фотографии). В материалах дел содержится информация о месте, времени, обстоятельствах высылки, содержании на спецпоселении, побегах и прочих нарушениях режима, материалы местного розыска, маршрутные листы по всем передвижениям человека.

Дела-формуляры заводились на тех, кто подозревался или обвинялся в связях с заграницей (во время проживания на оккупированной территории), в антисоветских настроениях, в религиозной агитации (меннониты). Основанием для создания таких документов были также различные правонарушения режима на спецпоселении (побеги, хищения, самовольный уход с места спецпоселения и другие), наличие судимости, в т.ч. на тех, кто после окончания срока наказания возвращался на спецпоселение.

[5] *Костюнин О.В.* Немцы Поволжья в Кузбассе: люди и судьбы // Кузбас. родовед: Ист.-краевед. альм. – Вып. 2. Кемерово, 2002. – С. 28–30.

[6] *Констанц Е.В.* Судьбы немцев-трудармейцев города Сталинска (по архивным документам отдела кадров шахты «Байдаевская» 1942–1943 гг.). URL: www.dcbs-nvkz.narod.ru

[7] Неизвестный Кузбасс (1943–1991 гг.): Сб. архив. док. – Вып. 1–2. – Кемерово, 1993–1995.

По категориям учета («по окраске») немецкий спецконтингент, находившийся на спецпоселениях Кузбасса в 1941–1956 гг., разделялся на «немцев», «немцев-выселенцев», «фольксдойче» (принявших подданство Германии или обвиненных в добровольном, а также в принудительном сотрудничестве с немцами), «немцев по решению правительства», «репатриантов – служащих в армии противника», «немцев-власовцев», «выселенцев по национальному признаку». Всем советским немцам на основании указа 1948 г. вменялся бессрочный режим спецпоселения и трудовое использование преимущественно в угольной промышленности, строительстве и на лесоразработках. Подавляющая часть этих людей не имели никаких прегрешений перед обществом и государственной властью. Их единственной виной оказалась национальная принадлежность к немцам.

К этой национальности было причислено много людей, которые таковыми и не являлись, но должны были наравне с другими немцами находиться на спецпоселении и выносить все его тяготы. Многие из них предприняли немало усилий, чтобы доказать свое русское или украинское происхождение. Однако сделать это удалось лишь единицам.

Учетные дела на «немцев по решению правительства» содержат обширную переписку местных органов городских отделов МВД с отделами загсов, заявления, ходатайства, автобиографии, выписки из домовых и метрических книг, свидетельства о рождении родителей, бабушек и дедушек, показания свидетелей – соседей по прежнему месту жительства заявителя. Переписка, как правило, затягивалась на долгие годы и в конечном итоге могла иметь отрицательный результат, т. е. отказ от освобождения с выдачей паспорта или справки с указанием немецкой национальности.

Достаточным основанием для содержания на спецпоселении являлись немецкое имя, фамилия, брак с немцем или немкой. В личных делах можно найти немало примеров, когда угнанных в Германию или Польшу, либо проживавших на оккупированной территории лиц, имевших украинские или русские фамилии, но немецкие имена, причисляли к «фольксдойче». Их положение на поселении было сложным, т. к. эти люди находились под особым контролем органов НКВД. Также с подозрением и осторожностью к ним относились и «местные» немцы, потому что считали их предателями. За их жизнью, настроениями, высказываниями более внимательно следили многочисленные осведомители.

За аналогичное «преступление» (наличие немецкой фамилии, имени) на поселение отправлялись бойцы Красной армии, прибывшие по ранению в госпитали. Как правило, после излечения служба в армии для них заканчивалась. Люди, «виновные» лишь в том, что они немцы, отправлялись на спецпоселение. При этом не учитывались ни боевые заслуги, ни наличие орденов и медалей, ни членство в партии.

В материалах одного из личных дел читаем, что А.Ф. Вайс (фамилия нами изменена. – *Авт.*) в июне 1941 г. добровольцем ушел на Ленинградский фронт, в сентябре был ранен, после лечения демобилизован и как немец отправлен в Кузбасс на спецпоселение. С 1943 г. по 1952 г. он неоднократно обращался с письмами к И.В. Сталину о возвращении на фронт. В 1946 г., работая в шахте треста «Кагановичуголь», стал инвалидом и попытался ходатайствовать о возвращении в Ленинград или в район с более мягким климатом. «<…> Я ни одной секунды не чувствовал себя виновным, несмотря на то, что по национальности я немец. В нашей семье никто не говорит по-немецки, потому, что мы все время жили среди русских <…> Я от всего сердца горжусь, что родился и вырос в единственной в мире Стране Советов. Что бы со мной было, если бы после такого случая я жил и трудился в капиталистической стране. Я, наверное, умер бы с голоду <…>»[8]. Несмотря на все просьбы и обращения, наличие

[8] Информационный центр Главного управления внутренних дел Кемеровской области (далее – ИЦ ГУВД КО). Ф. 5 (Личные дела немцев-спецпоселенцев). Д. 14 569. Л. 12.

довоенного партийного стажа и воинских наград, в 1953 г. ему было отказано в освобождении. Его дочь, носившая русскую фамилию по матери, также оставалась на поселении до середины 1955 г.

В феврале 1952 г. с заявлением в Сталинский (Новокузнецкий) отдел МГБ по установлению его национальности обратился находившийся на спецпоселении с 1941 г. К. Миллер (фамилия нами изменена. – *Авт.*). Он ходатайствовал об изменении ему и его семье действующей фамилии на украинскую – Мирошниченко и о снятии с учета спецпоселения. В своем заявлении он писал: «Я вырос в городе Ленина. Меня не учили говорить на немецком, я проживал среди русских и говорил на русском языке. Когда получил паспорт в 1933 году, в графе национальность было указано „немец“, но я этому не придал значения. Фамилия немецкая, ну и пускай будет так. Раньше в документах всегда указывалось, что я русский. При замене паспорта в 1940-м году – то же самое. <…> Когда мне вписали в графу национальность „немец“, я спросил в паспортном столе – почему? А мне ответили, что разницы нет <…> Ведь мы росли в интернациональной стране. Меня воспитывала русская мать с четырех лет. И от отца я не слышал немецких слов»[9]. Казалось бы, аргументы выдвинутые человеком, действительно свидетельствовали, что он, во-первых, наполовину русский, во-вторых, о том, что в документах были допущены ошибки. Тем не менее, «прошибить» административно-бюрократическую стену ему не удалось. Материалы личного дела свидетельствуют, что Карлу Миллеру и его семье, несмотря на внушительный пакет документов и свидетельских показаний, в освобождении со спецпоселения было отказано.

До конца 1954 г. на специальном поселении в Кемеровской области вместе с матерью и младшим братом находился Эдуард Эдуардович Платц (фамилия нами изменена. – *Авт.*), родившийся в Ленинградской области. Его отец – немец по национальности, работал литейщиком, а мать – русская по национальности, была домохозяйкой и занималась воспитанием двоих сыновей. Как следует из материалов личного дела, Эдуард в 1941 г. заканчивал восьмилетку, когда начавшаяся блокада Ленинграда «заставила» прервать обучение. В первый же год войны он потерял отца и почти всех родных, погибших от дистрофии. В мае 1942 г. юноша поступил учеником токаря на военный завод и вступил в комсомол, а затем работал на строительстве оборонительных сооружений Ленинграда вместе с другими учениками старших классов ленинградских школ. Ослабевших от голода Эдуарда, его шестилетнего брата и их мать эвакуировали в июле 1942 г. из Ленинграда в Саратовскую область, а в 1943 г. он был призван в ряды РККА. «В декабре 1943 г. при заполнении призывного листа я объявил свою национальность как русский, но фамилия и национальность моего отца заставили комиссию причислить меня к немцам. Это обстоятельство явилось причиной, по которой я не был направлен на фронт, а был отправлен в трудовую армию и попал в январе 1944 г. на строительство металлургического завода в Челябинске», – написал он в своей автобиографии. В 1946 г. после демобилизации из трудовой армии он впервые получил паспорт, в котором была указана национальность «немец». С этого же времени Э.Э. Платц был зачислен на спецпоселение. В 1951 г. он подал заявление о вступлении в партию, но получил категорический отказ и разъяснение о том, что «лица, находящиеся на спецпоселении, не могут быть приняты в Партию Ленина, Сталина». Возможно, эти события и заставили Эдуарда искать справедливости в высших эшелонах партийной власти. В 1951 г. он написал первое письмо в ЦК ВКП(б), в котором он с горечью писал о своих чувствах. Он впервые задался вопросом, почему он стал «человеком второго сорта», почему его лишили права на достойную жизнь, а главное – честно трудиться на благо родной страны, в светлое будущее которой он свято верил.

[9] ИЦ ГУВД КО. Ф. 5. Д. 15 233. Л. 11–12.

В 1952 г. ему было разрешено приехать на постоянное место жительства к его матери в г. Прокопьевск, где Э.Э. Платц вновь попытался восстановить справедливость и стал отправлять письма в Москву с настоятельной просьбой разобраться в случившемся. Он снова писал в ЦК ВКП(б), а также лично Г.М. Маленкову, К.Е. Ворошилову, недоумевая по поводу своей «вины», заверял, что и впредь будет верен клятве, данной Петроградскому райкому ВЛКСМ г. Ленинграда[10]. Свои письма Эдуард начинал и заканчивал фразой: «Я не виновен! Я честный человек!» Однако на основании того, что отец Эдуарда был немцем, ему в освобождении было отказано. Лишь в 1954 г. после неоднократных ходатайств и писем Платц[11] со спецпоселения был освобожден.

Достаточным основанием для направления на поселение являлось немецкое имя. Вновь обратимся к материалам личных дел. В 1941 г. добровольцем в ряды армии народного ополчения вступил Адольф Никандрович Юньков (фамилия нами изменена. – *Авт.*). В конце этого же года произошло переформирование армейских частей, в которых служил Юньков. В ходе перепроверки личного боевого состава он был идентифицирован как «немец». Красноармеец был немедленно взят на оперативный учет и в начале 1942 г. отправлен с Ленинградского фронта на спецпоселение. Как указывалось в материалах его допросов «никто из близких родственников – матери, отца, младшего брата – коренных жителей Ленинграда, русских по национальности на специальном учете не состоял». Основанием направления на спецпоселение послужило имя «Адольф», которое он получил потому, что родители до войны увлекались чтением немецкой литературы. В 1946 г., работая на шахте «Капитальная» в г. Осинники Кемеровской области, А. Юньков был награжден медалью «За доблестный труд в 1941–1943 годах». Как следует из материалов его дела, прежний паспорт с указанием национальности «русский» был изъят и утрачен во время переезда в Кемеровскую область, а на основании справки коменданта спецпоселения ему выдали новый паспорт, где уже фигурировала «новая» национальность – «немец». И все-таки судьба к этому человеку оказалась более благосклонной. Сложившейся несправедливой ситуацией прониклись отдельные представители Осинниковского городского отдела МВД. Ими была проведена внушительная работа по сбору доказательств. В деле есть и копии свидетельств о рождении родителей, бабушек и дедушек, показания соседей и иные документы. В совокупности они позволили в 1952 г., наконец-то, принять властями долгожданное решение «признать Адольфа Никандровича Юнькова русским и на этом основании со спецпоселения освободить». Однако в 1952 г. Адольф вступил в брак с немкой Елизаветой Мейер и поэтому до 1956 г. вновь был вынужден остаться на спецпоселении[12].

До этого же времени на поселении в Кузбассе содержались Адольф Иванович Аристархов, Герман Соломонович Александров, высланные из Ленинградской области. Доказать свою принадлежность к русским, имея немецкое имя, они не смогли, и потому находились на спецпоселении, как представители категории «немцы по решению правительства», «немцы-выселенцы»[13].

В Кузбассе основными сферами применения труда спецпоселенцев стали угольная промышленность и черная металлургия – ведущие отрасли экономической специали-

[10] Можно отметить, что в материалах личных дел не редки обращения в адрес К.Е. Ворошилова, Г.К. Маленкова и других с просьбой помочь вступить в комсомол или в партию.

[11] Платц Ольга Федоровна, благодаря стараниям сына и его многочисленным ходатайствам, со спецпоселения была освобождена лишь двумя годами ранее, т. е. в 1952 г.

[12] В 1990-е годы Адольф Никандрович предпринял попытку доказать свое немецкое происхождение, ввиду того, что хотел уехать в Германию на постоянное место жительства. Однако, собранные в 1950-е годы документы, сохранившиеся в его личном деле, доказывали его иное (русское) происхождение, поэтому с мечтой о европейской жизни ему пришлось расстаться.

[13] ИЦ ГУВД КО. Ф. 5. Д. 1821, 1831.

зации региона, а также капитальное строительство. Судя по архивным документам, ленинградские немцы-спецпоселенцы трудились на крупных индустриальных объектах городов: Кемерово, Сталинска, Анжеро-Судженска, Киселевска, Ленинска-Кузнецкого, Осинников, Юрги, Таштагола. Их труд широко использовался на строительстве железных дорог «Сталинск-Абакан», «Сталинск-Барнаул», в трестах «Юргапромстрой» и «Кузбасстрой», в Таштагольском рудоуправлении, на шахтах комбината «Кемеровоуголь», в трестах «Ленинуголь», «Анжероуголь» и на многих других предприятиях[14]. Весь контингент был разбит на бригады – отделения, лавы – взводы, участки – роты, группы участков или шахты – батальоны[15]. Эти подразделения возглавляли наиболее дисциплинированные немцы, имеющие горное образование или большой подземный стаж работы. Командиры отделений, взводов, рот, батальонов отвечали за производственную дисциплину, за выход на работу во вверенном им подразделении. Администрации шахт намечали мероприятия по правильному распределению спецконтингента на рабочих местах, их трудоиспользованию в течение всей смены, созданию безопасных условий труда. Участки обеспечивались непрерывным квалифицированным техническим надзором за безопасностью ведения горных работ[16]. Для каждого участка, лавы, забоя устанавливалось обязательное суточное задание[17].

Согласно «Инструкции по использованию на предприятиях Наркомугля мобилизованных немцев», немцы были организованы в рабочие колонны, размещены в казармах-бараках и, насколько это было возможно, изолированы от общества. Трудовое использование лиц немецкой национальности, создание рабочих колонн НКВД в угольной промышленности регулировали постановления «О дополнительной мобилизации немцев для народного хозяйства СССР» от 7 октября 1942 г.», «О народно-хозяйственном плане третьего квартала 1942 г.» от 15 июля 1942 г., другие директивные документы.

На 1 апреля 1944 г. на предприятиях Кемеровской области трудилось 16 028 немцев, из них в угольной промышленности – 14 521 чел., что составляло четвертую часть от списочного состава рабочих отрасли. Чаще всего они были объединены в большие производственные группы. Например, на шахте «Куйбышевуголь» в Сталинске работали 1023 чел., на шахте «Молотовуголь» в гор. Осинники – 1754 чел.[18] Многие мобилизованные, пройдя производственное обучение посредством самой простой формы – техминимум, освоили шахтерские профессии и стали сначала выполнять, а затем и перевыполнять нормы, часто опережая вольнонаемных рабочих. Активно использовались трудармейцы в строительстве. Немало из них работало на сооружении новокузнецких ферросплавного и алюминиевого заводов. Они выполняли самые тяжелые работы: расчищали территорию завода, рыли котлован, заливали фундамент.

Труд спецпоселенцев применялся и на лесозаготовках. На участках леспромхоза треста «Южкузбасслес», находившихся неподалеку от Таштагола в пос. Чугунаше, на 1 апреля 1944 г. трудилось 254 чел.[19] Большую часть рабочих, мобилизованных на предприятия Сталинска в военные годы, тоже составляли немцы[20]. Судя по личным карточкам, в их числе были и выходцы из Ленинграда.

[14] Государственный архив Новосибирской области (далее – ГАНО). Ф. 4. Оп. 34. Д. 151. Л. 106; ИЦ ГУВД КО. Ф. 11. Оп. 3. Д. 132. Л. 123–127.

[15] *Бикметов Р.С.* Под конвоем в шахту: спецконтингент в угольной промышленности Кузбасса (середина 1930–1950-х гг.). – Кемерово, 2002. – С. 129.

[16] Государственный архив Кемеровской области (далее – ГАКО). Ф. Р-442. Оп. 1. Д. 14. Л. 6–7.

[17] Военнопленные в СССР. 1939–1956 гг. Документы и материалы. – М.: Логос, 2000. – С. 548–550.

[18] ГАКО. Ф. Р-210. Оп. 3. Д. 51. Л. 91.

[19] Там же.

[20] Новокузнецкий филиал Государственного архива Кемеровской области (далее – НФ ГАКО). Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 288. Л. 1–4.

Рабочие размещались в бараках, которые, как правило, были темными, сырыми, холодными. В отряде избирался дневальный, который должен был следить за порядком, топить печь зимой. Распорядок дня был строго расписан. Утром и вечером проводилась перекличка. Рабочий день длился 12 часов, выходных не было. На работу и обратно ходили организованно, строем. Для всех категорий рабочих на каждый сезон (зима и лето) определялась норма выработки, выполнение которой было обязательным. По воспоминаниям Фриды Ивановны Геберлейн (до войны жительницы Ленинграда), средняя норма вальщиков леса Чугунашского участка треста «Южкузбасслес» составляла три куба. Питались в столовых. Кухни располагались либо неподалеку от бараков, либо пристраивались к ним. Питание было очень скудным (супы из картошки и капусты, каши на воде, хлеб). Кое-где использовались карточки, на которых обозначалась категория рабочего и объем его пайка. Карточки выдавались на 30 дней. Так, по воспоминаниям Ф.И. Геберлейн, вальщикам и возчикам леса Чугунашского участка «Южкузбасслеса» полагалось 800 г хлеба, а грузчикам – 1 кг. Условия работы были крайне тяжелыми, бывало, не выдавали спецодежду, работали в том, что успели взять из дома.

Особенно неблагополучными оказались первые годы, но после 1943 г. стало легче. Несколько улучшились условия жизни и труда трудармейцев. Например, кое-где были построены новые теплые и светлые бараки, стало больше выдаваться спецодежды, повсеместно появлялись бани, улучшилось питание. Как пишет в своих воспоминаниях Ф.И. Геберлейн[21], работали под лозунгами: «Все для фронта! Все для Победы!». Невыполнение нормы, как правило, наказывалось сокращением и без того скудного рациона питания, несоблюдение распорядка дня каралось очень жестоко. Смертность среди трудармейцев была относительно высокой[22].

Еще более трагично складывались судьбы членов семей немцев-трудармейцев. Особенно трудно приходилось многодетным немецким семьям, главы которых были мобилизованы в промышленность в другие области СССР. Как правило, эти семьи испытывали необычайные материальные, финансовые, жилищно-бытовые проблемы, которые осложнялись страхом за жизнь и будущее детей.

И вновь обратимся к материалам личных дел. Так, из заявления М.И. Паули, которая по национальности была украинкой, следовало, что с мужем-немцем она развелась в 1939 г. Пятеро ее детей, в паспортах и свидетельствах о рождении, в которых значилась национальность «немец», оставались с матерью. Их она воспитывала одна. В 1941 г. вся эта неполная семья была выслана на спецпоселение. Выписка из метрической книги за 1893 г. доказывала украинскую национальность Марии Ивановны. Это позволило в 1954 г. снять ее с учета и освободить со спецпоселения. Однако и в данном случае решение было антигуманным, поскольку ее совершеннолетние дети до 1956 г. продолжали оставаться в Кемеровской области[23].

Из другого личного дела следует, что Ирма Карловна Шмидт (фамилия нами изменена. – *Авт.*) вместе с детьми была отправлена на спецпоселение зимой 1941 г. Ее муж через два года по доносу соседей был осужден «за религиозную пропаганду». Отбывать наказание его отправили в исправительно-трудовой лагерь Красноярска. После освобождения к семье он не вернулся, а повторно женился на русской женщине. На запрос о том, собирается ли он воссоединиться с прежней семьей, ответил, что таковой

[21] Воспоминания Фриды Ивановны Геберлейн, бывшей жительницы пос. Новый Петергоф Ленинградской области записаны Н.М. Маркдорф в 2010 г. в г. Новокузнецке. Публикуются с личного разрешения респондента.

[22] Воспоминания Ольги Федоровны Бургер (Карстен), выселенной в 1941 г. из Ленинградской области и находившейся на спецпоселении в пос. Абагур Кемеровской области. Интервью записано Н.М. Маркдорф в 2010 г. в г. Новокузнецке. Публикуются с личного разрешения респондента.

[23] ИЦ ГУВД КО. Ф. 5. Д. 1321. Л. 7–9.

у него нет. В начале 1950-х годов со спецпоселения он был освобожден и остался жить в Красноярске. Долгие годы его жена и дети находились в Кузбассе, где жили в крайней нужде, но помогать им он отказался, а его бывшая жена не могла работать, т. к. сильно болела. Помогали выживать чужие люди, которые жили рядом[24].

После войны было принято решение о разрешении немцам-трудармейцам вызывать к себе на постоянное место жительства свои семьи, как из мест поселений, так и работающих в других областях СССР. К этому времени не все семьи смогли воссоединиться. Во-первых, заинтересованные в рабочей силе предприятия постоянно нарушали государственные директивы, во-вторых, многие главы семей отказывались от переезда по причине того, что создали новые семьи, в-третьих, имели место постоянные противоречия между организациями, использующими труд спецпоселенцев. Предприятия прикладывали большие усилия, чтобы воспрепятствовать увольнению работников и, в первую очередь, высококвалифицированных специалистов. Для этого использовались самые различные рычаги, в т.ч. посредством создания препятствий к восстановлению правового статуса спецпоселенцев, несправедливо высланных из мест прежнего проживания.

В заключение отметим, что немцы, проживавшие до войны в Ленинградской области, в полной мере испытали все тяготы, выпавшие на долю репрессированных народов. Большая их часть оказалась в одном из главных индустриальных центров Сибири – в Кузбассе. Все совершеннолетние оказались включенными в хозяйственную жизнь. Они были задействованы преимущественно на промышленных предприятиях и в строительных организациях, где преобладал тяжелый ручной труд, а рабочий день длился 10–12 часов. Среди спецпоселенцев, «провинившихся» перед советской властью лишь своей принадлежностью к немецкой национальности, оказалось много «полунемцев», а то и вообще лиц, не имевших никакого отношения к ним. Вместе с другими невинно наказанными им пришлось вплоть до половины 1950-х годов находиться на положении «людей второго сорта», вдали от мест довоенного проживания. И уже после освобождения со спецпоселения в Кузбассе и в других районах Сибири на постоянное жительство осело много немецких семей, навсегда связавших свои судьбы с этим обширным, богатым краем.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Базаров Б.В., Саганова Л.П.* Спецпоселение немцев в Бурятии (1943–1956 гг.) // Этнич. и нац. политика государства в Бурятии (XIX – начало XXI в.). – Улан-Удэ, 2008. – Ч. 2. – С. 141–167.
2. *Белковец Л.П.* Административно-правовое положение российских немцев на спецпоселении 1941–1955 гг.: Ист.-прав. исслед. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2003. – 324 с.
3. *Бикметов Р.С.* Спецконтингент на шахтах Кузбасса в 1930-е – середине 1950-х гг.: Автореф. дис. … канд. ист. наук. – Кемерово, 2000. – 27 с.
4. *Бикметов Р.С.* Под конвоем в шахту: спецконтингент в угольной промышленности Кузбасса (середина 1930–1950-х гг.). – Кемерово: ГУ Кузбас. гос. техн. ун-т, 2002. – 179 с.
5. *Бугай Н.Ф.* Л. Берия – И. Сталину: «Согласно Вашему указанию …». – М.: АИРО-XX, 1995. – 320 с.
6. *Бугай Н.Ф.* Реабилитация репрессированных граждан России (XX – начало XXI века): Книга-мониторинг. – М.: МСНК-пресс, 2006. – 464 с.

[24] В личном деле сохранились справки о ходатайстве К.Л. Шмидта об алиментах в его пользу со стороны детей, поскольку он одинок и проживает в доме престарелых. Кроме того, он просил признать его немцем, поскольку собирался эмигрировать в Германию. В данном ходатайстве ему было отказано. Дети не захотели признавать его отцом. См.: ИЦ ГУВД КО. Ф. 5. Д. 1329. Л. 6–7.

7. Военнопленные в СССР: 1939–1956 гг. Док. и материалы / Сост. М.М. Загорулько, С.Г. Сидоров, Т.В. Царевская. – М.: Логос, 2000. – 1093 с.
8. *Гербер О.А.* Источники изучения проблемы использования принудительного труда мобилизованных немцев в угольной промышленности Кузбасса в 1940-е гг. // Рос. немцы. Проблемы истории, языка и соврем. положения: Материалы междунар. науч. конф., Анапа, 20–25 сент. 1995 г. / Ред. И.[Р.] Плеве. – М.: Готика, 1996. – С. 97–115.
9. Государственный архив Кемеровской области. Ф. Р-210. Оп. 3. Д. 51; Ф. Р-442. Оп. 1. Д. 14.
10. Государственный архив Новосибирской области. Ф. 4. Оп. 34. Д. 151.
11. *Занданова Л.В., Метлин С.А.* Спецпереселение немцев Поволжья и Ленинграда в Приангарье: депортационная политика, переселенческие и адаптационные процессы (1941–1945 гг.) // Сибирская ссылка. – Иркутск: Оттиск, 2009. – Вып. 5. – С. 504–518.
12. *Занданова Л.В., Метлин С.А.* Повседневная жизнь немцев-спецпереселенцев в Приангарье: социокультурный аспект [2-я пол. 40-х – 50-е годы XX в.] // Славян. языки и культуры: прошлое, настоящее, будущее: Материалы III Междунар. науч.-практ. конф. (Иркутск, 21–22 мая 2009 г.). – Иркутск: ИГЛУ, 2009. – С. 92–98.
13. *Зберовская Е.Л.* Спецпоселенцы в Красноярском крае (1940–1950-е гг.): Автореф. дис. … канд. ист. наук. – Красноярск, 2006. – 22 с.
14. *Земсков В.Н.* Спецпоселенцы в СССР, 1930–1960. – М.: Наука, 2003. – 306 с.
15. Информационный центр Главного управления внутренних дел Кемеровской области. Ф. 5 (Личные дела немцев-спецпоселенцев). Д. 1329, 1341, 182, 1831, 14 569, 15 233; Ф. 11. Оп. 3. Д. 132.
16. *Казаков Е.Э.* Из истории сибирского тыла: мобилизованные советские немцы // Сибиряки в Великой Отечественной войне: Материалы регион. науч.-практ. конф., посвящ. 65-летию Победы (Новосибирск, 29–30 апр. 2010 г.). – Новосибирск: Рус.-нем. ун-т, 2010. – С. 181–187.
17. *Конев Е.В.* Немцы Северо-западной Сибири в 1940–1990-е гг. (на материалах Кемеров., Новосибирск. и Томск. областей): Автореф. дис. … канд. ист. наук. – Кемерово, 2002. – 22 с.
18. *Констанц Е.В.* Судьбы немцев-трудармейцев города Сталинска (по архивным документам отдела кадров шахты «Байдаевская» 1942–1943 гг.). // URL: www.dcbs-nvkz.narod.ru (дата обращения: 12.10.2015).
19. *Костюнин О.В.* Немцы Поволжья в Кузбассе: люди и судьбы // Кузбас. родовед: Ист.-краевед. альм. – Вып. 2. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2002. – С. 28–30.
20. Неизвестный Кузбасс (1943–1991 гг.): Сб. архив. док. – Вып. 1. – Кемерово, 1993; Вып. 2: Тоталитарная система. Палачи и жертвы. – Кемерово, 1995. – 248 с.
21. Новокузнецкий филиал Государственного архива Кемеровской области. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 288.
22. *Полян П.М.* Не по своей воле … История и география принудительных миграций в СССР. – М.: ОГИ – Мемориал, 2001. – 328 с.
23. *Обердерфер Л.И.* Демографическое положение немецкого населения Новосибирской области в 1940-е гг. // Немцы СССР в годы Великой Отечественной войны и в первое послевоенное десятилетие. 1941–1955 гг.: Материалы 7-й междунар. науч. конф., Москва, 19–22 окт. 2001 г. / Науч. ред. А.[А.] Герман. – М.: Готика, 2001. – С. 179–185.
24. *Славина Л.Н.* Немцы в Красноярском крае (некоторые итоги демографического и социокультурного развития в условиях спецпоселения) // Немцы России и СССР: 1900–1941 гг.: Материалы междунар. науч. конф., Москва, 17–19 сент. 1999 г. / Науч. ред. А.[А.] Герман. – М.: Готика, 2000. – С. 503–516.

25. *Славина Л.Н.* Социально-демографические последствия депортации (на примере Красноярского края) // Гуманитарные науки в Сибири. – 2004. – № 2. – С. 34–39.
26. *Чебыкина Т.В.* Депортация немецкого населения из Европейской части СССР в Западную Сибирь // Наказанный народ: Репрессии против рос. немцев / Под ред. И.Л. Щербакова. – М.: Звенья, 1999. – С. 118–127.
27. *Шадт А.А.* Спецпоселение российских немцев в Сибири, 1941–1955 гг.: Автореф. дис. … канд. истор. наук. – Новосибирск, 2000. – 19 с.

Leningrader Deutsche in Sondersiedlungen des Gebiets Kemerovo (1941–1956)

N. M. Markdorf; A. A. Dolgoljuk

Im Rahmen des vorliegenden Beitrages werden die Schicksale von Deutschen aus Leningrad und dem Gebiet Leningrad, die in Sondersiedlungen im Kuzneck-Becken geschickt wurden, sowie deren Einsatz in Betrieben dieser Industrieregion untersucht. Für den Beitrag wurden Materialien aus Personalakten und persönliche Erinnerungen deutscher Sondersiedler sowie Veröffentlichungen russischer Historiker, die sich mit der Untersuchung des Sondersiedlungsregimes befasst haben, verwendet. Personalakten und Personenstammblätter werden kurz beschrieben, und es wird Aktenmaterial zitiert. Anhand der Erinnerungen von Deutschen aus dem Gebiet Leningrad werden deren Arbeits- und Lebensbedingungen charakterisiert. Das besondere Augenmerk der Autoren galt dabei den Schicksalen solcher Kategorien zur Personenregistrierung, wie „Deutsche auf Beschluss der Regierung“. Die Autoren kommen zu dem Schluss, dass die ganze „Schuld“ der Menschen und die Gründe für deren Verbannung in Sondersiedlung einzig und allein in deren Zugehörigkeit zur deutschen Nationalität zu suchen sind.

Schlüsselwörter: Sondersiedler, Leningrader Deutsche, Personalakten, Kategorien der Sonderregistratur.

The Leningrad Germans in the special settlements of the Kemerovo Region (1941–1956)

N.M. Markdorf, A.A. Dolgolyuk

The attention of the authors of the article is focused on the fate and fortunes of the German natives of Leningrad and the Leningrad Region resettled to the Kuzbass special settlements and also on the fields of application of their labour in the enterprises of the industrial region. The article is based on the information from the personal files and memories of the German deportees, on the scientific publications by Russian historians who have studied the regime of the special settlements. Brief description of the personal files and the extracts from them, the description of the individual cards for the personalized record-keeping are given. On the basis of the memories of the Germans from the Leningrad region the conditions of their work and common life are being characterized. The authors pay closer attention to the fate and fortunes of the people who belonged to such a category of the personal record-keeping as “the Germans according to the resolution of the government”. The authors conclude that the only “fault” of people and the main reason for their resettlement to the special settlements consisted only in being of the German nationality.

Keywords: deportees, the Leningrad Germans, personal files, the categories of the special record-keeping.

УДК 312(=30)(479)

Х. Вердиева

Динамика численности немцев Баку (вторая половина XIX в. – 1941 г.)

Данная работа строится на значительной фактологической базе с широким привлечением статистических данных и с опорой на работы предшественников, прослеживается динамика численности немцев в Баку в указанных хронологических рамках. Проблема изучается на фоне разворачивавшихся социально-политических процессов в стране.

Ключевые слова: немцы, Баку, Азербайджан, Первая мировая война, Февральская революция, «пятая колонна», «Конкордия», «красный террор».

Одной из приоритетных задач постсоветской азербайджанской историографии является изучение вопросов пореформенного периода в истории Азербайджана, когда страна, вступив в эпоху развития капитализма, пережила социально-экономический подъем. В Баку, в последние десятилетия XIX в. превратившемся в промышленный центр, произошли демографические изменения: среди жителей города появляются новые этноконфессиональные группы, куда входили и немцы.

Долгие годы «немецкий вопрос» в советской, так и в ее составной части азербайджанской историографии был закрытой темой, и для исследователей эта проблема оставалась инкогнито. И только после вступления на путь независимости Азербайджана стали изучаться отдельные аспекты этой проблемы представителями научных кругов страны. Изучение немецких страниц истории Азербайджана имеет актуальное значение для постсоветской азербайджанской историографии, значимость темы влечет за собой необходимость соответствующих исторических, социально-этнографических исследований. Для страны, вступившей на путь независимости и интегрирующейся в мировое сообщество, важен учет разных этноконфессиональных и социально-политических факторов в развитии общества. При этом не менее важно дополнить пробелы в изучении истории Отечества, в частности по истории немцев Азербайджана.

За последние десятилетия историки, конфликтологи, культурологи и независимые исследователи изучили ряд вопросов немецких страниц истории Азербайджана, а также Кавказа в целом, тем самым заполнив отдельные пробелы не только азербайджанской историографии, а также кавказоведения[1].

[1] *Абдуллаев Ч.* Немцы в Азербайджане. – Баку: Б.и.,1992; *Алиев К.* Немцы на Южном Кавказе, или моя жизнь в Анненфельде. – Баку: Б.и., 2000; *Ахундова Т.* Немцы-колонисты в Азербайджане XIX – начало XX в. – Баку: Шуша, 1999; *Вердиева Х.Ю.* 1) Переселенческая политика Российской империи в Северном Азербайджане. – Баку: Алтай,1999; 2) Немцы в Северном Азербайджане. – Баку: Элм, 2009; *Джафарли М.* Политический террор и судьбы азербайджанских немцев. 2-е изд. – Баку:Vətən, 2003; *Зейналова С.* Немецкие колонии в Азербайджане (1819–1941). – Баку: Араз, 2002; *Ибрагимов Н.* Немецкие страницы истории Азербайджана. – Баку: Азербайджан,1995; *Чернова-Дёке Т.Н.* Немецкие поселения на территории Российской империи. Кавказ: взгляд сквозь столетия (1818–1917). – М.: МСНК-пресс, 2008; *Aqasiyev İ.* XVIII əsrin sonu – XX əsrin əvvəllərində almanların Qafqazda məskunlaşması. – Bakı: Təhsil, 2009; *Aqasiyev İ.* Qafqazın alman koloniyaları. – Bakı: Bakı Biznes Universitetil, 2012.

© Х. ВЕРДИЕВА. ЕЖЕГОДНИК МАИИКРН. 2015 Г. № 1. С. 185–193.

Хронологические рамки данного объекта исследования обусловлены специфическими чертами исторического периода: охватив нижнюю градацию – пореформенный период в стране, завершив верхней датой – осень 1941 г. Цель данной работы заключается в освещении динамики численности немцев Баку на фоне социально-экономических процессов в указанный хронологический период.

Общеизвестно, что немцы на землях Азербайджана появились в первой трети XIX в., но среди жителей Баку они появляются в пореформенный период, и этому способствовала сложившаяся социально-экономическая ситуация в стране. После отмены откупной системы в 1872 г. Баку стал мировым центром по добыче нефти. В эти годы в производстве нефти произошел промышленный переворот – на смену нефтяным колодцам пришли скважины. Уже в 1901 г. Баку давал более половины (661,8 млн пудов) мировой добычи нефти и 95 % добычи в России[2]. «Нефтяной бум» резко отразился на демографии города. Если в 1859 г. в Баку проживали 12 191 чел. и в основном азербайджанцы, то в 1897 г. численность населения города достигла 111 904 чел., и из них 71 591 были переселенцами. В результате, за 38 лет жителей Баку стало больше в девять раз[3]. Такой демографический взрыв привел к качественным изменениям в этнической структуре Баку и превратил его в интернациональный город.

Среди переселенцев были не только выходцы из центральных и западных губерний Российской империи, а также из западноевропейских стран, в частности, немцы. В отличие от немцев-колонистов городские немцы не были сепаратистами и исповедовали лютеранскую религию. Эта группа немцев в постсоветской историографии стран СНГ именуются «имперскими». Промышленный рост имел позитивное влияние на динамику немецкого населения Баку. Этому способствовал наплыв немецкого капитала с армией опытнейших специалистов, социальную базу которой составляли рабочие и интеллектуальные силы. По статистическим данным за 1886 г., 1717 немцев проживали в Баку[4], внося свою лепту в социально-экономическую структуру города пореформенного периода. Уже в конце XIX в. немцы привносят элементы европейской культуры в бакинскую среду. В город проникают европейские музыкальные традиции. Стремительно развивается и становится очень популярной в XX в. европейская система музыкального образования, музыкальный театр, концертная жизнь. И здесь значимую роль сыграли немцы, прочными нитями связанные с Германией, откуда привозили большую часть европейских музыкальных инструментов. Открытые новые музыкальные магазины, где был большой выбор как струнных инструментов, так и роялей известных фабрик Ф. Мюльбаха, Ратке, К.М. Шредера, Я. Беккера, К. Бехштейна, Герса, Кальмана, являлись олицетворением большого интереса жителей Баку, в частности элитарных кругов города, к европейской классической музыке[5].

Позитивное развитие страны благоприятно влияло на динамику численности населения немцев и в последующие годы. Социально-политический коллапс в начале XX в. в России, а также на Кавказе не остановил динамику численности немцев Баку, и накануне Первой мировой войны их численность в городе составляла 5452 чел.[6] Но война принесла как всей стране, так и городу тяжелые испытания.

Война, известная в советской историографии как «империалистическая», стала логическим завершением конфронтации двух военно-политических систем – Антанты и Четверного союза. Российская империя, член Антанты, вступив в мировую войну,

[2] История Азербайджана. Т. II. – Баку: Изд-во Акад. наук Азерб. ССР, 1960. – С. 202.

[3] *Вердиева Х.Ю.* Переселенческая политика Российской империи. – С. 256–257.

[4] Свод статистических данных о населении Закавказского Края, извлеченных из посемейных списков 1886 года. – Тифлис, 1893. – С. 534.

[5] *Байрамова А.* Германо-Азербайджанские музыкальные связи. = Almaniya-Azərbaycan ədəbi-mədəni və tarixi mövzusuna həsr olunan elmi konfransın məqalələr toplusu. – Bakı: 2006. – С. 72.

[6] Перепись Баку 1913 года. – Баку, 1922. – С. 44–45.

оказалась в «серой» полосе социально-экономического коллапса. Уже в первые месяцы 1915 г. невиданные масштабы военных операций как на европейском театре, так и на Кавказе показали реалии ситуации. После Сарыкамышской операции[7] появилась первая волна кавказских мусульман-беженцев, судьбой которых больше занимались мусульманские благотворительные общества, в частности Бакинское мусульманское благотворительное общество, нежели представители кавказских и центральных властей. Параллельно с социальным коллапсом регион, а также город Баку переживали экономический кризис. Так, весной 1915 г. начинаются перебои в работе транспорта, и появляется первый дефицитный продукт – сахар[8], а после начинаются определенные трудности с другими основными продуктами – хлебом и мясом.

С целью недопущения образования хлебного дефицита городская дума предпринимала определенные меры. Местной администрацией были предприняты шаги и по обеспечению мясом[9]. Однако несогласованные действия центральной власти по созданию хлебного запаса в регионе и отсутствие специального заготовительного органа создавали определенные трудности в Баку.

Сложившаяся тяжелая ситуация в эти годы приостановила рост немецкого населения в Баку. Этому процессу способствовал и субъективный фактор. Изначально рассматривая в немцах России потенциальную угрозу и воспринимая немцев как «пятую колонну», с первых дней войны Романовская Россия принимала радикальные меры в отношении подданных вражеских государств. Почти сразу же после вступления в войну был принят указ Совета министров от 28 июля 1914 г., который указывал на необходимость задержания подданных неприятельских государств, как состоящих на действительной военной службе, так и подлежащих призыву, в качестве военнопленных. Властям предоставлялось право «высылать подданных означенных государств, как из пределов России, так и из пределов отдельных ее местностей, а равно подвергать их задержанию и водворению в другие губернии и области»[10]. Радикальные меры шли по восходящей, и уже 22 сентября 1914 г. императором Николаем II был принят указ «Об установлении временных ограничений в отношении приобретения прав на недвижимые имущества, а также пользования и заведывания ими, подданными государств, которые состоят в положении войны с Россией»[11]. Опираясь на данный указ, царское правительство ввело ограничения на права собственности подданных Четверного союза. Позже ограничительные меры в отношении немцев развивались перманентно. Они ощущались не только в центральных губерниях, но и на Кавказе, и в частности в Баку. Принимая во внимание стратегическую значимость города, региональные административные структуры империи принимали строгие меры, соответствующие военному времени. Действуя по указанному алгоритму, Бакинское градоначальство ожидало указания Кавказского наместничества по вопросу выдачи паспортов мужчинам и женщинам германского и австрийского подданства. Так, бакинский градоначальник П.И. Мартынов[12] уже осенью 1914 г. в отправленной телеграмме в особый отдел Кавказского наместничества уточнял, следует ли выдавать заграничные паспорта подданным Тройственного союза[13].

[7] Оборонительная операция русской Кавказской армии против турок в районе Сарыкамыша Карской обл., проходила с 9 (22) декабря 1914 г. по 4 (17) января 1915 г.

[8] Государственный исторический архив Азербайджанской Республики (далее – ГИА АР). Ф. 495. Оп. 1. Д. 112. Л. 160.

[9] Там же. Ф. 13. Оп. 1. Д. 319. Л. 4.

[10] ГИА АР. Ф. 311. Оп. 1. Д. 792. Л. 18.

[11] Важнейшие узаконения (1914–1915). – Одесса: Практ. правоведение, 1915. – С. 166.

[12] Мартынов Петр Иванович (1867–?), жандармский офицер, бакинский градоначальник с января 1909 г.

[13] ГИА АР. Ф. 46. Оп. 1. Д. 204. Л. 7.

Весна и лето 1915 г. создали кризисную ситуацию в западных губерниях России. Недостаточно подготовленная к требованиям современных войн начала XX в. и окутанная «паутиной» феодально-крепостных пережитков, Российская империя уже к осени 1914 г. несла огромные потери в живой силе. Полководческое умение генерала Н.Н. Юденича если и позволило российской армии после затяжных военных действий победить османскую армию в Сарыкамышской битве, то на Западном фронте ситуация складывалась не в пользу русской армии. Исследуя данный вопрос, историк А.А. Керновский в своих трудах указывал, что к лету 1915 г. «на Россию надвинулась военная катастрофа»[14]. На фоне военных операций 1915 г. антинемецкая кампания в империи усиливалась и привела к принятию более жестких мер со стороны правительства по «немецкому вопросу». Были приняты ликвидационные законы, касающиеся землепользования и землевладения немцев-колонистов России. Параллельно были высланы в апреле 1915 г. в пятидневный срок колонисты из западных губерний при «великом отступлении» с прифронтовой полосы Северо-Западного фронта[15].

В сложившейся ситуации кавказская администрация издала ряд циркуляров и предложений относительно города Баку. В связи с ухудшением положения на Западном фронте и тяжелыми поражениями русской армии на европейском театре военных действий повсеместно еще больше ограничивались права подданных Четверного союза. Так, в начале 1916 г. бакинский градоначальник в экстренном предложении предлагал применять административные меры в отношении мужчин – подданных государств Четверного союза, ограничивая их свободное передвижение по Кавказскому наместничеству. Уже 13 февраля 1916 г. было подготовлено экстренное предложение градоначальника П.И. Мартынова (№ 3493) бакинскому полицеймейстеру об этапировании в Казанскую губернию мужчин-иностранцев, подданных воюющих с Россией государств, в случае отказа их от добровольного выезда в г. Цивильск в семидневный срок. На деле эти ограничения относились не только к мужчинам, но и к женщинам[16].

Принятые ликвидационные законы и ограничительные меры по всей империи, а также высылки немцев в отдаленные места России не успокаивали общество. Непредвиденное затягивание войны тяжело отразилось на социально-экономическом положении. Страна несла огромные потери в живой силе. В годы войны около 15 млн мужчин были призваны в армию, а к осени 1916 г. русская армия потеряла почти 6–8 млн жизней солдат и офицеров и около 4 млн российских солдат находились в плену[17].

Следует отметить, что в отличие от центральных губерний России, ни в губерниях Азербайджана, ни в Баку не был замечен радикальный антинемецкий настрой. Этому способствовали толерантное отношение азербайджанского народа к немцам, к их культуре, а также лояльная позиция немцев Азербайджана к Российской империи. В годы Первой мировой войны немцы Баку принимали активное участие в социально-политической жизни города. Церковный совет лютеранской церкви под руководством Э.Ф. Биеринга в первые дни войны организовал лазарет для раненых солдат российской армии. В кратчайшие сроки были организованы комитеты по оказанию помощи беженцам и пострадавшим на войне солдатам и их семьям. Периодически устраивались благотворительные концерты. Ликвидационные законы и ограничительные меры не изменили позитивный дух немцев Баку и благотворительные мероприятия продолжались. В этих концертах принимали участие известные исполнители, как например лауреат Петроградской консерватории виолончелист Л.В. Ростропович,

[14] *Керсновский А.А.* История Русской армии. – Т. 3. – М.: Голос, 1994. – С. 306.

[15] *Нелипович С.* Политика оккупационных властей центральных держав в отношении немцев царства Польского 1915–1918 гг. // Немцы России: социал.-эконом. и духовное развитие. 1871–1941 гг. – М., 2002. – С. 99, 100.

[16] ГИА АР. Ф. 495. Оп. 1. Д. 124. Л. 15–15 об.

[17] *Baykara H.* Azərbaycan istiqlal mübarizəsi. – Bakı, 1992. – С. 104.

солист А. Никольский и другие[18]. Но даже благоприятная бакинская обстановка не могла остановить общего антинемецкого настроя в обществе. Растущий негатив в социально-экономической жизни города углублял недоброжелательное настроение в отношении немцев. Причина любого дефицита, возникшего в сфере услуг и в торговле в годы войны, объяснялась «враждебными» действиями немцев. Об этих фактах свидетельствуют документы архивов Азербайджанской Республики[19].

Ограничительные меры и ликвидационные законы, принятые правительством России, отрицательно повлияли на динамику численности немцев Баку, поэтому согласно переписи 1917 г. немцев в Баку оставалось 2777 чел.[20], их численность за короткий промежуток времени упала на 50 %.

Дальнейшая судьба немцев Северного Азербайджана была неразрывно связана с социально-политическими процессами в России. Февральская революция 1917 г. остановила антинемецкую кампанию, а после образования независимого государства – Азербайджанской Демократической Республики (АДР) был приостановлен эмиграционный настрой немцев страны. Этому способствовал «Акт о независимости Азербайджана», принятый 28 мая 1918 г. на первом заседании Национального Совета Азербайджана и предоставивший «гражданские и политические права всем гражданам без различия национальности, вероисповедания, социального положения и пола»[21]. Немцы, связывая свои надежды с проходящими в Азербайджанской Республике демократическими преобразованиями, принимали активное участие в общественно-политической жизни страны. В годы правления АДР они не подвергались имущественным и другим социальным ограничениям со стороны властей. Так, в шестой статье проекта договора, подготовленного представителями Германии и АДР, указывалось, что азербайджанское правительство обязуется не применять к немецким колонистам законов Российского государства от 2 февраля и 13 декабря 1915 г. касательно имуществ немецких, австро-венгерских, болгарских и турецких подданных. Также не должны применяться все изданные во время революции декреты, насколько таковые затрагивают дарованные немецким колонистам права[22].

После апрельского переворота (28 апреля 1920 г.) положение немцев Азербайджана, а также Баку изменилось не в лучшую сторону. Изданные базовые декреты Азревкома разрушили существующий уклад страны. В результате началась вторая волна эмиграционного оттока немцев из Азербайджана. За короткий период, в 1920–1921 гг. большая часть немцев Баку оставила город и вместе с азербайджанскими политэмигрантами покинули город, направляясь в Германию через Турцию. В результате пореформенная прослойка немецкого этноса города Баку была «разжижена» и была дополнена немцами Поволжья. Об этом свидетельствуют статистические данные. Так, в 1926 г. в Баку были зарегистрированы 5207 немцев[23]. Из них более 2500 чел. являлись немцами-колонистами, переселенными из голодного Поволжья в начале 20-х годов XX в., что подтверждает тезис о распылении базового «эшелона» немцев Баку и доминировании механического движения в динамике численности немцев города. Но в эти годы в городе размещались не только поволжские немцы. Гражданская война привела

[18] *Гумбатова Т.* Благотворительные вечера и духовные концерты в жизни немцев Баку // Немцы России: социал.-эконом. и духовное развитие. 1871–1941 гг. – М., 2002. – С. 285.

[19] ГИА АР. Ф. 495. Оп. 1. Д. 112. Л. 509–509 об.

[20] Там же. Ф. 970. Оп. 1.Д. 248. Л. 2.

[21] *Агамалиева Н., Худиев Р.* Азербайджанская Республика. Страницы политической истории 1918–1920 гг. – Баку: Сабах, 1994. – С. 17; Азербайджан. – 1919. – 28 мая.

[22] Архив политических документов Управления делами Президента Азербайджанской Республики (далее – АПД УДП АР). Ф. 277. Оп. 2. Д. 17. Л. 15.

[23] Всесоюзная перепись населения 1926 г. Азербайджанская Советская Социалистическая Республика. – М.: ЦСУ СССР, 1929. – Т. 14. – С. 28, 29.

в движение миграционные волны по всей территории бывшей империи, и в Баку оседали также немцы из центральных губерний России, подвергаясь тщательной проверке партийно-силовыми структурами. На базе любых доносов в те годы Центральная контрольная комиссия АКП (б) открывала следственные дела и изучала политическую ориентацию сомнительных лиц, в частности, их действия в первые послеоктябрьские годы[24]. В последующие годы статистика свидетельствует о позитивных демографических изменениях в количественном и качественном составе немецкого населения Баку – число немцев росло. По итогам переписи 1931 г., в городе проживали 7275 немцев[25], т. е. по сравнению с 1926 г. произошло увеличение на 2068 чел., это был результат механического перемещения людей, что, по сути, являлось не позитивным, а негативным моментом.

Развернувшиеся социально-экономические процессы в Азербайджанской ССР: конец НЭПа, насильно насаждаемая коллективизация с уродливыми проявлениями – гонениями на религию и национальные традиции, были нацелены на уничтожение изначальных корней народов СССР. В эти годы большевики целенаправленно боролись против монотеистических религий – христианства и мусульманства. Шло тотальное наступление на мечети и церкви. В результате «красного террора» в 1933 г. в Азербайджане было зарегистрировано 17 мечетей, хотя в 1928 г. в стране, пережившей апрельский переворот 1920 г., экспроприацию, аресты, тюрьмы, насилие и смерть, функционировали 1369 мечетей. Аналогичный процесс переживала и христианская церковь. В 1929 г. только в г. Баку были закрыты 8 православных церквей[26]. Принимая во внимание тот факт, что в результате политики христианизации, проводимой Российской империей на Кавказе, а также на землях Азербайджана к концу 1913 г. в Баку были построены 18 православных церквей[27]. Но уже в первые годы коллективизации почти половина православных церквей в Баку не функционировали, что наглядно свидетельствует об антирелигиозной политике советской власти. Завершающий удар по культурным памятникам христианства был нанесен в 1936 г., когда было разрушено уникальное строение академика архитектуры немца Р.Р. Марфельда – Александро-Невский храм, известный в народе как «Золотая церковь». Он был сооружен в 1889–1898 гг., на его постройку было ассигновано в 1891–1893 гг. 195 000 руб. серебром. Стоимость только позолоты главного купола составляла 18 800 руб. 20 коп.[28]

Коллективизация нанесла также тяжелый удар по социальному уровню немцев Азербайджанской ССР. В годы коллективизации и в особенности после «наступления социализма по всему фронту» немецкие колонии были подвергнуты принудительной коллективизации. Кооператив «Конкордия», преемник Производственного союза трудовых виноградарей – виноделов (ПРОСОТРУДВИН), объединивший еще дореволюционный пласт немцев Азербайджана, был распылен на частицы, а в годы коллективизации ликвидирован. Все эти факторы внесли свою лепту в процесс «брожения», способствовали усилению миграционных процессов в стране и увеличению численности немцев Баку. Но в последующие годы все же численность немцев города сократилась. По данным на 1934 г., число немцев в городе сократилось до 5 тыс. чел.[29] На естественный рост населения влияли объективные и субъективные факторы. В первом случае это резкое ухудшение жизненного уровня, а также волна политических репрессий, направленная против немцев Баку уже в начале 1930-х годов[30], во втором – искусственно сокращаемая рождаемость, доминировавшая в быту молодого поколения всего Советского Союза.

[24] АПД УДП АР. Ф. 12. Оп. 3. Д. 7632. Л. 23–23 об.
[25] Перепись населения Азербайджана 1931 года. – Баку: Азернешр, 1932. – С. 123.
[26] Государственный Архив Азербайджанской Республики (далее – ГААР). Ф. 2983. Оп. 1. Д. 36. Л. 387.
[27] Там же.
[28] *Вердиева Х.Ю.* Переселенческая политика Российской империи. – С. 256–257.
[29] *Джафарли М.* Политический террор и судьбы азербайджанских немцев. – С. 63.
[30] Там же. – С. 51–53.

Нападение гитлеровской Германии на Советский Союз сыграло роковую роль в судьбах немцев СССР, а также немцев Азербайджана и Баку. Советское руководство открыто демонстрировало недоверие к немецкому населению, рассматривая его в качестве «пятой колонны». Позорное отступление советской армии летом 1941 г., пленение более трех миллионов солдат и офицеров, тяжелые потери людских ресурсов, техники и географических пространств подводили правительство СССР к решительным мерам – массовой депортации всех немцев СССР с мест их постоянного проживания. Юридическое объяснение радикальным актам в отношении немцев, граждан СССР, давал Указ Президиума Верховного Совета СССР «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья» от 28 августа 1941 г. Этот документ стал идеологической и политической базой в политике тотальных репрессий советского руководства в отношении немецкого населения СССР.

Волна депортаций немцев осенью 1941 г. докатилась до Азербайджана. Документы, хранящиеся в фондах АПД УПД АР, свидетельствуют об этих событиях. Согласно постановлению ГКО № 744 сс от 8 октября 1941 г. немцы Азербайджанской ССР подлежали высылке. Принимая за основу данный документ, нарком внутренних дел СССР, генеральный комиссар госбезопасности Л. Берия в приказе № 001487 от 11 октября 1941 г. определял сроки депортации немцев. Во втором пункте подчеркивалось: «Операцию по Грузинской, Азербайджанской и Армянской ССР начать 15 и закончить 30 октября»[31]. Руководство депортацией немцев из Азербайджанской ССР, согласно этому приказу, возлагалось на наркома внутренних дел Азербайджанской ССР М.Т. Якубова. Операция проходила под бдительным присмотром НКВД СССР. В Азербайджан был командирован начальник отдела ЭКУ УВД майор государственной безопасности Ткаченко[32]. Для обеспечения операции по депортации были привлечены войска НКВД. Также была развернута разъяснительная работа среди немцев о целесообразности подчинения приказу № 001487, их предупреждали о возможных суровых последствиях в случае их «нежелательных» действий в ходе операции[33]. Наряду с изданным приказом в тот же день Л. Берия утвердил инструкцию «По проведению переселения немцев, проживающих в Грузинской, Азербайджанской и Армянской ССР»[34]. В ней указывалось, что переселению подлежали все немцы, проживавшие в Грузинской, Азербайджанской и Армянской ССР, включая членов ВКП(б) и ВЛКСМ[35]. Немцы Азербайджана выселялись в Казахскую ССР. Исключение составляли лица, имеющие специальные указания НКВД СССР. Немцы освобождались от депортации в том случае, если «глава семьи не являлся немцем, а жена – немка»[36].

Процесс выселения проходил по маршруту Баку–Красноводск. Немцы депортировались под строгим надзором НКВД. Им разрешалось брать с собой бытовое имущество, мелкий хозяйственный инвентарь, ценности и деньги до 200 кг на каждого члена семьи[37]. Конечно, эти пункты инструкции не реализовывались. Условия военного времени были жестки, вагоны были забиты, их не хватало, поэтому вышеуказанные пункты оставались на бумаге. В ходе операции были депортированы как немцы-колонисты, так и немцы Баку. Приказ № 001487 стал последним аккордом в немецкой истории Азербайджана. В результате из этноконфессиональной структуры населения страны выбыла целая этническая группа – немцы, этнос – носитель европейской культуры.

[31] АПД УПД АР. Ф. 1. Оп. 26. Д. 63. Л. 1.
[32] Там же.
[33] Там же. Л. 2.
[34] Там же. Л. 4–9.
[35] Там же. Л. 4.
[36] Там же. Л. 5.
[37] Там же. Л. 6.

Базируясь на вышесказанном, приходим к выводу о том, что немцы, появившись в Баку в последней четверти XIX в., гармонично вписались в социально-экономическую структуру города. «Нефтяной бум» способствовал позитивному развитию численности немцев Баку. Данный процесс шел по восходящей до Первой мировой войны, которая стала рубиконом в истории немцев Азербайджана. Последующие социально-экономические процессы в годы советской власти негативно отразились на демографии немцев Баку, численность их сокращалась. Осень 1941 г. поставила последнюю точку в немецких страницах истории страны.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Азербайджан (газ). – Баку, 1919. – 28 мая.
2. *Абдуллаев Ч.* Немцы в Азербайджане. – Баку: Б. и.,1992. – 92 с.
3. *Агамалиева Н., Худиев Р.* Азербайджанская Республика. Страницы политической истории 1918–1920 гг. – Баку: Сабах, 1994. – 112 с.
4. *Алиев К.* Немцы на Южном Кавказе, или моя жизнь в Анненфельде. – Баку: Б. и., 2000. – 112 с.
5. Архив Политических Документов Управления Делами Президента Азербайджанской Республики (АПД УДП АР). Ф. 1. Оп. 26. Д. 63; Ф. 12. Оп. 3.Д. 7632; Ф. 277. Оп. 2. Д. 17.
6. *Ахундова Т.* Немцы-колонисты в Азербайджане XIX – начало XX в. – Баку: Шуша, 1999. – 122 с.
7. *Байрамова А.* Германо-азербайджанские музыкальные связи. = Almaniya-Azərbaycan ədəbi-mədəni və tarixi mövzusuna həsr olunan elmi konfransın məqalələr toplusu. – Bakı.: Б. и., 2006. – 78 с.
8. Важнейшие узаконения (1914–1915 гг.). – Одесса: Практ. правоведение, 1915. – 318 с.
9. *Вердиева Х.Ю.* Переселенческая политика Российской империи в Северном Азербайджане. – Баку: Алтай, 1999. – 300 с.
10. *Вердиева Х.* Немцы в Северном Азербайджане. – Баку: Элм , 2009. – 206 с.
11. Всесоюзная перепись населения 1926 г. Азербайджанская Советская Социалистическая Республика. – М.: ЦСУ СССР,1929. – Т. 14. – 181 с.
12. Государственный архив Азербайджанской Республики (ГААР). Ф. 2983. Оп. 1. Д. 36.
13. Государственный исторический архив Азербайджанской Республики (ГИА АР). Ф. 13. Оп. 1. Д. 319; Ф. 46. Оп. 1. Д. 204; Ф. 311. Оп. 1. Д. 792; Ф. 495. Оп. 1. Д. 112.
14. *Гумбатова Т.* Благотворительные вечера и духовные концерты в жизни немцев Баку // Немцы России: социал.-эконом. и духовное развитие. 1871–1941 гг.: Материалы 8-й Междунар. науч. конф., Москва, 13–16 окт. 2001 г. / Науч. ред. А.А. Герман. – М.: ЗАО «МДЦ Холдинг», 2002. – С. 280–287.
15. *Джафарли М.* Политический террор и судьбы азербайджанских немцев. 2-е изд. – Баку: Vətən, 2003. – 317 с.
16. *Зейналова С.* Немецкие колонии в Азербайджане (1819–1941). – Баку: Араз, 2002. – 221 с.
17. *Ибрагимов Н.* Немецкие страницы истории Азербайджана. – Баку: Азербайджан, 1995. – 200 с.
18. История Азербайджана / Под ред. чл.-кор. Акад. наук Азерб. ССР И.А. Гусейнова. – Т. 2. – Баку: Изд-во Акад. наук АзССР, 1960. – 953 с.
19. *Керсновский А.А.* История Русской Армии. – Т. 3: 1881–1915 гг. – М.: Голос, 1994. – 349 с.
20. *Нелипович С.[Г.].* Политика оккупационных властей центральных держав в отношении немцев царства Польского 1915–1918 гг. // Немцы России: социал.-эконом. и духовное развитие. 1871–1941 гг.: Материалы 8-й Междунар. науч. конф., Москва, 13–16 окт. 2001 г. / Науч. ред. А.А. Герман. – М.: ЗАО «МДЦ Холдинг», 2002. – С. 95–109.

21. Перепись Баку 1913 года. – Баку: Стат. отдел Бакинск. город. управы, 1915–1916.
22. Перепись населения Азербайджана 1931 года. – Баку: Азернешр, 1932. – 281 с.
23. Свод статистических данных о населении Закавказского Края, извлеченных из посемейных списков 1886 года. – Тифлис: Б.и, 1893. – XV, 895, 52 с.
24. *Чернова-Дёке Т.Н.* Немецкие поселения на территории Российской империи. Кавказ: взгляд сквозь столетия (1818–1917). – М.: МСНК-пресс, 2008. – 178 с.
25. *Aqasiyev İ.* Qafqazın alman koloniyaları. – Bakı.: Bakı Biznes Universitetil, 2012. – 319 с.
26. *Aqasiyev İ.* XVIII əsrin sonu – XX əsrin əvvəllərində almanların Qafqazda məskunlaşması. – Bakı: Təhsil, 2009. – 303 с.
27. *Baykara H.* Azərbaycan istiqlal mübarizəsi. – Bakı.: Azərbaycan Dövlət Nəşriyyatı, 1992. – 276 с.

Die Bevölkerungsdynamik der Deutschen in Baku (in der zweiten Hälfte des 19. Jh. bis 1941)

Ch. Verdieva

Die vorliegende Arbeit stützt sich auf zahlreiche Fakten unter Einbeziehung umfangreicher statistische Daten und Arbeiten von Wegbereitern dieses Themas. Außerdem wird die quantitative Dynamik der Deutschen in Baku im vorgegebenen zeitlichen Rahmen dargestellt. Das Problem wird vor dem Hintergrund der sich entwickelnden sozialpolitischen Prozesse im Lande untersucht.

Schlüsselwörter: Deutsche, Baku, Azerbajdžan, Erster Weltkrieg, Februarrevolution, „Fünfte Kolonne“, „Concordia“, „Roter Terror“.

Dynamics of the German population size in Baku (from the second half of the XIX century till 1941)

H. Verdieva

The research is based on the extensive factual basis as well as on the works of the forebears; the bank of historical data is being referred to in greater volume. The dynamics of the German population size in Baku in the set forth chronological framework is being investigated. The problem is being explored in a sign of the social and political processes in the country in the affected period.

Keywords: the Germans, Baku, Azerbaijan, the First World War, February Revolution, “the fifth column”, “Concordia”, “the Red Terror”.

УДК 314.8.062.2

В.К. Клец

Немецкое население Украины в советский период: динамика численности и факторы влияния на нее

В статье показано изменение численности немецкого населения Украины с момента установления советской власти и до сегодняшнего дня. Указаны факторы, повлиявшие на это: эмиграция, коллективизация, голод 1932–1933 гг., репрессии. Особенно повлияли на изменение численности события Великой Отечественной войны. Динамика численности немецкого населения в Украине сравнивается с подобными изменениями в других республиках бывшего СССР.

Ключевые слова: немецкое население, Украина, численность, факторы влияния, переписи населения.

Количественные характеристики играют в любой науке одну из важнейших ролей. На первый взгляд статистические данные выглядят только сухими цифрами. Одна из героинь кинофильма «Семнадцать мгновений весны» говорила по этому поводу: «Нас, математиков, считают сухарями». Но эта сухость возникает только при отрешенном взгляде на цифры, формулы, графики. Когда же за этими цифрами встают люди, картина сразу же становится иной. Они оживают, т. к. за ними сразу же появляются чьи-то судьбы, радости, печали. Стоит вспомнить еще одного героя, правда, из мультфильма «Страна невыученных уроков», Витю Перестукина. Когда перед ним была тетрадь по арифметике, то результат в полтора землекопа не пугал его, и совсем по-другому он реагировал при встрече с этими полутора землекопами. Как пишет днепропетровский исследователь Ю.А. Святец, «речь идет о том, что в количественных характеристиках содержится нечто большее, чем чисто числовое выражение» (перевод наш. – *В. К.*)[1].

Также изменение численности немецкого населения отображает те события, которые его коснулись и отразились на судьбе целого этноса Российской империи, СССР и затем независимых республик после распада Советского Союза. Это и определяет актуальность данного исследования. Кроме того, она дополняется частыми некорректными и непрофессиональными использованиями статистических данных отдельными исследователями. Чего стоит только довольно частое упоминание о полутора миллионах репрессированных немцев.

В многочисленных исследованиях, посвященных истории немецкого населения Российской империи, СССР, вопрос об изменении численности и факторах, которые к этому вели, специально не рассматривался. Преимущественно исследователи иллюстрировали изменения на фоне какого-либо одного события или процесса (например, репрессии, депортации и т. п.). Поэтому целью данной работы и является освещение изменений численности одной из наиболее крупных групп немецкого населения – немцев Украины, а также выяснение тех факторов, которые приводили к этим изменениям, и определение роли каждого из них.

[1] *Святець Ю.А.* Кліометрика. Формально-кількісні та математико-статистичні методи: Підручник. – Дніпропетровськ: Вид-во Дніпропетр. ун-ту, 2003. – С. 52.

© В.К. КЛЕЦ. ЕЖЕГОДНИК МАИИКРН. 2015 Г. № 1. С. 194–209.

Главным источником данной работы являются результаты переписей (всесоюзных и всеукраинской 2001 г.), а также документы, характеризующие сущность тех или иных влияющих факторов.

Украина стала одним из регионов, где изначально сложилась одна из крупнейших групп немецкого населения. Уже в конце 80-х – начале 90-х годов XVIII в. здесь появились первые колонии переселенцев. По переписи 1897 г., подданных империи, которые считали немецкий язык родным (графы «национальность» в переписи не было, были вопросы о вероисповедании и родном языке, так что признание тех или иных людей немцами здесь несколько условно), насчитывалось 1 790 489 чел. (1,4 % жителей империи), из которых 491 809 проживали на территории девяти украинских губерний (Волынская, Екатеринославская, Киевская, Подольская, Полтавская, Таврическая, Харьковская, Херсонская, Черниговская). Это составляло 2,1 % от всех жителей названных губерний и 27,5 % от общего числа людей, признающих родным языком немецкий[2].

Советский период начинается уже с другими цифрами. Это объяснялось эмиграцией многих после революции, потерями в годы Гражданской войны, голодом начала 20-х годов и т. п. Первая советская перепись 1926 г. дает следующие показатели: по СССР немцев насчитывалось 1 238 549 чел. (0,8 % от общего числа жителей), в УССР – 393 924 немца (1,36 % от численности населения республики и 31,8 % от общей численности немцев). Большая по численности немецкая диаспора проживала в РСФСР (806 301 чел.), но они составляли только 0,8 % от численности жителей республики. В процентном же отношении наиболее близки были немцы Узбекской ССР (4646 из 5 272 810 жителей) – 0,9 %. В пределах же республики немцы по численности уступали только украинцам, русским, евреям и полякам[3]. Данные переписи 1926 г. нами берутся в качестве отправной точки. К этому периоду кроме названных факторов, повлиявших на снижение численности немецкого населения, стоит еще добавить пребывание Крыма в составе РСФСР, в то время как в 1897 г. он входил в состав Таврической губернии. Результаты остальных всесоюзных переписей населения и всеукраинской переписи населения 2001 г. показывают динамику изменения как численности, так и удельного веса немецкого населения.

Таблица 1. Изменение численности немецкого населения Украины (1937–2001)

Год переписи	Территория	Численность немецкого населения (% от числа жителей)	Удельный вес немцев Украины от общего числа немецкого населения страны	Максимальные показатели немецкого населения в других республиках (по численности и по удельному весу среди населения республики)
1937[4]	СССР УССР	1 151 602 (0,7 %) 401 880 (1,4 %)	34,0 %	РСФСР – 651 429 (0,6 %) Казахская ССР – 80 568 (1,7 %)
1939[5]	СССР УССР	1 427 232 (0,8 %) 392 458 (1,3 %) около 600 000 (к концу года)[6]	27,5 %	РСФСР – 862 504 (0,8 %) Казахская ССР – 92 571 (1,5 %)

[2] Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. // Демоскоп Weekly. – 2015. – 7–20 сент. – № 653–654. // URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_lan_97.php.

[3] Всесоюзная перепись населения 1926 г. // Демоскоп Weekly. – 2015. – 7–20 сент. – № 653–654. // URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/ussr_nac_26.php.

[4] Всесоюзная перепись населения 1937 года: Общие итоги: Сб. док. и материалов / Редкол.: Ю.А. Поляков (отв. ред.) и др.; сост.: В.Б. Жиромская, Ю.А. Поляков. – М., 2007. – С. 32, 87, 88, 95, 106, 107, 109.

[5] Всесоюзная перепись населения 1939 г. // Демоскоп Weekly. – 2015. – 7–20 сент. – № 653–654. // URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_39.php?reg=5.

[6] *Коваль М.В., Медведок Т.В.* Фольксдойче в Україні (1941–1944 рр.) // Україн. істор. журн. – 1992. – № 5. – С. 16.

Год переписи	Территория	Численность немецкого населения (% от числа жителей)	Удельный вес немцев Украины от общего числа немецкого населения страны	Максимальные показатели немецкого населения в других республиках (по численности и по удельному весу среди населения республики)
1959[7]	СССР УССР	1 619 655 (0,8 %) 23 243 (0,06 %)	1,4 %	РСФСР – 820 016 (0,7 %) Казахская ССР – 659 751 (7,1 %) Киргизская ССР – 39 915 (1,9 %) Таджикская ССР – 32 588 (1,6 %) Литовская ССР – 11 166 (0,4 %) Узбекская ССР – 17 958 (0,2 %) Туркменская ССР – 3647 (0,2 %) Молдавская ССР – 3843 (0,1 %) Латвийская ССР – 1609 (0,08 %) Грузинская ССР – 2259 (0,06 %) Эстонская ССР – 670 (0,06 %)
1970[8]	СССР УССР	1 846 317 (0,8 %) 29 871 (0,06 %)	1,6 %	Казахская ССР – 839 649 (6,5 %) РСФСР – 761 888 (0,6 %) Киргизская ССР – 89 834 (3,1 %) Таджикская ССР – 37 712 (1,3 %) Эстонская ССР – 7850 (0,6 %) Узбекская ССР – 52 419 (0,4 %) Молдавская ССР – 9399 (0,3 %) Латвийская ССР – 5413 (0,2 %) Туркменская ССР – 4298 (0,2 %) Литовская ССР – 1904 (0,06 %)
1979[9]	СССР УССР	1 936 214 (0,7 %) 34 139 (0,07 %)	1,8 %	Казахская ССР – 900 207 (6,1 %) РСФСР – 790 762 (0,6 %) Киргизская ССР – 101 057 (2,9 %) Узбекская ССР – 39 517 (0,3 %) Таджикская ССР – 38 853 (1 %) Молдавская ССР – 11 374 (0,3 %) Эстонская ССР – 3944 (0,3 %) Туркменская ССР – 4561 (0,2 %) Латвийская ССР – 3299 (0,1 %) Литовская ССР – 2616 (0,08 %)
1989[10]	СССР УССР	2 038 603 (0,7 %) 37 849 (0,07 %)	1,9 %	Казахская ССР – 957 518 (5,8 %) РСФСР – 842 295 (0,6 %) Киргизская ССР – 101 309 (2,4 %) Таджикская ССР – 32 671 (0,6 %) Узбекская ССР – 39 809 (0,2 %) Молдавская ССР – 7335 (0,2 %) Эстонская ССР – 3466 (0,2 %) Туркменская ССР – 4434 (0,1 %) Латвийская ССР – 3783 (0,1 %)
2001[11]	Украина	33 302 (0,07 %)		

[7] Всесоюзная перепись населения 1959 года // Демоскоп Weekly. – 2015. – 7–20 сент. – № 653–654. // URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_59.php.

[8] Всесоюзная перепись населения 1970 года // Демоскоп Weekly. – 2015. – 7–20 сент. – № 653–654. // URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_70.php.

[9] Всесоюзная перепись населения 1979 года // Демоскоп Weekly. – 2015. – 7–20 сент. – № 653–654. // URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_79.php.

[10] Всесоюзная перепись населения 1989 года // Демоскоп Weekly. – 2015. – 7–20 сент. – № 653–654. // URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_89.php.

[11] Всеукраинская перепись населения 2001. // URL: http://2001.ukrcensus.gov.ua/rus/results/general/nationality.

Как видно, резкое изменение численности немецкого населения в Украине происходит в результате событий Великой Отечественной войны. Но и в годы относительной «стабильности» тоже проходили довольно серьезные изменения. Так, с одной стороны, в довоенный период численность немецкого населения практически не менялась, за исключением небольшого всплеска по результатам «непризнанной» переписи 1937 г. Но стоит учесть традиционно довольно высокую рождаемость в немецких семьях и тогда становится видно, что при росте населения УССР с 1926 по 1939 г. на 6,6 % (на 1 928 031 чел.) (и это при голоде начала 30-х годов, репрессиях второй половины 30-х годов) численность немецкого населения снизилась на 1466 чел. (0,4 %). Какие же факторы обусловили данное снижение численности? С одной стороны, это специфический «немецкий» фактор – эмиграция меннонитов в 20-х годах.

Не все желающие из них смогли уехать (около 5 тыс.), но и те, кто остался, вынуждены были сменить место своего жительства, в т. ч. происходило переселение и за пределы республики. Так, например, в годы войны в одном из своих отчетов об обследовании с. Кронсгартен (Половицы) К. Штумпп писал, что «эту бывшую меннонитскую колонию после выезда меннонитов в Америку в 1921 г. и частичной высылки населения в 1930 г. заселили немцы из разных сел, в том числе и из Йозефсталя»[12]. Правда, С. Бобылева и И. Толстых утверждают, что выехали меннониты из Кронсгартена в 1923 г. «По одним данным, выехавших было 16 человек, по другим – эмигрировала половина населения Половиц <…> Число меннонитов <…> в 1928 г. составляло лишь 55 человек»[13] (в 1917 г. насчитывалось 212 жителей) или около 25 % по сравнению с 1917 г. Из крупнейшей менонитской колонии Хортица в середине 20-х годов эмигрировало 299 чел., или около 9,8 % (в 1925 г. там проживало 3040 чел.).

Вторым фактором стала коллективизация. Немцы и особенно меннониты были довольно зажиточной группой населения. В условиях начавшейся в 1930 г. массовой коллективизации они зачастую становились тормозом в данном процессе. И одним из вариантов в деле решения данной проблемы для тогдашней власти стала высылка населения (как за пределы поселений, так и за пределы республики – в Сибирь, Казахстан). Именно такая судьба постигла практически всех жителей колонии Манвеловка Васильковского района Днепропетровской области (она в ходе коллективизации просто перестала быть немецкой колонией). В одном из постановлений Днепропетровского облисполкома от 5 января 1933 г. содержится решение о высылке с территории области и конфискации имущества 20 хозяйств в селе Гейдесберг Молочанского района[14]. В Хортице в 1929–1932 гг. было раскулачено 16 хозяйств из 306 имеющихся в селе.

Кроме того, именно коллективизацию можно считать главной причиной и предпосылкой наступившего в 1932 г. голода (третий фактор). Об этом голоде за последних пару десятилетий написано уже немало, в т. ч. и крупных трудов. Стало уже чуть ли не правилом писать об этом всем, в т. ч. и тем, кто всегда занимался изучением других проблем и других периодов истории. Но, что интересно, чем больше пишут о голоде 1932–1933 гг., тем больше возникает вопросов в обоснованности и правдивости приводимых фактов. Складывается впечатление, что авторы подобных исследований ставят перед собой задачу написать, а будет ли это правдиво выглядеть – неважно. Один маленький пример. В 2010 г. в Запорожье вышла книга «Голодомор 1932–1933 годов на территории Запорожской области: свидетельства

[12] Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины. Ф. 3676. Оп. 4. Д. 4. Л. 81.

[13] *Бобылева С.И., Толстых И.В.* Возвращаем забытое прошлое: из истории колонии Половицы (Kronsgarten) // Вопросы германской истории: Сб. науч. тр. / Ред. кол.: С.И. Бобылева (отв. ред.) и др. – Днепропетровск: РИО ДНУ, 2006. – С. 193.

[14] Зоря. Орган Дніпропетровського обкому і міському КП(б)У та облвиконкому. – 1933. – 6 січня.

очевидцев». В предисловии авторы пишут (перевод наш. – *В. К.*): «В сборнике представлены и свидетельства, собранные исследователями в начале 90-х годов XX в. Некоторые свидетельства написаны в форме писем на протяжении 70–80-х годов XX в., что особенно рельефно отображает оценку и восприятие событий 30-х годов. Приведены для примера свидетельства жителей Михайловского района Запорожской области Э. Свиридовой и М.М. Сидорова. Свидетельства написаны ими самими в 70–80-х годах XX в. в форме писем. Сами свидетели (Э. Свиридова и М. Сидоров) в 1932–1933 гг. были комсомольцами-активистами и осуществляли экспроприацию зерна. Мы сознательно публикуем эти письма-свидетельства, поскольку, на наш взгляд, они раскрывают идеологические факторы, которыми руководствовались исполнители сталинской политики на местах»[15]. Что же мы видим дальше? «Свидетельства Свиридовой Э. (1926 г.р.), пгт Михайловка Михайловского района Запорожской области: „В 1932–33 гг. мне было 6–7 лет“»[16]; «Свидетельства Сидорова Михаила Михайловича (1926 г.р.), пгт Михайловка Михайловского района Запорожской области»[17]. Какими же они могли быть комсомольцами-активистами, экспроприировавшими зерно в 6–7-летнем возрасте? Или еще: «Свидетельства Хадкевича Павла Степановича (1933 г.р.), с. Новосоленое Новониколаевского района Запорожской области: „Это были страшные голодные годы <…> Хотя уже и прошло много лет, но он иногда вспоминает об этих страшных днях“»[18]. (Здесь мы сталкиваемся с явной недобросовестностью автора, использовавшего интервью ветерана. Как можно вспоминать о тех днях, которые были до твоего рождения?)

В конце 1990-х годов – начале XXI в. (1998, 2001, 2002, 2003) нами был проведен ряд историко-этнографических экспедиций в бывшие немецкие поселения. Одним из вопросов, который задавался старожилам этих и близлежащих населенных пунктов, был вопрос о голоде 1932–1933 гг. Можно назвать три стандартных ответа, которые мы слышали в разных населенных пунктах: 1) о голоде слышали, но у нас все было нормально; 2) голод был, но колхоз (совхоз) помог его преодолеть; 3) было очень голодно, для детей была организована столовая, остальные вытягивали с трудом.

Очень неубедительно часто выглядят цифры, связанные с голодом, которые приводят исследователи. Например, киевский исследователь И. Иваньков, опираясь на немецкие документы оккупационного периода, приводит цифры умерших от голода по некоторым немецким колониям различных регионов (см. табл. 2). Нами взяты только те населенные пункты, по которым имеются данные как умерших от голода, так и численность населения на начало 30-х годов (1931–1933 гг. в разных населенных пунктах).[19]

Как видно, из десяти населенных пунктов в четырех уровень смертности составлял менее 10 смертей на 1000 чел. В то же время за 2014 г. уровень смертности в Украине составил 15,72/1000 чел. (2-е место в мире после ЮАР), в России – 13,69, Германии – 11,42; в 17 странах Евросоюза (кроме названной уже Германии) этот показатель также превышает 10 смертей на 1000 чел.: Болгария – 14,3, Эстония – 13,69, Латвия – 13,6, Венгрия – 12,72, Хорватия – 12,13, Румыния – 11,88, Литва – 11,55, Словения – 11,25, Греция – 11, Португалия – 10,97, Бельгия – 10,76, Финляндия – 10,51, Австрия – 10,38,

[15] Голодомор 1932–1933 років на території Запорізької області: свідчення очевидців / Упорядники Ф.Г. Турченко, І.М. Шугальова, О.О. Стадніченко, В.Г. Ткаченко, О.М. Ігнатуша. – Запоріжжя: Дике поле, 2010. – С. 15.

[16] Там же. – С. 255.

[17] Там же.

[18] Там же. – С. 226.

[19] *Іваньков І.* Німецькі колонії Півдня України та голод 1932–1933 років (за матеріалами Міністерства східних окупованих територій гітлерівської Німеччини) // Етнічна історія народів Європи: Збірник наук. праць / Ред. кол.: А.Г. Слюсаренко (голова) та ін. – Вип. 16. Німці в етнокультурному просторі України. – Киев: УНІСЕРВ, 2004. – С. 63–65.

Таблица 2. Потери от голода 1932–1933 гг. среди немецкого населения УССР (показатели по отдельным районам)

Населенный пункт	Численность населения	Количество умерших от голода	Уровень смертности (на 1000 чел.)
Пятихатский район Днепропетровской области			
Розенталь	164	3	18,3
Синельниковский район Днепропетровской области			
Мариенталь	428	27	63,1
Айгенфельд	420	4	9,5
Сталиндорфский район Днепропетровской области			
Ной-Гохштадт	368	22	59,8
Одесская область			
Йоганненсталь	1190	78	65,5
Херсонская область			
Ной-Клостердорф	537	1	1,9
Мюльхаузендорф	647	5	7,7
Шлангендорф	508	17	33,5
Грюнфельд	25	1	40
Фриденхайм	180	0	0
Всего	4467	158	35,4

Польша – 10,37, Чехия – 10,29, Дания – 10,23, Италия – 10,1, даже в такой «здоровой» стране, как Япония показатель составляет 9,51[20].

Приводя эту статистику, мы не стремимся опровергнуть наличие голода в данный период. Были села и целые районы, которые очень сильно пострадали. Например, А.И. Безносов сообщает о катастрофическом голоде в Высокопольском, Молочанском, Хортицком районах[21]. Хотя в целом, по мнению того же исследователя, смертность среди немцев была значительно ниже, чем среди украинцев и русских, благодаря помощи зарубежных благотворительных организаций («Братья в нужде», «Комиссия по пересылке пакетов в СССР», «Фаст и Брилиант», Центральный комитет помощи немцам Причерноморья и др.)[22].

С середины 30-х годов немецкое население, как и все остальное население СССР, сталкивается с очередной трагедией – репрессиями (четвертый фактор). Этот сюжет уже освещался в многочисленных работах. Мы дополним только некоторыми цифрами. По данным В.Н. Никольского, только за 1937 г. было арестовано 16 255 немцев[23]. По численности репрессированных немцы уступали только украинцам и полякам,

[20] The world factbook. URL: http://www.cia.gov/library/publications/resources/the-world-factbook.

[21] *Безносов А.И.* Меннониты Юга Украины в годы «великого перелома» (1928–1933 гг.) // Вопр. герм. истории: Сб. науч. тр. / Ред. кол.: С.И. Бобылева (отв. ред.) и др. – Днепропетровск: Изд-во ДНУ, 2001. – С. 84–86.

[22] *Безносов А., Осташева Н.* Молочанский немецкий национальный район // Немцы России: Энцикл. – Т. 2: К–О. – М.: ЭРН, 2004. –С. 547.

[23] *Нікольський В.М.* Репресії органів державної безпеки щодо німців України у 1937 році: кількісні показники // Вопр. герм. истории: Сб. науч. тр. / Ред. кол.: С.И. Бобылева (отв. ред.) и др. – Днепропетровск: Изд-во ДНУ, 2001. – С. 54.

хотя по численности населения в республике они уступали еще и русским, и евреям. В процентном же отношении репрессированных от численности национальной группы немцы уступали только полякам, среди которых репрессированы были 7,2 % (у немцев – 4 %). Самое большое количество репрессированных проживало в Донецкой области (5758, что составляет 35,4 % от общего числа репрессированных немцев), на втором месте идет Днепропетровская область (3689 – 22,7 %)[24]. Невозможно найти хоть какой-либо населенный пункт, в котором бы не было репрессированных. Иногда цифры репрессированных зашкаливали. Так, в 1943 г. в девяти немецких поселениях Фризендорфского (Сталиндорфского) района проходил опрос населения. Одним из вопросов анкеты были сведения о разного рода репрессиях в отношении членов семьи и родственников (ссылки, аресты, депортации и т. д.). Самый маленький процент зарегистрирован в с. Розенфельд (опрошено 14 чел., которые упомянули восьмерых, т. е. 57 % от числа жителей). Самый большой показатель в с. Николайталь (опрошено 9 чел., которые упомянули 33-х, т. е. 367 %). Всего же по району было опрошено 405 чел., которые упомянули 478 чел., подвергшихся репрессиям (118 %)[25].

Всего же по так называемой «немецкой операции» НКВД с начала ее осуществления до 15 ноября 1938 г. в Украине было осуждено 21 229 чел. (5,3 % от всего немецкого населения республики по переписи 1937 г.), из которых 18 005 чел. были приговорены к расстрелу[26]. Стоит отметить высокий процент осужденных немцев в Украине и особенно процент приговоренных к расстрелу. Так, удельный вес немцев Украины в общем количестве осужденных немцев составляет 38,6 % (21 229 осужденных из 55 005 осужденных немцев по стране), к расстрелу же в Украине было приговорено почти 43 % из всех немцев, приговоренных к расстрелу по стране (18 005 из 41 898)[27]. При этом немцы Украины в количественном отношении, согласно переписи 1937 г., составляли 34,9 % всех немцев СССР. При ненамного меньшей численности немцев в АССР немцев Поволжья там было осуждено 1002 чел., из которых 567 были приговорены к расстрелу. Отличия между республиками очень существенные. Такой высокий процент осужденных и приговоренных к расстрелу в Украине можно объяснить только рвением местных властей, стремившихся показать свою активную деятельность по поиску и уничтожению «врагов народа».

Но и в этом вопросе некоторые документы дают очень удивительные цифры. Так, по данным команды К. Штумппа, в Йозефстале Днепропетровской области к 1941 г. насчитывалось 265 семей, и не было среди них ни одной без главы семейства. (Вывод о том, что никто из мужчин не был репрессирован, вызывает серьезные сомнения.) И в то же время в соседней колонии Рыбальское (Фишердорф) из 267 семей на тот же период 214 (80,1 %) были без глав семей, в Альтонау Николаевской области – из 132 семей 112 (84,8 %) без глав семей[28].

Встречаются и другие удивительные цифры. В фонде Днепропетровского штадткомиссариата периода оккупации содержатся анкеты учителей, желающих работать в школах. Из 20 чел., которые обозначены в графе «национальность» как «немец», только 6 (30 %) указали, что подвергались репрессиям, остальные 14 (70 %) дали на этот вопрос отрицательный ответ[29]. Это притом, что, во-первых, представители интеллигенции в большей мере подвергались репрессиям, и, во-вторых, в период оккупации это было бы выигрышным моментом для людей.

[24] *Нікольський В.М.* Репресії органів державної безпеки щодо німців України. – С. 55.

[25] Государственный архив Днепропетровской области (далее – ГАДО). Ф. 3388. Оп. 1. Д. 3–25 (анкеты).

[26] Немецкая операция НКВД (Число осужденных с начала операции по 15 ноября 1938 г.) // Герман А.А., Иларионова Т.С., Плеве И.Р. История немцев России: Хрестоматия. – М.: МСНК-пресс, 2005. – С. 229.

[27] Там же. – С. 229–230.

[28] *Вальт Р.Х.* Обломки всемирной истории. Российские немцы между Сталиным и Гитлером. – 2-е изд. – Эссен: Клартекст-Ферлаг, 1996. – С. 362.

[29] ГАДО. – Ф. 2443. Оп. 1. Д. 28. Л. 15, 180; Д. 31. Л. 27, 58, 80, 82, 83, 84, 122; Д. 36. Л. 165-а, 166; Д. 38. Л. 103, 104, 129, 130, 151, 152, 153, 153-а; Д. 40. Л. 26, 27, 36; Д. 44. Л. 23, 24; Д. 47. Л. 64; Д. 48. Л. 252; Д. 52. Л. 181, 182.

В целом же все названное и привело к снижению численности немецкого населения. Например, в такой известной и одной из старейших и крупнейших меннонитских колоний, как Хортица, к 1941 г. из 11 507 жителей меннонитов насчитывалось лишь 2178 чел., т. е. чуть менее 19 %, хотя в 1925 г. их было 3040 чел. С 1929 г. из села было выслано 327 чел.

Встречаются случаи, когда некоторые авторы завышают цифры репрессированных. Так, в вышедшей в 2015 г. работе Тимоти Снайдера «Кровавые земли: Европа между Гитлером и Сталиным» говорится о расстрелянных в ходе «немецкой операции» 41 989 осужденных. При этом автор указывает, что большинство из них немцами не являлись[30]. (К сожалению, автор никак не объясняет, на чем основан его вывод.) Можно предположить, что произошла обычная опечатка – цифры случайно поменялись местами («8» и «9»), но, судя по другим цифрам, приводимым в книге, складывается впечатление, что это не оплошность, а осознанная тенденция, о чем речь будет идти ниже. Кроме того, нельзя отрицать, что по «немецкой операции» проходили не только немцы, но говорить о том, что таковых было большинство, мягко говоря, некорректно. Мы приведем только один пример, взятый из работы В.В. Ченцова, касающийся национального состава осужденных: «В первой половине 1938 г. в [Днепропетровской] области в ходе „немецкой операции“ арестовали 2576 человек. Из них по национальному составу: немцев – 2413, австрийцев – 6, украинцев – 96, русских – 39, евреев – 8, других национальностей – 4 человека»[31]. Данное распределение по национальному составу, конечно, не является эталоном, но дает приблизительное соотношение национальных групп среди осужденных.

В 1939 г. происходят два важных для немецкого населения события. Сначала, в соответствии с пактом о ненападении с Германией, Восточная Галичина, Западная Волынь, чуть позже Северная Буковина, где проживало немало немцев, присоединяются к Украине, а затем Германия и СССР подписывают два соглашения (16 ноября 1939 г. и 5 сентября 1940 г.), по которым немецкое население получило возможность выехать в Германию. Путем сравнения численности населения можно предположить, что в этих регионах проживало около 200 тыс. немцев. По сведениям некоторых авторов, в результате выполнения данных соглашений в Германию выехало около 260 тыс. немцев[32]. С некоторыми сомнениями эту цифру можно взять за основу, хотя она все-таки выглядит немного завышенной.

Как уже говорилось, переломным моментом для немецкого населения не только Украины, но и всего Советского Союза, стала Великая Отечественная война.

Немцы Украины в это время трижды подверглись переселениям в разных направлениях. Первым переселением стала депортация в восточные районы СССР.

Уже в первый день войны, 22 июня 1941 г., начала закладываться правовая база под последующие принудительные переселения. В этот день был издан Указ Президиума Верховного Совета СССР, который предоставлял право военным властям выселять с территорий, где объявлялось военное положение, лиц, признанных «социально опасными». Под эту категорию сразу же попали лица немецкой национальности, имевшие как германское, так и советское гражданство[33].

[30] *Снайдер Т.* Кровавые земли: Европа между Гитлером и Сталиным / Пер. с англ. Л. Зурнаджи. – Киев, 2015. – С. 149.

[31] *Ченцов В.В.* Трагические судьбы. Политические репрессии против немецкого населения Украины в 1920–1930-е годы. – М.: Готика, 1998. – С. 109.

[32] *Винниченко И.И.* Немцы в Украине: к вопросу о репрессиях и принудительном переселении // Начальный период Великой Отечественной войны и депортация рос. немцев: взгляды и оценки через 70 лет / Науч. ред. А.А. Герман. – М. МСНК-пресс, 2011. – С. 326.

[33] *Айсфельд А., Бруль В.* Депортация // Немцы России: Энцикл. – Т. 1: А–И. – М.: ЭРН, 1999. – С. 698.

Семья П. Винса. Колония Линденау, 1927 г.

Места своего постоянного проживания отдельные группы немцев начали покидать еще до начала массового переселения. Это были представители партийного, советского актива, лица, выделенные для перегонки скота, техники, перевозки в тыл разнообразного инвентаря. И хотя данное переселение нельзя назвать принудительным в полном смысле этого слова, но судьба первых переселенцев не отличалась от судьбы депортированных позже. Все они оказались в восточных районах страны и потом в трудармии.

Следующим шагом в депортационном процессе стали решения, касающиеся поволжских немцев: Постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 26 августа и Указ Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 г. Несмотря на то, что данные документы касались только одного региона, они отразились на судьбе всего немецкого населения страны. Почти сразу же, 31 августа 1941 г., Политбюро ЦК ВКП(б) рассмотрело вопрос «О немцах, проживающих на территории Украинской ССР», в результате чего было принято постановление, предписывающее в девяти областях (Днепропетровской, Ворошиловградской, Запорожской, Киевской, Полтавской, Сталинской, Сумской, Харьковской, Черниговской) весь «антисоветский элемент» среди немцев арестовать, а всех мужчин в возрасте от 16 до 60 лет мобилизовать в строительные батальоны. В короткие сроки было сформировано 13 строительных батальонов общей численностью 18 600 чел., но использовались они уже на объектах НКВД – в Ивдельлаге, Соликамбумстрое, Богословстрое и Кимперсайлаге[34].

С сентября 1941 г. процесс депортации приобретает уже массовый характер: 6 сентября принимается постановление ГКО «О переселении немцев из Москвы и Московской области и Ростовской области», 21 сентября – «О переселении немцев из Краснодарского, Орджоникидзевского краев, Тульской области, Кабардино-Балкарской и Северо-Осетинской АССР» и т. д.

22 сентября 1941 г. было принято постановление ГКО № 702сс «О переселении немцев из Запорожской, Сталинской и Ворошиловградской областей»[35]. Можно считать, что этот документ подводил черту под депортацией с территории Украины. Речь в нем идет о переселении с восточных областей Украины, к этому времени оккупировано было все правобережье, сражения шли на левом берегу Днепра. Согласно справке отдела спецпереселений НКВД СССР от 25 декабря 1941 г., из Запорожской области было переселено 32 032 чел. (учтено для переселения 53 566 чел.), из Ворошиловградской – 9858 чел. (учтено – 13 000), из Сталинской – 35 477 чел. (учтено – 36 380), из Днепропетровска – 3250 чел.[36], т. е. всего 80 617 из запланированных к переселению 102 946 чел. План не был выполнен в связи с быстрым наступлением немецких войск. К моменту принятия решения многие территории уже были оккупированы. В результате вывезти смогли только население, проживающее на левом берегу Днепра, на правом же берегу почти все немцы остались по месту жительства. Да и на левобережье позже стали возвращаться те немцы, которым удалось как-то скрыться в ходе выселения. Например, в Николаевской области до начала войны проживало около 30 тыс. немцев[37], столько же их было и в период оккупации. В Колоно-Николаевке (Эттингерфельд) Васильковского района Днепропетровской области к началу 1942 г. вернулось 17 чел., из которых 11 были уроженцами этого села[38].

Всего же с Украины была депортирована приблизительно пятая часть проживавших в республике немцев. После оккупации на территории рейхскомиссариата «Украина» насчитывалось 163 тыс. этнических немцев (в т.ч. в Житомирском генерал-комиссариате – 42 тыс., в Киевском – 9 тыс., в Волынском – 5 тыс., в Днепропетровском – 70 тыс., в Николаевском – 30 тыс., в Мелитополе – 7 тыс.)[39]. Кроме того, более 130 тыс. этнических немцев проживало на территории Транснистрии, в которую входила Одесская, часть Николаевской и часть Винницкой областей Украины[40].

Снова хотелось бы вернуться к количественным данным, приведенным в книге Т. Снайдера. Он утверждает, что «около девятисот тысяч советских немцев и восьмидесяти девяти тысяч финнов были депортированы в 1941-м и 1942 годах»[41]. Документы же дают несколько иную цифру. «Справка о переселении граждан немецкой национальности» от 13 декабря 1941 г., подписанная заместителем начальника отдела спецпереселений НКВД СССР, говорит о 803 138 чел., отправленных в места вселения[42]. В докладе начальнику отдела спецпереселений НКВД СССР от 25 декабря 1941 г. указывается цифра 856 168 чел.[43] В «справке о выселении спецпереселенцев-немцев по областям за 1941 г.» (за период с сентября 1941 г. по 1 января 1942 г.) от 13 июля 1942 г. дается уже цифра 799 459 выселенных[44]. В 1942 г. процесс депортации был продолжен, но он коснулся немцев Ленинградской области. И.В. Черказьянова, ссылаясь на работу В.Н. Земскова, говорит о приблизительно 11 тыс. вывезенных немцев к 1 октября 1942 г.[45] (правда, она указывает, что цифра требует уточнения). Таким образом, точнее можно было бы говорить о приблизительно 800–850 тыс. депортированных. 50–100 тыс. человек для общего числа в 900 тыс. выглядят чересчур завышенными для термина «около», 5,5–11 % – это очень большой допуск. Тем более для автора работы, которой, называя ее «скрупулезно

[34] *Герман А.А., Иларионова Т.С., Плеве И.Р.* История немцев России: Учеб. пособие. – М.: МСНК-пресс, 2005. – С. 423; Герман А.А. «Если останусь жив...»: Жизнь и удивительные изломы судьбы российского немца Эдвина Гриба. – М.: МСНК-пресс, 2007. – С. 16–18.

[35] История российских немцев в документах (1763–1992 гг.) / Сост. В.А. Ауман, В.Г. Чеботарева. – М.: МИГУП, 1993. – С. 165; «Мобилизовать немцев в рабочие колонны... И. Сталин»: Сб. док. (1940-е годы) / Сост., предисл., коммент. д-ра ист. наук, проф. Н.Ф.Бугая. – 2-е изд. – М.: Готика, 2000. – С. 32–33.

[36] *Герман А.А., Иларионова Т.С., Плеве И.Р.* История немцев России: Хрестоматия. – М.: МСНК-пресс, 2005. – С. 269, 271.

[37] Німці Півдня України: Історія і сучасність. – Николаев, 2009. – С. 373, 375.

[38] ГАДО. Ф. 2311. Оп. 1. Д. 24. Л. 52.

[39] *Айсфельд А.* Великая Отечественная война 1941–1945 // Немцы России: энцикл. – Т. 1: А–И. – С. 338.

[40] Німці Півдня України: Історія і сучасність. – С. 375.

[41] *Снайдер Т.* Указ. соч. – С. 429.

[42] Справка о переселении граждан немецкой национальности. 13 декабря 1941 г. // Депортации народов СССР (1930-е – 1950-е годы) / Сост. О.Л. Милова. – Ч. 2. Депортация немцев (сентябрь 1941 – февраль 1942 гг.). – М.: [Б.и.], 1995. – С. 56.

[43] О переселении немцев из ряда областей, краев и республик Союза ССР. 25 декабря 1941 г. // Депортации народов СССР. – С. 63–69.

[44] Справка о выселении спецпереселенцев-немцев по областям переселенных за 1941 год (за период с сентября 1941 г. по 1-е января 1942 года). 13 июля 1942 г. // Депортации народов СССР. – С. 171–172.

[45] *Черказьянова И.В.* Ленинградские немцы: судьба военных поколений (1941–1955). – СПб.: Нестор-История, 2011. – С. 37.

Памятник меннонитам Украины – жертвам сталинского режима. Открыт 7 декабря 2009 г. Запорожье, Верхняя Хортица.

Источник: Red zp / Panoramio

исследованной историей», «аккуратным и основательным» исследованием[46] и т. п., дают высокую оценку как средства массовой информации, так и отдельные критики.

В 1943 г. в условиях отступления вермахта с территории Украины начинается эвакуация немецкого населения на запад. Один из участников событий назвал данный процесс «второй эвакуацией» местных немцев (под первой он, наверное, подразумевал депортацию 1941 г.)[47]. Причины данной акции объясняются легко. Во-первых, еще в программе НСДАП, принятой в 1920 г. в первом пункте говорилось о требовании «объединения всех немцев в великую Германию на основе права народов на самоопределение»[48]. И данное переселение должно было способствовать такому объединению. Но более важным было то, что и нацистское руководство, и немецкое население Украины помнили о событиях 1941 г. (аресты немцев, депортация) и знали о дальнейшей судьбе депортированных немцев. Понятно, что они опасались, что после двух лет войны их судьба в лучшем случае будет похожей, т. е. высылка в восточные районы страны, принудительный труд в лагерях НКВД, а возможно, даже и высшая мера наказания. Кроме того, в условиях оккупации они пользовались некоторыми льготами, что ставило их в привилегированное положение по сравнению с другими жителями оккупированных территорий. Хоть и не везде, и не всегда, но местное население негативно относилось к представителям немецкого населения, что могло закончиться и самосудами, оговорами и в конечном счете опять-таки арестами и высылкой.

Кстати, о подобной перспективе судьбы немецкого населения упоминал Й. Геббельс в своем дневнике. 21 марта 1945 г. он писал: «Советы <…> самым жестким образом депортируют в другие районы целые народности из разных частей Советского Союза или с оккупированных территорий. Они не церемонятся со своими собственными народностями. Так, например, они преспокойно заявляют, что народности, жившие в областях, которые были заняты нами, будут депортированы в Восточную Россию, поскольку они слишком поддались влиянию национал-социалистской пропаганды. Чего бы только не натворили эти Советы с немецким населением, если бы оно попало в их руки!»[49]

[46] Отзывы на книгу Тимоти Снайдера «Кровавые земли» // Снайдер Т. Кровавые земли: Европа между Гитлером и Сталиным. – С. 572, 574.

[47] Спогади Гельмута Рейнгольдовича Генцеля (м. Ольсберг, Німеччина). 17 квітня 1993 р. // Куйбишевський та Розівський райони в роки Великої Вітчизняної війни: Збірник документів. – Куйбишеве: [Б.в.], 1996. – С. 15.

[48] *Гейден К.* Путь НСДАП. Фюрер и его партия. – М.: Яуза; Эксма, 2004. – С. 29.

[49] *Геббельс Й.* Последние записи / Вступ. слово и общ. ред. А.А. Галкина. – Смоленск: Русич, 1998. – С. 341.

Подавляющее большинство немецкого населения было эвакуировано осенью – зимой 1943–1944 гг. Сроки эвакуации зависели от обстановки на фронте, и она начиналась по мере приближения советских войск.

Оккупационные власти старались сделать вид, что эвакуация немецкого населения никак не связана с наступлением Красной армии. Например, в прессе в Николаеве в марте 1944 г., незадолго до освобождения города Красной армией, писалось: «Определенные круги города Николаева в связи с отъездом из города части граждан немецкого происхождения (фольксдойче) делают ошибочный вывод, будто бы немецкое командование предполагает оставить Николаев или город рискует попасть непосредственно в зону боевых действий. Эти вредные слухи не отвечают действительности. На самом деле эвакуация части немецких граждан (фольксдойче) проходит по заранее составленному плану, в соответствии с которым лица немецкого происхождения, проживающие в восточных областях, должны быть переселены в новые места поселения в непосредственной близости от границ Рейха»[50].

Практически во всех исследованных фильтрационных делах немцы-репатрианты отмечают, что они были «насильно вывезены» в Германию[51]. Хотя, понятно, что в условиях пребывания в фильтрационном лагере, находясь на допросе, сомнительными были бы ответы о добровольной эвакуации в Германию. В то же время о насильственном характере эвакуации говорят и очевидцы описываемых событий.

Эвакуация проводилась под руководством Volksdeutsche Mittelstelle – Центральной службы по работе с этническими немцами. Для охраны колонн создавались «отряды самообороны».

В эвакуации основная масса этнических немцев с Украины поначалу оказалась на территории Польши (Вартегау). По данным немецкого исследователя А. Айсфельда, к 17 июля 1944 г. там находилось около 240 тыс. немцев из Причерноморья, Восточной Волыни и Транснистрии[52]. Хотя документы свидетельствуют о том, что некоторая часть эвакуированных оказалась на территории Австрии, Чехословакии, Румынии, Италии, Югославии. Некоторая часть эвакуированных так и не смогла покинуть пределы Украины.

С начала 1945 г. начинается повторная эвакуация – теперь уже из Вартегау вглубь Германии. В результате этого переселения эвакуированные оказались в различных регионах Германии: Саксонии, Баварии, Шлезвиг-Гольштейне и т. д.

Следующим этапом своеобразного «большого пути» для немцев стала репатриация. В целом процесс репатриации начался летом 1944 г., после принятия 18 августа 1944 г. постановления ГКО СССР «Об организации приема возвращающихся на родину советских граждан, насильно угнанных немцами, а также по разным причинам оказавшихся за пограничной линией между СССР и Польшей»[53].

Отдельные лица смогли избежать этой участи, укрывшись в западных зонах оккупации Германии, а затем перебравшись в другие страны. Например, из 382 эвакуированных жителей с. Долиновка (Адельсгейм) Запорожской области 188 впоследствии были репатриированы в СССР и оказались в Сибири, а остальные в большинстве своем перебрались в Канаду[54]. Основная же масса немцев оказалась в фильтрационных лагерях.

[50] Цит. по: Німці Півдня України: Історія і сучасність. – С. 385.

[51] ГАДО. Ф. 6478. Оп. 1. (Опись содержит 50 тыс. дел, в т.ч. 5 тыс. по немцам, из них нами обработано 1,5 тыс. дел. Например, дела 34200, 34202, 37696, 39371, 40556, 43079, 50103, 54911, 82385).

[52] *Айсфельд А.* Административные переселенцы // Немцы России: Энцикл. – Т.1: А–И. – С. 31.

[53] *Герман А.* 1) Репатриация советских граждан немецкой национальности: характер проведения и результаты // Немцы СССР в годы Великой Отечественной войны и в первое послевоенное десятилетие 1941–1955 гг.: Материалы 7-й междунар. науч. конф. Москва, 19–22 окт. 2000 г. – М.: Готика, 2001. – С. 257; 2) Репатриация немцев в СССР в 1945–48 // Немцы России: Энцикл. Т. 3: П–Я. – М.: ЭРН, 2006. – С. 264.

[54] Живи и помни… История меннонитских колоний Екатеринославщины / Кол. авторов; под ред. С.И. Бобылевой. – Днепропетровск: [Б.и.], 2006. – С. 277.

После проверки мужчины призывного возраста, которые во время проверки были уличены в службе в немецкой армии или полиции, отправлялись на шесть лет на поселение в спецпоселениях НКВД. Все остальные направлялись на спецпоселение в районы лесозаготовок, на стройки, в горную и нефтяную промышленность[55].

Можно выделить еще две группы репатриированных, которых в конечном итоге постигла та же судьба.

Небольшая часть немцев по различным причинам не была эвакуирована в 1943–1944 гг. и оставалась на советской территории. 7 января 1944 г. Л. Берия подписал приказ об организации в Красноярском крае специального лагеря НКВД для фольксдойче, обнаруженных на территории освобожденных областей Украины. Их направляли в этот лагерь, а затем в Новосибирскую область на пять лет. Всего к данной категории по состоянию на май 1949 г. причислено было 1663 семьи, в которых насчитывалось 3122 чел. По-видимому, это были межнациональные семьи, т. к. среди них немцев было только 1654 чел.[56], т. е. чуть больше половины. По свидетельству крымского историка Ю. Лаптева, в том же 1944 г. 2,2 тыс. немцев были выселены и из Крыма[57].

К концу 1945 г. репатриация этнических немцев была практически завершена. Всего было возвращено на территорию СССР около 150 тыс. немцев. Отправляли их в восточные районы страны, туда, где уже находились депортированные в предшествующие годы немцы, там получали статус спецпереселенцев. В основном это были Урал (Молотовская, Свердловская, Челябинская области, Удмуртская АССР), европейский север РСФСР (Архангельская, Вологодская области, Коми АССР), Западная Сибирь (Алтайский край, Новосибирская, Томская, Кемеровская области), Казахстан, Таджикистан[58]. Немцы Украины стали многочисленной группой, пополнившей немецкие диаспоры Сибири, Казахстана, Таджикистана и других республик на востоке СССР. По результатам переписей можно проследить, как резко возросло количество немцев в этих республиках после окончания войны (см. табл. 3).

Таблица 3. Динамика численности немецкого населения в восточных республиках СССР в послевоенный период

Республика	Количество немцев по переписи 1939 г.	Количество немцев по переписи 1959 г.
Казахская ССР	92 571	659 751 (увеличение более чем в 7 раз)
Киргизская ССР	11 741	39 915 (увеличение более чем в 3 раза)
Таджикская ССР	2022	32 588 (увеличение более чем в 16 раз)

В Украину же немцы начали возвращаться только после снятия режима спецпоселения, т. е. в конце 1950-х годов. Но движение это не стало массовым, что связано, во-первых, с некоторыми ограничениями, которые касались возвращавшихся, и, во-вторых, с тем, что многие уже обжились на новом месте. К началу 70-х годов численность немцев в Украине достигла отметки около 30 тыс. В этих пределах она колеблется до сегодняшнего дня с некоторым увеличением в конце 1980-х годов, когда была запущена программа правительства ФРГ помощи переселявшимся немцам. Но сразу после этого массовый характер приобрел процесс переселения в Германию.

[55] *Айсфельд А.* Репатриация на чужбину… (репатриация советских немцев 1946–1947 гг.) // З архівів ВУЧК–ГПУ–НКВД–КГБ: Науков. і док. журн. – 2007. – № 2 (29). – С. 109.

[56] Там же. – С. 117.

[57] *Брошеван В., Ренпенинг В.* Боль и память крымских немцев (1941–2001 гг.) (Историко-документальная книга). – Симферополь: Тарпан, 2002. – С. 130.

[58] *Герман А.* 1) Репатриация советских граждан немецкой национальности. – С. 266; 2) Репатриация немцев в СССР в 1945–48. – С. 268; *Айсфельд А.* Репатриация на чужбину… – С. 113–114.

В настоящее время (по переписи 2001 г.) самыми заселенными немцами областями являются Донецкая (4,6 тыс. чел.; 13,8 % от общего количества немцев в республике), Днепропетровская (3,8 тыс.; 11,4 %), Закарпатская (3,5 тыс.; 10,5 %), Одесская (2,9 тыс.; 8,7 %), АР Крым (2,5 тыс.; 7,5 %), Запорожская (2,2 тыс.; 6,6 %), Луганская (1,6 тыс.; 4,8 %), Николаевская (1,2 тыс.; 3,6 %) и Житомирская (1 тыс.; 3 %)[59].

Кроме приведенных данных стоит обратить внимание еще на один факт. До начала войны, по переписи 1939 г. немцы в Украине уступали по численности только украинцам, русским и евреям, после войны же уже многие национальные группы опережают немецкий этнос по численности. Это украинцы, русские, белорусы, молдаване, армяне, татары, евреи, болгары, венгры, греки, поляки (т. е. 11 народностей), плюс к этому по переписи 1959 г. уступали гагаузам, начиная с переписи 1970 г. – цыганам, все время кроме переписи 1989 г. – румынам, начиная с переписи 1989 г. – крымским татарам, по переписи 2001 г. – азербайджанцам и грузинам.

Таким образом, менее чем за 100 лет немецкое население Украины превратилось из одной из наиболее крупных национальных групп в небольшую по численности группу. Все эти изменения стали не случайностью, они стали отражением той политики, которую проводило правительство СССР и которая негативно сказалась на судьбе данного народа.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Айсфельд А.* Административные переселенцы // Немцы России: Энцикл. – Т. 1: А–И. – М.: ЭРН, 1999. – С. 29–31.
2. *Айсфельд А.* Великая Отечественная война 1941–1945 // Немцы России: Энцикл. – Т. 1: А–И. – М.: ЭРН, 1999. – С. 337–342.
3. *Айсфельд А.* Репатриация на чужбину… (репатриация советских немцев 1946–1947 гг.) // З архівів ВУЧК–ГПУ–НКВД–КГБ: Науков. і док. журн. – 2007. – № 2 (29). – С. 99–119.
4. *Айсфельд А., Бруль В.* Депортация // Немцы России: Энцикл. – Т. 1: А–И. – М.: ЭРН, 1999. – С. 696–703.
5. *Безносов А.И.* Меннониты Юга Украины в годы «великого перелома» (1928–1933 гг.) // Вопр. герм. истории: Сб. науч. тр. / Ред. кол.: С.И. Бобылева (отв. ред.) и др. – Днепропетровск: Изд-во Днепропетровск. ун-та, 2001. – С. 75–88.
6. *Безносов А., Осташева Н.* Молочанский немецкий национальный район // Немцы России: энцикл. – Т. 2: К–О. – М.: ЭРН, 2004. – С. 543–548.
7. *Бобылева С.И., Толстых И.В.* Возвращаем забытое прошлое: из истории колонии Половицы (Kronsgarten) // Вопр. герм. истории: Сб. науч. тр. / Ред. кол.: С.И. Бобылева (отв. ред.) и др. – Днепропетровск: РИО ДНУ, 2006. – С. 188–198.
8. *Брошеван В., Ренпенинг В.* Боль и память крымских немцев (1941–2001 гг.) (Ист.-док. книга). – Симферополь: Тарпан, 2002. – 160 с.
9. *Вальт Р.Х.* Обломки всемирной истории. Российские немцы между Сталиным и Гитлером. – 2-е изд. – Эссен: Клартекст-Ферлаг, 1996. – 517 с.
10. *Винниченко И.И.* Немцы в Украине: к вопросу о репрессиях и принудительном переселении // Начальный период Великой Отечественной войны и депортация рос. немцев: взгляды и оценки через 70 лет: Материалы 3-й междунар. науч.-практ. конф. Саратов, 26–28 авг. 2011 г. / Науч. ред. А.А. Герман. – М.: МСНК-пресс, 2011. – С. 321–328.
11. Всесоюзная перепись населения 1926 г. // Демоскоп Weekly. // URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/ussr_nac_26.php.
12. Всесоюзная перепись населения 1937 года: Общие итоги: Сб. док. и материалов / Редкол.: Ю.А. Поляков (отв. ред.) и др.; сост.: В.Б. Жиромская, Ю.А. Поляков. – М.: РОССПЭН, 2007. – 320 с.

[59] Всеукраинская перепись населения. 2001.

13. Всесоюзная перепись населения 1939 г. // Демоскоп Weekly. // URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_39.php?reg=5.
14. Всесоюзная перепись населения 1959 года // Демоскоп Weekly. // URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_59.php.
15. Всесоюзная перепись населения 1970 года // Демоскоп Weekly. // URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_70.php.
16. Всесоюзная перепись населения 1979 года // Демоскоп Weekly. // URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_79.php.
17. Всесоюзная перепись населения 1989 года // Демоскоп Weekly. // URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_89.php.
18. Всеукраинская перепись населения 2001. // URL: http://2001.ukrcensus.gov.ua/rus/results/general/nationality.
19. *Геббельс Й.* Последние записи / Вступ. слово и общ. ред. А.А. Галкина. – Смоленск: Русич, 1998. – 411 с.
20. *Гейден К.* Путь НСДАП. Фюрер и его партия. – М.: Яуза; Эксмо, 2004. – 575 с.
21. *Герман А.А.* «Если останусь жив…»: Жизнь и удивительные изломы судьбы российского немца Эдвина Гриба. – М.: МСНК-пресс, 2007. – 152 с.
22. *Герман А.* Репатриация немцев в СССР в 1945–48 // Немцы России: Энцикл. – Т. 3: П–Я. – М. ЭРН, 2006. – С. 264–269.
23. *Герман А.* Репатриация советских граждан немецкой национальности: характер проведения и результаты // Немцы СССР в годы Великой Отечественной войны и в первое послевоенное десятилетие 1941–1955 гг.: Материалы 7-й междунар. науч. конф. Москва, 19–22 окт. 2000 г. – М.: Готика, 2001. – С. 257–270.
24. *Герман А.А., Иларионова Т.С., Плеве И.Р.* История немцев России: Учеб. пособие. – М.: МСНК-пресс, 2005. – 542 с.
25. *Герман А.А., Иларионова Т.С., Плеве И.Р.* История немцев России: Хрестоматия. – М.: МСНК-пресс, 2005. – 414 с.
26. Голодомор 1932–1933 років на території Запорізької області: свідчення очевидців / Упорядники Ф.Г. Турченко, І.М. Шугальова, О.О. Стадніченко, В.Г. Ткаченко, О.М. Ігнатуша. – Запорожье: Дикое поле, 2010. – 352 с.
27. Государственный архив Днепропетровской области. Ф. 2311. Оп. 1. Д. 24; Ф. 2443. Оп. 1. Д. 28, 31, 36, 38, 40, 44, 47, 48, 52; Ф. 3388. Оп. 1. Д. 3–25; Ф. 6478. Оп. 1.
28. Депортации народов СССР (1930-е – 1950-е годы) / Сост. О.Л. Милова. – Ч. 2: Депортация немцев (сентябрь 1941 – февраль 1942 гг.). – М.: [Б.и.], 1995. – 247 с.
29. Живи и помни… История меннонитских колоний Екатеринославщины / С.И. Бобылева, А.И. Безносов, О.В. Безносова, Н.В. Венгер, О.Н. Каковкина, В.К. Клец, И.В. Толстых, Т.Л. Петрова; под ред. С.И. Бобылевой. – Днепропетровск: [Б. и.], 2006. – 378 с.
30. Зоря. Орган Дніпропетровського обкому і міському КП(б)У та облвиконкому. – 1933. – 6 січня.
31. *Іваньков І.* Німецькі колонії Півдня України та голод 1932–1933 років (за матеріалами Міністерства східних окупованих територій гітлерівської Німеччини) // Етнічна історія народів Європи: Збірник науков. праць / Ред. кол.: А.Г. Слюсаренко (голова) та ін. – Вип. 16: Німці в етнокультурному просторі України. – Киев: УНІСЕРВ, 2004. – С. 60–66.
32. История российских немцев в документах (1763–1992 гг.) / Сост. В.А. Ауман, В.Г. Чеботарева. – М.: МИГУП, 1993. – 447 с.
33. *Коваль М.В., Медведок Т.В.* Фольксдойче в Україні (1941–1944 рр.) // Українськ. історичн. журн. – 1992. – № 5. – С. 15–28.
34. Куйбишевський та Розівський райони в роки Великої Вітчизняної війни: Збірник документів. – Куйбышев: [Б. и.], 1996. – 109 с.

35. «Мобилизовать немцев в рабочие колонны… И. Сталин»: Сб. док. (1940-е годы) / Сост., предисл., коммент. д-ра ист. наук, проф. Н.Ф. Бугая. – 2-е изд. – М.: Готика, 2000. – 351 с.
36. *Нікольський В.М.* Репресії органів державної безпеки щодо німців України у 1937 році: кількісні показники // Вопр. герм. истории: Сб. науч. тр. / Ред. кол.: С.И. Бобылева (отв. ред.) и др. – Днепропетровск: Изд-во Днепропетровск. ун-та, 2001. – С. 51–62.
37. Німці Півдня України: Історія і сучасність / М.М. Шитюк, В.П. Шкварець, М.Е. Козирева, І.Є. Ніколаєв, Л.М. Хрящевська, І.В. Оборонько. – Николаев: Николаевск. нац. ун-т им. В.О. Сухомлинского, 2009. – 423 с.
38. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. // Демоскоп Weekly. –URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_lan_97.php.
39. *Святець Ю.А.* Кліометрика. Формально-кількісні та математико-статистичні методи: Підручник. – Днепропетровск: Изд-во Днепропетровск. ун-та, 2003. – 383 с.
40. *Снайдер Т.* Кровавые земли: Европа между Гитлером и Сталиным / Пер. с англ. Л. Зурнаджи. – Киев: Дуліби, 2015. – 583 с.
41. Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины. Ф. 3676. Оп. 4. Д. 4.
42. *Ченцов В.В.* Трагические судьбы. Политические репрессии против немецкого населения Украины в 1920–1930-е годы. – М.: Готика, 1998. – 206 с.
43. *Черказьянова И.В.* Ленинградские немцы: судьба военных поколений (1941–1955). – СПб.: Нестор-История, 2011. – 399 с.
44. The world factbook. URL: http://www.cia.gov/library/publications/resources/the-world-factbook.

Die deutsche Bevölkerung der Ukraine zur Sowjetzeit: Dynamik der zahlenmäßigen Stärke und ihre Einflussfaktoren

V. K. Klec

Der Aufsatz zeigt die Veränderungen der Bevölkerungszahl der Deutschen in der Ukraine von der Errichtung der Sowjetmacht bis heute. Verwiesen wird auf die Faktoren, die diese Veränderungen beeinflussten: Emigration, Kollektivierung, die Hungersnot von 1932–1933 und Repressalien. Vor allem die Ereignisse des Großen Vaterländischen Krieges hatten einen enormen Einfluss auf die Veränderung der Bevölkerungszahl. Die Veränderungen der Bevölkerungszahl der Deutschen in der Ukraine werden mit analogen Veränderungen in anderen ehemaligen Sowjetrepubliken verglichen.

Schlüsselwörter: deutsche Bevölkerung, Ukraine, Anzahl, Einflussfaktoren, Volkszählungen.

German population of the Ukraine during the Soviet period: dynamics of the population size and factors of influence on it

V.K. Klets

The article presents the changes of size of the German population in the Ukraine since the establishment of the Soviet regime and until today. The factors that influenced on these changes are being indicated: emigration, collectivization, the famine of 1932–1933, repressions. The events of the Great Patriotic War particularly affected on the changes of the population size. The changes of size of the German population in the Ukraine are being compared with the similar developments in other former Soviet republics.

Keywords: the German population, the Ukraine, the population size, the factors of influence, the population census.

УДК 811.112.2′28

М.В. Корышев

Язык как зеркало истории и культуры немецких колонистов под Санкт-Петербургом

В статье с опорой на положение о неразрывной связи языка и его носителей дается обзор немецких диалектов, существовавших в колониях под Петербургом. Показано, что данные говоры можно отнести к диалектам южнофранкского и гессенско-пфальцского типа. Работа содержит краткое описание истории изучения языка немцев-колонистов, живших в окрестностях Санкт-Петербурга. Ставится вопрос о значимости для исторической судьбы диалектов фактора конфессиональной принадлежности их носителей. Рассматривается проблема соотношения немецкого языка, бытовавшего, с одной стороны, в Петербурге-Петрограде, а с другой – в исследуемых колониях.

Ключевые слова: островная диалектология, немецкие диалекты под Петербургом, немецкий язык в Петербурге, южнофранкские диалекты, гессенско-пфальцские диалекты, язык и религия.

Предромантическая концепция И. Гердера[1] о народе-творце как коллективном гении послужила почвой для построений Вильгельма фон Гумбольдта, видевшего в языке воплощение продуктивного духа народа, порождающего все культурное своеобразие нации[2]. Это привело уже в XX в. представителей неоромантического направления в языкознании к идее языка не как простого инструмента, служащего взаимопониманию, а как силы, формирующей содержание культуры и образ мира, определяющей сознание представителей того или иного языкового сообщества[3]. Эта методологическая основа не только позволяет нам признать в языке силу, сформировавшую определенную культуру, но и дает возможность увидеть в зеркале языка, в его памяти те механизмы и предпосылки, которые вызвали к жизни определенный культурный тип. В полной мере это справедливо и применительно к диалектам немецких колоний под Петербургом, в которых запечатлелся образ этой самобытной культуры, сложившейся на фоне далеко не простой исторической судьбы ее творцов и носителей.

Одним из основных положений, выработанных отечественным языкознанием, является идея неразрывной связи между историей языка и историей его носителей, органически отражающейся в их культуре[4]. Данное положение важно для нас и потому, что традиционная классификация немецких диалектов сама по себе дает сравнительно мало для понимания их функционирования и закономерностей развития на тех или иных исторических срезах и может служить лишь отправной точкой в ситуации своеобразного языкового острова, когда немецкие диалекты оказываются в иноязычном окружении. Так, основным критерием для отнесения диалекта к той или иной группе является качество отражения так называемого второго – немецкого – передвижения (т. е. изменения) согласных – явления, отграничившего немецкие диалекты от прочих германских языков[5]. Этот признак представляется относительно произвольным, сам факт его выбора находит объяснение в истории языкознания эпохи позитивизма, когда в гуманитарных науках в противовес установкам романтической школы по примеру естественных наук стали предприниматься попытки найти четкие, проверяемые объективными методами закономерности даже тогда, когда полученные конструкты не вполне корреспондировали с историческим измерением языка. Замечу, что этот же подход реализован и в истории английского языка, не свободна от позитивистских установок и славистика, у истоков которой стояли во многом также представители немецкой позитивистской языковедческой школы, вошедшей в историю под именем младограмматиков.

Для немецкой диалектологии такой подход означает, что историко-генетические и культурные связи отступают на задний план, в результате чего франкские диалекты оказываются сравнительно механически поделенными между тремя основными диалектными ареалами: нижненемецким, которому по признаку второго передвижения согласных противостоят два верхненемецких ареала – средненемецкий и южнонемецкий. Уже этот факт наводит на мысль, что такой подход не позволит нам убедительно увязать язык с историей и культурой его носителей.

Применительно к языковой ситуации, сложившейся в немецких колониях под Петербургом, следует учитывать не только островной характер немецких говоров, но и то обстоятельство, что под Петербургом оказались выходцы с самых разных немецких территорий, являвшиеся носителями самых разнообразных диалектов. Вследствие этого необходимо отметить, что в данной ситуации под Петербургом в условиях компактного проживания возникли предпосылки для возникновения смешанных говоров. Кроме того, нужно учитывать и культурное влияние столицы Российской империи, нельзя недооценивать роль школьного образования и церкви, где использовался литературный язык.

Успешная попытка учета этих факторов и преодоления методологических недостатков младограмматической школы была предпринята в нашей стране признанным главой российской германистической школы В.М. Жирмунским, во многом опиравшимся на данные, собранные им и его учениками в диалектологических экспедициях в период между двумя мировыми войнами. Жирмунский отмечает, что большая часть диалектов немецких колонистов относится к средненемецкому типу – применительно к колониям под Петербургом это диалекты в Средней Рогатке и Стрельне; к южнонемецкому типу он относит диалекты Колпино и Новосаратовки. В качестве различительного признака, позволяющего дифференцировать средненемецкие и южнонемецкие диалекты, он предлагает ориентироваться на различные отражения древнего *p* – в южнонемецком *pf*, в средненемецком *p/f* (западносредненемецкий – *p*, восточносредненемецкий – *f*): ***pf**effer* – ***p**effer* – ***f**effer*, а также на различия в уменьшительных суффиксах – в южнонемецком *-le* (*-la*), в средненемецком *-ch(e)*, *-cher*, *-erche(e)*: *schäf**le** (schäf**la**) – schäf**che**, schäf**erche** „Schäflein“*. При этом В.М. Жирмунский отмечает, что под Петербургом представлены только гессенско-пфальцские диалекты, которые не обнаруживают значительных отличий от немецкого литературного языка, за исключением последовательного перехода *s* в *š* перед *p*, *t* не только в начале, как и в литературном языке, но и в середине слова: *mišt „Mist“, hašpel „Haspel“*. Что же касается южнонемецких диалектов, то под Петербургом, как сообщает В.М. Жирмунский, были представлены только южнофранкские говоры в Новосаратовке и Колпино. Поскольку южнофранкский диалект яв-

[1] *Жирмунская Н.А.* Историко-философская концепция И.Г. Гердера и историзм Просвещения // Жирмунская Н.А. От барокко к романтизму: Ст. о французской и немецкой литературах. – СПб.: Филолог. фак-т СПбГУ, 2001. – С. 255–265.

[2] *Березин Ф.М.* История лингвистических учений. – М.: Высшая школа, 1975. – С. 44–55.

[3] *Helbig G.* Geschichte der neueren Sprachwissenschaft: Unter dem besonderen Aspekt der Grammatik-Theorie. – Leipzig: VEB Bibliographisches Institut, 1970. – S. 121–122.

[4] *Жирмунский В.М.* Введение в сравнительно-историческое изучение германских языков. – М.; Л.: Наука, 1964. – С. 7.

[5] *Жирмунский В.М.* Немецкая диалектология. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. – С 41–53.

© М.В. КОРЫШЕВ. ЕЖЕГОДНИК МАИИКРН. 2015 Г. № 1. С. 210–215.

ляется переходным между пфальцским и швабским, в нем встречаются одновременно признаки, характеризующие то северные пфальцские диалекты, то южные швабские. Так, наряду с южным *aai* (*kl**aai**d „Kleid“, fl**aai**sch „Fleisch“*) здесь присутствует северное *aa* (*k**aa**fe „kaufen“, gl**aa**we „glauben“*). Смычный согласный *b* между гласными и в середине слова после *r*, *l* в говорах северной группы дает *w* и сохраняется неизменным в говорах южной группы (*o**w**et – o**b**et „Abend“, lie**w**e – lie**b**e „lieben“*). Смычный согласный *g* в этих же позициях в большинстве случаев сохраняется, хотя в других регионах он может переходить во фрикативный *ɣ* (*frage „fragen“, bie**g**e „biegen“*). Сочетание *nd* подвергается ассимиляции и дает *nn* (*kfu**nn**a „gefunden“*). Безударное *-en* подвергается редукции в слабый *a*-образный звук (*lieg**a** „liegen“, kol**a** „Kohlen“*), *r* в позиции конца слова подвергается вокализации (*we**a** „wer“, mi**a** „mir“*), сочетания *st* и *sp* дают *šp*, *št* (*bišt „bist“, hašpl „Haspel“*). Огублённые гласные *ü*, *ö*, *eu* утрачивают огублённость и дают *i*, *e*, *ei*[6].

Сопоставление палитры немецких диалектов под Петербургом с другими островными немецкими диалектами России показывает, что в колониях под Петербургом не были представлены нижненемецкие (так называемые меннонитские) диалекты, а также швабско-баварские диалекты, которые были представлены только в Сибири, Поволжье, в Крыму, на Украине, в Закавказье. Если учесть, что под Петербургом представлены только рейнско-франкские и южнофранкские диалекты, то можно отметить, сопоставляя эти данные с диалектологической картой Германии, что в колониях близ тогдашней российской столицы осели выходцы из областей близ Марбурга, Гиссена, Франкфурта, Дармштадта, Шпейера, Кайзерслаутерна, Гейдельберга и Эльвангена. Однако если говорить о сегодняшних диалектах в предполагаемом исходном регионе, то с необходимо отметить, что изменения, произошедшие в немецких диалектах самой Германии с той поры, настолько значительны, что в настоящее время практически невозможно обнаружить диалект, который по фонетическим, грамматическим и лексическим признакам совпадал бы с немецкими диалектами под Петербургом.

Следующий важный шаг в изучении немецких говоров под Петербургом сделал ученик В.М. Жирмунского, остзейский немец Альфред Штрём, который в 1921–1924 гг. обследовал 31 немецкую деревню под Петербургом-Ленинградом[7]. При описании собранного им материала он особое внимание уделил говорам Средней Рогатки (диалект средненемецкого типа), Новосаратовки и Колпино (диалект южнонемецкого типа). Уже обозначенная выше территориальная общность их происхождения объясняет тот факт, что между диалектами этих поселений отсутствуют существенные различия. В основу своего описания немецких диалектов под Петербургом Штрём положил южнонемецкий говор Новосаратовки; при этом он учитывает отличия от этого говора, приводя формы, бытовавшие в Колпино и Средней Рогатке. Ему мы обязаны практически единственным научным трудом о языке немцев-колонистов Ленинградской области; следующие работы появляются лишь в послесоветское время, когда петербургские исследователи-сотрудники Ленинградского отделения Института языкознания (теперь ИЛИ РАН) могли застать лишь осколки некогда богатых языковых островов. Штрём частично опубликовал собранные материалы. При этом преимущественное внимание он уделил фонетике, тогда как морфология этих говоров описана им лишь отчасти – у нас есть только описание типов чередования в корнях сильных глаголов и особенностей образования форм множественного числа; к сожалению, нет сведений относительно стабильности падежной системы в немецких диалектах под Петербургом. Впоследствии Альфред Штрём обратился к изучению немецких диалектов Украины, однако стал жертвой репрессий той поры, в результате чего большая работа, посвященная этим диалектам, бесследно исчезла. Проанализированный материал позволил сделать важный вывод, что в результате смешения различных диалектов в новых условиях их бытования возникают ранее не свойственные этим диалектам качества. В этой связи особое значение приобретает социальная история языка, в частности роль точных исторических сведений, опираясь на которые можно попытаться установить особенности функционирования сложного механизма образования смешанных говоров.

[6] *Berend N., Jedig G.* Deutsche Mundarten in der Sowjetunion: Geschichte der Forschung und Bibliographie. – Marburg: N.G. Elwert Verlag, 1991. – S. 132–135.

[7] *Смирницкая С.В.* Альфред Штрём // Смирницкая С.В. Тр. по германистике и истории языкознания. – СПб.: Наука, 2002. – С. 298–300.

Изучение лексики немецких диалектов под Петербургом позволило Л.Э. Найдич уже в наши дни подтвердить гипотезу В.М. Жирмунского об их гипотетической прародине, согласно которой ее следует искать скорее южнее Мангейма в регионе Вислох – Вайбштадт, возможно, и южнее[8]. Ей удалось выделить целый пласт узкорегиональной лексики, встречающейся исключительно в южнофранкско-пфальцском регионе. Сюда относятся обозначения муравья (нем. *Ameise*), который даже в пфальцских диалектах имеет более 100 наименований. Для диалектов колоний под Петербургом (Новосаратовка, Колпино) типична форма с долгим *u* (*Umase*, *Umaise*), подобные формы на *u* (*Umes*, *Uminz*) встречаются в восточнопфальцском регионе. Новосаратовское обозначение крапивы *Zinnesel* восходит к слову *Sengnessel*, которое встречается в Курпфальце, Переднем Пфальце и в ряде южнофранкских диалектов. Использовавшееся в Новосаратовке обозначение лейки (*Gießkant*) встречается в Гейдельберге, сложное слово *Gockelhahn* «петух» засвидетельствовано под Шпейером и Мангеймом; второй компонент новосаратовского обозначения насеста *Hiner**sessel*** также засвидетельствован в Пфальце, тогда как для обозначения предмета мебели используется заимствование из русского языка *Kressel*. Новосаратовское (*Hanstrauwe*) и колпинское (*Khanstrauwa*) наименования смородины имеют параллели в Восточном Пфальце и на соседней южнонемецкой территории. Колпинское и новосаратовское обозначение головастика *Mollekopf* засвидетельствовано в Германии на западе и на юге пфальцского региона. Новосаратовское *Kauntsch* («качели») отмечено в Юго-Восточном Пфальце и близ Карлсруэ. Использовавшийся колонистами в Новосаратовке и Колпино глагол *pfetze* («щипать») имеет параллели в лексемах, указанных на картах «Немецкого лексического атласа» в регионе близ Карлсруэ, Вислоха и Мосбаха. Глагол *sich tummle* («спешить») встречается в целом ряде пфальцских и южногессенских диалектов. Целый ряд слов, использовавшихся немецкими колонистами под Петербургом, встречается не только в пфальцских и южнофранкских диалектах, но и в расположенном южнее алеманнском ареале.

Особого внимания заслуживает вопрос о месте фольклорного наследия в изучении языка его хранителей. Обширное фольклорное наследие, собранное В.М. Жирмунским и его учениками в ходе экспедиций, в последнее время широко анализируется и в языковом плане. Здесь тем не менее следует соблюдать известную осторожность: необходимо описывать те или иные языковые особенности этих памятников, однако неправомерным будет делать какие-то диалектологически значимые выводы на базе фольклорного материала – иными словами, языкознание может помочь фольклористике, но не фольклористика языкознанию. Этим методологически важным положением мы обязаны русской диалектологической школе, где действует запрет на использование фольклорного материала, т. к. устное творчество имеет свои законы и нередко носители диалекта, воспринимая инодиалектный фольклорный материал, оставляют его в неизменном виде, не подвергая его адаптации с учетом родного говора, поскольку материал приобретает отчасти формульный характер («Мы так не говорим, это не по-нашему, а поем так, потому что так в песне поется»).

[8] *Naiditsch L.* Deutsche Kolonien in Russland: Siedlungen bei St. Petersburg // Naiditsch L. „Und Faustens Silhouette in der Ferne“. Beiträge zu Poetik und Linguistik: Deutsch – Russisch. – Frankfurt a. M.: Peter Lang, 2012. – S. 183.

Говоря о языке немецких колоний, нельзя не упомянуть странное, на первый взгляд, обстоятельство, что сами носители этих диалектов нередко противопоставляют их по конфессиональному признаку. Это кажется малопонятным только в том случае, если смотреть на ситуацию в колониях с позиций русского православного человека, совершенно естественно противопоставляющего «свое» и «чужое», в нашем случае – православное и неправославное, в результате чего «немецкое», т. е. «неправославное», предстает как некое целостное образование. Меньший отклик такая точка зрения находит в немецкой среде, хотя в настоящее время более актуальным для Германии будет противопоставление «религиозного» и «светского». Однако история немецкой культуры подсказывает нам, что противопоставление по конфессиональному признаку играло огромную роль в духовной жизни Германии – особенно за пределами крупных городов – не только в XVIII в., но и позже. Здесь достаточно вспомнить книги такого мастера немецкого критического реализма конца XIX в., как Теодор Фонтане. В его поздних произведениях («Под грушей», «Эффи Брист») мы видим, насколько чуждым элементом в протестантских регионах являются персонажи, исповедующие католичество, которые являются носителями иррационально-мистического, болезненного и, как следствие, даже преступного начала. Очевидно, такие умонастроения не могли не бытовать и среди немцев – жителей колоний под Петербургом; в условиях островного существования именно разная конфессиональная принадлежность, а не гипотетическая прародина, о которой, возможно, не случайно не сохранилось практически никаких архивных сведений, стала тем барьером, который препятствовал языковому выравниванию с образованием смешанных диалектов. Однако важность конфессионального фактора нуждается в специальной оценке. Так, отдельной оценки требует роль российского законодательства, не препятствовавшего заключению брака между инославными, а также позиции лютеранского и католического духовенства в Российской империи относительно смешанных браков; необходим статистический анализ сведений о конфессиональной принадлежности населения колоний и динамики числа смешанных браков – в любом случае применительно к немецким колониям под Петербургом он не играл ведущей роли, но полностью обойти вниманием этот аспект было бы неверно.

Следующим важным вопросом в истории языка немцев-колонистов является соотношение их диалектов и немецкого языка петербургских немцев. На первый взгляд, представляется заманчивым попытаться установить какие-то связующие звенья между немецким языком Петербурга и немецкими диалектами колоний. Однако этому препятствует то обстоятельство, что немецкое население Петербурга лишь в незначительной части рекрутировалось из населения немецких колоний в пригородах, – как правило, петербургские немцы были, как и Альфред Штрём, выходцами из прибалтийских регионов, а не из колоний в окрестностях. Следовательно, немецкий язык Петербурга до Первой мировой войны должен стать предметом отдельного изучения, несмотря на его значительную близость к норме немецкого литературного языка, и для решения этой задачи вряд ли может быть в значительной мере полезен материал немецких диалектов, бытовавших в колониях под Петербургом. Вопрос же о «языковых излучениях» в язык колоний с неизбежностью остается открытым, хотя применительно к диалектологическим – не историко-культурным – задачам достаточно учитывать влияние литературного немецкого языка через школу, церковь и, возможно, прессу.

Материал диалектов немецких колоний под Петербургом наводит на мысль, что, несмотря на уходящий характер этого феномена, память языка еще хранит множество сведений, позволяющих глубже понять историю и культуру их носителей. Однако почерпнуть эти сведения невозможно без встречного движения – анализ языкового материала должен опираться на широкий динамический социокультурный контекст эпохи, включающий и немецких колонистов – носителей этого языка и культуры.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Березин Ф.М.* История лингвистических учений. – М.: Высшая школа, 1975. – 304 с.
2. *Жирмунская Н.А.* Историко-философская концепция И.Г. Гердера и историзм Просвещения // *Жирмунская Н.А.* От барокко к романтизму: Статьи о французской и немецкой литературах. – СПб.: Филолог. фак-т СПбГУ, 2001. – С. 255–265.
3. *Жирмунский В.М.* Введение в сравнительно-историческое изучение германских языков. – М.; Л.: Наука, 1964. – 314 с.
4. *Жирмунский В.М.* Немецкая диалектология. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. – 636 с.
5. *Смирницкая С.В.* Альфред Штрём // *Смирницкая С.В.* Тр. по германистике и истории языкознания. – СПб.: Наука, 2002. – С. 298–300.
6. *Berend N., Jedig G.* Deutsche Mundarten in der Sowjetunion: Geschichte der Forschung und Bibliographie. – Marburg: N.G. Elwert Verlag, 1991. – 403 S.
7. *Helbig G.* Geschichte der neueren Sprachwissenschaft: Unter dem besonderen Aspekt der Grammatik-Theorie. – Leipzig: VEB Bibliographisches Institut, 1970. – 392 S.
8. *Naiditsch L.* Deutsche Kolonien in Russland: Siedlungen bei St. Petersburg // *Naiditsch L.* „Und Faustens Silhouette in der Ferne“. Beiträge zu Poetik und Linguistik: Deutsch – Russisch. – Frankfurt a. M.: Peter Lang, 2012. – S. 167–189.

Sprache als Spiegel von Kultur und Geschichte der deutschen Kolonisten bei St. Petersburg

M. V. Koryšev

Ausgehend von der These vom untrennbaren Zusammenhang zwischen Sprache und Sprachträgern gibt der Artikel einen Überblick über die deutschen Dialekte, die in den Kolonien um St. Petersburg gesprochen wurden. Nachweislich gehören diese Mundarten zu den Dialekten des südfränkischen und des hessisch-pfälzischen Typs. Die Arbeit enthält eine kurze Beschreibung der Geschichte der Erforschung der Sprache der um St. Petersburg lebenden deutschen Kolonisten. Hinterfragt wird die Bedeutung der konfessionellen Zugehörigkeit der Sprachträger für das historische Schicksal der Dialekte. Untersucht werden zudem die Wechselwirkungen zwischen den Varianten der deutschen Sprache, die einerseits in Petersburg/Petrograd und andererseits in den untersuchten Kolonien gesprochen wurden.

Schlüsselwörter: Dialektologie von Dialektinseln, deutsche Dialekte um St. Petersburg, deutsche Sprache in St. Petersburg, südfränkische Dialekte, hessisch-pfälzische Dialekte, Sprache und Religion.

History and culture of German settlers of St. Petersburg Region through the prism of their language

M.V. Koryshev

The author of the article is basing himself upon the idea of an inextricable connection between the language and its native speakers and in light of that reviews German dialects spoken in settlements near St. Petersburg. The facts suggest that these parlances can well be referred to dialects of South Frankish, Hessian and Palatine types. The study provides concise historiography of the language spoken by German settlers who lived near St. Petersburg; brings up an issue of the importance of the confessional factor for the dialectal heritage, and deals with the issue of the correlation of the German language popularly spoken in St. Petersburg and thereafter in Petrograd, on the one hand, and of that one spoken in the German settlements, on the other hand.

Keywords: insular dialectology; German dialects spoken in settlements near St. Petersburg; German in St. Petersburg, South Frankish dialects; Hessian and Palatine dialects; language and religion.

УДК 81 (=30) (470.23)

Л.Э. Найдич

К изучению диалектов немецких колоний под Санкт-Петербургом в свете островной диалектологии*

В статье исследуются особенности диалектов немецких колоний под Санкт-Петербургом – Новосаратовки и Колпино, образованных в 60-х годах XVIII в. и просуществовавших до 1942 г. Особое внимание уделяется лексике. Ставится вопрос о происхождении этих диалектов, об их локализации и о диалектных смешениях.

Ключевые слова: диалектология, островные диалекты, диалектная лексика, немецкие колонии под Санкт-Петербургом.

ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ. ОСТРОВНЫЕ ДИАЛЕКТЫ И ПРОБЛЕМЫ ИХ ИЗУЧЕНИЯ

Под островными диалектами понимают точечные или протяженные в пространстве языковые общности в иноязычном окружении[1]. Такие островки языка и культуры, изолированные в силу исторических, конфессиональных и социальных, а иногда и географических причин, обычно сохраняют архаические черты. Чаще всего языковые острова – результат миграции группы населения. Германисты, исследующие немецкие островные диалекты, рассматривают их как «лингвистическую лабораторию», демонстрирующую общие процессы языкового развития и языковых контактов. В.М. Жирмунский, изучавший в 20-х годах XX в. немецкие диалекты на территории СССР[2], пришел к выводу об общих закономерностях сохранения или отпадения языковых черт при контактах диалектных систем: отпадающие признаки он назвал первичными, а сохраняющиеся – вторичными[3]. Одни и те же первичные и вторичные признаки встречаются в разных контактных ситуациях. Несмотря на то, что островные диалекты обычно являются смешанными, т. к. их носители приезжают из разных мест, германисты стремились найти их ядро и локализовать местный островной говор на диалектной карте Германии. Такое исследование (Heimatbestimmung) В.М. Жирмунский проводил на материале диалектов северных колоний – немецких диалектов на территории Ленинградской области, опираясь на чисто лингвистические данные: исторические сведения о происхождении той или иной колонистской семьи были утеряны[4].

ДИАЛЕКТЫ ВБЛИЗИ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА И ИХ ИЗУЧЕНИЕ В.М. ЖИРМУНСКИМ

Старейшие немецкие колонии вблизи Санкт-Петербурга – Новосаратовская, Среднерогатская и Ижорская (Колпино), так называемые Stammkolonien, – были основаны в 1765–1766 гг. при Екатерине II[5]. Языковые особенности их диалектов сохранялись и в говорах выселков из них – например, Овцыно, Янино и др. Научное, лингвистическое изучение немецких диалектов в колониях вблизи Петербурга – Ленинграда было начато В.М. Жирмунским и его учениками и стало частью работы созданного Жирмунским в 1924 г. Ленинградского центра по изучению немецких поселений в России[6]. Уже летом 1921 г. Жирмунский и его ученики, прежде всего его ассистент, талантливый лингвист Альфред Штрём, начали диалектные и фольклорные записи в Ленинградской области. Исследователи ставили перед собой цель записать и изучить диалекты и фольклор, локализовать говоры на лингвистической карте Германии, а впоследствии – изучить диалектные смешения, обследовать условия сохранения или отмирания диалекта. Сделанное А. Штрёмом подробное описание фонетики и морфологии диалектов Новосаратовки, Колпино и Средней Рогатки было опубликовано в немецком журнале „Teuthonista“[7]. Продолжение этой статьи, напечатанное в том же журнале Жирмунским, содержит попытку определения исходного диалекта (Heimatbestimmung) на основе языковых данных[8]. Позже Штрём обратился к материалу выселков (дочерних колоний). Он обследовал колонию Янино, основанную около 1860 г. из трех колоний-метрополий, записывал диалект, ходя из дома в дом, а в пределах отдельной семьи – от поколения к поколению. Штрём наблюдал постепенную конвергенцию диалектов у молодого поколения; при этом результат смешения не всегда идет в сторону литературной нормы. К сожалению, эта работа Штрёма не была опубликована; ее выводы известны нам из упоминаний о них Жирмунским[9]. А сам Альфред Штрём был арестован и погиб в сталинских лагерях. Изучение немецких пе-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ («Германистические архивы в Санкт-Петербурге. Научная обработка архива В.М. Жирмунского в СПФ АРАН»), проект № 13-04-00369.

[1] *Wiesinger P.* Deutsche Sprachinseln // Lexikon der Germanistischen Linguistik / Hrsg. von Althaus P.; Henne H.; Wiegand H. E. – 2. Aufl. – Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1980. – S. 491. *Mattheier K. J.* Theorie der Sprachinsel. Voraussetzungen und Strukturierungen // Berend N., Mattheier K.J. (Hrsg.) Sprachinselforschung. Eine Gedenkschrift Hugo Jedig. – Frankfurt am Main: Peter Lang Verlag, 1994. – S. 333–348.

[2] *Зиндер Л.Р.* В.М. Жирмунский и островная диалектология // Язык и речевая деятельность. – СПб., 1998. – Т. 1. – С. 187–193; *Naiditsch L.* Viktor Maksimovič Schirmunski – Germanist und Mundartforscher // Bausteine zur Wissenschaftsgeschichte von Dialektologie / Germanistische Sprachwissenschaft im 19. und 20. Jahrhundert. Beiträge zum 2. Kongress der Internationalen Gesellschaft für Dialektologie des Deutschen, Wien, 20.–23. September 2006 / Hrsg. von Ernst Peter. – Wien: Praesens Verlag, 2008. – S. 60–68.

[3] *Schirmunski V.* Sprachgeschichte und Siedlungsmundarten // Germanisch-romanische Monatsschrift. – 1930. – № 18. – S. 113–122, 171–188, особенно с. 113; *Жирмунский В.М.* Проблемы переселенческой диалектологии // Общее и герм. языкознание. – Л.: Наука, 1976. – С. 491–516; *Najdič L.* Victor Maksimovič Žirmunskij als Dialektologe // Zeitschrift für Dialektologie und Linguistik. – 1991 – № 2. – S. 137–141. *Auer P.* Schirmunskis Unterscheidung zwischen primären und sekundären Dialektmerkmalen und ihre Bedeutung für die heutige Sozio-Dialektologie // Немецкая филология в С.-Петербургск. гос. ун-те. Традиции и современность / Ред. С.М. Панкратова. – СПб.: Изд-во С.-Петербургск. ун-та, 2001. – С. 198–214.

© Л.Э. НАЙДИЧ. ЕЖЕГОДНИК МАИИКРН. 2015 Г. № 1. С. 216–225.

[4] *Schirmunski V.* Deutsche Mundarten an der Newa. II: Heimatbestimmung der ältesten deutschen Siedlungsmundarten im Newa-Gebiet. – Teuthonista. – 1926/27. – № 3. –S. 153–165

[5] *Бахмутская Е.В.* Немецкие колонии Санкт-Петербургской губернии. 1760-е – 1870-е годы. – Автореф. дис. … канд. ист. наук. – СПб., 2003. – 34 с.

[6] *Зиндер Л.Р., Строева Т.В.* В.М. Жирмунский как полевой диалектолог // Проблемы ареальных контактов и социолингвистики. – Л.: Наука, 1978. – С. 152–162; *Зиндер Л.Р.* В.М. Жирмунский и островная диалектология // Язык и речевая деятельность. – Т.1. – СПб. : [Б. и.], 1998. – С. 187–193.; *Смирницкая С.В.* В.М. Жирмунский и Ленинградский центр по изучению немецких поселений в России // Немцы в России. Рус.-нем. науч. и культур. связи. – СПб.: Дм. Буланин, 2000. – С. 61–70; *Светозарова Н.Д.* Фольклорно-диалектологические экспедиции В.М. Жирмунского и его «Архив немецкой народной песни» // Рус. германистика: Ежегодник Рос. союза германистов. – 2006. – Т. 2. – С. 137–147; *Пузейкина Л.Н., Светозарова Н.Д.* Наследие В. М. Жирмунского – краткий обзор диалектологических материалов из личного архива ученого (Архив РАН, С.-Петербург) // Немецкие диалекты в России: прошлое, настоящее и будущее отечественной островной диалектологии: Материалы науч.-практ. конф. – Красноярск, 2011. – С. 150–167.

[7] *Ström A.* Deutsche Mundarten an der Newa. I: Die Mundarten der drei ältesten Mutterkolonien im Newa-Gebiete // Teuthonista. – Bonn, 1926/27. – Jg. 3. – S. 39–62.

[8] *Schirmunski V.* Deutsche Mundarten an der Newa.

[9] *Жирмунский В.М.* Проблемы переселенческой диалектологии. – С. 505.

реселенческих диалектов, успешно начатое Жирмунским и его учениками, пришлось прекратить из-за политических репрессий. Сам Жирмунский впоследствии упоминал эти исследования лишь вскользь.

В упомянутой выше статье Жирмунского[10] предполагается, что диалект Новосаратовки относится к южнонемецкому, точнее, алеманнско-южнофранкскому типу, диалект Колпино – также к южнофранкскому в несколько иной разновидности (скорее всего, он смешанный), диалект Средней Рогатки – среднефранкский говор пфальцского типа. Точнее Жирмунский локализует эти диалекты следующим образом: немецкая родина диалекта Новосаратовки – область восточнее Вислоха; Колпино – область Вайбштадт – Зенсхайм, Средней Рогатки – к югу от Мангейма. Жирмунский основывается прежде всего на следующих изоглоссах: границы *p/pf* (*Peffer/Pfeffer*) в направлении северо-запада и севера; монофтонгизация старых дифтонгов (*Bruder – Bruader*) на юге и юго-востоке; *st/scht* в середине и в конце слова (*fest/fescht*) на северо-востоке. В диалектах Новосаратовки и Колпино – *Pfeffer*, *Bruder*, *fescht*. По узкорегиональным изоглоссам *Häuser/Häuscher* ‘Häuser‘, *Klader/Kleder* ‘Kleider’ он исключает из этой области несколько диалектных территорий и выделяет предполагаемую исходную родину говора Новосаратовки. Диалект Колпино близок к новосаратовскому, но отличается от него а-образным, а не е-образным редуцированным гласным, некоторыми другими особенностями. Как было сказано выше, Жирмунский считает этот диалект происходящим примерно из той же области, но смешанным. Что касается диалекта Средней Рогатки, то там сохраняется бесперебойное *p* в начале слова (*Peffer*), поэтому ученый относит его не к южнонемецкой, а к средненемецкой области, южнее Мангейма.

Границы *p/pf* (по второму перебою) – линия Шпейера и линия Гермерсхайма – проходят именно в районе исходной родины петербургских колонистов; поскольку в этих колонистских говорах имеется аффриката *pf*, Жирмунский относил говоры Новосаратовки и Колпино не к пфальцским, а к южнофранкским, хотя сходство их с пфальцскими несомненно.

Сам Жирмунский допускает, что предложенная им лингвистическая локализация может быть неточной вследствие диалектных смешений в островных говорах и разного рода изменений как в метрополии, так и в языковых островах. По-видимому, диалекты Новосаратовки и Колпино возникли в результате смешения перебойных (в отношении *pf*) и бесперебойных диалектов, т. е. формы *Pfeffer*, *Apfel* победили, а формы *Peffer*, *Appel* были отброшены – возможно, отчасти и под влиянием литературного немецкого.

ИССЛЕДОВАНИЯ ДИАЛЕКТОВ ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ В КОНЦЕ 80-Х – НАЧАЛЕ 90-Х ГОДОВ XX В.

Немецкие колонии под Ленинградом были ликвидированы в 1942 г. Их жители были депортированы; впоследствии почти никому не удалось вернуться на прежние места, колонии не были восстановлены[11]. История, культура и язык российских немцев были полузапрещенными, во всяком случае, нежелательными темами исследования. Лишь постепенно проникали в печать статьи о немецких диалектах в Сибири и пробивали себе путь диссертационные исследования по диалектам на территории СССР[12]. Во второй половине 80-х годов в Ленинграде – Петербурге наметился план изучения немецких поселенческих диалектов на основе архивных материалов – прежде всего диалект-

[10] *Schirmunski V.* Deutsche Mundarten an der Newa.

[11] *Черказьянова И.В.* Ленинградские немцы. Судьба военных поколений. 1941–1955. – СПб.: Нестор-История, 2011. – С. 12–52.

[12] *Berend N., Jedig H.* Deutsche Mundarten in der Sowjetunion: Geschichte der Mundartforschung und Bibliographie. – Marburg: N.G. Elwert Verlag, 1991; *Черказьянова И.В.* Летопись диссертаций по истории и культуре российских немцев (1960-е – 2009 гг.). – СПб.: Нестор-История, 2009. – С. 16–48.

Самодеятельный оркестр мобилизованных советских немцев в трудармии (Волголаг) в Татарской АССР под Казанью. 1945 г.

Первый слева Якоб Эргардт; остальные предположительно: Карл Людвиг, Петер Штро, Фридрих Людвиг – все трое из Обухово

Из архива семьи Эргардт

ного архива Жирмунского, а также возможных полевых записей[13]. Энтузиастами этой работы были С.В. Смирницкая, Н.Д. Светозарова и автор этих строк. Одновременно рос и интерес к истории немецких колоний под Петербургом, и этими исследованиями занялась Т.А. Шрадер, а впоследствии Е.В. Бахмутская.

В начале 90-х годов XX в. мне посчастливилось познакомиться с несколькими семьями бывших жителей колоний под Ленинградом: из Новосаратовки, Колпино и из дочерних колоний – Гражданки, Новоалександровки, Новопарголовской колонии, Янина, а также из колоний, образованных в ходе второй эмиграционной волны, которые здесь не рассматриваются[14]. Некоторые из информантов еще владели диалектами, используя их в повседневном общении в семье и в разговоре с друзьями. У других наблюдались признаки языковой аттриции: диалект был представлен в осколочной форме. Но и в последнем случае можно было собрать важную информацию лексического и этнографического характера. Наиболее ценные сведения были получены от следующих информантов: Якова Георгиевича Эргардта из Колпино, 1915 г. р.; Елизаветы Яковлевны Ладе из Новосаратовки, 1909 г. р.; Ирмы Адольфовны Ладе из Новосаратовки, 1932 г. р.; Терезы Христиановны Шмидт (урож. Штерн) из Новосаратовки, 1914 г. р.; Екатерины Христиановны Ивановой (урож. Валлизер) из Обухово (Новоалександровская), 1917 г. р.; Софьи Федоровны Флейшманн из колонии Гражданка, 1914 г. р.; Марии Богдановны Киль из Новопарголовской колонии.

Самыми важными информантами, диалекты которых удалось зафиксировать наиболее полным образом, были Яков Георгиевич Эргардт и Елизавета Яковлевна Ладе. Их я вспоминаю с теплыми чувствами и большой благодарностью. Не могу не упомянуть здесь и Регину Карловну Герлеман из Стрельны, оказавшую мне большую помощь.

ЛЕКСИКА ДИАЛЕКТОВ НОВОСАРАТОВКИ И КОЛПИНО В ЛИНГВОГЕОГРАФИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Пытаясь продолжить прерванное исследование Жирмунского, я фиксировала все уровни языка – фонетику, грамматику, лексику. Словарный запас диалектов Ленинградской области оставался малоизученным. Жирмунский вовсе не отрицал значения исследований диалектной лексики[15]. Он планировал издать диалектный словарь крестьянско-

[13] В настоящее время научная обработка архива Жирмунского ведется группой лингвистов, в которую входят Н.Д. Светозарова, Л.Э. Найдич и Л.Н. Пузейкина.

[14] *Najdič L.* Deutsche Bauern bei St. Petersburg Leningrad. Dialekte – Brauchtum – Folklore. – Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1997.

[15] *Naiditsch L.E., Svetozarova N.D.* Die Erforschung des Wortschatzes der deutschen Sprachinseln in Russland von Viktor Maksimovič Schirmunski und seinen Mitarbeitern // Magister dixit. – 2013. – № 4. URL: http://md.islu.ru/sites/md.islu.ru/files/rar/okonchat.naydich-svetozarova-1.pdf

Елизавета Яковлевна Ладе с правнучкой Валентиной после записи диалекта. Новосаратовка, 1991 г.

Фото Александра Палатника

го быта на материале северных и южных (украинских) колоний, рассылал словарные анкеты в колонии Украины, но, как было сказано, изучать немецкие колонии уже с начала 30-х годов стало опасно. Репрессиям подвергались и сами колонисты, и исследователи. Ассистенты Жирмунского были арестованы как немецкие шпионы и ушли из жизни: Альфред Штрём[16] погиб в лагере, а Эллинор Иогансон[17] была расстреляна в Ленинграде. Сам Жирмунский, в то время уже известный ученый, трижды подвергался аресту. Его отпустили только благодаря огромным усилиям близких и коллег. Впоследствии он вернулся к диалектологии, но лишь в сравнительно-историческом аспекте. О возврате к полевым исследованиям не могло быть и речи.

Опора на фонетику и – в меньшей степени – на грамматику при локализации диалекта была вызвана среди прочих причин тем, что словарный атлас немецких диалектов в 20-х годах еще не был издан, и это затрудняло локализацию диалекта на основе лексики. Таким образом, именно записи лексики хорошо дополняют известные из работ Жирмунского и Штрёма материалы[18]. Следующие записанные мной от информантов слова имеют узкорегиональную локализацию, указывающую на диалектную принадлежность колониальных говоров[19].

‘Смородина’ – ‘Johannisbeere’. В НС *Hanstrauwe*, в К. *Khanstrauwa*. Первая часть этого сложного слова во всех трех формах этимологически связана с тем, что ягода созревает в Иванов день (24 июня), отсюда *Johannes* или *Hans*. А при присоединении определенного артикля *t* и его фонетической ассимиляции возникают анлаут *kh* и форма *Khans*. Вторая часть – существительное ‘виноград, виноградная кисть’, *Traube*, при спирантизации интервокального согласного *Trauwe*. Соответствующие слова, зафиксированные в диалектах Пфальца: *Kannsdrauwe*, *Gehannsdrauwe*, *Hannsdrauwe* (Post 1990, 151[20]). Форма с *kh*, восходящим к артиклю, встречается в Восточном Пфальце и в прилегающей верхненемецкой области между Карлсруэ и Бреттеном (Pf. Wb. 3, 1359, Karte 214).

‘Крапива’ – ‘Brennessel’. В НС *Zinn’esel* < *Sengnessel: sengen* – ‘обжигать’. Произошли затемнение внутренней формы слова и изменение по народной этимологии – буквально «оловянный осел». Монофонемная аффриката /*ts*/ в анлауте восходит к определенному артиклю *t* перед фонемой /*s*/. Формы типа *Sengnessel* встречаются в центральных и южных областях Переднего Пфальца и в Курпфальце, а также в некоторых южнофранкских диалектах (Post 1990, 153–154; Post, 2000, 138; Pf. Wb. I, 1207–1208, Karte 66, Südhess.Wb. 1, Karte 60).

‘Лейка’ – ‘Gießkanne’. В НС *Gießkant*. Эта форма распространена около Гейдельберга, в районе Вислоха и северо-восточнее (DWA 18, Südhess.Wb. 2 Karte 81, Pf Wb 3, 315).

‘Петух’ – ‘Hahn’. В НС *Gockelhahn*. Слово *Gockel* распространено в области Шпейер, Гейдельберг, Мангейм и севернее (Pf Wb 3, 368–369). Формы *Gockelhahn* и *Göckelhahn* известны с XV в.

‘Насест’ – ‘Hühnerstange’. В НС *Hinersessel*. „Sessel“ в этом значении используется в некоторых диалектах Пфальца – в частности, на юге Васгау. В то же время кресло (нем. лит. *Sessel*) в Новосаратовке называлось *Kressel* – гибридное заимствование из русского языка с переосмыслением *-ло* в немецкий суффикс *el*.

‘Шмель’ – ‘Hummel’. В НС *Promommler* или *Mummler*. Первая из названных форм восходит к слову *Brummhummler* – букв. «жужжащий, ревущий шмель». В баденских и пфальцских диалектах встречаются формы *Hummel*, *Hummler*, *Brummler*, *Brummhummel*, причем *Hummler* – восточная форма, а *Brummler* – западная (Pf. Wb. 1, 1281, 3, 1226, Karte 206; Bad. Wb. 2, 790).

‘Головастик’ – ‘Kaulquappe’. В НС и К. *Mollekopf*, в переносном смысле также «упрямец». Соответствующая бесперебойная форма *Mollekopp* встречается на западе Пфальца, а перебойная – южнее (Post 2000, 108; DWA 5, Südhess. Wb. 3, 1218, Bad. Wb. 3, 96).

‘Муравей’ – ‘Ameise’. В НС и К. *Umas*, *Umaise*. Формы с долгим *u* в этом слове встречаются на востоке Пфальца (Post 1990, 154, Bad. Wb. 1, 39–40, Pf. Wb. 1, 195f, Karte 11, DWA, Bd. 5).

‘Спешить’ – ‘sich beeilen’. В К. и НС *sich tummle* – типичная пфальцская и алеманнская форма (DWA II, Bad. Wb. I 591; Südhess. Wb. I, 1818; Pf. Wb. 2, 605). Форма с южнонемецкой стилистической окраской. Ср. у Брехта в речи мамаши Кураж в стилизации диалекта, в данном случае южного: „Und Sie, stehn Sie auch nicht herum wie Jesus am Ölberg, tummeln Sie sich“.

Таким образом, словарные данные подтверждают локализацию диалектов, предложенную Жирмунским. Приведенные нами примеры соответствуют южнопфальцскому (средненемецкому) и южнофранкскому (южнонемецкому) типу диалектов колоний вблизи Петербурга, хотя известны отдельные немногочисленные вкрапления иного происхождения – из нижненемецких диалектов (например, *Boll* – ‘бык’), из литературного немецкого и русского языков. Подтверждается гипотеза Жирмунского и исследованиями историков. Так, краеведы и историки Элла Гиг и Рудольф Кунц нашли фамилии нескольких петербургских колонистов в церковной книге Френкиш-Крумбаха в Оденвальде[21].

ДИАЛЕКТНЫЕ СМЕШЕНИЯ ИЛИ СОХРАНЕНИЕ ДИАЛЕКТНЫХ РАЗЛИЧИЙ?

Едва ли существуют чистые, несмешанные островные диалекты, разве что их носители представляли собой изначально компактную группу из одного и того же населенного пункта. Иногда диалектное койне (общий язык) формируется из значительно отличающихся друг от друга диалектов; такие примеры описаны в немецких диалектах на Алтае[22]. В нашем случае почти все иммигранты происходили из близких друг к другу обла-

[16] *Ekkert W.* Im Dienste der Heimat // Heimatliche Weiten. – Moskau, 1984. – № 1. – S. 254–280.

[17] *Светозарова Н.Д.* Забытое имя – фольклорист Эллинор Иогансон // Фольклор и мы: Традиционная культура в зеркале ее восприятий: Сб. науч. ст., посвящ. 70-летию И.И. Земцовского. – Ч. 1. – СПб.: РИИИ, 2010. – С. 223–231.

[18] *Najdič L.* Deutsche Bauern bei St. Petersburg. – S. 84–124.

[19] Далее приняты следующие сокращения: Новосаратовка – НС, Колпино – К.

[20] *Post R.* Pfälzisch. Einführung in eine Sprachlandschaft. – Landau / Pfalz: Pfälzische Verlagsanstalt, 1990. (Далее цитируется в тексте как Post 1990.)

[21] *Kunz R.* Auswanderung aus Fränkisch-Crumbach nach Russland 1766 // Odenwald-Heimat. Monatliche Beilage der Odenwälder Heimatzeitung. – 1989. – Jg. 13–14. – № 4. – S. 64; *Gieg E.* Auswanderungen aus dem Odenwaldkreis. Lützelbach. Bd. 1. – 1988. – S. 30; Bd. 3. – 1992. – S. 17–22.

[22] *Moskaljuk L.* Deutsche Mundarten im Altai // Sprachinselwelten – The World of Language Islands. – VarioLingua. Nonstandard –Standard – Substandard. Vol. 27 / Hrsg. Berend N., Knipf-Komlosi E. – Frankfurt am Main; Berlin u.a.: Peter Lang. Europäischer Verlag der Wissenschaften, 2006. – S. 259–272.

стей (как следует из сказанного выше, многие из района вокруг современных городов Гейдельберг, Шпейер, Карлсруэ) и говорили на сходных диалектах. Но при пестроте диалектной карты Германии даже близкие друг другу географически и типологически говоры сохраняют различия. Эти различия говоров внутри каждой из колоний были постепенно нивелированы. Жирмунский показал, что при смешении диалектов отпадают наиболее существенные, по Жирмунскому, первичные диалектные черты, как это произошло при контакте швабских и франкских говоров на Украине[23]. При этом образуется новый, смешанный диалект. Но возможна ситуация, когда не языковые черты, а демографические факторы являются определяющими. Решающую роль может играть авторитет носителей того или иного говора – ведь и в деревенских общинах есть семьи, пользующиеся наибольшим уважением, и их речь может стать образцом. Такие случаи наблюдал Вернер Файт в пенсильванско-немецком и в островном пфальцском диалекте на Нижнем Рейне[24]. Все перечисленные принципы могут, конечно, дополнять друг друга.

Два аспекта представляются интересными в отношении диалектов петербургских колоний: как сформировались говоры отдельных деревень; как и почему их различали. В отношении первого мы не можем точно сказать, какие особенности диалекта отбрасывались в речи той или иной семьи по мере формирования экономической и социальной общности, т. к. невозможно реконструировать их исходные диалекты. Нужно учесть еще и следующий исторический факт. Для многих петербургских колонистов эмиграции в Россию предшествовала другая эмиграция – в Шлезвиг-Гольштейн, относившийся тогда к Дании, в области Готторф, Фленсбург и Тондерн, куда для осушения болот приглашались иностранцы[25]. Там, очевидно, многие будущие петербургские колонисты встретились и познакомились[26]. Возможно, там и были заложены основы их общего разговорного языка – говора, основанного на упомянутых выше немецких диалектах. Из-за тяжелых условий жизни в Шлезвиг-Гольштейне колонисты буквально всеми правдами и неправдами избавлялись от заключенных контрактов; многие из них соглашались на пропагандировавшуюся в то время эмиграцию в Российскую империю[27]. Прибыв в Кронштадт морским путем и ожидая отправки на Волгу, эта консолидированная группа получила разрешение на то, чтобы обосноваться под Петербургом. Можно предположить, что единый диалект каждой из материнских колоний создавался постепенно, по мере формирования их хозяйственной и социальной общности[28].

[23] *Жирмунский В.М.* Проблемы переселенческой диалектологии. – С. 500–512.

[24] *Veit W.H.* Pennsylvaniadeutsch. Ein Beitrag zur Entstehung von Siedlungsmundarten // Zeitschrift für Mundartforschung. – 1968. – № 35. – S. 254–283, особенно с. 267–268. Veit W.H. Kuseler Mundart am Niederrhein – ein dialektgeographischer Irrtum // Zeitschrift für Dialektologie und Linguistik. – 1969. – Vol. 36. – S. 67–76.

[25] *Clausen O.* Chronik der Heide- und Moorkolonisation im Herzogtum Schleswig (1750–1765). – Husum Verlag. – 1981.

[26] О судьбе Фридриха Аманна, который после первой эмиграции в Тондерн вернулся в Германию, жил во Френкиш-Крумбахе, а затем весной 1766 г. уехал в Россию, по-видимому, с группой других будущих колонистов, которые тоже прошли эмиграцию в Данию, см.: *Gieg E.* Neue Erkenntnisse zur Auswanderung nach Russland 1766 // Gelurt. Odenwälder Jahrbuch für Kultur und Geschichte. – 2008. – S. 79–94.

[27] *Naiditsch L.* Zur Geschichte der deutschen Kolonien bei St. Petersburg im 18. Jahrhundert // 2000. The European Journal. – 2014. – XV, 2, Dec. 2014. – P. 11–16.

[28] О хозяйственном, социальном и культурном развитии колоний под Петербургом см.: *Бахмутская Е.В.* К вопросу об экономическом развитии немецких колоний С.-Петербургской губернии (вторая пол. XVIII – XIX вв.) // Рос. немцы. Проблемы истории, языка и современного положения: Материалы междунар. науч. конф., Анапа, 20–25 сент. 1995. – М.: Готика, 1996. – С. 158–172; *Шрадер Т.А.* Этнокультурные процессы в среде немецких колонистов Петербургской губернии (Ленинградской области) (XIX–XX вв.) // Ключевые проблемы истории рос. немцев: Материалы X Междунар. науч. конф., Москва, 18–21 нояб. 2003 г. – М.: МСНК-пресс, 2004. – С. 372–380; *Пузейкина Л.Н.* Немцы в Санкт-Петербургской губернии. История, язык, песни. – М.; СПб.: Нестор-История, 2013. – С. 30–51; *Иванова Н.И.* Путеводитель по немецким колониям Санкт-Петербургской губернии. – СПб.: Нестор-История, 2015.

Другое обстоятельство вызывает не меньший интерес, чем образование койне. Несмотря на междеревенские браки и родственные связи, на близость колоний друг другу и частое общение, сохранялись различия между диалектами Новосаратовки, Колпино и Средней Рогатки, касающиеся всех уровней языка – фонетики, грамматики и лексики. Я.Г. Эргардт вспоминал, что, когда он приезжал к родственникам в Новосаратовку, откуда происходил его дед, он говорил по-новосаратовски, иначе над ним начинали смеяться. Рассказывали также, что во время свадеб все сидели за общим столом и жители каждой материнской колонии говорили по-своему. Характерными чертами диалекта Колпино, в отличие от Новосаратовки, были: 1) отсутствие перехода долгого *o* в дифтонгоид *ou* с кратким u-образным призвуком после долгого гласного (К. *rot* / НС *ro(u)t*) ‘rot’; 2) смычный *g* в интервокали (К. *saga* / НС *sache* ‘sagen’); 3) результат расширения гласного перед *r* с последующим согласным (К. *Worscht* / НС *Warscht* ‘Wurst’); 4) a-образный редуцированный гласный (К. *haila* / НС *haile* ‘weinen’); 5) суффикс диминутива *-cha*: К. *Schwaicha* / НС *Schwainle* ‘Ferkel’. Отдельные характерные слова становились для жителей колоний, по их рассказам, шибболетами: НС *Pferd* / К. *Gaul* ‘лошадь’, НС *Wasserzuwer* / К. *Wasserpitt* ‘бочка для воды’, НС *Beisle* / К. *Goht* ‘тётя’. Таким образом, понятие «норма» применимо и к диалектам: эта норма остается некодифицированной, но сознается носителями языка. Эти примеры показывают тесную связь социальных и лингвистических факторов. Осознание социальной общности и формирование общего языка предстают как взаимозависимые процессы.

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ СЛОВАРИ И АТЛАСЫ

1. Bad. Wb – Badisches Wörterbuch. – 1925 / Begonnen von Ernst Ochs, weitergeführt von Karl Friedrich Müller und von Gerhard W. Baur, weiter von Rudolf Post.
2. DWA – Deutscher Wortatlas / Hrsg. von Walther Mitzka, ab Bd. 5 von Walther Mitzka und Ludwig Erich Schmitt. Bd. 1–20. – Gießen, 1951–1973; Bd. 21–22 / Hrsg. von Reiner Hildebrandt. – Gießen, 1978–1980.
3. Pf. Wb. – Pfälzisches Wörterbuch / Begründet von Ernst Christmann / Bearb. von Julius Krämer, Rudolf Post. Bd. I–VI. – Wiesbaden; Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1965–1997.
4. Pfälzisches Wörterbuch. URL: http://woerterbuchnetz.de/PfWB/
5. Post 2000 – *Post Rudolf*. Kleines Pfälzisches Wörterbuch. – Verlag K.F. Geißler, 2000.
6. Südhess.Wb – Südhessisches Wörterbuch / Bd. 1, 2 bearb. von Rudolf Mulch, Bd. 3 und 4 bearb. von Rudolf Mulch und Roland Mulch, Bd. V bearb. von Roland Mulch. – Marburg/Lahn: N.G. Elwert-Verlag, 1965.
7. Südhessisches Wörterbuch. URL: http://www.lagis-hessen.de/de/subjects/index/sn/shwb

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бахмутская Е.В.* К вопросу об экономическом развитии немецких колоний Санкт-Петербургской губернии (вторая пол. XVIII – XIX вв.) // Рос. немцы. Проблемы истории, языка и современного положения: Материалы междунар. науч. конф., Анапа, 20–25 сент. 1995 г. / Ред. И. Плеве. – М.: Готика, 1996. – С. 158–172.
2. *Бахмутская Е.В.* Немецкие колонии Санкт-Петербургской губернии. 1760-е – 1870-е годы: Автореф. дис. … канд. ист. наук. – СПб., 2003. – 34 с.
3. *Жирмунский В.М.* Проблемы переселенческой диалектологии // Общее и германское языкознание. – Л.: Наука, 1976. – С. 491–516.
4. *Зиндер Л.Р.* В.М. Жирмунский и островная диалектология // Язык и речевая деятельность. – СПб., 1998. – Т. 1. – С. 187–193.
5. *Зиндер Л.Р., Строева Т.В.* В.М. Жирмунский как полевой диалектолог // Проблемы ареальных контактов и социолингвистики. – Л.: Наука, 1978. – С. 152–162.
6. *Иванова Н.И.* Путеводитель по немецким колониям Санкт-Петербургской губернии. – СПб.: Нестор-История, 2015. – 367 с.

7. *Пузейкина Л.Н.* Немцы в Санкт-Петербургской губернии. История, язык, песни. – М.; СПб.: Нестор-История, 2013. – 383 с.
8. *Пузейкина Л.Н., Светозарова Н.Д.* Наследие В.М. Жирмунского – краткий обзор диалектологических материалов из личного архива ученого (Архив РАН, С.-Петербург) // Немецкие диалекты в России: прошлое, настоящее и будущее отечественной островной диалектологии: Материалы науч.-практ. конф. – Красноярск, 2011. – С. 150–167.
9. *Светозарова Н.Д.* Забытое имя – фольклорист Эллинор Иогансон // Фольклор и мы: Традицион. культура в зеркале ее восприятий: Сб. науч. ст., посвящ. 70-летию И.И. Земцовского. – Ч. 1. – СПб.: РИИИ, 2010. – С. 223–231.
10. *Светозарова Н.Д.* Фольклорно-диалектологические экспедиции В.М. Жирмунского и его «Архив немецкой народной песни» // Рус. германистика: Ежегодник Рос. союза германистов. – 2006. – Т. 2. – С. 137–147.
11. *Смирницкая С.В.* В.М. Жирмунский и Ленинградский центр по изучению немецких поселений в России // Немцы в России. Рус.-нем. науч. и культур. связи: Сб. ст. / Отв. ред. Г.И. Смагина. – СПб.: Дм. Буланин, 2000. – С. 61–70.
12. *Черказьянова И.В.* Летопись диссертаций по истории и культуре российских немцев (1960-е – 2009 гг.). – СПб.: Нестор-История, 2009. – 286 с.
13. *Черказьянова И.В.* Ленинградские немцы. Судьба военных поколений. 1941–1955. – СПб.: Нестор-История, 2011. – 399 с.
14. *Шрадер Т.А.* Этнокультурные процессы в среде немецких колонистов Петербургской губернии (Ленинградской области) (XIX–XX вв.) // Ключевые проблемы истории рос. немцев: Материалы X Междунар. науч. конф., Москва, 18–21 нояб. 2003 г. / Науч. ред. д-р ист. наук, проф. А.А. Герман. – М.: МСНК-пресс, 2004. – С. 372–380.
15. *Auer P.* Schirmunskis Unterscheidung zwischen primären und sekundären Dialektmerkmalen und ihre Bedeutung für die heutige Sozio-Dialektologie // Нем. филология в С.-Петербургск. гос. ун-те. Традиции и современность / Ред. С.М. Панкратова. – СПб.: Изд-во С.-Петербургск. ун-та, 2001. – С. 198–214.
16. *Berend N., Jedig H.* Deutsche Mundarten in der Sowjetunion: Geschichte der Mundartforschung und Bibliographie. – Marburg: N.G. Elwert Verlag, 1991. – 403 c. (Schriftenreihe der Kommission für ostdeutsche Volkskunde, 53).
17. *Clausen O.* Chronik der Heide- und Moorkolonisation im Herzogtum Schleswig (1750–1765). – Husum Verlag, 1981. – 888 S.
18. *Ekkert W.* Im Dienste der Heimat // Heimatliche Weiten. – Moskau, 1984. – № 1. – S. 254–280.
19. *Gieg E.* Neue Erkenntnisse zur Auswanderung nach Russland 1766 // Gelurt. Odenwälder Jahrbuch für Kultur und Geschichte. – 2008. – S. 79–94.
20. *Gieg E.* Auswanderungen aus dem Odenwaldkreis. Lützelbach. – Bd. 1. – 1988. – 219 S. – Bd. 3. – 1992. – 217 S.
21. *Kunz R.* Auswanderung aus Fränkisch-Crumbach nach Russland 1766 // Odenwald-Heimat. Monatliche Beilage der Odenwälder Heimatzeitung. – 1989. Jg. 13–14. – № 4.
22. *Mattheier K.J.* Theorie der Sprachinsel. Voraussetzungen und Strukturierungen. // Berend N., Mattheier K.J. (Hrsg.) Sprachinselforschung. Eine Gedenkschrift Hugo Jedig. – Frankfurt am Main: Peter Lang Verlag, 1994. – S. 333–348.
23. *Moskaljuk L.* Deutsche Mundarten im Altai // Sprachinselwelten – The World of Language Islands. – VarioLingua. Nonstandard –Standard – Substandard. 27 / Hrsg. von Berend N., Knipf-Komlosi E. – Frankfurt am Main; Berlin u.a.: Peter Lang. Europäischer Verlag der Wissenschaften, 2006. – S. 259–272.
24. *Najdič L.* Deutsche Bauern bei St. Petersburg Leningrad. Dialekte – Brauchtum – Folklore Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1997. – 241 S. (Zeitschrift für Dialektologie und Linguistik, Beihefte, 94).
25. *Najdič L.* Victor Maksimovič Žirmunskij als Dialektologe // Zeitschrift für Dialektologie und Linguistik. – 1991 – № 2. – С. 131–146.

26. *Naiditsch L.E., Svetozarova N.D.* Die Erforschung des Wortschatzes der deutschen Sprachinseln in Russland von Viktor Maksimovič Schirmunski und seinen Mitarbeitern. // Magister dixit. – 2013. – № 4. http://md.islu.ru/sites/md.islu.ru/files/rar/okonchat.naydich-svetozarova-1.pdf
27. *Naiditsch L.* Viktor Maksimovič Schirmunski – Germanist und Mundartforscher // Bausteine zur Wissenschaftsgeschichte von Dialektologie / Germanistischer Sprachwissenschaft im 19. und 20. Jahrhundert. Beiträge zum 2. Kongress der Internationalen Gesellschaft für Dialektologie des Deutschen, Wien, 20.–23. September 2006 / Hrsg. von Ernst P. – Wien: Praesens Verlag, 2008. – S. 55–74.
28. *Post R.* Pfälzisch. Einführung in eine Sprachlandschaft. – Landau / Pfalz: Pfälzische Verlagsanstalt, 1990. – 360 S.
29. *Schirmunski V.* Deutsche Mundarten an der Newa. II: Heimatbestimmung der ältesten deutschen Siedlungsmundarten im Newa-Gebiet // Teuthonista. – 1926/27. –№ 3. – S. 153–165.
30. *Schirmunski V.* Sprachgeschichte und Siedlungsmundarten // Germanisch-romanische Monatsschrift. – 1930. – № 18. – S. 113–122, 171–188.
31. *Ström A.* Deutsche Mundarten an der Newa. I: Die Mundarten der drei ältesten Mutterkolonien im Newa-Gebiete // Teuthonista. – Bonn, 1926/27. – Jg. 3. – S. 39–62.
32. *Veit W.H.* Pennsylvaniadeutsch. Ein Beitrag zur Entstehung von Siedlungsmundarten // Zeitschrift für Mundartforschung. – 1968. – № 35. – S. 254–283.
33. *Veit W. H.* Kuseler Mundart am Niederrhein – ein dialektgeographischer Irrtum. // Zeitschrift für Dialektologie und Linguistik – 1969 – № 36. – S. 67–76.
34. *Wiesinger P.* Deutsche Sprachinseln // Lexikon der Germanistischen Linguistik / Hrsg. von Althaus P.; Henne H.; Wiegand H. E. – 2. Aufl. – Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1980. – S. 491–500.

Zur Erforschung deutscher Mundarten in den deutschen Kolonien bei St. Petersburg unter dem Aspekt der Inseldialektologie

L. Ė. Najdič

Der Aufsatz behandelt einige Dialektmerkmale der ehemaligen deutschen Kolonien Neu Saratowka und Kolpino bei St. Petersburg, die in den 1760er Jahren gegründet wurden und bis 1942 existierten. Besondere Aufmerksamkeit gilt der Dialektlexik. Es werden auch Fragen des Ursprungs dieser Mundarten, ihrer Heimatbestimmung und der Dialektmischung aufgeworfen.

Schlüsselwörter: Mundartforschung, Inselmundarten, Dialektlexik, deutsche Kolonien bei St. Petersburg.

Revisiting the study of dialects in the German colonies near St. Petersburg in the light of the problems of the insular dialectology

L.E. Naidich

The paper deals with the linguistic peculiarities of the dialects spoken in the former German colonies near St. Petersburg – Neu Saratowka and Kolpino – that were established in the 1760s and existed until 1942. Particular attention is paid to the dialectal vocabulary. The questions of the origin of these dialects and of their localization, as well as the question of the dialect-mixing are being raised.

Keywords: dialectology, insular dialects, dialectal vocabulary, the German colonies near St. Petersburg.

УДК 81'33

Э. Йон

Санкт-петербургские Ромео и Джульетта: песни немецких колонистов в коллективной памяти*

В статье исследуются традиционные песни немецких колонистов, которые возникли в России в досталинскую эпоху; также описывается их роль в коллективной памяти этой группы населения на примере баллады „In dem dunklen Graschdanka Wald“, повествующей о двойном самоубийстве двух влюбленных, случившемся под Санкт-Петербургом. Помимо этого, реконструируется история собирания и изучения песенного репертуара российских немцев, и в этой связи более подробно рассматриваются критические солдатские песни времен Первой мировой войны, а также двуязычные песни.

Ключевые слова: песни российских немцев, баллада „In dem dunklen Graschdanka Wald“, Виктор Жирмунский, «Архив немецкой народной песни в Ленинграде», колонистские песни, Первая мировая война, двуязычные песни, изучение народных песен.

Песни – это вехи воспоминаний. Будучи частью и вместе с тем выражением жизненных миров человека, песни сопровождают его на протяжении всей истории – разумеется, это в полной мере относится и к российским немцам. Тем не менее если мы оглянемся на 250-летнюю историю немецких колоний под Санкт-Петербургом, то будем вынуждены констатировать, что нам практически ничего не известно о песнях, бытовавших в них первые 150 лет, т. к. сбор и изучение этих песен начались лишь около 100 лет назад.

Этот существенный пробел в знаниях о светских песнях российских немцев раннего периода является аспектом, на который я хотел бы обратить особое внимание. Ибо представление о немецких «народных песнях», как правило, связывается совсем с другим нарративом: на него повлияло предположение о том, что немецкие колонисты некогда привезли эти песни из Германии и сохранили их на новом месте, передавая в устной форме из поколения в поколение. Таким образом, в культуре российских немцев вплоть до XX в. включительно якобы сохранялись те песни и способы их исполнения, которые зачастую были утрачены в самой Германии. Этот стереотип о народных песнях, привезенных немцами-колонистами в Россию якобы в незапамятные времена, стал основной идеей многочисленных статей на эту тему.

В действительности же нельзя утверждать, что исторически сложившийся песенный репертуар российских немцев отражает их статус-кво на момент эмиграции в XVIII в.; более того, для него характерны непрерывное приспособление к новым явлениям и их адаптация – вне зависимости от того, зародились ли они в немецкоязычном пространстве или же в Российской империи. Этот вывод подкрепляется отчасти тем, что народные песни, распространенные в XIX в. в Германии, преобладают в собраниях песен российских немцев. Сюда же относятся влияние соседних регионов, входивших в состав империи, и, как следствие, появление двуязычных песенных текстов, переложений немецких текстов на русские мелодии, заимствование русских (или украинских) песен, а также переводы местных текстов песен на немецкий язык. Исторически жизненные миры немецких поселенцев в России ни в коем случае не были настолько отделены от внешнего мира, как это утверждалось ранее в русле островной фольклористики, изобилующей народническими идеологемами. Тем не менее они часто все еще продолжают восприниматься в рамках прежних представлений о народных песнях, которые с начала XX в. сопутствовали формированию культурной памяти российских немцев[1]. При этом наибольшее освещение получают чаще всего те традиционные песни, которые хорошо известны не только в России, но и в Германии и зафиксированы в многочисленных источниках. В противовес этому я хотел бы сосредоточить внимание читателей на характерных песнях российских немцев, зародившихся и нашедших распространение непосредственно в поселениях колонистов.

Особенно известной в немецких колониях Санкт-Петербургской губернии была, например, баллада *„In dem dunklen Graschdanka Wald“* («В темном лесу близ Гражданки»).

In dem dunklen Graschdanka Wald,
Da wo des Kuckucks Rufen erschallt,
Da ging ein Knab und Mägdelein
Ganz traurig in den Wald hinein.

Er drückt sie an sein Jünglingsherz
Und sah sie an mit bittrem Schmerz.
„Entschliesse dich mit mir zum Tod!
Hier sind Pistolen, Blei und Schrot!

Und das war unsren Eltern Gram,
Dass wir uns beiden haben gern.
Und das war unsren Eltern Groll,
Dass wir uns beide haben woll´n.

Ach, Gott, ach, Gott, wer hat´s gedacht?
Wir beiden müssen uns scheiden.
Denn bei uns war die Lieb zu gross,
Drum müssen wir jetzt leiden!“

В феврале 1929 г. жительница колонии Новоалександровка (к юго-востоку от Петербурга) Маргарита Эрхард, которой было около 70 лет, вспомнила эту песню; ее текст был записан тогда Виктором Жирмунским[2]. В 1924 г. он начал свои плодотворные полевые исследования, которые продолжались до 1930 г. Будучи петербуржцем по рождению, он не состоял в родственных отношениях ни с кем из пригородных немецких колоний и собирал народные песни, исходя из своих научных интересов в области фольклористики и литературоведения.

Баллада о Гражданке занимала видное место среди песен немецких колонистов: Жирмунским было зафиксировано несколько ее вариантов. Существующая в 23 версиях баллада является самой популярной «колонистской песней» в его собрании на-

* Перевод П.И. Кондратенко в редакции Л.Н. Пузейкиной.

© Э. ЙОН. ЕЖЕГОДНИК МАИИКРН. 2015 Г. № 1. С. 226–237.

[1] Подробнее об этом см.: *John E.* Russlanddeutsches „Volkslied“. Geschichte und Analyse seiner Konstruktion // Lied und populäre Kultur. Jahrbuch des Deutschen Volksliedarchivs. 48 Jg. – 2003. – S. 133–161.

[2] Текст приводится по изданию „Historisch-kritisches Liederlexikon“ (далее – HKL), которое содержит более подробную информацию об источнике, а также примечания издателя, касающиеся записи песен; см.: *Swetosarowa N., John E.* In dem dunklen Graschdanka Wald (Edition B) // HKL. URL: http://www.liederlexikon.de/lieder/in_dem_dunklen_graschdanka_wald

родных песен российских немцев. Текст повествует о двойном самоубийстве двух влюбленных, произошедшем с помощью «пистолетов, свинца и дроби» („Pistolen, Blei und Schrot“) «в темном лесу» вблизи колонии Гражданка. Придя в отчаяние от того, что их любовь натолкнулась на жестокое сопротивление со стороны родителей, молодая пара не видит иного выхода из положения. Основной мотив баллады напрямую напоминает нам о, пожалуй, известнейшей влюбленной паре в мировой литературе. Петербургская версия Ромео и Джульетты возникла предположительно в середине XIX в., быть может, как непосредственная реакция на сообщения о действительно случившемся добровольном уходе из жизни подобного рода. Согласно этим сообщениям, в августе 1855 г., в лесу близ деревни Гражданка недалеко от Петербурга, двое молодых людей по имени Карл и Эмилия якобы покончили жизнь самоубийством. Имена влюбленных, впрочем, не называются в песне: здесь речь идет только о «юноше и девушке» („Knab und Mägdelein“).

О возникновении и ранней истории бытования этой баллады до сих пор более ничего не известно. Самый ранний дошедший до нас источник – сборник песен, датированный 1884 г.[3] Эта запись от руки, сделанная в Новосаратовке, одном из старейших немецких поселений под Петербургом, в общих чертах соответствует приведенному выше тексту, который вплоть до 1930-х годов был довольно известен в немецких колониях на Неве. Помимо этого варианта текста, был найден еще один, также существующий в различных версиях: он включает в себя дополнительную строфу, в которой описываются согласие девушки и детали произошедшего[4]. Версии, в которых девушка не соглашается на добровольный уход из жизни[5], а желаемая свадьба упоминается в качестве причины родительского отказа, напротив, встречаются реже. Многообразие вариантов исполнения данной песни касается также ее звуковой стороны: наряду с наиболее популярной мелодией до нас дошли еще две другие[6].

История Карла и Эмилии долгое время бытовала в коллективной памяти российских немцев, живших под Петербургом; рассказы о молодых влюбленных обрастали все более легендарными подробностями, их могила превратилась в подобие памятника, стала местом встреч молодежи. Ее изображение печаталось даже на открытках. Более того, в 1912 г. в память о Карле и Эмилии была названа улица недалеко от надгробия[7]. О том, насколько глубоко это событие укоренилось в памяти российских немцев, свидетельствует также более длинная версия песни, которая содержит три дополнительные строфы, изображающие подробности самоубийства молодых людей, и в которой в заключение дается указание на могилу как на вечное напоминание о случившемся[8]. С точки зрения исторической рецепции баллада *„In dem dunklen Graschdanka Wald“* была, несомненно, одной из самых значимых песен, сложившихся в немецких колониях Санкт-Петербургской губернии. Сюжет и мотив этой баллады прослеживаются везде, даже в литературных обработках.

Тем, что нам известна эта песня, мы всецело обязаны Виктору Жирмунскому: он был первым ученым, занимавшимся сбором песен немецких колонистов, живших под Санкт-Петербургом, а полевые исследования, которыми он руководил, видимо, будут единственными в этом регионе[9]. Вклад Жирмунского в изучение песен российских немцев является, впрочем, еще более значительным, т. к. он собирал немецкоязычные песни и в других регионах Советского Союза, особенно на Украине, в Крыму и Закавказье. В 1927 г. на основе собранных материалов он создал «Архив немецкой народной песни в Ленинграде»[10]. При этом образцом послужил Архив немецкой народной песни во Фрайбурге-в-Брайсгау, ведущий научно-исследовательский центр изучения немецкоязычного песенного фольклора, основанный в 1914 г. Джоном Майером. Жирмунский тесно сотрудничал с исследователями из Фрайбурга, подход Майера оказал также существенное влияние на формирование понятия „Volkslied“ в работах ученого[11].

Документы «Архива немецкой народной песни» Жирмунского составляют самое значительное собрание народных песен немецких колонистов, бытовавших до Второй мировой войны: исторически сложившийся репертуар песен находит в них всестороннее отражение. Причем песни передавались через два или даже три поколения: их память охватывает в основном период с 1870 по 1930 г., т. е. начиная с отмены первоначальных привилегий колонистов и заканчивая постепенным разрушением традиционного жизненного мира, проходившего под знаменем сталинизма. Особое значение коллекции Жирмунского заключается не только в объеме задокументированного материала и научной методике, лежащей в основе этой работы, но и в сведениях о культурном контексте отдельных песен, а также о собирательской деятельности в целом. Эти факты обладают несомненной ценностью, особенно если принять во внимание то, что коллективная память о песнях российских немцев зачастую подпитывается иными источниками: публиковавшимися в те годы собраниями песен, которые впоследствии снискали репутацию авторитетных научных трудов[12], в то время как коллекция Жирмунского оставалась в значительной степени неопубликованной.

Лишь в последнее время источники песен, которым десятилетиями преграждали путь, забили с новой силой: нам удалось реконструировать все материалы, ранее входившие в состав «Архива немецкой народной песни в Ленинграде» В.М. Жирмунского[13], оцифровать тексты песен и их музыкальные источники, сделав документы архива, таким образом, вновь доступными для дальнейшей работы[14]. Толчком к тому послужил совместный проект Архива немецкой народной песни (Фрайбург-в-Брайсгау) и Пушкинского Дома (ИРЛИ РАН, Санкт-Петербург), который мы проводили вместе с профессором Наталией Светозаровой (Санкт-Петербург) в 2002–2003 гг. Тесное и плодотворное сотрудничество с петербургскими коллегами продолжилось и в 2008–2014 гг. в рамках двух следующих исследовательских проектов, в ходе которых мы

[3] Liederheft von Charlotte Steinmüller (1884), Kolonie Neu-Saratowka; см.: *Swetosarowa N., John E.* In dem dunklen Graschdanka Wald (Edition A).

[4] См.: *Swetosarowa N., John E.* In dem dunklen Graschdanka Wald (Edition C).

[5] Op. cit. (Edition D).

[6] Op. cit. (Edition F).

[7] Подробнее об этом см.: *Swetosarowa N.* Ballade und Legenden von Karl und Emilia. Zur Geschichte des Graschdanka-Liedes (Oktober 2009) // Populäre und traditionelle Lieder. Historisch-kritisches Liederlexikon. URL: www.liederlexikon.de/lieder/in_dem_dunklen_graschdanka_wald/liedkommentar.pdf

[8] См.: *Swetosarowa N., John E.* In dem dunklen Graschdanka Wald (Edition E).

[9] В научно-исследовательскую группу В.М. Жирмунского входили преимущественно его ученики и студенты.

[10] См.: *Schirmunski V.* Das Deutsche Volksliedarchiv in Leningrad // Jahrbuch für Volksliedforschung. 2. Jg. – 1930. – S. 165–166.

[11] Подробнее см.: *John E.* Viktor Schirmunski als Volksliedforscher // Материалы конф., посвящ. 110-летию со дня рождения акад. Виктора Максимовича Жирмунского. – СПб.: Наука, 2001. – С. 89–101.

[12] Особенно это касается первого сборника текстов песен российских немцев „Volkslieder und Kinderreime aus den Wolgakolonien“, изданного Иоганнесом Эрбесом и Петром Зиннером (Саратов, 1914), а также этномузыковедческого издания Георга Шюнемана „Das Lied der deutschen Kolonisten in Russland“ (Мюнхен, 1923).

[13] *John E., Swetosarowa N.D.* Deutsches Volksliedarchiv Leningrad (Sammlung Viktor M. Schirmunski). Eine Bestandsübersicht (Typoskript) // Deutsches Volksliedarchiv. – Freiburg i. Br., 2001.

[14] С 2003 г. доступ к оцифрованным версиям песен возможен и в Архиве немецкой народной песни (Фрайбург) (с 2014 г. – Albert-Ludwig-Universität Freiburg, Zentrum für populäre Kultur und Musik). Состав архива и история его исследования подробно описаны в книге „Russlanddeutsche Lieder. Sammlung – Lieder – Lebenswelt“, которая готовится к публикации в соавторстве Ингрид Бертлеф, Экхардом Йоном и Наталией Светозаровой.

главным образом обстоятельно изучили особую группу песен из архива Жирмунского – так называемые колонистские песни. Речь здесь идет о тех песнях, которые, как и баллада *„In dem dunklen Graschdanka Wald“* («В темном лесу близ Гражданки»), зародились в поселениях российских немцев.

Эти исконно колонистские песни представляются нам особенно интересными в контексте изучения транскультурных жизненных миров. В то же время наше исследование опирается на работу Виктора Жирмунского, давшего уже в 1927 г. подробное описание рассматриваемых песен[15]. В наших собственных исследованиях продолжена работа над ними[16] с целью анализа их полного репертуара, пока материал все еще поддается реконструкции (с момента записи прошло почти 70 лет). Осуществление этого замысла происходило с опорой на методологию «Историко-критического словаря песен» („Historisch-kritisches Liederlexikon“, далее – HKL)[17]. Результатами выполнения проекта стали около 80 статей о сохранившихся колонистских песнях. Все они доступны в Интернете[18].

Колонистские песни можно рассматривать как собственно народные песни российских немцев. Они возникали на местах и самостоятельно сочинялись колонистами. Различными способами в них выражаются быт и мироощущение поселенцев. При этом, с одной стороны, в тематике песен отражена сельская, мещанская среда; с другой – они воспроизводят историю немецких колонистов на ее различных этапах, фиксируют значимые события с 1874 по 1924 г. Эти 50 лет, между введением воинской повинности и основанием Республики немцев Поволжья в молодом советском государстве, составляют историческую основу большинства песен из коллекции Жирмунского. Случаи, когда песни отражают более ранние события, переработанные коллективной памятью, крайне редки.

Колонистские песни российских немцев нельзя понимать как жанр в традиционном смысле слова – напротив, они образуют неоднородную группу песен, единственная общность которых заключается в том, что их возникновение (и последующее распространение) ограничивается поселениями немецких колонистов в России. Внутри данной группы сосуществуют самые разные (традиционные) жанры: баллада, лирическая, прощальная, деревенская шуточная, историко-политическая, солдатская, детская песня, четверостишия, песня переселенцев или же двуязычная песня. Все они отражают разные аспекты жизненных представлений колонистов. Сатирические песни о сельской повседневности клеймят одну особу (имя которой открыто называется в тексте) как ужасную властолюбицу[19], немилосердно высмеивают пьяницу[20], с наслаждением напоминают о неудачном ограблении курятника[21] или же перемывают косточки доброй половине деревни[22]. Помимо этого, песни рассказывают о фактах соперничества

[15] *Schirmunski V.* Das kolonistische Lied in Russland // Zeitschrift des Vereins für Volkskunde. 37/38. Jg. – 1927/28. – S. 182–215.

[16] *John E.* „Da amüsiert der Nemez sich“. Die „kolonistischen Lieder“ der Russlanddeutschen // Lied und populäre Kultur. Jahrbuch des Deutschen Volksliedarchivs. 48. Jg. – 2003. – S. 163–205.

[17] «Историко-критическая энциклопедия песен» („Historisch-kritisches Liederlexikon“) – интернет-публикация, находящаяся в свободном доступе (www.liederlexikon.de), в которой традиционные и народные песни снабжены комментариями, касающимися их истории и рецепции, с указанием наиболее значительных их источников. Подробнее об этом см.: *John E.* www.liederlexikon.de: The „Historisch-kritisches Liederlexikon“ in the Internet // From „Wunderhorn“ to the Internet. Perspectives on Conceptions of „Folk Song“ and the Editing of Traditional Songs. – Trier, 2010. – S. 225–233.

[18] Алфавитный указатель изученных песен можно найти в HKL. URL: http://www.liederlexikon.de/ueber_liederlexikon_de/register/kolonistische_lieder

[19] „Aus dem Grabe ist gedrungen, eine Stimm´ durch Engelszungen“. См.: HKL.

[20] „Ich bin ein Schreiber gut gelehrt, das muss mir jeder sagen“. См.: HKL.

[21] „Der weisse und der rote Fuchs, die gingen einst zu jagen“. См.: HKL.

[22] „In Rastatt ein Verein es gibt, Jupeidi-jupeida“. См.: HKL.

между поселениями и обыгрывают их. Но и печальные события находят свое отражение в песенном творчестве: например, опустошающий пожар в Грунау – в борьбе с ним многие получили смертельные ожоги – или воспоминание о юном колонисте Вильгельме Грайнере, который погиб, упав с лошади во время военной службы на Кавказе[23]. Подобные песни имели локальное воздействие, и их восприятие, возможно, было в большинстве случаев в рамках местного контекста.

Более широкое региональное распространение получили песни, связанные с запоминающимися в поколениях событиями. Зачастую это были песенные сообщения об особенно шокирующих местных происшествиях, как, например, об одном колонисте, убившем свою жену[24], о смертной казни фальшивомонетчика, на которого донес его собственный брат[25], или же об убийстве пастора Баумана и его семьи в Пришибе в 1904 г.[26] В этот контекст вписывается и приведенная выше баллада о самоубийстве двух влюбленных близ Гражданки: она была широко распространена в окрестностях Петербурга, в других поселениях российских немцев была неизвестна.

В противоположность этому песни, распространившиеся за пределами одного региона, встречаются гораздо реже. Межрегиональную известность снискали только те песни, которые описывают общий для всех российских немцев жизненный мир. К таковым относятся двуязычные песни, темой которых становятся столкновения с русским жизненным миром, обыгранные в юмористической форме и другие песни – о военной службе и связанном с ней печальном опыте. Эти солдатские песни часто входят в репертуар исконных песен немецких колонистов, известных более чем в одном регионе.

В общем и целом можно определить солдатские песни как жанр, который сравнительно широко распространен среди колонистских песен. Начиная с введения всеобщей воинской повинности (1874) и последовавшей затем волны эмиграции в Америку, вплоть до последующих войн – таких как Русско-турецкая (1877–1878), Русско-японская (1904–1905) и Первая мировая, – военные кампании Российской империи стали для российских немцев экзистенциальными событиями, которые в дальнейшем нашли отражение в соответствующих песнях, особенно в солдатских прощальных и солдатских жалобных[27].

При этом бросается в глаза, что колонистские песни содержат в себе ярко выраженный критический взгляд на войну, свойственный ее непосредственным участникам. Конкретное содержание этих песен выражается неприкрыто: прямо говорится об уходе в неизвестность, о судьбе жен и детей (о понижении статуса в обществе, голоде, сиротстве), о недостаточном снабжении войск одеждой и провиантом, о смертях и ранениях на фронте. Такая позиция принципиально отличает песни российских немцев от известных солдатских песен остального немецкоязычного ареала. Типичный для Германии ура-патриотизм полностью отсутствовал в репертуаре немецких колонистов. И в этой связи немецкий музыковед Георг Шюнеман в 1923 г. с недоумением замечал: „Bezeichnend ist, wie tief sich solche Lieder [Klagen über den Militärdienst] in der Erinnerung festgesetzt haben, und wie die Kolonisten sie gleich bei der Hand haben, wenn man nach Soldatenstücken fragt. Ihre eigenen Lieder sind fast alle wehklagend, elegisch oder bitter anklagend“[28].

[23] „Hier zu Wassiani in dem Lager ging uns verloren unser Freund“. См.: HKL.

[24] „Ein Schmerzensruf durchdringet Rußlands Reiche“. См.: HKL.

[25] „Gute Nacht, du Sündenleben, gute Nacht, du eitle Welt“. См.: HKL.

[26] „Hört, Menschen, eine Schreckenskunde, die jüngst in Prischib ist geschehn“. См.: HKL.

[27] Различные примеры этих песен приводятся в статье: *John E.* „Da amüsiert der Nemez sich“. – S. 178–186.

[28] «Показательно, сколь глубоко подобные песни [жалобы о военной службе] укоренились в народной памяти и сколь скоро они приходят колонистам на ум, когда их спрашивают о солдатских песнях. Почти все их песни элегичны, полны жалоб и горьких упреков» (*Schünemann G.* Das Lied der deutschen Kolonisten in Russland. – München, 1923. – S. 14).

Заключение Шюнемана находит свое подтверждение и в коллекции Виктора Жирмунского: среди исконно колонистских песен доминирует группа солдатских жалобных и солдатских прощальных песен. Примеры из коллекции наглядно демонстрируют исключительную важность преодоления и переработки травматического опыта, полученного в ходе Первой мировой и последовавшей за ней Гражданской войн, в 20-е годы XX в. Первая мировая война принесла немецким колонистам особенно тяжкие потрясения, нашедшие детальное отражение в многочисленных песнях. Во всех них присутствует печальная жалоба на тяготы этой войны, начиная с прощания солдата, как, например, в песне *„Welch ein Schrecken war´s im Jahre 1914 doch“*, которая интересным образом пелась на мотив церковного песнопения *„Alle Menschen müssen sterben“*, или в песне *„Ich muss scheiden von den Meinen, Tränen darf man keine sehn“*, оканчивающейся замечательной пародией на «Песнь немцев» („Deutschlandlied“):

O du Deutschland über alles
Du erschreckst die ganze Welt,
mit Kanonen und mit Flinten
Untersembart ist dein Held[29].

Вместе с тем существует большое число солдатских песен времен Первой мировой войны, например *„Wie schön ist das Leben in friedlicher Zeit“* или *„Ich, ein armer Bauernknabe, alt vom 21 Jahre“*, а также *„Ach, lieber Gott, wie schwer die Zeit, die du uns jetzt hast vorbereit“*, оканчивающаяся следующим четверостишием:

Es schreit das Volk mit lauter Stimm
Zu Gott, dem lieben Herren hin.
Ach, lieber Gott, wann kommt der Tag,
Wo du dem Krieg das Ende machst?[30]

При этом колонисты в полной мере отдавали себе отчет в том, что военные тяготы были, по сути, вызваны тем, что «Германия все стреляет», как это выразительно сказано в одной песне. Полный текст ее целесообразно привести здесь в качестве примера жалобной песни времен мировой войны:

Liebe Eltern, wollt ihr's wissen,
Wie es mir im Kriege geht?
Schrecklich bin ich's abgerissen,
Und der Hunger quält mich sehr.

Kälte über zwanzig Stunden,
Heisst es: „Vorwärts“ zum Soldat,
„Vorwärts“, heisst es, „immer vorwärts,
Vorwärts“, heisst es zum Soldat!

[29] Песня записана в 1927 г. во Фридентале (Крым), исполнена Доротеей Бауэр (1912 г. р.); цит. по: „Historisch-kritisches Lexikon“ („Ich muss scheiden von den Meinen“). Значение слова „Untersembart“ до сих пор не определено.

[30] Песня записана в 1926 г. в тетради Хелены Фабер из колонии Рыбальск (близ Екатеринослава, Украина); Коллекция Виктора Жирмунского (М 8, № 1) // Отдел рукописей ИРЛИ. 104–12–27 (Л. 33). Другие варианты этой песни см.: *Bertleff I.* Ach, lieber Gott, wie schwer die Zeit // HKL. URL: http://www.liederlexikon.de/lieder/ach_lieber_gott_wie_schwer_die_zeit/

Borscht und Fleisch und ein Stück Kascha
Kriegt man alles eis und kalt
Heisses kann man gar nicht kriegen,
Weil dass Deutschland immer knallt.

Mancher ist schon eingeschlafen
Und ist nimmer aufgewacht,
Mancher hat schon Kopf und Fuss verloren
Mancher auch schon Kopf und Arm.

Ach, das war ein Jammerleben,
Kriegen muss man Tag und Nacht,
Ach, das war ein Jammerleben,
Kriegen muss man Tag und Nacht[31].

К слову сказать, эти куплеты пелись на мотив русской песни о Стеньке Разине («Из-за острова на стрежень»); таким образом, приведенная выше песня является, помимо прочего, ярким примером, иллюстрирующим упомянутые ранее транскультурные аспекты. Затянувшаяся война привела к созданию похожих песенных текстов, в которых тяготы военного времени, описанные в деталях и без прикрас, – разлука с близкими, смерть и страдания на фронте – выходят на первый план[32]. Недовольство и пресыщение войной слышатся в то же время и в сатирической песне *„Ach, Russland, armes Russland, wie traurig steht´s mit dir“*, направленной против российского правительства[33]. Причина столь негативного отношения к царскому правлению становится гораздо более ясной, если вспомнить о жестоких репрессиях в отношении части немецкого населения в ходе Первой мировой войны. Они также входили в число событий, имевших решающее значение в истории колонистов и подвергшихся художественной обработке в текстах песен, – особенно это касается депортации немецкого населения с Волыни (*„Aus Wolhynien sind gezogen, die Verjagten arm und reich“*). Согласно источникам, этот текст входит в число песен, сложенных российскими немцами в XX в., воздействие которых на слушателя особенно сильно[34].

Наряду с солдатскими песнями большое значение в репертуаре исконных колонистских песен, получивших межрегиональную известность, имеют двуязычные песни. Своеобразный юмор, свойственный таким смешанным немецко-русским песням, пользовался особой популярностью во всех регионах расселения российских немцев. Среди них были наиболее распространены три песни, в которых встреча с русским жизненным миром выражена напрямую, будь то взгляд свысока на русское население соседних деревень (как в песне *„Drunne kummt ä Russl g´fahre“*[35]) или же активное уча-

[31] Песня записана Германом Бахманом летом 1928 г. в колонии Глюксталь (Молдавская АССР, Украина) в исполнении хора мальчиков; Коллекция Виктора Жирмунского (М 14, № 3) // Отдел рукописей ИРЛИ. 104–12–38 (Л. 45).

[32] „Juli´16 fing es an zu regnen“, „Nun ist es schon drei Jahre bald“ или „Wir schreiben jetzt schon 17 Jahr“. См.: HKL.

[33] Подробнее см.: *Bertleff I.* Ach Russland, armes Russland // HKL. URL: http://www.liederlexikon.de/lieder/ach_russland_armes_russland/

[34] Подробнее см.: *John E.* Das Lied als historisches Gedächtnis. Ein rußlanddeutscher Gesang über die Deportationen des 20. Jahrhunderts // 35th International Ballad Conference SIEF: Papers and Materials (2005, July 6–11, Kyiv, Ukraine). – Kiev, 2009. – S. 94–109. Еще одна песня в этом контексте – „Frisch auf, ihr deutschen Brüder, frisch auf, fast frohen Mut“; см.: *Bertleff I.* Frisch auf, ihr deutschen Brüder // HKL. URL: http://www.liederlexikon.de/lieder/frisch_auf_ihr_deutschen_brueder/

[35] Например, „Drunne kummt ä Russl gfahre / Mit ä Rukawitza. / Hat ä verrissnes Pelzl a: / Это не годится“. Цит. по: *Bertleff I.* Drunne kummt ä Russl gfahre mit ä Rukawitza // HKL. URL: http://www.liederlexikon.de/lieder/drunne_kummt_ae_russl_gfahre_mit_ae_rukawitza/ Другие версии этой песни см. там же.

стие в городских увеселениях (особенно в петербургских) во время выезда в город, как это изображается в песнях *„Die angenehme Winterzeit (ist очень хорошо)“* и *„Die angenehme Sommerzeit (ist selten hier тепло)“*. В этих песнях межъязыковая игра особенно способствует юмористическому настроению. Наглядным примером можно считать песню о «приятном летнем времени» („die angenehme Sommerzeit“):

Die angenehme Sommerzeit
Ist selten hier тепло.
Doch zum Ersatz ist das dafür
Die Nächte durch светло.

Und kommt der liebe Sonntag an,
Dann sind wir alle froh.
Da geht es auf der Eisenbahn
Nach Царское Село. <…>

Will man Крестовский остров sehn,
Сиди там час в трактир,
Dort amüsiert der немец sich
Mit Tabak und mit Bier. <…>

Und hat man alles da gesehn,
So fährt man schnell назад.
Es ist wohl alles reich und schön,
А дома лучше, брат!

Эта воодушевляющая песня была записана в 1929 г. в одной немецкой колонии близ Ленинграда, носившей подходящее название Веселый поселок (Fröhliche Kolonie)[36]. Речь в ней идет не о том, чтобы высмеять другой народ или культуру за счет пренебрежительного использования иного языка. Межъязыковая игра основывается здесь скорее на тонком юморе, который в полной мере открывается тому, кто принимает всерьез оба языка, обе культуры и понимает их. Это утверждение наглядно иллюстрирует краткий отрывок, взятый из другой версии рассматриваемой песни, записанной в Крыму. Помимо прочего, в нем говорится:

Und fährt man nach Katharinoslaw
Den ersten Tag im Mai,
Dort kann man haben, was man will,
Где хочешь, там гуляй.

Там есть прекрасный трактир,
Auf ganz französisch Fuss,
А денег дай, там будет пир,
Dass man erstaunen muss[37].

[36] Строфы 1, 2, 9 и 13 приводятся по: Die angenehme Sommerzeit (Edition D) // HKL. URL: http://www.liederlexikon.de/lieder/die_angenehme_sommerzeit/editiond

[37] Строфы 7 и 8 взяты из версии песни, записанной в 1928 г. Эллинор Иогансон (Ellinor Johannson) в колонии Цареквич (Zarekwitsch), Крым; исполнено Терезой Хашек (1899 г. р.); цит. по: Historisch-kritisches Liederlexikon (Edition C) // URL: http://www.liederlexikon.de/lieder/die_angenehme_sommerzeit/editionc

Богатые ассоциативные поля, заложенные в подобных русскоязычных вставках, сосредоточены здесь в одной строке: «А денег дай, там будет пир [und gibst du Geld, so gibt es einen Schmaus]», – говорится в песне в связи со «славными трактирами» („schöne Wirtshäuser“). О том, какой пир можно было здесь себе вообразить, рассказывают те же строки в других вариантах песни: «А денег есть, там будет Bier»[38]. С этой стороны тоже разворачивается языковая игра, т. к. вкушение пива („Bier“-Genuss) можно соединять в воображении и с «пиром» в значении празднества. И потому представляется интересным бросить более пристальный взгляд на саму причину смеха и выяснить, над чем «der немец» смеется в подобных русско-немецких смешанных песнях.

Сюжет песни о «приятном летнем времени» разыгрывается непосредственно в Санкт-Петербурге и его окрестностях. Возможно, он возник скорее в городской среде, чем в поселениях колонистов; тем не менее он получил распространение и снискал популярность не только в немецких деревнях вокруг Санкт-Петербурга, но и в отдаленных поселениях на Волге и в Крыму. Именно из далекого Крыма происходит, пожалуй, самая исчерпывающая версия песни (объемом в 17 строф)[39]. Бросается в глаза также то, что в различных регионах бытовали разные варианты этой песни[40]. Песни наподобие *„Die angenehme Sommerzeit“* свидетельствуют о живых связях между городом и сельской местностью, простиравшихся не только вглубь «гравитационного поля» столицы, но и далеко за его пределы. История создания таких песен указывает в том числе и на то, что поселения российских немцев никоим образом не являлись столь замкнутыми и изолированными островами, как это ранее изображалось в русле фольклористики, зачастую подверженной влиянию националистической идеологии. Напротив, пример песни *„Die angenehme Sommerzeit“* и ей подобных наглядно показывает, что традиционные жизненные миры немецких колонистов постоянно испытывали на себе новые городские и транскультурные влияния.

В контексте связи между жизненными мирами и мирами, отображенными в песнях, интерес представляют также средства и способы передачи песен. Если в центре изучения песенного фольклора традиционно оказывались записи песен на основе устных источников, то искусствоведческие исследования вкупе с изучением истории и рецепции песенных текстов вскоре показали (непосредственно на примере колонистских песен), насколько важно учитывать другие формы передачи песен при реконструкции их истории. И с этой точки зрения *„Die angenehme Sommerzeit“* является показательным примером. Впервые эта песня была обнаружена Виктором Жирмунским в одном песеннике из колонии Новосаратовка (Neu-Saratowka – колония под Санкт-Петербургом), датированном 1884 годом. Речь здесь идет о рукописном собрании песен Шарлотты Штайнмюллер – к слову сказать, том самом источнике, которому мы обязаны самой ранней версией баллады *„In dem dunklen Graschdanka Wald“*[41]. Нам неизвестно, каким образом Ш. Штайнмюллер узнала об этих песнях, однако существуют указания на то, что песня о «приятном летнем времени» была опубликована в печатной форме уже в 70-х годах XIX в. По некоторым данным, 18 куплетов этой песни вышли в печать в 1871 г. в Прибалтике под заголовком *„St. Petersburger Sommerfreuden“* (типография «И.Ф. Штефенхаген и сын», Елгава (Митава))[42]. Это немаловажный источник, при-

[38] Например, в версии M 20, № 1 (L) из коллекции Виктора Жирмунского // Отдел рукописей ИРЛИ. 104–21–169 (Л. 170).

[39] Запись песни сделана в колонии Цареквич (Крым).

[40] Подробнее о других вариантах, записанных на Волге и в Крыму, см.: *John E.* „Da amüsiert der Nemez sich“. – S. 193–198.

[41] Обе версии песни зафиксированы в HKL. О балладе „In dem dunklen Graschdanka Wald“ см.: *Swetosarowa N., John E.* In dem dunklen Graschdanka Wald; о песне „Die angenehme Sommerzeit“ см.: *John E.* Die angenehme Sommerzeit (Edition A) // HKL. URL: http://www.liederlexikon.de/lieder/die_angenehme_sommerzeit/

[42] До сих пор ведутся поиски этого издания, хотя в 1937 г. оно еще было доступно рижскому фольклористу Фридриху Александру Редлиху. См.: *John E.* „Da amüsiert der Nemez sich“. – S. 203.

чем не только ввиду его ранней датировки (его роли «ключа» к истокам), но прежде всего потому, что он является материальным воплощением песни в печатной форме, в частности в виде листовки.

На основе этого примера можно сформулировать одно из центральных положений современного изучения песенного фольклора: в отношении традиционного песенного репертуара российских немцев было бы разумным рассматривать не только материал из устных источников, собранный в сельских регионах или в крестьянской среде, но также и другие средства передачи и популяризации песен, такие как листовки, газеты, календари или нотные издания. Помимо этого, современное изучение песенного фольклора направлено не только на происхождение, тексты и мелодическую сторону, но и в целом на формы заимствований, изменения и популяризации песен. При этом всегда следует учитывать место и социальный контекст исполнения, соответствующие консолидирующие функции песен, а также действительные условия в немецкоязычных районах России, которые зачастую разнятся от поселения к поселению.

Даже описанная ранее баллада «В темном лесу близ Гражданки» раскрывает свое непосредственное значение, только подвергаясь такому расширенному анализу. Ибо эта песня не только бытовала устно в «прядильных комнатах» (Spinnstube)[43] и на деревенских свадьбах, но и, более того, стала звеном взаимодействия между городским и сельским жизненными пространствами и находилась в прямой связи с различными аспектами памяти о Карле и Эмилии. Вкупе с надгробным памятником, открытками, улицей, названной их именами, литературными и графическими обработками их истории баллада «В темном лесу близ Гражданки» создала основу для рождения легенды вокруг этих несчастных возлюбленных – петербургской вариации Ромео и Джульетты.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. *John E.* „Da amüsiert der Nemez sich“. Die „kolonistischen Lieder“ der Russlanddeutschen // Lied und populäre Kultur. Jahrbuch des Deutschen Volksliedarchivs. 48. Jg. – 2003. – S. 163–205.
2. *John E.* Das Lied als historisches Gedächtnis. Ein rußlanddeutscher Gesang über die Deportationen des 20. Jahrhunderts // 35th International Ballad Conference SIEF: Papers and Materials (2005, July 6–11, Kyiv, Ukraine) = 35 міжнародна баладна конференція SIEF. Доповіді та матеріали (6–11 липня 2005 р., Київ, Україна) / Ин-т мистецтвознавства, фольклористики та етнології ім. М.Т. Рильского НАНУ. – Київ: 2009. – С. 94–109.
3. *John E.* Russlanddeutsches „Volkslied“. Geschichte und Analyse seiner Konstruktion // Lied und populäre Kultur. Jahrbuch des Deutschen Volksliedarchivs. 48. Jg. – 2003. – S. 133–161.
4. *John E.* Viktor Schirmunski als Volksliedforscher // Материалы конф., посвящ. 110-летию со дня рождения акад. Виктора Максимовича Жирмунского / Ин-т лингв. исслед. РАН. – СПб.: Наука, 2001. – С. 89–101.
5. *John E.* www.liederlexikon.de: The „Historisch-kritisches Liederlexikon“ in the Internet // From „Wunderhorn“ to the Internet. Perspectives on Conceptions of „Folk Song“ and the Editing of Traditional Songs. – Trier: WVT Wissenschaftlicher Verlag, 2010. – S. 225–233. (B.A.S.I.S. Vol. 6)

[43] Слово Spinnstube (*нем.*) не имеет прямого аналога в русском языке. Оно обозначает не столько место (помещения поочередно менялись), сколько форму объединения работы и досуга молодежи: собравшись вместе, парни и девушки пели и музицировали, девушки при этом пряли и вышивали. (*Прим. ред.*)

6. *Schirmunski V.* Das kolonistische Lied in Russland // Zeitschrift des Vereins für Volkskunde. 37/38. Jg. – 1927/28. – S. 182–215.
7. *Schünemann G.* Das Lied der deutschen Kolonisten in Russland. – München: Drei Masken Verlag, 1923. – XII, 446 S. (Sammelbände für vergleichende Musikwissenschaft, Bd. 3)
8. Volkslieder und Kinderreime aus den Wolgakolonien / Gesammelt und mit einem Anhang von Rätseln zum 150-jährigen Jubiläum der Wolgakolonien hrsg. von J[ohannes] E[rbes] und P[eter] S[inner]. – Saratow, 1914. – 256 S.

Romeo und Julia in St. Petersburg: Lieder der deutschen Kolonisten im kollektiven Gedächtnis

E. John

Der Aufsatz untersucht jene traditionellen Lieder der Russlanddeutschen, die vor der Stalin-Zeit in Russland entstanden sind, und beschreibt die Rolle, die sie im kollektiven Gedächtnis dieser Bevölkerungsgruppe einnehmen. Beispielhaft wird dies anhand der Ballade „In dem dunklen Graschdanka Wald“, über den gemeinsamen Selbstmord eines Liebespaares bei St. Petersburg, ausgeführt. Zudem wird die Sammlungs- und Forschungsgeschichte des russlanddeutschen Liedrepertoires rekonstruiert und in diesem Zusammenhang auch auf kritische Soldatenlieder aus dem Ersten Weltkrieg und auf zweisprachige Lieder näher eingegangen.

Schlüsselwörter: Russlanddeutsche Lieder, Ballade „In dem dunklen Graschdanka Wald“, Viktor Schirmunski, „Deutsches Volksliedarchiv Leningrad“, Kolonistische Lieder, Erster Weltkrieg, zweisprachige Lieder, Volksliedforschung.

Romeo and Juliet from Saint Petersburg: the Songs of the German colonists in the folk memory

E. John

The article deals with the traditional songs of the German colonists that appeared in the years before Stalinism; the role and the place of these songs in the folk memory of the aforenamed national group is also being presented through the example of the ballad “In dem dunklen Graschdanka Wald“ that narrates the fate of two lovers who committed suicide near Saint Petersburg. Besides the author of the article reconstructs the history of collecting the songs and of the research of the Russian Germans’ songs repertory. In that context the critical soldiers’ songs of World War I and the bilingual songs are being analyzed in more detail.

Keywords: the songs of the Russian Germans, the ballad “In dem dunklen Graschdanka Wald”, Viktor Zhirmunsky, “Archives of the German folk songs in Leningrad”, the songs of the colonists, the First World War, bilingual songs, the research of the folk songs.

УДК 830-14(Р474.1)+408.8

В.Б. Меркурьева

«Борьба языков» в макаронических песнях петербургских колонистов

В статье сравниваются два варианта песни „Die Sommerzeit“ – 1927 г. и 1929 г. – с позиции доминирования немецкого и русского языков. Для макаронических песен характерна сильная немецкая доминанта, но постепенно увеличивается влияние русского языка. От смешения кодов творческая мысль российских немцев движется к осознанному их переключению.

Ключевые слова: макароническая песня, диахрония, интерференция, комический эффект, «игра слов», творческий потенциал, самоидентификация российских немцев.

Исследователи билингвизма российских немцев зачастую пользуются такими понятиями, как ассимиляция, переключение кодов, интерференция и т. д. При изучении макаронических песен петербургских колонистов мы используем метафорическое словосочетание «борьба языков». Оно отличается от вышеназванных нейтральных и «миролюбивых» несколько агрессивной семантикой, которая тем не менее представляется нам оправданной. Заметим, что эту формулировку употребил Петер Вебер в своей книге «Борьба языков» („Kampf der Sprachen“), вышедшей в 2009 г., по отношению к современным европейским языкам.

В художественном дискурсе макаронических песен происходит использование двух языков. Мы покажем эту «борьбу языков», насколько это можно в небольшой статье, в диахронии. Даже в двух версиях одной песни „Die Sommerzeit“[1], отделенных друг от друга двумя годами (1927–1929), она уже ощущается; мы это постараемся продемонстрировать и проследить соотношение языковых разновидностей на конкретных примерах из песен петербургских колонистов в диахронии.

Смешанные (по терминологии В.М. Жирмунского – макаронические) песни петербургских колонистов исследовались В.М. Жирмунским, Н.Д. Светозаровой, Л.Н. Пузейкиной, Э. Йоном.

Смешение немецкого и русского языков в песнях создает обычно неожиданный контраст и обуславливает комический эффект. В России макароническая поэзия никогда не была особенно развита. Именно в немецких колониях в России макаронические песни и макароническая поэзия переживают свой расцвет. Появление русско-немецких песен лингвисты связывают с появлением билингвизма в среде российских немцев.

Мы не останавливаемся в рамках данной статьи подробно на теоретическом освещении проблемы билингвизма. В широком смысле слова билингвизм понимается как любое влияние чужого языка (Г. Пауль, Б. Гавранек и др.). У. Вайнрайх определяет билингвизм как практику попеременного пользования двумя языками. Спектр

[1] 1) Liederheft von Ch. Steinmüller (1884), Kolonie Neu-Saratowka (Kreis Leningrad). Aufgezeichnet von Viktor Schirmunski, 1927. DVA: DVL – M 20, Nr. 4 (L). 2) Aufgezeichnet in Fröhliche Kolonie (Kreis Leningrad) von Viktor Schirmunski, Januar 1929. Цит. по: *Пузейкина Л.Н.* Немцы в Санкт-Петербургской губернии: история, язык, песни. – СПб., 2013. – С. 332–334.

© В.Б. МЕРКУРЬЕВА. ЕЖЕГОДНИК МАИИКРН. 2015 Г. № 1. С. 238–244.

билингвов простирается, по мнению Н.Л. Шамне и А.Н. Шовгенина, от идеальных билингвов до лиц, делающих первые попытки изъясниться на новом языке.[2]

Л.Н. Пузейкина, ссылаясь на Л.И. Москалюк, отмечает, что для российских немцев, несмотря на иноязычное окружение, было характерно одноязычие, колонии в языковом отношении оставались относительно замкнутыми. Далее она пишет: «А двуязычие, которое имело место, носило скорее индивидуальный характер. В качестве переломного года, когда немецкий язык потерял свою ведущую функцию, можно назвать 1938 г., после чего началось активное развитие билингвизма среди российских немцев. В колониях под Ленинградом развитие билингвизма произошло несколько ранее»[3]. И это действительно так: анализируемые нами варианты песни, напомним, датированы 1927 г. и 1929 г. Для других регионов процесс становления билингвизма отодвинулся на еще более поздний период. Вот что пишет по этому поводу А.И. Домашнев, ссылаясь на исследование В.А. Манькина о социологических аспектах немецких диалектов в Республике немцев Поволжья: «Этот для каждого островного диалекта почти неизбежный билингвизм довольно долгое время не наблюдался у российских немцев. Так, В. Маныкин в своем исследовании приходит к выводу, что вплоть до 1941 г. почти 80 % всех немецких жителей этой местности были монолингвами, т. е. они оставались немецкоязычными»[4].

К смешанным песням мы относим вслед за Жирмунским и Пузейкиной как песни с чередованием строк на русском и немецком языках, так и песни с единичными вкраплениями русских слов, а также написанные целиком или почти целиком на русском языке, но с явным влиянием немецкого.[5]

Макаронические песни анализируются учеными на предмет жанрового разнообразия, тематики, лексического состава и т. д. В данной статье предлагается в качестве нового ракурса исследования проследить языковое доминирование. Безусловно, количество русских и немецких лексических единиц играет определенную роль при характеристике макаронической песни. На первом этапе это лишь включение отдельных русских лексем. Постепенно в количественном плане их число увеличивается и перерастает в целые строки, а затем – четверостишия.

Необходимо, однако, подчеркнуть, что немецкий язык на начальном этапе возникновения макаронических песен оказывает достойное «сопротивление» и всячески демонстрирует свою доминанту (т. е. включает свои адаптационные механизмы).

Продемонстрируем это на примере песни „Die Sommerzeit“.

1. На орфоэпо-фонетико-орфографическом уровне:
   1.1. глухие смычные согласные заменяются на звонкие: **д**ебло – вместо **т**епло, **Б**раздник – вместо **п**раздник, ру**з**ской – по-ру**сс**ки, те**з**на**д**а – те**с**но**т**а, Ку**б**еческий сынок – ку**п**еческий;
   1.2. слабые звонкие согласные заменяются на сильные глухие: лаво**ш**ник – вместо лаво**ч**ник, наза**т** – наза**д**, **с**емляки – **з**емляки;
   1.3. и одновременно обе тенденции в одном словосочетании: а дене**к** да**ж** – а дене**г** да**шь**; Что прос**та Брад пе**да – что просто**, брат, беда**.

[2] См. об этом подробнее: *Шамне Н.Л., Шовгенин А.Н.* Теоретические основы изучения языковых контактов // Вестн. ВолГУ. – Сер. 2. – 2008. – № 1 (7). – С. 74.

[3] *Пузейкина Л.Н.* Указ. соч. – С. 118.

[4] Ср.: „Diese für jede Inselsprache beinahe unvermeidliche Bilingualität trat für Rußlanddeutsche ziemlich lange nicht ein. So stellt V. Manykin in seiner Untersuchung fest, dass noch bis zum Jahre 1941 etwa 80 % aller deutschen Einwohner dieser Gegend monolingual, also nur deutschsprachig geblieben waren“. *Домашнев А.И.* Deutsche Mundarten in Rußland. Zur Erforschung russischer Spracheinflüsse auf die russlanddeutschen Mundarten // Тр. по герман. языкознанию и социолингвистике / Ин-т лингвист. исслед. – СПб., 2005. – С. 799.

[5] *Пузейкина Л.Н.* Указ. соч. – С. 184.

2. На орфографическом уровне:

Л.Н. Пузейкина пишет: «Если заимствованное русское существительное пишется латиницей, то начинается оно, как в немецком языке, с заглавной буквы»[6]. Уточним, что даже если русские заимствования написаны кириллицей и не снабжены артиклем, они также пишутся, как в немецком языке, с большой буквы (т. е. немецкая орфография переносится на написание русских слов) – Лавошник, Браздник, Драктиров, Немец, Семляки, Извощик, Пирожки.

3. На грамматическом уровне:

3.1. русские существительные получают артикль и склоняются по правилам немецкого языка: der Немец, der Лавошник хозяин, mit seine Семляки.

3.2. Русский язык искажается при этом на немецкий манер – допускаются отклонения от норм русского языка при склонении и спряжении, отсутствует согласование: An jedem Браздн**ик** (в русском – на каждом праздни**ке**, хотя в данном случае артикль является показателем дательного падежа), Идут купеческ**ий** сынк**и** – иду(е)т купеческие(ий) сынки(ок), По рузской духов день – по-**русски** духов день, Es ist ein **Katrina**hof – Это Екатерининский двор.

Интересной представляется немецкая калька: Там есть отличных трактиров – Dort gibt es (Akk.) и как вариант – Там есть отличный Драктиров.[7] Иными словами, некоторые русские фразы построены по немецкому образцу.

3.3. В связи с включением русского слова в немецкое предложение (осуществляется его формальный перевод: hell – светло) нарушается согласованность с точки зрения русского языка: Die Nächte dadurch светло (в русском было бы: ночи светлы или светлые – мн.ч).

Несмотря на обилие русских лексем, приведенные примеры свидетельствуют о немецкой грамматической доминанте в данной песне. Напомним в этой связи пример, ставший уже классическим. Л.В. Щерба в своем докладе «О понятии смешения языков», прочитанном на заседании Института языкознания 15 октября 1936 г., отмечал: «Наблюдения над двуязычной средой в обычных условиях показывают, что в смешанных языках с двумя терминами считается, что речь принадлежит тому языку, на котором выражены грамматические связи. Например, анекдотическая фраза на «петербургском» немецком языке: «Bring die банка mit варенье von der полка im чулан» ощущается как немецкий язык»[8].

Русский же язык преобладает в прямой речи персонажей, которая графически редко маркируется кавычками, а обращения редко выделяются запятыми. Вводится прямая речь персонажей песен при помощи verba decendi доминирующего немецкого языка.

Und unterwegens hört man schrein:
Там славный будет бал.
Man ruft: Извощик подавай.
Da schreit die Menge: стой!

Преимущественное использование русского языка в прямой речи персонажей объективно отображает коммуникацию, протекающую на русском языке при общении с российским населением.

Как свидетельствует проведенный анализ двух вариантов песни „Die Sommerzeit“, в тексте присутствует немецкая доминанта. В первых макаронических песнях чувствуется интерферирующее влияние немецкого языка на русский. Немецкий язык, в свою очередь, искажается на русский манер. В более поздний период, как известно, наступит интенсивное интерферирующее влияние русского языка по отношению к немецкому.

[6] *Пузейкина Л.Н.* Указ. соч. – С. 300.

[7] Там же. – С. 241.

[8] *Щерба Л.В.* О понятии смешения языков // URL: http://www.philology.ru/linguistics1/shcherba-74b.htm (дата обращения: 12.10.2015).

Одной из самых интересных двуязычных строк в анализируемой песне является следующая: Da amüsiert der немец sich. По всей вероятности, ее экспрессивный характер, комический эффект способствовали тому, что ее выбрал Э. Йон в качестве заголовка своей статьи.[9] Комический эффект вызван тем, что частица возвратного глагола искусственно отделена от него и перемещена в конец предложения. Это своего рода «игра» с языком. Глагольная рамка разрывается, такое явление характерно для глаголов с отделяемыми приставками, для вербально-предикативной рамки и т. д., но не для возвратных глаголов. Т. е. нужно хорошо знать язык (в данном случае немецкий), иметь представление о возможности дистанционного использования составных частей рамочной конструкции, чтобы применить это правило не по назначению, вызвав тем самым юмористический эффект. Приведем куплет 9 полностью:

Will man Крестовский Остров sehn,
Сиди там час в трактир,
Dort amüsiert der немец sich
Mit Tabak und mit Bier.

О немце говорится в третьем лице, т. е., вероятнее всего, повествователь в данном случае подразумевается русский, а для него ошибки в немецком естественны, поэтому некорректное употребление данной формулировки является оправданным и, скорее всего, продуманным. Сейчас уже невозможно установить, действительно ли конкретный русский человек сделал когда-то такую ошибку (а русские, безусловно, общались с немцами и учились у них немецкому языку), или это продукт творчества российских немцев. Главное – этот момент был зафиксирован, и сегодня комический эффект от неожиданного выражения все еще сохраняется.

Известно, что возвратные глаголы в русском и немецком языках не совпадают.

Bewirten sich nach aller Art
Bei Schnaps und Пирожки

Обнаруженный нами в первой версии песни возвратный глагол sich bewirten с управлением bei в словаре „Duden“ отсутствует. Словарь приводит транзитивный (переходный) глагол bewirten. Мы наблюдаем в песне русизм, возникший под влиянием языка окружения, это калька с русского обиходно-разговорного «обслужиться чем-либо», т. е. глагол становится возвратным. Для передачи творительного падежа выбран немецкий предлог bei.

Чем же обе версии песни еще отличаются друг от друга? Во втором варианте форма песни оттачивается, искажения русского языка ликвидируются: вместо дебло – тепло, nach Царской und Село – nach Царское Село, Nach Павловский Воксал – Nach Павловский Вокзал, Und auch der Лавашник хозяин – Und auch der лавочник- хозяин, Mit seine Семляки – Mit seine земляки.

С точки зрения орфоэпии русская часть текста в версии 1929 г. звучит больше по-русски и орфография также больше напоминает русскую, существительные пишутся с маленькой буквы, исчезает задокументированный на письме немецкий акцент при произношении русских слов, он больше не маркируется, хотя некоторая несогласованность при склонении существительных остается.

Искаженные немецкие места также принимают более нормативную форму: Es ist ein Katrinahof – Es ist ein Ka**th**riner Hof, Amfierst der немец sich – Dort amüsiert der немец sich. Но таких мест значительно меньше.

[9] *John, E.* Da amüsiert der Nemez sich. Die „kolonistischen Lieder” der Russlanddeutschen // Lied und populäre Kultur/Song und Popular Culture. Jahrbuch des Deutschen Volksliedarchivs. – Münster, 2004. – S. 163–206.

На примере только одной песни, двух ее вариантов видна тенденция к явственному разграничению немецкого и русского языков, становлению двуязычия, пока все еще четко прослеживается немецкая основа песни, русские слова лишь инкорпорируются в немецкую канву.

Наш анализ показывает, что в песне сильна немецкая доминанта, но уже велико и влияние русского языка: вплетаются русизмы, начинает искажаться немецкий язык. Задействовано два языковых регистра, это позволяет достигать определенных художественных эффектов, осознанно используется стилистический потенциал обоих языков.

В песне семантизируется название немецкого религиозного праздника:

Und auch am zweiten Pfingstentag
По-русски – Духов день

Эта семантизация художественно оправданна, т. к. действие разворачивается в Санкт-Петербурге, на новой родине немцев[10].

В макаронической песне возникает возможность сознательно экспериментировать не только с каждым языком в отдельности, но и с двумя языками вместе.

Во втором варианте песни есть пример, который свидетельствует о манипуляции с русским языком.

Куплет 11
Dann geht es auf dem Dampfschiff fort
Nach Peterhof stehn fest.
Da ist es ein Gedränge dort,
Что брат ни взять ни сесть.

Последняя строка: Что, брат, ни взять, ни сесть. В данном случае мы имеем дело с аллюзией: ни дать ни взять. Изменение идиоматического выражения семантически вписывается в данный контекст. Это говорит скорее о хорошем знании русского языка (намеренная замена слова во фразе – это стилистическое средство, маркирующее речь нерусского человека, его оговорку или осознанное изменение русского идиоматического выражения в юмористических целях).

Приведем еще один пример:

Куплет 3
Von dort geht es den *graden* Strich
Nach Павловский Воксал,
Und unterwegens hört man schrein:
Там славный будет бал.

Куплет 4
Und hat man alles da gesehn,
So fährt man schnell назат,
Es ist wohl reich und schön,
А дома лучше *град* (курсив наш. – *В. М.*)

Русское слово «град» в значении «город» имеет возвышенный оттенок. В данном случае использование двух языковых регистров делает возможной «игру» слов (Wortspiel) с немецким словом *grad* (den graden Strich) из предыдущего куплета. Таким образом, макароническая песня представляет собой платформу, на которой можно «играть» сразу двумя языками, помогает тем самым достижению самоидентификации российских немцев, которые начинают владеть обеими языковыми разновидностями и извлекают из этого «выгоду», развивая свои творческие возможности.

[10] См. подробнее о понятии «родина» (Heimat): *Merkurjewa V.B.* Bezeichnungsmöglichkeiten des Begriffes „HEIMAT" von Russlanddeutschen // Magister Dixit: электронный науч.-пед. журнал Вост. Сибири. – 2013. – № 1. // URL: http://md.islu.ru/sites/md.islu.ru/files/rar/merkureva_mart_magister_dixit__.pdf (дата обращения: 25.07.2015).

Благодаря сопоставлению вариантов песни констатируем, что продолжается работа над содержанием и, как следствие, изменяется и язык. Стоит отметить, что во втором варианте песни в первом куплете наблюдается ухудшение стиля по сравнению с первым вследствие повтора указательного местоименного наречия dafür:

Куплет 1 (вариант 2)
Die angenehme Sommerzeit
Ist selten hier тепло.
Doch zum Ersatz ist das *dafür*
Die Nacht *dafür* светло (курсив наш. – *В. М.*).

Сравните с первым вариантом:

Куплет 1 (вариант 1)
Die angenehme Sommerzeit
Ist selten hier дебло,
Doch zum Ersatz ist das *dafür*
Die Nächte *dadurch* светло (курсив наш. – *В. М.*).

Местоименное наречие *dadurch* указывает на причинно-следственные отношения двух объектов, вещей или обстоятельств. (Ср. синонимы, которые приводятся в „Duden": aufgrund dieser Sache, demgemäß, demzufolge и т.д URL: http://www.duden.de/rechtschreibung/dadurch.) Из-за приятного, редко теплого летнего времени ночи здесь светлые. Одновременно сравниваются в качестве заменителя (zum Ersatz) теплое время и ночи, т. е. светлые ночи рассматриваются как компенсация за недостающее тепло летом. Два обстоятельства, с одной стороны, сравниваются, с другой стороны, им же приписываются причинно-следственные отношения. Данная несогласованность объяснима сходными значениями местоименных наречий *dadurch* и *dafür* в немецком обиходно-разговорном языке.

Во втором варианте песни противоречие в содержании ликвидируется путем замены указательного местоименного наречия *dadurch* на указательное местоименное наречие *dafür*. Теперь при помощи *dafür* сравнение маркируется достаточно однозначно. За недостающее тепло здесь получают светлые ночи. Содержательная правка ведет, таким образом, к ухудшению стиля (повтор *dafür* дважды указывает на одну и ту же замену – Ersatz). Тем не менее второй вариант песни представляется нам более удачным, поскольку в нем отсутствует логическое противоречие.

Исследование вариантов песен дает возможность не только изучать реализацию художественных задач авторов, но и подвергнуть анализу изменения, происходящие в естественной языковой коммуникации. В статье мы показали моменты становления билингвизма, когда немцы, зная родной («первый») язык, начинают овладевать «вторым» языком, сначала вплетая его, подобно иностранцам, неумело, при этом чувствуется иностранный (немецкий) акцент; затем акцент постепенно исчезает, русские вкрапления лексически и грамматически приближаются к нормам русского языка. Иными словами, способность преодолевать интерференцию увеличивается. То есть русскоязычные вставки постепенно «завоевывают» все большее пространство, вытесняя тем самым интенсивнее из ткани песни «первый» – немецкий язык. «Второй» – русский язык постепенно укрепляет свои позиции, а позже начнет «выживать» (verdrängen) и немецкий язык. Уже на начальном этапе сопоставление двух языков, игра сходно звучащих слов активно используются авторами песен, создавая уникальную манеру письма российских немцев (макароническая песня – яркий способ их самоидентификации). Творческий потенциал позволяет им «играть» не только словами, но и смыслами, понятными лишь российским немцам, поскольку в сознании билингва происходит активация сразу двух языков. В макаронической песне особо реализуются языковые средства, основанные на специфике ресурсов обоих языков. Русскоязычные читатели, владеющие немецким языком, также понимают эти нюансы.

В пору становления макаронической песни «борьба языков» разворачивается особенно остро. От смешения кодов (порой происходящего спонтанно) творческая мысль движется к осознанному их переключению. Необходимым условием для данного творческого процесса являлось постоянно возрастающее владение «вторым» языком российскими немцами.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Домашнев А.И.* Deutsche Mundarten in Rußland. Zur Erforschung russischer Spracheinlüsse auf die russlanddeutschen Mundarten // Тр. по герман. языкознанию и социолингвистике / Ин-т лингвист. исслед. – СПб.: Наука, 2005. – С. 797–807.
2. *Пузейкина Л.Н.* Немцы в Санкт-Петербургской губернии: история, язык, песни. – СПб.: Нестор-История, 2013. – 382 с.
3. *Шамне Н.Л., Шовгенин А.Н.* Теоретические основы изучения языковых контактов // Вестн. ВолГУ. – Сер. 2. – 2008. – № 1 (7). – С. 72–77.
4. *Щерба Л.В.* О понятии смешения языков // URL: http://www.philology.ru/linguistics1/shcherba-74b.htm (дата обращения: 12.10.2015).
5. *John E.* Da amüsiert der nemez sich. Die „kolonistischen Lieder" der Russlanddeutschen // Lied und populäre Kultur/Song und Popular Culture. Jahrbuch des Deutschen Volksliedarchivs. – Münster: Waxmann Verlag GmbH, 2004. – S. 163–206.
6. *Merkurjewa V.B.* Bezeichnungsmöglichkeiten des Begriffes „HEIMAT" von Russlanddeutschen // Magister Dixit: электрон. науч.-пед. журн. Вост. Сибири. – 2013. – № 1. // URL: http://md.islu.ru/sites/md.islu.ru/files/rar/merkureva_mart_magister_dixit__.pdf (дата обращения: 25.07.2015).

„Der Kampf der Sprachen" in makkaronischen Liedern der Petersburger Kolonisten

V. B. Merkureva

Im Artikel werden zwei Varianten des Liedes „Die Sommerzeit", von 1927 und 1929, im Hinblick auf die Vorherrschaft der russischen oder deutschen Sprache miteinander verglichen. Für makkaronische Lieder ist die starke Dominanz der deutschen Sprache charakteristisch, allmählich aber wächst der Einfluss der russischen Sprache. Aus der Kodemischung entwickelt sich der kreative Gedanke der Russlanddeutschen zur bewussten sprachlichen Umschaltung.

Schlüsselwörter: makkaronisches Lied, Diachronie, Interferenz, komischer Effekt, Wortspiel, schöpferisches Potenzial, Selbstidentifizierung der Russlanddeutschen.

"The conflict of languages" in the macaronic songs of the German colonists in Saint Petersburg

V.B. Merkuryeva

In this article two variants of the song "Die Sommerzeit" (1927 and 1929) are being compared from the standpoint of domination of German and Russian languages. The dominance of German is more usual and even typical for the macaronic songs, but we can see that the influence of Russian language is gradually increasing. The code-mixing merges into deliberate code-switch.

Keywords: macaronic song, diachrony, interference, comic effect, pun, creative potential, self-definition of the Germans in Russia.

УДК 940.28(Р470=3)

Э.Г. Плесская

Вклад немцев – выходцев из Санкт-Петербурга в экономику, культуру и благоустройство Одессы

На примере деятельности известных петербургских немцев прослеживается роль выходцев из Санкт-Петербурга в развитии различных сторон жизни Одессы в XIX – начале XX в.

Ключевые слова: петербургские немцы, Санкт-Петербург, Одесса, барон Эрнст Мас, Карл Эдвард Фальк, Петер Фридрих Францов, садовник Ганс Герман.

Петербург и Одессу связывают ряд исторических аналогий: молодость по историческим меркам, географическое положение, предоставившее возможность быстрого экономического роста через развитую морскую торговлю, полиэтничность населения. Основанная на 90 лет позднее Санкт-Петербурга Одесса получила возможность использовать его опыт в своем становлении и развитии. В этом оказали помощь петербургские немцы, которые предпочли Северной столице солнечный, далекий от столичных условностей и этикета и потому более свободный и привлекательный город, неожиданно возникший из ничтожного турецкого поселения.

В связи с отсутствием условий для развития мануфактур и промышленности (отсутствием пресной воды и свободной рабочей силы) экономическое развитие вновь основанному приморскому городу могла обеспечить только торговля. В течение нескольких лет Одесса по инициативе первого градоначальника и генерал-губернатора Новороссийского края герцога Ришелье боролась за права порто-франко, которыми пользовалась 40 лет (1819–1859). Внешнюю торговлю взяли в свои руки иностранные негоцианты, обеспечившие тесные торговые связи с европейскими странами. Благодаря им она базировалась на юридических нормах, а не на хаотическом смешении юридических, нравственных и патриархальных, как было принято в Российской империи.

Выдающийся вклад в развитие вывозной зерновой торговли, приносившей Одессе основной доход в первой половине XIX в., связан с фамилией баронов Мас. Происхождение фамилии, возможно, связано с названием реки Маас. В Германии встречается несколько написаний: Maahs, Maass, Maaß, в России: Маас, Мас, Масс, в документах на немецком языке – Mahs. Впервые фамилию обнаружили немецкие исследователи в документе, датированном 1650 г.: среди членов лютеранской общины Гамбурга упоминается Мартин Мас (Maass)[1]. В 1760 г. в списке петербургских купцов был обнаружен Иоганн Иоахим Мас (1718–1783). В 1746 г. он вел совместный бизнес с компаньоном из Бремена, занимаясь преимущественно экспортной торговлей. Как многие другие негоцианты, одновременно занимался банковской деятельностью. Был членом лютеранской общины. В 1779 г. прусский король Фридрих II назначил его сына Иоганна (1746–1796) прусским генеральным консулом в Петербурге. Он избирался председателем церковного совета лютеранской об-

[1] *Sartor W.* Das Haus Mahs: Eine internationale Unternehmerfamilie im Russischen Reich, 1750–1918. – Olearius Press, 2009. – S. 13.

© Э.Г. ПЛЕССКАЯ. ЕЖЕГОДНИК МАИИКРН. 2015 Г. № 1. С. 245–251.

щины, был директором Петришуле с 1783 г. С фамилией Мас в Петербурге связана деятельность нескольких торговых домов: Meybohm & Mahs (1746–1757), Johann Joachim Mahs (1751–1796), Mahs & Sohn (1770–1784), Mahs & Söhne (1794–1799), Gebrüder Mahs[2].

Семья имела обширные родственные связи среди иностранного купечества Петербурга и за границей и нескольких наследников по мужской линии. Она породнилась с компаньоном владельца крупнейшего банкирского дома в Петербурге бароном Людвигом Штиглицем. Внимание последнего привлекла основанная в 1794 г. Одесса, которая превращалась в важнейший порт на Черном море с огромными возможностями для экспорта зерна в Европу из Причерноморья, Подолии, Волыни. В 1827 г. (по другим данным, в 1829 г.) Л. Штиглиц откликнулся на приглашение генерал-губернатора Новороссийского края М.С. Воронцова и приобрел на Военном форштате землю, построил склады, открыл в Одессе филиал своего банкирского дома «Л. Штиглиц и К°»[3]. Воронцов, который проводил активную политику по привлечению в город капиталов, надеялся, что капиталы Штиглица послужат развитию торговли на «всем Юге России»[4].

В 1832 г. управляющим филиала Л. Штиглиц назначает Эрнста (Ариста) Маса (1807–1879), внука Иоганна и сына Иоахима Маса (1773–1824). Известно, что он обучался в лютеранской школе и университете Петербурга, хотел быть дипломатом. Предположительно занимал должность в канцелярии посольства Франции, а в перспективе надеялся на должность в Министерстве иностранных дел Российской империи, которое возглавлял граф К.В. Нессельроде. В Одессе фирма Stiegliz & Mahs занималась банковской деятельностью и зерновой торговлей. В дальнейшем М.С. Воронцов доверил ей вести семейные финансовые операции (Hausbank). В 1836 г. торговый оборот фирмы достиг самого большого среди торговых предприятий города показателя – 5 млн руб.[5] Вскоре А. Мас из управляющего превратился в компаньона Л. Штиглица, в 1837 г. он уже купец первой гильдии в Одессе[6].

В мае 1838 г. Л. Штиглиц и А. Мас подписали соглашение о ликвидации совместной фирмы, и Мас основывает собственную – Ernst Mahs & Co. Вплоть до ликвидации в 1901 г. она была одной из крупнейших фирм по вывозной торговле зерном. Ее торговым операциям Одесса в значительной степени обязана развитием зерновой торговли, которая была связана с немалыми трудностями: недостаток подъездных путей, большое количество перевалочных пунктов и хищения на них, монопольные действия таможенной артели. Несмотря ни на что, в первые же годы городская печать отметила, что фирма приобрела известность не только в России, но и за ее пределами[7]. Огромными торговыми и коммерческими оборотами, честностью и обязательностью в проведении деловых операций торговый дом не только завоевал себе авторитет, но и содействовал расширению коммерческих связей одесского купечества с Европой. Промышленно-торговые круги города отмечали этическое направление в деятельности фирмы, основанной на нравственных началах[8]. В качестве главы банкирского дома Мас оказал неоценимые услуги в кризисные для торговли 1848, 1853, 1855 годы, а также во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Его авторитет подтверждается нахождением Маса в течение почти 20 лет на самой почетной выборной должности – председателя Одесского биржевого комитета[9]. Об авторитете в Европе свидетельствует его статус поверенного торгового дома Ротшильдов в Одессе[10].

[2] *Sartor W.* Das Haus Mahs. – S. 13–25.
[3] Государственный архив Одесской области (ГАОО). Ф. 59. Оп. 1. Д. 1752. Л. 1.
[4] *Sartor W.* Das Haus Mahs. – S. 29–30.
[5] Век. Одесский исторический альбом, 1794–1894. – Одесса, 1894.
[6] *Bienemann F.* Geschichte der evangelisch -lutherischen Gemeinde zu Odessa. – Odessa, 1890. – S. 43, 354.
[7] Одесский вестник. – 1880. – 4 янв.
[8] Там же. – 8 янв.
[9] Государственный архив Одесской области (далее – ГАОО). Ф. 2. Оп. 1. Д. 924. Л. 5–13.
[10] Там же. Ф. 1. Оп. 109. Д. 500. Л. 1.

Успешная коммерческая деятельность и безупречность репутации способствовали дипломатической карьере. Начиная с 1838 г., т. е. с момента основания собственной фирмы, А. Мас занимает должности вначале ганноверского и прусского, затем генерального прусского и, наконец, северогерманского генерального консула в Одессе[11].

Дипломат и купец пользовался доверием у администрации Новороссийского края. В 1837 г., во время эпидемии чумы, М.С. Воронцов назначил его комиссаром в одну из частей города «для охранения от чумной заразы». За службу был награжден золотой медалью на Александровской ленте для ношения в петлице. За работу в комиссии по пересмотру карантинного устава был награжден званием коммерции советника (1848)[12]. Неоднократно избирался членом Статистического комитета, казначеем и членом совета Общества сельского хозяйства Южной России. Был одним из основателей Товарищества по газовому освещению Одессы (1864).

Арист Мас был реформатского вероисповедания, многие годы избирался председателем церковной общины, под его наблюдением был выстроен первый молитвенный дом. Во время Крымской войны пожертвовал в пользу войск и госпиталя в Крыму 2000 четвертей хлеба и 2000 руб., приобрел белье для раненых и отправил не от своего имени, а от имени Одессы. По духовному завещанию пожертвовал 15 000 руб. на окончание строительства и содержание сиротского приюта при лютеранской общине. Всем служащим своего торгового дома завещал ежегодную пожизненную пенсию (600 руб.), а для прослуживших незначительное время – единовременное пособие[13].

За заслуги в развитии российской торговли в Одессе был награжден золотой медалью на Аннинской ленте, орденами св. Станислава второй и третьей степени с императорской короной, орденом св. Владимира третьей степени и орденом св. Анны второй степени. Ему было пожаловано звание Потомственного почетного гражданина. Была оценена и консульская служба: А. Мас был кавалером ганноверского ордена гвельфов четвертой степени и прусского ордена Красного Орла третьей степени. В 1873 г. король Прусский и император Германский пожаловали ему баронское достоинство, которое разрешило принять Министерство юстиции Российской империи[14].

Жил барон в самой престижной части города, на углу Екатерининской площади и Воронцовского переулка, в доме, построенном в 1849 г. по проекту архитектора Фраполли[15]. В нем размещалось и бюро фирмы. Площадь внутренних помещений составляла 884 кв. метра. Простота фасада сочеталась с замечательной внутренней отделкой, роскошными паркетами из редких древесных пород, дверями из массивного красного дерева[16]. После смерти Маса фирму и дом унаследовали его сыновья Арист и Томас. В память об отце наследники выстроили на Старопортофранковской улице ночлежный приют, который вмещал до 725 ночлежников[17]. Они владели фирмой до ее ликвидации в 1901 г. Оба избирались гласными в городскую думу, были щедрыми благотворителями. Самый щедрый взнос был сделан на покупку земли, строительство и оснащение евангелической некоммерческой больницы в Одессе[18].

Одним из авторов песни об Одессе из оперетты «Белая акация» является некий Мас. Песня стала символом города, музыкальный отрывок из нее звучит на часах старинного здания бывшей городской биржи, в котором сегодня находится городская мэрия. «Ты в сердце моем, ты всюду со мной, Одесса, мой город родной». Неизвестно, кому именно

[11] ГАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 924. Л. 5–13.
[12] Там же.
[13] Одесский вестник. –1880. – 8 янв.; 9 янв.
[14] ГАОО. Ф. 16. Оп. 125. Д. 13. Л. 416–431; Ф. 1. Оп. 140. Д. 78.
[15] Там же. Ф. 59. Оп. 2. Д. 1298.
[16] Одесса 1794–1894. К столетию города. – Одесса: Изд. город. обществ. самоуправления, 1895. – С. 412.
[17] Там же. – С. 424, 730–731.
[18] *Плесская-Зебольд Э.Г.* Одесские немцы, 1803–1920. – Одесса, 1999. – С. 229–236.

из потомков большой интернациональной семьи принадлежат эти слова, но мы слышим в них любовь к городу и земле, которую когда-то признали своей Родиной их предки.

Опыт Петербурга в организации городского газового освещения привез в Одессу Карл Эдвард Фальк (Falk). В Петербурге в 1835 г. было создано «Общество освещения газом С.-Петербурга», в 1839 г. были установлены газовые фонари на Дворцовой площади, Невском проспекте и ближайших улицах. Оно оказалось очень дорогим, и в 1849 г. предпочтение отдали спирто-скипидарным фонарям[19].

Карл Фальк приехал с родителями и женой в Одессу в 1840 г.[20] Его первое место работы – механик в Ришельевском лицее. Через два года он представил первый, затем второй проект по устройству газового освещения четырех городских улиц вместе с образцами фонарей[21]. Газовое освещение в Одессе появилось в 1850 г. Однако дороговизна препятствовала более широкому его использованию вплоть до основания в 1865 г. газового завода.

К. Фальк использовал свои знания и энергию в другом направлении – в 1844 г. основал одно из первых механических и литейных заведений, которое имело огромное значение для развития региона и было очень рискованным для безводного города. Впервые он начал производить земледельческие орудия, надеясь на сбыт в многочисленные немецкие земледельческие колонии. Дорогое привозное сырье, невысокая годовая производительность и невозможность конкурировать с орудиями, привозимыми из-за границы – все это переориентировало на производство архитектурно-строительных изделий из чугуна (ограды, решетки, лестницы и поделки для земледельческих машин), железа (валы, оси, паровики, котлы, судовые трубы) и меди (краны, насосы). В небольших объемах было освоено изготовление физических, математических и хирургических инструментов[22]. К середине века на предприятии были заняты 81 рабочий и обучались 25 учеников-мальчиков. По мощности оно было вторым из трех существовавших в Одессе литейных и механических предприятий и уступало только заводу Российского общества пароходства и торговли, который занимался ремонтом судов[23]. В дальнейшем на заводе освоили выпуск более сложной продукции (паровых машин, оборудования для винокуренных и пивоваренных заводов), которая изготавливалась из английского и бельгийского металла. Завод трижды менял хозяев (в каждом случае приобретателями были немцы) и продолжал оставаться крупнейшим среди предприятий профиля.

Уроженец Петербурга Петер Фридрих Францоф (Franzow, Петр Федорович, 1805–1884), лютеранин, был одним из первых типографов в Одессе. Первый профессиональный опыт он приобрел в Петербурге, в типографии Особенной канцелярии МВД. В 1827 г. генерал-губернатор М.С. Воронцов предложил ему принять в управление пришедшую в расстройство городскую типографию. С этого времени находившаяся в аренде типография перешла в ведение канцелярии Одесского градоначальника. Печатала единственную в городе газету «Одесский вестник» с полосами на русском и французском языках, различного рода бланки и повестки (приглашения в Думу, квитанции о взносе повинностей и др.). Выполнялись заказы Попечительного комитета об иностранных поселенцах Южного края России на публикацию на немецком языке циркулярных предписаний сельским приказам и объявлений. Усердная служба П. Францова, который в срок справлялся с возрастающим количеством заказов, поощрялась денежными вознаграждениями[24].

Выйдя в отставку в чине коллежского секретаря, в 1851 г. он основал одну из первых в городе частных типографий. Под его управление перешла типография и литография

[19] *Костин А.И.* Из истории уличного освещения Санкт-Петербурга (XVIII–XX века) // http://2001.vernadsky.info/h1/w01382.htm (дата обращения 15 октября 2015 г.)

[20] ГАОО. Ф. 630. Оп. 1. Д. 58. Л. 20.

[21] Одесса. 1794–1894. – С. 319–320.

[22] ГАОО. Ф. 44. Оп. 3(1859). Д. 130. Л. 2.

[23] Там же. Ф. 3. Оп. 1. Д. 70. Л. 55 об.–56.

[24] *Плесская-Зебольд Э.Г.* Указ. соч. – С. 128.

Л. Нитче (Nitzsche). Заведение под названием «Типография, литография и словолитня Францова и Нитче» было оснащено заграничным оборудованием, которое обеспечивало типографии и литографии южного региона России и Кавказа необходимыми для работы материалами. Словолитня обладала большим количеством матриц русского, французского и немецкого шрифтов. Скоропечатная машина давала возможность быстро, в большом количестве и по умеренным ценам печатать бланки и различные деловые формы.

В 1856 г. компаньоны разошлись. Францов становится владельцем самой большой в городе типографии, в которой печатались научные исследования, выполнялись заказы Статистического комитета («Ведомости одесского населения»), периодические издания («Записки Императорского общества сельского хозяйства Южной России»; «Торговый бюллетень» на русском и французском языках; «Циркуляры по управлению Одесским учебным округом»; «Херсонские епархиальные ведомости»). Печатались альбомы с видами Одессы, например, «Альбом одесских видов»[25]. Деятельность типографии способствовала превращению города в культурный и научный центр Новороссии.

П.Ф. Францов обучил несколько поколений наборщиков, некоторые из них стали содержателями типографий[26].

В 1835 г. он обвенчался с уроженкой Петербурга Анной Марией Катариной Шуман (Schuman). Их 10 детей родились в Одессе, трое умерли в младенческом возрасте[27]. Старшая дочь, Эмилия Петровна, унаследовала типографию. Сын, Эммануил Петрович, стал известным общественным деятелем и благотворителем в Николаеве. На основе своей личной коллекции минералов, гербариев, палеонтологических, этнографических и зоологических экспонатов он открыл во флигеле собственного дома частный естественно-исторический музей, бесплатный для посетителей. Коллекция оценивалась знатоками в 500 000 руб. золотом. По духовному завещанию она была подарена городу, на ее основе был открыт городской естественно-исторический музей[28].

Последний наш герой – садовник Ганс Герман (Herrmann). Современная Одесса, один из самых зеленых городов Европы. Прямые, длинные и широкие улицы и бульвары Старого города украшают ровные ряды деревьев. Однако город основан на местности, где не было никакой растительности. Примыкающая к нему песчаная пустыня и степь делали его беззащитным перед зноем и пылью. Назначенный в 1803 г. градоначальник герцог Ришелье распорядился высаживать вдоль домов деревья, однако доставка саженцев была сопряжена с трудностями, и приживались они с большим трудом. Он посчитал необходимым завести в городе плантацию, в которой бы искусный в своем деле мастер выращивал из семян саженцы лесных и фруктовых деревьев, высаживал их на городских улицах и ухаживал за ними.

В январе 1812 г. без предварительной переписки и согласований Ришелье пригласил в Одессу из Петербурга садового мастера Ганса Германа. Сын лютеранского священника, Герман окончил в Пруссии курсы земледелия, садоводства, лесоводства и ботаники. В Россию приехал в 1803 г. и до 1812 г. «весьма полезно» служил в Комитете правления Императорской Академии наук при Ботаническом саду Санкт-Петербурга[29]. В 1812 г. по высочайшему повелению за счет казны был отправлен на службу в Одессу. Ришелье, который являлся и главным управляющим колониями Новороссийского края, представил его сначала управляющему колониями Одесского водворения барону А. Розенкампфу[30],

[25] ГАОО. Ф. 274. Оп. 1. Д. 5. Л. 8; Ф. 2. Оп. 1. Д. 879. Л. 153.

[26] Одесский листок. – 1884. – 12 апр.

[27] *Bienemann F.* Op. cit. – S. 191, 193, 291, 296.

[28] *Никитин В.И.* …На круги своя. История прихода евангелическо-лютеранской церкви Христа Спасителя г. Николаева. – Николаев, 2006. – С. 195–196.

[29] ГАОО. Ф. 1. Оп. 190. Д. 45. Л. 1–1 об., 3.

[30] Розенкампф Андрей Андреевич, управляющий канцелярией Одесского водворения Новороссийской опекунской конторы иностранных поселенцев в 1808–1814 гг. (ГАОО Ф. 1. Оп. 198. Д. 363. Л. 5).

а затем И.Н. Инзову[31], с целью использования его опыта при разведении в немецких колониях обязательных по инструкции фруктовых садов, виноградников, шелковичных плантаций, лесных насаждений[32]. По представлению председателя Попечительного комитета об иностранных поселенцах Южного края России И.Н. Инзова в 1819 г. Герман был награжден золотой медалью на Аннинской ленте с надписью «За усердие»[33].

В Одессе под городскую плантацию выделили земли на пустыре. Средств на ее содержание ассигновано не было, поэтому земли обрабатывались арестантами, которых присылали по наряду полиции. На плантации их никто не контролировал, работали они плохо, а после обеда частенько возвращались не все[34]. В июле 1812 г. работы прекратились из-за начавшейся эпидемии чумы и возобновились в марте 1813 г. В том же году под ответственность садовника был передан городской сад. На плантации из семян выращивались саженцы фруктовых и лесных деревьев, цветы, для городской больницы и госпиталя – растения и травы, используемые в медицинских целях. В 1824 г. был оформлен Приморский бульвар, на аллеях которого Герман высадил 454 дерева[35]. Тогда же Строительный комитет выделил 10 000 руб. на разведение садов и бульваров. Ганс Герман, кроме работы на плантации, стал выполнять работу «городового» садовника и следил за состоянием деревьев на городских бульварах и улицах, за озеленением новых[36]. К октябрю 1825 г. в его ведении, кроме высаженных вдоль улиц деревьев, находились городская плантация, городской сад, Приморский бульвар, четыре отделения бульвара на Александровском проспекте и плац-парадное место, предназначенное для проведения войсковых парадов[37].

К началу 1850-х годов добавились работы на 25 десятинах бывшего сада Ришелье. На 200 десятинах в районе Пересыпи были разведены лесные плантации для сдерживания песка, на 15 – основаны древесные школы. Он посадил и ухаживал за садами при городской больнице, домах призрения сирот и нищих, военном госпитале, Одесском институте благородных девиц, церковной и театральной площадях, на внешнем бульваре – все при отсутствии пресной воды, степных ветрах и летнем зное. И Строительный комитет, и одесский градоначальник, и новороссийский и бессарабский генерал-губернатор отмечали, что Г. Герман был полезен не только городу, но и краю, разводя лесные плантации и сады в степных местах[38].

Через несколько десятилетий неожиданно выяснилось, что должность садовника не включена в штат городского управления[39]. Это означало, что Герман не числился на государственной службе и не имел права на пенсию. В 1840-х годах он ходатайствует о включении должности в штат и присвоении ему звания чиновника 14 класса. Строительный комитет, градоначальник, исполняющий должность генерал-губернатора, подавали соответствующие ходатайства министру внутренних дел. Поскольку такой должности не предусматривал штат городского управления в Российской империи, министр в ходатайстве отказал, но посоветовал: если Одесса нуждается в опытном садовнике, пусть поощряет его временными выплатами[40].

Чтобы в какой-то степени исправить неловкость, М.С. Воронцов в 1851 г. выхлопотал Герману звание Потомственного почетного гражданина. Однако никаких материальных

[31] Инзов Иван Никитич, председатель Попечительного комитета об иностранных поселенцах Южного края России в 1818–1844 гг.
[32] ГАОО. Ф. 1. Оп. 198. Д. 363. Л. 5.
[33] *Плесская-Зебольд Э.Г.* Указ. соч. – С. 29.
[34] ГАОО. Ф. 59. Оп. 1. Д. 71. Л. 11–11 об.
[35] Одесский вестник. – 1853. – 10 сент.
[36] ГАОО. Ф. 1. Оп. 190. Д. 45. Л. 13.
[37] *Плесская-Зебольд Э.Г.* Указ. соч. – С. 26–27.
[38] ГАОО. Ф. 2. Оп. 192 (1843). Д. 8. С. 37–37 об.
[39] Там же. Л. 49 об.
[40] Там же. Л. 37–37 об.

привилегий оно не давало. Ходатайство о назначении Герману пенсии вновь возбуждает назначенный в 1863 г. Новороссийским и Бессарабским генерал-губернатором П.Е. Коцебу. В ответ министр внутренних дел предложил городскому обществу назначить Герману ежегодное пособие из городских доходов со дня увольнения его от службы.

В 1864 г. городская дума единогласно постановила предусмотреть в городских расходах по пенсионному капиталу выплату бывшему городскому садовнику Герману 228 руб. 37 коп.[41] Ему в это время было уже 80 лет.

История четырех немцев – выходцев из Петербурга, проявивших себя активными деятелями юга Российской империи, является частью истории города Одессы, частью истории российских немцев. Одесса в силу особенностей своей истории и местоположения, как никакой другой город, была особенно тесно связана с Петербургом, в установление экономических, культурных связей двух городов вносили свою лепту немцы Петербурга.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Костин А.И.* Из истории уличного освещения Санкт-Петербурга (XVIII–XX века) // http://2001.vernadsky.info/h1/w01382.htm
2. *Никитин В.И.* …На круги своя. История прихода евангелическо-лютеранской церкви Христа Спасителя г. Николаева. – Николаев: Изд-во Ирины Гудим, 2006. – 320 с., ил.
3. Одесса 1794–1894. К столетию города. – Одесса: Изд. город. обществ. упр., 1895. – LXXX, 836 с.
4. *Плесская-Зебольд Э.Г.* Одесские немцы. 1803–1920: Науч.-популяр. изд. – Одесса: ТЭС, 1999. – 520 с.
5. *Bienemann F.* Geschichte der evangelisch-lutherischen Gemeinde zu Odessa. – Odessa, 1890.
6. *Sartor W.* Das Haus Mahs: Eine internationale Unternehmerfamilie im Russischen Reich, 1750–1918. – Olearius Press, 2009. – 191 S.

Der Anteil der aus St. Petersburg zugereisten Deutschen an der Wirtschaft und Kultur in Odessa sowie an der Verbesserung der dortigen Lebensverhältnisse

Ė. G. Plesskaja

Am Beispiel der Tätigkeit bekannter Petersburger Deutscher wird die Rolle aus St. Petersburg Zugereister an der Entwicklung verschiedener Lebensbereiche in Odessa im 19. Jahrhundert und zu Beginn des 20. Jahrhunderts verfolgt.

Schlüsselwörter: Petersburger Deutsche, St. Petersburg, Odessa, Baron Ernst Mahs, Karl Edward Falk, Peter Friedrich Franzow, der Gärtner Hans Hermann.

The contribution of the Germans – the natives of Saint Petersburg to the economic, industrial, cultural life and provision of urban amenities in Odessa

E.G. Plesskaya

The author investigates the role of the natives of Saint Petersburg in the development of different areas of Odessa town-living in the XIX – the beginning of XX century through the example of the distinguished Germans of Saint Petersburg and their actions.

Keywords: the Germans of Saint Petersburg, St. Petersburg, Odessa, baron Ernst Mas, Carl Eduard Falk, Peter Fridrikh Frantsov, the gardener Gans German.

[41] Известия городского общественного управления. –1864. – №42. – С. 151–152.

УДК 284(Р474.1)

О.В. Безносова

Использование российскими меннонитами административных и образовательных ресурсов Санкт-Петербурга

В статье рассмотрены особенности коммуникаций меннонитского сообщества с правительственными (санкт-петербургскими) кругами Российской империи. Показаны взаимосвязь стремления к повышению уровня образования и роста политической и социальной активности меннонитов в российском обществе начала XX в.

Ключевые слова: меннониты, иностранные колонисты, Санкт-Петербург, Российская империя, коммуникативные практики.

Вопрос использования меннонитами административных и образовательных ресурсов Санкт-Петербурга как столицы Российской империи представляет собой весьма любопытный аспект изучения коммуникативных практик их сообщества в социокультурном контексте российского общества царской эпохи. Традиционные представления об их «закрытости», склонности к самоизоляции не в последнюю очередь интересно изучить именно с этой точки зрения.

Меннониты были одной из наиболее своеобразных групп населения царской России не только потому, что принадлежали к привилегированной категории сельских жителей (иностранным колонистам). В силу своего конфессионального статуса они имели исключительные религиозные права. Все это оказало существенное влияние на формирование их образа жизни.

Своеобразие положения меннонитов в колонистский период заключалось в традиции обладания «неограниченной религиозной свободой», о предоставлении которой изначально договорились меннонитские депутаты непосредственно с первым лицом империи – императрицей Екатериной II через посредничество Г.А. Потемкина. Условие сформулировано в виде теоретического постулата, без дополнительных условий и оговорок (кроме твердого обещания освобождения от воинской службы), поэтому повторялось часто как аксиома, в которую слабо верили или которой не доверяли местные чиновники. Поэтому вплоть до 1800 г. (грамота Павла I о меннонитских привилегиях от 6 сентября 1800 г.[1]) в Петербург приходили прошения и приезжали депутаты от поместных общин с просьбой подтвердить меннонитские привилегии[2]. Причем экстраординарные права меннонитов являлись предметом зависти и вожделения других групп колонистов, пытавшихся тем или иным способом получить и себе такие же. Однако все получали отказ. Исключение составили гуттеры, близкие по вере меннонитам, которых они всячески поддерживали как единоверцев. По совету меннонитов гуттеровская община отправила в Санкт-Петербург двух своих депутатов (старшину И. Вальднера и его помощника И. Гофера). Они подали прошение правительству о даровании гуттерам религиозных и экономических прав меннонитов, аргументируя свою просьбу тем, что они и меннониты являются представителями родственных протестантских течений, составляющих единое анабаптистское братство. По их ходатайству 23 мая 1801 г. последовал именной указ Александра I[3], согласно которому гуттерам были дарованы все права и привилегии меннонитов, полученные ими по специальной грамоте 6 сентября 1800 г. и подтвержденные специальным указом Павла I от 1 марта 1801 г. В результате они также были признаны «Радичевской общиной Меннонитского братства», получив все меннонитские права.

Правительство, не оставлявшее своим вниманием иностранные колонии, не могло не заметить высокий уровень самоорганизации меннонитов, их успехи в земледелии и других областях. Поэтому такой энергичный общественный деятель, прилагавший колоссальные силы для развития колоний, внедрения прогрессивных технологий и реформ, как молочанский меннонит И.И. Корнис, не мог не привлечь внимания. Корнис пользовался столь широкой известностью в петербургских управленческих кругах, что ему даже предлагали чин генерала и губернатора[4]. От государственного чина Корнис (в силу религиозных убеждений) отказался, но административным ресурсом и влиянием во властных кругах пользовался сполна. Так, благодаря его влиянию с правого берега реки Молочной были выселены на Кавказ духоборцы, а на их место переселены из Черниговской губернии единоверцы меннонитов – гуттеры[5].

Однако неограниченные пределы религиозной свободы имели и свои темные стороны, ибо границы их фактически определялись явочным порядком, в ходе ежедневной жизни. Так как в России у меннонитов «не было и нет, как и во всем мире, никакого высшего церковного начальства»[6], то они в церковном отношении не подлежали контролю со стороны Министерства государственных имуществ (как остальные протестанты). Фактически до 1880 г. они действительно обладали полным церковным самоуправлением. В случаях если дела о «религиозных недоумениях» в меннонитских общинах не могли разрешиться собственными силами «ко взаимному удовольствию», они представляли их на рассмотрение (как третейскому суду) в органы опеки, а затем (в случае невозможности решить их на местном уровне) лично министру внутренних дел. В результате на прием к министру внутренних дел в Санкт-Петербург отправлялись как делегации от меннонитских общин (как это было в случае с представителями меннонитских братьев, или темплеров), так и по своим личным проблемам спорщики и жалобщики. Скромные приезжие колонисты останавливались «в приличных постоялых дворах» и смиренно ожидали разрешения своих вопросов[7]. Позднее, когда в 1870-х годах были установлены связи с евангелическими обществами в Петербурге, существенную помощь этим просителям из новоменнонитских групп оказывали вовлеченные в евангельское движение представители столичной аристократии (В.А. Пашков и др.).

Важной особенностью меннонитского сообщества в мире является то, что оно даже в настоящее время представляет собой конгломерат (братство) независимых об-

[1] Полный свод законов Российской империи (ПСЗ). Собр. 1-е. Т. 26. № 19 546; Свод учреждений и уставов управления духовных дел иностранных исповеданий христианских и иноверных. – Гл. 5. – Ст. 903 // Свод законов Российской империи. – 1896. – Т. 11. – С. 171; *Epp G.K.* Geschichte der Mennoniten in Rußland. – Lage: Logos Verlag, 1997. – S. 59–64.

[2] Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 821. Оп. 5. Д. 940. Л. 1–7 об.

[3] ПСЗ. Собр. 1-е. Т. 26. № 19 887 (23 мая 1801 г.).

[4] *Isaac F.* Die Molotschnaer Mennoniten – Ein Beitrag zur Geschichte derselben. – Halbstadt, 1908. – S. 157–158.

[5] *Meschkov D.* Die Schwarzmeerdeutschen und ihre Welten 1781–1871. – Essen: Klartex Verlag, 2008. – S. 327.

[6] РГИА. Ф. 821. Оп. 5. Д. 940. Л. 12 об.–13; Д. 976. Л. 9 об., 75 об.

[7] *Безносова О.В.* Меннонитская община-церковь в царской России: особенности устройства и взаимоотношений с государством в колонистский период (1786–1874) // Рос. государство, общество и этнические немцы: основные этапы и характер взаимоотношений (XVIII–XXI вв.): Материалы 11-й Междунар. науч. конф., Москва, 1–3 нояб. 2006 г. – М.: МСНК-пресс, 2007. – С. 93–94.

© О.В. БЕЗНОСОВА. ЕЖЕГОДНИК МАИИКРН. 2015 Г. № 1. С. 252–256.

щин-церквей, не имеющий структурно-организационной иерархии. Вплоть до 1910 г. российские меннониты не имели какого-либо единого организационного центра, что нередко приводило к конкуренции интересов отдельных общин и отсутствию консолидированной позиции во взаимоотношениях с государством. Особенно ярко это проявилось в годы острых религиозно-социальных кризисов – в 1860–1870-х годах, когда в Петербург направлялись представители враждующих группировок представить свое мнение. При этом все меннониты не настаивали на наказаниях противоборствующей стороны. Они предпочитали, чтобы решения выносили правительство или лично министр внутренних дел. Министр же внутренних дел вынужден был полагаться на мнение Генеральной консистории Евангелическо-лютеранской церкви в России как представителя высшей духовной инстанции для протестантов империи, ибо других экспертов просто не было. В последующие годы в качестве экспертов стали привлекаться и православные ученые, что также сказывалось на механизме принятия решений[8].

Своеобразный подход у меннонитов был к способам решения проблем с правительством. Отсутствие общей консолидированной позиции всего сообщества имело свою негативную сторону, ибо у правительства на выбор было представлено несколько разных мнений со стороны меннонитов, и оно могло (и имело на то полное моральное право) признать правильным то, которое было наиболее близким к его собственному. Что, собственно, и произошло в период выработки военной реформы в конце 1860-х – начале 1870-х годов, когда правительство ориентировалось на мнение «наиболее зажиточных и уважаемых меннонитов с Молочной», соглашавшихся с его планами о введении альтернативной воинской службы, и напрочь игнорировало мнение, представленное многочисленными делегациями «религиозных фанатиков» – церковных старшин с Хортицы, Малой общины, гуттеров. Первые подавали свои прошения как через канцелярию Министерства внутренних дел лично министру внутренних дел, так и «перехватывали» представителей царской фамилии и крупных столичных сановников на отдыхе в Крыму[9].

Конец XIX – начало XX в. стали временем активного вовлечения меннонитского сообщества в водоворот развития «большого российского мира». Земская, колонистская, военная, образовательная реформы способствовали его существенной мобилизации, пространственной и социальной мобильности, способствовали завершению процессов перерастания конфессиональной общности в «народ», переставший быть прикрепленным к своим отдаленным сельским колониям на юге и широко расселившийся по всей территории империи. Новые социальные горизонты потребовали и повышения уровня образования – активно формирующиеся интеллигенция и элита являлись тому подтверждением, и признаками их формирования стали довольно многочисленные прошения, подаваемые меннонитами или сочувствующими им аристократами правительству (в том числе и непосредственно в приемную министерства в Санкт-Петербурге) о разрешении открытия специальных школ для подготовки проповедников. Вплоть до 1905 г. эти прошения неизменно отклонялись из опасения о «размножении в них иностранных веяний»[10].

Однако если специальное теологическое образование меннонитские проповедники были вынуждены получать за границей, то базовое высшее можно было получить и в Российской империи. После визита наследника Александра (будущего Александра II) в молочанские меннонитские колонии для них лично императором была учреждена специальная стипендия, поддерживающая обучение двух мальчиков в высших учеб-

[8] *Безносова О.В.* Меннонитская община-церковь в царской России… – С. 94.

[9] РГИА. Ф. 821. Оп. 5. Д. 996. Л. 20–21 об.

[10] *Безносова О.В.* Самоуправление меннонитов России: от церковных советов до Комиссии по делам веры, 1789–1929 гг. // Рос. немцы: 50 лет послевоен. обществен. движению: от первых делегаций в правительство через «Возрождение» к современ. системе Самоорганизации (1964–2014): Материалы 5-й Междунар. науч.-практ. конф., Москва, 11–16 февр. 2015 г. – М.: МСНК-пресс, 2015. – С. 187–194.

ных заведениях. В 1880-е годы ею воспользовались первые стипендиаты – сыновья Гальбштадтского волостного старшины Яков и Иоганн Эзау, которые окончили классическую гимназию в Екатеринославе. Благодаря стипендии Яков изучал медицину в Киевском университете, а Иоганн (будущий мэр г. Екатеринослава) получил диплом инженера в Риге[11]. За ними в вузы потянулись и другие студенты. В результате в 1890-е годы в Петербурге образовалась небольшая меннонитская община (16 чел.[12]), состоявшая из студентов столичных университетов и институтов. В 1910-х годах численность петербургской общины составляла уже более 50 чел.[13], ибо приезжали сюда учиться не только юноши, но и вполне взрослые семейные люди, часто совмещавшие учебу с работой, проповеднической деятельностью в евангелическо-христианских общинах Петербурга, такие, как проповедники Г. Фаст, Г. Фот, К. Мартенс[14]. В этот период в число слушательниц Бестужевских курсов в Петербурге вошли и девушки-меннонитки, среди которых активной религиозной и гражданской позицией отличалась уроженка оренбургских колоний Маргарита Изаак[15].

Формирование меннонитской интеллигенции способствовало ее активному участию и в политической деятельности. Так, в Государственную Думу 3-го и 4-го созывов от курии крупных землевладельцев были избраны два депутата-меннонита – Г.А. Бергманн от Екатеринославской губернии и П.П. Шредер от Таврической. Это позволило меннонитам уже напрямую лоббировать в столичных правящих кругах свои интересы[16]. Особенно это стало явным после 1910 г., когда правительство начало контрнаступление на объявленные в 1905 г. свободы веры, слова, собраний, в результате чего меннониты столкнулись со значительным урезанием своих традиционных религиозных прав.

Однако настоящие испытания начались во время Первой мировой войны, в связи с развертыванием антигерманской кампании. В борьбе с мероприятиями правительства по ликвидации германского землевладения, закрытием школ и церквей, прессы меннонитские депутаты обивали пороги различных приемных, в т. ч. министра внутренних дел, министров финансов и земледелия, представляя прошения и исторические документы, действуя прямо, или через посредников различных евангелических организаций, или сочувствующих им петербургских аристократов[17].

Как видим, Петербург отнюдь не был недоступной далекой столицей для представителей этого «закрытого» сообщества. По прошествии времени меннониты сумели интегрироваться в российское общество, найдя пути коммуникаций как горизонтального типа (с низшими слоями общества), так и вертикального – с представителями высших властных слоев, используя различные методы и все предоставленные им возможности. Это способствовало успехам адаптации меннонитов к российским реалиям и их конкурентоспособности среди прочих слоев населения того времени.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Безносова О.В.* Меннонитская община-церковь в царской России: особенности устройства и взаимоотношений с государством в колонистский период (1786–1874) // Рос. государство, общество и этнические немцы: основные этапы и харак-

[11] *Enns A.* Mennonite education in Russia // Mennonites in Russia. – Winnipeg, Manitoba, 1989. – P. 75–98.

[12] Общий свод по империи результатов разработки, данных Всеобщей переписи населения, произв. 28 января 1897 г. – СПб.: Паров. тип.-литогр. Н.Л. Ныркина, 1905. – С. 252–267.

[13] *Huebert H.* Urban Mennonites // Mennonites in Russia. – Winnipeg, Manitoba, 1989. – P. 250–255.

[14] *Безносова О.В.* Самоуправление меннонитов России… – С. 187–194.

[15] Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 102 (оо). Оп. 1913 г. Д. 85. Л. 235 об.; Оп. 1909 г. Д. 85. Л. 59–59 об., 116–118 об.

[16] *Friesen A.* In defense of Privilege. Russian Mennonites and the State before and during World War I. – Winnipeg, MB Canada; Hillsboro, KS USA: Kindred productions, 2006 – P. 218–250.

[17] ГАРФ. Ф. 102 (оо). Оп. 1915 г. Д. 167. Ч. 75. Л. 20–22.

тер взаимоотношений (XVIII–XXI вв.): Материалы 11-й Междунар. науч. конф., Москва, 1–3 нояб. 2006 г. / Под ред. А.А. Германа. – М.: МСНК-пресс, 2007. – С. 90–100.
2. *Безносова О.В.* Самоуправление меннонитов России: от церковных советов до Комиссии по делам веры, 1789–1929 гг. // Рос. немцы: 50 лет послевоен. обществен. движению: от первых делегаций в правительство через «Возрождение» к соврем. системе Самоорганизации (1964–2014): Материалы 5-й Междунар. науч.-практ. конф., Москва 11–16 фев. 2015 г. / Науч. ред. д-р ист. наук, проф. А.А. Герман. – М.: МСНК-пресс, 2015. – С. 187–208.
3. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 102 (оо). Оп. 1909 г. Д. 85; Оп. 1913 г. Д. 85; Оп. 1915 г. Д. 167.
4. Общий свод по империи результатов Всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г. – Т. 1–2. – СПб., 1905. (Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. / Под. ред. Н.А. Тройницкого).
5. Полный свод законов Российской империи (ПСЗ). Собр. 1-е. Т. 26. № 19546, 19887.
6. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 821. Оп. 5. Д. 940, 976, 996.
7. Свод учреждений и уставов управления духовных дел иностранных исповеданий христианских и иноверных. – Гл. 5. – Ст. 903 // Свод законов Российской империи. – 1896. – Т. 11.
8. *Enns A.* Mennonite education in Russia // Mennonites in Russia / Ed. J. Friesen. – Winnipeg, Manitoba, 1989. – P. 75–98.
9. *Epp G.K.* Geschichte der Mennoniten in Rußland. – Bd. 1–3. – Lage: Logos Verlag, 1997.
10. *Friesen A.* In defense of Privilege. Russian Mennonites and the State before and during World War I. – Winnipeg, MB Canada; Hillsboro, KS USA: Kindred productions, 2006. – 520 p.
11. *Huebert H.* Urban Mennonites // Mennonites in Russia. – Winnipeg, Manitoba, 1989. – P. 250–255.
12. *Isaac F.* Die Molotschnaer Mennoniten – Ein Beitrag zur Geschichte derselben. Aus Akten älterer und neuerer Zeit, wie auch auf Grund eigener Erlebnisse und Erfahrungen dargestellt . – Halbstadt, 1908. – 354 S.
13. Meschkov D. Die Schwarzmeerdeutschen und ihre Welten. 1781–1871. – Klartext Verlag, 2008. – 507 S.

Die Nutzung der Möglichkeiten von Verwaltung und Bildung in St. Petersburg durch die Mennoniten in Russland

O. V. Beznosova

In dem Aufsatz werden die Besonderheiten der Kommunikation der Gemeinschaft der Mennoniten mit den in Petersburg ansässigen Regierungskreisen des Russischen Reiches untersucht. Aufgezeigt werden die Wechselbeziehungen und die gegenseitige Einflussnahme zwischen dem Streben nach einem höheren Bildungsniveau und den zunehmenden politischen und gesellschaftlichen Aktivitäten der Mennoniten in der russischen Gesellschaft zu Beginn des 20. Jahrhunderts.

Schlüsselwörter: Mennoniten, ausländische Kolonisten, St. Petersburg, Russisches Reich, kommunikative Praxis.

The deploy of governmental and educational resources in Saint Petersburg by the Russian Mennonites

O.V. Beznosova

The article is dealing with the specialties of communicating practices of the Russian Mennonites with the governmental authorities of the Russian Empire in Saint Petersburg. The author focuses attention on the interrelation and interinfluence of the ambition of the Mennonites for improving their educational background and of their increasing political and social activity at the beginning of the 20th century.

Keywords: the Mennonites, foreign colonists, Saint Petersburg, the Russian Empire, communicative practices.

УДК 9(С) 23 (”1920–1930”) 902.7

В.В. Солодова

Ленинградские ученые и их вклад в этнографическое изучение советских немцев на рубеже 1920–1930-х годов

В статье рассматривается деятельность ленинградских ученых, стоявших у истоков изучения истории, этнографии и фольклора советских немцев. Особое внимание уделено этнографическим экспедициям по немецким поселениям Юга Украины и Ленинградской области (1926–1930); профессорско-преподавательскому составу Одесского немецкого педагогического института. Отражены массовые аресты «фашистской агентуры» как следствие усиления террора против деятелей науки и культуры в начале 1930-х годов.

Ключевые слова: Е.Г. Кагаров, В.М. Жирмунский, советские немцы, этнография, Ленинград, Одесса, Всеукраинская Академия наук, репрессии, Одесский немецкий педагогический институт.

В архивах Украины находятся материалы, которые характеризуют деятельность ленинградских ученых по изучению истории, этнографии и фольклора немцев Северного Причерноморья и Ленинградской области. Это документы, связанные с этнографическими экспедициями 1926–1930 гг. и с именами В.М. Жирмунского и Е.Г. Кагарова. Они были выявлены в Центральном государственном архиве высших органов власти и управления Украины (далее – ЦГАВОВУ Украины), архиве Управления службы безопасности Украины в Одесской области (далее – Архив УСБУ в Одесской области), Государственном архиве Одесской области (далее – ГАОО), в Институте искусствоведения, фольклористики и этнологии им. Рыльского НАН Украины (далее – ИИФЭ) и Институте рукописи Национальной библиотеки Украины им. В.И. Вернадского (далее – ИР НБУВ).

В ЦГАВОВУ Украины в фонде Народного комиссариата просвещения сконцентрированы материалы по организации народного образования, открытию национальных учебных заведений и о содержании их работы в межвоенный период. Заслуживает внимания дело «Протоколы заседаний методологической подкомиссии немецкого бюро Совета национальных меньшинств Наркомпроса УССР, выписки из протоколов бюро Одесской комиссии краеведения при Всеукраинской академии наук» (далее – ВУАН)[1]. Интерес представляет подборка документов на немецком и русском языках (письма, отчеты и т. д.) о первой экспедиции известного германиста, лингвиста и литературоведа профессора В.М. Жирмунского в немецкие колонии Украины в 1926 г. вместе с его ассистентом А.Н. Штрёмом. В течение августа–сентября 1926 г. ими были обследованы 53 колонии в районе Екатеринослава, Мелитопольского и Одесского округов[2].

Эти экспедиции были важны не только для ленинградцев, но и для одесских ученых, которые считали Одессу «чрезвычайно благоприятным центром для организации научно-исследовательской работы в области изучения немецких колоний на Украине»[3]. Сразу

[1] ЦГАВОВУ Украины. Ф. 166. Оп. 6. Д. 9139.
[2] Там же. Л. 90.
[3] Там же. Л. 87б.

© В.В. СОЛОДОВА. ЕЖЕГОДНИК МАИИКРН. 2015 Г. № 1. С. 257–266.

после первой экспедиции у членов Одесской комиссии краеведения при ВУАН появилась идея создания секции этнографо-лингвистического изучения немецких колоний Степной Украины. Степная Украина – это Херсонщина, Екатеринославщина, Бессарабия, Крым и Кубань. Тогда же было решено для помощи в организации секции, по рекомендации профессора В.М. Жирмунского, пригласить А.Н. Штрёма. Предполагалось, что он возглавит ее. Эта идея рассматривалась параллельно с инициативой приглашения А.Н. Штрёма в Одессу в качестве преподавателя на немецкое отделение Одесского института народного образования, которая исходила от С.С. Дложевского – председателя Одесской комиссии краеведения при ВУАН[4]. Но в планы были внесены коррективы. А.Н. Штрём уехал работать на Хортицу (1927), где стал преподавать в Хортицком немецком педагогическом техникуме.

Совсем иной характер имеют документы, находящиеся в архиве Управления службы безопасности Украины по Одесской области. Это сформированное в 1933–1934 гг. архивно-следственное дело № 15879-п[5] в пяти томах. Оно содержит подробные протоколы допросов, показания обвиняемых, записанные собственноручно, протоколы очных ставок, многочисленные справки, ответы на запросы и т. п.

В деле о «контрреволюционной немецко-фашистской организации», включавшем в начале 12 человек, со временем произошли изменения. Расширились территориальные и хронологические рамки – дело стало охватывать 1931–1942 гг.; добавились новые подозреваемые, обвиняемые, свидетели. Среди них – профессор Ленинградского университета В.М. Жирмунский, методист Наркомпроса Украины П.Я. Дейч, лингвист и этнограф Г.Г. Дингес и другие. Число проходивших по этому делу людей увеличилось до 99, из них 53 были осуждены[6]. Для всех обвинительное заключение начиналось одинаково, со слов: «В конце 1933 г. Одесским областным отделом ГПУ УССР была вскрыта и ликвидирована немецко-фашистская контрреволюционная организация <…>».

На стадии предварительного следствия проводились допросы, на которых многие из арестованных признавали себя виновными. Г.И. Бахман, преподаватель Цебриковской немецкой средней школы, был арестован 31 декабря 1933 г., первый допрос состоялся 5 января 1934 г., на шестой день после ареста. А.Н. Штрём, профессор Одесского немецкого педагогического института, был арестован 28 декабря 1933 г., а показания дал 15 января 1934 г., т. е. на 19-й день после своего пребывания в тюрьме. Такой временной разрыв между датой ареста и датой первого допроса свидетельствует, на наш взгляд, о сопротивлении следствию, отказе признавать вымышленные преступления.

Особенность показаний как источника заключается в том, что они дают возможность получить информацию биографического характера, сведения о преподавательской и исследовательской деятельности. Так, некоторые фрагменты собственноручных показаний Г.И. Бахмана, написанные четким и аккуратным почерком, воспринимаются как отчет об этнографической экспедиции 1927 г., в которой он вместе с В.М. Жирмунским принимал самое непосредственное участие: «Из Одессы мы выехали в Раштадт, где остановились у учителя Копп, который к нам вызвал кистера, и при его помощи вечером была собрана молодежь и с ней кистером было организовано пение религиозных и старинных песен»[7].

Подробное описание именно этой части экспедиционной поездки находим в книге Г.И. Бахмана «Поездка в немецкие колонии Березанского района» в переводе на русский язык М.Г. Арсеньевой и Н.Д. Светозаровой[8]. Получаем внешнее описание учителя: «<…> пятидесятилетний мужчина крепкого телосложения в одежде серого цвета и высоких русских сапогах, с виду больше походивший на крестьянина, чем на учителя», и кистера – «мужчина лет 45, в очках, со светлыми коротко подстриженными усиками», которого очень удивило, что изучают народные песни в колониях.

Из протокола допроса Г.И. Бахмана от 5 января 1934 г.: «Из Раштадта направились в Ватерлоо, где Жирмунский, по имеющемуся у него списку, остановился у баптистского проповедника. Здесь было сделано то же самое. То же и по другим колониям: Шпейер, Ландау, Катериненталь, Карлсруэ, Зульц, Иоганесталь, Рорбах и Вормс»[9]. Но начинались показания со слов: «Началом втягивания меня в контрреволюционную националистическую немецкую организацию отношу к 1927 г., когда инспектор Народного образования нацсектора УССР – Патак предложил мне сопровождать в качестве помощника профессора Жирмунского, который вызвал меня в Одессу для научной якобы поездки по немецким колониям Карл-Либкнехтовского района»[10].

Г.И. Бахман, описывая в своих показаниях поездку 1928 г. с В.М. Жирмунским по колониям Александергильф, Нейбург, Мариенталь, Францфельд, Фрейденталь, Мангейм, Эльзас, Зельцы, Кандель, Баден, Страсбург, Кассель, Глюксталь, Нейдорф, Бергдорф, акцентировал внимание на том, что В.М. Жирмунский приехал в Одессу непосредственно из Германии, из Берлина[11]. Действительно, в Германии Жирмунский изучал методику обработки, систематизации и хранения песенного фольклорного материала, разрабатывая при этом свои собственные исследовательские методы и используя их в этнографических экспедициях[12].

Во время поездок Бахман делал фотоснимки старых домов, землянок бедняков (в Касселе, Иоганнестале) и целые части сел. Впоследствии фотографии и негативы были им отправлены в Ленинград В.М. Жирмунскому. Обстоятельные подробности и детали его переездов по селам во время экспедиционных выездов при сопоставлении с другими архивными документами не оставляют сомнений в их достоверности. Однако все же существует разница между научным отчетом и показаниями на допросе, где арестованным навязывались многословные и расплывчатые формулировки, общие фразы. И это видно из показаний Бахмана: «<…> Я хочу себя очистить от всех гадостей, накопившихся во мне в связи с моей прошлой контрреволюционной деятельностью, и стать новым человеком, способным честно и искренне работать в пользу Советской власти, принимать самое активное участие в построении нового коммунистического общества, где подобные мне преступники будут явлением невозможным»[13].

Во многих показаниях арестованных упоминается имя В.М. Жирмунского. Он трижды подвергался кратковременным арестам: в 1933 г. (25 февраля – 24 марта), 1935 г. (16 марта – 17 мая) и 1941 г. (провел в тюрьме месяц) как «немецкий шпион». Но из «Справки о профессоре В.М. Жирмунском», составленной помощником прокурора Одесской области 26 августа 1968 г., следует, что профессор Ленинградского университета, член-корреспондент Академии наук арестовывался органами ОГПУ-НКВД дважды. Арест 1935 г. в этом документе не отражен.

Первый раз В.М. Жирмунский был арестован ОГПУ Ленинградской области 25 февраля 1933 г. как участник и руководитель контрреволюционной фашистской организации, существовавшей среди студенчества и творческих работников Ленинграда. По этому делу Жирмунский содержался под стражей до 22 марта 1933 г., затем был освобожден под подписку о невыезде, а 20 апреля 1933 г. дело прекратили за «неустановлением виновности». По существу дела Жирмунский не допрашивался, и об-

[4] ЦГАВОВУ Украины. Ф. 166. Оп. 6. Д. 9139. Л. 87б.
[5] Архив УСБУ в Одесской области. Ф. П. Д. 15879-п.
[6] Там же. Т. 5. Л. 1–9.
[7] Там же. Т. 1. Л. 13.
[8] *Светозарова Н.Д.* Герман Бахман и его книга «Поездка в немецкие колонии Березанского района». – СПб.: Нестор-История, 2015. – С.43–44.

[9] Архив УСБУ в Одесской области. Ф. П. Д. 15879-п. Т. 1. Л. 13.
[10] Там же.
[11] Там же. Л. 14.
[12] *Пузейкина Л.Н.* Немцы в Санкт-Петербургской губернии: история, язык, песни. – СПб.: Нестор-История, 2013. – С. 156.
[13] Архив УСБУ в Одесской области. Ф. П. Д. 15879-п. Т. 1. Л. 39.

винение ему не предъявлялось. Дело о многочисленных участниках этой организации пересмотрено и постановлениями Президиума Ленинградского городского суда от 30 января 1958 г., 18 апреля 1958 г., 26 декабря 1958 г. и 28 августа 1959 г. производством прекращено за отсутствием состава преступления.

Вторично Виктор Максимович был арестован 5 октября 1941 г. Управлением НКВД по Ленинградской области как один из руководителей «контрреволюционной националистической немецкой организации», которая «по заданию немецких разведывательных органов подготавливала повстанческие кадры для борьбы с Советским Союзом». На следствии Жирмунский виновным себя не признал, хотя и не отрицал того, что по роду службы поддерживал связи с некоторыми лицами, впоследствии репрессированными органами советской власти. В числе таких лиц по Одесской области он назвал Г.И. Бахмана и А.Н. Штрёма[14].

В постановлении на арест В.М. Жирмунского была приведена выдержка из показаний Г.И. Бахмана от 5 января 1934 г., который назвал Жирмунского «руководителем и организатором националистической контрреволюционной организации немцев по всему Советскому Союзу, и главным образом на Украине»[15]. Постановлением от 5 ноября 1941 г. УНКВД по Ленинградской области дело в отношении В.М. Жирмунского производством прекращено за недоказанностью, и он из-под стражи был освобожден[16].

Из материалов дела следует, что одни характеризовали Жирмунского как ученого, который объезжал немецкие колонии Одесского округа в целях историко-лингвистического исследования[17], а другие свидетельствовали, что он совершал поездки только с разведывательной целью и под видом научной работы занимался националистической агитацией[18].

В деле хранится документ, связанный уже с реабилитационными процессами. Это письмо академика В.М. Жирмунского, заверенное круглой печатью Института языкознания АН СССР, прокурору Одесской области на его запрос от 13 сентября 1968 г.[19] Академик дал подробную характеристику профессорам А.Н. Штрёму и Р.К. Миквицу, а также преподавателю Г.И. Бахману, каждого из них характеризовал только с лучшей стороны[20]. Больше всего Жирмунский писал о А.Н. Штрёме как о своем ученике, талантливом молодом ученом: «По происхождению он был ленинградский немец, из семьи сильно обрусевшей, без каких-либо признаков специфического немецкого национального шовинизма». «Я был очень удивлен, когда узнал о его аресте, и хотел бы надеяться, что новое рассмотрение обстоятельств его дела приведет к его политической реабилитации»[21]. Реабилитация для всех 12 участников этого дела наступила 25 декабря 1968 г., согласно постановлению президиума Одесского областного суда[22].

26 февраля 1934 г. постановлением Судебной тройки при Коллегии ГПУ УССР А.Н. Штрём был осужден за «принадлежность к руководству контрреволюционной немецко-фашистской организации, где наряду с широкой вербовочной и разведывательной деятельностью, активно участвовал в проработке вопросов, связанных с усилением деятельности организации и ее тактических действий» по ст. 54–6 УК УССР к заключению в ИТЛ на 5 лет, с дополнительной формулировкой: «Досрочное освобождение нежелательно»[23].

[14] Архив УСБУ в Одесской области. Ф. П. Д. 15879-п. Т. 5. Л. 101.
[15] Там же. Т. 1. Л. 19; Т. 5. Л. 103.
[16] Там же. Т. 5. Л. 103.
[17] Там же. Т. 1. Л. 44, 75.
[18] Там же. Т. 2. Л. 29.
[19] Там же. Т. 5. Л. 174–177.
[20] Там же.
[21] Там же. Л. 176.
[22] Там же. Л. 201–202 об.
[23] Там же. Т. 1. Л. 116.

Центральными фигурантами дела по «немецкой националистической контрреволюционной организации», вокруг которых начались хитросплетения следствия, были одессит Г.И. Таубергер, арестованный еще в 1931 г., и так называемые «фашистские эмиссары»[24] Георг Лейббрандт и Леопольд Поппер.

Г.И. Таубергер известен как председатель немецкой секции Одесской комиссии краеведения при ВУАН, созданной в ноябре 1926 г. при участии и содействии Жирмунского[25]. Из-за отсутствия постоянного помещения члены секции хранили у себя дома различные документы и материалы. Основную часть служебного архива составляла переписка с заграничными организациями, в частности, с Немецким зарубежным институтом (Deutsches Ausland-Institut) (Штутгарт). От Таубергера архив перешел к Р.К. Миквицу, а от него – к А.Н. Штрёму[26].

Георг Лейббрандт был выходцем из колонии Гофнунгсфельд (совр. с. Ленино Фрунзовского района Одесской обл.), служил переводчиком в германской оккупационной администрации в 1918–1919 гг., в 1920 г. эмигрировал в Германию. Позже неоднократно приезжал в Советский Союз для изучения истории немецких колоний в Причерноморье. Свою деятельность он проводил через Всесоюзное общество культурной связи с заграницей (ВОКС).

Официально в задачи ВОКС входило ознакомление общественности СССР с достижениями культуры зарубежных стран и популяризация культуры народов Советского Союза за границей, содействие развитию и укреплению дружбы и взаимопонимания между народами СССР и других стран. Реально организация была тесно связана с ГПУ-НКВД и служила для контроля над культурными связями СССР с внешним миром, сбора информации о приезжающих в страну иностранцах и распространению коммунистической пропаганды за пределами СССР.

В «деле с отчетами и дневниками отдела по приему иностранцев за 1929 и 1930 гг.» фонда ВОКС Государственного архива Российской Федерации имеется «дневник по приему иностранцев за 17 сентября 1929 г.», где значится: «18. Лейббрандт. Германия. Посетил Кремль»[27]. Только в документах не зафиксировано, с кем в Кремле у Г. Лейббрандта состоялась встреча. В Кремль он был допущен как гражданин Германии, сотрудник Исследовательского института при Лейпцигском университете, который приехал для переговоров с советскими учеными об их сотрудничестве в энциклопедии, истории и культуре немцев, живущих за пределами Германии. Поэтому закономерно, что в круг его научных интересов попали такие ученые, как В.М. Жирмунский, С.С. Дложевский, А.Н. Штрём, Р.К. Миквиц и другие. Пребывание Г. Лейббрандта на территории Советского Союза и его «связи с советскими гражданами» контролировались органами ОГПУ[28].

Имя Лейббрандта было ключевым в показаниях практически каждого, кто проходил по процессу 1933–1934 гг., так же как и Л. Поппера. Леопольд Поппер (1878–?), художественный руководитель Одесского немецкого рабоче-колхозного театра, был выслан из УССР в марте 1934 г.[29] Мотивировка: активная разведывательная и контрреволюционная деятельность. Он был объявлен немецким шпионом (учли его австрийское подданство), а позже к этому добавилась принадлежность к «Национальному союзу немцев Украины». В вину ставилась и организация театра, во время гастролей которого у Поппера была возможность «проводить контрреволюционную деятельность по созданию повстанческих групп в немецких колониях области»[30].

[24] Архив УСБУ в Одесской области. Ф. П. Д. 15879-п. Т. 1. Л. 186.
[25] *Солодова В.* Этнографические направления деятельности Одесской комиссии краеведения (1923–1931) // Вісн. Одеськ. істор.-краєзнавч. музею. – Вып. 5. – Одесса: Астропринт, 2008. – С. 6–12.
[26] Архив УСБУ в Одесской области. Ф. П. Д. 15879-п. Т. 1. Л. 41.
[27] Там же. Т. 5. Л. 66.
[28] Там же. Л.183.
[29] ГАОО. Ф. Р-8065. Оп. 2. Д. 5752. Л. 74 об.
[30] Там же. Д. 3845. Л. 164.

1933–1934 гг. – время массовых арестов «фашистской агентуры» в немецких национальных районах Одесщины. «Агентурой» клеймили городских и сельских жителей, получавших из Германии денежную и продовольственную помощь, общавшихся с дипломатами, иностранными специалистами, такими как Л. Поппер, Г. Лейббрандт. Поездки в немецкие колонии Юга Украины с целью изучения культуры, быта, взаимовлияния языка, новых обычаев, праздников рассматривались только с диверсионной, «разжигательной», националистической позиции.

В архивах Украины хранятся документы, связанные с деятельностью еще одного ленинградского ученого-этнографа, который тоже занимался исследованием немецких колоний, – Е.Г. Кагарова (1883–1942). Его обошли репрессии, но его научная деятельность первой трети XX в. оказалась связанной с Этнографической комиссией ВУАН, действительным членом которой он был с 1926 г. Поэтому объектом нашего исследования стали научные фонды Института искусствоведения, фольклористики и этнологии им. М.Ф. Рыльского НАН Украины, где сосредоточена большая часть архива Этнографической комиссии ВУАН (1920–1931). Это обстоятельство определило характер и хронологические рамки документов, связанных с деятельностью Е.Г. Кагарова.

В основном это рукописи статей и рецензий на русском, украинском, немецком, французском языках, предназначавшиеся для публикации в «Етнографічному віснику» – издании ВУАН на протяжении 1926–1930 гг. Они составляют значительный пласт – это 40 единиц хранения, вместе с биографическими материалами и отчетами о командировках (1929–1930). Отчеты о командировках в немецкие колонии Поволжья и Ленинградской области представляют интерес, так как помогают реконструировать быт советских немцев, с одной стороны, а с другой – определить вклад Е.Г. Кагарова в изучение немецкого населения СССР.

Благодаря исследованиям И.В. Черказьяновой известно, что экспедиция Кагарова в Республику немцев Поволжья 1929 г. существенно отличалась от изучения колоний под Ленинградом[31]. И связано это было с финансированием. Академия наук СССР не выделила средств на эту работу и даже не выдала ученому командировочное удостоверение, ему был разрешен только отпуск на это время. На руках у Кагарова имелся лишь открытый лист Этнографической комиссии ВУАН, выданный 20 мая 1930 г., срок которого истекал 1 октября 1930 г.

Черновик отчета о поездке в ленинградские немецкие колонии, составленный для ВУАН летом 1930 г., который хранится среди других документов Кагарова в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки (РНБ), дал основание Черказьяновой предположить, что чистовой вариант можно попытаться найти в архиве Академии наук Украины[32].

Действительно, отчет Е.Г. Кагарова о поездках летом 1930 г. на трех машинописных листах хранится в научных фондах ИИФЭ[33]. Его содержание близко к имеющимся в Отделе рукописей РНБ черновым записям. Однако он более лаконичен, отсутствуют детали (даты поездки в колонии, статистические сведения). Из фамилий жителей автор отметил только «дом Эргардтов» как пример проявления религиозного синкретизма, рассматривая его как возможность установления законов распространения культурных явлений в новой социальной среде[34].

Несмотря на то что этнографические исследования немецких колоний Ленинградской области не были такими масштабными, как в Поволжье, подход ученого оставался

[31] *Черказьянова И.В.* Ленинградский период деятельности Е.Г. Кагарова: вклад в изучение этнографии немцев СССР // Харківськ. історіографіч. збірник. – Вып. 13. – Харьков: Харьковск. нац. ун-т им. В.Н. Каразина, 2014. – С. 188–195.

[32] Там же. – С. 193.

[33] ИИФЭ. Ф. 1-4. Д. 232. Л. 1–3.

[34] Там же. Л. 3.

Схема немецких поселений под Ленинградом, составлена Е.Г. Кагаровым для проведения обследований летом 1930 г.

Из фондов Института искусствоведения, фольклористики и этнологии им. Рыльского НАН Украины (Киев)

прежним[35]. В архивном деле сохранилась карта колоний, которые Кагаров запланировал и смог обследовать[36]. Она выполнена на плотной, прозрачной бумаге с миллиметровой сеткой, с полями, в масштабе 1:126 000. Контуры населенных пунктов и надписи сделаны черной тушью. Синим цветом выделены реки и озера. На карту нанесены наименования населенных пунктов (отмечены простым карандашом). Красным карандашом закрашены те колонии, которые Кагаров обследовал: Гражданка, Янино, Ново-Саратовка, Овцыно, Средняя Рогатка, Стрельна (частично). Ораниенбаумская и Кронштадтская колонии обозначены только «жирными» точками красного цвета. На нижнем поле справа надпись: «Чертил Е. Кагаров».

Во время экспедиционных выездов им проводилась фотофиксация населенных пунктов и отдельных домов. В научном архиве ИИФЭ хранятся 16 фотографий ленинградских колоний: Ново-Саратовки (5)[37], Гражданки (8)[38] и Ораниенбаума (3)[39]. Каждая из фотографий проаннотирована на немецком языке. К сожалению, от времени они поблекли и выцвели. Три из них – по Ораниенбаумской колонии – стали доступны бла-

[35] *Черказьянова И.В.* 1) Указ. соч. – С. 194; 2) Е.Г. Кагаров и П.Г. Пеннер: историография и новые источники по этнографии российских немцев // Два с половиной века с Россией: актуальные проблемы и дискуссионные вопросы истории и историографии российских немцев: Материалы 14-й Междунар. науч. конф., Кисловодск, 25–29 сент. 2013 г. – М.: МСНК-пресс, 2014. – С. 107.

[36] ИИФЭ. Ф. 1-8. Д. 891. Л. 1.

[37] Там же. Д. 893.

[38] Там же. Д. 894.

[39] Там же. Д. 892.

Уборка сена в Ораниенбаумской колонии. 28 июля 1930 г. Фото Е.Г. Кагарова

Из фондов Института искусствоведения, фольклористики и этнологии им. Рыльского НАН Украины (Киев)

годаря публикации украинских исследователей[40], так же как и «Отчет о командировке Е.Г. Кагарова в АССР НП летом 1929 г.»[41]. Однако в части описания и характеристики документов авторы допустили неточность. Они указали, что в архивных делах №№ 231 и 232 фонда Этнографической комисссии хранятся отчеты по экспедициям 1929 и 1930 гг. в АССР НП[42]. В то время как в архивном деле № 231 находится «Отчет о командировке Е.Г. Кагарова в АССР НП летом 1929 г.»[43], а в архивном деле № 232 – отчет о поездках в ленинградские колонии 1930 г.[44]

Материалы о деятельности Этнографической комиссии ВУАН хранятся и в Институте рукописи Национальной библиотеки Украины им. В.И. Вернадского . В фонде Архива ВУАН обнаружено несколько статей и рецензий Е.Г. Кагарова за 1927–1930 гг.[45] Особую группу части научного наследия Кагарова в Украине составляют его письма. Условно их можно разделить на две группы. К первой группе, и как более ранние, относятся письма за 1905–1911 гг.[46] Они адресованы профессору Э.Р. Штерну – научному руководителю Кагарова во время его обучения не только в Новороссийском университете, но и в период «официального командирования с научной целью за границу»[47].

Примечательно, что переписка между Кагаровым и Штерном не ограничивалась научными обсуждениями и консультациями по составлению отчетов и написанию статей. Это переписка между учителем и учеником, построенная на очень доверительных человеческих отношениях. И однажды ученик «переступил» эту грань. Кагаров написал письмо на немецком языке, желая тем самым еще больше расположить к себе профессора: он просил о продлении срока его пребывания за границей еще на полгода и увеличении стипендии. Не дождавшись ответа от Штерна, он со своей просьбой в конце 1911 г. обратился напрямую к А.А. Павловскому – декану историко-филологического факультета императорского Новороссийского университета в Одессе. Об этом

[40] *Шевчук Т., Новійчук В.* Євген Кагаров і українська фольклористика 1920-х років // Народна творчість та етнографія. – Киев, 2007. – № 2. – С. 38–46.

[41] Там же. С. 42–43.

[42] Там же. С. 41.

[43] ИИФЭ. Ф. 1-4. Д. 231.

[44] Там же. Д. 232.

[45] ИР НБУВ. Ф. X. Д. 12 137, 12 138, 12 139, 12 140, 15 093–15 094, 15 122–15 124, 15 153.

[46] Там же. Ф. V. Д. 2331–2341.

[47] *Березин С.* Новые материалы к биографии Е.Г. Кагарова // Одіссос: актуальні проблеми історії, археології та етнології. – Одесса: Одес. нац. ун-т им. И.И. Мечникова, 2009. – С. 229.

стало известно Э.Р. Штерну, и он не замедлил высказать свое недовольство ученику. Особенно его возмутило, что письмо было написано на немецком, а не на русском языке. Но в конечном итоге профессор поддержал продление заграничной командировки[48] Кагарова, а этот случай не повлиял на их добрые отношения в дальнейшем.

Блок писем украинским адресатам можно отнести ко второй группе и характеризовать как эпистолярную фольклористику. Переписка с председателем Этнографической комиссии В.П. Петровым свидетельствует об активном периоде сотрудничества Кагарова с ВУАН, и касалась новых очередных публикаций[49]. Петров, будучи сам историком и литературоведом, всегда интересовался планами Кагарова. Осенью 1926 г., узнав, что последний готовит библиографический обзор немецких трудов по этнографии в школе, обратился к Е.Г. Кагарову с просьбой подготовить статью о школьной этнографии в Германии, на что получил его согласие[50].

Среди украинских адресатов Кагарова в 1920-е годы были не только глава Этнографической комиссии ВУАН В.П. Петров и профессор Киевской духовной семинарии, архимандрит Т.И. Лященко[51], но и украинский фольклорист и этнограф В.Г. Кравченко (1862–1945)[52].

Самые поздние документы, связанные с именем ученого и датируемые 1931 г., хранятся в ИИФЭ. Это несколько вариантов его автобиографии на русском и немецком языках, которые он отправил по просьбе Этнографической комиссии в связи с 25-летием своей научно-педагогической деятельности. К автобиографии Кагаровым был добавлен и полный перечень его 412 научных работ, из которых 230 – это статьи и книги, и 182 – рецензии[53]. В этом перечне под № 200 указаны его работы: 1) Материалы по этнографии немцев Поволжья // Доклады АН СССР. Л., 1929. № 13. С. 283–286; № 14. С. 262–269; 2) К этнографии немцев Поволжья // Доклады АН СССР. Л., 1929. № 15.

Эти публикации подвели итоговую черту под этнографическими исследованиями 1920–1930-х годов. Переориентация в национально-культурной политике государства в начале 1930-х годов на пропагандистскую деятельность обусловила усиление террора против деятелей науки и культуры. Это привело к значительным потерям среди высококвалифицированных кадров, в т.ч. и среди тех, кто стоял у истоков этнографического изучения советских немцев.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Архив Управления службы безопасности Украины в Одесской области. Ф. П. Д. 15879-п. Т. 1–5.
2. *Березин С.* Новые материалы к биографии Е.Г. Кагарова // Одіссос: актуальні проблеми історії, археології та етнології. – Одесса: Одес. нац. ун-т им. И.И. Мечникова, 2009. – С. 228–232.
3. Государственный архив Одесской области. Ф. Р-8065. Оп. 2. Д. 3845, 5752.
4. Институт искусствоведения, фольклористики и этнологии им. Рыльского НАН Украины. Ф. 1-1. Д. 5; Ф. 1-4. Д. 231–233; Ф. 1-8. Д. 891–894; Ф. 15-4. Д. 417.
5. Институт рукописи Национальной библиотеки Украины им. В.И. Вернадского. Ф. X. Д. 12137–12140, 15093, 15094, 15122, 15124, 15153; Ф. V. Д. 2331–2341; Ф. 216. Д. 580–581.
6. *Пузейкина Л.Н.* Немцы в Санкт-Петербургской губернии: история, язык, песни. – СПб.: Нестор-История, 2013. – 384 с.

[48] ИР НБУВ. Ф. V. Д. 2338.

[49] ИИФЭ. Ф. 1-1. Д. 5.

[50] Там же. Л. 3, 5.

[51] ИР НБУВ. Ф. 216. Д. 580–581.

[52] ИИФЭ. Ф. 15-4. Д. 417.

[53] Там же. Ф. 1-4. Д. 233.

7. *Светозарова Н.Д.* Герман Бахман и его книга «Поездка в немецкие колонии Березанского района». – СПб.: Нестор-История, 2015. – 142 с.
8. *Солодова В.[В].* Этнографические направления деятельности Одесской комиссии краеведения (1923–1931) // Вісн. Одес. істор.-краєзнавч. музею. – Вып. 5. – Одесса: Астропринт, 2008. – С. 6–12.
9. *Черказьянова И.В.* Е. Г. Кагаров и П.Г. Пеннер: историография и новые источники по этнографии российских немцев // Два с половиной века с Россией: актуальные проблемы и дискуссион. вопросы истории и историографии рос. немцев: Материалы 14-й Междунар. науч. конф., Кисловодск, 25–29 сент. 2013. – М.: МСНК-пресс, 2014. – С. 94–121.
10. *Черказьянова И.В.* Ленинградский период деятельности Е.Г. Кагарова: вклад в изучение этнографии немцев СССР // Харківськ. Історіографіч. збірник. – Вып. 13. – Харьков: Харьсковск. нац. ун-т им. В.Н. Каразина, 2014. – С. 180–203.
11. Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины.
12. *Шевчук Т., Новійчук В.* Євген Кагаров і українська фольклористика 1920-х років // Народна творчість та етнографія. – Киев, 2007. – № 2. – С. 38–46.

Leningrader Wissenschaftler und ihr Beitrag zur ethnografischen Untersuchung der Sowjetdeutschen an der Schwelle der 1920er und 1930er Jahre

V. V. Solodova

In dem Aufsatz wird das Wirken der Leningrader Wissenschaftler betrachtet, die an den Anfängen der Untersuchung von Geschichte, Ethnografie und Folklore der Sowjetdeutschen standen. Besondere Aufmerksamkeit wurde den ethnografischen Expeditionen durch deutsche Siedlungen im Süden der Ukraine und im Gebiet Leningrad (1926–1930) sowie dem Professoren- und Lehrerkollegium am Deutschen Lehrerbildungsinstitut Odessa gewidmet. Reflektiert werden auch die Massenverhaftungen innerhalb des „faschistischen Agentennetzes“ als eine Folge des zunehmenden Terrors gegen Wissenschaftler und Kulturschaffende zu Beginn der 1930er Jahre.

Schlüsselwörter: E. G. Kagarov, V. M. Žirmunskij, Sowjetdeutsche, Ethnografie, Leningrad, Odessa, Gesamtukrainische Akademie der Wissenschaften, Repressalien, Deutsches Lehrerbildungsinstitut Odessa.

Leningrad scientists and their contribution to the ethnographic study of the Soviet Germans at the turn of 1920–1930

V.V. Solodova

The article deals with the activities of the Leningrad scientists, who have launched the study of history, ethnography and folklore of the Soviet Germans. Special attention is paid to the ethnographic expeditions to the German settlements of the South Ukraine and of Leningrad region (1926–1930); to the academic staff of the Odessa German Pedagogical Institute. Mass arrests of “Nazi agents”, as a result of amplification of terror against the scientists and culture professionals in the early 1930s, are described.

Keywords: Kagarov E.G., Zhirmunsky V.M., the Soviet Germans, ethnography, Leningrad, Odessa, All-Ukrainian Academy of Sciences, repressions, Odessa German Pedagogical Institute.

УДК 398.8 (=30) (477)

Н.Д. Светозарова

Язык, песни и быт немецких колоний на Украине глазами писателя-колониста*

В статье рассказывается о книге немецкого учителя и писателя Германа Бахмана (1888–1951), который описал в виде путевых заметок одну из фольклорно-диалектологичских экспедиций В.М. Жирмунского в немецкие колонии Украины.

Ключевые слова: диалектология, островные диалекты, фольклор, немецкие колонии на Украине.

В истории изучения языка, фольклора и быта немецких колонистов в России есть один удивительный документ, связанный с экспедициями академика Виктора Максимовича Жирмунского. Это книга учителя, музыканта и писателя Германа Бахмана «Поездка в немецкие колонии Березанского района»[1], написанная им непосредственно после одной из экспедиций 1927 г.

Фольклорно-диалектологические экспедиции Жирмунского в немецкие колонии Ленинградской области, Украины, Крыма и Закавказья, проведенные им и его учениками в 1926–1930 гг. и принесшие богатейшие научные материалы, долгое время оставались практически забытыми и лишь в последнее время стали предметом интенсивных исследований[2]. В ходе этой работы было обращено внимание на небольшую книжку, написанную участником одной из поездок в украинские немецкие колонии.

Книгу Бахмана как литературное произведение нельзя считать полностью забытой. В 1929 г. она была опубликована на немецком языке в Харькове, в серии «Библиотека для крестьян», она упоминается в публикациях Жирмунского 1920–1930 гг., позднее она была переиздана в Германии[3], переведена на английский язык[4]. Однако подлинное ее значение как факта истории науки открывается только сейчас в процессе работы над сохранившимися архивными материалами. Этот анализ был предпринят в публикации автора данной статьи «Герман Бахман и его книга „Поездка в немецкие колонии Березанского района“»[5].

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ проекта («Германистические архивы в Санкт-Петербурге. Научная обработка архива В.М. Жирмунского в СПФ АРАН») (№ 13-04-00369).

1 *Bachmann H.* Durch die deutschen Kolonien des Beresaner Gebietes. – Charkow: Zentralverlag, 1929.

2 См., например: *Светозарова Н.Д.* 1) «Архив немецкой народной песни в Ленинграде» В.М. Жирмунского: история и современное состояние // Язык и речевая деятельность. – СПб., 1999. – Т. 2. – С. 212–221; 2) Фольклорно-диалектологические экспедиции В.М. Жирмунского и его «Архив немецкой народной песни» // Рус. германистика. Ежегодник Рос. союза германистов. – Т. 2. – М., 2006. – С. 137–147; 3) Творческое наследие В.М. Жирмунского и его учеников в архивах Петербурга (фольклорно-диалектологические материалы) // Миллеровские чтения. К 285-летию Архива Российской академии наук. – СПб.: Нестор-История, 2013. – С. 401–415.

3 *Bachmann H.* Durch die deutschen Kolonien des Beresaner Gebietes. Kolonischtegschichtla / Bearb. und mit einem Vorwort versehen von Joseph Schnurr. – Stuttgart: Verlag Volk auf dem Weg, 1974.

4 *Bachmann H.* Through the German Colonies of the Beresan District and Colonist Tales / Foreward by Joseph Schnurr, Translated with Commentaries by Roland Wagner, Ph.D., Germans from Russia Heritage Collection, North Dakota State University Libraries. – Fargo, North Dakota, 2003. – 203 p.

5 *Светозарова Н.Д.* Герман Бахман и его книга «Поездка в немецкие колонии Березанского района». – СПб.: Нестор-История, 2015. – 142 с.

© Н.Д. СВЕТОЗАРОВА. ЕЖЕГОДНИК МАИИКРН. 2015 Г. № 1. С. 267–275.

Это вышедшее в свет в 2015 г. издание содержит перевод книги Бахмана на русский язык с подробными комментариями и приложениями, позволяющими соотнести живое и образное слово писателя с фактическими материалами, хранящимися в архивах Санкт-Петербурга: экспедиционными тетрадями, фотографиями, полными текстами песен, нотировками их мелодий, сведениями об исполнителях[6].

Участниками экспедиционных поездок Жирмунского, собирателями фольклорного и диалектного материала, были филологи. Поэтому отдельные наблюдения по таким вопросам, как бытование фольклора или отношение колонистов к литературному языку и диалектам, можно найти и в других документах того времени: в публикациях самого Жирмунского и его учеников – участников экспедиций. Таковы недавно введенные в научный оборот «Воспоминания» Татьяны Викторовны Сокольской (Строевой)[7] и дипломная работа Льва Рафаиловича Зиндера[8].

Книга Бахмана занимает в этом ряду особое место. Это путевые заметки, практически дневник, в котором его автор день за днем описывает работу собирателей, их общение с колонистами, трудности, с которыми они стакивались при сборе материала, дает яркие характеристики исполнителей песен, с добрым юмором пишет об отношении колонистов к тому, что они поют. Наряду с этим в книге содержатся прекрасные описания ландшафтов, строений, интерьеров, элементов колонистского быта, подтверждение которым можно найти в фотографиях, сделанных в этой поездке Жирмунским и Бахманом.

Экспедиции Жирмунского имели комплексный характер, одной из важных составных частей их были записи мелодий песен. Диалектные данные и фольклорные тексты записывались от руки собирателями-филологами и самими колонистами. Для фиксации мелодий использовалась технические средства того времени – фонографы. Однако носители записей – фоновалики и восковые пластинки – имелись в ограниченном количестве, поскольку были дороги и тяжелы, поэтому значительная часть мелодий записывалась на слух и хранилась в виде нотировок. Для этого были нужны специальные знания и умения. Ими обладал учитель музыки из немецкой школы в колонии Гросслибенталь Герман Бахман. И именно в таком качестве он и был приглашен Жирмунским к участию в экспедициях в немецкие колонии на Украине. Но, будучи писателем, Бахман не ограничился этим заданием, а описал свои впечатления от поездки в березанские колонии в виде живых и увлекательных путевых заметок.

Герман Бахман[9] родился 25 октября 1888 г. на Украине, в селе Бергдорф под Тирасполем. Он учился в частной гимназии в Дерпте. В 1912 г. с отличием закончил высшие куры германистики в Санкт-Петербурге. В 1912–1914 гг. преподавал в Анненшуле, затем в гимназии для мальчиков. В 1918–1930 гг. был школьным инспектором Гоффнунгтальского районного отдела народного образования и директором средней школы

[6] Экспедиционные материалы В.М. Жирмунского в настоящее время хранятся в С.-Петербургском филиале Архива РАН и в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. О содержании и структуре фондов см. *Пузейкина Л.Н., Светозарова Н.Д.* Архивное наследие В.М. Жирмунского. Ч. 1: Рукописный отдел ИРЛИ // Рос. немцы: Науч.-инф. бюл. – М., 2013. – № 2. – С. 16–19; *Пузейкина Л.Н., Светозарова Н.Д.* Архивное наследие В.М. Жирмунского. Ч. 2: Фонограммархив ИРЛИ // Рос. немцы: Науч.-инф. бюл. – М., 2013. – № 3. – С. 7–10; *Найдич Л.Э., Светозарова Н.Д.* Диалектологический архив В.М. Жирмунского в Санкт-Петербурге. Научное значение и перспективы обработки // Теория и история герм. и роман. языков в соврем. высшей школе России: Материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. – Калуга, КГУ им. К.Э. Циолковского, 2013. – С. 37–41.

[7] *Строева (Сокольская) Т.В.* Воспоминания. – СПб.: Филол. фак-т СПбГУ, 2006. – 132 с.

[8] *Найдич Л.Э., Светозарова Н.Д.* Неизданная работа Л.Р. Зиндера (Предисловие и публикация) // Acta linguistica petropolitana. Тр. Ин-та лингв. исслед. – Т. II, ч. 1. – СПб.: Наука; Нестор-История, 2006. – С. 413–417.

[9] См. биографическую статью: *Энгель-Браунштидт А.* Бахман Герман // Немцы в России: Энцикл. – Т. 1: А–И. – М.: ЭРН, 1999. – С. 133–134. Подробнее о жизни и судьбе писателя см. в названной выше книге Н.Д. Светозаровой.

в колонии Гросслибенталь. Бахман изучал традиции и быт немецких крестьян. Эта тематика воплотилась в его юмористических рассказах „Kolonischtegschichtla“ и пьесах „Brutapparat“ («Инкубатор») и „Der Zweikampf“ («Поединок»). Он был одним из ведущих сотрудников немецкой секции Всеукраинского союза пролетарских писателей „Pflug“ (Плуг), печатался в его журнале „Der Sturmschritt“, занимался теорией литературы, оказывал значительное влияние на культурную жизнь немецких колоний. Признанный знаток немецкого языка и его диалектов, Бахман в 1930 г. был приглашен учителем немецкого языка и литературы в образцовый педагогический техникум в Хортице. В 1933 г. он вернулся в Гросслибенталь и 31 декабря того же года был арестован по обвинению в «искажении классовой борьбы в колониях немцев в России». Его обвинили в участии в «немецко-фашистской контрреволюционной организации, имевшей целью насаждение повстанческих ячеек, отрыв немецкого населения от советизации, проведение вредительски-диверсионной деятельности и подготовку вооруженного восстания против советской власти». Руководителями организации были определены профессора Одесского пединститута Р. К. Миквиц, А. Н. Штрём (ученик Жирмунского и участник его экспедиций, погибший в ссылке), заведующий отделом центральной научной библиотеки Г.Д. Штейнванд. По делу проходили и другие преподаватели одесских вузов и школ. Все были осуждены на сроки от 3 до 5 лет. Бахман был сослан в Карелию, где проработал два года. После освобождения он был лишен возможности работать по специальности. Во время Великой Отечественной войны находился на оккупированной территории Украины. С отступавшими германскими войсками переехал в Германию. В Вуппертале соединился со своей семьей, с 1948 г. занимался переводческой деятельностью. Скончался 14 марта 1951 г. в городе Вупперталь-Эльберфельд.

В.М. Жирмунский (третий справа) и Г. Бахман (второй справа) с сельскими жителями. Колония Ватерлоо, август 1927 г.

Из семейного архива А.В. Жирмунской и В.В. Аствацатуровой-Жирмунской

Во время летней экспедиции 1927 г. Жирмунский и Бахман объехали 11 колоний Березанского района на юге Украины, в результате чего записали большое количество песен и диалектных материалов, сделали несколько десятков фотографий. Все это писатель отразил в своей книге.

Структура книги соответствует жанру путевых заметок. Она состоит из коротких предисловия и заключения и 11 глав, названия которых следуют маршруту поездки. Названия всех глав, за исключением одной, представляют собой названия колоний: 1. Раштатт; 2. Ватерлоо; 3. Шпайер; 4. Ландау; 5. Катариненталь; 6. От Катаринеталя через Карлсруэ; 7. Портретные зарисовки; 8. Зульц; 9. Иоганнисталь; 10. Рорбах; 11. Вормс.

Почти все эти деревни Веселиновского района Николаевской области существуют и сейчас, но носят русские или украинские названия, лишь некоторые из которых содержат напоминания об изначальных немецких названиях, а населявшие их когда-то немцы во время Второй мировой войны были депортированы. Раштат (Rastatt) – это Поречье, Ватерлоо (Waterloo) – Ставки, Шпайер (Speyer) – Песчаный Брод, Ландау (Landau) – Широкий Лан, Катариненталь (Katharinental) – Катериновка, Карлсруэ (Karlsruhe) – Степовое, Зульц (Sulz) – Веселое (не существует), Иоганисталь (Johannistal) – Ивановка, Рорбах (Rohrbach) – Новосветловка, Вормс (Worms)– Виноградовка.

Описание Бахмана образное и одновременно документально точное. Сравнение текста книги с архивными материалами позволяет в ряде случаев уточнить и дополнить текст, например, восстановить имена певцов и названия песен. Вот один из эпизодов, описывающих процесс записи песенного фольклора:

«На следующее утро профессор пошел в находившуюся поблизости колонию Мюнхен, чтобы там продолжить знакомство с диалектами, я же отправился к одному из главных певцов. Он пригласил меня в свою бедно обставленную комнатку, достал гармонь, и, сев на стул и рывком поставив ее на одно колено, сыграл нечто вроде вступления. Когда он растягивал меха, они кричали как утка в минуту опасности, а при сжатии скулили, как живое существо, умоляющее о пощаде и снисхождении. После такой трагически-мощной прелюдии певец принял соответствующую позу и запел песенку «Чья она, эта ленивица Гретель». По моей просьбе он потом повторил ее, предложение за предложением, а я записывал текст и мелодию»[10].

Сохранившиеся в архиве Жирмунского реестры (UIX и UVII) позволяют восстановить имя певца – Адам Ашбергер (Adam Aschberger), а в текстовой части архива Жирмунского имеется и полный текст песни „Wer das faule Gretchen hat“.

Вот еще один эпизод, описанный Бахманом: «Вскоре вернулся и наш хозяин. Из разговора с ним я случайно узнал, что один мой бывший одноклассник и друг, который был родом из Рорбаха, тут сейчас и живет. Я сразу же отправился к нему. Оказалось, что его 17-летняя дочка – страстная любительница исполнять народные песни. „Пятьсот тысяч отправились на маневры“, „Мой самый-самый любимый“, „В одном городке, в мрачной долине“, эти песни девушка тут же спела для меня, и я записал мелодии»[11].

Звали эту девушку из колонии Ватерлоо Аврора Штрассер (Aurora Strasser) и было ей, согласно записи в реестре, действительно, 17 лет. Спетые ею песни представляют разные жанры, систематизированные в собрании Жирмунского:

- солдатская песня *Fünfmalhunderttausend Mann, die zogen ins Manöver*,
- лирическая песня *Allherzensliebster mein, wann kommst du wieder heim?*
- баллада *In einem Städtchen, in einem finstern Tal*.

Очень интересны замечания Бахмана о репертуаре и характере исполняемых колонистами песен. «Большинство исполненных песен были народными песнями, которые пели еще в Германии, но значительно измененными. Однако несколько песен возникло уже в самом Раштатте. Такие песни парни пели неохотно, так как их содержание прямо касалось местных людей и событий. Так, здесь исполняют „Раштаттскую песню“, в которой поется про людишек, известных своими неблаговидными поступками»[12].

«Раштаттская песня» в собрании Жирмунского есть, она относится к группе М (Колонистские песни), и действительно, слова в ней не слишком лестные для жителей колонии. В ней шесть строф, а в комментариях собирателей говорится, что к возникшей в 1917 г. песне постоянно добавляются новые строфы, связанные с актуальными деревенскими событиями.

[10] *Светозарова Н.Д.* Герман Бахман и его книга. – С. 44.
[11] Там же. – С. 49.
[12] Там же. – С. 45.

Исполнителями песен были и солисты, имена которых восстанавливаются, благодаря сохранившимся реестрам, и хор крестьян. Бахман-музыкант дает интересное описание характера исполнения и манеры колонистского пения: «До сих пор в моих ушах звучит это пение во всех подробностях. Оно действительно звучало поистине по-колонистски. <…> Весь хор ведет запевала. Он один энергично поет первые слова строфы, затем песню мощно подхватывают остальные 6–8 певцов. Первый голос берет обычно так высоко, что возникает ощущение, что он вот-вот сорвется. Но с „хорошим“ запевалой такого не бывает. В том и состоит первое условие его славы, что он превосходит высотой тона всех обыкновенных людей. Второе важное условие, которое он должен выполнить, это превосходить всех своих певцов силой тона. А каждый из них в свою очередь старается достичь максимальной силы звучания. <…> Некоторые певцы обычно, после того как запевала протяжно пропоет последний звук строфы, еще раз сильным голосом повторяют последний слог. Да уж, кто хочет услышать настоящее колонистское пение, тот пусть едет в Ватерлоо, там оно звучит еще неискаженно»[13].

О том, какую большую роль в жизни колонистов играет пение, говорит следующий эпизод, описанный Бахманом. «Тут певцы стали делиться важными для них событиями из своей жизни. Самым интересным было „состязание певцов“ в Вознесенске на реке Буг.

К раштаттской компании молодых людей, собравшихся в Вознесенске в кабачке после уборки зерновых, присоединилась горстка крестьян из Катариненталя. Звон пивных бокалов сопровождался исполнением народных песен. Состязались в том, кто знает больше песен. После каждой песни катаринентальцев раштаттцы исполняли одну-две своих. Наконец, один катариненталец сунул руку в карман и бросил на стол червонец в знак признания поражения»[14].

Из записанного во время экспедиции 1927 г. фольклорного материала в песенном архиве Жирмунского имеются 33 песни на 19-ти восковых пластинках и названия 105 песен в нотировках Бахмана (сами нотировки пока не найдены, но удалось найти ту самую тетрадь, в которую Бахман записывал от руки тексты песен). О приблизительно таком же количестве записей сообщает и Жирмунский в своем отчете об экспедиции.

Бахман подробно описал и процесс записи на фонограф, и реакцию колонистов на звучание воспроизводимой мелодии: «Такого они никогда в жизни не видели. Профессор поставил на стол небольшой квадратный чемоданчик и открыл его. Под откинутой

Запись пения на фонограф. В центре у аппарата – В.М. Жирмунский, на первом плане с ручкой, предположительно, Г. Бахман. Молдавия, колония Бергдорф, сентябрь 1927 г.

Из семейного архива А.В. Жирмунской и В.В. Аствацатуровой-Жирмунской

[13] *Светозарова Н.Д.* Герман Бахман и его книга. – С. 51.
[14] Там же. – С. 45.

крышкой появился какой-то аппарат, выглядевший совсем как граммофон, только без раструба. Профессор достал из кармана ключ и стал заводить этот предмет, точно как граммофон. Парни молча, с удивлением следили за ним. Под конец профессор прикрепил еще и раструб, и аппарат оказался действительно граммофоном. <…> После того как певец кончил петь, профессор снял раструб, что-то покрутил в граммофоне, возвратил раструб на место, отпустил пружину и…

– Нет, это невероятно! Здесь что-то нечисто! Вы можете себе представить такое!? Ведь аппарат-то выдает обратно все, что он в него спел! И как точно: со всеми растяжками, да и со всем остальным <…>»[15]

Кроме песен Жирмунский и Бахман записывали также образцы диалектов. Примеры диалектной речи березанских немцев рассыпаны по всей книге Бахмана. Для облегчения понимания в конце он дал их перевод на литературный немецкий язык. В одной из глав писатель с юмором рассказывает о встрече профессора с «трудным языковым объектом».

«Старик уже ждал нас. По своему языку, по поведению и по одежде он был типичным представителем старшего поколения колонистов. Его гладко выбритое лицо светилось доброжелательностью. Когда профессор объяснил, что от него требуется, он отнесся к этому спокойно. *„Ну, если это нужно, значит нужно“*, казалось, подумал он. – „Переведите мне, пожалуйста, на ваш язык следующее предложение“, – сказал профессор, – „Im Winter fliegen die trockenen Blätter in der Luft herum“[16]. – „Ну что ж, это так и есть“. – „Хорошо, но как сказать это на вашем языке?“ – Ну, так мы и говорим, что они летают по воздуху. Это так, они и правда летают. – Ну, хорошо, но скажите мне, пожалуйста, это на вашем языке, как вы говорите. – Так это точно так, как вы и сказали; мы тоже говорим, что зимой, или еще и осенью, сухие листья летают по воздуху. – Но ведь вы в вашем языке говорите не trockene (сухие), а иначе, может быть truckiche? – Ну, да, мы говорим truckiche, но это все одно, это значит то же самое»[17].

Интересно, что похожие трудности при получении сведений от информантов описывают и ученики Жирмунского – Т.В. Сокольская (Строева) и Л.Р. Зиндер. И всем приходилось прибегать к самым разным ухищрениям, чтобы добиться цели, включая «метод подслушивания».

Шестая глава книги «От Катариненталя через Карлсруэ (или: борьба между Gaul и Gahl)» целиком посвящена диалектам и дает яркое представление об отношении колонистов к диалектным различиям. Бахман пишет, что Жирмунский обнаружил «интересное языковое явление: жители Карлсруэ произносят звук „au“ как долгое „a“ с уклоном к „ä“. Когда профессор сообщил об этом мне и учителю, этот последний отверг его мнение, заявив, что он либо ослышался, либо случайно наткнулся на некоренного жителя Карлсруэ. Но так как профессор настаивал на своем мнении, учитель предложил, проезжая через Карлсруэ, записать еще несколько образцов. <…>

Прибыв на место, мы отправились к дому учителя, где профессор уже раз останавливался и где услышал это новое языковое явление. Самого хозяина мы не застали дома, нас приняла его сестра, престарелая девица с малым количеством зубов.

Вкратце объяснив ей цель нашего приезда, профессор попросил ее произнести литературные слова „Gaul, Haus, Maus“ на диалекте. Ее ответ гласил: „Gahl, Hahs, Mahs”. Профессор с улыбкой посмотрел на катаринентальского учителя. Но тот покачал головой, утверждая, что эта девица – хуторянка и потому не может быть для Карлсруэ убедительным примером. <…>

[15] *Светозарова Н.Д.* Герман Бахман и его книга. – С. 51–52.

[16] Жирмунский читает первое предложение из знаменитого списка фраз немецкого диалектолога Георга Венкера (Wenkers Sätze), которое означает: «Зимой сухие листья летают по воздуху».

[17] *Светозарова Н.Д.* Герман Бахман и его книга. – С. 52–53.

Выглянув в окно, он заметил на скамейке около двора дома на противоположной стороне улицы троих мужчин. Не вдаваясь в подробности, он сразу спросил их о словах „Gaul, Haus, Maus“. Каждый из них сказал: „Gaul, Haus, Maus“. Учитель торжествующе посмотрел на профессора»[18].

Опрос продолжается, и оба учителя – в зависимости от ответа – по очереди торжествуют и, защищая свою позицию, используют вполне грамотные доводы, например, возможность того, что девочка-школьница находится под влиянием письменной нормы. Увидев у колодца лошадь, применяют другой метод, спрашивая каждого проходящего: «Что это такое?» Часть ответов звучит нечетко и каждый из спорщиков трактует их в свою пользу. Оба требуют продолжения опроса. Заканчивается эта глава словами: «Но так как время поджимает, а нам еще надо добраться до Зульца, профессор заявляет, что полностью удовлетворен результатом повторного опроса и нет необходимости продолжать его. Мы прощаемся и покидаем деревню. Обернувшись через некоторое время, я заметил обоих педагогов, шедших в жарком споре по переулку, явно не склонных к перемирию. Быть может, они и по сей день еще воюют друг с другом из-за „Gaul“ и „Gahl“»[19].

Очевидно, что колонисты интуитивно владеют понятием «норма» по отношению к диалекту и что фонетические различия служат для них сигналом-шибболетом, позволяющим отличить своих от чужих.

Учителя, как и другие представители сельской интеллигенции, оказывали Жирмунскому большую помощь в сборе материала. Отчасти благодаря их авторитету исследователям удалось записать так много песен, несмотря на занятость колонистов на полевых работах. Именно учителя, как правило, заполняли диалектные анкеты, которые ученый рассылал по колониям. Значительную роль в том, что можно назвать «художественной жизнью» колонии, играли служители церкви: пастор и, особенно, дьячок-кюстер. Кюстер Зелигер из колонии Раштатт, мужчина лет 45, в очках, со светлыми коротко подстриженными усиками, был охарактеризован как человек, знающий все о песнях, которые здесь поют, причем отнюдь не только о духовных сочинениях. Бахман пишет: «Уважение, которое в большей степени оказывалось кюстеру, чем пастору, я объясняю тем, что первый постоянно общается с молодежью: он руководит хором не только в церкви, но и в крестьянском клубе, а в его доме часто устраивают музыкальные и вокальные вечера».

Нередко учителя сами собирали и записывали бытующие у колонистов песни в рукописные сборники-песенники (Liederhefte). В последней главе своей книги («Вормс») Бахман пишет об учителе, который к их приезду заранее собрал тексты песен, так что исследователям оставалось только записать самые важные мелодии к ним. Фамилию этого учителя тоже удалось восстановить по архивным материалам: его звали Блетч (Lehrer Bletsch).

Другой персонаж книги Бахмана, молодой учитель из колонии Катариненталь, сразу понял особый интерес исследователей к наиболее старым, архаичным пластам фольклора, его предложение посетить более бедную часть колонии вполне соответствовало наблюдениям Жирмунского о дифференциации песенного репертуара в зависимости от социального уровня и благосостояния колонистов: «Мы сразу же отправились к его коллеге, учителю лет 24-х, жившему наискосок на той же улице. Его не касались ни молотьба, ни дети, да и второй, лучшей половины у него не было. Мы сразу же вовлекли его в свои дела. Он без возражений на все согласился и был нам настоящим гидом в нашей работе, цель которой он себе быстро уяснил. Поэтому нам понадобились только небольшие дополнения, чтобы превратить его в квалифицированного помощника.

[18] *Светозарова Н.Д.* Герман Бахман и его книга. – С. 65–66.

[19] Там же. – С. 66.

– Чтобы нам повезло, нужно идти в бедняцкую часть деревни, – сказал он. – Только там еще можно найти подлинно народные песни»[20].

В этой небольшой статье я остановилась в основном на тех моментах путевых заметок Бахмана, которые представляют большой интерес для филологов, диалектологов и фольклористов и которым и сам автор явно уделяет наибольшее внимание, но книга, несомненно, содержит также ценные сведения этнографического, социального и исторического характера. В приведенной выше цитате можно увидеть косвенную информацию о материальном неравенстве колонистов. Описывая крестьянские дома колонии Раштатт, Бахман не может не заметить руины на месте бывших «кулацких гнезд», владельцы которых и их потомки теперь «ютятся во времянках»[21]. С явной осторожностью и некоторой отстраненностью (напомним, что книга издана в 1929 г.) Бахман упоминает здесь события гражданской войны. Социальные мотивы звучат в рассказе об обладателе «мощного баса и тонкого слуха» товарище К. (согласно архивным данным это учитель из колонии Зульц по фамилии Купер), который не имеет возможности получить профессиональное образование. Бахман пишет: «Я спросил тов. К., не приходила ли ему в голову мысль поступить в консерваторию.

– Я это сегодня же сделал бы, если бы мог, – ответил он.

– Так в чем же дело?

– Чтобы поехать в Одессу и провести там длительное время, мне нужно больше денег, чем я могу скопить, получая зарплату учителя, – сказал он. – Я попытался через наш союз получить командировку, мне всего наобещали, но до сих пор ничего не сделали.

Это объяснение сильно взволновало меня»[22].

Заканчивается книга Бахмана вполне оптимистическими лозунгами, в духе времени: «колонии растут экономически и в культурном отношении», но содержание путевых заметок, их отдельные детали, позволяют понять и почувствовать подлинные настроения жителей немецких украинских колоний в 1927 г., когда террор еще не развернулся полностью, и еще нельзя было представить трагической судьбы колоний и большинства колонистов, но уже были предвестия будущих трагических событий, например, раскулачивание. Сегодня читатель может рассматривать книгу Бахмана и как хорошо и живо написанное художественное произведение, и как источник материала по истории российских немцев и по истории филологии. Но в свете последующих событий книга читается с грустью. Она описывает мир, который, очевидно, ушел навсегда.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Найдич Л.Э., Светозарова Н.Д.* Неизданная работа Л.Р. Зиндера (Предисловие и публикация) // Acta linguistica petropolitana. Тр. Ин-та лингв. исслед. – Т. II, ч. 1. – СПб.: Наука; Нестор-История, 2006. – С. 413–417.
2. *Найдич Л.Э., Светозарова Н.Д.* Диалектологический архив В.М. Жирмунского в Санкт-Петербурге. Научное значение и перспективы обработки // Теория и история герм. и роман. языков в соврем. высшей школе России: Материалы Всерос. науч. –практ. конф. с междунар. участием. – Калуга: КГУ им. К.Э. Циолковского, 2013. – С. 37–41.
3. *Пузейкина Л.Н., Светозарова Н.Д.* Архивное наследие В.М. Жирмунского. Ч. 1: Рукописный отдел ИРЛИ // Рос. немцы: Науч.-инф. бюл. – М., 2013. – № 2. – С. 16–19.
4. *Пузейкина Л.Н., Светозарова Н.Д.* Архивное наследие В.М. Жирмунского. Ч. 2: Фонограммархив ИРЛИ // Рос. немцы: Науч.-инф. бюл. – М., 2013. – № 3. – С. 7–10.

[20] *Светозарова Н.Д.* Герман Бахман и его книга. – С. 59–60.
[21] Там же. – С. 45–46.
[22] Там же. – С. 71.

5. *Светозарова Н.Д.* «Архив немецкой народной песни в Ленинграде» В.М. Жирмунского: история и современное состояние // Язык и речевая деятельность. – Т. 2. – СПб., 1999. – С. 212–221.
6. *Светозарова Н.Д.* Фольклорно-диалектологические экспедиции В.М. Жирмунского и его «Архив немецкой народной песни» // Рус. германистика. Ежегодник Рос. союза германистов. – Т. 2. – М., 2006. – С. 137–147.
7. *Светозарова Н.Д.* Творческое наследие В.М. Жирмунского и его учеников в архивах Петербурга (фольклорно-диалектологические материалы) // Миллеровские чтения. К 285-летию Архива Российской академии наук: Сб. науч. ст. по материалам междунар. науч. конф 23–25 апр. 2013 г., Санкт-Петербург. – СПб.: Нестор-История, 2013. – С. 401–415.
8. *Светозарова Н.Д.* Герман Бахман и его книга «Поездка в немецкие колонии Березанского района». – СПб.: Нестор-История, 2015. – 142 с.
9. *Строева (Сокольская) Т.В.* Воспоминания. – СПб.: Филол. фак-т СПбГУ, 2006. – 132 с.
10. *Энгель-Брауншмидт А.* Герман Бахман // Немцы в России: Энцикл. – Т. 1: А–И. – М.: ЭРН, 1999. – С. 133–134.
11. *Bachmann H.* Durch die deutschen Kolonien des Beresaner Gebietes. – Charkow: Zentralverlag der Völker der UdSSR, Allukrainische Abteilung, 1929. – 88 S.
12. *Bachmann H.* Durch die deutschen Kolonien des Beresaner Gebietes. Kolonischtegschichtla / Bearb. und mit einem Vorwort versehen von Joseph Schnurr. – Stuttgart: Verlag Volk auf dem Weg, 1974. – XIV, 176 S.
13. *Bachmann H.* Through the German Colonies of the Beresan District and Colonist Tales / Foreward by Joseph Schnurr. Translated with Commentaries by Roland Wagner, Ph.D., Germans from Russia Heritage Collection, North Dakota State University Libraries. – Fargo, North Dakota, 2003. – 203 p.

Sprache, Lieder und Alltagsleben deutscher Kolonien in der Ukraine aus Sicht eines Kolonisten und Schriftstellers

N. D. Svetozarova

Der Aufsatz behandelt das Buch „Durch die deutschen Kolonien des Beresaner Gebietes“ (1929) des deutschen Lehrers und Schriftstellers Hermann Bachmann (1888–1951), das eine der Studienreisen von Viktor Schirmunski in die deutschen Kolonien in der Ukraine in der Form eines Reiseberichts beschreibt.

Schlüsselwörter: Mundartforschung, Inselmundarten, Folklore, deutsche Kolonien in der Ukraine.

Language, Songs and Everyday Life in the German Settlements in the Ukraine through the Colonist Writer's eyes.

N.D. Svetozarova

The article deals with the book “Through the German Colonies of the Beresan District” (1929) written by the German teacher and writer Hermann Bachmann (1888–1951). One of the dialectological expeditions of Viktor Zhirmunsky to the German colonies in the Ukraine is being described in the aforementioned book in the form of travel notes.

Keywords: dialectology, “insular dialects”, folklore, the German settlements in the Ukraine.

УДК 069.02:93(=30)

С.В. Романенко

Освещение истории и культуры немцев Северного Причерноморья: опыт Николаевского областного краеведческого музея

В статье рассматриваются практики Николаевского областного краеведческого музея по сбору материалов, исследованию и популяризации историко-культурного наследия немцев Северного Причерноморья.

Ключевые слова: Николаевский областной краеведческий музей, Березанский немецкий колонистский округ, экспедиция, выставка.

Основное место в деятельности краеведческих музеев занимает сохранение и отражение исторического, экономического и культурного наследия, передача знаний, традиций, ценностей от поколения к поколению. В связи с этим актуальным заданием становится сбор объектов материальной и духовной культуры, а также создание экспозиций, связанных с этническим многообразием региона. В 90-е годы XX в. во многих музеях эта задача выходит на первый план: создаются этнографические отделы, проводятся экспедиции, переосмысливаются коллекции и экспозиции.

Долгие годы о вкладе немцев Северного Причерноморья в историю и культуру Николаевщины не говорилось. Такая тенденция была характерна не только для нашего края, но и для большинства регионов Украины вплоть до конца XX в. На рубеже веков музеи проводят ряд экспедиций в бывшие немецкие колонии, результатом которых становятся обновленные экспозиции и выставки в Крымском этнографическом музее, Одесском историко-краеведческом музее, Херсонском и Николаевском областных краеведческих музеях.

Некоторые аспекты формирования немецких коллекций и разделов экспозиций в музеях Северного Причерноморья освещены в каталогах, путеводителях и публикациях по данной тематике[1]. Однако они либо дают описание коллекций, либо рассматривают историческую ретроспективу создания экспозиций, либо раскрывают историю проживания немецкого населения в регионе сквозь призму музейных экспонатов.

[1] *Гётте Г.* Немецкий след в истории Николаевщины. – Кёльн, 2009; *Гончарова О.С.* Дорогами судеб… // Рос. немцы: Науч.-инф. бюл. – М., 2002 – № 3; Крымское региональное учреждение «Этнографический музей»: Путеводитель. – Симферополь, 2012; Немцы Причерноморья: Кат. / Сост. И.М. Озерянская, Л.Г. Эзау. – Одесса: Астропринт, 2003; *Солодова В.* Реконструкция повседневного и обыденного сознания немецкого населения б. Березанского округа в 1920–1940-е гг. (по материалам полевых экспедиций) // Науков. вісн. Миколаївськ. нац. університету ім. В. Сухомлинського: Зб. наук. праць. – Вип. 3.30: істор. науки. – Миколаїв: МНУ, 2011; *Солодова В.В.* Немецкие этнографические экспозиции в музеях Юга Украины // Вісн. Одеськ. істор.-краєзнавч. музею. – Вып. 1. – Одесса, 2005; *Черказьянова И.В.* Отражение немецкой темы в музейной практике: прошлое и современность // BiZ-Bote. – М., 2012. – № 1–2. – С. 16–38.

© С.В. РОМАНЕНКО. ЕЖЕГОДНИК МАИИКРН. 2015 Г. № 1. С. 276–283.

Задача настоящей статьи – кратко познакомить с проблемами и успехами Николаевского областного краеведческого музея по сбору материалов и популяризации наследия, оставленного немецким населением Юга Украины.

Современный Николаевский областной краеведческий музей – это крупное объединение, в состав которого входит пять филиалов. Как и любой другой музей, он призван собирать, изучать, хранить и популяризовать местные памятники истории и искусства, а также естественно-научные коллекции.

История основания Николаевского областного краеведческого музея – яркий пример вклада семьи немецких переселенцев в культуру города, образец бескорыстного служения стране, которая стала новой Родиной. Музей был открыт в 1913 г. В основу его собрания легла натуралистическая коллекция Эммануила Петровича Францова (1848–1909) – издателя, общественного деятеля, мецената. Эммануил Петрович родился в семье немцев-лютеран[2]. Его отец Петр Федорович (1805–1884) в 1826 г. приехал из Санкт-Петербурга в Одессу, где стал управляющим городской типографией. В 1848 г. он открыл собственную типографию, в которой кроме книг, брошюр, афиш печатались литографии. Мать Францова Анна-Мария (в дев. Шуман) (1814–?) также была родом из Петербурга. В браке у Францовых родилось 10 детей. Эммануил Петрович, пятый ребенок в семье, окончил кишиневскую гимназию, затем обучался печатному делу в Лейпциге, работал в семейной типографии. После смерти отца продал учреждение Южнорусскому акционерному обществу печатного дела и все свои силы направил на коллекционирование. В начале 90-х годов XIX в. он переехал в Николаев, женился и в собственном доме открыл для всеобщего обозрения свою уникальную естественно-историческую коллекцию.

Современники давали такую характеристику собранию Э.П. Францова: «Музей содержит в себе необыкновенно большое число самых редких экземпляров из царства животных, растений и минералов и в некоторых отделах так совершенен, как никакая естественно-историческая коллекция»[3]. Отделы насекомых, минералов, подводных обитателей исчислялись многими тысячами экземпляров. Так, одна только коллекция бабочек содержала в себе 25 тысяч разных видов; весьма ценной была коллекция кораллов и раковин моллюсков – более 20 тысяч экземпляров.

После смерти Эммануила Петровича родственники передали всю коллекцию и оборудование в дар городу, положив начало городскому музею, со временем ставшему областным краеведческим музеем. Огромный вклад коллекционера и его семьи (родственники могли согласиться на поступавшие предложения и продать коллекцию в другие музеи) в культуру нашего края долгие годы замалчивался. И лишь открыв в 2012 г. экспозицию в новом здании, мы смогли отдать дань памяти и уважения энтузиасту, бескорыстному ученому, популяризатору естественных наук – Эммануилу Петровичу Францову, показать часть его коллекции и рассказать о деятельности широкому кругу посетителей.

Многонациональность Николаевщины обусловлена исторически. Она формировалась на протяжении веков в результате сложных этнических процессов, на которые в определенной степени влияла политика различных государств и их правительств. Сегодня в Николаевской области проживают представители 133 национальностей. По данным переписи населения 2001 г., 0,1 %, или 1200 чел., составляют немцы[4]. В 1916 г. лишь в восьми бывших материнских колониях проживали 14 481 чел.[5]

[2] Список членов евангелическо-лютеранской общины за 1833–1860 гг. // Государственный архив Одесской области. Ф. 630. Оп. 1. Д. 45.

[3] Краткие сведения о естественно-историческом музее Э.П. Францова. – Николаев, 1909. – С. 5.

[4] Миколаївщина багатонаціональна: з історії етнічних спільнот регіону / За ред. Л.С.-М. Каймаразової. – Миколаїв: Вид-ць Прокопчук Т.Ю., 2012. – С. 489.

[5] *Сабалдашов В.* Немецкие колонисты на Николаевщине // Німецькі поселення в Україні: історія та сьогодення. – Киев; Николаев: Изд-во НГГУ им. Петра Могилы, 2006. – С. 158–194.

В 2009 г. исполнялось 200 лет со дня образования Березанского немецкого колонистского округа. За несколько лет до события сотрудники этнографического отдела музея начали подготовку выставки, которая получила название «Немецкий след в истории Николаевщины». Она ставила своей целью рассказать о первых шагах заселения края иностранными колонистами, их жизни и вкладе в развитие города и современной области за два столетия. Подготовка к выставке проходила традиционным путем: изучение музейных фондов, областного архива и архивов николаевцев – немцев по национальности, сбор экспонатов. Чтобы воссоздать быт колонистов, осенью 2008 г. была организована экспедиция по трем селам, бывшим материнским колониям: Карлсруэ (совр. с. Степовое, Николаевский район; в 1918 г. проживало 1982 чел.; 2001 г. – 1869 чел.), Ландау (совр. с. Широколановка, Веселиновский район; в 1918 г. – 2403 чел.; 2001 г. – 1833 чел.), Катеринталь (совр. с. Катериновка, Веселиновский район; в 1918 г. – 1400 чел; 2001 г. – 707 чел.). Во всех населенных пунктах имеются музеи истории села, где собраны материалы о времени пребывания немцев на николаевской земле. Несмотря на это удалось собрать интересные фото и документы Розы Яковлевны Райнер (1925 г.р., с. Песчаный Брод (б. колония Шпеер)), Марты Адольфовны Фикс (1921 г.р., с. Калиновка Коростеньского района Житомирской обл.), Рихарда Вильгельмовича Вагнера (1939 г.р.), записать их воспоминания, провести фотофиксацию архитектурных объектов, провести исследование некрополя в Катериновке (немецкие кладбища в Ландау и Широколановке не сохранились). Катериновский некрополь интересен тем, что на нем сохранился склеп семьи Булингер. К сожалению, в 90-е годы XX в. большинство надгробных памятников было разрушено вандалами в поисках металла. Чтобы спасти стелы от надругательства, директор музея истории села Катериновка Н.И. Денисюк стала забирать их в музей, работающий при доме культуры. Два памятника были переданы краеведческому музею.

Костел в бывшей колонии Карлсруэ. Село Степовое Николаевского р-на Николаевской обл., октябрь 2009

Фото И.В. Черказьяновой

Экспедиция, с одной стороны, дала материалы, которые дополнили выставку, с другой – показала необходимость поиска земляков, выехавших в Германию, так как в сельской местности этнических немцев практически не осталось. После обращения дирекции музея в журнал „Volk auf dem Weg“[6] завязалась переписка с Лорой Гаит, Юрием Церром, Виктором Шергером и другими. В ходе переписки не только уточнялись детали о жизни и быте немцев Николаевщины, их традициях, взаимоотношениях с соседями, но и в музей передавались копии фотографий и документов, хранящихся в семьях.

[6] *Michailow W.A.* 200 Jahre Berezanskii Kolonien // Volk auf dem Weg. – 2008. – № 8–9. – S. 49.

Выставка «Немецкий след в истории Николаевщины» открылась 26 июня 2009 г. и сразу стала центром притяжения в музей посетителей разных возрастов. За четыре месяца работы ее посетило более 1600 чел. Концепция выставки была выстроена так, чтобы показать немецкое наследие в разных областях: сельском хозяйстве, промышленности, в развитии флота, науки, культуры. Ведь с Николаевом связаны имена известных адмиралов, в разное время находившихся на посту главного командира Черноморского флота (ЧФ) и портов г. Николаева и Севастополя: Вилима Петровича Фондезина (командир ЧФ 1799–1802 гг.), Мориса Борисовича Берга (командир ЧФ 1851–1855 гг.), Богдана (Готлиба) Александровича Глазенапа (командир ЧФ 1860–1871 гг.); военного инженера, организатора обороны Николаева и Севастополя в годы Крымской войны 1853–1856 гг. Эдуарда Ивановича Тотлебена; астронома, первого директора Николаевской астрономической обсерватории, проработавшего в ней с 1820 по 1871 г., Карла Христофоровича Кнорре (в 1832 г. Кнорре создал пятый лист звездной карты Прусской академии наук, определил положение многих комет, в т.ч. кометы Галлея и проч.). В колонии Зульц (населенный пункт был разрушен в 1957–1958 гг. в связи со строительством военного полигона) родился Конрад Келлер (1857–1925) – священнослужитель и историк немецких поселений юга Украины, автор двухтомной монографии „Die deutschen Kolonien in Südrussland“, изданной в Одессе в 1905 и 1914 гг.

В годы Великой Отечественной войны немцы Николаевщины принимали активное участие в борьбе с врагом. К примеру, семья Дукарт. Эмилия Иосифовна (1888–1979) как местная немка осталась в Николаеве в качестве хозяйки конспиративной квартиры, в которой поселился Виктор Александрович Лягин (1908–1943), руководитель разведывательно-диверсионной группы «Николаевский Центр». Ее дочь Магдалина Ивановна (1920–1952) работала переводчицей у адмирала фон Бодеккера, руководителя Южной судостроительной верфи, куда В.А. Лягин устроился инженером. Немецкая семья была прекрасным прикрытием для подпольщиков.

Неоценимой помощницей еще одного подпольщика, Александра Петровича Сидорчука (1913–1942), была Адельхайд Адольфовна Келем-Лермонтова (1918–2012). Она переносила взрывчатку в сумке на территорию немецкого аэродрома, собирала разведданные, пользуясь прекрасным знанием языка.

Такие личности – яркий пример вклада немцев в развитие Николаевского края.

Вторым важным моментом, нашедшим отражение в выставке, была трагическая судьба немецкого населения в XX в. Для многих посетителей, в т.ч. и педагогов, было «открытием», что политические и имущественные преследования немцев начались в годы Первой мировой войны, когда крупные предприниматели, торговые дома были вынуждены сворачивать свою работу. В соответствии с указами 1915 г. о прекращении землевладения и землепользования немецких колонистов, только зимой 1916–1917 гг. в Херсонской губернии было продано свыше 100 тыс. дес. земли немцев-поселян[7].

Выставка показала интерес николаевцев к вопросам национального многообразия области, в частности к истории немецкого населения. Результатами выставки стали:

- установление тесного взаимного сотрудничества между музеем и Николаевским областным обществом немцев Украины «Видергебурт»;
- фонды музея пополнились новыми предметами (среди наиболее ценных – платяной двухстворчатый шкаф с декоративной отделкой начала XX в.);

[7] *Шитюк Н.Н.* Немцы юга Украины в Первой мировой войне. URL: http://mdu.edu.ua/spaw2/uploads/files/9_18.pdf

- возросло доверие к музею со стороны респондентов;
- в Кёльне был выпущен путеводитель по выставке, составленный Генриеттой Львовной Гётте.

Хочется сказать несколько слов об этой удивительной женщине. Она автор ряда книг, написанных по архивным материалам и посвященных немецким и швейцарским колонистам: «Отвергнутые родиной», «Колонизация Юга Российской империи в XVIII–XIX веках», «Дань памяти: встречи у истоков»[8].

Родители Г. Гётте работали в николаевской немецкой школе № 22. Мать Эльза Гехлер (родом из быв. колонии Основа Херсонской обл., сейчас территория Новой Каховки) преподавала математику, отец Лео Гётте (родился в быв. колонии Штейнберг (Кирьяковка) Николаевского района Николаевской обл.) – немецкий язык и пение. В 1937 г., спасаясь от репрессий, жертвами которых стали учителя немецкой школы, семья Гётте покинула Николаев. Но в 40-е годы родители все же подверглись репрессиям: Лев Георгиевич Гётте был приговорен к 8 годам ИТЛ, Эльза Яковлевна к 10 годам, трое детей от 7 до 14 лет направлены в детский дом.

С 1975 г. Генриетта Львовна проживает в Германии, но связи с родиной не прерывает. В 2009 г. в Николаевском римско-католическом костеле была открыта мемориальная доска в честь органиста костела Лео Гётте, а в 2011 г. памятник жертвам политических репрессий в Основе.

Летом – осенью 2010 г. сотрудники этнографического отдела продолжили исследование немецких сел области в составе комплексной экспедиции музея. Поездками охвачены пять сел. Два из них, Ивановка (б. кол. Иоганнесталь) и Ставки (б. кол. Ватерлоо) Веселиновского района, относятся к материнским колониям. Они были основаны выходцами из немецких земель Баден, Вюртемберг, Пфальц и входили в состав Березанского колонистского округа. Три других возникли как дочерние колонии. Это Виноградовка Баштанского района (б. кол. Ней-Данциг), основана в 1837 г. выходцами из колонии Альт-Данциг (территория современной Кировоградской обл.), с. Новоселовка Николаевского района (б. кол. Гальбштадт), основана в 1869 г. выходцами из березанских колоний, с. Новосафроновка Новоодесского района (б. кол. Христина), основана в 1871 г. выходцами из Березанского округа.

Из предыдущих поездок было ясно, что в сельской местности этнических немцев практически не осталось. Поэтому основное внимание уделялось изучению сохранившихся памятников материальной культуры и их фиксации. Необходимо отметить, что во всех населенных пунктах сохранились дома колонистов, погреба, хозяйственные постройки. Большинство домов сегодня перестроено, хотя в больших комнатах этих домов еще и сегодня встречаются столбы, поддерживающие центральную балку; отгороженная от коридора лестница, которая ведет на чердак; старинные врезные замки на дверях, оконные запоры. На крышах некоторых зданий можно увидеть немецкую черепицу местного производства (наружная поверхность такой черепицы покрыта зеленой или коричневой глазурью). Частично сохранились культовые и общественные здания.

Настоящей неожиданностью для членов экспедиции стало обнаружение в с. Ставки (Ватерлоо) зданий бывшей фабрики по производству земледельческих орудий, построенной в 1891 г. В фабричных бланках предприятие значится как «чугунолитейный и механический завод, фабрика земледельческих машин и орудий и вальцевая мукомольная мельница Андрея Христофоровича Бетгера». По документам на заводе производились «жатки, сеялки, веялки и др., а также все необходимые к ним части». Фабрика

[8] *Гётте Г.* 1) Отвергнутые родиной. – Кёльн: Изд-во Г. Гётте, 2008. – 374 с.; 2) Дань памяти: встречи у истоков. – Кёльн: Изд-во Г. Гётте, 2011. – 39 с.; 3) Николаевская римско-католическая церковь Святого Иосифа. – Кёльн: Изд-во Г. Гётте, 2011. – 28 с.; 4) Колонизация Юга Российской империи в XVIII–XIX веках. – Кёльн: Г. Гётте, 2014. – 379 с.

же принимала в ремонт «паровые и всякого рода земледельческие машины и орудия». В первое десятилетие XX в. на этом предприятии работало 13 чел. Доход составлял около 10 тыс. руб. в год[9]. От старого производства сохранилось два здания, станок фирмы «KRAUSECO» 1912 г. выпуска в рабочем состоянии и дом, в котором жила семья Бетгер.

Накопленные в экспедициях впечатления помогли музейщикам принять активное участие в создании документального фильма «Родина, которая была» (создан в 2011 г., продолжительностью 90 мин.)[10]. Инициатором съемки стал председатель Николаевского областного общества немцев Украины «Видергебурт» Игорь Майснер. В киноленте достаточно подробно освещается жизнь шести колоний: Ландау, Карлсруэ, Шпайер, Катериненталь, Зульц и Христина. Создать такой фильм стало возможным при финансовой поддержке Федерального правительства Германии (через БФ «Общество развития», г. Одесса) и Николаевской областной государственной администрации.

Параллельно с работой над фильмом музей готовился к переезду в новое здание и созданию экспозиции, один из залов которой посвящен заселению края в XVIII – начале XIX в. Подчеркивая полиэтничность региона, мы старались показать вклад переселенцев разных национальностей в общее дело освоения и развития Николаевской области, исходя при этом из предметов, находящихся в коллекции. В итоге представлены следующие национальности: украинцы, русские, молдаване, евреи, немцы, поляки, болгары, чехи.

Немецким поселениям в зале отведены две витрины. В первой витрине находится карта немецких поселений Николаевщины (подробная карта с краткой информацией о каждом населенном пункте имеется в мультимедийном киоске). С помощью бытовых предметов и фото мы рассказываем об успехах в сельском хозяйстве, ремеслах, возникновении промышленных предприятий в бывших колониях. Вторая витрина посвящена религиозной жизни, развитию образования, проведению досуга.

В связи с переездом в новое здание все силы были направлены на создание полноценной экспозиции. Но всего лишь через год после ее открытия вновь создается выставка по немецкой тематике. Она называлась «Немцы Николаевщины: история и современность» и посвящалась 20-летию создания Николаевского областного общества немцев Украины «Видергебурт». В экспозиции были представлены материалы и документы немецких семей, которые жили и трудились в наших краях, атрибуты их жизни, начиная от предметов быта и заканчивая фотографиями из семейных альбомов. Дополняли выставку музейные предметы, которые не вошли в основную экспозицию. Так, нам удалось оцифровать ряд стеклянных негативов 1920-х годов. На трех оказались фото из немецких поселений: здание Ново-Данцигского сельскохозяйственного кооперативного товарищества «Заря», Ватерлооского кооперативного товарищества, Ландауской паровой вальцевой мукомольной мельницы Л.Ф. Макельки[11]. Впервые на выставке демонстрировались материалы Ивана (Иоганна) Вильгельма (1930, с. Красное Тилигуло-Березанского района – 2013, Германия). Среди них песни, которые пели колонисты в 30–40-е годы. Отец Вильгельма был школьным учителем, играл на органе в костеле. Любовь к музыке он привил детям. В возрасте 82 лет Иван Иванович сохранял прекрасную память и смог записать несколько десятков песен, которые исполнялись в его родном селе[12].

Интересные материалы в 2013 г. передал в музей Уве Рюш, житель города Нордерштедт[13]. Он – потомок известных в Николаеве предпринимателей, содержавших экипаж-

[9] Вся Россия 1912 год. Фабрично-заводской отдел: В 2 т. – Киев, изд-во тов. Л.М. Фиш, 1912. –Т. 2. – С. 170.
[10] «Родина, которая была» (НИС-ТВ, 2011). URL: https://www.youtube.com/watch?v=12wncJ2I_yg
[11] Николаевский областной краеведческий музей. Вспомогательный фонд 899.
[12] Там же. Архив отдела этнографии.
[13] Там же.

Ландауская паровая вальцовая мукомольная мельница Л.Ф. Макельки. 20-е годы XX в.

Из фондов Николаевского областного краеведческого музея

ную фабрику братьев Зонненштуль. В 1920-е годы семья выехала в Германию. Уникальные семейные фото, фотография с рабочими мастерской стали украшением выставки.

Выставка «Немцы Николаевщины: история и современность» была интересной не только для членов немецкой общины, но и для всех жителей города. Особенно много приходило молодежи. На выставке проходили не только экскурсии, но и встречи с членами общества «Видергебурт».

Вклад немцев в развитие Николаева показан и в филиалах краеведческого музея. Среди экспонатов Музея судостроения и флота есть редкие документы за подписью главного командира Черноморского флота Богдана Глазенапа, газеты об открытии для захода иностранных судов Николаевского порта, учреждении таможни, создании учебных заведений, астрономические инструменты и прижизненные работы Карла Кнорре, планы обсерватории.

Музей «Подпольно-партизанское движение на Николаевщине в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.» размещен в старинном особняке конца XIX столетия, который принадлежал известной в Николаеве семье немцев-колонистов фон Шардтов. В 1941–1943 гг. в этом доме под прикрытием семьи Дукарт проживал разведчик В. Лягин.

Хочется отметить, что деятельность Николаевского областного краеведческого музея в освещении истории немцев Северного Причерноморья направлена на правдивое изложение событий, происходивших в регионе, формирование толерантного отношения к представителям разных национальностей. Различные формы работы ставят своей целью увеличение уровня исторической осознанности и ответственности у посетителей.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вся Россия 1912 год. Фабрично-заводской отдел: В 2 т. – Киев: Изд-во тов. Л.М. Фиш, 1912.
2. *Гётте Г.* Немецкий след в истории Николаевщины. – Кёльн, 2009. – 42 с.
3. *Гончарова О.С.* Дорогами судеб… // Российские немцы: Науч.-инф. бюл. – М., 2002. – № 3. – С. 19–21.
4. Государственный архив Одесской области. Ф. 630. Оп. 1. Д. 45.
5. Краткие сведения о естественно-историческом музее Э.П. Францова. – Николаев, 1909. – 7 с.
6. Крымское региональное учреждение «Этнографический музей»: Путеводитель. – Симферополь, 2012. – 43 с.
7. Миколаївщина багатонаціональна: з історії етнічних спільнот регіону / За ред. Л.С.-М. Каймаразової. – Миколаїв: Вид-ць Прокопчук Т.Ю., 2012. – 736 с.

8. Немцы Причерноморья: Каталог / Сост. И. М. Озерянская, Л.Г. Эзау. – Одесса: Астропринт, 2003. – 120 с.
9. Николаевский областной краеведческий музей. Архив отдела этнографии.
10. *Сабалдашов В.* Немецкие колонисты на Николаевщине // Німецькі поселення в Україні: історія та сьогодення: Монографія. – Киев; Николаев: Изд-во НГТУ им. Петра Могилы, 2006. – 416 с. (Серія «Україна: історія та сучасність». Вып.1).
11. *Солодова В.В.* Немецкие этнографические экспозиции в музеях Юга Украины // Вісн. Одеськ. істор.-краєзнавч. музею. – Вып. 1. – Одесса, 2005. – С. 21–23.
12. *Солодова В.В.* Реконструкция повседневного и обыденного сознания немецкого населения б. Березанского округа в 1920–1940-е гг. (по материалам полевых экспедиций) // Наук. вісн. Миколаївськ. нац. університету ім. В. Сухомлинського: Зб. наук. праць. – Вып. 3.30: истор. науки. – Николаев: Николаевск. нац. ун-т, 2011. – 440 с.
13. *Черказьянова И.В.* Отражение немецкой темы в музейной практике: прошлое и современность // BiZ-Bote. – 2012. – № 1–2. – С. 16–37.
14. *Шитюк Н.Н.* Немцы юга Украины в Первой мировой войне // URL: http://mdu.edu.ua/spaw2/uploads/files/9_18.pdf
15. *Michailow W.A.* 200 Jahre Berezanskii Kolonien // Volk auf dem Weg. – 2008. – № 8-9. – 56 S.

Die Präsentation von Geschichte und Kultur der Deutschen des Nördlichen Schwarzmeergebiets: Erfahrungen des Heimatmuseums des Gebiets Nikolaev

S. V. Romanenko

In dem Artikel werden die Methoden des Heimatmuseums in Nikolaev bei der Materialsammlung sowie bei der Erforschung und Popularisierung des kulturhistorischen Erbes der Deutschen im Norden des Schwarzmeergebietes erläutert.

Schlüsselwörter: Heimatmuseum Nikolaev, deutscher Kolonistenbezirk Berezan', Expedition, Ausstellung.

The cross-light of history and culture of the Germans in the Northern Black Sea Region: the experience of the Nikolaev Regional Museum

S.W. Romanenko

The article deals with the practice of collecting materials, researching and popularization of the historical and cultural heritage of the Germans in the North Black Sea Region for the Nikolaev Regional Museum.

Keywords: Nikolaev Regional Museum, expedition, exhibition, Berezanskiy German colonist District.

УДК 688.721+391(430)

А.Э. Жабрева

Миниатюрные посланцы Германии в Санкт-Петербурге (сувенирные куклы в национальных костюмах из личной коллекции)

На примерах из личной коллекции автора раскрываются вопросы коллекционирования, атрибуции и сохранности сувенирных кукол; рассматриваются основные элементы традиционного костюма Германии и особые детали костюма Шварцвальда, Баварии, Эльзаса; показывается роль кукол как популяризаторов сведений по истории и этнографии Германии.

Ключевые слова: куклы, Германия, коллекционирование, традиционный немецкий костюм.

Ничто так живо не характеризует народ, как его национальный костюм, отражающий множество факторов: климат, природные ресурсы, историю, религию, жизненный уклад. Не случайно многие путешественники на память приобретают кукол в национальных одеждах: они увозят с собой крошечного человечка из той страны, которую посетили.

В нашей коллекции, насчитывающей уже около 500 этнографических кукол со всего мира, более двух десятков представляют национальные немецкие костюмы (ил. 1). Наиболее старые куклы относятся к 1950–1960 гг., есть и совсем новые. Все они небольшого размера (от 5 до 26 см) и сравнительно недорогие, поскольку изначально рассчитаны на массового покупателя. Они различаются материалом, конструкцией, наличием и качеством паричков, нарисованными или вставными закрывающимися глазками, более и менее тщательно выполненными костюмами[1].

Ил. 1. Немецкие сувенирные куклы и Щелкунчики, 1950–2000-е годы

Из коллекции А.Э. Жабревой

[1] О выставке «Наряды и народы: куклы в национальных костюмах из частного собрания А.Э. Жабревой» (проходила: СПбГУ. Восточный фак-т. Науч. б-ка. 21 февр. – 30 мая 2013 г.) см.: *Альбедиль М.Ф.* Кукольная этнография // Теория моды. – 2013. – Вып. 28. – С. 349–353.

© А.Э. ЖАБРЕВА. ЕЖЕГОДНИК МАИИКРН. 2015 Г. № 1. С. 284–292.

Помимо дружеских подарков источников пополнения коллекции два: покупка современных сувениров во время поездок за рубеж и приобретение старых кукол на блошиных рынках. В первом случае куклы, как правило, имеют упаковку, фирменную этикетку с указанием, в какой костюм она одета. Часто приобретаются куклы, «бывшие в употреблении»; выбирают их по красоте наряда, сохранности, стоимости и другим параметрам, часто просто за симпатичное личико. Устанавливать национальную принадлежность куклы, не имеющей фирменной упаковки или этикетки, приходится самостоятельно.

Для атрибуции куклы мы пользуемся двумя настольными книгами: переводами энциклопедий известных немецких авторов Вольфганга Бруна и Макса Тильке[2] и французского художника Альбера Расинэ[3], в которых помимо исторических имеются изображения и национальных костюмов. Большое количество изображений комплектов региональных одежд, головных уборов, обуви и аксессуаров часто позволяет определить хотя бы приблизительно «национальность» кукольного наряда. Сведения о народном костюме и его деталях обнаруживаются в справочнике Руфи Клайн „Lexikon der Mode“[4]. Не раз в атрибуции непонятного наряда выручало переводное издание «Костюмы народов мира» Роберта Хэрольда[5]. Предназначенное для художников, работающих с фольклорными ансамблями, оно очень кратко, но четко и конструктивно повествует об основных костюмных комплексах той или иной страны и содержит схематичные раскрашенные иллюстрации, хорошо сопоставляемые с миниатюрной куклой.

Более глубокие сведения дает специальная этнографическая литература, прежде всего академическое издание «Народы зарубежной Европы», в первом томе которого имеется раздел «Немцы»[6]. Однако основная литература по этому вопросу представлена немецкоязычными изданиями XIX–XX веков, такими, как альбом цветных литографий художника XIX в. Альберта Кречмера, монография „Die deutschen Volkstrachten zu Beginn des 20. Jahrhunderts“ Розы Джулиен[7] и некоторые другие[8]. Нельзя не отметить, что оригинальной немецкой литературы по традиционному костюму Германии в российских библиотеках явно недостаточно.

Кроме этого приходится буквально «просеивать» по разным критериям информацию из Интернета, куда многие коллекционеры, магазины и просто любители выкладывают фотографии кукол и разнообразные сведения о них. Количественный рост коллекции дает возможность сравнивать кукол между собой: одни человечки оказываются аналогичными уже имеющимся, другие неожиданно находят подружек или даже пару. В конечном итоге бывает, что самый странный костюм атрибутируется быстро; в других случаях, оказывается, совсем невозможно понять национальность куклы.

Далеко не всегда удается установить место и производителя куклы. Это происходит, с одной стороны, из-за того, что многие элементы в национальных костюмах разных народов повторяются, а с другой – из-за условно выполненного костюма. Конечно, маленькую куколку невозможно одеть в абсолютно точный наряд, поэтому изготовители

[2] *Брун В., Тильке М.* История костюма от древности до Нового времени / Пер. с нем. Г.А. Светличной. – М.: ЭКСМО, 2005. – 464 с.

[3] *Racinet A.* The Historical encyclopedia of costume / introd. by A. Ribeiro. – London: Studio ed., 1995. – 320 p., il.

[4] *Klein R.* Lexikon der Mode: Drei Jahrtausende europäischer Kostümkunde / Mit neunhundertachtzig zweifarbigen Zeichnungen von M. Riederer. – Baden-Baden: Woldemar Klein Verl., 1950. – 464 S.

[5] *Хэрольд Р.* Костюмы народов мира: Иллюстрированная энциклопедия / Пер. с англ. А. Гостева; оформление И. Саукова. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2002. – 240 с.

[6] *Фидлер А.* Немецкий народный костюм // Народы Зарубежной Европы. – М., 1964. – Т. 1. – С. 800–808.

[7] *Julien R.* Die deutschen Volkstrachten zu Beginn des 20. Jahrhunderts. – München: Verl. von F. Brudmann, 1912. – 192 S.

[8] Подробнее см.: *Жабрева А.Э.* История костюма зарубежных стран: Библиогр. указ. кн. и ст. на рус. и иностр. яз. // Кунсткамера. – 1994. – Вып. 5/6. – С. 399–450.

делают акцент на каких-то особо ярких деталях или, напротив, ограничиваются самыми общими элементами. Степень достоверности костюма, как и качество массовой сувенирной куклы, падает в 1980–1990-х годах в связи с попытками удешевить производство и увеличить количество товара за счет качества.

Сувенирные куклы в национальных костюмах выпускались в Германии уже на рубеже XIX–XX веков (например, ф-ка „Simon & Halbig“), в 1950–1970-е годы работали фирмы „Schmider“, „Schildkröt“, „Cellba“, разные кустарные мастерские. Сейчас работает старинная кукольная фабрика „Schneider“, где изготавливаются фарфоровые куклы, одетые в костюмы разных народов мира[9]. Они продаются по всей Европе. В то же время сами пластмассовые (ранее целлулоидные) кукольные тельца чаще всего делаются в Италии (они имеют на спинках соответствующую маркировку), а затем одеваются «на местах». Целлулоидные и пластмассовые пупсы в немецких костюмах, как правило, имеют непропорционально увеличенную голову, подвижные ручки и ножки (крепятся внутри с помощью резинок), лицо же бывает как нарисованным, так и со «спящими» глазками.

Материал, из которого сделана кукла, помогает ее датировать. Хорошо известно, что целлулоидных пупсов (игрушки) перестали делать с 1960-х годов из-за горючести этого материала. Производители сувенирных кукол еще некоторое время использовали целлулоидные головы, тогда как тела уже штамповались из пластмассы. Экземпляры 1950-х годов отличаются натуральными тканями и плетеными кружевами, более «молодые» уже наряжены в платья из синтетических тканей, лишь имитирующих натуральные. В качестве основных материалов фигурируют натуральный или ацетатный шелк с мелким тканым узором, тонкие хлопчатобумажные ткани, узкое кружево, атласная тесьма, разноцветные шнуры и перья. Парички изготавливаются из синтетических волокон различных цветов, приклеиваются, заплетаются в косы, укладываются вокруг головы или над ушами – все как положено в национальном костюме. На шляпы идут натуральный фетр или соломка. Обязательной деталью немецкого кукольного туалета долгое время являлось нижнее белье: длинные белые панталончики, носочки или гольфы, нередко нижние юбочки или сорочки. У современных кукол просто ножки делаются белого цвета. Но черные пластмассовые туфельки, присущие традиционному костюму, остались.

С точки зрения мастерства и этнографической точности особенно хороши „German Molls Trachten Puppen“, изготавливавшиеся в 1950–1960-х годах. Отличительными признаками кукол этой фирмы служат красные сердечки на панталонах и бирки с названием серии, подвешенные к ручке. Их хорошенькие личики нарисованы от руки. Нам посчастливилось приобрести три куклы этой марки, представляющие костюмы Баварии и Шварцвальда и северо-западной части Германии (ил. 4, 5, 7).

Приобретение старой куклы нередко влечет за собой проблему ее чистки или даже реставрации. К серьезным утратам относятся повреждения или загрязнения ткани и кружев, утрата обуви и некоторые дефекты деталей тела. Обычной является ситуация, когда нужно снять и постирать утратившую чистоту за годы открытого хранения одежду. Одна из немецких кукол, приобретенная еще в первые годы собирательства, стала жертвой нашей неумелости. Эта крошечная куколка досталась очень грязной, поэтому была раздета, детали одежды выстираны и выглажены. Вернуть их на прежнее место не составило труда, но сложить обратно головной убор удалось лишь приблизительно. Наученная горьким опытом, теперь я тщательно фотографирую все этапы раздевания куклы с тем, чтобы можно было восстановить всю одежду в первоначальном виде.

Исторически сложилось, что в состав Германии входят многие земли, имеющие свои традиции. В каждой из федеральных земель Германии есть свой традиционный

[9] Walter Schneider GmbH & Co. KG. Neustadt bei Coburg. // URL: http://www.walterschneider.eu/ (дата обращения: 8.10.2015)

Ил. 2. Куклы, представляющие жениха и невесту из Шварцвальда. Пластмасса, текстиль, фурнитура; 25,5 см. Германия, 1960-е годы (?)

Из коллекции А.Э. Жабревой

Ил. 3. Кукла в мужском костюме Шварцвальда. Пластмасса, текстиль, фурнитура; 15 см. Германия, 1980-е годы

Из коллекции А.Э. Жабревой

Ил. 4. Кукла в костюме Шварцвальда. Целлулоид, текстиль, фурнитура; 22 см. Германия, серия „German Molls Trachten Puppen“,1950-е годы. Утраты: разрывы кружев на рукавах и подоле

Из коллекции А.Э. Жабревой

костюм, а то и несколько его вариантов. В Средние века и вплоть до XVII в. многочисленные государственные и городские указы предписывали каждому сословию определенный вид одежды; дорогие материи, кружева, драгоценности были привилегией высших классов. Лишь с начала XIX в. (время освобождения крестьян в Германии) началось более свободное развитие народного костюма. Наша кукольная коллекция позволяет увидеть основные элементы традиционного немецкого костюма и рассмотреть костюмы некоторых земель.

Основными элементами мужского крестьянского костюма еще с XVI в. являются рубаха (Hemd), китель (Kittel) и безрукавка (Brusttuch). Верхняя одежда деревенской молодежи – куртки (Jacke, Janker, Joppe, Kamisol), жилеты (Weste). В костюм входят также узкие поколенные штаны (с XIX в. – длинные узкие брюки), а также чулки и башмаки с пряжками. В XIX в. в обиход вошел длинный широкополый кафтан с обшлагами и карманами (Leibrock). Из городского быта к крестьянам перешли круглые шляпы, двууголки, треуголки, затем и цилиндры. Холостяки носят укороченные куртки, а женатые мужчины — исключительно длинные сюртуки[10].

Два мальчика из нашей коллекции одеты в костюмы земли Шварцвальд. Один из них – «жених» – в черных суконных штанах, белых трикотажных гольфах и черных пластмассовых башмаках (ил. 2). Его сорочка из белого батиста, с воротничком и манжетами, шея повязана красным шелковым галстуком, черный жилет по переду украшен тесьмой с цветочным орнаментом. Костюм довершает круглая шляпа, вошедшая в народный костюм еще в XVIII в. Другая кукла изображает взрослого мужчину: на нем брюки, красный жилет и длинный сюртук с красными отворотами (ил. 3). Круглая шляпа с широкими полями и красный зонтик добавляют солидности этому малышу.

[10] *Фидлер А.* Немецкий народный костюм. – С. 802–803.

Ил. 5. Кукла в костюме района озера Тегернзее (Бавария). Целлулоид, пластмасса, текстиль, фурнитура; 24 см. Германия, серия „German Molls Trachten Puppen“, 1960-е годы

Из коллекции А.Э. Жабревой

Ил. 6. Кукла в костюме земли Верденфельс (Бавария). Пластмасса, текстиль, фурнитура; 22 см; Германия, 2011 г.

Из коллекции А.Э. Жабревой

Ил. 7. Кукла в костюме острова Финкенвердер на Эльбе. Целлулоид, пластмасса, текстиль, фурнитура; 22 см. Германия, серия „German Molls Trachten Puppen“, 1960-е годы. Утрачены туфли

Из коллекции А.Э. Жабревой

Действительно, красный цвет и загнутые кверху поля головного убора говорили о том, что мужчина женат.

Общими элементами немецкого женского костюма являются рубаха на лямках (Achselhemd), верхняя рубаха (Oberhemd), юбка (Rock) и корсаж (Mieder). Корсаж и юбка появились в XVI в. из разделившегося надвое платья. Вырез лифа закрывается различными вставками, нагрудниками или платками. Верхней одеждой служила кофта с рукавами (Armeljacke, Spenser, Mützen). Непременным атрибутом немецкого костюма является и передник (Schürze), рабочий или праздничный. Почти повсеместно употребляются съемный воротник-пелерина (Goller) и/или шейная косынка (Brusttuch), украшенная длинной бахромой или вышивкой[11].

Однако в каждой из земель имеются свои отличительные детали; различны форма, цвет и отделка корсажа, пояса, воротника, манжет. Особенно разнообразны женские прически и головные уборы – чепцы (Haube) и шляпы (Hut).

Костюм женщин из Шварцвальда состоит из юбки, корсажа, белой кофточки с короткими рукавами, жакета с рукавами (Ärmeljacke) и передника, но в разных районах имеются особые отличительные детали. С начала XIX в. замужние женщины этой земли носили короткий жакет, не доходивший до талии (Kamisol)[12]. Основные цвета костюма – черный, белый и красный.

Неотъемлемой частью женского наряда из Шварцвальда является Bollenhut («болленхут») — шляпка с «вишнями». Эта соломенная шляпа, украшенная шерстяными помпонами, стала популярной в середине XVIII в. Замужние женщины украшают ее черными помпонами, а девушки – красными. Болленхут лучше всяких надписей говорит о национальности куклы. В моей коллекции три куклы в таком головном уборе: они различаются размером, материалом и временем изготовления. К болленхуту обычно надевают белую блузку и длинное черное платье без рукавов. Характерной деталью традиционного костюма этой земли является декоративная кокетка квадратной формы «хальсмантель» или «хальсбанд» (Halsbund, Halsmantel), которая сначала была отдельным предметом, а затем стала неотъемлемой частью корсажа[13]. Хальсмантель украшается вышивкой, галуном или тесьмой. На кукле из серии „German Molls Trachten Puppen“ (ил. 4) эта деталь выложена настоящим золотым галуном, а на более поздних обшита обычной тесьмой с цветочным орнаментом и кружевом. Кроме того, старенькая кукла имеет под шляпкой черную вуаль, хорошо видную на литографиях А. Расинэ и А. Кречмера, которая отсутствует у более новых кукол.

[11] *Фидлер А.* Немецкий народный костюм. – С. 803–804.

[12] *Klein R.* Lexikon der Mode. – S. 40–41.

Головной убор невесты из Шварцвальда напоминает богато и разнообразно украшенную корзинку с цветами, которая алыми лентами подвязана сзади вокруг изящно уложенных кос. Эта свадебная «корзинка» называлась Brautkrone, Kopfputz или Schäpel («шаппель», «шепель»). Она состояла из металлической или кружевной корзиночки/коронки разной высоты, живых или искусственных цветов и даже драгоценностей и имела региональные отличия. В некоторых местах (например, в St. Georgen) этот головной убор достигал 35 см в диаметре[14]. Шепель украшалась лентами, достигавшими подчас многометровой длины. Подобный убор обычно передавался из поколения в поколение как драгоценная семейная реликвия[15] (ил. 2).

Костюмы на наших куклах, представляющих девушек из Шварцвальда, красивы и ярки: рукава сорочек из белого батиста вшиты в черный корсаж, на черных воротничках блестящие накладки. Юбки и передники сделаны из однотонного или с мелким тканым рисунком шелка черного и малинового цветов. Спереди приколота тесьма. Костюм из Шварцвальда – один из самых популярных среди изготовителей кукол.

Традиционный костюм Баварии любим в «кукольном» мире не менее. По внешнему виду и цветовой гамме он близок а австрийскому. Верхние юбки женщины обшивают по подолу тесьмой, закладывают у талии в сборки. Праздничный корсаж или жакет (Leibl) обычно черного цвета, короткий и сильно приталенный за счет особых фалдочек на спинке. Он имеет короткие или длинные рукава в зависимости от времени года и глубокое декольте. Шерстяные или шелковые платки и шали с длинной бахромой набрасывают на плечи, концы заправляют за корсаж. На куклах шаль часто заменяется широкой тесьмой с цветочным орнаментом, обрезанной по линии выреза. Фетровая черная или зеленая шляпа повязывается лентой, украшается перышками[16]. Форма шляпок достаточно характерна: тулья имеет форму усеченного конуса, а поля широкие плоские. Украшениями служат цепочки, монетки, цветы.

В пределах одного региона жители разных населенных пунктов одеваются по-разному. Сходства и различия видны даже на примере двух баварских кукол из коллекции. Одна из них одета в наряд жителей окрестностей озера Тегернзе („German Molls Trachten Puppen“, 1950-е годы [ил. 5]). На ней белые панталоны с красными сердечками; белая нижняя юбка, обшитая натуральным кружевом; красная верхняя юбка с зеленой тесьмой по подолу. Зеленый шелковый передник обшит синтетическим кружевом, завязан на животе большим черным бантом. Белая хлопчатобумажная сорочка имеет короткие рукава, а зеленый суконный корсаж прикрыт на плечах полоской широкой тесьмы с цветочным узором. Баварка из земли Верденфельс (начало 2000-х годов) (ил. 6) одета в нижнюю белую хлопчатобумажную юбочку и платье из темно-зеленой с цветочками плотной ткани, подшитое снизу кружевом и тесьмой-змейкой.

[13] *Хэрольд Р.* Костюмы народов мира. – С. 55.

[14] *Klein R.* Lexikon der Mode. – S. 319–320.

[15] Op. cit. – S. 61.

[16] Op. cit. – S. 42; *Хэрольд Р.* Костюмы народов мира. – С. 57.

На шее белая косынка, фартук из белоснежного льняного кружева. При всех различиях в одеждах, на обеих куклах типично баварские черные фетровые шляпы со шнурами и белыми перьями.

Целлулоидная кукла („German Molls Trachten Puppen“, 1960-е годы), представляющая костюм жительниц острова Финкенвердер на Эльбе[17], одета в две юбки: нижнюю зеленую и верхнюю красную с черной тесьмой по подолу (ил. 7). Обе юбки заложены у талии в сборки; по подолу нижней проложено белое кружево. Белый шелковый передник обшит широким кружевом, тесемки завязаны спереди большим бантом. У белой шелковой сорочки короткие, присборенные снизу рукава. Черный корсаж едва виден. На плечах бело-красная клетчатая косынка с белой шелковой бахромой. Чепец из желтого атласа обшит белым кружевом и красной тесьмой, подвязан зеленой атласной лентой.

Один из ярких кукольных нарядов был создан в Эльзасе, который находится на востоке Франции и граничит с Германией. Судьба этой спорной территории всегда была непростой. По Франкфуртскому миру, завершившему Франко-прусскую войну 1870–1871 гг., Эльзас вместе с частью Лотарингии стал провинцией Германской империи. Одним из признаков «немого» протеста коренных жителей стал национальный костюм, в который одевались местные женщины и девочки. В него входил головной убор с большим черным бантом. Этот черный бант появился еще в 1800-х годах и был небольшим, по размеру головы. Но к началу XX в. бант достиг невероятных размеров, его стали украшать розеткой из лент трех цветов французского флага: красного, белого и синего. Украшение было маленьким, но на черном фоне очень заметным. Куклы в таких костюмах делались не только французскими кукольными фабриками, но и немецкими (например, фирма „Simon & Halbig“)[18]. Современная миниатюрная кукла, привезенная из Германии, тоже имеет такую розетку, сделанную из трех кружочков (белого, красного и темно-синего цветов), наклеенных на бант (ил. 8).

Рассмотренные примеры костюмов характерны для конкретных регионов, а головной убор Radhaube («чепец-колесо»), похожий на кокошник, носят женщины не только в разных землях Германии, но и в Австрии и в Швейцарии. Этот чепец уже с XVI в. был принадлежностью народного костюма швабов и южных немцев[19]. По способу изготовления Radhaube можно определить, откуда родом его обладательница. В Германии кружево укладывали на белую каркасную сетку, но само кружево делалось цветным, с использованием золотой и серебряной нитей, с украшениями из драгоценных камней и жемчуга. Кокошник закреплялся на донце чепца. На куклах этот чепец сформирован из уложенной кругом широкой «золотой» тесьмы, приклеенной на сильно накрахмаленную сетку (у более старых) или пластиковую полупрозрачную пленку (у более новых кукол) (ил. 9).

В популярных сейчас сериях «Куклы народов мира» и «Куклы в народных костюмах» вышли две фарфоровые красавицы: в баварском костюме и в костюме немцев Поволжья[20]. Эти партворки – журналы с приложениями – выполняют важную просветительскую функцию, преподнося посредством игры в куклы интереснейшую информацию.

Сувенирные куклы – это в основном девочки, мальчики гораздо более редки. Роль дополнительных кавалеров исполняют Щелкунчики – деревянные щипцы для колки орехов в виде солдатиков, ведущие свою историю из далекого прошлого. Сейчас эти игрушки делаются в разных городах Германии и продаются повсеместно. Новенький блестящий Щелкунчик в бело-синем мундире и черном кивере был приобретен в Дрездене, а нераскрашенный и более старенький – на блошином рынке в Санкт-Петербурге. В тот момент он имел существенные утраты: отсутствовали руки, волосы, портупея. Недостающие детали были восполнены, и старая игрушка обрела новую жизнь.

[17] Подобная кукла есть в Интернете. Она лежит в коробке с надписью Finkenwärder.

[18] Ильмира. Куклы в борьбе за независимость // Livejournal. – 2013. – Dec. 2nd. // URL: http://amiancien.livejournal.com/23194.html (дата обращения: 8.10.2015)

[19] *Klein R.* Lexikon der Mode. – С. 295.

[20] Бавария. – М.: D'Agostini, 2014. – 14 с. – Прил.: кукла в коробке. – (Куклы в костюмах народов мира; № 25); Праздничный костюм немки Поволжья. – М.: D'Agostini, 2014. – 22 с. – Прил.: кукла в коробке. – (Куклы в народных костюмах; № 64).

Вверху ил. 8. Кукла-брелок в условном костюме Эльзаса. Фарфор, текстиль; 7 см. Германия, 2012 г.

Справа ил. 9. Кукла в костюме с головным убором Radhaube. Пластмасса, текстиль, фурнитура; 28 см. Германия, 1970-е годы

Из коллекции А.Э. Жабревой

Куклы, представляющиеся многим исключительно детской игрушкой, любимы и собираемы вполне взрослыми и серьезными людьми. Они выполняют очень важные функции популяризации этнографических и исторических сведений, воспитания толерантности и художественного вкуса. Рассматривая немецкие сувенирные куклы, хочется узнавать больше и больше о стране в целом, о живущих в ней людях, о традициях и костюмах Германии.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Альбедиль М.Ф.* Кукольная этнография // Теория моды. – 2013. – Вып. 28. – С. 349–353.
2. Бавария. – М.: D'Agostini, 2014. – Прил.: кукла в коробке. – (Куклы в костюмах народов мира; № 25).
3. *Брун В., Тильке М.* История костюма от древности до Нового времени / Пер. с нем. Г.А. Светличной. – М.: ЭКСМО, 2005. – 464 с.
4. *Жабрева А.Э.* История костюма зарубежных стран: Библиогр. указ. кн. и ст. на рус. и иностр. яз. // Кунсткамера. – 1994. – Вып. 5/6. – С. 399–450.
5. Праздничный костюм немки Поволжья. – М.: D'Agostini, 2014. – 22 с. – Прил.: кукла в коробке. – (Куклы в народных костюмах; № 64).
6. Традиционные германские костюмы середины XIX века: Хромолитографии А. Кречмера. – М.: Белый город, 2013. – 80 с. – (Культура и традиции).
7. *Фидлер А.* Немецкий народный костюм // Народы Зарубежной Европы / Под ред. С.А. Токарева, Н.Н. Чебоксарова. – М., 1964. – Т. 1. – С. 800–808. – (Народы мира: этнограф. очерки / АН СССР, Ин-т этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая).
8. *Хэрольд Р.* Костюмы народов мира: Иллюстрированная энциклопедия / Пер. с англ. А. Гостева; оформление И. Саукова. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2002. – 240 с.

9. *Julien R.* Die deutschen Volkstrachten zu Beginn des 20. Jahrhunderts. – München: Verlag von F. Brudmann, 1912. – 192 S.
10. *Klein R.* Lexikon der Mode: Drei Jahrtausende europäischer Kostümkunde / Mit neunhundertachtzig zweifarbigen Zeichnungen von M. Riederer. – Baden-Baden: Woldemar Klein Verl., 1950. – 464 S.
11. *Racinet A.* The Historical encyclopedia of costume / Introd. by A. Ribeiro. – London: Studio ed., 1995. – 320 p.

Интернет-ресурсы

12. Ильмира. Куклы в борьбе за независимость // Livejournal. – 2013. – Dec. 2nd. // URL: http://amiancien.livejournal.com/23194.html (дата обращения: 8.10.2015)
13. Walter Schneider GmbH & Co. KG. Neustadt bei Coburg. // URL: http://www.walter-schneider.eu/ (дата обращения: 8.10.2015)

Deutsche Miniatur-Botschafter in St. Petersburg (Souvenirpuppen in Nationaltrachten aus einer Privatsammlung)

A. Ė. Žabreva

Am Beispiel der Privatsammlung der Autorin werden Fragen des Sammelns, der Zuordnung und des Originalzustandes von Souvenirpuppen behandelt. Die grundlegenden Elemente der deutschen Volkstracht und besonders die Details der Trachtenaus dem Schwarzwald, aus Bayern und dem Elsass werden eingehend betrachtet, und es wird die Rolle der Puppen bei der Verbreitung von Informationen aus der Geschichte und Volkskunde Deutschlands gezeigt.

Schlüsselwörter: Puppen, Deutschland, Sammlung, deutsche Volkstracht.

Miniature envoys of Germany in St. Petersburg (small figures in national costumes from the private collection)

A.E. Zhabreva

The light is turned on the problems of collecting, preservation and attribution of "souvenir dolls" (small figures in national costumes) through the examples from the author's personal collection. The author presents basic elements of the traditional German costume and specialties of national costumes in the Black Forest, in Bavaria and in Alsace. The dolls are also seen as the means to increase the interest towards the history and ethnography of Germany.

Keywords: dolls, Germany, collecting, German folk costume.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Составитель И.В. Черказьянова

Законы, регулировавшие основание немецких колоний под Петербургом и организацию их внутренней жизни (1763–1890-е годы)

1763 г. 22 июля – Манифест «О дозволении всем иностранцам, в Россию въезжающим, поселяться в которых губерниях они пожелают и о дарованных им правах» (ПСЗ. Собр. 1-е. Т. 16. № 11 880. С. 313–316).

1764 г. 30 апреля – Высочайше утвержденный доклад президента Канцелярии опекунства иностранных «Об определении комиссара в Ораниенбаум для приема и содержания иностранцев, приезжающих водным путем чрез Кронштадт, для поселения в России» (ПСЗ. Собр. 1-е. Т. 16. № 12 146. С. 731–732).

1765 г. 1 ноября – Высочайше утвержденный доклад президента Канцелярии опекунства иностранных графа Г.Г. Орлова «О поселении иностранцев в Ингерманландии на частных землях, по условиям совладельцами оных» (ПСЗ. Собр. 1-е. Т. 17. № 12 503. С. 373–377).

1769 г. 23 июля – Именной указ «О колонистах, поселенных по берегу реки Невы против Рыбной слободы» (ПСЗ. Собр. 1-е. Т. 18. № 13 325. С. 927).

1779 г. 12 марта – Именной указ, данный генерал-майору А.П. Кашкину, «О платеже поселившимся в Саратовке и при Царскосельской дороге колонистам подати в половину против положенной в заключенном с ними договоре, а ижорским четвертной части; о обложении рыбно-слободских крестьян податью, равною с царскосельскими, и о причислении приписных к селу Царскому крестьян к дворцовым деревням» (ПСЗ. Собр. 1-е. Т. 20. № 14 854. С. 805–806).

1793 г. 17 августа – Именной указ, данный санкт-петербургскому вице-губернатору, «О переселении 270 душ колонистов из Ямбургского уезда в Екатеринославскую губернию; о прибавке пашенной земли остающимся в оном уезде колонистам; о даче им льготы на пять лет, и о сравнении их, по прошествии сего времени, в платеже податей с ижорскими колонистами» (ПСЗ. Собр. 1-е. Т. 23. № 17 147. С. 454).

1797 г. 20 июня – Высочайше утвержденный доклад Экспедиции государственного хозяйства, опекунства иностранных и сельского домоводства «О сборах с санктпетербургских колонистов; об удовольствовании их землею на каждое тягло по 30 десятин; о заведении практического для поселян, учения земледелию; о заведении искусственных лугов и о непереселении колонистов в другие губернии» (ПСЗ. Собр. 1-е. Т. 24. № 18 006. С. 666–669).

1799 г. 10 октября – Высочайшая резолюция на докладе Сената «О сборе поземельных денег с среднерогатских колонистов; о переходе колонистов и их детей в купечество и мещанство; о обложении их податьми; о присоединении школы практического земледелия и кирпичного завода к ведомству Департамента уделов, и о возложении на Межевой Сената департамент удовольствования однодворцев землями и переселении их в другие места» (ПСЗ. Собр. 1-е. Т. 25. № 19 146. С. 807–809).

1803 г. 16 июня – «Инструкция для внутреннего распорядка и управления в Санкт-

© И.В. ЧЕРКАЗЬЯНОВА. ЕЖЕГОДНИК МАИИКРН. 2015 Г. № 1. С. 293–295.

петербургских колониях» (ПСЗ. Собр. 1-е. Т. 27. № 20 798. С. 659–670).

1805 г. 18 июля – Высочайше утвержденный доклад министра внутренних дел «Об уравнении Санктпетербургских колоний в платеже должных денег, соразмерно их состоянию» (ПСЗ. Собр. 1-е. Т. 28. № 21 837. С. 1128–1132).

1809 г. 7 августа – Высочайше утвержденный доклад министра внутренних дел «Об определении особого инспектора над колонистами Санктпетербургской и других губерний, к северу лежащих» (ПСЗ. Собр. 1-е. Т. 30. № 23 773. С. 1057)

1809 г. 9 января – Высочайше утвержденная записка министра внутренних дел «О поселении колонистов на землях ораниенбаумских» (ПСЗ. Собр. 1-е. Т. 40. № 23 440а. С. 57–58).

1809 г. 1 октября – Именной указ, данный Сенату, «О поселении близ Ораниенбаума несколько семей из вновь прибывших колонистов, и о водворении их на земле, принадлежавшей казначею Ключинскому, лежащей по левую сторону дороги от Ораниенбаума к Красной горке» (ПСЗ. Собр. 1-е. Т. 30. № 23 885. С. 1193–1194).

1811 г. 12 сентября – Именной указ, данный министру внутренних дел О.П. Козодавлеву, «О переселении колонистов Царскосельского уезда, в Изварском обрезе поселенных, на другие удобнейшие места» (ПСЗ. Собр. 1-е. Т. 31. № 24 766. С. 836–837).

1819 г. 28 мая – Именной указ, объявленный министру внутренних дел министром духовных дел и народного просвещения князем А.Н. Голицыным, «О поселении бергских переселенцев близ Царского Села» (ПСЗ. Собр. 1-е. Т. 34. № 27 818. С. 210–211).

1820 г. 2 февраля – Именной указ, объявленный Государственному совету, «О мере взыскания возвратного и безвозвратного долга С.-Петербургских колонистов» (ПСЗ. Собр. 1-е. Т. 37. № 28 124. С. 38–39).

1820 г. 24 апреля – Именной указ, объявленный Сенату управляющим Министерства внутренних дел, «О уплате Санктпетербургскими колонистами долгов и поземельной подати» (ПСЗ. Собр. 1-е. Т. 37. № 28 252. С. 180).

1821 г. 23 августа – Высочайше утвержденное положение Комитета министров «О об-

Sammlung
der
Bestimmungen und Verordnungen
für
die Kolonien der Ausländer
im Russischen Reiche.

Nach dem Russischen Originale übersetzt und mit einem Anhange vervollständigt
von
August Beeck,
Cand. jur.

St. Petersburg.
1862.

ращении колонистов евангелического исповедания петергофских, ораниенбаумских и кронштадтских к Ораниенбаумскому приходу, и о ежегодном отпуске сумм стрельнинской евангелической церкви из Государственного казначейства» (ПСЗ. Собр. 1-е. Т. 37. № 28 730. С. 807–808).

1821 г. 17 апреля – Высочайше утвержденный доклад Главного над военными поселениями начальника «О поселении колонистов в округах военного поселения» (ПСЗ. Собр. 1-е. Т. 37. № 28 610. С. 693–694).

1823 г. 13 июля – Высочайше утвержденное мнение Государственного совета «Об увеличении с старых С.-Петербургских колонистов платежа долговых денег в казну» (ПСЗ. Собр. 1-е. Т. 38. № 29 541. С. 1103–1105).

1825 г. 20 августа – Высочайше утвержденный доклад управляющего Министерством внутренних дел «Об обязанностях царскосельских колонистов-фабрикантов» (ПСЗ. Собр. 1-е. Т. 40. № 30 459. С. 430–432).

1827 г. 9 июня – Сенатский указ, с описанием Высочайше утвержденного положения Комитета министров, «О распространении

на С.-Петербургских колонистов правила, чтобы относящиеся до них дела в судебных местах рассматриваемы и решаемы были обще с чиновниками их начальства» (ПСЗ. Собр. 2-е. Т. 2. № 1162. С. 520–522).

1829 г. 2 мая – Именной указ, объявленный военным министром министру финансов, «О платеже оброка колонистам, водворенным в округе № 2 пахотных солдат по 60 рублей в год» (ПСЗ. Собр. 2-е. Т. 11. № 9129. С. 466).

1852 г. 9 июня – Именной указ, объявленный Сенату министром государственных имуществ, «О передаче колонистов Александринской колонии в ведение Петергофского городского начальства» (ПСЗ. Собр. 2-е. Т. 27. № 26 351. С. 395).

1858 г. 24 декабря – Именной указ, объявленный Сенату председателем Департамента уделов, «О податях и повинностях, взимаемых с колонистских селений: Горелово, Николаевское и Александровское, поступивших в удельное управление из бывших округов пахотных солдат Новгородской губернии» (ПСЗ. Собр. 2-е. Т. 33. № 33 951. С. 559).

1860 г. 4 апреля – Высочайше утвержденное мнение Государственного совета, объявленное Сенату министром государственных имуществ, «О возложении на С.-Петербургскую палату государственных имуществ местного управления колониями иностранных поселенцев С.-Петербургской губернии» (ПСЗ. Собр. 2-е. Т. 35. № 35 660. С. 370).

1863 г. 2 ноября – Высочайше утвержденное положение Государственного комитета об устройстве сельского состояния, объявленное Сенату министром юстиции «О порядке выкупа колонистами Стрельнинской, Знаменской, Ораниенбаумской, Александринской, Среднерогатской и Кипенской колоний С.-Петербурской губернии земель, состоящих в их пользовании» (ПСЗ. Собр. 2-е. Т. 38. № 40 183. С. 149–150).

1866 г. 17 декабря – Высочайше утвержденное положение Государственного комитета об устройстве сельского состояния, объявленное Сенату министром государственных имуществ «О передаче колоний иностранных поселенцев в ведение общих по крестьянским делам учреждений» (ПСЗ. Собр. 2-е. Т. 41. № 44 000. С. 408).

1871 г. 4 июня – Высочайше утвержденные «Правила об устройстве поселян-собственников (бывших колонистов), водворенных на казенных землях в губерниях: С.-Петербургской, Новгородской, Самарской, Саратовской, Воронежской, Черниговской, Полтавской, Екатеринославской, Херсонской и Таврической и области Бессарабской» (ПСЗ. Собр. 2-е. Т. 46. № 49 705. С. 813–819).

1877 г. 1 февраля – Высочайше утвержденное положение Государственного комитета об устройстве сельского состояния, объявленное Сенату за министра юстиции товарищем министра юстиции 28 февраля, «О выкупе колонистами Ижорской колонии земли, состоящей в их пользовании» (ПСЗ. Собр. 2-е. Т. 52. № 56 910. С. 99).

1890 г. 22 ноября – Высочайшее повеление, объявленное министром внутренних дел, «О подчинении протестантских школ в округах С.-Петербургской и Московской лютеранских консисторий Министерству народного просвещения» (ПСЗ. Собр. 3-е. Т. 10. № 7211. С. 742–743).

УДК 940.5(470=3)+323.282

В.М. Кириллов

Депортация, трудовая мобилизация и спецпоселение немцев СССР

В статье проведен системный анализ трех взаимосвязанных репрессивных акций сталинского режима против российских немцев в 1940–1950-х годах: депортации, трудовой мобилизации и спецпоселения. Применены методы системного подхода, историографического анализа, социальной истории и исторической информатики (электронных баз и банков данных). Выявлены предпосылки и причины депортационной политики, комплекс нарушенных гражданских прав национального меньшинства, описаны этапы и содержание практического осуществления депортации, трудовой мобилизации и спецпоселения. Представлены аргументированные выводы о результатах массовой репрессивной политики и ее долговременных последствиях. Эмпирической и теоретической основами статьи служат материалы архивов России, электронные базы данных и публикации лаборатории «Историческая информатика» Нижнетагильского социально-педагогического института, которая является центром международного проекта «Gedenkbuch: Книга памяти репрессированных российских немцев».

Ключевые слова: политические репрессии, депортация, трудовая мобилизация, спецпоселение, российские немцы, трудмобилизованные, трудармейцы, проект „Gedenkbuch“, электронные базы данных, принудительный труд, исправительно-трудовые лагеря, наркоматы, спецконтингент, демобилизация, «местные немцы», репатриированные.

В годы Второй мировой войны против немецкого населения СССР были развернуты массовые репрессивные кампании, которые в современной историографии обозначены как этническая депортация (от лат. *deportatio* – «изгнание, ссылка»), спецпоселение и трудовая мобилизация.

В отечественной историографии политика репрессий против советских немцев получила освещение только в 1990–2000-х годах. Она проанализирована нами в публикации, напечатанной в сборнике материалов международной конференции 2013 г.[1] Изучение сложившейся историографии показывает наличие множества белых пятен и дискуссионных точек зрения по вышеуказанным проблемам. В данной статье аргументируется наше понимание комплекса репрессий 1940–1950-х годов.

В качестве предпосылок и причин трех взаимосвязанных репрессивных акций можно выделить несколько главных. Во-первых, стратегическое видение решения национального вопроса правящей партией – курс на ассимиляцию малых народов в более крупных этнических массивах. Во-вторых, учет правительствами разных стран, в т.ч. Европы и США, того факта, что «немецкие диаспоры стали основной базой вербовки шпионов и диверсантов для агрессора». Депортация немцев в условиях войны с Германией не противоречила законам международного права[2]. В-третьих, сложившаяся репутация немецкого этноса СССР в глазах политической власти как «нелояльного социализму и власти народа». В-четвертых, свидетельства коллаборационизма отдельных представителей советских немцев в ходе боев и последующей оккупации территории СССР.

[1] *Кириллов В.М.* Историография проблем репрессивной политики против советских немцев в отечественной исторической науке // Два с половиной века с Россией: актуальные проблемы и дискуссионные вопросы истории и историографии российских немцев. – М: МСНК-пресс, 2014. – С. 122–165.

[2] *Чеботарева В.Г.* Указ Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 г. – превентивная мера обеспечения государственной безопасности или политическая провокация? // Начальный период Великой Отечественной войны и депортация российских немцев: взгляды и оценки через 70 лет. – М.: МСНК-пресс, 2011. – С. 443–445.

© В.М. КИРИЛЛОВ. ЕЖЕГОДНИК МАИИКРН. 2015 Г. № 1. С. 296–308.

Поводом для депортации считается шифрограмма командования Южного фронта от 3 августа 1941 г. Сталину и Буденному, где говорилось о теплом приеме, оказанном немецким населением на Украине наступавшим немецким войскам. Резолюция Сталина гласила: «Товарищу Берия. Надо выселить с треском. И. Ст.»[3]

В ходе массовых политических репрессий против немецкого населения СССР, выразившихся в депортации, трудовой мобилизации и установлении режима спецпоселения, был нарушен целый комплекс их гражданских прав. К этому следует отнести: 1) огульное обвинение всего немецкого населения АССР НП, Саратовской и Сталинградской областей в антигосударственном преступлении, приведшее к нарушению ст. 102 Конституции СССР, устанавливавшей осуществление правосудия в СССР только судом; 2) обвинение в измене родине, объявление «врагами народа» и осуществление превентивного наказания за действия, которые еще не совершены; 3) нарушение провозглашенного Конституцией равноправия граждан СССР; 4) издание нормативных актов, регламентирующих жизнь немцев скрытно от них; 5) попрание идей гуманизма жестоким и унижающим человеческое достоинство обращением; 6) решение о ликвидации республики было прерогативой верховных органов самой республики, это право было нарушено; 7) немцев называли гражданами СССР, перемещаемыми в «административном порядке», но таковыми, согласно уголовно-исполнительному законодательству, были лица, осужденные за уголовные преступления; 8) перенос статуса спецпоселенца на ненемецких членов семей (русских жен); 9) лишение личной собственности «на их трудовые доходы и подсобное домашнее хозяйство, на предметы личного потребления и удобства» (ст. 10 Конституции), потеря практически всего имущества; 10) разделение семей по половому признаку и отделение детей старше 3 лет от родителей, приведшее к беспризорничеству и прекратившее естественное воспроизводство народа; 11) ограничение свободы передвижения спецпоселенцев, несмотря на заявления об их полноправии с гражданами СССР, и вытекающие отсюда последствия: 12) невозможность сменить место жительства, работу, получить образование, объединить семью; 13) мобилизация через военкоматы под контролем НКВД и размещение в ИТЛ и зоны наркоматов, фактическое включение в состав спецконтингента, вопреки утверждениям об особом статусе трудмобилизованных; 14) сохранение особого режима для немцев и после окончания чрезвычайного военного режима, закрепление на спецпоселении «навечно».

Массовый опыт применения административных депортаций был приобретен в ходе Гражданской войны и осуществления политики раскулачивания-спецпереселения. С началом Второй мировой войны масштабы депортации резко возросли, причем как внешней, так и внутренней. В 1940 г. в ходе очередной приграничной «зачистки» были переселены немцы из Мурманска и Мурманской области. В то же время насильственные этнические переселения вышли за рамки «зачисток в погранзонах», распространившись и на регионы, не являвшиеся пограничными.

Исследователями выделяется три этапа депортационной кампании в годы Великой Отечественной войны: 1) 1941 г.; 2) 1942–1944 гг.; 3) 1945–1946 гг. Немцев СССР «депортировали практически изо всех очагов их концентрации, если только обстоя-

[3] Обоснование этого повода подвергнуто убедительной критике в статье: *Солодова В.В.* Выселение немцев из Одесского региона (июнь – август 1941 г.): проблема поиска источников // Начальный период Великой Отечественной войны и депортация российских немцев… – С. 311–320.

тельства войны это позволяли <…>»[4]. Исключение составляли более двух десятков тыловых регионов, откуда местных немцев не выселяли (в них проживало как минимум 53 380 чел.). Относительно них 30 октября 1941 г. было принято распоряжение СНК № 57-к «О расселении лиц немецкой национальности из промышленных районов в сельскохозяйственные»[5].

Основанием для выселений были решения, распоряжения, приказы ГКО, СНК СССР, НКВД, военных советов фронтов и др. Все депортационные акты ГКО были однотипны и воспроизводили в сокращенной форме, с учетом местной специфики, постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 26 августа 1941 г.[6] В этом постановлении определялись порядок и объем перевозки личных вещей, расчетов за сданное имущество. 27 августа 1941 г. утверждена инструкция по проведению переселения. Политическая мотивировка законности депортации содержалась в Указе ПВС СССР № 12-160 «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья» от 28 августа 1941 г. Суть ее сводилась к упреждению угрозы коллаборационизма с фашизмом немецкого населения СССР в связи с наличием в его среде «десятков тысяч диверсантов и шпионов». В день публикации Указа утверждены инструкция о порядке приемки имущества переселяемых, приказ НКВД «О создании отдела спецпереселений НКВД СССР».

Акция по выселению немцев Поволжья стала самой массовой и образцовой. Из этого региона в короткий срок было выселено около 440 тыс. чел. По мнению А.А. Германа, во время депортации из Поволжья умерло не менее 600–700 чел., отстало более 1 тыс., арестовано около десятка[7].

По подсчетам В.Н. Земскова, во время войны на спецпоселение поступило 949 829 немцев[8]. Другую цифру называют А. Айсфельд и В. Бруль: «В целом, с учетом повторно выселенных и репатриантов, в СССР в 1941–1945 гг. было депортировано более 1,1 млн российских немцев»[9].

Вслед за депортацией последовала трудовая мобилизация. Исследователи до сих пор не пришли к согласию о составе трудмобилизованных и дискутируют по определению достаточно условного понятия «трудовая армия», которое не использовалось в официальных документах «высшего уровня» военного периода. Весьма приблизительно определен статус различных категорий трудмобилизованных, за исключением российских немцев.

По нашему твердому убеждению, трудмобилизованные российские немцы были не свободными гражданами СССР, а репрессированными по национальному признаку людьми, размещенными на спецпоселении. Они являлись составной частью «спецконтингента», представлявшего маргинальную группу советского общества, занятую принудительным трудом в условиях жесткого ограничения прав и свобод.

Как следует из работ А.Н. Курочкина и А.А. Германа[10], на первом этапе трудовой мобилизации (август – сентябрь 1941 г.) в трудармию попало 20,8 тыс. (на 1 января 1942 г.) российских немцев, которые в основном были распределены в Богословлаг, Ивдельлаг, Кимперсайлаг и Соликамлаг НКВД. Часть из них передана другим наркоматам.

[4] *Полян П.П.* Депортации советских немцев в 1941–1943 гг. и советская депортационная политика периода Второй мировой войны // Начальный период Великой Отечественной войны и депортация российских немцев… – С. 114.

[5] Там же. – С. 115.

[6] *Айсфельд А., Бруль В.* Депортация // Немцы России: Энцикл. – Т. 1. – М.: ОАНРН, 1999. – С. 699.

[7] *Герман А.А.* Депортация немцев Поволжья осенью 1941 г. // Начальный период Великой Отечественной войны и депортация российских немцев… – С. 436, 437.

[8] *Земсков В.Н.* Спецпоселенцы в СССР. 1930–1960. – М.: Наука, 2003. – С. 94.

[9] *Айсфельд А., Бруль В.* Указ. соч. – С. 702.

[10] *Герман А.А.* Трудовая армия // Немцы России: Энцикл. – Т. 3. – М.: ОАНРН, 2006. – С. 571–580; *Герман А.А., Курочкин А.Н.* Немцы СССР в «Трудовой армии» (1941–1945 гг.). – М.: Готика, 1998. – С. 56, 61, 66, 67.

На Урале в зонах предприятий немцы работали в Молотовской области, Удмуртской АССР, Свердловске, Каменске-Уральском, Нижнем Тагиле, Талице[11].

На втором этапе (январь – июнь 1942 г.), по данным А.А. Германа, всего мобилизовано 138,4 тыс. немцев, которые попали в 14 ИТЛ. По нашим подсчетам, в течение года они были распределены между 20 ИТЛ, а также направлены на строительство железных дорог. Только в 18 ИТЛ за 1942 г. трудмобилизованных прибыло 167 714 чел.[12]

В Уральском регионе немцы были размещены в девяти крупных ИТЛ. Кроме того, насчитывалось около 60 зон, где содержался «немецкий спецконтингент». Всего в названных ИТЛ, по нашим расчетам, было размещено в течение 1942 г. 104 919 чел. А с учетом прибывших в 1941 г. в Богословлаг, Ивдельлаг и Соликамлаг – 113 630 чел. Кроме того, в целом по Уралу в зонах при промышленных предприятиях и на стройках работало 50 645 чел. Количество немцев в контингентах ИТЛ составило (на середину 1942 г.) более 42 %, а их число на крупных гражданских предприятиях доходило до 37 % рабочей силы. Всего в ИТЛ умерло более 9 тыс. чел. (8,6 % от всего прибывшего за 1942 г. контингента)[13].

На третьем этапе (октябрь 1942 – август 1943 г.) мобилизовано 153,5 тыс. немцев, распределенных между предприятиями Наркомугля и Наркомнефти, объектами ГУЛАГа, гражданскими ведомствами. В 1943 г. немцы были распределены дополнительно в 11 ИТЛ (всего прибыло 45 995 чел.) и содержались в 28 ИТЛ, где на 1 января 1943 г. их насчитывалось 121 053 чел., а на конец декабря – 105 012 чел.[14]

Из сопоставления данных мы видим, что основное движение контингентов происходило в ИТЛ Урала. В начале года численность трудармейцев здесь составила 67 % от всех ИТЛ СССР, где содержались немцы; в конце года – 63 %.

За 1941–1943 гг. в ИТЛ СССР попало 222 420 трудмобилизованных немцев; из них только в лагерях Урала было размещено 136 181 чел. трудармейцев, из которых за 1942–1943 гг. убыло 62 625 чел. (из них умерло 17 156 чел.)[15].

На четвертом этапе (январь 1944 – январь 1946 г.) трудовая мобилизация шла за счет репатриированных немцев, освобожденных из ИТК и тюрем. Сложно сказать, сколько из них попало в трудовую армию, тем более что трудармия в апреле 1946 г. была ликвидирована. Если на первых трех этапах было мобилизовано 312,7 тыс. чел., то к концу последнего этапа их насчитывалось свыше 316 тыс. Из этого количества более 182 тыс. составляли трудовой контингент НКВД, свыше 133 тыс. числились на предприятиях других наркоматов[16].

На 1 января 1944 г. на территории Уральского региона, по данным Г.Я. Маламуда, насчитывалось 119 358 мобилизованных советских немцев[17]. Это 37,7 % от 316 тыс. трудмобилизованных российских немцев по СССР. В этом году в 10 ИТЛ Урала умер 1781 чел. (2,7 %)[18].

В настоящее время мы не располагаем статистикой движения контингентов трудармейцев за 1945 г. Можно предположить, что их общая численность превышала

[11] Gedenkbuch: Книга памяти немцев-трудармейцев Богословлага. 1941–1946 гг. – Т. 1. – М.: РНД; Н. Тагил: НТГСПА, 2008. – С. 32; ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1172. Л. 7, 13; Гордое терпенье. Книга памяти советских немцев – узников Тагиллага. – Екатеринбург: ИП Черепанова Н.В., 2004. – С. 25.

[12] Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1172. Л. 1–16; Система исправительно-трудовых лагерей в СССР. 1923–1960: Справ. – М.: Звенья, 1998. – С.139, 189.

[13] ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1172. Л. 1–16; Д. 386. Л. 2–14; Д. 402. Л. 4–13 об.; Д. 1215. Л. 15.

[14] Там же. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 402. Л. 4–13 об.; Д. 1215. Л. 15, 26.

[15] Там же.

[16] *Герман А.А., Курочкин А.Н.* Немцы СССР в «Трудовой армии»… – С. 66–67.

[17] *Маламуд Г.Я.* Общие проблемы: Мобилизованные советские немцы в 1942–1948 гг. – Челябинск: ЧелГУ, 1993. – С. 131, табл. 1.

[18] ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1215. Л. 26–26 об.

150 тыс. чел. (из них в ИТЛ на начало года – 61 535 чел.). Такая же ситуация складывается и с 1946 годом. По сведениям отдела спецпоселений МВД СССР от 13 августа 1946 г., на уральских предприятиях 16 министерств трудились 57 878 бывших трудмобилизованных, в МВД СССР (по всей стране) – 91 135 чел., в лагерях и на стройках МВД СССР – 60 396 чел.[19]

Мы можем проследить с большой точностью движение контингентов трудармейцев только по ИТЛ, по картотекам которых разработаны электронные базы данных. Например, в Богословлаге побывало 20 511 чел. трудармейцев (немцев – 99 %), умерло 3734 (18,1 %), демобилизовано 6163 (29,8 %), арестовано 833 (4 %), нет данных на 157 (0,8 %) чел. Контингент трудармейцев в ИТЛ составлял за период 1941–1945 гг. 29 % от численности всего лагеря (70 610 чел.). Показатели смертности в Богословлаге достигали пика зимой 1941–1942 гг. и 1942–1943 гг., причем у заключенных в абсолютном значении они были выше, чем у трудармейцев. Абсолютная смертность среди заключенных составила 10 993 чел. (22 %), среди трудармейцев за 1941–1945 гг. – 3720 чел. (18 %)[20].

В августе 1943 г. советские немцы работали на территории 14 областей, краев и республик, в середине 1944 г. их число увеличилось до 27 – от Московской области до Дальнего Востока. Большая их часть эксплуатировалась в Кемеровской области и на Урале[21].

За пределами НКВД к началу 1944 г. мобилизованные были распределены на предприятия 22 наркоматов. Большая часть (84 %) – в подчинение наркомата угольной промышленности, нефтяной промышленности (29 тыс.), боеприпасов (8 тыс.), строительства (более 7 тыс.), меньшая часть – в другие[22].

По подсчетам А.А. Германа, в конце войны немцы составляли 9 % от трудового потенциала НКВД. Однако в местах их концентрации, в зонах строительства и работы промышленных объектов, их число колебалось от 30 до 90 % рабочей силы спецконтингента. Поэтому мы не согласны с тезисом о том, что трудармейцы не могли оказывать решающего влияния на выполнение производственных задач.

В структуре НКВД немцы в основном использовались на строительстве промышленных объектов и на лесоразработках. Они внесли прямой вклад в строительство Челябинского металлургического завода и разработку рудной базы Бакальского месторождения, строительство Новотагильского металлургического и коксохимического заводов, завода № 166 в Омске, Алтайского бромного завода, Богословского алюминиевого завода, Молотовского судостроительного завода, плотин гидроэлектростанций: Понышской, Вилухинской, Широковской в Пермской (Молотовской) области, танкового завода в Челябинске, заводов по производству боеприпасов на Алтае, в Новосибирске, строительство стратегических железных дорог и др.

Вначале немцы, в подавляющем большинстве жители сельской местности, не справлялись с нормативами работы. Например, в тресте «Кузбассуголь» женщины и подростки на 1 января 1944 г. составляли более 50 % всех мобилизованных. Они не были способны выполнять производственные нормы[23]. Но с 1944 г. немцы стали пополнять ряды стахановцев и ударников производства, заметно отличаясь трудовыми показателями от заключенных и вольнонаемного состава производства.

Режим содержания трудмобилизованных на объектах НКВД и при предприятиях наркоматов по инструктивным положениям отличался от других категорий спецконтингента. Однако организационная структура отрядов при ИТЛ в общих чертах была сходна со структурой лагерных подразделений.

[19] «Мобилизовать немцев в рабочие колонны… И. Сталин»: Сб. док. (1940-е годы) / Сост., предисл., коммент. Н.Ф. Бугая. – М.: Готика, 1998. – С. 308–310.

[20] Gedenkbuch: Книга памяти немцев-трудармейцев Богословлага. 1941–1946 гг. – С. 27; ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 381. Л. 6 об.; Д. 398. Л. 6 об.; Д. 414. Л. 4 об.; Д. 436. Л. 5 об.

[21] *Герман А.А.* Трудовая армия… – С. 573.

[22] Там же.

[23] *Бикметов Р.С.* Использование спецконтингента в экономике Кузбасса (1929–1956 гг.). – Кемерово: КемГУ, 2009. – С. 142, 154.

В наркоматах организационная структура несколько отличалась от ИТЛ. Немцы могли использоваться в качестве начальников колонн, горных мастеров и бригадиров. Приказы и инструкции НКВД, других ведомств устанавливали в отрядах немцев воинский порядок. Трудармейцев обязаны были селить отдельно от других категорий спецконтингента, особенно от заключенных.

В конце 1942 г. в зонах ИТЛ и предприятий наркоматов появились все атрибуты концентрационных лагерей: колючая проволока, вооруженная охрана, собаки, запрещен выход за пределы зоны. Режим в ИТЛ и на предприятиях гражданских наркоматов заметно отличался. На гражданском производстве он был заметно слабее. Практиковались жестокие меры за «саботаж» и дезертирство. Особенно отличился ИТЛ Бакаллаг-ЧМС, где было расстреляно несколько сотен трудмобилизованных.

В тяжелейших условиях военного положения 1941–1942 гг. вопрос о физическом состоянии и потерях немецкого контингента был одним из самых болезненных как в центре, так и на местах. Об этом свидетельствуют документы ГУЛАГа НКВД. В них отмечалось, что причинами высокой убыли мобилизованных немцев являются ослабление рабочего фонда, доведение его до состояния инвалидности и непригодности к труду[24]. Из 111 070 немцев, прибывших в лагеря Урала за 1942 г., к концу года убыло 29 431 чел. или 26,5 %, т. е. более четверти всего немецкого контингента[25].

Среди основных причин убыли немцев-трудармейцев были смертность, демобилизация, возврат РВК (районный военный комиссариат), арест ОЧО (оперативно-чекистский отдел), побеги. Причиной возврата или освобождения было физическое состояние трудмобилизованных. В связи со сложившимся положением с трудовой силой ГУЛАГ НКВД запретил лагерям, где демобилизация приняла широкие размеры, проводить ее в дальнейшем без предварительной санкции ГУЛАГа НКВД[26]. Однако, несмотря на распоряжение центра, демобилизации продолжались.

Основными причинами смертности были тяжелый физический труд и непосильные нормы выработки, которые в условиях отсутствия нормального питания, материального обеспечения, медицинского обслуживания приводили к резкому ослаблению физического состояния людей, доведению их до инвалидности. В 1941–1943 гг. трудармейцы получали питание по нормам иждивенцев «вольного» населения (ниже 2000 ккал в сутки). Норма военного времени составляла 2500 ккал, мирного – 3275 ккал.

Другой причиной убыли трудмобилизованных немцев был арест ОЧО. Согласно данным учетных карточек, наибольшее количество арестованных ОЧО в 1942 г. наблюдалось в Севураллаге – 5,3 %, Тагиллаге – 4,1 %, Бакаллаге – 4,0 %, Усольлаге – 3,3 %, Ивдельлаге – 1,8 %.

Особое внимание оперативные сотрудники обращали на пресечение побегов. Показатель побегов немцев из уральских лагерей не превышал 1 %. Самый высокий уровень побегов зафиксирован в Бакаллаге – 0,87 %, Усольлаге – 0,83 %, Ивдельлаге – 0,63 %[27].

Центральные органы НКВД, лагерное начальство на местах были заинтересованы в максимальной трудоспособности трудармейцев. Для того чтобы сохранить и расширить состав группы «А», лагерные власти могли использовать несколько способов: пополнять ряды этой группы за счет вновь прибывших или проводить оздоровление людей. Однако к середине 1943 г. резервов уже не было. Поэтому приходилось сокращать

[24] ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1157. Л. 149.

[25] Там же. Д. 1172. Л. 1–16.

[26] Там же.

[27] Там же.

численность трудармейцев в других группах, увеличивая группу «А» за счет инвалидов, слабосильных, раздетых и разутых и т. д.

Состав группы «В» включал в себя четверть всех трудмобилизованных немцев. Фактически треть немецкого контингента в Ивдельлаге, ИТЛ ЧМС, Усольлаге не могла выполнять тяжелые и средние по тяжести работы на производстве, что свидетельствует о физическом истощении контингента.

В 1944 г. немцы-трудармейцы оставались одним из наиболее многочисленных контингентов в лагерях НКВД. Во всех лагерях мы видим значительное снижение доли убывших. Однако превышение количества убывших над прибывшими в лагеря Урала сохранялось. Одной из основных причин убыли оставалась смертность. В лагерях не прекращалась практика демобилизации, которая помогала предотвратить рост смертности и избавиться от содержания ослабленных людей.

Несмотря на сохранение негативных тенденций, в 1944 г. численность группы «В» во всех лагерях Урала снизилась в 2–3 раза. Причины этого: улучшение материально-бытовых условий, продовольственного снабжения лагерей, сознательное уменьшение лагерным начальством численности группы, перевод физически истощенного контингента и инвалидов в основные производственные группы.

В конце 1943–1944 г. режим содержания трудармейцев в наркоматах угольной, нефтяной промышленности и ряде других несколько смягчился. Охрана с зон была снята, улучшилось продовольственное снабжение. В ИТЛ смягчение режима наступило в конце 1944–1945 г.

В ряде лагерей расширились контакты с вольнонаемным составом, имели место самовольные отлучки в город, ослабление учета, проводились совместные вечера мобилизованных немцев с сотрудниками лагеря, были случаи сожительства немцев с вольнонаемными[28].

С мая 1945 г. начался процесс демобилизации советских немцев из трудармии, а в апреле 1946 г. трудармия была ликвидирована, немцев перевели на спецпоселение под административный надзор территориальных органов МВД.

Благодаря исследованиям в рамках проекта „Gedenkbuch“, удалось установить численность немецкого контингента и погибших трудармейцев в ряде лагерей. В Усольлаге в 1942–1947 гг. погибли 3508 немцев-трудармейцев. Через Тагиллаг прошло 6,5 тыс. советских немцев, из них умерло 630 чел.; через Богословлаг – 20 711 чел., умерло 3734 чел. Через ИТЛ БМК-ЧМС прошло около 38 тыс. чел., умерло 6419 чел.

Огромное количество трудмобилизованных было «освобождено» по причине инвалидности (Тагиллаг – 11,4 %, Богословлаг – 30 %, ИТЛ ЧМС – 30,5 % от всего контингента). Эти люди были в большинстве своем обречены на смерть «в пути» или на спецпоселении.

Используя неполные данные, можно назвать примерную цифру погибших трудармейцев – 36 896 чел. (11,7 % от всех трудмобилизованных)[29].

Одновременно с депортацией в 1941 г. стал складываться режим спецпоселения. Специально для депортации советских немцев был создан отдел спецпереселений НКВД, который первоначально в своих документах пользовался термином «эвакуация». В то же время в инструктивном положении для начальников эшелонов применялся термин «переселяемые в административном порядке», в законодательном порядке означающий меру наказания для уголовных преступников[30].

[28] Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф. 5248. Оп. 1. Д. 132. Л. 37.

[29] *Герман А.А.* Трудовая армия… – С. 578; ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 402. Л. 4–13 об.

[30] *Хердт В.* О временных и региональных особенностях положения различных контингентов спецпереселенцев-немцев в Западной Сибири (1941–1956 гг.): постановка проблемы // Начальный период Великой Отечественной войны и депортация российских немцев… – С. 790.

Сам факт переселения или непереселения немцев делил их на две неравные в правовом отношении категории. Одни были подведомственны НКВД, другие – сельским советам. Часть местных немцев так и не попала под опеку НКВД, МВД, даже побывав в трудармии[31].

Первый шаг к оформлению режима спецпоселения – распоряжение НКВД от 10 января 1942 г. об ограничении прав немцев на передвижение пределами того района, на территории которого они были расселены; распространялось преимущественно на немцев Поволжья.

Летом 1943 г. НКВД принял решение о создании новых спецкомендатур в районах расселения немцев-спецпоселенцев, переданных в рыбную промышленность Сибири. Организация комендатур вслед за Казахстаном и Киргизией распространилась и на Сибирь[32].

В 1944 г. количество документов, регламентирующих спепереселение, увеличивается: 7 февраля 1944 г. введено «Положение о комендатурах», приказ НКВД № 00183 от 26 февраля 1944 г. установил порядок выдачи паспортов спецпереселенцам, приказ от 16 августа 1944 г. ввел в действие инструкцию по учету спецпереселенцев, приказ № 376 от 14 сентября 1944 г. – инструкцию о порядке наложения административных взысканий[33]. Приказом НКВД СССР № 0170 от 16 августа 1944 г. в категорию спецпоселенцев были включены и репатриированные советские граждане немецкой национальности.

Десятилетие 1945–1955 гг. стало временем, когда в отношении немцев и других репрессированных народов был установлен особый режим спецпоселения, главной целью которого стало удержание депортированных народов в местах их поселения. Законодательно статус спецпоселенцев за депортированными немцами был закреплен Постановлением СНК СССР «О правовом положении спецпереселенцев» № 35 от 8 января 1945 г.

В течение 1945 г. немецкий контингент, находившийся в ведении наркоматов промышленных предприятий, был переведен на спецпоселение. Постановлениями ГКО 1945 г. мобилизованные немцы, работавшие на предприятиях угольной и нефтяной промышленности, были закреплены за этими предприятиями[34]. Существовавшие зоны были ликвидированы, охрана снята. Демобилизуемые немцы направлялись к месту поселения в соответствии с директивой ГУЛАГа и ОСП МВД СССР № 48/79512-52/8713 от 22 декабря 1945 г.[35]

Ряды спецпоселенцев пополнились в апреле 1946 г. трудармейцами, демобилизованными из рабочих колонн, которые также были прикреплены к предприятиям нефтяной, угольной, бумажной промышленности, стройкам Главпромстроя НКВД, переданным в гражданские строительные наркоматы.

В 1946 г. принят «Устав о спецпереселенцах», в котором много положений посвящалось спецпоселенцам-немцам. В частности, в этом документе говорилось: «Специальные переселения <…> отдельных групп населения и целых народностей вместе с семьями и личным имуществом проводятся в исключительных случаях, как *мера массовой государственной репрессии за измену родине и противодействие Красной Армии во время войны* <…>» (курсив наш. – *В. К.*)[36].

В 1948 г. вошли в силу постановление Совета министров и указ ПВС, которые определили немцев на вечное поселение в местах высылки и угрожали 20 годами каторжных работ за побеги.

[31] *Хердт В.* О временных и региональных особенностях… – С. 787, 788.

[32] *Белковец Л.П.* Административно-правовое положение российских немцев на спецпоселении 1941–1955 гг.: Ист.-правов. исслед. – 2-е изд. – М: РОССПЭН, 2008. – С. 198, 150, 202–203.

[33] Там же. – С. 203, 206, 207, 224.

[34] ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 215. Л. 146.

[35] Там же. Л. 147.

[36] Там же. Д. 710. Л. 15; *Белковец Л.П.* Указ. соч. – С. 213–214.

Полного перевода «местных немцев», «репатриированных» и «мобилизованных» на спецпоселение не получилось. Охват немцев спецучетом составлял от 90 до 2–3 %[37]. Большая часть трудмобилизованных была передана в постоянные кадры промышленности, а меньшая часть переведена в режим спецпоселения. Например, на 10 апреля 1948 г. из 124 779 немцев, мобилизованных в промышленность, 85 746 были закреплены как постоянные кадры предприятий[38].

В 1945 г. к спецпоселенцам стали добавляться репатриированные. До 1 октября 1948 г. немецкий контингент спецпоселения увеличился на 120 192 чел. Началось выделение немцев из других категорий («бывшие кулаки», «власовцы») и включение в немецкий контингент спецпоселенцев[39].

Наиболее многочисленным контингент немцев-спецпоселенцев был в Свердловской, Челябинской, Молотовской областях, т. к. именно здесь концентрация промышленных предприятий и лагерей НКВД была наиболее высокой. Анализ дислокации контингентов, находившихся на спецпоселении в областях и республиках Урала в 1949–1951 гг., показывает, что в среднем доля немецкого контингента в общем количестве находящихся на спецпоселении составляла 78,6 %[40].

По состоянию на 1 января 1949 г. по стране было расселено 2 300 223 спецпоселенца, из них 1 035 701 немец, которые оказались в 43 областях и республиках СССР[41]. В 1945 г. превышение смертности над рождаемостью «имело поистине громадные размеры». Среди немцев умирало почти в 4 раза больше, чем рождалось. Начиная с 1948 г. количество детей у немцев, рожденных в местах спецпоселения, неуклонно увеличивается, рождаемость впервые превысила смертность[42].

Следствием потерь, понесенных в годы депортации и трудмобилизации, а также тяжелых условий спецпоселения стала огромная диспропорция между полами. В среднем в СССР на 1000 мужчин приходилось 1448 женщин-немок. Долгосрочные потери немецкого населения составили 10–20 % от возможной численности в отсутствие катаклизмов 1940-х годов и постоянно увеличивались вплоть до середины 1950-х годов[43].

Согласно данным МВД СССР, на 1 января 1953 г. в СССР было зарегистрировано 1 064 062 немца-спецпоселенца, из которых 855 674 были выселены по решениям правительства, 208 388 – репатриированные немцы. Кроме того, на учете находилось 1604 немца-ссыльнопоселенца[44].

Демографические потери немецкой этнической группы, понесенные в ходе депортации и мобилизации в трудармию, усугублялись материально-бытовой неустроенностью в местах спецпоселений, нарушением прав спецпереселенцев со стороны местных властей, администрации предприятий и государства в целом.

Руководство многих промышленных предприятий, где работали немцы, практически не занималось вопросами материально-бытового обеспечения немецкого контингента. Главными проблемами для многих спецпоселенцев, работавших в разных отраслях промышленности, стали отсутствие жилья, неприспособленность помещений для проживания.

Недостаточное и малокалорийное питание, физическое истощение спецпоселенцев, прошедших ужасы депортации и трудармии, приводили к тому, что люди были не

[37] *Чернолуцкая Е.Н.* Особенности депортации советских немцев на Дальнем Востоке в 1940–1950-е гг. // Начальный период Великой Отечественной войны и депортация российских немцев… – С. 764.

[38] *Земсков В.Н.* Указ. соч. – С. 127.

[39] Там же. – С. 126, 127, 134.

[40] ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 509. Л. 95–109, 150–156; Д. 511. Л. 180–184.

[41] *Земсков В.Н.* Указ. соч. – С. 164–166.

[42] Там же. – С. 118, 306.

[43] ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 642. Л. 293; *Эдиев Д.М.* Демографические потери депортированных народов СССР. – Ставрополь, 2003. – С. 272, 298, 300.

[44] *Земсков В.Н.* Указ. соч. – С. 205; ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 642. Л. 293.

в силах выполнить нормы выработки на производстве. Производительность труда рабочих в среднем составляла 60 %, поэтому большинство из них получали низкую заработную плату. Только в случае выполнения нормы до 400 %, можно было рассчитывать на заработок свыше 1 тыс. рублей, но такие случаи были единичными. При заработной плате, которая и так была ниже прожиточного минимума, на предприятиях довольно частыми были случаи ее задержки до 2–3 месяцев[45].

Тяжелые условия труда и жизни, противоправные действия власти, которая лишила людей свободного передвижения и права считать себя полноценными гражданами СССР, порождали волну глухого недовольства. Открытых массовых проявлений социального протеста среди спецпоселенцев, судя по документам, не было зафиксировано. Их недовольство выливалось в такие формы сопротивления, как побеги с мест поселения, организация нелегальных религиозных групп, отказ от выхода на работу. За 1941–1948 гг. из спецссылки бежало 23 797 немцев, из которых задержано 17 554, привлечено к уголовной ответственности 6224 и 6243 так и не были пойманы[46].

Находясь под жестким контролем со стороны спецкомендатур, спецпоселенцы вынуждены были смириться с утратой своего прежнего социального статуса и новым «неполноправным» положением.

Многие своим самоотверженным трудом и высокой квалификацией «заработали» освобождение: к 1948 г. со спецпоселения было освобождено 37 784 чел. Труд немцев использовался в 1950 г. на предприятиях 58 министерств, в государственных и советских учреждениях. По этому показателю с ними не мог сравниться ни один другой депортированный народ[47].

Освобождение со спецпоселения происходило постепенно в соответствии с нормативными актами 1954–1955 гг., снимающими ограничения режима спецпоселения с какой-либо категории советских немцев, в большинстве случаев «без права возвращения имущества, а также без права возвращения в места, откуда был выселен»[48].

Первое массовое освобождение спецпоселенцев произошло в период между январем 1954 г. и январем 1955 г. – сняли с учета немцев, бывших кулаков, а затем другие категории. По решению Президиума ЦК КПСС были сняты со спецпоселения дети до 16 лет включительно, дети старше 16 лет, обучающиеся в учебных заведениях, бывшие кулаки, мобилизованные и местные немцы. К весне 1955 г. их численность сократилась с 1 251 803 чел. до 727 823 чел.[49]

И наконец, 13 декабря 1955 г. был принят Указ Президиума ВС СССР «О снятии ограничений в правовом положении с немцев и членов их семей, находящихся на спецпоселении». Немцы были освобождены первыми из депортированных народов, однако без права возвращения в места выселения, что означало превращение их в административно высланных[50].

Режим спецпоселения, установленный в отношении советских немцев и других народов в годы войны и получивший распространение в 1946–1955 гг., стал для власти универсальным способом решения целого комплекса проблем. Прежде всего, закрепление немцев и других народов в местах спецпоселения помогло решить важнейшие задачи экономического характера. Контингент спецпоселенцев рассматривался властью как кадровый резерв промышленности на плохо освоенных территориях и в районах, где имелся дефицит рабочей силы, среди которых одно из ведущих мест занимали Урал и Западная Сибирь. Начиная с 1942 г. и до начала 1950-х годов доля

[45] ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 247. Л. 239; Д. 215. Л. 126.

[46] *Земсков В.Н.* Указ. соч. – С. 190.

[47] Там же. – С. 193, 200–202.

[48] АИЦ УВД СО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 61078. [Листы в деле без нумерации. – *В. К.*]

[49] *Земсков В.Н.* Указ. соч. – С. 226, 231, 240.

[50] Там же. – С. 279.

спецконтингента в областях и республиках Уральского региона оставалась значительной и составляла в среднем 30 %.

По отношению к советским немцам власть уверенно реализовывала идеологические установки по созданию внутреннего врага, на которого можно было списать вину за провалы своей политики, за невыносимые условия жизни всего населения страны. Российские немцы заплатили за эту насильно возложенную режимом роль тысячами погибших и исковерканных человеческих судеб (в 1990-х годах реабилитировали 1,3 млн российских немцев).

Психологическая травма, нанесенная огульным обвинением в измене родине, депортацией, спецпоселением и помещением в ИТЛ, оказывала сильнейшее депрессивное воздействие на людей. Это приводило к низкой производительности труда, массовому дезертирству. Однако патриотические настроения, связанные с борьбой против фашизма, генетические качества немецкого народа (трудолюбие, дисциплинированность, послушание власти) позволили преодолеть нанесенную тоталитарным государством обиду и совершить трудовой подвиг во имя победы.

Длительная бытовая неустроенность тормозила социальную адаптацию переселенцев, обостряла у них чувство социальной незащищенности и несправедливости, а сами немцы, удаленные от своих очагов, не становились лояльнее к репрессировавшей их власти. Лишенные возможности компактного проживания, развития культуры, использования своего родного языка, российские немцы оказались перед реальной угрозой растворения в инонациональном окружении, потери этнического самосознания.

Комплексное рассмотрение трех взаимосвязанных репрессивных акций против советских немцев убедительно опровергает доводы сторонников консервативного направления в историографии, оправдывающих депортацию как общепринятую акцию всех государств в годы Второй мировой войны. Политика репрессий против немецкого национального меньшинства, развернувшаяся в 1930-е годы, достигла кульминации в 1940-х – начале 1950-х годов. Освобождение со спецпоселения во второй половине 1950-х годов стало для советских немцев не реабилитацией, а только амнистией. Не получив законного права возвращения на прежнее место жительства, они по своему статусу оказались в категории административно высланных. Затянувшийся процесс подлинной реабилитации породил неверие в искренность намерений «властей предержащих» и массовый исход за пределы страны.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Айсфельд А., Бруль В.* Депортация // Немцы России: Энцикл. – Т. 1. – М.: ОАНРН, 1999. –822 с.
2. Архив информационного центра УВД Свердловской области (АИЦ УВД СО). Ф. 20. Оп. 1. Д. 61078.
3. *Белковец Л.П.* Административно-правовое положение российских немцев на спецпоселении 1941–1955 гг.: Ист.-правов. исслед. – 2-е изд. – М.: РОССПЭН, 2008. – 359 с.
4. *Бикметов Р.С.* Использование спецконтингента в экономике Кузбасса (1929–1956 гг.). – Кемерово: Изд-во КемГУ, 2009. – 430 с.
5. *Герман А.А.* Депортация немцев Поволжья осенью 1941 г. // Начальный период Великой Отечественной войны и депортация российских немцев: взгляды и оценки через 70 лет: Материалы 3-й междунар. науч.-практ. конф., Саратов, 26–28 авг. 2011 г. / Под ред. А.А. Германа. – М.: МСНК-пресс, 2011. – С. 415–441.
6. *Герман А.А.* Трудовая армия // Немцы России: Энцикл. – Т. 3. – М.: ОАНРН, 2006. – 893 с.
7. *Герман А.А., Курочкин А.Н.* Немцы СССР в «Трудовой армии» (1941–1945 гг.). М.: Готика, 1998. – 316 с.
8. Гордое терпенье. Книга памяти советских немцев – узников Тагиллага. – Екатеринбург: ИП Черепанова Н.В., 2004. – 716 с.

9. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 9414. Оп. 1. Д. 381, 386, 398, 402, 414, 436, 1172, 1215; Ф. 9479. Оп. 1. Д. 215, 247, 509, 511, 642, 710.
10. *Земсков В.Н.* Спецпоселенцы в СССР. 1930–1960. – М.: Наука, 2003. – 306 с.
11. *Кириллов В.М.* Историография проблем репрессивной политики против советских немцев в отечественной исторической науке // Два с половиной века с Россией: актуальные проблемы и дискуссионные вопросы истории и историографии российских немцев: Материалы 14-й Междунар. науч. конф., Кисловодск, 25–29 сент. 2013 г. – М: МСНК-пресс, 2014. – С. 122–165.
12. Книга памяти немцев-трудармейцев Богословлага. 1941–1946. – Т. 1. – М.: РНД; Н. Тагил: НТГСПА, 2008. – 520 с.
13. *Маламуд Г.Я.* Общие проблемы: Мобилизованные советские немцы в 1942–1948 гг. – Челябинск: ЧелГУ, 1993. – 220 с.
14. «Мобилизовать немцев в рабочие колонны… И. Сталин»: Сб. док. (1940-е годы) / Сост., предисл., коммент. Н.Ф. Бугая. – М.: Готика, 1998. – 340 с.
15. Начальный период Великой Отечественной войны и депортация российских немцев: взгляды и оценки через 70 лет: Материалы 3-й Междунар. науч.-практ. конф., Саратов, 26–28 авг. 2011 г. / Под ред. А.А. Германа. – М.: МСНК-пресс, 2011. – 920 с.
16. *Полян П.П.* Депортации советских немцев в 1941–1943 гг. и советская депортационная политика периода Второй мировой войны // Начальный период Великой Отечественной войны и депортация российских немцев: взгляды и оценки через 70 лет: Материалы 3-й Междунар. науч.-практ. конф., Саратов, 26–28 авг. 2011 г. / Под ред. А.А. Германа. – М.: МСНК-пресс, 2011. – С. 99–123.
17. Система исправительно-трудовых лагерей в СССР. 1923–1960: Справ. – М.: Звенья, 1998. – 600 с.
18. *Солодова В.В.* Выселение немцев из Одесского региона (июнь – август 1941 г.): проблема поиска источников // Начальный период Великой Отечественной войны и депортация российских немцев: взгляды и оценки через 70 лет: Материалы 3-й Междунар. науч.-практ. конф., Саратов, 26–28 авг. 2011 г. / Под ред. А.А. Германа. – М.: МСНК-пресс, 2011. – С. 311–320.
19. *Хердт В.* О временных и региональных особенностях положения различных контингентов спецпереселенцев-немцев в Западной Сибири (1941–1956 гг.): постановка проблемы // Начальный период Великой Отечественной войны и депортация российских немцев: взгляды и оценки через 70 лет: Материалы 3-й Междунар. науч.-практ. конф., Саратов, 26–28 авг. 2011 г. / Под ред. А.А. Германа. – М.: МСНК-пресс, 2011. – С. 785–793.
20. Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф. 5248. Оп. 1. Д. 132.
21. *Чеботарева В.Г.* Указ Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 г. – превентивная мера обеспечения государственной безопасности или политическая провокация? // Начальный период Великой Отечественной войны и депортация российских немцев: взгляды и оценки через 70 лет: Материалы 3-й Междунар. науч.-практ. конф., Саратов, 26–28 авг. 2011 г. / Под ред. А.А. Германа. – М.: МСНК-пресс, 2011. – С. 442–455.
22. *Чернолуцкая Е.Н.* Особенности депортации советских немцев на Дальнем Востоке в 1940–1950-е гг. // Начальный период Великой Отечественной войны и депортация российских немцев: взгляды и оценки через 70 лет: Материалы 3-й Междунар. науч.-практ. конф., Саратов, 26–28 авг. 2011 г. / Под ред. А.А. Германа. – М.: МСНК-пресс, 2011. – С. 765–768.
23. *Эдиев Д.М.* Демографические потери депортированных народов СССР. – Ставрополь: Изд-во СтГАУ «АРГУС», 2003. – 336 с.

Deportation, Mobilisierung für die Arbeitsarmee und Sondersiedlungsregime der Deutschen der UdSSR

W. M. Kirillow

In dem Aufsatz werden drei miteinander in Verbindung stehende und gegen Russlanddeutsche gerichtete repressive Maßnahmen des stalinistischen Regimes der 1940er und 1950er Jahre einer Systemanalyse unterzogen: Deportation, Mobilisierung für die Arbeitsarmee und das Sondersiedlungsregime. Dabei bediente man sich der Methoden des Systemdenkens, der historiografischen Analyse, der Sozialgeschichte und der historischen Informatik (Datenbanken). Es wurden die Voraussetzungen und Ursachen für die Deportationspolitik und der Komplex der Verletzung von Bürgerrechten der nationalen Minderheit herausgearbeitet sowie die Etappen und der Inhalt bei der praktischen Umsetzung von Deportation und Mobilisierung für die Arbeitsarmee sowie des Sondersiedlungsregimes beschrieben. Es wurden mit argumentative Schlussfolgerungen aus den Ergebnissen der massenhaften repressiven Politik und den langfristigen Folgen dargestellt. Die empirische und theoretische Basis für den Aufsatz bilden Materialien aus russischen Archiven, Datenbanken und Veröffentlichungen der wissenschaftlichen Forschungsstelle „Historische Informatik“ des Sozialpädagogischen Instituts Nižnij Tagil, die die Zentrale für das internationale Projekt „Gedenkbuch: Buch der Erinnerung an die verfolgten Russlanddeutschen“ ist.

Schlüsselwörter: politische Repressalien, Deportation, Mobilisierung für die Arbeitsarmee, Sondersiedlungsregime, Russlanddeutsche, Mobilisierte für die Arbeitsarmee, Arbeitsarmisten, Projekt „Gedenkbuch“, Datenbanken, Zwangsarbeit, Besserungsarbeitslager, Volkskommissariate, Sonderkontingent, Demobilisierung, „einheimische Deutsche“, Repatriierte.

Deportation, labor mobilization and special settlements of Soviet Germans

V.M. Kirillov

The article presents a systematic analysis of three interrelated repressive actions of the Stalinist Regime against the Russian Germans in the 1940s and 1950s: deportation, labor mobilization and special settlements. The following methods are being applied: systematic approach, historiographical analysis, social history and historical informatics (electronic data bases and banks of data). Preconditions and causes of the deportation policy, a series of violations of civil rights of the ethnic minorities are being revealed, the stages and content of the practical implementation of the deportation, labor mobilization and special settlements are being described. Well-founded conclusions on the results of mass repressive policies and its long-term consequences are being presented. Russian archive materials, electronic data bases and publications of the laboratory “Historical Informatics” at the Socio-pedagogical Institute of Nizhny Tagil had become the empirical and theoretical basis for the article. The laboratory “Historical Informatics” is the center of the international project “Gedenkbuch: The Memory Book of the Russian Germans”.

Keywords: Political repressions, deportation, labor mobilization, special settlement, Russian Germans, trudmobilizovannye, trudarmeytsy, project “Gedenkbuch”, electronic databases, forced labor, forced labor camps, people’s commissariat, special contingent, demobilization, “local Germans”, repatriated.

УДК 39(303.6)

Д.И. Вайман

Этнографическое изучение немцев Урала пермскими исследователями*

В данной статье подводятся предварительные итоги исследования региональной группы российских немцев – немцев Урала, проведенного пермскими этнографами в 2005–2015 гг. на территории Пермского края, Республики Башкортостан, Оренбургской и Челябинской областей. В поле исследовательских интересов оказалось немецкое население, проживающее на территории Уральского региона с конца XIX – начала XX в.

Ключевые слова: немцы Урала, этнография российских немцев, этнографическое изучение немцев Урала.

Урал, расположенный на стыке Европы и Азии, стал одной из территорий, активно осваиваемых немецкими колонистами во второй половине XIX – начале XX в.

Формирование немецкого населения на Урале происходит в русле общих закономерностей и тенденций миграционных процессов, характерных для российских немцев в этот период. Начало массовой миграции немецкого населения на восток с территорий, освоенных ими ранее, приходится на 60-е годы XIX в.[1] Оставив свои «материнские» колонии на Волге, Северном Кавказе, в Новороссии, на Волыни и в других регионах Европейской России, в конце XIX – начале XX в. немецкое население в общероссийском миграционном потоке устремилось к Южному и Среднему Уралу, а также в Сибирь[2].

На Урале немцами осваивались южные губернии – Уфимская и Оренбургская (в настоящее время эти территории в административном отношении относятся к Пермскому краю, Республике Башкортостан, Оренбургской и Челябинской областям)[3]. Преимущественно в эти процессы было вовлечено немецкое население европейской части Российской империи – Волынской, Киевской, Таврической, Херсонской, Екатеринославской, Одесской и других губерний.

Немецкое население Урала было представлено разными конфессиональными группами – католиками, лютеранами и меннонитами. Миграции немцев из разных регионов западных территорий Российской империи, специфика формирования немецких поселений на Урале в конце XIX – начале XX в. определили немцев Урала как региональную группу российских немцев, с характерными чертами, отличающими их от других крупных региональных групп немцев России, прежде всего немцев Поволжья и Сибири.

* Исследование выполнено в рамках гранта РГНФ № 14-11-59009 «Традиционная культура в условиях диаспоры».

1 *Герман А.А., Иларионова Т.С., Плеве И.Р.* История немцев России. – М.: МСНК-пресс, 2005. – С. 195.

2 *Плеве И.Р.* К вопросу о классификации групп немецкого населения России (исторический аспект) // Немцы России в контексте отечеств. истории: общие проблемы и регион. особенности. – М.: Готика, 1999. – С. 203–208.

3 *Григорьев Д.В.* Немцы Башкортостана в конце XIX – XX в. – Уфа: Изд-во Башкирск. ун-та, 2002. – 192 с.; *Вайман Д.И., Черных А.В.* Немецкие хутора Прикамья: история и традиционная культура (XIX – начало XXI в.) – СПб.: Маматов, 2008. – 224 с.; Из истории оренбургских немцев: Сб. док. (1817–1974). – Оренбург; М.: Готика, 2000. – 288 с.

© Д.И. ВАЙМАН. ЕЖЕГОДНИК МАИИКРН. 2015 Г. № 1. С. 309–316.

Д.И. Вайман (слева) беседует с В.Э. Келлером. С. Шипкино Октябрьского р-на Челябинской обл. 19 августа 2015 г.

Фото П.А. Лузина

Среди особенностей расселения характерным является поселение небольшими ареалами в условиях иноэтнического окружения, преимущественно русских, татар и башкир. Основные ареалы расселения формировались из одних миграционных потоков и представляли собой выходцев с сопредельных территорий «старой родины», которые чаще всего были едины в конфессиональном отношении. Компактные ареалы сформировались у групп немцев-меннонитов на территории современной Оренбургской области, в соседних Переволоцком и Александровском районах, а также в Красногвардейском районе. Немцы, выходцы с Волыни, сформировали два компактных ареала расселения: в Прикамье (Чернушинский и Октябрьский районы Пермского края) и в центральной Башкирии (Альшеевский и Стерлитамакский районы Республики Башкортостан). Ареалы расселения немцев в южной части Оренбургской области (современные Акбулакский, Беляевский, Соль-Илецкий районы), в западной части Башкирии (Благоварский район), юго-восточной части Челябинской области (Октябрьский район) представлены как католическими, так и лютеранскими конфессиональными группами. Отчасти это обусловлено и сложным конфессиональным составом на «старой родине» переселенцев, где также проживали и католики, и лютеране. Существенный и наиболее сложный ареал немецкого населения в конфессиональном отношении сформировался в западной части Уфимского уезда (современный Давлекановский район Республики Башкортостан). Основу населения этой территории составили меннониты; кроме того, в отдельных поселениях проживали католики и лютеране.

Расселение немцев на Урале относительно компактными группами в сельских поселениях явилось основной причиной сохранения комплексов традиционной культуры. В условиях новой родины происходило формирование новых вариантов локальных традиций: этнокультурные комплексы адаптировались к новым природно-климатическим и ландшафтным условиям региона, к новому иноэтническому окружению[4]. При проживании выходцев из разных районов в одном населенном пункте происходили смешение и взаимодействие разных элементов принесенных традиций. Происходило и саморазвитие принесенных традиций на основе внутренних механизмов, что способствовало проявлению вариативности и формированию региональных и локальных особенностей комплексов традиционной культуры[5].

Долгое время полноценное изучение немецкой этнографии на Урале, как и в стране в целом, в силу объективно сложившихся исторических причин почти не проводилось. Многие проблемы этнографии российских немцев, в т.ч. региональных групп, оставались слабо исследованными.

Системное этнографическое изучение региональной группы немцев Урала начато лишь в последнее десятилетие[6]. В этом ключе немцы Урала представляют собой наименее исследованную группу российских немцев. В данной статье автор представляет результаты этнографического исследования немцев Урала, предпринятого пермскими исследователями.

В 2000 г. состоялись первые полевые исследования среди немцев Пермского края. С 2005 г. под руководством д-ра ист. наук А.В. Черных началось планомерное этнографическое исследование немецкого населения Прикамья. В 2006 г. во время экспедиционной работы в Октябрьском и Чернушинском районах Пермского края был произведен сбор экспонатов для Пермского краевого музея. Результатом этнографической работы среди немецкого населения Прикамья стала публикация ряда статей и коллективной монографии, отдельные разделы которых были посвящены истории и традиционной культуре немцев Прикамья[7].

С 2009 г. сотрудники Пермского филиала Института истории и археологии Уральского отделения РАН, Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета начали полевые исследования среди немцев Оренбургской области и Республики Башкортостан. Этнографическое изучение немецкого населения велось преимущественно на территории, которые были основаны немцами на Урале в конце XIX – начале XX в. В 2011 г. география исследования была расширена, экспедиционная

[4] *Вайман Д.И.* Природные явления и народный календарь в традициях немцев Урала // Национальные культуры Урала. Этническая и культурная идентичность. [Сб. ст.] – Екатеринбург, 2012. – С. 161–169; *Вайман Д.И., Черных А.В.* Особенности взаимодействия немецкого населения Урала с другими этносами (конец XIX – первая треть XX в.) // Проблемы социо- и психолингвистики. Вып. 16. Лингвокультурная ситуация и билингвизм в Пермск. крае: Сб. ст. – Пермь, 2012. – С. 36–41.

[5] *Вайман Д.И.* Структура и содержание народного календаря немцев Урала // Вестн. Пермск. науч. центра. – Пермь: Изд-во ПНЦ УрО РАН, 2014. – № 4. – С. 62–70.

[6] *Панина Л.С.* 1) К проблеме изучения некоторых обрядов российских немцев (Праздник встречи весны) // Немцы Оренбуржья: прошлое, настоящее, будущее. – М.: Печат. дом «Димур», 1998. – С. 124–130; 2) Отражение национального менталитета в пословицах оренбургских немцев // Немцы России на рубеже веков: история, современное положение, перспективы. – Оренбург: Издат. центр ОГАУ, 2000. – С. 190–195; *Пантелина С.Ю.* Обрядовые праздники оренбургских немцев // Немцы России на рубеже веков. – С. 314–319; *Герасименко Т.И., Нуждина Е.Ю.* Немцы-меннониты Оренбургской области: культурный след в истории и географии. – Оренбург: Агентство «ПРЕССА», 2000. – 75 с.; *Филатова И.Г., Сухова-Айснер И.А.* Немцы // Народы Башкортостана: ист.-этнограф. очерки. – Уфа: Гилем, 2002. – С. 455–475; *Моргунов К.А.* Религиозная культура и обрядовая практика немцев-меннонитов Оренбуржья // Этнохудож. культура села: некоторые аспекты социокультур. деятельности Оренбуржья. – Оренбург: Константа-сервис, 2006. – С. 216–225.

[7] *Вайман Д.И.* 1) Немецкие деревни Южного Прикамья: история и традиционная культура // Немцы Сибири: История и культура. – Омск: Изд. дом «Наука», 2006. – С. 189–191; 2) Современные проблемы этнокультурного развития немецкого населения Прикамья // Этнос. Общество. Цивилизация: Кузеевск. чтения: Сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. – Уфа: ЦЭИ УНЦ РАН, 2006. – С. 67–69; 3) Современные этноконфессиональные процессы и степень владения родным языком у немцев Прикамья (по результатам этносоциологического исследования) // Обществен. слушания «Участие рос. немцев в развитии культуры, науки и образования в прошлом и настоящем города Перми и Пермск. края». – Пермь, 2007. – С. 37–45; 4) Традиция земледелия и система питания в немецких хуторах Прикамья // Хлеб в традицион. культуре народов Октябрьск. р-на: [Сб.] / Сост. А.В. Черных. – Пермь: Пушка, 2010. – С. 85–92; 5) Немцы // Разноцветный ковер: Пермск. край, Октябрьск. р-н. – Пермь: Пушка, 2010. – С. 68–73; 6) Немцы // Народы Пермск. края. Истоки. Становление. Развитие. – Пермь: Изд-во «ОТ и ДО», 2010. – С. 105–107; 7) Этническая культура российских немцев в условиях города (на примере Пермского края) // Культура город. пространства: власть, бизнес и граждан. об-во в сохранении и приумножении культур. традиций. – Омск: Изд. дом «Наука», 2013. – С. 174–178; 8) Немцы // Народы Пермск. края: этнич. история и современ. этнокультур. развитие. – СПб.: Маматов, 2014. – С. 301–311; *Вайман Д. И., Черных А.В.* Немецкое население южных районов Прикамья: история и традиционная культура // Обществен. слушания «Участие рос. немцев в развитии культуры, науки и образования в прошлом и настоящем города Перми и Пермск. края». – С. 30–36.

А.В. Черных (слева) и Д.И. Вайман (справа) с семьей Штоббе. С. Ишалка Красногвардейского р-на Оренбургской обл. 1 июля 2010 г.

Фото И.Ю. Маматова

работа началась на территории Челябинской области. Всего за период 2005–2015 гг. полевыми исследованиями были охвачены основные ареалы проживания немцев в регионе, которые включены в 13 административных районов, более 40 сельских поселений.

Системные этнографические экспедиции пермских ученых позволили собрать новые материалы по традиционной культуре немцев Урала, систематизировать и представить результаты в отдельных исследованиях.

Главной задачей экспедиционных работ являлось сплошное обследование сельских поселений российских немцев Урала. Проведение целенаправленного исследования по этнографической программе позволило более четко обозначить ареальное распространение того или иного явления культуры, учитывая конфессиональные и иные особенности разных локальных групп немцев. В ходе полевой работы во внимание брались различные конфессиональные группы: католики, лютеране, баптисты и меннониты; группы, представлявшие выходцев из разных регионов европейской части Российской империи; поселения, находящиеся в окружении разных этнических групп полиэтничного населения Урала.

Особое внимание уделялось комплексам материальной и духовной культуры, современным этническим процессам. Сбор полевого материала по традиционной культуре проходил по программе проведения этнографических исследований среди немецкого населения, разработанной Т.Б. Смирновой[8], и программе по сбору полевого этнографического материала А.В. Черных[9].

При проведении полевого исследования значительное внимание уделялось всем материалам, так или иначе связанным с комплексами материальной и духовной культуры, в т.ч. обычаям и ритуалам, фольклорным текстам, терминологическим и лексическим материалам, хозяйственным особенностям.

Особое внимание уделялось межэтническим контактам, т. к. немецкое население с момента своего появления на Урале находилось в иноэтничном окружении русских, татар, башкир, марийцев, эстонцев и других народов. В выборку респондентов попадали не только представители немецкого этноса, но и их этнические соседи. Данный

[8] *Смирнова Т.Б.* Программы сбора материалов по материальной и духовной культуре немецкого населения Западной Сибири. – Омск: Изд-во ОмГПУ, 2001. – 80 с.

[9] *Черных А.В.* Методическое пособие по сбору полевого этнографического материала. – Пермь: ПОИПКРО, 2002. – 126 с.

подход позволил взглянуть на традицию с позиции «внешнего наблюдателя» и акцентировать внимание на самых ярких особенностях культуры немцев.

За время этнографического изучения немцев в регионе в исследовательское поле попали группы немцев, оказавшихся на Урале вследствие депортации 1940-х годов. В данном случае работа велась с представителями разных региональных групп российских немцев (Поволжья, Украины, Кавказа).

При проведении полевой работы использовались разные методы сбора материала, в том числе метод интервьюирования, метод включенного наблюдения. Основной объем информации был получен от респондентов 1920–1950 годов рождения. Непосредственным наблюдением фиксировался материал, характеризующий современное состояние традиции, изменения и появление инноваций. В процессе экспедиционной работы проводились аудио- и видеозапись, фотофиксация. Видео- и аудиозаписи позволили зафиксировать уходящие явления духовной культуры, фольклорные тексты, относящиеся к календарной и семейной обрядности. За время исследования был собран значительный фотоматериал, отражающий как явления материальной культуры, так и современное состояние традиции. Кроме того, в полевых материалах пермских этнографов оказались редкие фотографии из семейных архивов. Итоги исследований различных аспектов традиционной культуры немцев Урала нашли отражение в ряде публикаций автора настоящей статьи.[10]

К одной из первых комплексных этнографических работ по немцам Уральского региона можно отнести монографию «Немецкие хутора Прикамья: история и традиционная культура»[11], в которой на примере одной из локальных групп немцев Урала – волынских немцев Пермского края – даны подробное этнографическое описание и характеристика основных комплексов традиционной культуры.

По результатам полевой работы в Оренбургской и Челябинской областях, Пермском крае, Республике Башкортостан был издан комплект открыток «Шпрухи немцев Урала»[12]. В нем впервые опубликованы фотографии шпрухов[13], сделанные в ходе этнографических экспедиций в местах компактного проживания российских немцев на территории Урала.

Итогом исследований среди немецкого населения Прикамья стала подготовка главы «Немцы»[14] в коллективной иллюстрированной энциклопедии «Народы Пермского края»[15], посвященной истории и этнографии немецкого населения в регионе. В данной работе отражены вопросы развития немецкой культуры в крестьянских поселениях в XX в., рассматриваются вопросы функционирования немецкой культуры в условиях депортации, современные этнические процессы и общественное движение у немцев Пермского края.

[10] *Вайман Д.И.* 1) Рождественское ряженье в календарной обрядности немцев Урала // Апотропейные функции материальной культуры народов Урала и Беларуси (конец XV – XXI в.). – Пермь, 2012. – С. 124–137; 2) Обычаи и представления, связанные с пасхальными яйцами в традициях немцев Урала // Современ. проблемы культур. и язык. регионалистики. – Пермь, 2012. – С. 29–35; 3) Предпасхальный период в календарной обрядности немцев Урала // В мире науч. открытий. – № 11.1 (23). – Красноярск, 2011. – С. 411–418; 4) Праздники и обряды Пятидесятницы (Pfingsten) в календарной обрядности немцев Урала // Вестн. Пермск. науч. центра УрО РАН. – Пермь: Изд-во ПНЦ УрО РАН, 2013. № 4. – С. 33–43; *Черных А.В., Вайман Д.И.* Хрононимы в календарных традициях немцев Урала // Вестн. Пермск. ун-та. Рос. и зарубеж. филология. – Пермь, 2015. – № 3 (31). – С. 5–12.

[11] *Вайман Д.И., Черных А.В.* Немецкие хутора Прикамья: история и традиционная культура (XX – начало XXI в.). – СПб.: Маматов, 2008. – 224 с.

[12] *Вайман Д.И.* Шпрухи в культуре немцев Урала / Шпрухи немцев Урала: Комплект открыток. – Пермь, 2014.

[13] Шпрух представляет собой короткое изречение, цитируемое из Библии, или краткое назидание, художественно оформленное в виде картины, помещенной в рамку.

[14] *Вайман Д.И.* Немцы // Народы Пермского края: история и этнография. Ч. 2. – Пермь: Пушка, 2014. – С. 142–191.

[15] *Черных А.В., Голева Т.Г., Каменских М.С., Вайман Д.И.* Народы Пермского края: история и этнография. Ч. 2. – Пермь: Пушка, 2014. – 424 с.

В 2015 г. под научным руководством А.В. Черных была подготовлена к защите диссертация Д.И. Ваймана – «Календарные праздники и обряды немцев Урала в конце XIX – начале XXI в.». Изучение календарной обрядности предпринято автором статьи согласно общей цели исследования: реконструкция комплекса календарных праздников и обрядов немецкого населения Урала, выявление и анализ содержания и внутренней структуры праздничного календаря в системе традиционной культуры, выделение региональной и локальной специфики. В диссертационном исследовании предпринята попытка дать целостное, системное представление о календарной обрядности немецкого населения Урала с учетом особенностей формирования этнотерриториальной общности, ее конфессиональной специфики и локальных вариантов.

В научно-исследовательских разработках остается широкий спектр вопросов, касающихся этнографии немцев Урала. Сегодня одна из научных задач, которая стоит перед сотрудниками Пермского научного центра УрО РАН, занимающихся изучением народов Урало-Поволжского региона, в условиях отсутствия комплексных исследований по традиционной культуре немцев Урала, –восполнить данный пробел в историографии и представить целостное описание региональной группы немцев Урала.

В настоящее время разрабатываются темы семейной обрядности, традиционной кухни, фольклорных традиций, хозяйственного комплекса, современных этнических процессов у немцев Урала на рубеже XX–XXI веков.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Вайман Д.И.* Немецкие деревни Южного Прикамья: история и традиционная культура // Немцы Сибири: История и культура. Материалы V Междунар. науч.-практ. конф. / Отв. ред. Н.А. Томилов. – Омск, 16–18 мая 2006 г. – Омск: Изд. дом «Наука», 2006. – С. 189–191.
2. *Вайман Д.И.* Немцы // Народы Пермск. края. Истоки. Становление. Развитие. – Пермь: Изд-во «ОТ и ДО», 2010. – С. 105–107.
3. *Вайман Д.И.* Немцы // Народы Пермск. края: история и этнография. Ч. 2. – Пермь: Пушка, 2014. – С. 142–191.
4. *Вайман Д.И.* Немцы // Народы Пермск. края: этнич. история и современ. этнокультур. развитие. – СПб.: Маматов, 2014. – С. 301–311.
5. *Вайман Д.И.* Немцы // Разноцветный ковер: Пермск. край, Октябрьск. р-н. – Пермь: Пушка, 2010. – С. 68–73.
6. *Вайман Д.И.* Обычаи и представления, связанные с пасхальными яйцами в традициях немцев Урала // Современ. проблемы культур. и язык. регионалистики: Сб. материалов межвуз. науч. конф. 26–28 нояб. 2012 г. – Пермь, 2012. – С. 29–35.
7. *Вайман Д.И.* Праздники и обряды Пятидесятницы (Pfingsten) в календарной обрядности немцев Урала // Вестн. Пермск. науч. центра. – Пермь: Изд-во ПНЦ УрО РАН, 2013. – № 4. – С. 33–43.
8. *Вайман Д.И.* Предпасхальный период в календарной обрядности немцев Урала // В мире науч. открытий. – № 11.1 (23). – Красноярск, 2011. – С. 411–418.
9. *Вайман Д.И.* Природные явления и народный календарь в традициях немцев Урала // Национальные культуры Урала. Этнич. и культур. идентичность: Материалы Всерос. науч.-практ. конф.: [Сб. ст.] / Центр традицион. народ. культуры Сред. Урала. – Екатеринбург, 2012. – С. 161–169.
10. *Вайман Д.И.* Рождественское ряженье в календарной обрядности немцев Урала // Апотропейные функции материал. культуры народов Урала и Беларуси (конец XV – XXI в.): Материалы междунар. семинара (Минск, 7–8 окт. 2012 г.). – Пермь, 2012. – С. 124–137.

11. *Вайман Д.И.* Современные проблемы этнокультурного развития немецкого населения Прикамья // Этнос. Общество. Цивилизация: Кузеевск. чтения: Сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. – Уфа: ЦЭИ УНЦ РАН, 2006. – С. 67–69.
12. *Вайман Д.И.* Современные этноконфессиональные процессы и степень владения родным языком у немцев Прикамья (по результатам этносоциолог. исследования) // Обществен. слушания «Участие рос. немцев в развитии культуры, науки и образования в прошлом и настоящем города Перми и Пермск. края». – Пермь, 2007. – С. 37–45.
13. *Вайман Д.И.* Структура и содержание народного календаря немцев Урала // Вестн. Пермск. науч. центра. – Пермь: Изд-во ПНЦ УрО РАН, 2014. – № 4. – С. 62–70.
14. *Вайман Д.И.* Традиция земледелия и система питания в немецких хуторах Прикамья // Хлеб в традицион. культуре народов Октябрьск. р-на: [Сб.] / Сост. А.В. Черных. – Пермь: Пушка, 2010. – С. 85–92.
15. *Вайман Д.И.* Шпрухи в культуре немцев Урала / Шпрухи немцев Урала: Комплект открыток. – Пермь, 2014. – 16 открыток.
16. *Вайман Д.И.* Этническая культура российских немцев в условиях города (на примере Пермского края) // Культура город. пространства: власть, бизнес и граждан. об-во в сохранении и приумножении культур. традиций: Материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Омск, 12–13 нояб. 2013). – Омск: Издат. дом «Наука», 2013. – С. 174–178.
17. *Вайман Д.И., Черных А.В.* Немецкие хутора Прикамья: история и традиционная культура (XX – начало XXI в.). – СПб.: Маматов, 2008. – 224 с.
18. *Вайман Д.И., Черных А.В.* Немецкое население южных районов Прикамья: история и традиционная культура // Обществен. слушания «Участие рос. немцев в развитии культуры, науки и образования в прошлом и настоящем города Перми и Пермск. края». – Пермь, 2007. – С. 30–36.
19. *Вайман Д.И., Черных А.В.* Особенности взаимодействия немецкого населения Урала с другими этносами (конец XIX – первая треть XX в.) // Проблемы социо- и психолингвистики. Вып. 16. Лингвокультур. ситуация и билингвизм в Пермск. крае. Материалы регион. междисциплинар. науч. совещ., 10 марта 2012 г.: Сб. ст. / Отв. ред. Е.В. Ерофеева. – Пермь: Пермск. гос. нац.-исслед. ун-т, 2012. – С. 36–41.
20. *Герасименко Т.И., Нуждина Е.Ю.* Немцы-меннониты Оренбургской области: культурный след в истории и географии. – Оренбург: Агентство «ПРЕССА», 2000. – 75 с.
21. *Герман А.А., Иларионова Т.С., Плеве И.Р.* История немцев России: Учеб. пособие. – М.: МСНК-пресс, 2005. – 544 с.
22. *Григорьев Д.В.* Немцы Башкортостана в конце XIX – XX в. – Уфа: Изд-во Башкирск. ун-та, 2002. – 192 с.
23. Из истории оренбургских немцев: Сб. док. (1817–1974) / Отв. ред. д-р ист. наук, проф. В.В. Амелин; сост.: В.В. Амелин, Л.С. Панина, Т.С. Панина и др. – Оренбург; М.: Готика, 2000. – 288 с.
24. *Моргунов К.А.* Религиозная культура и обрядовая практика немцев-меннонитов Оренбуржья // Этнохудож. культура села: некоторые аспекты социокультур. деятельности Оренбуржья: Материалы межрегион. науч.-практ. конф. – Оренбург: Константа-сервис, 2006. – С. 216–225.
25. *Панина Л.С.* К проблеме изучения некоторых обрядов российских немцев (Праздник встречи весны) // Немцы Оренбуржья: прошлое, настоящее, будущее: Сб. статей по итогам науч.-практ. конф. (Оренбург, 1997 г.). – М.: Печат. дом «Димур», 1998. – С. 124–130.
26. *Панина Л.С.* Отражение национального менталитета в пословицах оренбургских немцев // Немцы России на рубеже веков: история, современ. положение, перспективы: Материалы Междунар. науч.-практ. конф. – Оренбург: Издат. центр ОГАУ, 2000. – С. 190–195.

27. *Пантелина С.Ю.* Обрядовые праздники оренбургских немцев // Немцы России на рубеже веков: история, современ. положение, перспективы: Материалы Междунар. науч.-практ. конф. – Оренбург: Издат. центр ОГАУ, 2000. – С. 314–319.
28. *Плеве И.Р.* К вопросу о классификации групп немецкого населения России (исторический аспект) // Немцы России в контексте отечеств. истории: общие проблемы и регион. особенности: Материалы Междунар. науч. конф., Москва, 17–20 сент. 1998 г. / Науч. ред. А. Герман, И. Плеве. – М.: Готика, 1999. – С. 203–208.
29. *Смирнова Т.Б.* Программы сбора материалов по материальной и духовной культуре немецкого населения Западной Сибири: Учеб. пособие. – Омск: Изд-во ОмГПУ, 2001. – 80 с.
30. *Филатова И.Г., Сухова-Айснер И.А.* Немцы // Народы Башкортостана: ист.-этнограф. очерки. – Уфа: Гилем, 2002. – С. 455–475.
31. *Черных А.В.* Методическое пособие по сбору полевого этнографического материала. – Пермь: ПОИПКРО, 2002. – 126 с.
32. *Черных А.В., Вайман Д.И.* Хрононимы в календарных традициях немцев Урала // Вестн. Пермск. ун-та. Рос. и зарубеж. филология. – Пермь, 2015. – № 3 (31). – С. 5–12.
33. *Черных А.В., Голева Т.Г., Каменских М.С., Вайман Д.И.* Народы Пермского края: история и этнография. Ч. 2. – Пермь: Пушка, 2014. – 424 с.

Eine ethnografische Analyse der Deutschen im Ural von Wissenschaftlern aus Perm

D. I. Vajman

Im vorliegenden Beitrag wird eine vorläufige Bilanz der ethnografischen Analyse gezogen, die Wissenschaftler aus Perm in den Jahren 2005–2015 anhand einer regionalen russlanddeutschen Gruppe, den Deutschen im Ural, auf dem Gebiet der Region Perm, der Republik Baškortostan sowie der Gebiete Orenburg und Čeljabinsk vorgenommen haben. Im Mittelpunkt des wissenschaftlichen Interesses stand die deutsche Bevölkerung, die Ende des 19. und Anfang des 20. Jahrhunderts im Gebiet des Urals lebte.

Schlüsselwörter: Deutsche im Ural, Ethnografie der Russlanddeutschen, ethnografische Analyse der Deutschen im Ural.

The Germans of Ural as an object of ethnographic studies for the Perm researchers

D.I. Waiman

The author of the present article is reviewing the pilot results of the ethnological research of the local group of the Russian Germans – the Germans of Ural – conducted by Perm ethnographers in 2005–2015 in the territory of the Perm Krai, the Republic of Bashkortostan, the Orenburg Region and the Chelyabinsk Region. The research mainly focuses on the German inhabitants who were living in the territory of the Ural region at the end of the XIX – beg. of the XX century.

Keywords: the Germans of Ural, ethnography of the Russian Germans, ethnographic research of the Germans of Ural.

УДК 575.42 ШРЕДЕР Р.Р.

В.Г. Иофе, О.У. Хасанова, А.О. Ильина

Р.Р. Шредер – выдающийся ученый-селекционер

В статье рассказывается о деятельности выдающегося представителя немецкой диаспоры в Средней Азии – селекционера и агронома академика Р.Р. Шредера; прослеживаются основные этапы его жизни и деятельности, дается краткий анализ архивных документов, хранящихся в личном фонде Р.Р. Шредера в Центральном государственном архиве Республики Узбекистан.

Ключевые слова: Р.Р. Шредер, Туркестанская сельскохозяйственная опытная станция, Академия наук Узбекистана, архив, селекция, плодоводство, сухое земледелие, сорт хлопка «1306», пшеница.

Имя выдающегося ученого немецкого происхождения, внесшего немалый вклад в науку о селекции и развитие сельского хозяйства Узбекистана, всего бывшего СССР и нынешних стран СНГ, Рихарда Рихардовича Шредера (1867–1944) широко известно. К сожалению, при большом числе изданий работ самого Шредера[1] и многих кратких статей о нем в Интернете[2] и справочной литературе, практически до настоящего времени нет никаких, сколько-нибудь серьезных исследований, связанных с его жизнью и деятельностью, мало известны и архивные материалы о нем. Биографические сведения во всех справочных изданиях весьма кратки, повторяют друг друга, иногда с ошибками. Деятельность Шредера кратко освещалась в предисловии к его избранным произведениям, в материалах о деятельности немецкой диаспоры в Узбекистане и отдельных статьях в энциклопедиях[3]. Нигде до настоящего времени не проводился анализ архивных документов, посвященных деятельности Шредера.

---

[1] См.: Роберт Робертович Шредер (1867–1944) / Сост. Ф.К. Невядомская. – М., 1987.

[2] См., например, *Постников С.В.* «Русские» немцы и развитие национальной науки Узбекистана (по материалам исследования акад. Т.Н. Кары-Ниязова) // URL: http://window.edu.ru/catalog/pdf2txt/207/80207/60617?p_page=8; Рихард Рихардович Шредер: биография // URL: http://www.people.su/126124_3; Шредер Рихард Рихардович // Биографическая энциклопедия РАСХН, ВАСХНИЛ // URL: http://www.cnshb.ru/akdil/AKAD/base/R6/000697.shtm; Рихард Рихардович Шредер // URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/703000; Отец и сын Шредеры в России и Узбекистане // URL: http://sreda.uz/index.php?newsid=1091. (дата обращения: 2.10.2015).

[3] См.: *Шредер Р.Р.* Избранные произведения. Т. 1. – М., 1956; Биографические справки ученых. – Ташкент, 1990; *Кнауер Н.Х.* Шредер // Немцы России: Энцикл. Т. 3: П–Я. – М.: ЭРН, 2006. – С. 774; *Иофе В.Г.* О деятельности представителей немецкой диаспоры – членов общественных организаций ИТР и ученых // Рос. немцы: Науч.-инф. бюл. – М., 2011. – № 1 (65). – С. 12–14; *Постников С.В.* «Русские» немцы и развитие национальной науки Узбекистана //Актуал. проблемы гуманитар. и социал.-эконом. наук: Сб. материалов 8-й междунар. заоч. науч.-практ. конф. / Под ред. М.М. Горбунова. – Саратов; Вольск, 2013. – С. 72–80; *Иофе В.Г., Ильина А.О.* О синтезе научных традиций и интересов: Восток и Запад (на примере деятельности акад. Р.Р. Шредера) // Восток–Запад: аспекты взаимодействия: Материалы Респуб. науч.-практ. конф., 29 нояб. 2013 г. – Ташкент, 2013; *Иофе В.Г.* Об одной семье // Иофе В.Г. Идя по жизни: моя любимая история, мои любимые архивы. – Саарбрюккен: LAP Lambert Academic Publishing, 2014. – С. 58–69; Шредер (Schreder) Рихард Рихардович (Роберт Робертович) // *Гохнадель В.И.* Ученые-естественники нем. происхождения. Кн. 2. – СПб.: Гуманистика, 2014. – С. 484–486.

© В.Г. ИОФЕ, О.У. ХАСАНОВА, А.О. ИЛЬИНА. ЕЖЕГОДНИК МАИИКРН. 2015 Г. № 1. С. 317–327.

Документы, отражающие, хотя и в разной степени, жизнь и деятельность этого человека имеются в следующих архивах: Центральном государственном архиве научно-технической и медицинской документации Республики Узбекистан (далее – ЦГА НТМД РУз), Центральном государственном архиве кинофотофонодокументов Республики Узбекистан (ЦГА КФФД РУз), а также имеются отдельные документы в фондах Академии наук Узбекистана, в семейных архивах его родственников. Например, интересные сведения об общественной и научной деятельности Шредера отложились в фонде 393 ЦГА НТМД РУз «Бюро научных обществ Туркестана»[4].

Наибольший массив источников, связанных с жизнью и деятельностью ученого, находится в Центральном государственном архиве Республики Узбекистан (далее – ЦГА РУз), прежде всего в фонде Р-2284 (личный фонд Р.Р. Шредера). Он включает 1114 единиц хранения. Единственная опись имеет восемь разделов, крайние даты фонда 1893–1944 гг.

Первый раздел «Биографические материалы Р. Шредера» представлен делами № 1–12. Среди этих документов есть такие, как «Студенческие конспекты по физике и метеорологии», «Путевые заметки от Баку до Тифлиса», «Отчет о заграничной командировке по усовершенствованию приема агрономического исследования», стихи «Зерно, растения, ребенок».

Второй раздел «Учебные материалы» (лекционные и другие записи студенческих лет) составляют дела № 14–95. Здесь можно встретить такие документы, как «Материалы о преподавательской деятельности» – переписка со Среднеазиатским государственным университетом (САГУ, ныне Национальный университет Узбекистана им. М. Улугбека) и сельхозинститутом – «Сведения о деятельности сельскохозяйственного факультета с сентября 1918 г. по май 1919 г.», «План преподавания на сельскохозяйственном факультете Туркестанского народного университета» и многие другие.

Третий раздел «Переписка с лицами и учреждениями» – это дела № 95–123. В нем содержится в основном переписка Шредера с научными учреждениями и научно-исследовательскими институтами и музеями, государственными структурами. Это приветственные телеграммы, переписка о получении иностранной литературы, переписка с Всесоюзной Академией сельскохозяйственных наук им. В.И. Ленина (ВАСХНИЛ) о созыве совещаний, о подготовке докладов и организации выставки, Южным исследовательским институтом плодового и ягодного хозяйства (Киев) о высылке ташкентских материалов, о согласовании тематических планов, Институтом плодово-ягодного хозяйства им. И.В. Мичурина (о высылке семян).

Среди адресатов Шредера был первый президент Академии наук Узбекистана Т.Н. Кори-Ниязов (Кары-Ниязов). Сохранилась корреспонденция комитетов наук при СНК Узбекской и Киргизской республик (об участии в составлении научных трудов, в работе пленумов, съездов ученых Узбекистана), комитета ВСХВ о полученных достижениях в области садоводства.

Велась переписка с Наркомземом Казахстана (об организации работы по садоводству, плодоводству, хлопководству), с учреждениями Туркхлопок[5] и Узбекхлопок (по сортоиспытанию хлопчатника), с Уполномоченным Совета труда и обороны СССР в Средней Азии (о созыве конференции по изучению производительных сил в Средней Азии), с Ташкентской товарной биржей (о созыве совещаний бюро фруктовой секции) и с акционерным обществом «Кенаф» Среднеазиатской конторы (об организации кенафного сельхоза в Нижне-Чирчикском районе и комиссии с участием Шредера).

[4] См.: ЦГА НТМД РУз. Ф. 393. Оп. 1. Д. 1–4, 6, 7.

[5] Туркхлопок – Русско-Туркестанское акционерное хлопковое общество, ликвидировано в 1927 г. (*Прим. ред.*)

Четвертый раздел составляют «Письма друзей, знакомых и сослуживцев Р.Р. Шредеру» (дела № 124–248). Среди них такие материалы, как «Письмо Сельхозгиза Шредеру Р.Р.» о написании учебника для сельскохозяйственных вузов по предмету «Хлопководство», письмо школьников из г. Североенисейска Красноярского края об организации музея академиков АН СССР, а также письма Шредеру от его друзей и знакомых: Е.А. Ачкинази, Б.Ф. Бородина, С.Г. Габаева, М.С. Лопотта, А.И. Потапова, П.А. Страхова, А.А. Тюменина, М.И. Уклонской, Г.А. Ярных. В фонде хранится и переписка с родственниками.

Пятый раздел «Научные и другие труды и материалы» включает дела № 249–342. Здесь, в частности, хранятся: отзыв о работе профессора, а в прошлом ученика Шредера Я.Д. Нагибина «Основные вопросы биологии и селекции хлопчатника», «Материалы 3-й сессии Краевого совета по сельскохозяйственному опытному делу в Туркестанском крае», «Сортоиспытательные работы правительственной сельскохозяйственной агентуры в Северо-Американских Соединенных Штатах с американскими сортами в России», «Докладная записка Туркестанскому генерал-губернатору о содействии обществу сельского хозяйства в полезном воздействии его на краевую промышленность».

Шестой раздел представлен докладами и лекциями на научно-популярные темы (№ 343–352). Здесь собраны различные тезисы по докладу Шредера на съезде садоводов Туркестана «Методика поливного опыта», его выступлений на слете колхозников, статьи «О внешкольном сельскохозяйственном образовании в Америке», конспекты бесед с курсантами, колхозниками.

Седьмой раздел составляют материалы сельскохозяйственной опытной станции (№ 353–557). Сюда входят материалы, статьи, планы, схемы, проекты, отчеты, в т.ч. статья «Местоположение станции, ирригационные условия, климат почва», проект «Положения о научно-исследовательском институте садоводства и виноградарства Узбекской ССР», «Структура опытной станции на 1927–28 гг.», «Тематический план работ опорных пунктов», «Ташкентский план работы станции на 1932 г.», «Отчет химического отдела станции им. Шредера», «Отчет по научно-исследовательской работе Узбекской опытной станции плодового ягодного и субтропического хозяйства за 1941 год». Документы позволяют получить представление о коллективе станции, в первые годы среди сотрудников были садовод Гавриил Иосифович Здрайковский, заведующий лабораторией Ипполит Карпович Негоднов.

Восьмой раздел «Научно-исследовательская работа» – самый обширный – включает дела № 557–1113. Среди документов такие, как, например, «Сведения по садоводству колхозов, к которым прикреплены сотрудники станции», список книг по садоводству, статьи «Биометрические исследования цветов деревьев в 1920 г. и сопоставление с результатами 1916–18 гг.» и «Время цветения гибридных яблонь», дневник наблюдений «Вес яблок», выписки из работ иностранных авторов по изучению питательных свойств удобрений, список органических удобрений и их описание, таблицы площади под хлопок в Туркестанском крае, система растений по А. Энглеру, описание «Просо итальянское „бор“» (список сортов проса).

Кроме уже перечисленных работ, следует отметить научные описания и наблюдения за развитием различных плодовых, овощных и зерновых культур, хлопчатника, грибов, лекарственных растений. Например, «Материалы наблюдений цветения яблонь, груш, винограда», «Диаграмма цветения по двухлетней и годовой древесине 13 сортов яблони в 1938–1939 гг.», «Формирование и обрезка деревьев», «Происхождение хлопчатника», «Американская хлопковая литература», «Сообщение к ведению органических оснований из лотковых зародышей» (рукопись на немецком языке), «Ботаническое описание и биология батата», «Описание шампиньона», «Описание лекарственных растений», «Список лекарственных растений» (рукопись на немецком и русском языках), «Рисунки с описанием свеклы, моркови, репы», «Повышение уро-

жайности зерновых культур в Средней Азии» и многие другие. Это и отчеты, и дневниковые записи о поездках как по Узбекистану, так и за рубеж (США, Германия, Дания, Швейцария).

В целом фонд представлен разнообразными биографическими материалами и документами, отражающими научную деятельность Р. Шредера. Отметим, что сегодня материалы фонда все еще полностью не исследованы и ждут своего глубокого изучения.

Рихард Рихардович Шредер[6] родился в Москве 15 октября 1867 г.[7] в семье прославленного ученого-садовода Рихарда Ивановича Шредера (1822–1903), главного садовника и преподавателя Петровской сельскохозяйственной академии, автора многих научных работ по садоводству. Он заложил при академии дендрологический сад, питомник, огород[8]. Большой популярностью пользовалась его работа «Русский огород, питомник и плодовый сад» (1877), неоднократно переиздававшаяся, не утратившая актуальности и сегодня[9].

В 1887 г., по окончании 4-й гимназии, Рихард поступил на естественное отделение физико-математического факультета Московского университета, который окончил в 1892 г. с дипломом первой степени. В 1895 г. он завершил учебу в Петровской сельскохозяйственной академии, после чего был направлен в Департамент земледелия Министерства земледелия и государственных имуществ. С 1895 по 1900 г., будучи ассистентом кафедры частного земледелия Московского сельскохозяйственного института[10], которую возглавлял будущий академик проф. Д.И. Прянишников, молодой ученый провел несколько исследований и написал ряд статей. Самая первая публикация, появившаяся в 1895 г., была посвящена вопросу испарения у растений[11]. Затем последовали статьи для второго и четвертого томов «Полной энциклопедии русского сельского хозяйства» и некоторых других изданий. Среди них были «Отношение озимых хлебов к фосфорным удобрениям», «К вопросу о значении остей у злаков», «К вопросу о синтезе белков с высшими растениями».

Весной 1900 г. Шредер сдал в Московском университете магистерские экзамены и получил звание приват-доцента агрономии. Тогда же был командирован на три года в Германию (Лейпцигский университет) и Швейцарию (Цюрихский политехнический институт), где занимался вопросами физиологии растений у профессора В. Пфеффера (Лейпциг) и физиологической химией растений у профессора Э. Шульце (Цюрих), у которых прежде учился и сам Д.И. Прянишников.

Возвратившись из заграничной научной командировки, Р.Р. Шредер предпочел работать там, где потребность в агрономической помощи была особенно острой. Таким местом был тогда отсталый в плане использования передовых приемов агрономии Туркестанский край. В конце 1902 г. Шредер был направлен в организованную в 1898 г. Туркестанскую сельскохозяйственную опытную станцию на должность заведующего и руководителя научной работы. Она располагалась в районе старинного Чимкентского тракта – в 16 км от Ташкента, в селении Аччи.

[6] В биобиблиографическом справочнике, составленном Ф.К. Невядомской, имя Шредера приводится как Роберт Робертович. Вслед за этим этот вариант имени попал в упоминавшуюся энциклопедию «Ученые-естественники немецкого происхождения» (С. 485).

[7] Некоторые архивные источники ошибочно указывают иной год рождения –1869.

[8] См., например: Указатель растений Дендрологического сада Московского сельскохозяйственного института / Сост. Р.И. Шредер. – М., 1899. Сад благодаря неутомимому труду Р.И. Шредера стал одним из самых богатых и ценных в научном плане подобных садов мира.

[9] 10-е изд. вышло в 1929 г., последнее известное нам переиздание: Шредер Р.И. Русский огород, питомник и плодовый сад. – М.: Рипол Классик, 2015. – 576 с.

[10] До 1894 г. – Петровская сельскохозяйственная академия.

[11] *Шредер Р.Р.* Испарения у различных растений // Сел. хоз-во и лесоводство. – 1895. – Ч. 178. – С. 320–334.

С момента назначения и до самой смерти Шредер возглавлял станцию (сначала заведующий, с 1927 г. – директор), которая потом неоднократно меняла название. В 1939 г. она переименована в Узбекскую опытную станцию плодово-ягодного и субтропического хозяйства им. Р.Р. Шредера, в 1947 г. решением СНК СССР преобразована в Научно-исследовательский плодово-ягодный институт Академии наук Узбекистана им. Р.Р. Шредера[12]. В 1967 г. на базе НИИ было создано Научно-производственное объединение (НПО) по садоводству, виноградарству и виноделию им. Р.Р. Шредера. Тем самым были отмечены научные и научно-организационные заслуги основателя первого в Центрально-Азиатском регионе НИИ садоводства, виноградарства и виноделия[13].

Шредер, владевший несколькими европейскими языками (английским, французским, немецким и итальянским), приехав в Туркестан, изучил узбекский язык, что позволило ему узнать местные обычаи и традиции, включая народный опыт выращивания и разведения различных культур. Станция, влачившая существование уже несколько лет, реально начала работать только с момента приезда нового руководителя, и основная масса научных исследований проводилась им или под его руководством.

С первых шагов руководства станцией Шредер заботился не только о практических задачах, но и о научной составляющей деятельности коллектива. Отчеты о работе и программы работы станции начали публиковаться с 1905 г. в виде «Отчета Туркестанской сельскохозяйственной опытной станции» (за 1903, 1904 и 1906 гг., изданы в 1905–1909 гг.), затем они регулярно появлялись на страницах «Известий Туркестанской сельскохозяйственной опытной станции» (1911–1915 гг., преемником являются «Труды Узбекистанской сельскохозяйственной опытной станции»). Первая после приезда на станцию публикация Шредера была подготовлена в 1903 г., помещенная в отчете станции[14].

Сотрудники станции вели исследования в различных направлениях, неотъемлемой частью которых были регулярные метеонаблюдения. Сам Шредер вел постоянную колонку «Обзор погоды» в журнале «Туркестанское сельское хозяйство». Наблюдения за погодой и состоянием почвы в условиях засушливого климата были чрезвычайно важны: выращивание хлопка и разведение садов, урожайность культур – все во многом зависело от климата, поэтому тема «сухого земледелия», т. е. выращивания культур без орошения, лишь путем правильных приемов обработки почвы, задержания влаги, выведения засухоустойчивых сортов, становится одной из приоритетных научных тем станции. Закономерно, что одной из первых работ туркестанского периода жизни ученого стала статья о сухом земледелии[15]. В 1912 г. метеонаблюдения за 1905–1912 гг. были обобщены Шредером в «Известиях» станции. Его работа «Климат хлопковых районов Средней Азии» (1924) в виде отдельных положений позже вошла в другие труды, в частности, в созданный при активном участии и под редакцией Шредера монографический труд «Флора Узбекистана».

В первые годы основное внимание в работе станции было сосредоточено на сортоиспытаниях и селекции хлопка, в 1911 г. для «сухого земледелия» был выделен небольшой участок. Одновременно в 1909–1910 гг. начались сравнительные испытания

[12] К середине 1980-х годов ученые НПО провели огромную работу: вывели 75 новых высококачественных сортов плодово-ягодных культур и винограда, разработали основы методики селекции бессемянных крупноплодных сортов винограда, эффективные способы обработки почвы на виноградниках; создали коллекции винограда и плодовых культур, включающие свыше 5600 сортов, новые марки вин (из которых две удостоены золотых медалей на международных конкурсах).

[13] 24 августа 2013 г. институту присвоено имя академика Махмуда Мирзаева. (*Прим. ред.*)

[14] *Шредер Р.Р.* Вегетационные опыты в сосудах, произведенные на Туркестанской опытной станции летом 1903 года // Отчет Туркест. сел.-хоз. опыт. станции за 1903 г. – Ташкент, 1905. – С. 1–86.

[15] *Шредер Р.Р.* О сухом земледелии // Туркест. сел. хоз-во. – 1909. – № 2–5, 9, 12. Отдельный оттиск статей появился в 1910 г. под тем же названием.

25-я юбилейная выставка Туркестанского общества сельского хозяйства. Посетители у входа в павильон военного дела (второй слева Р.Р. Шредер). Ташкент, сентябрь 1909 г.

Фото И. Лозинского

различных образцов местной пшеницы. С 1910 г. приступили к регулярному фотографированию плодовых деревьев маточного сада, достигших 10-летнего возраста. Фотографировались различные виды сельхозработ, орудия труда, растения. Формировалась научная библиотека, в которой преобладали профильные журналы на русском и иностранных языках.

С первых лет опытная станция регулярно представляла свои результаты на всероссийских и региональных выставках и ярмарках. В 1909 г. в Ташкенте состоялась 25-я юбилейная выставка Туркестанского сельскохозяйственного общества, Шредер входил в оргкомитет по подготовке выставки. Яблоки и груши, а также разнообразные сухофрукты, подготовленные станцией, были выставлены в Петербурге в 1910 г. Осенью 1911 г. станция была представлена одновременно на выставках в Петербурге, Москве и Ташкенте.

Важнейшим событием в жизни Шредера и жизни Туркестана была поездка ученого в Америку, которая имела важные последствия для развития сельского хозяйства края. В 1911 г. с 15 по 20 октября в Колорадо (США) проходил VI Международный конгресс по сухому земледелию, на который был командирован ученый из Туркестана. Из 1042 участников конгресса 19 делегатов были иностранцами, в т.ч. трое представляли Россию. Сама поездка растянулась на полгода, с 22 июня 1911 г. по 5 января 1912 г., в Америке Шредер пробыл три месяца, остальное время заняла дорога, ожидание подходящего поезда, праздники. В Соединенных Штатах и в Европе (Швеция, Дания, Германия, Италия) по пути домой Шредер везде посещал известные опытные станции, встречался с учеными, изучал литературу.

С конгресса он вернулся с богатыми впечатлениями. О его поездке и последующих за ней событиях в течение 1911–1912 гг. писал журнал «Туркестанское сельское хозяйство». В местной прессе[16], в частности, под заголовком «Калифорнийское плодоводство» комментировался его публичный доклад. В своем выступлении Шредер отметил успешную садоводческую деятельность калифорнийских садоводов, выходцев из России: Ф.Ф. Крыштофовича[17], П.А. Дементьева[18] и Щербакова, которые культивировали виноград, апельсины и сливы, охарактеризовал природно-климатические условия штата, во многом сходные с условиями Узбекистана, которые в значительной мере способствовали успешному развитию виноградарства, выращиванию апельсинов. Поездка в Калифорнию оказалась очень полезной для ученого и в его работе по акклиматизации новых сортов плодовых деревьев в Средней Азии. Американский опыт был обобщен Шредером в объемистой книге «Очерки американского сельского хозяйства» (Ташкент, 1913).

Садоводству Шредер уделял большое внимание. На станции испытывалось свыше 200 сортов яблонь, груш и других плодовых пород, включая виноград, изучалась динамика цветения и плодоношения, велась исследовательская работа по подбору сортов опылителей, иммунности плодовых деревьев к различным болезням и вредителям, выяснялась стойкость сортов к морозам и другим неблагоприятным климатическим факторам. В результате этих исследований опубликован ряд работ по плодоводству и виноградарству. Значительная часть рукописных материалов по развитию садоводства хранится в личном фонде Шредера[19]. Он провел большую работу по изучению и оценке плодовых пород в условиях Узбекистана и научно обосновал принципы продуктивного садоводства и перспективы его развития в республиках Средней Азии; провел большую исследовательскую работу по вопросам периодичности плодоношения яблони.

Опыты по улучшению качества местных сортов хлопка позволили Шредеру получить скороспелый сорт хлопчатника, названный в его честь «Шредер 1306». Заслуга заключалась в том, что он вывел сорт с достаточно длинным и белым волокном, одновременно устойчивым к грибковому заболеванию вилт. Позднее именно на основе этого сорта селекционерами были выведены другие успешные сорта – «Акалтын», «Ташкент-1». Сорт «1306» успешно продвигался на север: в северные районы Узбекистана, в Кыргызстан, Казахстан, Закавказье.

Кроме исследований по культуре хлопчатника (удобрения, полив, густота состояния, селекция и т. д.) Шредер проводил опытные работы и над другими растениями (пшеница, картофель, люцерна, кенаф, ворсильная шишка, кукуруза). Ученый собрал и испытал в посевах более тысячи сортов пшеницы, выращиваемых в Средней Азии, из которых выделил самые урожайные. В итоге в земледелии появился новый высокоурожайный длинноколосый сорт озимой поливной пшеницы № 584.

В общей сложности им опубликовано свыше 250 различных работ, часть которых издана на узбекском языке. Вопросам хлопководства посвящено свыше 500 работ, в числе которых первый оригинальный труд по культуре хлопка в СССР «Культура хлопчатника в Средней Азии»[20]. По проблемам плодоводства и виноградарства написано около 70 работ. В 1956 г. многие публикации ученого вышли в виде «Избранных произведений».

---

[16] См., например: Туркестанские ведомости. – 1912. – № 12.

[17] Крыштофович Федор Федорович (1854–?), агент Главного управления землеустройства и земледелия в США (агентство учреждено осенью 1906 г.), крупный специалист по сушке плодов, 16 лет (к 1911 г.) имел свою ферму в Штатах. (*Прим. ред.*)

[18] П. Деменс, псев. П.А. Тверской. (*Прим. ред.*)

[19] ЦГА РУз. Ф. Р-2284. Оп. 1. Д. 294, 296. Например, в делах имеются конспекты доклада по постановлению СНК УзССР и ЦК КП(б)Уз от 20 мая 1938 г. «О развитии садоводства», черновики рукописей «Материалы для планирования площадей садов и виноградников», «3-я пятилетка. 1938–1942 гг.», «Размещение плодонасаждений на 3-ю пятилетку».

[20] *Шредер Р.Р.* Культура хлопчатника в Средней Азии. – М., 1925.

Р.Р.Шредер с сотрудниками опытной станции. 1920-е годы

ЦГА РУз. Ф. Р-2284. Оп. 1. Д. 1113. Л. 8

Исследованиям Р.Р. Шредера и работе возглавляемой им опытно-исследовательской станции уделялось большое внимание со стороны партийных и государственных органов. Примером служит сохранившееся в личном фонде Шредера (д. 293) постановление СНК УзССР о включении в хозяйственный план 1936 года организацию отдела механизации при опытной станции. Документ предписывал: «Согласно Постановлению № 1297 Совета Народных Комиссаров УзССР „О мероприятиях по развитию садоводства и виноградарства в Узбекистане“ от 23 октября 1935 г. Совет Народных Комиссаров постановляет: Обязать НКЗ УзССР обеспечить районы агроперсоналом в соответствии решением СНК ЦК КП(б)Уз, освободив всех агрономов по садоводству и виноградарству в МТС от какой бы то ни было другой работы. В целях внедрения механизации в плодово-виноградные хозяйства, считать необходимым организовать специальный отдел механизации при Опытной станции им. Р.Р. Шредера и опытной станции по виноградарству в гор. Самарканде. Обязать Наркомзем и Госплан предусмотреть в хозяйственном плане 1936 г. проведение указанных мероприятий». Это лишь одно из многих прямых и косвенных свидетельств того, что уже тогда невозможно было успешно развивать агрономию, плодоовощное хозяйство без учета работ Шредера.

Возглавляя станцию, Шредер одновременно с 1904 по 1918 г. руководил работой Туркестанского общества сельского хозяйства (учреждено в 1885 г.). По инициативе ученого агронома и под его непосредственным руководством был создан целый ряд периодических изданий. Для популяризации научных знаний в области сельского хозяйства был организован первый в Туркестанском крае журнал подобного рода «Дехкан» («Дехкон» на узбекском языке)[21]. С 1906 г. начал выходить журнал «Туркестанское сельское хозяйство», инициированный местным обществом сельского хозяйства под руководством Р.Р. Шредера. Несколько лет он был редактором этого журнала[22], совместно с Н.И. Курбатовым вел журнал «Туркестанский земледелец»[23].

[21] Журнал «Дехкан» является одним из первых журналов, представленных в коллекции библиотеки ЦГА РУз, изданный на узбекском языке в Ташкенте в 1917 г.

[22] «Туркестанское сельское хозяйство» – ежемесячный сельскохозяйственный журнал Туркестанского общества сельского хозяйства, основан в 1906 г. при участии Р.Р. Шредера. По числу подписчиков в крае журнал быстро вышел в число лидеров. Являясь отраслевым журналом, он опережал по тиражу большинство издающихся в Туркестане ежедневных газет. На выставке садоводства в Ростове-на-Дону в 1909 г. был награжден малой золотой медалью. Редакция и склад журнала размещались на ул. Иканской, 7.

[23] «Туркестанский земледелец» – иллюстрированный двухнедельный журнал, основан Туркестанским обществом сельского хозяйства, издавался в 1915–1917 гг.

Научно-педагогическая деятельность Р.Р. Шредера связана в первую очередь с университетом в Ташкенте. Он принимал самое активное участие в организации Туркестанского народного университета, который открылся весной в 1918 г.[24] Рихард Рихардович был избран заместителем директора университета, стал первым деканом сельскохозяйственного факультета, который со временем выделился в самостоятельный вуз. В качестве профессора на протяжении ряда лет читал курс частного земледелия, главным образом хлопководства и садоводства. До 1928 г. возглавлял кафедру частного земледелия Среднеазиатского госуниверситета, в 1929–1930 гг. он профессор, заведующий кафедрой хлопководства в Среднеазиатском хлопково-ирригационном институте. В 1935 г. ему присвоили ученую степень доктора сельскохозяйственных наук.

Ученый вел активную общественно-политическую и научно-организационную деятельность. В 1935 г. избран членом УзЦИК, а в 1938 г. – депутатом Верховного Совета Узбекистана[25]. В 1936 г. был делегатом Чрезвычайного съезда советов УзССР. Шредер был действительным членом академий: с 1935 г. – ВАСХНИЛ, с 1936 г. – Комитета наук при СНК Узбекистана, с 1943 г. – Академии наук Узбекистана (после ее создания в ноябре 1943 г. на базе Филиала АН СССР). Крупнейший ученый, он был членом ученых советов Ботанического института АН УзССР, Всесоюзного научно-исследовательского института хлопководства (СоюзНИХИ), Института агролесомелиорации, Ташкентского сельскохозяйственного института, активным членом многочисленных организаций ученых и Средней Азии и Узбекистана.

Р.Р. Шредер был отмечен наградами тех лет за научные достижения: орденами Трудового Красного Знамени Узбекистана (1928) и Трудового Красного Знамени СССР (1939) и большой золотой медалью Всесоюзной сельскохозяйственной выставки (1940). В 1927 г. правительство Узбекистана присвоило ему звание Героя Труда (на основе ходатайства коллектива Опытной станции)[26]. В 1939 г. в торжественной обстановке был отмечен 35-летний юбилей научной, педагогической и общественной деятельности Шредера в

В саду опытной станции. 1920–1930-е годы

ЦГА РУз. Ф. Р-2284. Оп. 1. Д. 1113. Л. 10

[24] С 1920 г. – Туркестанский государственный университет, с 1923 г. – Первый Среднеазиатский государственный университет.

[25] См.: ЦГА РУз. Ф. Р-2284 Оп. 1. Д. 4 «Материалы о депутатской деятельности».

[26] Там же. Д. 2. Л. 2–7. «Ходатайства рабочкома коллектива № 3 при опытной станции о присвоении звания Героя Труда Шредеру Р.Р.»

Средней Азии. Опытной станции, в становление и развитие которой он внес огромный вклад, присвоено его имя. В этом же году, в связи с 15-летием Узбекистана, он был награжден Почетной грамотой Президиума Верховного Совета СССР[27]. И сегодня его имя не забыто. Указом Президента Республики Узбекистан Шредер награжден посмертно орденом «Буюк хизматлари учун» («За выдающиеся заслуги»).

Хорошо была известна в Ташкенте и семья Р.Р. Шредера. Он был дважды женат, в первом браке на Екатерине Николаевне Львовой. Е.Н. Львова, выпускница Смольного института, происходила из обедневших дворян, вначале работала гувернанткой в семье Р.И. Шредера. В этом браке родились дочь Антонина и сын Владимир. Владимир Рихардович стал почвоведом, автором системы почвенно-мелиоративного районирования бассейна Аральского моря.

Второй супругой Шредера стала сестра известного биолога Антонины Матвеевны Гастевой, сотрудницы и помощницы Шредера – Анна Матвеевна Гастева. Шредер воспитал приемного ребенка (сына Анны Матвеевны от первого брака) – Олега Владимировича Спасского. Младшим сыном был Лев Рихардович. После смерти супруга А.М. Шредер оставалась в Ташкенте. Но после землетрясения 1966 г., когда дом на ул. Синдрюкова, где жила семья Шредер, стал аварийным и начался снос жилого района в связи с реконструкцией центра Ташкента, переехала в г. Ногинск Московской области, а позднее в Москву. Там она скончалась в начале 90-х годов. Сам ученый похоронен в Ташкенте на Боткинском кладбище (кладбище № 1, карта 24). Потомки Шредера сейчас проживают в Москве и Ташкенте[28].

Р.Р. Шредер является одним из ярких представителей немецкой диаспоры Узбекистана, внесших большой вклад в развитие науки и народного хозяйства на территории современных стран СНГ. Изучение материалов о жизни и деятельности Шредера из его личного фонда в ЦГА Республики Узбекистан значительно расширяет и углубляет представление о разносторонней деятельности выдающегося ученого. В то же время материалы о личности Р.Р. Шредера и его деятельности, хранящиеся в центральных архивах Узбекистана, еще недостаточно изучены.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Иофе В.Г.* О деятельности представителей немецкой диаспоры – членов общественных организаций ИТР и ученых // Рос. немцы: Науч.-инф. бюл. – 2011. – № 1(65). – С. 12–14
2. Правда. – 1939. – 22 янв.
3. Роберт Робертович Шредер (1867–1944) / Сост. Ф.К. Невядомская. – М., 1987. – 28 с. (Материалы к биобиблиографии деятелей сел.-хоз. науки / ВАСХНИЛ. ЦНСХБ).
4. Туркестанские ведомости. – 1912. – № 12.
5. Флора Узбекистана. В 6 т. – Т. 1 / Гл. ред. акад. Р.Р. Шредер. – Ташкент: АН УзССР, 1941.
6. Центральный государственный архив научно-технической и медицинской документации Республики Узбекистан. Ф. 393 «Бюро научных обществ Туркестана». Оп. 1. Д. 1–4, 6, 7.

[27] См.: Правда. – 1939. – 22 янв. – С. 2.

[28] Олег Спасский работал врачом в Москве и Подмосковье (пос. Панфилова, г. Ногинск), до 2010 г. (в возрасте 80 лет) продолжал заведовать терапевтическим отделением пансионата для ветеранов в Москве. Скончался в 2011 г., остались жена и два сына. В Ташкенте живут семьи Худзинских, Топчий (ташкентские историки и социологи Л.А. Жуковская-Топчий и В.А. Топчий – прямые потомки А.М. Шредер). Младший сын Шредера – Лев Рихардович, специалист по гидромеханике, окончил механико-математический факультет Ташкентского госуниверситета, работал в Институте «Средазгипроводхлопок», после 1966 г. – в Москве, в Институте «Гидропроект» им. С.Я. Жука и других местах. В 1981 г. защитил кандидатскую диссертацию кандидата технических наук по теме «Исследование инфильтрационного питания на территориях оросительных систем с применением моделирования на ЭЦВМ». Имеет двух дочерей.

7. Центральный государственный архив Республики Узбекистан. Ф. Р-2284 (Фонд Р.Р. Шредера). Оп. 1. Д. 1–1114.
8. *Шредер Р.Р.* Избранные произведения. Т. 1 / Ред. кол.: акад., д-р биол. наук Е.П. Коровин и др. – Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1956. – 226 с.
9. *Шредер Р.Р.* Культура хлопчатника в Средней Азии. – М.: Центр. упр. пром. пропаганды и печати, 1925. – 33 с.
10. *Шредер Р.Р.* О сухом земледелии. – Ташкент: Ред. журн. «Туркест. сел. хоз-во», 1910. – 85 с.
11. *Шредер Р.Р.* Периодичность урожаев в семечковых садах. – Ташкент: Изд-во Комитета наук УзССР, 1937. – 127 с.

R. R. Šreder – hervorragender Wissenschaftler und Züchter

V. G. Iofe, O. U. Chasanova, A. O. Il'ina

Der Aufsatz beschreibt das Wirken eines herausragenden Vertreters der deutschen Diasporagemeinde in Mittelasien, des Züchters, Agronomen und Mitglieds der Akademie der Wissenschaften R. R. Šreder. Es werden die wichtigsten Etappen seines Lebens und Wirkens nachgezeichnet und Archivdokumente, die im privaten Aktenbestand R. R. Šreders im Zentralen Staatsarchiv der Republik Uzbekistan aufbewahrt werden, einer kurzen Analyse unterzogen.

Schlüsselwörter: R. R. Šreder, Turkestaner landwirtschaftliche Versuchsstation, Akademie der Wissenschaften Uzbekistans, Archiv, Zucht, Obstbau, Trockenfeldbau, Baumwollsorte „1306“, Weizen.

R.R. Shreder – the distinguished agricultural scientist and plant selection breeder

V.G. Iofe, O.U. Hasanova, A.O. Ilyina

The article deals with the work and scientific research of the agricultural scientist and plant selection breeder R.R. Shreder, the distinguished member of the German diaspora in Central Asia. The main stages of his life and work are being observed, a brief overview of the archival documents from the private archival fund of R.R. Shreder housed in the Central State Archives of the Republic of Uzbekistan is given.

Keywords: R.R. Shreder, Turkestan agricultural experimental station, Uzbekistan Academy of Sciences, archives, selection, fruit culture, dry agriculture, cotton breed “1306”, wheat.

УДК 43(471.4)

А.Я. Минор

Формирование основных типов языковой личности немцев Поволжья в период существования автономии (1918–1941 гг.)*

Формированию нескольких типов языковой личности поволжских немцев способствовала полностью выстроенная культурная инфраструктура Автономной республики немцев Поволжья. Наиболее многочисленной языковой группой было сельское население, которое в качестве основного средства коммуникации пользовалась родным диалектом. Кроме того, через различные религиозные тексты и посещение школы представители данной группы были знакомы с литературным немецким языком. Таким образом, для языка данной группы была характерна внутриязыковая диглоссия. Новый тип языковой личности поволжских немцев был представлен молодым поколением, которое окончило школу, где преподавание велось на немецком языке, и было знакомо с двумя его регистрами: литературным немецким и своим родным диалектом. Следующей группой является молодая интеллигенция поволжских немцев, которая могла бы оказать решающее влияние на развитие поволжского варианта немецкого языка и способствовать формированию единого языка общения поволжских немцев, так как именно она определяла языковую и культурную жизнь последних.

Ключевые слова: культурная инфраструктура Автономной республики немцев Поволжья, языковые группы населения, типы языковой личности, диалектно окрашенное произношение, внутриязыковая диглоссия.

ПОСТРОЕНИЕ КУЛЬТУРНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ В АССР НП

Несмотря на наличие острейших проблем в экономической, социальной и политической сферах жизни Автономной республики немцев Поволжья (АССР НП), период ее существования (1918–1941) можно рассматривать как самый благоприятный для развития языка поволжских немцев. Этот период характеризуется полным построением и развитием культурной инфраструктуры, включающей в себя создание трех высших учебных заведений (педагогический и сельскохозяйственный институты, а также Немецкая высшая коммунистическая сельскохозяйственная школа), трех педагогических училищ, четырех сельскохозяйственных техникумов, трех медицинских училищ, музыкальных училищ в Энгельсе и Марксштадте и музыкальной школы в Энгельсе[1]. Была построена система школьного и дошкольного образования. Так, в 1927/28 учебном году в республике насчитывалось 396 начальных школ с 53 642 учениками. Количество неграмотных к 1928 г. уменьшилось по сравнению с 1920 г. в два раза. К 1938 г. школ стало 420, а учеников 126 000. С 1939 г. было введено всеобщее обязательное семилетнее обучение[2]. Школы-девятилетки существовали в Зельмане, Бальцере, Гуссенбахе и Гримме. Большое внимание уделялось подготовке нового учителя немецкого языка. В 1925 г. в Саратовском университете была создана немецкая секция с целью подготовки новых учителей для советской школы, а в 1929 г. был открыт немецкий пединститут. Первый выпуск, по данным Ф. Эмиха, состоялся в 1932 г. и дал школам республики 80 учителей с высшим образованием. В тридцатые годы были организованы отраслевые техникумы: механический в Марксштадте, сельскохозяйственные в Красном Куте, Гуссенбахе, Красном Яре, Бальцере. В городе Энгельсе функционировали уже три института: педагогический, сельскохозяйственный и комвуз. Во всех вузах преподавание велось на немецком языке, хотя вузы и ощущали острый дефицит преподавателей, владеющих немецким языком. Одним из решений данной проблемы было привлечение переводчиков для перевода текста лекций, т. к. многие студенты русский язык либо вообще не знали, либо знали его плохо. Огромную роль для развития образования играло немецкое государственное издательство. Оно обеспечивало учебниками все немецкие школы страны. Автономная республика немцев Поволжья стала центром развития образования и культуры всех советских немцев, проживавших на Кавказе, на Украине, в Сибири[3].

В 1925 г. в Энгельсе создается Центральный музей АССР НП, работники которого должны были, по концепции Г.Г. Дингеса, не только собирать материалы, но и всесторонне и детально обследовать каждое село, т. е. записывать устную историю данного села, проводить анкетирование, фотофиксацию, зарисовки и затем публикацию всего имеющегося материала[4]. За короткий период времени музей стал научно-исследовательским центром, объединившим в своих стенах историков, археологов, диалектологов и всех лиц, заинтересованных в изучении быта, культурного и языкового наследия поволжских немцев.

Кроме того, в Немреспублике действовало государственное издательство, осуществлялся выпуск газет и журналов на немецком языке. Так, в 1931 г. в республике издавалось 55 наименований газет и журналов на немецком языке. Заметим, однако, что уже в 1935 г. количество газет и журналов сократилось до 34. В 1935 г. был создан Немецкий театр, работали также колхозные театры и различные клубы и кружки. В 1922 г. состоялись первые опыты по установке радиовещания, а с 1927 г. в полную силу заработало республиканское радио. В 1933 г. состоялся первый конгресс советских писателей АССР НП, также создается союз писателей, что свидетельствует о том, что в республике было достаточно лиц, которые владели литературной формой немецкого языка.

ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ В РЕСПУБЛИКЕ

Что касается языковой ситуации в АССР НП, то она была довольно сложной. Среди поволжских немцев, прежде всего, необходимо отметить основную часть населения, которая в повседневном общении пользовалась своим диалектом, а диалектная картина по-прежнему оставалась довольно многообразной. Так, Г. Дингес выделяет среди поволжских немецких диалектов северную и южную группы. Северная группа включает в себя диалекты сел, лежащих выше Покровска, к южной группе относятся диалекты Тарлыка и Нагорной части[5].

Обе группы диалектов внутри себя в системе лексики и грамматики имеют довольно большое сходство, что позволяет сделать вывод о том, что в регионе Поволжья

* Статья написана в рамках проекта «Социолингвистические предпосылки формирования единого языка общения российских немцев в условиях иноязычного окружения», реализуемого при поддержке РГНФ (договор № 14-04-0028/14).

[1] *Герман А.А.* Немецкая автономия на Волге. Ч. 2. – Саратов, 1994. – С. 204–207.

© А.Я. МИНОР. ЕЖЕГОДНИК МАИИКРН. 2015 Г. № 1. С. 328–335.

[2] *Зеленин И.Е.* Был ли «колхозный неоНЭП»? // Отечественная история. – 1994. – № 2. – С. 112.

[3] См.: *Эмих Ф.* Школа для немцев // URL: http://wolgadeutsche.ru/bibliothek/wolga/wolga_2_1990.htm

[4] *Арндт Е.А.* Историко-этнографические исследования в немецких селах Поволжья в 1920–1930-х гг. // Немцы России и СССР: 1901–1941 гг. – М., 2000. – С. 203.

[5] *Дингес Г.Г.* К вопросу о географическом распространении немецких слов и предметов // Наследие и региональные исследования. – Саратов, 2005. – С. 21.

в условиях языкового острова шел интенсивный процесс формирования единых региональных вариантов немецкого языка.

Данный процесс поддерживался наличием немецкоязычной системы дошкольного, школьного и вузовского образования, разветвленной системой учреждений культуры, немецких средств массовой информации. Таким образом, в данный исторически короткий период существования Автономии поволжских немцев немецкий язык получил мощную поддержку всей культурной инфраструктуры, созданной в республике в 20–30-е годы XX в., и продолжал формироваться в условиях иноязычного окружения как по законам внутреннего развития, используя весь потенциал литературного немецкого языка, так и вбирая в себя русскую лексику из языка окружения.

ТИПЫ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ В НЕМЕЦКОМ ПОВОЛЖЬЕ

В ходе развития языковых вариантов и форм языка в республике сформировалось несколько типов языковой личности, понимаемой нами как «личность во всей совокупности ее качеств, выявленных смежными дисциплинами, отраженная в языке»[6]. В данной работе предлагается классификация типов языковой личности с позиций социокультурной лингвистики, т. е. по объективным статусным признакам: возраст, пол, уровень образования, стиль жизни и т. д.[7]

Самую многочисленную языковую группу в Республике немцев Поволжья составляли крестьяне, основным средством общения которых оставались диалекты. Однако через немецкоязычную прессу, через общение с детьми, которые посещали новую немецкую школу, в которой преподавание предметов велось на литературном немецком языке, крестьяне также были знакомы с литературными формами немецкого языка. Не следует также забывать о роли религиозных текстов, в частности Библии. Многие тексты крестьяне знали наизусть. С приходом новой власти и новой идеологии появились также новые литературные источники, которые содержали новую советскую лексику. Большую роль играло участие крестьян в общественной и культурной жизни села. Во многих селах имелись кружки самодеятельности на немецком языке, клубы. Большую роль сыграло также радио.

Учитывая все эти факторы воздействия на язык населения республики, можно предположить, что основная масса крестьянства была знакома с двумя вариантами номинации различных предметов и явлений: на родном диалекте, а чаще всего и на других диалектах тех населенных пунктов, в которых крестьянам приходилось бывать по различным причинам, и на литературном немецком языке. Таким образом, многие поволжские немцы знали не только свой диалект, но и соседний. Так, например, в католических колониях Нагорной стороны (Bergseite) говорили *plaudern*, а в протестантских колониях – *schwatzen*. Интересны также наименования арбузной патоки, которую немцы начали варить в Поволжье. Для обозначения данного продукта в колониях, расположенных севернее Покровска (Энгельс) между Волгой и Большим Караманом до города Вольска, доминирует с небольшими исключениями компонент *Honig* или *Saft*. Формы *Saft*, *Arbusesaft*, *Melonensaft* представлены более чем в третьей части колоний. Следующий довольно компактный район на правом берегу Волги южнее Саратова использует форму с компонентом *latwerje* в некоторых фонетических разновидностях: *latwärje*, *lekwerje*, *melonenlatwärje*. Кроме того, существовала также форма, образованная от русского слова кисель, – *gsels*. В меннонитских селах предпочтение отдается лексемам *leksl*, *šleksl*, *sirop*, *zirop*, *tsirop*.[8] То есть в поисках наименования нового предмета колонисты в одних случаях пользовались ресурсами родного языка, а в других прибегли к заимствованию из русского языка. Однако все прекрасно знали, о чем идет речь.

[6] *Иванцова Е.В.* О термине «языковая личность»: истоки, проблемы, перспективы использования // Вестн. Томск. гос. ун-та. – 2010. – № 4 (12).– С. 27.

[7] *Карасик В.И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград, 2002. – С. 10.

[8] *Minor A.* Misch- und Ausgleichprozesse in den wolgadeutschen Mundarten // Языковые и культурные контакты (Sprachliche und kulturelle Kontakte). – Саратов, 2012. – S. 31–33.

Этот вывод подтверждают опросы информантов, проведенные в 1990-е годы среди поволжских немцев в Саратовской области. Таким образом, среди данной категории носителей немецкого языка существовала ситуация внутриязыковой диглоссии и немецко-русский билингвизм. Явление внутриязыковой диглоссии «Словарь социолингвистических терминов» определяет как владение разными подсистемами (как правило, территориальным диалектом и литературной формой языка) данного национального языка и использование их в зависимости от ситуации или сферы общения[9].

Второй тип языковой личности поволжского немца – образованный молодой человек, окончивший по крайней мере несколько классов или полную программу средней школы, работающий в колхозе или на предприятии. Данный тип характеризуется полной диглоссией и отчасти немецко-русским билингвизмом. Так, с появлением на селе техники, особенно тракторов, многие молодые люди выбрали для себя профессию тракториста в силу ее новизны и престижности. Литература для обучения управлению новой техникой была переведена, естественно, на литературный немецкий язык. Таким образом, гарантировался доступ обучающихся новым техническим профессиям на селе и на предприятиях к литературному немецкому языку.

Третий тип языковой личности представляет собой человека с вузовским образованием, владеющего в полной мере немецким литературным языком и диалектом как исходным языком первичной социализации в семье и ближайшем окружении. К данному типу относится молодая поволжско-немецкая интеллигенция, которая даже в семейном кругу, как показывают опросы, стремилась говорить на литературном немецком или на русском языке. Язык данной группы населения характеризуется наличием в литературном языке форм немецкой разговорной речи и руссицизмами.

К четвертому типу относятся представители старшего поколения интеллигенции, которые в полной мере владели литературным немецким языком, своим родным диалектом и довольно часто также русским языком. Языком повседневного общения у представителей «старой» интеллигенции чаще всего был диалект. К данному типу мы относим выдающихся лингвистов-диалектологов Августа Лонзингера, Георга Дингеса, а также старшее поколение поволжско-немецких писателей и некоторых пасторов и учителей, получивших образование до революции в германском или прибалтийском университете.

КРАТКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ТРЕТЬЕГО ТИПА ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

Наибольший интерес представляет собой третий тип языковой личности, самый перспективный с точки зрения потенциального развития немецкого языка в условиях языкового острова в Поволжье. Данная группа носителей языка была наиболее полно представлена на ключевых позициях руководства республики, из нее рекрутировались учителя, руководители, специалисты народного хозяйства.

Для многочисленных представителей данной группы носителей немецкого языка в Немреспублике в повседневном общении типичны внутриязыковая диглоссия и немецко-русский билингвизм. В устной речи они пользовались разговорным немецким языком, представлявшим собой включения диалектно окрашенной лексики, использо-

[9] Словарь социолингвистических терминов. – М., 2006. – С. 159.

вание литературного немецкого синтаксиса, характеризующимся диалектным произношением, а в письменной речи – литературным немецким языком.

Важным условием при внутриязыковой диглоссии является сознательный выбор говорящего коммуникативных средств, использование такого средства, которое наилучшим образом способно обеспечить успех коммуникации в данной сфере общения. Рассмотрим примеры внутриязыковой диглоссии, встречающиеся в речи министра (народного комиссара) просвещения АССР НП товарища Лооса на Всесоюзной конференции учителей немецкого языка, состоявшейся в Энгельсе 16–17 июня 1931 г. Транскрипцию отдельных слов, в которых встречаются диалектные и разговорные формы, сделал А.П. Дульзон. Запись хранится в Энгельсском государственном историческом архиве немцев Поволжья[10]. Обратим внимание на то, что текст доклада написан на литературном немецком языке, а в устной форме К. Лоос допускает просторечные и диалектные формы.

Так, дифтонг ***eu*** произносится как ***ai***: *wolgad**ai**tšə republik* (wolgadeutsche Republik), *n**ai**ə theçnikums* – neue Technika, *d**ai**dźəs theādr* – deutsches Theater, *fon krouźer bed**ai**dung* – von großer Bedeutung, *haidə* – heute, *ungəh**ai**rə bešl**ai**nijuŋ* – ungeheure Beschleunigung. То есть данный дифтонг практически не встречается в речи Лооса, как, впрочем, и в речи других докладчиков.

Долгое *o* министр просвещения произносит иногда как дифтонг ***ou***: *fon kr**ou**źer bedaidung* – von großer Bedeutung, иногда как долгое ***o***: *gr**ô**sə tsaiduŋ* – große Zeitung. Дифтонг ***ai*** произносится более широко, чем литературная норма: *s**ai**nə ideologə* – seine Ideologie, *a**i**n natsionāl-kuldurel tsendrum* – ein national-kulturelles Zentrum, *s**ai**n misn* – sein müssen, *di w**ai**dərə prakdiźə politik* – die weitere praktische Politik, *a**i**nuntzwanziç* – einundzwanzig. Также более широко произносится звук ***e*** особенно в приставках be-, ge-, er-, ver-, zer- и некоторых других случаях: *ä**r**efnən* – eröffnen, *wä**r**dn* – werden, *undər den f**ä**rheltniźn* – unter den Verhältnissen, *f**ä**ršärwuŋ* – Verschärfung.

Гласные с умлаутом в его речи встречаются очень редко. Так, вместо ***ü*** произносится ***i***, вместо ***ö*** – ***e***: *ä**r**efnən* - eröffnen, *iç mēçdə undärštraiçn* – ich möchte unterstreichen, *mizn wīr* – müssen wir, *štitspuŋkt* – Stützpunkt. Однако в некоторых случаях Лоос произносит слова с дифтонгом, видимо, под влиянием литературного языка. Например: *aplöźuŋ* – Ablösung.

Перед ***m*** и ***ŋ*** Лоос, как и другие выступающие, произносит гласные звуки как носовые: *laid**u**ŋ* – Leitung, *apg**a**ŋk* – Abgang, *ärfil**u**ŋk* – Erfüllung, ***e*** перед ***r*** почти всегда претерпевает расширение и произносится как ***ä***. Глухие смычные, а также фрикативные согласные произносятся между ***l*** и ***r*** внутри слова и на стыке двух слов звонко: *kul**d**urel* – kulturell, *teā**d**rliteratūr* – Theaterliteratur, ***g*** произносится как фрикативныйзвук: *frāʁə* – Frage.

У других докладчиков происходит озвончение (ослабление) глухих согласных в интервокальной позициии между гласным и назальным звуком: *hai**d**ə* – heute, *na**d**ürliç* – natürlich, *di gan**d**zə tswaijə* – die ganzen Zweige, *di wai**d**ərə prak**d**iźə politik* – die weitere praktische Politik, *sotsialistiźn* – sozialistischen (***ź*** произносится как русское ж). Студент пединститута Майер произносит ***eu*** как ***oi***: *fon **oi**ç* – von euch.

Выступившая делегат Крыма Биркле обнаруживает почти образцовое произношение. В ее речи четко звучат умлаутированные гласные ***ü***, ***ö*** и дифтонг ***eu***. Глухие согласные в позиции между ***r*** и ***l*** произносятся глухо, гласные перед назальными звуками назализируются лишь немного, а звук ***g*** остается смычным, а не фрикативным, как у других докладчиков: *frāgn* – Fragen, *dīse kärnfrāg* – diese Kernfrage, *mit bešlaeniçtem tempo* – mit beschleunigtem Tempo, *ungefär* – ungefähr, *durçgefürt* – durchgeführt,

[10] *Dulson A.* Die Aussprache des Schriftdeutschen und Beobachtungen über die Umgangssprache. 1931 // ОГУ ГИАНП. Ф. 1821. Оп. 1. Д. 32. Л. 1–8.

daitše – Deutsche, *wail* – weil, *in ērstər līnie* – in erster Linie, *forl**ai**fiç* – vorläufig, *däötše* – deutsche, *färnkursən, färnkusn* – Fernkurse, *štantpuŋkt* – Standpunkt (а в этом слове не назализируется).

Делегат из Москвы Циласко (Zielasko) имеет почти безупречное произношение, однако и в ее речи встречаются разговорные формы: *w**ü**rtšaftliç* – wirtschaftlich, *dērārthiç* – derartig, *umwelzuŋ, umwel**ts**uŋ* – Umwelzung, *aufbau**ə**s* – Aufbaus, *ü**r**gənt* – irgend, *ath**ai**stiš* – athäistisch, *te**x**nišə bildung* – technische Bildung, *fōli**k*** – völlig, *ône **der** Lösung* – ohne Lösung, *entgülti**k*** – endgültig, *en**ä**rgiš* – energisch, *es befrīdi**k**t uns* – es befriedigt uns, *ts**ū**feliç* – zufällig.

Студент-германист 2 курса Хайнце (Heinze) также допускает в устной речи разговорные, диалектно окрашенные формы: *di jēni**çe** prüfuŋ* – die jenige Prüfung, *durçgən**ō**mən* – durchgenommen, *wärgən, wärke* – Werke, *n**oe*** – neue, *tsūfeli**çe*** – zufällige, *f**ä**rštīgən* – verstiegen.

Студент Симон (Simon): *šīlr* – Schüler, *iç k**e**nt* – könnte, *m**i**sn* – müssen, *kul**d**urelə* – kulturelle, *šurnāl* – Shurnal (Zeitschrift), *dr tiraš* – Auflage (тираж), *da miźn wir* – da müssen wir, *f**ä**rsor**j**en* – vorsorgen, *s**ei**r šwax* – sehr schwach.

Делегат В. Шенфельд (Schönfeld V.): *doetš* – deutsch, *s**o**wjetunion* – Sowjetunion, *z**i**nt* – sind, *befölkeruŋ* – Bevölkerung, *f**ä**rknüpft* – verknüpft, *m**i**sn* – müssen, *populār* – populär, *br**ai**dəs* – breites, *hīr štôst* – hier stösst, *ainij**ə**rmāźn* – einigermaßen, *fīl mär* – viel mehr, *mā**ʁ** əs* – mag es, *was anbelaŋkt **ainər** andärn frāge* – was eine andere Frage anbelangt, *auf so**t**sialistišem fūźə* – auf sozialistischem Fuße, *auźərdēm* – außerdem, *wir k**e**nən* – wir können, *di al**d**ə form* – die alte Form, *di lärəršaft* – die Lehrerschaft, *wēniç* – wenig, *hoe**de*** – heute, *di frā**ʁ**e* – die Frage, *mexaniźə* – mechanische, *entli**ç*** – endlich, *h**oe**tsutāge* – heutzutage, *m**ü**sn* – müssen (***ü*** у него почти нелабилизировано, как и все умлауты), *kolo**s**alən maŋəl* – kolossaler Mangel, *fīl **ts**u wēni**k*** (2 раза) – vielzuwenig, *laidendə* – laitende, *w**ei**nik* (2 раза) – wenig, *damit das wir **ä**rfolk* – damit, dass wir Erfolg, *di prak**d**ik* – die Praktik.

На совещании выступила также первый директор Немецкого педагогического института Анна Пауль (Paul), которую в Энгельс направила Н.К. Крупская из Коммунистического университета в Москве. Ее речь была буквально насыщена диалектными формами: *di **ei**sdə frā**ʁ**ə* – die erste Frage, *niçt umsonst wīs lēnin* – nicht umsonst wies Lenin, *di l**aid**uŋ* – die Leitung, *di ganzə aufm**ä**rksamk**ai**t* – die ganze Aufmerksamkeit, *di bīnə* – Bühne, *h**aid**ə* – heute, ***t**riŋəndə n**ou**twendiçk**ai**t* – dringende Notwendigkeit.

В выступлении русской ученицы из Мангейма (Mannheim) также встречаются диалектные и разговорные формы: *li**d**era**d**ūr* – Literatur, *tsiselm**ai**se* – Zieselmäuse, *pro**ts**ent* – Prozent, *frā**ʁ**e* – Frage, *n**oe** ärtsīuŋ* – neue Erziehung. Примечателен тот факт, что русская школьница выступает на немецком языке, переходя в некоторых случаях на диалект своего села. Это может свидетельствовать о том, что русские семьи, проживавшие в немецких колониях, владели по крайней мере разговорным немецким языком и в школе обучались также на немецком языке.

Студент Шмидт (Schmidt), кроме обильного использования советизмов, также делает ошибки в новых для него словах и под влиянием интерференции русского языка произносит фразу-кальку с русского языка: *iç **rejn*** – ich rechne, что должно было обозначать «я считаю, в смысле: я полагаю, я думаю». Кроме того: *par**dai**dā**x*** – Parteitag, *konsta**n**tīrt* – konstatiert, *n**ei**dij**ə*** – nötige, *falźə* – falsche, *elemen**d**ə* – Elemente, *man**j**əs* – manches, *forhandə wār* – vorhanden war, *fondā**x** **ts**u dā**x*** – vom Tag zu Tag, *iç wol**d**ə* – ich wollte, *d**oi**tšə šprā**j**ə* – deutsche Sprache.

Студент Вазенмюллер (Wasenmüller) также пытается говорить на стандартном немецком языке, однако допускает в своей речи диалектные формы: *sowjet**s**union* – Sowjetunion, *d**oi**tš* – deutsch, *d**ä**r moment* – der Moment, *g**ü**də* – gute, *in d**ä**r arb**ai**t* – in der Arbeit.

Известный учитель из Марксштадта Николаус Беллендир (Nikolaus Bellendir) произнес свой доклад за некоторыми исключениями на стандартном немецком языке и обнаружил образцовое произношение.

Ассистент педагогического института Фрицлер (Fritzler) также говорил практически на стандартном немецком языке. Отклонения от нормы: *frä**x**t* – fragt, *f**ä**rfol**k**t* – verfolgt.

В произношении делегата из Украины Биллинг (Billing) наблюдаются как диалектно окрашенные, так и руссифицированные формы отдельных слов на фоне образцового немецкого стандартизированного произношения: *raj**o**n* – Rayon (русифицированный умлаут ***ai***), *w**ü**rtšaft* – Wirtschaft, *kollektiv**ie**rung* – Kollektivierung (аналогичные формы также у остальных украинских делегатов).

Таким образом, в условиях разветвленной культурной инфраструктуры за короткий период существования АССР НП сформировался новый тип языковой личности. Данный тип носителя немецкого языка характеризуется как образованный человек, владеющий литературным нормированным языком в письменной и устной форме, предпочитающий, однако, в устной речи использование разговорного немецкого языка с диалектно окрашенным произношением.

Данный тип носителя языка рассматривается нами как наиболее перспективный для формирования поволжско-немецкого варианта немецкого языка. Априори можно утверждать, что развитие единого варианта немецкого языка повожских немцев могло в свое время пойти по швейцарскому варианту, т. е. языковую ситуацию в немецком Поволжье могла бы определять диглоссия: немецкий литературный язык – разговорный диалектно окрашенный немецкий язык.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Арндт Е.А.* Историко-этнографические исследования в немецких селах Поволжья в 1920–1930-х гг. // Немцы России и СССР: 1901–1941 гг.: Материалы междунар. науч. конф., Москва, 17–19 сент. 1999 г. / Науч. ред. А. Герман. – М.: Готика, 2000. – С. 200–208.
2. *Герман А.А.* Немецкая автономия на Волге. 1918–1941. Ч. 2: Автономная республика. 1924–1941. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1994. – 416 с.
3. *Дингес Г.Г.* К вопросу о географическом распространении немецких слов и предметов // Наследие и региональные исследования. – Саратов: Изд-во Торг.-промышл. палаты, 2005. – С. 20–23.
4. *Зеленин И.Е.* Был ли «колхозный неоНЭП»? // Отечественная история. – 1994. – № 2. – С. 105–125.
5. *Иванцова Е.В.* О термине «языковая личность»: истоки, проблемы, перспективы использования // Вестн. Томск. гос. ун-та. – 2010. – № 4 (12). – С. 24–32.
6. *Карасик В.И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
7. Словарь социолингвистических терминов / РАН. Институт языкознания; Рос. академия лингвист. наук / Отв. ред. д-р филол. наук В.Ю. Михальченко. – М., 2006. – 312 с.
8. *Шелленберг А., Мюллер К.* Немецкая литература (литература немцев СССР) // Литературная энциклопедия. Т. 7: От Марлинский до Немецкая литература. – М., 1934. – Стб. 887.
9. *Эмих Ф.* Школа для немцев // Волга. Литературный журнал. – Саратов, 1990. – № 2 // URL: http://wolgadeutsche.ru/bibliothek/wolga/wolga_2_1990.htm (дата обращения: 3.09.2015).
10. *Dulson A.* Die Aussprache des Schriftdeutschen und Beobachtungen über die wolgadeutsche Umgangssprache. 1931 // ОГУ ГИАНП. Ф. 1821. Оп. 1. Д. 32. Л. 1–8.
11. *Minor A.* Misch- und Ausgleichprozesse in den wolgadeutschen Mundarten // Языковые и культурные контакты (Sprachliche und kulturelle Kontakte). – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2012. – С. 28–34.

Die Herausbildung der Grundtypen einer sprachlichen Identität der Wolgadeutschen zur Zeit ihrer Autonomie (1918–1941)

A. Ja. Minor

Die von Grund auf errichtete kulturelle Infrastruktur der Autonomen Republik der Wolgadeutschen trug wesentlich zur Herausbildung einiger Typen der sprachlichen Identität der Wolgadeutschen bei. Die zahlenmäßig größte Sprachgruppe war die Landbevölkerung, die den heimatlichen Dialekt als wichtigstes Kommunikationsmittel gebrauchte und mit dem Hochdeutschen durch religiöse Texte und den Schulbesuch vertraut war. Für diese Gruppe war also eine intralinguale Zweisprachigkeit charakteristisch. Einen neuen Typus sprachlicher Identität verkörperte die junge Generation der Wolgadeutschen, die eine deutschsprachige Schulausbildung genießen konnte und somit mit zwei Sprachregistern des Deutschen vertraut war: mit dem Hochdeutschen und der Mundart. Eine weitere Gruppe sind die jungen wolgadeutschen Intellektuellen, die einen wichtigen Beitrag zur weiteren Entwicklung der wolgadeutschen Variante der deutschen Sprache leisten und zur Entwicklung einer einheitlichen Umgangssprache der Wolgadeutschen beitragen konnten, da gerade sie das sprachliche und kulturellen Leben der Wolgadeutschen bestimmten.

Schlüsselwörter: kulturelle Infrastruktur der Autonomen Republik der Wolgadeutschen, Sprachgruppen der Bevölkerung, Typen der sprachlichen Identität, dialektal gefärbte Aussprache, intralinguale Zweisprachigkeit.

The Formation of the Basic Types of the Linguistic Identity of the Volga Germans in the Times of Autonomy (1918–1941)

A.J. Minor

The formation of several various types of the linguistic identity of the Volga Germans was due to the completely developed cultural infrastructure of the Autonomous Republic of the Volga Germans. The most numerous linguistic group was represented by the rural population that used the native dialect as the main means of communication. Besides, the members of this group were aware of the literary German language owing to the religious texts and schooling. Thus, the language of this group was characterized by intralingual diglossia. A new type of the linguistic identity of the Volga Germans was represented by the young generation that had finished the school where the language of instruction was German, and were aware of the two registers of the German language: the literary German and a native dialect. Another group was represented by the young intelligentsia of the Volga Germans that could assert the dominant influence on the development of the Volga variant of the German language and contribute to the formation of the universal language of communication for the Volga Germans, for this was the group that ruled linguistic and cultural life of the aforementioned.

Keywords: the cultural infrastructure of the Autonomous Republic of the Volga Germans, linguistic groups, types of the linguistic identity, dialectally coloured pronunciation, intralingual diglossia.

УДК 811.11-112

З.М. Богословская, Р.А. Малкова, Ю.В. Щеголихина

Личные имена как проявление исторической памяти российских немцев*

Статья написана в соответствии с антропоцентрической направленностью современной лингвистики. В ней рассматриваются антропонимы российских немцев. В качестве эмпирического материала впервые использованы родословные немецких семей. В статье отмечается двойственность характера антропонимикона российских немцев: с одной стороны, связь с традициями немецкого этноса, сохранение исторической памяти, с другой – утрата самобытности, изменчивость под влиянием доминирующей культуры.

Ключевые слова: антропонимы, российские немцы, онимы в составе родословных.

Современный немецкий антропонимикон – результат продолжительной эволюции национальной культуры. Он, как и любой другой, обладает национальными особенностями и закономерностями развития. По мнению Э. Герр, еще в XII в. 90 % населения германских земель имели древненемецкие имена[1]. Затем число исконно немецких имен стало уменьшаться. Это было обусловлено расширением контактов с культурами соседних стран и влиянием христианской церкви, рекомендовавшей списки канонических имен, преимущественно древнееврейского, греческого, латинского происхождения. В итоге к началу Реформации большинство имен немцев являлись библейскими именами.

Тенденция к заимствованию имен из других языков, наметившаяся в XII в., усилилась в XVIII в. Так, под влиянием французской культуры в германских государствах появились имена Луиза, Генриетта. Перевод произведений Шекспира и Оссиана способствовал распространению в немецкоязычной культуре английских имен – *Эдуард*, *Оскар*, *Сельма*.

Фамилии у германцев появились в XII в. – сначала в высших слоях общества, позднее в городской среде и в деревнях. Они возникали преимущественно из прозвищ, указывающих на род деятельности, профессию, из личного имени отца или матери, из слов, указывающих на место проживания, этническую характеристику и т. д.[2]

Современная немецкая антропонимическая модель по сравнению с трехчастной русской антропонимической моделью двухчастная, т. е. состоит из фамилии и имени.

При этом и личное имя, и фамилия могут быть двухкомпонентными и реже многокомпонентными[3].

* Исследование выполнено при поддержке РГНФ (проект № 15-14-70602).

[1] *Gerr E.* Das große Vornamenbuch. Geschichtliche Herkunft, Bedeutung, Varianten und Ableitungen, fremdsprachige Versionen, prominente Vertreter des Namens, Bedeutungsgrad. Systematik und Kulturkreisen u. Geschlecht. Standesamtliche Statistiken gestern u. heute. – München, 1985. – S. 11.

[2] См.: *Кургузова Е.В.* Имена собственные немецкой культуры в историческом фрагменте нормативно-научной картины мира: Автореф. дис. … канд. филол. наук. – Смоленск, 2009. – 20 с.

[3] См.: *Артемова Л.А.* Особенности функционирования антропонимов в немецких медийных текстах: Автореф. дис. … канд. филол. наук. – Воронеж, 2008. – 23 с.

© З.М. БОГОСЛОВСКАЯ, Р.А. МАЛКОВА, Ю.В. ЩЕГОЛИХИНА. ЕЖЕГОДНИК МАИИКРН. 2015 Г. № 1. С. 336–347.

В соответствии с немецкой традицией российские немцы продолжительное время после миграции имели двухчастное именование, но постепенно к середине XX в. под влиянием русской культуры в каждой семье индивидуально сформировалось трехчастное именование человека: фамилия, личное имя и отчество.

В данной статье рассматриваются антропонимы, которые содержатся в родословных двух взаимосвязанных семей (Клемент и Кляйн), охватывающих период с первой половины XIX до начала XXI в. Родословные составлены по нашей просьбе российской немкой, непосредственно являющейся членом этого рода, Любовью Николаевной Менчиковой, врачом по специальности. Несмотря на то, что некоторые сведения дополнительно собирались Р.А. Малковой, представленные данные являются неполными: не везде указана дата рождения человека, в некоторых случаях не указаны отчество или фамилия того или иного члена семьи. Также необходимо подчеркнуть, что Л.Н. Менчикова по собственной инициативе изложила историю семьи в виде схемы, которая впоследствии была откорректирована Ю.В. Щеголихиной.

Схема 1. Родословная семьи Клемент

1. Клемент Иван Федорович (немец) и его жена Клемент Елизавета (немка)

Дети:

1.1. Клемент Иван Иванович

1.2. Клемент Василий Иванович

1.3. Клемент Эдуард Иванович

1.4. Клемент Константин Иванович

1.5. Клемент Федор Иванович

1.6. Клемент Елизавета Ивановна

1.1. Клемент Иван Иванович

Дети:

1.1.1. Иван Иванович

1.1.2. Эльза Ивановна

1.3. Клемент Эдуард Иванович (немец) и его жена Полина Семеновна (немка)

Дети:

1.3.1. Клемент-Нагель Валентина Эдуардовна

1.3.2. Клемент Иван Эдуардович

1.3.3. Клемент Полина Эдуардовна

1.4. Клемент Константин Иванович (1870–1929 гг., немец) и его жена Клемент-Фогель Марш (немка)

Дети:

1.4.1. Клемент-Ганн Мария Константиновна

1.4.2. Клемент-Мек Ольга Константиновна

Дети:

1.4.2.1. Мек Ирма

1.4.2.2. Мек Эльза

Дети:

1.4.2.2.1. Ольга

1.4.2.2.2. Эльза

1.4.2.2.3. Тамара

1.4.3. Клемент Николай Константинович (1896 г. р., немец) и Клемент-Кляйн Мария Петровна (1899 г. р., немка)

Дети:

1.4.3.1. Клемент-Шартнер Лидия Николаевна (1919 г. р.)

1.4.3.2. Клемент-Годлевская Раиса Николаевна (1923 г. р.)

1.4.3.3. Клемент Николай Николаевич (1925 г. р.)
1.4.3.4. Клемент-Менчикова Любовь Николаевна (1934 г. р.)
1.4.3.5. Клемент Михаил Николаевич (1939 г. р.)

1.4.3.1. Клемент-Шартнер Лидия Николаевна (1919 г. р., немка) и ее муж Шартнер Яков Иванович (1928 г. р., немец)

Дети:
1.4.3.1.1. Шартнер-Кудимова Анна Яковлевна (1947 г. р., немка)
1.4.3.1.2. Шартнер Владимир Яковлевич (1947 г. р., немец)

1.4.3.1.1. Шартнер-Кудимова Анна Яковлевна (1947 г. р.)

Дети:
1.4.3.1.1.1. Кудимова Алена Александровна (1969 г. р.)
1.4.3.1.1.2. Латышев Константин Витальевич

1.4.3.1.2. Шартнер Владимир Яковлевич (1947 г. р., немец) и его жена Шартнер-Козачек Нина (1949 г. р., русская)

Дети:
1.4.3.1.2.1. Шартнер-Шкодина Ирина Владимировна (1969 г. р., русская)
1.4.3.1.2.2. Шартнер-Плаксина Татьяна Владимировна (1973 г. р., русская)
1.4.3.1.2.3. Шартнер-Скиба Лидия Владимировна (1977 г. р., немка)
1.4.3.1.2.4. Шартнер Александр Владимирович (1983 г. р., русский)

1.4.3.1.1.1. Кудимова Алена Александровна (1969 г. р.)

Дети:
1.4.3.1.1.1.1. Кудимова Анжела

1.4.3.1.2.1. Шартнер-Шкодина Ирина Владимировна (1969 г. р.) и ее муж Шкодин Андрей (1968 г. р.)

Дети:
1.4.3.1.2.1.1. Шкодин Илья Андреевич
1.4.3.1.2.1.2. Шкодина Дарья Андреевна

1.4.3.1.2.2. Шартнер-Плаксина Татьяна Владимировна (1973 г. р.) и ее муж Плаксин Игорь (1970 г. р., немец)

Дети:
1.4.3.1.2.2.1. Плаксина Эвелина Игоревна (2008 г. р., немка)

1.4.3.1.2.3. Шартнер-Скиба Лидия Владимировна (1977 г. р., немка) и ее муж Скиба Сергей Иванович (1975 г. р., русский)

Дети:
1.4.3.1.2.3.1. Скиба Даниил Сергеевич (1997 г. р., немец)
1.4.3.1.2.3.2. Скиба Стефани Сергеевна (2000 г. р., немка)

1.4.3.2. Клемент-Годлевская Раиса Николаевна (1923 г. р., немка) и ее муж Годлевский Павел Максимович (1919 г. р., русский)

Дети:
1.4.3.2.1. Годлевский Анатолий Павлович (1943 г. р., русский)
1.4.3.2.2. Годлевская-Малкова Светлана Павловна (1950 г. р., русская)

1.4.3.2.1. Годлевский Анатолий Павлович (1943 г. р.) и его жена Годлевская-Штейнгауер Гетта (1945 г. р., немка)

Дети:
1.4.3.2.1.1. Годлевская-Шапиро Ольга Анатольевна (1969 г. р.)
1.4.3.2.1.2. Годлевская-Штайнгауер Яна Анатольевна (1975 г. р.)

1.4.3.2.1.1.Годлевская-Шапиро Ольга Анатольевна (1969 г. р.) и ее муж Шапиро Игорь (1969 г. р.)

Дети:
1.4.3.2.1.1.1. Шапиро Елизавета Игоревна (1998 г. р.)
1.4.3.2.1.1.2. Шапиро Рональд Игоревич

1.4.3.2.1.2. Годлевская-Штайнгауер Яна Анатольевна (1975 г. р., немка)

Дети:
1.4.3.2.1.2.1. Штайнгауер Дженифер (немка)
1.4.3.2.1.2.2. Штайнгауер Кай (немец)

1.4.3.2.2. Годлевская-Малкова Светлана Павловна (1950 г. р.) и ее муж Малков Анатолий Андреевич (1948 г. р.)

Дети:
1.4.3.2.2.1. Малкова Раиса Анатольевна (1971 г. р., русская)
1.4.3.2.2.2. Малков Андрей Анатольевич (1977 г. р., русский)

1.4.3.2.2.1. Малкова Раиса Анатольевна (1971 г. р.) и ее муж Шеламов Алексей Владимирович (1971 г. р., русский)

Дети:
1.4.3.2.2.1.1. Шеламова Евдокия Алексеевна (1994 г. р., русская)

1.4.3.2.2.2. Малков Андрей Анатольевич (1977 г. р., русский) и его жена Горельчаник Елена Эдуардовна (1974 г. р., русская)

Дети:
1.4.3.2.2.2.1. Малков Никита Андреевич (2005 г. р., русский)
1.4.3.2.2.2.2. Малкова Таисия Андреевна (2010 г. р., русская)

1.4.3.3. Клемент Николай Николаевич (1925 г. р., немец) и его жена Клемент Анна Феоктистовна (1928 г. р., русская)

Дети:
1.4.3.3.1. Клемент-Шарова Людмила Николаевна (1947 г. р., русская)
1.4.3.3.2. Клемент Владимир Николаевич (1951 г. р., русский)

1.4.3.3.1. Клемент-Шарова Людмила Николаевна (1947 г. р.) и ее муж Шаров Виктор (1946 г. р., русский)

Дети:
1.4.3.3.1.1. Шаров Виталий Викторович (1971 г. р., русский)

1.4.3.3.2. Клемент Владимир Николаевич (1951 г. р.) и его жена Клемент-Башук Светлана Ивановна (1953 г. р., русская)

Дети:
1.4.3.3.2.1. Клемент Олеся Владимировна (русская)

Дети:
1.4.3.3.2.1.1. Дарина

1.4.3.4. Клемент-Менчикова Любовь Николаевна (1934 г. р., немка) и ее муж Менчиков Юрий Николаевич (1933 г. р., русский)

Дети:
1.4.3.4.1. Менчиков Валерий Юрьевич (1960 г. р., русский)
1.4.3.4.2. Менчиков Анатолий Юрьевич (1962 г. р., русский)
1.4.3.4.3. Менчикова-Жидкова Светлана Юрьевна (1969 г. р., русская)

1.4.3.4.1. Менчиков Валерий Юрьевич (1960 г. р.) и его жена Менчикова-Эккерт Ольга Андреевна (1963 г. р., немка)

Дети:
1.4.3.4.1.1. Менчиков Юрий Валерьевич (1984 г. р., немец)

1.4.3.4.2. Менчиков Анатолий Юрьевич (1962 г. р.) и его жена Менчикова-Лабунская Лариса Васильевна (1964 г. р., русская)

Дети:
1.4.3.4.2.1. Менчиков Андрей Анатольевич (1985 г. р., русский)
1.4.3.4.2.2. Менчиков Александр Анатольевич (1989 г. р., русский)
1.4.3.4.2.3. Менчиков Алексей Анатольевич (1996 г. р., русский)

1.4.3.4.3. Менчикова-Жидкова Светлана Юрьевна (1969 г. р.) и ее муж Жидков Валерий Дмитриевич (1968 г. р., русский)

Дети:
1.4.3.4.3.1. Жидков Дмитрий Валерьевич (1996 г. р., русский)
1.4.3.5. Клемент Михаил Николаевич (1939 г. р., немец) и его жена Клемент-Лаврионова Валентина Никитична (1941 г. р., русская)
Дети:
1.4.3.5.1. Клемент-Нужнова Марина Михайловна (1964 г. р., русская)
1.4.3.5.2. Клемент-Долгова Наталья Михайловна (1966 г. р., русская)
1.4.3.5.3. Клемент Николай Михайлович (1968 г. р., русский)
1.4.3.5.4. Клемент-Королева Любовь Михайловна (1974 г. р., русская)
1.4.3.5.5. Клемент-Коробова Ирина Михайловна (1976 г. р., русская)
1.4.3.5.1. Клемент-Нужнова Марина Михайловна (1964 г. р.) и ее муж Нужнов Александр Анатольевич (1960 г. р.)
Дети:
1.4.3.5.1.1. Нужнова-Майер Светлана Александровна (1983 г. р.)
1.4.3.5.1.2. Нужнов Александр Александрович (1985 г. р.) и его жена Нужнова Елена
1.4.3.5.1.1. Нужнова-Майер Светлана Александровна (1983 г. р.) и ее муж Майер Артур (1978 г. р.)
Дети:
1.4.3.5.1.1.1. Майер Виктория Артуровна (2001 г. р.)
1.4.3.5.2. Клемент-Долгова Наталья Михайловна (1966 г. р.) и ее муж Долгов Юрий Павлович (1963 г. р.)
Дети:
1.4.3.5.2.1. Долгова-Зорина Елена Юрьевна (1986 г. р.)
1.4.3.5.2.2. Долгов Андрей Юрьевич (1988 г. р.)
1.4.3.5.2.1. Долгова-Зорина Елена Юрьевна (1986 г. р.) и ее муж Зорин Виктор (1986 г. р.)
Дети:
1.4.3.5.2.1.1. Зорин Александр Викторович
1.4.3.5.3. Клемент Николай Михайлович (1968 г. р.) и его жена Клемент-Чирикова Елена Сергеевна (1970 г. р., русская)
Дети:
1.4.3.5.3.1. Клемент Михаил Николаевич (1989 г. р.)
1.4.3.5.3.2. Клемент Ксения Николаевна (1996 г. р.)
1.4.3.5.4. Клемент-Королева Любовь Михайловна (1974 г. р.) и ее муж Королев Михаил Алексеевич (1972 г. р., русский)
Дети:
1.4.3.5.4.1. Королев Алексей Михайлович (1999 г. р., русский)
1.4.3.5.4.2. Королев Александр Михайлович (2002 г. р., русский)
1.4.3.5.5. Клемент-Коробова Ирина Михайловна (1976 г. р.) и ее муж Коробов Юрий (1974 г. р., русский)
Дети:
1.4.3.5.5.1. Коробова Дарья Юрьевна (2004 г. р., русская)

Схема 2. Родословная семьи Кляйн

1. Кляйн Петр Петрович (1849 г. р., немец) и его жена Кляйн-Шимански Елизавета (полька)
Дети:
1.1. Кляйн Петр Петрович (1869 г. р., немец) и его жена Зимунд Мария
1.2. Кляйн Петр Петрович (1873 г. р., немец)
Дети:
1.2. Кляйн Петр Петрович (1873 г. р., немец) и его жена Кляйн-Фаст Мария Иогановна (1875 г. р., немка)
Дети:
1.2.1. Кляйн Петр Петрович (1894 г. р., немец)
1.2.2. Кляйн Эдгар Петрович (1896 г. р., немец)
1.2.3. Кляйн Мария Петровна (1899 г. р., немка) и **ее муж Клемент Николай Константинович**

1.2.4. Кляйн Рудольф Петрович (немец)
1.2.5. Кляйн Владимир Петрович (1912 г. р., немец)
1.2.6. Кляйн Зара Петровна (1912 г. р., немка) и **ее муж Бендер Егор**
1.2.7. Кляйн Герман Петрович (1914 г. р., немец)
1.2.5. Кляйн Владимир Петрович (1912 г. р., немец) и его жена Кляйн Марта (1919 г. р., немка)
Дети:
1.2.5.1. Кляйн Марта Владимировна (1938 г. р., немка)
1.2.5.2. Кляйн Лидия Владимировна (1941 г. р.)
1.2.5.3. Кляйн Сара Владимировна (1947 г. р.)
1.2.5.4. Кляйн Яков Владимирович (1949 г. р.)
1.2.5.5. Кляйн Александр Владимирович (1951 г. р.)
1.2.5.6. Кляйн Анна Владимировна (1954 г. р.)
1.2.5.7. Кляйн Елена Владимировна (1956 г. р.)
1.2.5.8. Кляйн Мария Владимировна (1958 г. р.)
1.2.5.9. Кляйн Лилия Владимировна (1960 г. р.)
1.2.5.5. Кляйн Александр Владимирович (1951 г. р.) и его жена Кляйн Зитта (1955 г. р.)
Дети:
1.2.5.5.1. Кляйн Александр Александрович
1.2.5.5.2. Кляйн Петр Александрович и его жена Кляйн Моника
1.2.5.5.3. Кляйн Валерий Александрович
1.2.5.5.4. Кляйн Мария Александровна
1.2.5.5.5. Кляйн Анна Александровна
1.2.5.5.6. Кляйн Даниэль Александрович
1.2.5.5.7. Кляйн Штефан Александрович
1.2.6. Кляйн Зара Петровна (1912 г. р., немка) и ее муж Бендер Егор
Дети:
1.2.6.1. Бендер Егор Егорович (1934 г. р.)
1.2.7. Кляйн Герман Петрович (1914 г. р., немец)
Дети:
1.2.7.1. Кляйн Герман Германович и его жена Кляйн Ольга
Дети:
1.2.7.1.1. Кляйн Владимир Германович и его жена Кляйн Оксана
Дети:
1.2.7.1.1.1. Кляйн Артем
1.2.7.1.1.2. Кляйн Кирилл

Согласно семейной памяти, предками семьи Клемент являются Иван Федорович и его жена Елизавета. Предположительно, они родились в первой половине XIX в. Фамилия *Клемент* восходит к латинскому слову и означает «добрый, благосклонный»[4].

Имянаречение главы семейства подтверждает тот факт, что уже в начале XIX в. русские формы канонических антропонимов пользовались популярностью в немецком сообществе. Личное имя жены Ивана Федоровича, получившее в разной огласовке распространение в Европе, имеет древнегреческое происхождение.

Что касается детей Ивана Федоровича и Елизаветы, то пятеро из шести детей так же, как их родители, обладают христианскими именами, распространенными в русской среде. Все эти имена иностранного происхождения, а именно древнееврейского

[4] Здесь и далее этимология антропонимов устанавливалась по словарям: *Тихонов А.Н., Бояринова Л.З., Рыжкова А.Г.* Словарь русских личных имен. – М., 1995; Die deutschen Familiennamen. – München: Humboldt-Taschenbuchverlag, 1985.

(1.1 – *Иван*), латинского (1.4 – *Константин*), древнегреческого (1.2 – *Василий*; 1.5 – *Федор*; 1.6 – *Елизавета*). И лишь один из шести онимов характерен для германской культуры (см. 1.3 – *Эдуард*).

Следующее поколение семьи Клемент – это дети Ивана Ивановича, старшего из шести братьев и сестер. У детей отмечается одно имя иноязычного происхождения, получившее широкое распространение в русской среде (1.1.1 – *Иван*), и одно иноязычное имя, производное от имени Елизавета, достаточно распространенное в немецкой среде (1.1.2 – *Эльза*).

У следующего из шести братьев и сестер Эдуарда Ивановича и его жены Полины Семеновны, немки по национальности, зафиксировано трое детей. Они имеют иноязычные по происхождению имена, характерные для русской культуры (1.3.1 – *Валентина*; 1.3.2 – *Иван*). Последнее же имя представляет собой русскую форму французского имени *Паулина* (1.3.3 – *Полина*).

Обращает на себя внимание факт повторения в каждом поколении имени, как мужского, так и женского (1 – *Клемент Иван Федорович*, 1.1 – *Клемент Иван Иванович*, 1.1.1 – *Клемент Иван Иванович*, 1.3.2 – *Клемент Иван Эдуардович*; 1 – *Клемент Елизавета*, 1.1 – *Клемент Елизавета Ивановна*; 1.3 – *Клемент Полина Семеновна*, 1.3.3 – *Клемент Полина Эдуардовна*). По нашим наблюдениям, имена детям даются в честь отца и матери, бабушек и дедушек.

Жена Клемента Константина Ивановича (1.4) – Клемент-Фогель Марш, немка по национальности, – носит имя итальянского происхождения. Что касается их детей, то они обладают каноническими именами в русской огласовке (1.4.1 – *Мария*; 1.4.2 – *Ольга* и 1.4.3 – *Николай*). Обе дочери после замужества приобрели немецкие фамилии (1.4.1 – *Ганн Мария Константиновна* и 1.4.2 – *Мек Ольга Константиновна*).

В свою очередь, дети Ольги Константиновны названы немецкими именами (1.4.2.1 – *Ирма*; 1.4.2.2 – *Эльза*). Повторение имени также наблюдается в последующем поколении. Старшая дочь Эльзы (1.4.2.2.1 – *Ольга*) названа в честь ее бабушки (1.4.2), средней дочери дали имя в честь ее матери (1.4.2.2.2 – *Эльза*), младшая же дочь названа христианским именем, распространенным в русской среде (1.4.2.2.3 – *Тамара*).

Жена Николая Константиновича (1.4.3) – Клемент-Кляйн Мария Петровна, 1899 г. р., – будучи немкой по национальности, носит христианское имя, распространенное в Европе. Все пятеро детей имеют имена, бытующие в русской среде (1.4.3.1 – *Лидия*; 1.4.3.2 – *Раиса*; 1.4.3.3 – *Николай*; 1.4.3.4 – *Любовь*; 1.4.3.5 – *Михаил*). Обращает на себя внимание появление в семье в 30-х годах XX в. собственно русского имени *Любовь*. Отмечается также тезоименность: 1.4.3 – ***Николай*** *Константинович* и 1.4.3.3 – ***Николай*** *Николаевич*.

Одна из трех дочерей после замужества приобретает новую немецкую фамилию (1.4.3.1 – *Клемент-Шартнер Лидия Николаевна*), так как вступила в брак с представителем немецкого этноса (см. 1.4.3.1 – *Шартнер Яков Иванович*). Две ее младшие сестры выходят замуж, как они сами считали, за представителей русскоязычного этноса (1.4.3.1 – *Годлевский Павел Максимович*; 1.4.3.4 – *Менчиков Юрий Николаевич*).

Последующее поколение этнических немцев, а именно дети Лидии Николаевны и Якова Ивановича, *Шартнер-Кудимова Анна Яковлевна*, 1947 г. р. (1.4.3.1.1), и *Шартнер Владимир Яковлевич*, 1947 г. р. (1.4.3.1.2), также заключают браки с представителями русского этноса или обрусевшими представителями других этносов. По мнению составителя родословных, их дети обладают именами, отчествами и фамилиями, характерными для русского социума (1.4.3.1.1.1 – *Кудимова Алена Александровна*; 1.4.3.1.1.2 – *Латышев Константин Витальевич*; 1.4.3.1.2.1 – *Шартнер-Шкодина Ирина Владимировна*, 1969 г. р.; 1.4.3.1.2.2 – *Шартнер-Плаксина Татьяна Владимировна*, 1973 г. р.; 1.4.3.1.2.3 – *Шартнер-Скиба Лидия Владимировна*, 1977 г. р.; 1.4.3.1.2.4 – *Шартнер Александр Владимирович*, 1983 г. р.). Лишь у одной дочери из четверых детей Владимира Яковлевича и Нины Козачек в графе «национальность» записано «немка» (1.4.3.1.2.3). Отступлением от канонических имен является имя *Алена*, производное от греческого имени *Елена*.

Далее в истории рода наблюдается тенденция возвращения к этническим корням в связи с тем, что постоянным местом жительства для Шартнер-Плаксиной Ирины Владимировны и ее мужа Плаксина Игоря (1.4.3.1.2.2), а также Шартнер-Скиба Лидии Владимировны и ее мужа Скиба Сергея Ивановича (1.4.3.1.2.3) становится Германия. У последующего поколения – жителей Германии – женские имена приобретают нерусский характер (1.4.3.1.2.2.1 – *Плаксина Эвелина Игоревна*, 2008 г. р., немка; 1.4.3.1.2.3.2 – *Скиба Стефани Сергеевна*, 2000 г. р., немка). Мужское имя (1.4.3.1.2.3.1 – *Скиба Даниил Сергеевич*, 1997 г. р., немец) представляет собой русскую форму имени Даниэль, распространенного в Германии.

Клемент-Годлевская Раиса Николаевна (1.4.3.2), немка по национальности, имеет имя, распространенное в русской среде. Поскольку она заключила брак с представителем не немецкого этноса (1.4.3.2), в дальнейшем ее дети (1.4.3.2.1) имеют личные имена и фамилии, распространенные в русской среде, а также, по показаниям Менчиковой Любови Николаевны, считают себя русскими по национальности. В этой семье фиксируется неканоническое имя *Светлана*, являющееся по происхождению собственно русским образованием.

Годлевский Анатолий Павлович, 1943 г. р. (1.4.3.2.1), заключает брак с Штейнгауер Геттой (1.4.3.2.1), немкой по происхождению. Их дети имеют имена интернационального характера (1.4.3.2.1.1 – *Ольга*; 1.4.3.2.1.2 – *Яна*). Последнее имя распространено в Чехии, Польше, Германии. Годлевская Ольга, 1969 г. р. (1.4.3.2.1.1), выходит замуж за Шапиро Игоря (1.4.3.2.1.1). В связи с тем, что постоянным местом жительства этой семьи является Германия, дети их получают имена, распространенные в германской культуре, в частности в немецкой (1.4.3.2.1.1.1 – *Елизавета*; 1.4.3.2.1.1.2 – *Рональд*). Годлевская-Штайнгауер Яна Анатольевна, 1975 г. р. (1.4.3.2.1.2), также проживает в Германии, ее дети обладают именами, распространенными как на Востоке, так и на Западе (1.4.3.2.1.2.1 – *Дженифер*; 1.4.3.2.1.2.2 – *Кай*).

Годлевская-Малкова Светлана Павловна, 1950 г. р. (1.4.3.2.2), и ее муж Малков Анатолий Андреевич, 1948 г. р. (1.4.3.2.2), а также их дети (1.4.3.2.2.1 – *Раиса Анатольевна* и 1.4.3.2.2.2 – *Андрей Анатольевич*) и внуки (1.4.3.2.2.1.1 – *Евдокия*; 1.4.3.2.2.2.1 – *Никита*; 1.4.3.2.2.2.2– *Таисия*) имеют имена, типичные для русского социума.

Клемент Николай Николаевич, 1952 г. р. (1.4.3.3), и его жена Клемент Анна Феоктистовна (1.4.3.3) обладают общеевропейскими именами, принятыми в русской среде. Их дети и супруги детей (1.4.3.3.1 – *Людмила*, 1.4.3.3.1 – *Виктор*; 1.4.3.3.2 – *Владимир*, 1.4.3.3.2 – *Светлана*), а также внуки (1.4.3.3.1.1 – *Виталий*; 1.4.3.3.2.1. – *Олеся*) и правнучка (1.4.3.3.2.1.1 – *Дарина*) имеют имена с разной национальной маркировкой.

Клемент-Менчикова Любовь Николаевна, 1934 г. р. (1.4.3.4), немка по национальности, заключила брак с представителем русского этноса (1.4.3.4 – *Менчиков Юрий Николаевич*, 1934 г. р.). Они, а также их дети имеют канонические и неканонические имена (1.4.3.4.1 – *Валерий*; 1.4.3.4.2 – *Анатолий* и 1.4.3.4.3 – *Светлана*), принятые в русском социуме.

Менчиков Валерий Юрьевич, 1960 г. р. (1.4.3.4.1), и его жена Менчикова-Эккерт Ольга Андреевна, 1963 г. р. (1.4.3.4.1), немка по национальности, носят канонические русские имена. Их сын (1.4.3.4.1.1 – *Юрий*) назван, вероятно, в честь дедушки, немца по национальности.

Менчиков Анатолий Юрьевич, 1962 г. р. (1.4.3.4.2), и его жена Менчикова-Лабунская Лариса Васильевна, 1964 г. р. (1.4.3.4.2), а также их дети имеют канонические имена (1.4.3.4.2.1 – *Андрей*; 1.4.3.4.2.2 – *Александр*; 1.4.3.4.2.3 – *Алексей*), распространенные в Европе и, в частности, в России.

Менчикова-Жидкова Светлана Юрьевна, 1969 г. р., и ее муж Жидков Валерий Дмитриевич, 1968 г. р. (1.4.3.4.3), а также их сын (1.4.3.4.3.1 – *Дмитрий*) обладают именами, характерными для русской культуры. В данном случае мы вновь наблюдаем повторение имени *Дмитрий* в роду.

Клемент Михаил Николаевич, 1939 г. р., и его жена Клемент-Лаврионова Валентина Никитична, 1941 г. р. (1.4.3.5), имеют канонические имена, свойственные русским людям. Их дети (1.4.3.5.1 – *Марина*; 1.4.3.5.2 – *Наталья*; 1.4.3.5.3 – *Николай*; 1.4.3.5.4 – *Любовь*; 1.4.3.5.5 – *Ирина*) также имеют широко распространенные в России имена. Из них имя *Любовь* – собственно русское, неканоническое образование.

Дети Марины Михайловны и Нужнова Александра Анатольевича, 1960 г. р. (1.4.3.5.1), обладают именем с русской этнокультурной коннотацией (см. 1.4.3.5.1.1 – *Светлана*) и каноническим именем, распространенным в Европе и, в частности, в России (1.4.3.5.1.2 – *Александр*).

Нужнова-Майер Светлана Анатольевна после замужества имеет фамилию, характерную для немецкого этноса. Ее муж (1.4.3.5.1.1 – *Артур Майер*) носит имя кельтского происхождения, распространенное как в немецкой, так и в русской среде. Их дочь (1.4.3.5.1.1.1 – *Виктория*) обладает интернациональным каноническим именем.

Дети Натальи Михайловны Клемент-Долговой и ее мужа Долгова Юрия Павловича (1.4.3.5.2) имеют общеевропейские канонические имена, распространенные в русской среде (1.4.3.5.2.1 – *Елена*; 1.4.3.5.2.2 – *Андрей*).

Сын Елены Юрьевны Долговой-Зориной и Виктора Зорина (1.4.3.5.2.1) обладает каноническим именем, характерным для европейской, в том числе русской, культуры (1.4.3.5.2.1.1 – *Александр*).

Дети Николая Михайловича Клемента и Елены Сергеевны Клемент-Чириковой (1.4.3.5.3) также носят канонические имена, распространенные в русском обществе (1.4.3.5.3.1 – *Михаил*; 1.4.3.5.3.2 – *Ксения*).

Сыновья Любови Михайловны Клемент-Королевой и ее мужа Михаила Алексеевича Королева (1.4.3.5.4) имеют канонические общеевропейские имена (1.4.3.5.4.1 – *Алексей*; 1.4.3.5.4.2 – *Александр*), которые также свойственны русским людям.

Дочь Ирины Михайловны Клемент-Коробовой и Юрия Коробова (1.4.3.5.5) обладает каноническим именем, имеющим персидские корни, но распространенным в русской среде (1.4.3.5.5.1 – *Дарья*).

Обратимся к антропонимам семьи Кляйн. Фамилия Кляйн в словарных источниках трактуется как «тонкий/мелкий, чистый».

Родоначальниками семьи Кляйн являются Петр Петрович, 1849 г. р., и его жена Кляйн-Шимански Елизавета (1), полька по национальности. Супруги имеют фамилии с этнокультурной коннотацией и распространенные христианские имена. Их дети обладают каноническим именем в русской огласовке. В данном случае обнаруживается редкое явление тезоименности «брат – брат» (1.1 – *Петр*; 1.2 – *Петр*). Жена Петра Петровича Мария Зимунд (1.1), немка по национальности, носила немецкую фамилию. В роду данной семьи также происходят повторение имени «отец – сын – внук» и соответственно повторение отчества (1 – *Петр Петрович* и 1.1 – *Петр Петрович*, 1.2.1 – *Петр Петрович*).

Жена Петра Петровича Кляйна – Мария Иогановна Фаст (1.2) – имеет немецкую фамилию. Ее отчество образовано от канонического имени в немецкой форме. Дети супругов имеют интернациональные канонические имена (1.2.1 – *Петр*; 1.2.3 – *Мария*) и древнегерманское имя (см. 1.2.2 – *Эдгар*). Отметим также факт внутрисемейной тезоименности «мать – дочь».

Потомки Марии Петровны Кляйн и Николая Николаевича Клемента (1.2.3) имеют германские имена (1.2.4 – *Рудольф*; 1.2.7 – *Герман*), а также имя персидского происхождения, распространенное в немецкой среде (1.2.6 – *Зара*) и древнерусское имя (1.2.5 – *Владимир*), возможно, заимствованное из германских языков. Муж Зары Петровны имеет нерусскую фамилию и имя греческого происхождения, распространенное в русской культуре (1.2.6 – *Бендер Егор*).

Жена Владимира Петровича Кляйна – Марта Кляйн (1.2.5), немка по национальности, – имеет имя древнееврейского происхождения, характерное для немецкой культуры. Их дети обладают обычно каноническими именами, как правило, в русской форме. Эти имена имеют разное происхождение: древнееврейское или еврейское (1.2.5.1 – *Марта*; 1.2.5.3 – *Сара*; 1.2.5.4 – *Яков*; 1.2.5.8 – *Мария*; 1.2.5.6 – *Анна*); древнегреческое или греческое (1.2.5.2 – *Лидия*; 1.2.5.7 – *Елена*; 1.2.5.5 – *Александр*); латинское (1.2.5.9 – *Лилия*). Вновь наблюдается факт повторения имени в роду по женской линии (1.2.5 – *Марта*; 1.2.5.1 – *Марта*).

Жена Кляйна Александра Владимировича Зитта Кляйн (1.2.5.5) имеет имя либо латинского, либо тюркского происхождения. Пятеро из семи детей супругов имеют канонические имена в русской огласовке (1.2.5.5.1 – *Александр*; 1.2.5.5.2 – *Петр*; 1.2.5.5.3 – *Валерий*; 1.2.5.5.4 – *Мария*; 1.2.5.5.5 – *Анна*). Двое детей имеют имена (1.2.5.5.6 – *Даниэль*; 1.2.5.5.7 – *Штефан*), восходящие к древним языкам и в настоящее время распространенные в немецком обществе. Старший из сыновей получил такое же личное имя, как и его отец.

Сын Кляйн Зары Петровны и Бендера Егора (1.2.6) был назван, вероятно, в честь отца именем греческого происхождения, распространенным в русской среде (1.2.6.1 – *Егор Егорович*).

Сын Кляйна Германа Петровича (1.2.7) имеет такое же германское личное имя, как и его отец (1.2.7.1 – *Герман Германович*). Данный пример вновь демонстрирует передачу имени из поколения в поколение. Жена Германа Германовича обладает каноническим именем (1.2.7.1 – *Ольга*), принятым в русской среде. Сын Германа Германовича получил древнерусское личное имя (1.2.7.1.1 – *Владимир*).

Жена Владимира Германовича имеет имя с древнегреческим корнем, распространенное в восточнославянской среде (1.2.7.1.1 – *Оксана*). Дети Владимира и Оксаны получили канонические в русской огласовке имена греческого происхождения, употребительные в русском обществе (1.2.7.1.1.1 – *Артем*; 1.2.7.1.1.2 – *Кирилл*).

Вышеприведенные родословные являются относительно полными, но они представляют собой в настоящее время довольно редкий источник для изучения антропонимов. Как правило, многие звенья родословных выпали из семейной памяти российских немцев и их потомков. Обычно информанты излагают свои родословные в усеченном, кратком виде. Такой пример находим в книге «Помни имя свое», составленной сотрудниками Томского политехнического университета[5].

Meine Familie
Peter, geboren 1927 / Петр – 1927 г. рождения
Ljubow, geboren 1929 / Любовь – 1929 г. рождения
Iwan, geboren 1932 / Иван – 1932 г. рождения
Nikolaj, geboren 1935 / Николай – 1935 г. рождения
Katharina, geboren 1937 / Екатерина – 1937 г. рождения
Andrej (Heinrich), geboren 1939, mein Großvater / Андрей (Генрих) – 1939 г.р. – мой дедушка (семья Гайль).
Meine Familie
Vater – Rux Ilja Iosifowitsch (1946) / Отец – Рукс Илья Иосифович (1946)
Mutter – Rux Walentina Michailowna (1954) / Мама – Рукс Валентина Михайловна (1954)

[5] Помни имя свое. Entsinne dich deines Namens. – Томск, 2008. – С. 20, 62.

Schwester – Rux Anna Iljinitschna (1983) / Сестра – Рукс Анна Ильинична (1983)
Großvater – Rux Iosef Edmundowitsch (1921) / Дедушка – Рукс Иосиф Эдмундович (1921)
Großmutter – Rux Walentina Karlowna (1924) / Бабушка – Рукс Валентина Карловна (1924) (семья Рукс).

Итак, фамильные имена (*Клемент*, *Кляйн*), будучи связующим звеном как членов одной семьи, так и целого рода, указывают на этническую принадлежность конкретной семьи. Сохранность родовой фамилии российских немцев осуществляется обычно путем передачи ее от отца к детям. Однако в ряде случаев в годы репрессий имели место отказ российских немцев от своей исконной фамилии, намеренное присвоение детям, родившимся в смешанном браке, русской или иной фамилии.

Определенная динамика наблюдается и в корпусе личных имен российских немцев. Осваиваясь в России, этнические немцы отдавали предпочтение именам в русской огласовке с религиозной (католической и православной) коннотацией. Народные русские имена типа *Светлана*, *Алена* были освоены гораздо позднее.

Находясь «на перекрестке двух культур», представители немецкой общности в России иногда апробировали двухкомпонентное имя, например *Ivan-Peter*[6]. Примечательно, что в среде немецкого субэтноса в период господствующего атеизма и бурного имятворчества в советскую эпоху личные имена типа *Владлен*, *Трактор*, *Рэм*, *Сталина*, *Снежана* и т. п. не появились. Данный факт позволяет судить о мировоззренческих установках российских немцев, придерживающихся определенных правил при выборе личных имен.

Проанализированный эмпирический материал, охватывающий одно столетие, позволяет сделать и такой вывод: антропонимикон российских немцев меняется в зависимости от характера социума. Так, в социуме с русской доминантой происходит ориентация на распространенные в данной этносреде имена – в большей степени канонические общехристианские имена, в меньшей степени неканонические. В социуме с немецкой доминантой соответственно наблюдается ориентация на употребительные в Германии имена – канонические католические и народные немецкие имена. Под влиянием английской культуры у потомков российских немцев в современной Германии появляются такие имена, как *Моника* и *Дженифер*.

Изучение родословных позволило выявить в среде российских немцев факт передачи из поколения в поколение не только фамилии, но и имени. Явление тезоименности происходит как по мужской, так и по женской линии: «отец – сын», «дедушка – внук», «мать – дочь», «бабушка – внучка». Обнаружились редко встречающиеся формы тезоименности, например такого характера, как «брат – брат». Традиция наречения ребенка именем отца, дедушки, матери, бабушки в немецкой народной культуре видится в особом почтении родителей, предков. Также это можно считать проявлением исторической памяти в пределах семьи, рода.

Таким образом, единство семьи/рода выражается прежде всего через фамилию, которая объединяет всех членов семьи в одну целостность. Единство семьи проявляется также через отчество, которое скрепляет отдельных ее родственников, например: брат – брат, брат – сестра. Так называемой «скрепкой» рода или семьи немецкого субэтноса может служить имя, передаваемое из поколения в поколение.

В то же время выпадение отдельных звеньев в составе родословных и незнание родственников по восходящей и боковой линиям, переход к трехчастной именной системе, постепенное перенимание русских народных имен и др. – черты частичной деэтнизации и утраты национальной специфики семьи российских немцев, показатель амбивалентности ее культуры.

[6] Помни имя свое… – С. 46.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Александрова Т.С., Добровольский Д.О., Салахов Р.А.* Словарь личных немецких имен. Происхождение, значение, употребление. – М.: Русский язык, 2000. – 248 с.
2. *Артемова Л.А.* Особенности функционирования антропонимов в немецких медийных текстах: Автореф. дис. … канд. филол. наук (специальность: 10.02.04). – Воронеж, 2008. – 23 с.
3. *Кургузова Е.В.* Имена собственные немецкой культуры в историческом фрагменте нормативно-научной картины мира: Автореф. дис. … канд. филол. наук (специальность: 10.02.01). – Смоленск, 2009. – 20 с.
4. Помни имя свое. Entsinne dich deines Namens / Ред. И.В. Крайсман. – Томск, 2008. – 90 с.
5. *Тихонов А.Н., Бояринова Л.З., Рыжкова А.Г.* Словарь русских личных имен. – М.: Школа-Пресс, 1995. – 736 с.
6. Die deutschen Familiennamen. Geschichtlich, geographisch, sprachlich / Von Prof. A. Heintze. Dritte, verbesserte und sehr vermehrte Auflage, hrsg. von Prof. Dr. P. Cascorbi. – Halle a. S.: Verlag der Buchhandlung des Waisenhauses, 1908. – 280 S.
7. *Gerr E.* Das große Vornamenbuch. Geschichtliche Herkunft, Bedeutung, Varianten und Ableitungen, fremdsprachige Versionen, prominente Vertreter des Namens, Bedeutungsgrad. Systematik und Kulturkreisen u. Geschlecht. Standesamtliche Statistiken gestern u. heute. – München: Humboldt-Taschenbuchverlag, 1985. – 505 S.

Personennamen als Äußerungen des historischen Gedächtnisses der Russlanddeutschen

Z. M. Bogoslovskaja, R. A. Malkova, Ju. V. Ščegolichina

Der Artikel folgt den anthropozentrischen Tendenzen der modernen Linguistik. In diesem Artikel werden die Anthroponyme der Russlanddeutschen untersucht. Als empirisches Material werden zum ersten Mal die Stammbäume deutscher Familien verwendet. In dem Artikel wird die Dualität des Charakters der Anthroponyme der Russlanddeutschen veranschaulicht: Einerseits gibt es die Beziehung zu den Traditionen der deutschen Ethnie, die Bewahrung des historischen Gedächtnisses, andererseits sind der Verlust der Eigenständigkeit und die Veränderlichkeit unter dem Einfluss der vorherrschenden Kultur festzustellen.

Schlüsselwörter: Anthroponyme, Russlanddeutsche, Personennamen als Bestandteile von Stammbäumen.

Personal names as a display of historical memory of Russian Germans

Z.M. Bogoslovskaya, R.A. Malkova, Y.V. Shchegolikhina

The article is written in accordance with the anthropocentric orientation of modern linguistics. It considers anthroponyms of Russian Germans. For the first time the genealogies of German families are being used as an empirical material. The article points out the dual character of the anthroponymycon of the Russian Germans: on the one hand, the connection with the traditions of the German ethnic group, the preservation of historical memory, on the other – the loss of identity, mobility under the influence of the dominant culture.

Keywords: anthroponyms, Russian Germans, onims in structure of genealogies.

НАУЧНАЯ ХРОНИКА

И.В. Черказьянова, О.Ю. Силантьева

Научная жизнь: конференции, выставки

11–16 февраля в Москве прошла 5-я Международная научно-практическая конференция «Российские немцы: 50 лет послевоенному общественному движению. От первых делегаций в правительство через „Возрождение“ к современной системе Самоорганизации (1964–2014 гг.)». Конференция организована Международным союзом немецкой культуры, Международной ассоциацией исследователей истории и культуры российских немцев (МАИИКРН), Центром изучения истории и культуры немцев России Института истории и международных отношений Саратовского государственного научно-исследовательского университета при поддержке Министерства внутренних дел Федеративной Республики Германия в сотрудничестве с Институтом этнокультурного образования – BiZ.

На конференции «Российские немцы: 50 лет послевоенному общественному движению. От первых делегаций в правительство через „Возрождение“ к современной системе Самоорганизации (1964–2014 гг.)» в Москве. На переднем плане фото Л.В. Малиновский, В. Курске; на втором плане: Б.Г. Рейтер, Г.Г. Вормсбехер

Фото И. Черказьяновой

В работе приняли участие ученые и представители немецких общественных организаций из России (Москва, Волгоград, Воронеж, Нижний Тагил, Новосибирск, Омск, Санкт-Петербург, Саратов, Сыктывкар, Энгельс), Казахстана (Алматы, Астана), Кыргызстана (Бишкек), Узбекистана (Ташкент), с Украины (Киев, Днепропетровск, Одесса), из Латвии (Рига), Германии (Берлин, Бонн, Гейдельберг, Гослар, Дюссельдорф, Кюртен, Люнебург, Регенсбург), США (Элкхарт). В ходе конференции были представлены различные формы обсуждения вопросов: пленарные заседания, круглый стол, подиумная дискуссия.

На обсуждение был вынесен широкий круг вопросов:

- Указ Президиума Верховного Совета СССР от 29 августа 1964 г. как фактор зарождения послевоенного общественного движения российских немцев. Делегации российских немцев 1964–1965 гг.;

© И.В. ЧЕРКАЗЬЯНОВА, О.Ю. СИЛАНТЬЕВА. ЕЖЕГОДНИК МАИИКРН. 2015 Г. № 1. С. 348–353.

- российские немцы к началу перестройки: социально-демографическая, экономическая и культурная характеристика, состояние этнической комфортности и проблемы развития;
- перестройка и зарождение организованного массового национального движения российских немцев. Общество «Возрождение». Противоречия, конфликты и расколы. Новые организации и борьба между ними;
- политика высших органов власти СССР и Германии в отношении «советских» немцев и их национального движения. Развитие эмиграционного движения;
- распад СССР и новые проблемы немцев, их национального движения на постсоветском пространстве. Этносоциальный конфликт в Поволжье;
- политика руководства России, других постсоветских государств и Германии в отношении этнических немцев в 1992–2014 гг. Эмиграция немцев с постсоветского пространства. Различные аспекты понимания термина «полная реабилитация»;
- жизнь немцев и проблемы их национального движения немцев в России и других постсоветских государствах в 1992–2014 гг. Немецкие районы и их судьба;
- Международный союз немецкой культуры и его роль в современной жизни и самоорганизации российских немцев;
- история, культура, язык, СМИ российских немцев сегодня: достижения и проблемы;
- немцы в современном обществе России и других постсоветских государств: проблемы восприятия и взаимоотношений;
- международные партнеры МСНК и других немецких общественных организаций России;
- Федералистский союз европейских национальных меньшинств (FUEN) и его роль в укреплении связей, консолидации, обмене опытом работы по улучшению положения национальных меньшинств европейских стран.

Материалы конференции опубликованы в сборнике «Российские немцы: 50 лет послевоенному общественному движению. От первых делегаций в правительство через „Возрождение“ к современной системе Самоорганизации (1964–2014 гг.)» (М., 2015).

8 апреля в Санкт-Петербурге прошла XVII научная конференция «Немцы Санкт-Петербурга (XVIII–XX вв.): биографический аспект». Многолетним руководителем проекта является старший научный сотрудник МАЭ РАН, к. и. н. Т.А. Шрадер. В работе приняли участие 28 докладчиков из Санкт-Петербурга и Ленинградской области, еще двое представляли Москву и Германию. Истории XVIII в. были посвящены два доклада: М.М. Сафонова о представлении образа Петра III во второй редакции «Записок Екатерины II» и Е.В. Лебедевой о восприятии петербургских колонистов столичными чиновниками второй половины XVIII в. Традиционно наибольший интерес у исследователей вызывают события XIX в. и история отдельных родов. Были рассмотрены вопросы о государственной службе дворян Остерманов в Министерстве иностранных дел (Н.И. Иванова), Шульцев в Военно-морском флоте (П.А. Головнин). О вкладе семьи Цшохер в развитие образования сообщил М.Т. Валиев, автора учебника по математике Г. Штейнгауза представил В.А. Уланов, доклад К.В. Черкашина был посвящен преподавателю средних учебных заведений Н.Б. Медеру. Художник Христиан Гейслер был представлен как автор русско-немецких разговорников 1813 г. (А.Г. Абайдулова). Тема участия немцев в развитии медицины прозвучала в докладах А.Ю. Мазинга о докторе К.К. Задлере и Н.В. Колышницыной о семье аптекарей Шуппе. О немцах в искусстве говорили О.А. Кривдина (о скульптурной иконографии императрицы Александры Федоровны – прусской принцессы Шарлотты), С.Е. Ивлева (о художнике и писателе Петре Фурмане),

Е.А. Боровская (о живописце Г. Виллевальде), И.К. Ноябрёва (о художниках отце и сыне Рейхерт). Отношения П.И. Чайковского с братьями Альбрехт проследила Е.Г. Удалова. С.И. Зенкевич проанализировала состояние книжного собрания В.В. Данилевского. Об отдельных немецких родах и семьях прозвучало восемь выступлений. Среди поднятых тем была история потомков ревельского бургомистра И. Гернета (Е.Г. Друкарев), баронов Николаи и Мейендорфов (М.В. Ефимов, Ю.И. Мошник), рода Мецлеров (В.Г. Шаронова, Ю.В. Жернов), семьи Лампе (М.Т. Валиев, И.Л. Лейнонен). Работу конференции завершил цикл докладов по истории петербургских/ленинградских немцев, проявивших себя в области реставрации памятников (о Н.К. Клуге), садово-паркового искусства (о садовнике А.Р. Метсе), а также о некоторых других деятелях XX в.

26 апреля в Санкт-Петербурге открылась выставка «Немецкие поселенцы под Санкт-Петербургом: исторический и культурный ландшафт». Открытие проходило в здании Петрикирхе во время 12-й Недели Германии в Санкт-Петербурге. Автор выставки – д. и. н. И.В. Черказьянова. Передвижная выставка была подготовлена Русско-немецким центром встреч при Петрикирхе Санкт-Петербурга в рамках празднования 250-летия петербургских колоний и полностью повторяла предыдущий вариант выставки, который был представлен в Германии 14 ноября 2014 г. и оставлен в Музее истории культуры российских немцев (Детмольд). Хронологически она охватывает период с середины XVIII в. по настоящее время.

25 июня в Крымском этнографическом музее (Симферополь) открылась выставка «Азиатская Россия», подготовленная Омским историко-краеведческим музеем на базе своих фондов (руководитель – д. и. н. П.П. Вибе). Среди народов, населявших Сибирь, были и немцы, появившиеся здесь уже в конце XIX в. Раздел о немцах включает фотографии, образцы одежды, предметы ремесел и быта.

5–9 августа в г. Марксе Саратовской области состоялась XV Международная научная конференция «Образование, жизнь и судьба немецких поселений в России», посвященная 250-летию основания г. Маркса и 20-летию создания Международной ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев.

28–30 сентября в Санкт-Петербурге состоялась Международная научная конференция «Немецкие колонии под Санкт-Петербургом: исторический и культурный ландшафт. К 250-летию основания». Конференция была организована Русско-немецким центром встреч при Петрикирхе Санкт-Петербурга и Международной ассоциацией исследователей истории и культуры российских немцев. В центре внимания была история немецкого сельского населения под Санкт-Петербургом и Ленинградом как части мультикультурного ландшафта России. В работе конференции приняли участие исследователи из России, с Украины, из Азербайджана, Германии, Израиля.

1–2 октября в Луцке (Украина) прошла Международная научная конференция «Немцы в истории Волыни», организованная Луцким национальным техническим университетом. Конференция была приурочена к 100-летию депортации волынских немцев, 75-летию завершения немецкой колонизации на Западной Волыни и 40-летию Исторического общества «Волынь».

5–7 октября в Астане (Казахстан) прошла Международная научно-практическая конференция «Немцы Казахстана: мост между Астаной и Берлином», приуроченная к 20-летию Ассамблеи народа Казахстана.

9–11 октября в академическом центре Занкельмарка (Германия) прошла конференция «Следы одного исторического культурного ландшафта» („Spuren einer historischen Kulturlandschaft“). Это был совместный проект Русско-немецкого центра встреч при Петрикирхе Санкт-Петербурга и Академии Балтика (Academia Baltica, Любек), разработанный в рамках подготовки к празднованию 250-летия основания петербургских колоний. С докладами были приглашены референты из России (И. Биягова, Н. Уральская-Краубнер, к. ф. н. Л. Пузейкина, д. и. н. И. Черказьянова) и Германии (д. и. н. В. Дённингхаус, д-р Э. Йон, д-р К. Кюнтцель-Витт, д-р Е. Нейфельд). Одновременно демонстрировалась передвижная выставка «Немецкие поселенцы под Санкт-Петербургом: исторический и культурный ландшафт», которая была подготовлена Русско-немецким центром встреч при Петрикирхе Санкт-Петербурга и открыта в Детмольде 14 ноября 2014 г. В докладах В. Дённингхауса (Люнебург) и К. Кюнтцель-Витт (Любек) была охарактеризована общая история контактов русских и немцев в исторической ретроспективе и в истории Санкт-Петербурга. Выступление И. Черказьяновой (Санкт-Петербург) было посвящено 250-летней истории петербургских колонистов и отражению основных исторических вех в выставке «Немецкие поселенцы под Санкт-Петербургом: исторический и культурный ландшафт». Директор Музея истории культуры российских немцев Е. Нейфельд (Детмольд) показала его работу в различных аспектах. О деятельности Русско-немецкого центра встреч при Петрикирхе в Санкт-Петербурге по сохранению культурного наследия российских немцев и развитию российско-германских культурных связей подробно рассказала И. Биягова (Санкт-Петербург). Н. Уральская-Краубнер (Санкт-Петербург) представила фольклорный ансамбль «Лорелея», которым она руководит. Песенному наследию петербургских и в целом российских немцев-колонистов были посвящены доклады Л. Пузейкиной (Санкт-Петербург) и Э. Йона (Фрайбург).

15–16 октября в Усть-Каменогорске (Казахстан) прошла XV Международная научно-практическая конференция «Этнодемографические процессы в Казахстане и на сопредельных территориях». Организаторами конференции выступили Ассамблея народа Казахстана Восточно-Казахстанской области, Дом дружбы – центр общественного согласия и Восточно-Казахстанский государственный технический университет им. А. Серикбаева.

Работа конференции прошла в рамках пленарного заседания и пяти тематических секций: «Историческая демография», «Процессы воспроизводства населения», «Миграция населения: тенденции и перспективы», «Особенности развития регионов в конце XX – начале XXI в.», «Численность и структура населения». Конференция вызвала довольно широкий международный интерес. В ее работе приняли участие демографы, историки, социологи, политологи, архивисты из Казахстана, России, Беларуси, Азербайджана, Узбекистана, США, Польши, Германии, Китая, Японии, Турции. Всего было заявлено около 70 докладов и выступлений. Собственно «немецкая тематика» были представлена или в значительной мере затронута в докладах Л.Н. Игнатьевой «Направления внешней миграции в Казахстане в начале XXI в. (этнический аспект)», Н.Л. Краснобаевой «Немцы Казахстана: самочувствие и межэтническое взаимодействие», Л.А. Бургарт «Моноконфессиональная колония как ключевое понятие истории немцев России». По итогам конференции будет опубликован сборник научных статей.

5–7 ноября в Пассау (Германия) прошла Международная конференция «Российские немцы – свидетельства их жизни и деятельности в постсоветских архивах» („Russlanddeutsche – Zeugnisse ihrer Lebens- und Wirkungsgeschichte in postsowjetischen Archiven“), организованная кафедрой новой и новейшей истории и культуры Восточной

Европы Университета Пассау и Германским историческим институтом в Москве. В конференции приняли участие архивисты и исследователи – члены МАИИКРН из Германии, России, с Украины, из Казахстана и Киргизии. Вступительный доклад был сделан председателем МАИИКРН, проф. А. Германом. Две секции конференции были посвящены фондам федеральных архивов РГАДА (М. Рыженков, Москва), ГАРФ (Л. Роговая, Москва), РГАСПИ (Л. Кошелева, Москва), РГАНИ (М. Презуменщиков, Москва), РГАЭ (Е. Курапова, Москва), РГАЛИ (Н. Стрижкова, Москва), РГАКФД (Р. Моисеева, Красногорск). Содержание фондов по истории российских немцев в российских региональных архивах презентовали Е. Каштанова (директор ГИАНП, Энгельс), исследователи А. Савин (Новосибирск, РАН) и Т. Плохотнюк (Ставрополь, СКФУ). Работа четвертой секции была посвящена архивам стран СНГ. В ее рамках выступили Н. Венгер (Днепропетровск, ДНУ), Л. Белоусова (зам. директора ГАОО, Одесса), А. Келер (директор ОНО «Институт этнических исследований, Одесса), К. Алимгазинов (зам. директора АР РК, Алматы), Е. Романова (зам. директора ЦГАКР, Бишкек).

6–22 ноября в Перми прошла II выставка-форум музеев Пермского края, посвященная 125-летию Пермского краеведческого музея. В рамках форума 19 ноября состоялась презентация передвижной выставки «Немцы Урала». Выставочный проект подготовлен сотрудниками Пермского научного центра УрО РАН, Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета совместно с Гёте-институтом. В выставке принимали участие пермские дизайнеры и музейные специалисты. Авторы концепции выставки – А.В. Черных, Д.И. Вайман, М.А. Федотова.

Выставка состоит из 14 передвижных стендов, повествующих об истории и культуре немецкого населения на Урале. Стенды представляют собой несколько тематических блоков: история, поселения, жилище, религиозные традиции, праздники, свадьба, кухня, народное творчество.

Выставка подготовлена на основе материалов этнографических экспедиций, проведенных сотрудниками Уральского отделения РАН, в немецкие поселения Пермского края, Челябинской и Оренбургской областей, Республики Башкортостан в 2006–2015 гг. В экспозиции представлены эксклюзивные фотоматериалы: фотографии первых немецких поселенцев, планы деревень, фольклорные тексты, документы. Многие фотографии сделаны авторами выставки.

8 ноября 2015 г. в Детмольде (Германия) открылась выставка «Немцы в истории Кыргызстана». Она была инициирована посольством Кыргызстана в Германии и экспрезидентом республики Р. Отунбаевой, поддержана посольством ФРГ в Кыргызстане и Министерством внутренних дел Германии. Первым европейцем, побывавшим в Кыргызстане и оставившим описание страны, был Вильгельм фон Рубрик. Первые немцы-поселенцы появились в крае в 1881 г. Многие немцы нашли здесь вторую родину после Великой Отечественной войны. Выставка рассказывает о многолетней совместной истории немцев и киргизов. Работа выставки продлится до 31 января 2016 г.

18–19 ноября в Берлине (Германия) прошла конференция «Российские немцы в сравнительном контексте. Новые перспективы исследований» („Russlanddeutsche in einem vergleichenden Kontext: Neue Perspektiven der Forschung“), проведенная Федеральным институтом по изучению истории и культуры немцев Восточной Европы (Ольденбург), Институтом истории и культуры немцев в Северо-Восточной Европе (Nordost-Institut, г. Люнебург), а также Институтом миграционных и межкультурных исследований (IMIS) университета г. Оснабрюк.

Выступление Е. Нейфельд, директора Музея истории культуры российских немцев в Детмольде. Занкельмарк, 10 октября 2015 г.

Фото И. Черказьяновой

20–22 ноября в Одессе по инициативе Совета немцев Украины состоялась научно-практическая конференция «Немецкое национальное меньшинство в Украине: исторический аспект». Конференция преследовала цель побудить профессиональных исследователей и любителей-краеведов немецкого происхождения исследовать и популяризировать историю немецкого национального меньшинства в своем регионе. В конференции приняли участие 14 любителей-краеведов из Одесской, Хмельницкой, Харьковской, Днепропетровской, Донецкой и Запорожской областей. Были представлены доклады ученых из Киева, Полтавы, Днепропетровска и Одессы. Конференция была организована при финансовой поддержке федерального правительства Германии через фонд «Общество развития» (Одесса).

29 ноября в Ташкенте (Узбекистан) прошла конференция по истории немцев Узбекистана. Организатором выступил Республиканский культурный центр немцев Узбекистана. Один из докладов конференции, прочитанный М. Рекк, был посвящен деятельности центра. В. Иоффе рассказал об общественных организациях немцев в 1920-х – 1930 годах и некоторых выдающихся представителях немецкой диаспоры в республике. Д. Иноятова продолжила тему и прочитала доклад о вкладе крупных ученых-немцев Узбекистана в развитие науки и образования. Выступление Б. Голендера было посвящено жизни и деятельности «коммерции советника» Генриха Дюрхшмидта. Кроме того, В. Костецким был прочитан доклад о начале массового переселения немцев в Среднюю Азию.

7–8 декабря в Берлине (Германия) прошла конференция «70 лет со дня окончания войны – российские немцы вчера и сегодня» („70 Jahre nach Kriegsende – Russlanddeutsche gestern und heute“) Немецкого общества (Deutsche Gesellschaft e.V.). В работе конференции с докладом о культурном наследии немцев в Казахстане принял участие председатель Ассоциации общественных объединения немцев Казахстана А. Дедерер. Первый заместитель председателя МСНК О. Мартенс участвовала в одной из подиумных дискуссий конференции, которую вел член президиума МАИИКРН В. Дённингхаус. В. Кригер, также являющийся членом ассоциации, выступил с докладом «Исторический опыт немецкого меньшинства как часть русской, казахской, немецкой и европейской культуры памяти».

КОНФЕРЕНЦИИ

А.А. Герман

XV Международная научная конференция МАИИКРН

5–9 августа 2015 г. в г. Марксе Саратовской области (бывшей немецкой колонии Екатериненштадт) прошла очередная XV Международная научная конференция МАИИКРН «Образование, жизнь и судьба немецких поселений в России», *посвященная 250-летию основания г. Маркса и 20-летию создания Международной ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев*. Организаторами конференции стали МАИИКРН и Центр изучения истории и культуры российских немцев Саратовского государственного научно-исследовательского университета им. Н.Г. Чернышевского. Конференция проведена при поддержке Межрегионального координационного совета центров встреч Поволжья и Юго-Запада России, Самоорганизации российских немцев и администрации г. Маркса и Марксовского района. В работе конференции приняло участие 35 исследователей из России, Германии, Украины и Казахстана.

В прозвучавших на конференции докладах освещены вопросы общего и особенного в образовании и функционировании сельских и городских поселений немцев в различных регионах России (А. Айсфельд, И. Плеве, О. Безносова, В. Тотфалушин, Т. Чернова-Дёке, Т. Плохотнюк и др.), отражена жизнь немецких переселенцев как в условиях особого управления колонистами, так и в пореформенный период (М. Булычев, И. Черказьянова, И. Нам, Е. Краснова и др.).

Значительное число выступлений было посвящено жизни немецких поселений в условиях советской власти и ее социалистических «экспериментов» (А. Безносов, Е. Фурман, И. Шульга, Ж. Яковлева, В. Клец, С. Бобылева и др.). Прозвучал ряд докладов, освещающих процесс выдворения немцев из своих сел в период депортации,

Председатель МАИИКРН д-р ист. наук А.А. Герман открывает конференцию. 5 августа 2015 г., Краеведческий музей г. Маркса

Фото О.Ю. Силантьевой

В президиуме (слева направо): Е.К. Гейдт – координатор МСНК по региону Поволжья и Юго-Запада России, председатель НКА Марксовского района; Н.А. Косарев – глава Марксовского муниципального района

© А.А. ГЕРМАН. ЕЖЕГОДНИК МАИИКРН. 2015 Г. № 1. С. 354–355.

Участники конференции у памятника Екатерине II. Маркс, 7 августа 2015 г.

Фото О.Ю. Силантьевой

Слева направо: в первом ряду – В. Кириллов, О. Сухарева, Е. Фурман, О. Безносова, И. Нам, Н. Маркдорф, О. Айсфельд, В. Деке; во втором ряду – Д. Брандес, М. Костюк, А. Герман, Т. Чернова-Деке, В. Хасин, А. Лучников, М. Булычев, В. Клец

судьбу немецких поселений после депортации, жизнь переселенных немцев в годы войны и в условиях спецпоселения (А. Герман, О. Скучаева, Н. Малова, В. Кириллов, Н. Маркдорф, Т. Волкова).

Большой интерес вызвали доклады, вскрывающие новые факты антиавтономистской кампании на Волге на рубеже 1980–1990-х годов, восприятие образа советского немца в обществе ФРГ 1980-х годов (В. Хасин, А. Лучников).

Много внимания на конференции было уделено вопросам этнографии и культуры немецких жителей России, их своеобразию, взаимовлиянию русской и немецкой культур (О. Айсфельд, Т. Смирнова, Ю. Лаптев, Е. Ерина).

На заключительном заседании были заслушаны доклады, посвященные современной конкретной проектной деятельности МАИИКРН и ее членов в пользу российских немцев (П. Вибе, Л. Шумилова, Д. Брандес, О. Сухарева).

Участники конференции приняли участие в круглом столе по проблемам современных межнациональных отношений в России, организованном членами Совета по межнациональным отношениям при Президенте Российской Федерации, а также в праздновании 250-летия г. Маркса. Была совершена поездка в с. Зоркино (бывшая немецкая колония Цюрих), где на средства предпринимателя из Белгородской области К. Лоора полностью восстановлено и отреставрировано здание евангелическо-лютеранской церкви.

В ходе работы конференции ее участников с 20-летием Международной ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев тепло поздравили члены Совета по межнациональным отношениям при Президенте РФ В. Зорин и Г. Мартенс, являющийся также Президентом Федеральной национально-культурной автономии российских немцев и председателем Международного союза немецкой культуры.

Отель «Сказка», в котором проживали участники конференции (с. Генеральское), расположен на берегу Волги, и прекрасная летняя погода позволила участникам конференции в свободное время хорошо отдохнуть.

Участники конференции обсудили и наметили дальнейшие перспективы научных исследований по проблемам жизни и судьбы немецких поселений в России. По материалам конференции готовится сборник научных статей.

КОНФЕРЕНЦИИ

И.В. Черказьянова

Международная научная конференция «Немецкие колонии под Санкт-Петербургом: исторический и культурный ландшафт»

28–30 сентября 2015 г. в Санкт-Петербурге состоялась Международная научная конференция «Немецкие колонии под Санкт-Петербургом: исторический и культурный ландшафт: к 250-летию основания». Конференция была организована Русско-немецким центром встреч при Петрикирхе Санкт-Петербурга и Международной ассоциацией исследователей истории и культуры российских немцев (МАИИКРН). Партнерами организаторов выступили Генеральное консульство Германии в Санкт-Петербурге, Фонд им. Фридриха Эберта (Санкт-Петербург), Международный союз немецкой культуры (Москва), Санкт-Петербургский государственный университет, Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, Государственный музей политической истории России (Санкт-Петербург), Санкт-Петербургский Дом национальностей, Институт истории и культуры немцев в Северо-Восточной Европе (Nord-Ost Institut, Люнебург, Германия) и другие организации. Заседания проходили на трех площадках: открытие состоялось в Белом зале Музея политической истории России (особняк Кшесинской), затем работали в Доме национальностей и Русско-немецком центре встреч.

В работе конференции приняли участие исследователи из России, Украины, Азербайджана, Германии, Израиля. Все доклады переводились синхронно на русский и немецкий языки.

Впервые в истории изучения российских немцев была организована конференция, которая всецело была посвящена истории петербургских колонистов, проблемам немецкого сельского населения под Петербургом и Ленинградом. История и культура немцев Северо-Запада рассматривалась как часть мультикультурного ландшафта России, она была представлена в контексте истории и культуры российских немцев, проживавших на других территориях Российской империи и Советского Союза, через призму взаимодействия с соседними народами.

Общие проблемы формирования немецкого населения в России и государственной политики в отношении западных национальных меньшинств прозвучали в пленарных докладах Т.Н. Плохотнюк (Ставрополь), В.Н. Шайдурова (Санкт-Петербург), В. Дённингхауса (Люнебург). Т.Н. Плохотнюк выделила в докладе ключевые понятия, которые характеризовали переселенческую политику Екатерины II – «человеческий капитал» и «эффективный государственный проект» Российской империи по переселению и адаптации переселенцев из Германии. В.Н. Шайдуров остановился на путях формирования в России польской, еврейской и немецкой диаспор, которые были в центре внимания царской администрации. В. Дённингхаус сконцентрировал внимание на национальной политике большевиков в 1920–1930-е годы.

© И.В. ЧЕРКАЗЬЯНОВА. ЕЖЕГОДНИК МАИИКРН. 2015 Г. № 1. С. 356–358.

История петербургских и новгородских колоний в различные периоды была представлена в докладах Е.В. Лебедевой (Санкт-Петербург), Н.И. Ивановой (Санкт-Петербург), Т.А. Шрадер (Санкт-Петербург), Н.С. Федорук (Великий Новгород), И.А. Архипченко (Санкт-Петербург). Следует отметить, что впервые на конференциях, которые организует МАИИКРН (с 1994 г.), были представители Великого Новгорода с докладами о новгородских колонистах, чьи поселения основали выходцы из петербургских колоний в 1820–1830-х годах.

О языке и песенном наследии петербургских колонистов говорили М.В. Корышев (Санкт-Петербург), Л.Н. Пузейкина (Санкт-Петербург), Э. Йон (Фрайбург), Л.Э. Найдич (Иерусалим), В.Б. Меркурьева (Иркутск). К открытию конференции был издан песенник «Мы пели, мы жили, мы были…», в котором собраны песни немецких колонистов Петербургской и других губерний России, собранные профессором В.М. Жирмунским в 1920-е годы. Доклад Л.Н. Пузейкиной сопровождался выступлением фольклорного ансамбля «Лорелея» под руководством Н.П. Уральской-Краубнер, исполнявшего песни петербургских колонистов.

Участники конференции на ступенях Белого зала Музея политической истории России. Санкт-Петербург, 28 сентября 2015 г.

Фото П.Н. Тарасенко

Судьбы петербургских – ленинградских немцев на других территориях России и Советского Союза были прослежены в докладах А.А. Германа (Саратов), М.Б. Рогачева (Сыктывкар), Н.М. Маркдорф (Новосибирск), С.Л. Разинкова (Нижний Тагил). Прозвучали практически неизученные темы: о роли ленинградских 25-тысячников в проведении коллективизации в Республике немцев Поволжья (А.А. Герман), о трагической судьбе немцев из Александровской колонии из-под Новгорода, оказавшихся в Республике Коми в 1941 г. (М.Б. Рогачев). Н.М. Маркдорф в своем докладе о ленинградских немцах на спецпоселении в Кемеровской области выделила группу так называемых немцев «по решению правительства», их судьбу зачастую предопределяло «немецкое» имя или фамилия.

Тема региональных особенностей формирования немецких колоний в Российской империи и их дальнейшего социально-экономического и демографического развития в СССР была поднята в докладах С.И. Бобылевой (Днепропетровск, о колонии Ямбург, первоначально основанной в Петербургской губернии, а потом переведенной на Украину), Т.Н. Черновой-Дёке (Берлин, о колониях Южного Кавказа), Н.О. Евсеева (Саратов,

о голоде в меннонитских колониях Поволжья в начале 1920-х годов), С. Зейналовой и Х. Вердиевой (Баку, о немцах Азербайджана и Баку, в частности), В.К. Клеца (Днепропетровск, о численности и динамике развития немецкого населения Советской Украины). Новую для исследователей тему о возвращении из Германии в Россию российских немцев в период Первой мировой войны и послевоенные годы предложила Е. Шваб, молодая исследовательница из Фрайбурга. О самоорганизации немцев в 1917–1926 гг. на примере союзов немцев Причерноморья докладывал А.И. Безносов (Москва).

Источниковедческие аспекты истории петербургских и новгородских колоний стали темой исследований Е.Е. Князевой (Санкт-Петербург) и Н.В. Салоникова (Великий Новгород). Если в фондах Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга документы о колонистах отложились уже в период их становления, то в Новгородском архиве наиболее ранние документы относятся к концу XIX в., а основной массив отражает довоенный период 1920–30-х годов. Доклад В.В. Солодовой о новых документах ленинградских ученых-этнографов, обнаруженных в архивах Украины, был зачитан. Находки в украинских архивах помогли, например, восстановить полную картину деятельности сотрудника Музея антропологии и этнографии Е.Г. Кагарова, направленную на изучение петербургских колоний в 1930–1931 гг.

Культурным и образовательным связям немцев Петербурга с Одессой и меннонитов Украины с Петербургом посвятили свои выступления Э.Г. Плесская (Одесса) и О.В. Безносова (Москва). Оба доклада прослеживали коммуникативные возможности XIX – начала XX в., которые широко использовали немцы и меннониты в целях реализации своего профессионального потенциала, для расширения образовательной базы молодежи и решения политических вопросов в столице.

История и современное состояние изучения немцев Северного Причерноморья были главной темой выступивших с докладами Н.Д. Светозаровой (Санкт-Петербург) и С.В. Романенко (Николаев). Оба доклада дополняли друг друга. Наталья Дмитриевна впервые перевела на русский язык книгу Германа Бахмана «Поездка в немецкие колонии Березанского района», который сопровождал В.М. Жирмунского в экспедиции летом 1927 г. Книга снабжена впервые публикуемыми экспедиционными фотографиями из семейного архива дочерей Жирмунского, подробными комментариями и реконструкцией биографии Бахмана. Светлана Васильевна показала работу Николаевского областного краеведческого музея по изучению истории немцев Северного Причерноморья.

Завершила работу конференции А.Э. Жабрева (Санкт-Петербург), предложившая слушателям тему «Миниатюрные посланцы Германии в Санкт-Петербурге (сувенирные куклы в национальных костюмах из личной коллекции автора)». В центре внимания стояли маленькие куклы, но уже само название выступления о «посланцах» символизировало необходимость усиления международного сотрудничества для лучшего понимания особенностей разных народов. В этой миссии большая ответственность лежит на ученых.

В ходе работы конференции участники посетили бывшие немецкие колонии Новосаратовку и Овцыно, с экскурсией побывали в здании Петрикирхе, познакомились с выставкой «Немецкие поселенцы под Санкт-Петербургом: исторический и культурный ландшафт». В качестве подарка докладчики получили новые книги о петербургских колонистах, в их числе богато иллюстрированный альбом-каталог выставки с одноименным названием.

Конференция продемонстрировала успешный опыт взаимодействия ученых с Русско-немецким центром встреч при Петрикирхе Санкт-Петербурга по организации масштабного научного проекта, который может быть востребован для работы других общественных организаций российских немцев.

КОНФЕРЕНЦИИ

С.Г. Нелипович

Международная научная конференция «Немцы в истории Волыни»

1–2 октября 2015 г. в г. Луцке (Украина) прошла международная научная конференция «Немцы в истории Волыни», приуроченная к 100-летию депортации волынских немцев, 75-летию завершения немецкой колонизации в Западной Волыни и 40-летию Исторического общества «Волынь».

Организаторами конференции выступили: Луцкий национальный технический университет (ЛНТУ), в здании которого проходили заседания и были размещены выставки, Совет немцев Украины, Международная общественная организация «Общество немцев Украины – «Видергебурт», посольство Федеративной Республики Германия в Украине, Гёттингенский научно-исследовательский центр, Институт культуры и истории немцев Северо-Восточной Европы (Nordost-Institut, Люнебург, Германия), Историческое общество «Волынь» ((Historischer Verein Wolhynien e.V., Вюрцбург, Германия), Волынская областная государственная администрация, Государственный историко-культурный заповедник в г. Луцке, Волынская областная организация Национального союза краеведов Украины, Государственный архив Волынской области, Волынский краеведческий музей и Церковь евангельских христиан-баптистов «Дом Евангелия» (в храме – бывшем здании евангелическо-лютеранской кирхи – прошло одно из заседаний конференции). Финансовую поддержку конференции оказало Министерство внутренних дел Германии через Благотворительный фонд «Общество развития» (Одесса).

В конференции приняли участие историки из Украины, Германии, России, Беларуси и Латвии. Открывая конференцию, ее ведущий и организатор канд. ист. наук, до-

Открытие конференции «Немцы в истории Волыни». Луцк, 1 октября 2015 г.

С приветственным словом выступает ректор ЛНТУ Петр Савчук

© С.Г. НЕЛИПОВИЧ. ЕЖЕГОДНИК МАИИКРН. 2015 Г. № 1. С. 359–363.

цент кафедры инженерной педагогики, психологии и украиноведения ЛНТУ Михаил Костюк подчеркнул, что это первая научная конференция в Украине, посвященная истории национального меньшинства на Волыни. «Расширение и популяризация знаний о жизни народов, населявших в прошлом и проживающих сегодня в Украине, использование их богатого исторического опыта и традиций – это залог гармоничного и стабильного развития многонациональной культуры нашей страны сегодня», – так определил он главную задачу научного форума. Особо было отмечено, что конференция показывает сопричастность технических вузов к развитию гуманитарных исследований в стране.

С приветственными словами к участникам и гостям конференции обратились ректор ЛНТУ д-р тех. наук. Петр Савчук, представитель Волынской областной администрации Александр Кравчук, зачитавший поздравления от главы областной администрации, председатель Совета немцев Украины Владимир Лейсле, председатель Международной общественной организации «Общество немцев Украины – «Видергебурт» Владимир Пиньковский, руководитель Благотворительного фонда «Общество развития» Юрий Рябоконь, представитель Национального союза краеведов Геннадий Бондаренко, председатель Исторического общества «Волынь» Герхард Кёниг, председатель общества Бужских голендров (Bugholendry e.V.) – Эдуард Бютов. Было зачитано приветствие от директора Гёттингенского научно-исследовательского центра д-ра Альфреда Айсфельда, в котором, в частности, подчеркивалось, что «исторический регион Волынь на протяжении веков притягивал к себе внимание ближних и дальних соседей. Он был связующим звеном между Центральной и Восточной Европой, регионом, в котором вершилась история. История и культура ее немецкого населения – одна из страниц истории Волыни. 100-летие депортации волынских немцев (1915) и 75-летие переселения волынских немцев согласно пакту Молотова–Риббентропа (1939) – кульминационные события не только в истории этой этнической группы. Они были частицами мировой истории. На их примере видна тесная взаимосвязь судьбы отдельного человека и глобальных, мировых процессов, губительные последствия этнических чисток».

Все выступавшие подчеркивали значение Волыни как многонационального и поликультурного региона, подчеркивали значение роли немецких поселенцев для его развития, важность преодоления социальных и этнических стереотипов в отношениях между народами, роль научного диалога в развитии и упрочении международных связей в противодействии насаждению шовинизма и национальной вражды.

Рабочая часть конференции началась с выступления Валентины Надольской (Луцк, Украина) о полиэтничности Волыни как особенности истории региона и переселении на эту землю польских, еврейских, армянских, немецких и русских поселенцев до начала XX в. Михаил Кучинко (Луцк) познакомил собравшихся с историей поселений древних германцев на землях современных Украины и Польши до V в. н.э. Герхард Кёниг (Айзенах, Германия) рассказал об итогах деятельности Исторического общества «Волынь» в Германии. За 40 лет общество, объединяющее потомков волынских колонистов и исследователей их истории, собрало сотни публикаций и тысячи архивных документов, инициировало и принимало непосредственное участие в проведении нескольких научных конференций, в организации выставок и музеев, учредило издание журнала «Wolhynische Hefte» (Волынские тетради), содействовало налаживанию научных и культурных контактов между Германией и Украиной. С новыми научными и культурными проектами общества собравшихся познакомил один из членов его правления Манфред Клатт (Гифхорн, Германия), который провел анализ хранящихся в архивах Германии анкет обратных переселенцев 1939–1943 гг. Зачитанный доклад заместителя председателя Исторического общества «Волынь» Вальтера Манца был посвящен уникальному опыту деятельности «Общества друзей села „Мочулки“», созданному по инициативе односельчан – бывших немцев-колонистов и их соседей-украинцев. В нем особо отмечалось как позитивный и заслуживающий внимания факт, что в составе этого товарищества есть много потомков бывших жителей села. Результатом их совместной работы стало установление памятника на местном православном кладбище и каменного знака с названием села при его въезде. С работой по увековечению памяти о бужских колонистах-голендрах (самой старой группе германо-голландских выходцев на Волыни) выступили Эдуард Бютов (Шверин, Германия) и Валерий Миллер (Брест, Беларусь).

На трибуне Герхард Кёниг, председатель исторического общества «Волынь» (Германия). Луцк, 1 октября 2015 г.

Вопросы сравнительного анализа переселенческих процессов немецкой и чешской общин на Волыни были затронуты в докладе Светланы Шульги (Луцк). Особое внимание было уделено факторам привлекательности края для этих групп колонистов из-за дешевизны земли и покровительства протестантизму (в пику католической церкви, поддержавшей польские восстания 1830–1831 и 1863–1864 гг.). Трагический путь баптистской общины на Волыни описал Йоханнес Дик (Бонн, Германия): от признания вероисповедальных прав в середине XIX в. до гонений и репрессий XX столетия. С интересным докладом о роли волынских немцев в формировании «образа немца» в Российской империи начала XX в. выступила Наталья Венгер (Днепропетровск, Украина). Она подчеркнула особенность пограничного региона Волыни и стремление царской администрации прикрыть мнимой внешней угрозой нерешенные экономические и социальные проблемы страны.

Безусловно, проблемы истории немецкой общины в годы Первой мировой войны заняли одно из центральных мест на конференции. Михаил Костюк подробно остановился на периодизации процесса депортации волынских немцев в 1915–1916 гг., опираясь на большой комплекс архивных документов как центрального, так и местного уровня. Половина выселенных немцев Волыни так и не вернулась в родные дома. Сам процесс выселения со стороны очевидцев, не немцев по национальности, расценивался как «акт насилия и законного грабежа со стороны государства» (цитата источника. – *С. Н.*). Сергей Нелипович (Балашиха, Россия) на основе новых архивных документов показал развитие официальной антинемецкой пропаганды в рядах российско-императорской армии с первых дней мировой войны как идеологической основы для дальнейших репрессий.

На заседании конференции были зачитаны доклады Альфреда Айсфельда и Ольги Айсфельд (Гёттинген, Германия). А. Айсфельд посвятил доклад проблеме полити-

ки Германской империи в отношении немецких колонистов, в т. ч. волынских, показал кардинальный поворот Берлина в сторону возвращения выходцев из Германии на историческую родину и всесторонней поддержки их в Российской империи; в то же время обстоятельства войны и определенная перестраховка тормозили практическое решение вопроса о переселении колонистов в Германию. Доклад О. Айсфельд раскрывал вопрос о географии расселения депортированных немцев Волыни в различных регионах Российской империи.

На конференции были затронуты проблемы внешней и внутренней миграции волынских немцев. Иванда Берзиня (Рига, Латвия) рассказала о переселении волынских немцев в Курляндию перед Первой мировой войной. Эта губерния использовалась не только как новое место для развития хозяйства, что в силу особенностей региона не каждому удавалось, но и как перевалочный пункт для эмиграции. Елена Ходченко (Днепропетровск) осветила вопрос об освоении немецкими общинами меннонитов и баптистов глубинных провинций Канады. В процессе освоения новых земель выходцы из Волыни основали крепкие религиозные сообщества, которые были способны даже растворить в себе представителей евангеликов-лютеран.

О судьбах немцев Крыма в первой половине XX в. рассказал Григорий Кондратюк (Симферополь, Россия). Немецкие поселенцы, прежде всего, подверглись всестороннему гнету со стороны советской власти, поскольку ни экономически, ни социально не «подходили» для «коренного преобразования», несмотря на попытки создания общественных организаций в рамках советской системы. Результатом Гражданской войны и экономического невежества властей стал катастрофический голод 1922 г. в Крыму, унесший 10 % населения. В 1930–1940-е годы немецкое население Крыма испытало и антирелигиозные гонения, и репрессии, и массовую депортацию. Драматические события Второй мировой войны нашли отражение в выступлении Богдана Зека (Луцк) о церковной жизни на Волыни во время гитлеровской оккупации. Несмотря на использование захватчиками религиозной свободы для поддержания своей власти, для церковных деятелей это был период выживания в условиях опасности, как для них самих, так и для паствы, исходившей от обеих противоборствующих сторон.

Участники конференции на фоне открытой памятной доски депортированным в 1915–1916 гг. волынским немцам. Луцк, 1 октября 2015 г.

В завершение конференции был заслушан блок сообщений об истории культуры волынских немцев. Наталья Яцунова (Ровно, Украина) рассказала об особенностях архитектуры культовых зданий и храмов волынских немцев. С особым вниманием собравшиеся встретили доклад Валентина Витренко (Новоград-Волынский) об особенностях поэтического языка волынских немцев, сопровождавшийся декламированием стихов поэтов – выходцев из волынских немцев и на языке оригинала, и в переводе автора.

В фойе ЛНТУ были развернуты выставки, на которых были представлены научно-исследовательская литература о немцах на Волыни и в Украине, копии архивных документов о депортации волынских немцев, аэрофотоснимки немецких колоний на Волыни 1937–1938 гг. из фондов Государственного архива Волынской области, документы и фотоматериалы о 40-летней деятельности Исторического общества «Волынь» в Германии, о литературном творчестве волынских немцев. Отдельная фотовыставка была посвящена музею волынских немцев-переселенцев в селе Линстов (федеральная земля Мекленбург-Передняя Померания). Еще одна выставка знакомила участников и гостей конференции с творчеством австрийско-немецкой художницы Герты Карасек-Сржыговской, которая в 1942 г. посетила немецкую колонию Блюменталь на Житомирщине, где сделала два десятка уникальных портретов местных немцев-колонистов, остававшихся длительное время малоизвестными. В ходе конференции была осуществлена визуальная выставка фотодокументов «Волынь в Первой мировой войне» из собраний Австрийской национальной библиотеки, Государственного архива Российской Федерации, Национального государственного музея Республики Коми и Государственного историко-краеведческого и художественного музея г. Рыбинска, представленная Сергеем Нелиповичем.

В первый день конференции у восстановленного в начале 90-х годов прошлого столетия здания Луцкой евангелическо-лютеранской кирхи состоялась церемония открытия первого памятного знака волынским немцам – жертвам депортации 1915–1916 гг. Право снять белое полотно, укрывавшее мемориальную доску, было предоставлено инициатору и организатору ее установления доценту ЛНТУ Михаилу Костюку и Герхарду Кёнигу – председателю Исторического общества «Волынь», которое финансово поддержало этот проект. Присутствующие смогли увидеть на темном фоне базальтовой доски надпись: «Памяти волынских немцев, депортированных в 1915–1916 гг. в отдаленные регионы Российской империи». В ходе церемонии студенты ЛНТУ сделали краткий экскурс в историю немецкой колонизации, рассказали о самой акции депортации и возложили цветы к мемориальной доске. Выступавшие во время открытия памятного знака представители местных органов власти и общественных организаций подчеркивали важность сохранения исторической памяти о трагических событиях столетней давности для нынешнего и будущих поколений. Выступления и молитвы пасторов местных немецкой евангелическо-лютеранской церкви Христа Спасителя и Церкви евангельских христиан-баптистов «Дом Евангелия», а также органная музыка светлой печали, звучавшая в исполнении органиста немецкой церкви, создали атмосферу особой торжественности, проникновенности и эмоциональности.

Во время работы конференции ее участникам и гостям была предоставлена возможность совершить интересную экскурсию в средневековый Луцкий замок, а также посмотреть концертную программу фольклорного ансамбля ЛНТУ.

Подводя итоги конференции, М. Костюк, О. Жук, Г. Кондратюк, Н. Венгер и другие ее участники отметили весомый вклад исследователей истории волынских немцев в развитие международного сотрудничества народов Европы и начало нового этапа в изучении истории народов Украины. Было подчеркнуто, что согласие начинается с отдельных людей и охватывает через них целые народы.

КОНФЕРЕНЦИИ

Т.П. Волкова, О.В. Штейн

Международная научно-практическая конференция «Немцы Казахстана: мост между Астаной и Берлином»

В год 20-летия Ассамблеи народа Казахстана с 5 по 7 октября 2015 г. в г. Астане состоялась международная научно-практическая конференция на тему «Немцы Казахстана: мост между Астаной и Берлином».

Организатором конференции выступила Ассоциация общественных объединений немцев Казахстана (АООНК) «Возрождение» при поддержке правительств Республики Казахстан и Федеративной Республики Германия в сотрудничестве с Ассамблеей народа Казахстана, Национальной академической библиотекой Республики Казахстан, ГУ «Қоғамдық келісім» при Президенте Республики Казахстан, Институтом истории государства, Исследовательским институтом международного и регионального сотрудничества при Казахстанско-Немецком университете, Международной ассоциацией исследователей истории и культуры российских немцев (Россия).

В конференции приняли участие 111 представителей из Казахстана, Германии, России и Кыргызстана. Они совместно искали ответы на вопросы: что же такое мост? Каким он может быть? Какую роль в строительстве моста играют немцы Казахстана? Как при этом может быть использован имеющийся потенциал?

Научное сообщество приветствовал заместитель председателя Ассамблеи народа Казахстана, заведующий секретариатом Ассамблеи народа Казахстана Администрации Президента Республики Казахстан д-р полит. наук Е.Л. Тугжанов. С приветствиями выступили депутаты Мажилиса парламента РК Е.Я. Каппель и Р.У. Ким, депутаты немецкого бундестага Г. Цертик и Ф. Ленгсфельд, заместитель главы миссии посольства ФРГ Д. Крамер, председатель МСНК и президент ФНКА РН Г.Г. Мартенс и другие.

Доклады, представленные на пленарном заседании, задали направление работы конференции. Д-р полит. наук Н.П. Калашникова, директор республиканского государственного учреждения «Қоғамдық келісім» при Президенте Республики Казахстан, раскрыла тему «Ассамблея народа Казахстана: развитие общественных институтов, формирующих идентичность и единство». Д-р ист. наук Б.К. Султанов, директор исследовательского института международного регионального сотрудничества при Казахстанско-Немецком университете, выступил с основополагающим докладом «Немцы Казахстана – важнейший фактор углубления сотрудничества РК и ФРГ в условиях меняющейся архитектуры мира». Д-р социол. наук М. Кайзер, президент Казахстанско-Немецкого университета, представил яркое исследование, посвященное немцам, уехавшим на свою историческую родину в Германию и по ряду причин вернувшимся обратно. Тема его доклада «Путь в Германию и обратно. Стратегии возвращения поздних переселенцев в контексте меняющегося режима миграции». А.Ф. Думлер, заместитель председателя АООНК «Возрождение», представил подготовленное совместно с д-ром филос. наук, проф. В.Д. Курганской выступление «Модернизация принципов партнерства в реализации государственной Программы поддержки этнических немцев через структуры общественной самоорганизации». Д-р ист. наук, проф. А.А. Герман, председатель МАИИКРН, осветил 20-летний путь развития Международной ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев и тем самым передал опыт, полезный и поучительный для ученого сообщества Казахстана.

Особая роль на конференции отводилась немецкому языку как важнейшей составляющей моста между двумя государствами. О состоянии развития языка и мерах его сохранения докладывала эксперт по языковой работе АООНК «Возрождение» И.С. Франц.

В рамках конференции проходила выставка «Немцы Казахстана», которую открыли глава миссии Посольства ФРГ Д. Крамер и председатель АООНК «Возрождение» А.Ф. Дедерер.

Дальнейшая работа конференции проходила в трех секциях: «20 лет Ассамблеи народа Казахстана: участие этнокультурных объединений в реализации государственных программ»; «Немцы Казахстана: история и культура»; «Немцы Казахстана в экономическом и социокультурном пространстве двух стран».

В целом на секциях было заслушано около 20 докладов на русском и немецком языках. Участники конференции обратились к опыту исторического и культурного наследия казахстанских немцев, сделали попытку выявить современное состояние, потенциал и перспективы развития немецкого этноса в социокультурном пространстве Республики Казахстан. Отрадно то, что наряду с известными учеными выступили и молодые исследователи, которых привлекла немецкая тематика. Работа секций проходила активно и заинтересованно, обсуждение докладов вызывало много вопросов и сформировало дискуссию.

Важным общественно-политическим событием стало проведение подиумной дискуссии с участием уполномоченного федерального правительства Германии по делам переселенцев и национальных меньшинств, депутата немецкого бундестага Х. Кошика, депутатов Мажилиса парламента РК О.А. Киколенко и А.С. Мурадова, заместителя министра по инвестициям и развитию РК А.П. Рау, бизнес-элиты немцев Казахстана, ученого сообщества, лидеров общественного движения Казахстана, Германии и России. На обсуждение был вынесен вопрос о том, что же включает в себя понятие «мост между странами» и каково место немцев Казахстана в его построении.

Одним из практических мероприятий конференции стала «Школа молодых исследователей», которая способствовала установлению научных связей между молодыми и уже состоявшимися учеными; расширению и упрочнению международных и межрегиональных связей; развитию научного потенциала студентов, магистрантов и докторантов. Было проведено два мастер-класса: д-ра ист. наук В.М. Кириллова (Нижний Тагил) «Применение математических методов в гуманитарных исследованиях» и д-ра К. Бук (Бремен) «Качественные и количественные подходы и методы в исследованиях. Европейские перспективы. Подготовка публикаций для западных изданий».

По итогам работы конференции были приняты резолюция и рекомендации. Доклады и выступления будут опубликованы.

Итоги работы конференции – это новая ступень в понимании современного этапа развития этнических немцев Казахстана, их роли и потенциала для выстраивания долгосрочных и разнонаправленных взаимоотношений между странами.

© Т.П. ВОЛКОВА, О.В. ШТЕЙН. ЕЖЕГОДНИК МАИИКРН. 2015 Г. № 1. С. 364–365.

КОНФЕРЕНЦИИ

Д. Мешков

Конференция «Российские немцы в сравнительном контексте. Новые перспективы исследований»

В последние годы федеральное правительство Германии прилагает значительные усилия для поддержки и развития исследований в области истории и культуры российских немцев и популяризации этих знаний. К числу предпринятых мер относятся, в частности, решение о финансировании трех юниор-профессур и расширение программ поддержки исследований и культурно-массовой работы. В конце 2012 г. по инициативе Федерального института по изучению истории и культуры немцев Восточной Европы (Ольденбург) с участием ведущих немецких исследователей состоялся семинар, посвященный итогам и перспективам исследований в области истории российских немцев. Организаторы и большинство участников семинара высказывались в пользу переориентации исследований, в т. ч. за счет смещения исследовательского фокуса на процессы современности, активного привлечения методов и результатов смежных дисциплин, обновления методологического инструментария исследований и т. д.

Конференцию «Российские немцы в сравнительном контексте. Новые перспективы исследований» („Russlanddeutsche in einem vergleichenden Kontext: Neue Perspektiven der Forschung“), проходившую 18–19 ноября 2015 г. в представительстве федеральной земли Нижняя Саксония в Берлине, следует рассматривать именно в свете этих мер по активизации и переориентации исследований истории и культуры российских немцев. Организаторами конференции выступили Федеральный институт по изучению истории и культуры немцев Восточной Европы (Ольденбург), Институт истории и культуры немцев в Северо-Восточной Европе (Nordost-Institut, г. Люнебург), а также Институт миграционных и межкультурных исследований (IMIS) университета г. Оснабрюк. Заседания проходили в трех секциях, каждая из которых включала три доклада и комментарий специально приглашенного специалиста. На заключительной дискуссии выступили три наблюдателя конференции – Катрин Бекх (Katrin Boeckh, Регенсбург), Анке Хильбреннер (Anke Hilbrenner, Бонн–Бремен) и Дмитрий Мешков (Dmytro Myeshkov, Фрайбург).

Доклад Эрика Шмальца (Eric Schmaltz, Оклахома) «Что в имени твоем?..» открыл первую секцию конференции, посвященную проблеме (само)идентификации и идентичностей. В центре внимания Шмальца находилась многочисленная группа немцев из России в США (Russian Germans, Germans from Russia), пережившая в конце 1960-х – начале 1970-х годов своего рода ренессанс идентичности, выразившийся в дискуссиях о самоназвании группы, в появлении и активной деятельности организаций по сохранению исторического наследия, а также в активных попытках выработки собственного исторического канона. В докладе также был затронут ряд проблем, ставших центральными для всей конференции, например, гибридный (диффузный) характер идентичностей диаспорных групп, факторы, влияющие на них (роль элит и государства в становлении идентичностей). На примере братьев Готтлиба и Георга Ляйббрандт

© Д. МЕШКОВ. ЕЖЕГОДНИК МАИИКРН. 2015 Г. № 1. С. 366–368.

следующий докладчик Мартин Мунке (Martin Munke, Хемниц) продемонстрировал историческую преемственность в работе представителей российских немцев в конструировании идентичности. Оба брата прошли социализацию в одной из причерноморских колоний и получили образование в городах Российской империи. В основе их мировоззрения лежали представления о колонии и семье, а также об обществе, устроенном по сословному принципу, что после эмиграции братьев Ляйббрандт в Германию сближало их взгляды с устремлениями национал-консервативных кругов, например, всегерманским движением. С начала 1930-х годов их воззрения оказались под сильным влиянием национал-социализма, а Георг до перехода на военную службу в 1943 г. был одним из его известных представителей как участник Ваннзейской конференции, занимавший высокие посты в аппарате НСДАП и в «Восточном» министерстве. После войны он продолжал активную исследовательскую и публицистическую деятельность как один из ведущих представителей Землячества немцев из России, при этом оставаясь авторитетом не только для членов немецких организаций в Западной Германии, но и за океаном, где в 1970-е годы поселился его брат Готтлиб.

Гезинда Валлем (Gesinde Wallem, Берлин) посвятила свой доклад правовым аспектам идентификации. Она наблюдала работу немецких чиновников по верификации и категоризации различных групп поздних переселенцев в лагере Фридланд, а на основании проведенных интервью анализировала их реакцию и восприятие «присвоенных» немецким государством категорий-идентичностей. Работа Валлем представляет собой удачный пример анализа роли государства как актора в процессе конструирования идентичностей, с одной стороны, а с другой, изучения реакций и стратегий переселенцев и членов их семей. В центре последовавшей после трех докладов дискуссии оказалась Вторая мировая война, являвшаяся, по мнению участников, решающим фактором в конструировании идентичностей российско-немецкой диаспоры.

Вторая секция была посвящена вопросам миграции и открывалась интересным докладом Джона Эйчера (John Eicher, Айова). Айхер сравнил нарративы двух меннонитских общин, оказавшихся в межвоенный период соседями в парагвайской долине Гран Чако. Из-за того, что траектории их миграций до прибытия на поселение в Парагвай сильно отличались друг от друга, нарративы обоих меннонитских обществ, так же как и восприятие и отношение к окружению, обнаружили также существенные отличия. В своем анализе причин этого явления Айхер опирался на теорию диаспорных групп американского антрополога и социолога Р. Брубэйкера (Rogers Brubaker) и на теорию об этапах развития описания (Theory of Modes) литературоведа Н. Фрая (Northrop Frye). В докладе Маркуса Кайзера (Markus Kaiser) и Михаэля Шенхута (Michael Schönhuth, Бонн–Трир) обобщены многолетние наблюдения над поздними переселенцами, возвратившимися в места прежнего жительства. И хотя доля таких возвращенцев была и остается очень небольшой, их миграции представляют интерес прежде всего из-за разнообразия своих форм. Также интересны выводы авторов о миграциях в контексте программ возвращения соотечественников, разработанных и принятых в России и Казахстане. Рене Крайхауф (René Kreichauf, Веймар) предложил в своем докладе совсем иную перспективу наблюдения – малый город в бывшей ГДР, на примере которого он рассмотрел стратегии поздних переселенцев по выбору места жительства и развитию связей с бывшими земляками в рамках политики правительства и коммунальных властей по размещению иммигрантов. С точки зрения социальной географии городского пространства Крайхауф охарактеризовал концентрацию поздних переселенцев в одном из жилых районов города как сегрегацию и продемонстрировал, как политика по размещению российских немцев, целью которой было как раз предотвращение их скопления, могла привести к обратному результату. Одним из замечаний дискутанта Лео Лукассена (Leo Lucassen, Амстердам–Ляйден), вызвавшим у участников конференции особый интерес, был

призыв рассматривать историю российских немцев в контексте глобальной истории и истории мировых колониальных империй.

Третья секция была посвящена сравнительному анализу. Ее открывал доклад Джеймса Кэстила (James Casteel) из Оттавы о немцах и евреях – выходцах из СССР в Германии. При рассмотрении традиций памяти обеих групп Кастил обратил внимание прежде всего на представление себя как жертвы, опираясь при этом на литературные произведения выходцев обеих диаспор, на выставки и т. д. Виктимизация, по его мнению, является вызовом для господствующей в немецком обществе культуры памяти, поэтому интеграция памяти российских немцев в общенемецкий дискурс остается процессом с открытым исходом. Никита Пивоваров (Москва) посвятил свой доклад политике КПСС по отношению к советским немцам и крымским татарам в последние годы существования СССР. Его насыщенное архивной информацией сообщение продемонстрировало, как воспринимались устремления немцев и крымских татар членами Политбюро. Советское руководство понимало справедливость требований представителей обоих движений, однако старая административная система не позволяла им эффективно решать наболевшие проблемы. Другим важным фактором, препятствовавшим удовлетворению требований немцев и крымских татар, была радикализация русскоязычного населения в местах их прежнего компактного проживания. Не менее интересную сравнительную перспективу предложила в своем докладе Анна Сосна-Шуберт (Anna Sosna-Schubert, Оснабрюк), которая завершает работу над диссертацией о параллельных миграционных путях поляков и немцев, выселенных из Волыни в Казахстан в середине 1930-х годов. Выбранная докладчицей продолжительная во времени перспектива наблюдения позволяет ей сделать выводы о факторах, влиявших на стирание или установление границ между двумя соседствовавшими группами депортированных, а также о факторах, способствовавших подавлению этнического самосознания или, наоборот, его подьему у этих групп в результате государственной политики в местах ссылки в Казахстане, а также позднее в Германии и Польше.

Заключительная дискуссия показала, что замысел организаторов вполне оправдался: доклады коллег – представителей смежных гуманитарных дисциплин – позволили по-новому взглянуть на многие проблемы истории российских немцев. Участники конференции считают необходимым и в будущем извлекать все преимущества из междисциплинарного сотрудничества, уделяя при этом больше внимания результатам исторических исследований. По материалам конференции планируется подготовить и издать сборник статей.

НАУЧНАЯ ХРОНИКА

В.Б. Меркурьева

Защита кандидатской диссертации Ю.В. Щеголихиной

29 июня 2015 г. в Тверском государственном университете состоялась защита диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук Щеголихиной Юлией Викторовной на тему «Концепт FAMILIE в лингвокультуре российских немцев Сибири». Научный руководитель – Богословская Зоя Матиновна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры иностранных языков энергетического института ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Томский политехнический университет».

Выбор концепта FAMILIE, относящегося к ключевым в современной картине мира, обусловливает актуальность работы. Назовем в качестве примера лишь «Бессмертный полк» – акцию к 70-летию Победы в Великой Отечественной войне. Огромное количество людей, ставших участниками этой акции, объединила память о семье. Концепт FAMILIE – один из важнейших и в немецкой картине мира. Так, в Германии в 2013 г. этот, казалось бы, совершенно аполитичный концепт послужил причиной политических дебатов. Тележурналистка Ева Херман в своем выступлении сравнила семейные ценности Третьего рейха с семейными ценностями современной ФРГ. Ее обвинили в манипуляции понятиями, их неверной оценке и уволили с работы[1].

С позиций лингвокультурологии на первый план выходят значимость явления для культуры, его ценность и национально-культурные особенности. С этой точки зрения особенно актуальны изучение и исследование концептов, существующие в коллективном сознании этноса и которые называют «ключевыми концептами культуры», «ядерными (базовыми) единицами картины мира», обладающими экзистенциальной значимостью как для отдельной личности, так и для лингвокультурного сообщества в целом.

Люди, принадлежащие к различным культурам, имеют неодинаковые концептуальные системы, поэтому они могут понимать мир по-своему. Этот глобальный, многосоставный и активно транслируемый во все сферы бытия концепт еще недостаточно глубоко исследован. Актуальность данной работы определяется необходимостью изучения лексических систем в их непосредственной связи с обозначаемой действительностью (здесь: официальный и неофициальный дискурсы).

Обращение Ю.В. Щеголихиной к концептуальному анализу не случайно, поскольку концепт позволяет связать воедино научные подходы в области культуры, сознания и языка. Все эти моменты находят отражение в тексте работы, структура которой четко продумана и отражена в содержании.

Автор опирается в своих изысканиях на труды таких признанных ученых, как З.М. Богословская, А. Вежбицкая, М. Джонсон, Г.Г. Дингес, В.М. Жирмунский, В.И. Карасик, Е.С. Кубрякова, Дж. Лакофф, М.В. Пименова, И.А. Стернин, В.Н. Телия.

[1] См. подробнее по ссылке: http://www.youtube.com/watch?v=2FCFFrdUPB4 – № 23 – Zerschlagung der Familie (Eva Herman).

© В.Б. МЕРКУРЬЕВА. ЕЖЕГОДНИК МАИИКРН. 2015 Г. № 1. С. 369–371.

Новизна работы состоит в применении интегративного исследовательского подхода, который позволил выделить в концепте FAMILIE как значимом культурно-языковом феномене аксиологические характеристики и специфику ценностей культуры российских немцев.

Работа состоит из введения, четырех глав, заключения, списка используемой литературы (241 наименование, в т. ч. 23 на иностранных языках), списка справочной литературы (27 наименований) и двух приложений. Результаты диссертационного исследования наглядно представлены в семи таблицах и двух схемах.

Диссертация прошла успешную апробацию, основные результаты работы отражены в десяти публикациях (четыре из них – в изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией в Перечне ведущих рецензируемых научных журналов и изданий). С 2010 по 2014 г. диссертант принимала участие во многих конференциях.

Результаты исследования диссертанта можно охарактеризовать как положительные. Автор рецензируемой работы глубоко проникла в суть концептуальных исследований, изучила историю вопроса, всесторонне осветила проблемы типологизации концептов и существующие методы, разработала свой собственный подход. Предложенный Щеголихиной алгоритм концептуального анализа может быть использован и для исследования других ключевых концептов.

Диссертант исследует концепт FAMILIE с позиций лингвокультурологии, что делает возможным выявление его универсальной и этнической культурогенности. Подобный подход соответствует закономерностям антропоцентрической парадигмы. Тенденция к объединению усилий смежных дисциплин в достижении единой цели представляется весьма продуктивной. Лингвокультурологическое исследование концепта в условиях роста межэтнических контактов, процессов интеграции, глобализации вносит вклад в успешное развитие межкультурной коммуникации, взаимопонимания и сотрудничества народов.

Необходимо отметить широкое интерпретационное поле концепта. Автор диссертации привлекает актуальный современный эмпирический материал, который позволяет ей делать смелые и обоснованные выводы. Выбранные примеры делают работу интересной для чтения не только с научной, но и с языковой точки зрения.

Достоверность результатов подтверждается репрезентативностью фактического материала, разными уровнями его анализа, а также разработанной комплексной методикой исследования, сочетанием в диссертационном исследовании принципов системности и антропоцентризма, опорой на достижения отечественной и зарубежной концептологии.

Фактологическая база исследования охватывает четыре родословные, два архивных документа по Томской области о 50 семьях этнических немцев, анкеты 32 респондентов, текстовые материалы и т. д. Выявленный исследователем номинативный инвентарь концепта FAMILIE составляет около 1 тысячи нарицательных имен, сочетаний слов и около 1 тысячи собственных имен. Широта представленного материала, его тщательный анализ, различные подходы позволили диссертанту осмыслить эволюцию изучаемого концепта и установить его связи. Интересны и логичны выводы по динамике концепта, обнаружении его наиболее стабильных признаков.

В теоретическом плане значение работы определяется ее вкладом в развитие концептологии, использованием интегративного подхода, позволяющего выделить характеристики концепта FAMILIE последовательно на четырех аналитических уровнях (номинативном, понятийном, концептуальном, лингвокультурологическом) и установить взаимосвязи и взаимозависимость разноуровневых характеристик концепта.

Практическая значимость работы Щеголихиной заключается в возможности использования полученных результатов в таких учебных дисциплинах, как когнитивная лингвистика, лингвоконцептология, лингвокультурология, этнолингвистика, страноведение.

Положения, вынесенные диссертантом на защиту, представляют собой квинтэссенцию результатов исследования.

1. Реализация лингвокультурологического аспекта исследования языка и культуры немецкого сообщества в Сибири обусловливает обращение к ключевому концепту FAMILIE, связанному с единственной сохранившейся во время репрессий разновидностью социального института российских немцев – семьей. Учет официального и повседневного характера указанного концепта объясняет необходимость исследования его объективации в институциональном и неинституциональном типах дискурса.

2. Один из эффективных путей постижения концепта FAMILIE – создание различных его моделей, дополняющих друг друга: таксономической, послойной, полевой, антропонимической.

3. «Именами» изучаемого концепта являются FAMILIE и его относительные синонимы HAUS и SIPPE, GESCHLECHT, а также антропонимия немецкого субэтноса.

4. Концепт FAMILIE характеризуется смешанной иерархической структурой, связанной с другими смежными концептами: VOLK/НАРОД, NATION/НАЦИЯ, ETHNIE/ЭТНОС, RUSSLANDDEUTSCHE/РОССИЙСКИЕ НЕМЦЫ и др.

Он имеет ядро и периферию, активный и пассивный слои, когнитивные части, сегменты и признаки. Являясь многогранной ментально-культурной единицей, концепт FAMILIE предстает как «картинка», схема, фрейм, сценарий, гештальт в зависимости от дискурсивной реализации.

5. В составе концепта FAMILIE отмечаются универсальные, общенациональные (немецкие) и субэтнические признаки, которые определяют его типовое своеобразие, т. е. отличие от других концептов, а также его структурно-содержательные и образно-коннотативные черты.

6. Динамика концепта FAMILIE состоит прежде всего в трансформации денотативных сегментов его понятийной базы.

Диссертационный совет единогласно проголосовал за присуждение Юлии Викторовне Щеголихиной ученой степени кандидата филологических наук.

БИБЛИОГРАФИЯ, РЕЦЕНЗИИ

Составитель И.В. Черказьянова

Библиография

Алишина Г.Н. Дискуссия об идентичности меннонитов России в годы Первой мировой войны // Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности: методология, методика и практика исследования. Программа и тез. [Конф., Томск, 14–15 окт. 2014 г.]. – Томск: Изд-во Томск. ун-та, 2014. – С. 58–60.

Алленов А.Н. История религиозных течений в Тамбовской области: Учеб.-метод. пособие / Тамбовск. гос. ун-т им. Г.Р. Державина. – Тамбов, 2013. – 189 с.

Андреев А.Н. Протестантские церкви и общины Москвы в XVIII в. // Вопр. истории. – М., 2013. – № 12. – С. 148–158.

Бахарева О.Я. Немецкое городское население Оренбургской губернии (конец XVIII – начало XX века) // Наследие П.И. Рычкова в контексте цивилизационного развития. – Оренбург, 2012. – С. 244–255.

Безносова О.В. Религиозная политика в Российской империи по отношению к протестантскому движению в 1903–1917 гг. // Религия и право. – М., 2013. – № 3. – С. 27–38.

Белковец Л.П., Белковец С.В. От любви до ненависти… Германская дипломатия в России (СССР). 1918–1941 / Новосибирск. юрид. ин-т (филиал) Томск. гос. ун-та. – Новосибирск, 2013. – 425 с., ил.

Белов С.И. Положение немецких военнопленных в России в годы Первой мировой войны (на материалах архивов Верхнего Поволжья) // Вестн. МГУ им. М.А. Шолохова. История и политология. – М., 2014. – № 4. – С. 16–20.

Бетхер А.Р., Курманова С.Р., Смирнова Т.Б. Хозяйство и материальная культура немцев Сибири / Под общ. ред. Т.Б. Смирновой. – Омск: Изд. дом «Наука», 2013. – 280, [20] с. ил.

Авторы книги представили комплексную характеристику материальной стороны жизни немецкого населения Сибири. Показаны условия формирования комплекса хозяйства и материальной культуры, дано подробное описание их хозяйственных занятий, жилища, одежды и пищи. Исследование опирается на результаты многолетних экспедиционных материалов, собранных авторами в основном в южных районах Западной Сибири с компактным проживанием немцев. В центре внимания стоят проблемы адаптации европейской по своей сущности немецкой культуры к сложным природным условиям Сибири, взаимодействия с культурами живущих здесь народов.

Бургарт Л.А. Особенности влияния демографических факторов на процесс самоорганизации немцев-католиков Казахстана в середине 60-х – начале 90-х гг. XX в. // Этнодемографические процессы в Казахстане и сопредельных территориях: Сб. науч. тр. XIV Междунар. научн.-практ. конф. 11–12 сент. 2014 г., Усть-Каменогорск. – Усть-Каменогорск: Медиа-Альянс, 2014. – С. 60–70.

Вайман Д.И. Обычаи и представления, связанные с пасхальными яйцами в традициях немцев Урала // Соврем. проблемы культурно-языковой регионалистики. – Пермь, 2012. – С. 29–35.

Вануйто Г.И. Значение семейно-бытовых традиций немецкой семьи в воспитании // Реальность этноса: Роль образования в развитии межнациональных отношений в соврем. России. – СПб., 2013. – С. 439–444.

Васильева О.А. Немцы Нижнего Поволжья на выборах в Государственную Думу 1-го созыва // Проблемы социал.-гуманитар. наук. – Волгоград, 2013. – С. 93–100.

Вопросы германской истории: Сб. науч. тр. / Отв. ред. С.И. Бобылева. – Днепропетровск: Лира, 2014. – 328 с.

СОДЕРЖАНИЕ.
ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА КАК ФАКТОР ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ХАРАКТЕРА

Сыч А.И. Первая мировая война: цивилизационный аспект 9

Іваненко В.В., Мирончук В.Д. Російський фактор у генезисі Першої світової війни: дипломатичний аспект 18

Nachtigal R. Military Heroization in the Epoch of WWI: The Russian case of Field Marshal-Generalissimo Suvorov in a Comparative Perspective, 1900–1917 29

Троян С.С. Німецька імперія на шляху до Великої війни: А. фон Тірпіц і німецькі військово-морські плани рубежу XIX–XX ст. 45

Айсфельд А. Немцы в Украине и Германский Рейх в годы Первой мировой войны 55

Фисанов В.П. Рождение иного мира в годы мирового конфликта (по документальным и мемуарным источникам периода Первой мировой войны) 71

Kuraev A. World War I: The Crossroad in the Bolshevik Strategy of Academic Internationalism . . 79

Павленко С.С. Російсько-японське зближення у роки Перошої світової війни на сторінках періодичних видань (за матеріалами «Торгово-промышленной газеты») 84

Кондратьєва А.А. Образ Німеччини на сторінках американської преси на початку Першої світової війни (на матеріалах видання «The New York Tribune»). 98

Кадол О.М. «Німецьке питання» в ідеології та практиці загальноросійських правих партий часів Першої світової війни. 106

ВОЙНА: РАСПАД ИМПЕРИЙ И СОЗДАНИЕ НОВЫХ ГОСУДАРСТВ

Яровий В.І. Відновлення державності народів Центральної та Південно-Східної Європи в період Першої світової війни 117

Шкундин Г.Д. Национальные проблемы Габсбургской монархии во время Первой мировой войны в советской историографии 1920-х годов 122

Венгер Н.В. Власть и война: монархия и Великая война 1914–1918 гг. в восприятии лояльного сегмента российского общества 131

Кравчук О.М. Геополітичні наслідки Першої світової війни в поглядах Т.Г. Масарика. 164

Piahanau A. Hungarian projects of territorial changes in WWI. 180

Ковальов Д.В. Фінляндський Рух єгерів: між кайзером та царем 189

Дояр Л.В. Первая мировая война как катализатор национально-культурного возрождения Украины: образовательный аспект (1917–1918 гг.) 204

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА В РЕГИОНАЛЬНОМ ИЗМЕРЕНИИ

Деннингхаус В. «Отнимите немедленно землю от исконных наших врагов…» Действие Закона о ликвидации немецкого землевладения в период Первой мировой войны в Поволжье 213

Герман А.А. «Великая война» и немцы Поволжья (1914–1917 гг.) 224

Бобылева С.И. Немецкие предприниматели в годы Первой мировой войны (по материалам Особого Комитета по борьбе с немецким засильем) 233

Малиновский Б.В. Австро-венгерские войска в Украине, 1918 г.: проблема корыстного использования полномочий 251

Чепурко А.А. Деятельность военно-цензурных органов Екатеринославской губернии в начале Первой мировой войны 267

Костюк М.П. Участь Комітету Південно-Західного фронту Всеросійського Земського Союзу у виселенні волинських німців-колоністів зимою 1915–1916 р. 278

Світленко С.І., Мирончук В.Д. Діятельність громадських організацій на Катеринославщині періоду Першої світової війни 296

Чернова-Дёке Т.Н. Кавказский фронтир Российской империи: к вопросу о реализации законов по ликвидации недвижимого имущества немецких поселенцев (1916–1917) 305

Сведения об авторах

Гартвиг Б.В. Национальная модель высшего образования в немецкой автономии // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер. История России. – 2014. – № 4. – С. 119–132.

Гергерт Л.Ф. Лютеранство в Архангельске // Архангельск: от поморских поселений до столицы Рус. Севера. – Архангельск, 2013. – С. 142–160.

Два с половиной века с Россией: актуальные проблемы и дискуссионные вопросы истории и историографии российских немцев: Материалы 14-й междунар. науч. конф., Кисловодск, 25–29 сент. 2013 г. / Науч. ред. А.А. Герман. – М.: МСНК-пресс, 2014. – 592 с.

ОГЛАВЛЕНИЕ. ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ И ЕЕ ИЗУЧЕНИЯ

Иларионова Т.С. (Москва). Манифесты Екатерины II 1762 и 1763 гг.: международные и внутриполитические причины приглашения иностранцев на жительство в Россию 15

Шадт А.А. (Новосибирск). «Немецкий вопрос» в зеркале российской национально-культурной политики (XVIII–XXI вв.) 24

Венгер Н.В. (Днепропетровск). Меннонитская историография об этноконфессии в России: этапы, парадигмы, методология, межкультурный диалог 37

Бургарт Л.А. (Усть-Каменогорск). Немцы-католики России в современной отечественной историографии: проблемы, стереотипы и перспективы исследования 61

Чернова-Дёке Т.Н. (Берлин). Особенности образования немецких колоний на Кавказской окраине Российской империи (в свете постсоветской историографии) 81

Черказьянова И.В. (Санкт-Петербург). Е.Г. Кагаров и П.Г. Пеннер: историография и новые источники по этнографии российских немцев . . 94

Кириллов В.М. (Нижний Тагил). Историография проблем репрессивной политики против советских немцев в отечественной исторической науке 122
Мешков Д.Ю. (Фрайбург). «Новая культурная история»: промежуточные итоги и перспективы изучения истории и культуры российских немцев 166
Ерина Е.М. (Энгельс). Государственный исторический архив немцев Поволжья: 90 лет труда по сохранению исторической памяти о поволжских немцах 173

НЕМЦЫ В ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ И НА СТЫКЕ ЭПОХ

Белов А.В. (Москва). Четыре эпохи Немецкой слободы Москвы 187
Клейтман А.Л. (Волгоград). «Замечания по „Историческим сообщениям“ г-на П. Нойбауера» – неизвестная рукопись И.Я. Лерхе по истории Нижнего Поволжья 195
Белов А.В. (Москва). Немецкий изобретатель Франц Лепех и чудо-оружие русского императора Александра I 200
Ульянова Г.Н. (Москва). Кондитерская фабрика «Эйнем» в Москве (1850–1918): из истории немецкого предпринимательства в Российской империи 220
Ананян Е.В. (Волжский). Национальная идентичность немцев в Поволжье и Америке в XVIII–XIX вв. 237
Чернова-Дёке Т.Н. (Берлин). Из истории взаимосвязи немецкой колонизации в Поволжье и на Северном Кавказе 243
Зейналова С.М. (Баку). Некоторые аспекты культурной жизни немецкой общины в Азербайджане 251
Хартунг В. (Дуйсбург). Миграция и семейная структура поволжских немцев в 1763–1798 гг. *(на нем. яз.)* 266
Гальперина Ю.С. (Саратов). Брачность и семейная структура поволжских немцев в XIX в. . . 274
Малиновский Л.В. (Барнаул). Изоляция и компактность заселения как основные факторы сохранения национальной культуры российских немцев-колонистов в XIX в. 285
Костюк М.П. (Луцк). Немцы в городах Волыни (вторая половина XIX – начало XX в.) 290
Плесская Э.Г. (Одесса). Триумф и трагедия семьи Фальц-Фейн (к 150-летию со дня рождения Фр. Фальц-Фейна) 303
Евсеев Н.О. (Саратов). Воспоминания и личные дневники как источники по истории меннонитов Новоузенского уезда Самарской губернии . . . 312
Ананян Е.В. (Волжский). Проблема численности немцев Поволжья, эмигрировавших в Америку в последней четверти XIX в. 324
Шмидт В. (Регенсбург). Из истории переселенческого движения немцев в дореволюционном Казахстане. На примере с. Надеждинка Кустанайского уезда Тургайской области 331
Деннингхаус В. (Люнебург). «Русские и немцы собратья по несчастью…» Яков Дитц и поволжские немцы в выборах в Первую Государственную думу 338
Кретинин С.В. (Воронеж). Немцы Царства Польского на заключительном этапе Первой мировой войны и в первые послевоенные годы: в поисках национальной и государственно-политической идентичности. 345
Безносов А.И. (Днепропетровск). Защита и нападение: участие причерноморских немцев в вооруженной борьбе в годы Гражданской войны 1918–1920 гг. 350
Агасиев И.К. (Баку). Особенности общественно-политической жизни немецких колонистов в период Азербайджанской Демократической Республики (1918–1920 гг.). 362

НЕМЦЫ В УСЛОВИЯХ СТАНОВЛЕНИЯ, РАЗВИТИЯ И УПАДКА СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА

Бобылева С.И. (Днепропетровск). Этапы формирования репрессивной политики Советского государства в отношении немецкого населения и проблемы разрушения национальной идентичности 369
Булатов В.В., Гоманенко О.А. (Волгоград). Германо-советская концессия «Дерулюфт» – первая концессия в области воздушных грузопассажирских перевозок в отечественной истории 381
Колоткин М.Н. (Новосибирск). Немецкое образцовое хозяйство в Горном Алтае: почему не получилось? 385
Фурман Е.Л. (Волгоград). «Дело о немецкой кооперации в СССР»: государственная власть и кооперация в Области немцев Поволжья . . . 394
Ильина Л.А. (Волгоград). «Экономическое положение – это не конец, надо учесть и политические условия, в каких приходится вести работу». О работе партийных руководителей АССР немцев Поволжья среднего звена на примере Старо-Полтавского и Франкского кантонов в 1924–1928 гг. 401
Герман А.А. (Саратов). Сталинский «великий перелом» и борьба немцев Поволжья за сохранение традиционных устоев жизни. 408
Малова Н.А. (Саратов). Документы государственных архивов Саратовской области о миграционных процессах в Республике немцев Поволжья. 413
Хоружая С.В. (Энгельс). Радио и кино в Республике немцев Поволжья 417
Солодова В.В. (Одесса). Восприятие социумом Одесского немецкого рабоче-колхозного театра в 1930-е годы (региональный аспект) 428
Нам И.В. (Томск). Репрессии 1937–1938 гг. по «немецкой линии»: региональный аспект 433
Менсинг В. (Бонн). Изгнание российских немцев из сталинского Советского Союза в 1930-е годы *(на нем. яз.)* 439
Невежин В.А. (Москва). Заложники пакта: немецкие эмигранты в Москве и советская пропаганда (1939–1941 гг.). 455

Клец В.К. (Днепропетровск). Дискуссионные аспекты вопроса героизма советских немцев в годы Великой Отечественной войны 470
Волкова Т.П. (Алматы). Состояние проблемы депортации немцев в современном Казахстане. 475
Маркдорф Н.М. (Новосибирск). Специфика персонального фильтрационно-учетного делопроизводства на немцев в Кузбассе. 481
Долголюк А.А. (Новосибирск). Гибель военнопленных в сибирских лагерях. 489
Исаев В.И. (Новосибирск). Немецкая семья между жерновами сталинской и гитлеровской депортаций: опыт микроисторического исследования 506
Кудрицкая Т.Л. (Днепропетровск). Из фольксдойче в спецпереселенцы: советские шведы в фильтрационных делах НКВД. 513
Конев Е.В. (Новокузнецк). Смешанные религиозные объединения немцев в городах Западной Сибири в 1940–1960-е гг. 524
Савин А.И. (Новосибирск). К вопросу о религиозном диссидентстве российских немцев в 1960–1980-е годы: простановка проблемы . 531
Дик П.Ф. (Костанай). Специфика мировосприятия немцев в советском Казахстане 542

НЕМЦЫ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Славина Л.Н. (Красноярск). Основные тенденции социально-демографического развития российских немцев в постсоветский период (на материалах Красноярского края и Республики Хакасия) 561
Дятлова В.А. (Красноярск). Влияние иноязычного окружения на формирование внутреннего мира российских немцев (на примере изменения языковой картины мира немцев Сибири) 574
Чистюхина Е.А. (Новосибирск). К исследованию структуры и содержания концепта МУЖЧИНА в шванках российских немцев 583
Наши авторы. 588

Главацкая Е.М. Религия «противника»: диалог – конфронтация – диалог?: история лютеранства на Урале. XVIII – начало XXI в. // Славянск. диалоги на границе Европы и Азии. Ист. память. – Екатеринбург, 2013. – С. 62–66.

Грошева Г.В. Немецкий дискурс о прошлом и проблема соотношения национальной и европейской идентичностей немцев (вторая половина XX – начало XXI в.) // Томск. журн. лингвист. и антрополог. исследований = Tomsk. j. of ling. a. anthropology. – Томск, 2014. – Вып. 3(5). – С. 57–67.

Деннингхаус В. Революция, реформа и война. Немцы Поволжья в период заката Российской империи. – М.: РОССПЭН, 2015. – 327 с.

Гузевич Д.Ю. Захоронения Лефорта и Гордона: могилы, кладбища, церкви: мифы и реальности / Ин-т Петра Великого. – СПб.: Европ. дом, 2013. – 329 с., ил.

Гуськова Е.Ю. Участие СССР в депортации немцев с территории Югославии после Второй мировой войны (1944–1946 гг.) // Ослобођење Београда. 1944. – Београд, 2010. – С. 205–209.

Ерохина О.В. Участие немецких колонистов в формировании промышленной базы южнороссийского региона во второй половине XIX – начале XX в. // Вестн. МГГУ им. М.А. Шолохова. История и политология. – М., 2014. – № 4. – С. 47–56.

Желновакова М.Ф. Протестантские конфессии в Иркутском регионе в середине XIX – начале XXI в.: Автореф. дис. … канд. ист. наук. Специальность 07.00.02 – Отечественная история / Ин-т монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. – Улан-Уде, 2010. – 22 с.

Иванова Н.И. Путеводитель по немецким колониям Санкт-Петербургской губернии. – СПб.: Нестор-история, 2015. – 368 с., ил.

Кирмель Н. «Всех подозрительных, особенно в форме учебных заведений… задерживать»: Как в России боролись с вражескими диверсантами // Родина. – 2014. – № 8. – С. 102–104.

Кляшев А.Н. Протестантизм в Республике Башкортостан: социальная реакция на вызовы современности / Ин-т этнол. исслед. им. Р.Г. Кузеева Уфимск. науч. центра РАН. – Уфа: Здравоохранение Башкортостана, 2013. – 245 с., ил.

Козлов-Струтинский С., Парфентьев П. История Католической Церкви в России. – СПб.: Белый камень, 2014. – 740 с.

Комаренко О. Національно-культурний розвиток етнічних німців на Україні упродовж 20–30-х рр. XX ст. // Вісн. історія / Киевск. нац. ун-т. – Вып. 100. – Киев, 2010. – С. 26–30.

Кондрашина Е. Женщина в общинной жизни протестантских церквей в СССР (1945–1991) // Гос-во, религия, церковь в России и за рубежом. – М., 2014. – № 1 (32). – С. 151–171.

Королева Л.А., Гринцов Д.М. Национальное движение немцев в СССР (1950–1980) //

Общество: философия, история, культура = Society: philosophy, history, culture. – Краснодар, 2014. – Вып. 1. – С. 50–52.

Кретинин С.[В.] Бессарабские немцы: последние колонисты Российской империи // Россия и Германия. – М., 2013. – № 2 (6). – С. 65–68.

Кретинин С.В. Массовые выселения и «изгнания» немцев из стран Центральной и Восточной Европы в 1945–1949 гг.: Актуальные подходы и современное состояние дискуссий // Миграцион. последствия Второй мировой войны: этническ. депортации в СССР и странах Вост. Европы. – Вып. 1. – Новосибирск, 2012. – С. 45–46.

Кретинин С.В. Массовое выселение этнических немцев с румынских территорий в 1940–1941 гг. // Миграц. последствия Второй мировой войны: Сб. науч. ст. – Новосибирск, 2013. – С. 24–38.

Кригер В. Значение и роль юбилейных дат в истории поволжских немцев // Рос. немцы: Науч.-инфор. бюл. – М., 2014. – № 3–4 (79–80). – С. 21–23.

Ктиторов С.Н. Занятость немецкого населения дореволюционного Армавира // Вопр. южнорос. истории. – Вып. 18. – Армавир, 2013. – С. 124–162.

Кулиев Ф.М. Христианские неправославные конфессии и ислам на Северном Кавказе в конце XVIII – начале XX в. / Сев.-Кавказ. ин-т Филиала Рос. акад. нар. хоз-ва и гос. службы при Президенте РФ. – Ессентуки; Владикавказ, 2013. – 186 с.

Лабикова Р.Н., Беляева В.С. Русские и немецкие пословицы как отражение национального мировидения народов // Традиционная культура Тарск. Прииртышья: Перспективы развития и изучения: сравнительный аспект. – Тара, 2012. – С. 99–107.

Лев Викторович Малиновский: Библиограф. указ. / Автор-сост. С.В. Язовская. – Барнаул: ООО Спектр, 2015. – 43 с. – (Сер.: Наши земляки, вып. 4).

Лизунов П.В. Петербургские купцы, фабриканты и банкиры Штиглицы. – СПб.: Алетейя: Ист. кн., 2014. – 603 с., [24] л. ил.

Ликвидация имущества волынских немцев в 1915–1916 гг. Именные списки: Сб. док. / Сост. и авт. вступ. ст. М.П. Костюк. – Луцк: ПВД «Твердыня», 2014. – 632 с.

В сборнике в полном объеме воспроизведены именные «ликвидационные» списки столетней давности, которые свидетельствуют о дискриминационной политике российского военно-политического руководства по отношению к немецкому населению Волынской губернии в период Первой мировой войны. Являясь важным документальным источником для изучения этого аспекта и других вопросов немецкой колонизации на Волыни, списки также расширяют возможности для региональных и генеалогических исследований.

Лиценбергер О.А. История немецких поселений Поволжья. Ч. 1. Лютеране: А–М [справ.] / Под. ред. И.Р. Плеве. – Саратов: Изд-во СГТУ, 2011. – 428 с., ил.

Медведева Д.В. Немецкая диаспора // Этносы развивающейся России: проблемы и перспективы. – Абакан, 2012. – С. 105–106.

Миненко С.В. Конфессиональная система Российского государства и правовое положение в ней инославных церквей (XVI–XIX вв.). – М.: Юрлитинформ, 2013. – 205 с.

Мурашко Г.П. Проблема депортации немецкого населения из Чехословакии после Второй мировой войны: от зарождения концепции к ее реализации (по док. рос. архивов) // Миграцион. последствия Второй мировой войны: Сб. науч. ст. – Новосибирск, 2013. – Вып. 2. – С. 48–57.

Мусиенко Н.С., Ватлин А.Ю. Репрессированная школа. История немецкой школы им. Карла Либкнехта в Москве. 1924–1938. – М.: Полит. энцикл., 2014. – 240 с., ил. (Сер.: История сталинизма).

Существовавшая на протяжении всего полутора десятков лет в межвоенной Москве немецкая школа осталась легендой не только в памяти своих выпускников, многие из которых стали представителями духовной и политической элиты СССР, ГДР и ФРГ. Ее открытие символизировало поиск новых форм и методов создания «новой социалистической личности», к работе в ней привлекались педагоги-новаторы, деятели немецкой культуры, симпатизировавшие Советскому Союзу. Школа стала вторым домом для многих иностранных детей, заброшенных в красную Москву революционными вихрями. Это был уникальный эксперимент социально-культурной интеграции и межнационального общения. «Репрессированная» и закрытая решением Политбюро ЦК ВКП(б) в январе 1938 г. школа надолго исчезла из поля зрения исследователей и педагогов. Реконструкция ее истории стала возможной благодаря многолетней работе авторов в отечественных и зарубежных архивах, установлению контактов с выпускниками школы, ныне разбросанными по всему свету.

На службе Отечеству: немцы в истории Ярославского края: Сб. ст. / Ярославск. регион. отд-ние Ассамблеи народов России и др.; отв. ред. В.М. Марсанова. – Ярославль, 2014. – 72 с., [3] л. ил.

«Навечно, без права возврата»: Очевидцы и исследователи о немецком спецпоселении в СССР: Сб. научн. статей и воспоминаний / Под ред. А.А. Германа, О.Ю. Силантьевой. – М.: МСНК-пресс, 2015. – 352 с. – (История и этнография российских немцев). = „Auf ewig, ohne Recht auf Rückkehr“. Augenzeugen und Wissenschaftler über das Sondersiedlungsregime der Deutschen in der UdSSR: Sammelband mit wissenschaftlichen Aufsätzen und Erinnerungen. In d. Red. von A.A. German und O.Ju. Silantjewa. Verlag „IVDK-Medien“ Moskau 2015, 352 S. Aus der Reihe: Geschichte und Ethnografie der Russlanddeutschen.

Назарова Т.П. Благотворительная деятельность зарубежных меннонитских организаций в Советском государстве (1920–1930 гг.): Автореф. дис. … канд. ист. наук. Специальность 07.00.02 – Отечественная история / Волгоградск. гос. ун-т. – Волгоград, 2010. – 24 с.

Назарова Т.П. Благотворительная деятельность зарубежных меннонитских организаций в Советском государстве в 1920 – начале 1930-х гг.: (Гуманитарная и агротехническая помощь, поддержка эмиграции) / Волгоградск. гос. аграр. ун-т; Герман. ист. ин-т в Москве. – Волгоград, 2013. – 270 с., ил.

Недзелюк Т.Г. Конфессиональное сообщество католиков Сибири: влияние мировоззрения на повседневную жизнь (1830–1917 гг.): Автореф. дис. … канд. ист. наук. Специальность 07.00.02 – Отечественная история. – Новосибирск, 2015. – 36 с.

Недзелюк Т.Г. На пути к гражданскому обществу: католики на востоке Российской империи (рубеж XIX–XX вв.) – Новосибирск: СибАГС, 2011. – 164 с., ил.

Немистер Кыргызстандын тарихында = Немцы в истории Кыргызстана = Die Deutschen in der Geschichte Kirgisistans: Альбом-кат. / Авт.-сост. Л.Г. Ставская, Н.Э. Иманкулова; пер. на нем. А. Гофман. – Бишкек, 2012. – 94 с., ил. (кирг., рус., нем.)

Немцы Украины на пути возрождения: Материалы междунар. науч.-практ. конф. «Немецкое национально-культурное движение в Украине: история и перспективы». Киев, 24–26 сент. 2010 г. / Под ред. А.А. Дынгеса. – Киев, 2013. – 290 с.

Носкова А.Ф. Депортация немцев из Польши: геополитика и мораль в решениях великих держав // Миграционные последствия Второй мировой войны: Сб. науч. ст. – Новосибирск, 2013. – Вып. 2. – С. 3–24.

Окулов А. К 75-летию гибели генерала Е.К. Миллера: тевтон с русским сердцем // Посев. – М.; Франкфурт-на-Майне, 2014. – Г. 69, № 6 (1641). – С. 35–37.

О российском военнослужащем из балтийских немцев, репрессирован в 1939 г.

Петрова Т.Л. Библиография работ по истории немцев, изданных в Украине за годы независимости (1991–2012) / Науч. ред. А. Айсфельд. – Днепропетровск: Акцент ПП, 2015. – 272 с.

Указатель содержит перечень литературы по истории переселения, обустройства и жизни этнических немцев в дореволюционной, советской и современной Украине, вышедшие в последние 20 лет.

Плесская Э.Г. Немецкая национальная школа в Украине. 1803–1938. – Одесса: Астропринт, 2014. – 134 с., [8] л. ил.

Почепцов С.С. Религиозно-культурные аспекты субкультуры меннонитства // Культура. Политика. Понимание. – Белгород, 2013. – С. 60–63.

«Произошло движение против немецкого засилья»: Антинемецкие погромы в Москве и Московском уезде. 1915 г. / Публ. подгот. Дённингхаус В., Савин А.И. // Ист. архив = Hist. arch. – М., 2014. – № 3. – С. 99–113.

Пузейкина Л.Н. Архивное наследие В.М. Жирмунского. Ч. 4: Личный архив ученого в С.-Петербург. филиале архива РАН. Раздел «Переписка» // Рос. немцы: Науч.-инфор. бюл. – М., 2014. – № 3–4 (79–80). – С. 10–16.

Пузейкина Л.Н. Мы пели. Мы жили, мы были… Песни немецких колонистов Петербургской и других губерний России. – СПб.: Нестор-история, 2015. – 192 с., ил.

Песенник дает краткое представление о части богатейшего фольклорного наследия немецких поселенцев в России. Большинство из представленных в сборнике песен хранится в архивах Санкт-Петербурга и относится к коллекции, собранной в 1920-е годы Виктором Максимовичем Жирмунским в немецких коло-

ниях России. Все песни записаны на прилагаемом к изданию диске в исполнении ансамбля немецкой песни «Лорелея» под руководством Н.П. Уральской (Краубнер). Ноты и тексты песен сопровождаются комментариями и иллюстрациями. Большинство песен приводится со стихотворным переводом или в переложении на русский язык. Издание имеет два приложения, которые характеризуют состав дел архива В.М. Жирмунского в СПбФ АРАН и дают сведения об исполнителях песен, записанных в немецких поселениях под Петербургом.

Пянкевич И.В. Немецкие военнопленные и организация из труда на территории Ленинграда и Ленинградской области. 1944–1949 гг. // Вестн. С.-Петербургск. ун-та. Сер. 2, История. – СПб., 2014. – Вып. 1. – С. 167–175.

Рагра Е. Депортация по-советски. 1930-е годы // Воен.-ист. архив. – М., 2014.– № 8 (176). – С. 46–50.

Принудительное переселение поляков, немцев и чехов с запада на восток Украины.

Резяпова А.С. Крестьянское восстание в селе Мариенталь (март 1921 г.) // Новый век: история глазами молодых. Вып. 11. – Саратов, 2013. – С. 285–292.

Российские немцы в этнокультурной палитре Томского Севера: Александровский район: Сб. ст. / Ред. О.М. Рындина. – Томск: Изд-во Томск. гос. ун-та, 2014. – 84 с., ил.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие
Рындина О.М. Потенциал этнографической практики в процессе изучения российских немцев 6
Рындина О.М. Раскулачили заодно (о Карле Генриховиче Биттнере) 11
Заковряшина Е.С. В Назино прожили всю жизнь (о Лидии Карловне Шишковой) 14
Рындина О.М. Дружба, начавшаяся в Поволжье (о Мине Андреевне Штумпф). 17
Рындина О.М. Веру пронес сквозь всю жизнь (об Иване Ивановиче Юнемане). 20
Чарышова М.Ю. Кровь – не вода (о Кларе Валентиновне Вайгант и Александре Валентиновиче Бахмане) 24
Ефремова В.С. «Раньше было лучше» (о Владимире Александровиче Вернере). 28
Жукова М.Г. Время было тяжелое (об Ирине Филипповне Геллерт) 31
Кретова С.А. Чувство, проверенное жизнью (об Эмили Федоровне и Александре Александровиче Горст) 34
Чарышова М.Ю. Неунывающая женщина (об Анне Федоровне Дортман) 39
Махнева А.И. Перипетии судьбы (об Элле Петровне Иост). 42
Фаллер Ю.В. Человек с большой долей ответственности (об Андрее Андреевиче Крамере) 46
Жукова М.Г. Главное мужское ремесло (о Гергардте Гергардтовиче Латтегане) 49
Рындина О.М. Длинный путь парохода «Карл Маркс» (об Анне Филипповне Лебзак) 52
Рындина О.М. «…Вы хорошие люди» (об Эрне Карловне Лейман) 56
Махнева А.И. Глубокие корни (о Лидии Валентиновне Матыциной) 60
Рындина О.М. Немецко-хантыйская песня (об Эрне Александровне Пырчиной) 65
Заковряшина Е.С. На благо здоровья людей (об Эмме Яковлевне Роо) 69
Рындина О.М. «Оставайся хозяином!» (об Альберте Генриховиче Симоне) 71
Александрина И.А. «Под колпаком у органов» (о Герарде Иосифовиче Эберсе) 76
Рындина О.М. Библейское имя и мастерство (об Иосифе Ивановиче Эберсе). 79

Российские немцы: 50 лет послевоенному общественному движению. От первых делегаций в правительство через «Возрождение» к современной системе Самоорганизации (1964–2014 гг.): Материалы 5-й междунар. науч.-практ. конф., Москва, 11–16 февр. 2015 г. / Сост., науч. ред. д-р ист. наук, проф. А.А. Герман. –М.: МСНК-пресс, 2015. – 480 с.

Предисловие 11

ИСТОРИЧЕСКИЙ ПУТЬ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВЕННОГО ДВИЖЕНИЯ РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ

Герман А.А. (Саратов). Исторический путь послевоенного национального движения российских немцев: общий анализ 17
Вормсбехер Г.Г. (Москва). Указ Президиума Верховного Совета СССР от 29 августа 1964 г. как фактор зарождения послевоенного общественного движения российских немцев 39
Бугай Н.Ф. (Москва) Формирование политической культуры российских немцев в условиях переселения и реабилитации (1960–1990-е гг.). 64
Мусагалиева А.С. (Астана). Попытки самоорганизации немцев в условиях целинной эпопеи в Казахстане и их результаты 76
Кригер В. (Гейдельберг). «От мысли о восстановлении АССР НП до мысли об эмиграции…»: Предыстория появления одного из ключевых документов национального движения немцев СССР, 1973 г. 85
Шумилова Л.Н. (Энгельс). Формирование и функционирование политической элиты российских немцев в перестроечные годы (1988–1990 гг.) 88
Скучаева О.Е. (Энгельс). Немецкий вопрос» в Поволжье (конец 1980-х – начало 1990-х гг.). . 93
Вормсбехер Г.Г. (Москва). От «Возрождения» к I Съезду немцев СССР (из истории общественного движения российских немцев) 105

Иларионова Т.С. (Москва). Время надежды и выбора: к истории общества «Возрождение» и съездов российских немцев (1989–1993 гг.)
Кретинин С.В. (Воронеж). «Советские немцы» в политике Министерства по делам изгнанных, беженцев и жертв войны Западной Германии в 1960-е гг. 145
Пивоваров Н.Ю. (Москва). Политика ЦК КПСС в отношении «советских» немцев (1987–1990 гг.) 151
Иларионова Т.С. (Москва). 25 лет новой межнациональной политики России: российские немцы в концепциях теоретиков и практические решения 160
Вашкау Н.Э. (Волгоград). Эмиграционное движение из Волгоградской области. Последствия для региона и современное состояние 168
Ерина Е.М. (Энгельс). Роль личности в общественном движении. А.Г. Карл, создатель Общества советских немцев «Видергебурт» Энгельсского района Саратовской области 180

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ САМООРГАНИЗАЦИИ РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ В КОНФЕССИОНАЛЬНОЙ СРЕДЕ

Безносова О.В. (Москва). Самоуправление меннонитов России: от церковных советов до «Комиссии по делам веры» 187
Савин А.И. (Новосибирск). Меннониты в Советской России – Советском Союзе: 10 судьбоносных событий 209
Заватски В. (Элклар, США). Роспуск организационных структур меннонитов в России и безуспешность попыток создания самостоятельных организаций в 1917–1989 гг. *(на англ. яз.)* 228
Дик И. (Бонн, Германия). Самоорганизация немецких евангельско-баптистских и меннонитских общин в послевоенный период. . . . 253
Бургарт Л.А. (Усть-Каменогорск, Казахстан). Самоорганизация духовной жизни немцев-католиков Казахстана в середине 60-х – начале 90-х гг. XX века. 261

СОВРЕМЕННАЯ САМООРГАНИЗАЦИЯ РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ. СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ НЕМЕЦКОГО МЕНЬШИНСТВА В РОССИИ

Штралер О.Ф. (Сыктывкар). Зарождение и развитие современной системы Самоорганизации российских немцев: достижения и проблемы . 279
Мартенс Г.Г. (Москва). Современное общественное движение российских немцев. Актуальные задачи развития Самоорганизации немецкого народа России 284
Мартенс О.К. (Москва). Международный союз немецкой культуры и его роль в современной жизни и развитии Самоорганизации российских немцев. Содержательные приоритеты деятельности 295
Малиновский Л.В. (Барнаул). Немецкие национальные районы в Сибири, их хозяйственные и культурные перспективы в современной России 303
Курске В.С. (Берлин, Германия). Роль молодежных общественных организаций российских немцев по сохранению и развитию этнической идентичности 309
Нефедов Д.В. (Новосибирск). Деятельность общественных молодежных организаций в рамках Самоорганизации российских немцев (на примере молодежной организации г. Новосибирска). 316
Фаузер В.В. (Сыктывкар). Последствия депортации и новые тенденции в динамике численности российских немцев: 1939–2014 годы
Барышникова Е.А. (Новосибирск). Социальная поддержка Германией немецкого меньшинства в России 343

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МЕЖДУНАРОДНОЙ АССОЦИАЦИИ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ

Деннингхаус В. (Люнебург, Германия). Исследования истории российских немцев: кризис и перспективы развития 348
Черказьянова И.В. (Санкт-Петербург). История и культура российских немцев: мифы и фальсификации 355
Кириллов В.М. (Нижний Тагил). Депортация российских немцев в годы Второй мировой войны: научные дискуссии и фальсификация проблемы. 368
Бобылева С.И. (Днепропетровск, Украина). Развитие историографии истории немецкого населения Украины, 1991–2012 гг. 377
Зейферт Е.И. (Москва). Литература российских немцев: проблематика, поэтика, актуальные проблемы 397
Солодова В.В. (Одесса, Украина). Музей как социокультурный институт в формировании исторической памяти о причерноморских немцах (на материалах Одесского историко-краеведческого музея) 403
Черказьянова И.В. (Санкт-Петербург). 20-летие научно-информационного бюллетеня «Российские немцы» (1995–2014) 406
Сухарева О.В. (Москва). Проект «Новая иллюстрированная электронная энциклопедия российских немцев»: результаты реализации в 2014 г. Достижения, сложности, перспективы 412
Кириллов В.М. (Нижний Тагил). Проект «Объединенный электронный банк данных: репрессивная политика против российских немцев в XX веке». 415
Охотников А.Ю. (Новосибирск). Этнографическая экспедиция МСНК 2013 г.: задачи, возможности, результаты, исследовательские перспективы 419
Клец В.К. (Днепропетровск, Украина). Исследование памятников материальной культуры в бывших регионах компактного проживания немецкого населения 426
Гриков-Майер Г.Г. (Москва). Визуализация памяти. 433

ОБЩЕСТВЕННЫЕ И КУЛЬТУРНЫЕ ИНИЦИАТИВЫ БЫВШИХ РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ В СТРАНАХ СНГ И ГЕРМАНИИ

Иноятова Д. (Ташкент, Узбекистан). Развитие немецкой диаспоры в современном Узбекистане. 436

Курганская В.Д., Дунаев В.Ю. (Алматы, Казахстан). Эффективность деятельности немецких национальных объединений Казахстана как формы общественного самоуправления . . . 446

Волкова Т.П. (Алматы, Казахстан). Восприятие немцев Казахстана в Интернет-сообществе. .459

Костюк М.П. (Луцк). 40 лет историческому обществу «Волынь» в Германии 465

Эйхельберг Е. (Дюссельдорф, Германия). Перспективы развития культуры российских немцев и взаимоотношений общественных организаций благодаря новым интернет-технологиям 471

Резолюция 5-й международной научно-практической конференции «Российские немцы: 50 лет послевоенному общественному движению. От первых делегаций в правительство через «Возрождение» к современной системе Самоорганизации (1964–2014 гг.)» . . . 474

Наши авторы 477

Российские немцы: Науч.-инфор. бюл. / Отв. ред. И.В. Черказьянова. – М., 2014. – № 3–4 (79–80). – 64 с., ил.

Светозарова Н.Д. Герман Бахман и его книга «Поездка в немецкие колонии Березанского района». – СПб.: Нестор-История, 2015. – 142 с., ил.

Смирнова Т.Б. Немецкая диаспора в контексте национально-культурной политики России и Германии // Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2012 году. – М., 2013. – С. 36–41.

Смирнова Т.Б. Этническая идентичность в контексте проблемы реабилитации репрессированных народов // Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности: методология, методика и практика исследования. Программа и тез. [Конф., Томск, 14–15 окт. 2014 г.]. – Томск: Изд-во Томск. ун-та, 2014. – С. 158–160.

Смирнова Т.М. Петроградские национальные общества в годы Гражданской войны // Гражданская война в России: проблемы истории и историографии. – СПб., 2014. – С. 97–105.

Соболев В.С. Материалы журнала Д.Г. Мессершмидта об экспедиционной работе по изучению и собиранию памятников природы, истории и культуры (1718–1728) // Германия и Россия: наука, общество, политика. – Тюмень, 2012. – С. 21–23.

Супрун В.М. Традиции имянаречения в заволжских немецких колониях в конце XIX – начале XX века // Язык и прошлое народа: Сб. науч. ст. памяти проф. А.К. Матвеева. – Екатеринбург, 2012. – С. 213–229.

Тургеневские чтения. Вып. 6 / Сост., науч. ред. Е.Г. Петраш. – М.: Книжица, 2014.

От составителя 6

ИСТОРИЯ КУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЕЙ РОССИИ И ГЕРМАНИИ

Кантор В.К. Немцы и структурирование русской культуры: литературная рецепция 11

Томан И.Б. Ностальгия о «золотом веке» в русской и немецкой культуре XIX века (Заметки) . .32

Минина С.П. История культурных взаимосвязей России и Германии XIX века в переписке И.С. Тургенева и Л. Пича 53

Клуге Р.-Д. Тургенев и его немецкие друзья . .64

Чернец Л.В. Юлиан Шмидт – критик И.С. Тургенева. 75

Кратц Г. «Ася» и ее переводчики: первые сто лет. О немецких переводах и переводчиках повести «Ася» 90

Гулевич Е.В. И. Тургенев и Р. Вагнер 103

ОБРАЗ ГЕРМАНИИ В ТВОРЧЕСТВЕ И. ТУРГЕНЕВА

Швецова Т.В. «Немцы ... любопытный народец...» (Немецкая тема в «Записках охотника» И.С. Тургенева). 115

Иванова С.А. Немецкая культура в повести И.С. Тургенева «Ася» 127

Кратц Г. Генрих Ноэ – ранний переводчик Тургенева 132

Иванова Т.В. Образы Германии и России в цветописи, звуках, запахах в повестях И.С. Тургенева 1850-х годов 154

Шруба М. Тургеневский Базаров и Макс Штирнер 173

Беляева И.А. Вопрос о счастье в романе И.С. Тургенева «Отцы и дети» и «Фаусте» И.-В. Гете 188

Якушева Г.В. Фауст печального образа (по одноименным произведениям И.-В. Гете и И.С. Тургенева) 201

Лоскутникова М.Б. Телеология стиля в повести И.С. Тургенева «Фауст» 219

Ковина Т.П. Стихотворение И.С. Тургенева «К.А. Фарнгагену фон Энзе»: лингвистический аспект 239

Дубинина Т.Г. Сюжет о Дон Жуане в контексте творчества Э.-Т. Гофмана, А.С. Пушкина, И.С. Тургенева 256

Чайковская И.И. «Немецкая нота» в жизни Ивана Тургенева и Полины Виардо (к вопросу о «жизненной модели» Виардо и Тургенева) . . 262

Линдер И.М., Линдер В.И. Шахматные досуги И.С. Тургенева в Германии 278

Логвинова И.В. Изучение темы «Русские писатели в Баден-Бадене» учащимися музыкального колледжа 288

ДИАЛОГ КУЛЬТУР

Каргаполова Н.А. Международный выставочный проект «Русские и немцы. 1000 лет истории, культуры и искусства» 299

Егорова Н.А. Золотой век российского книгоиздания в Германии 312

Михайлова Е.Д. Россия – Германия. Государственный литературный музей в контексте русско-немецких культурных связей 320

Муратова Г.Н., Петраш Е.Г. «Тургенев в Германии». К опыту создания виртуальной выставки в Библиотеке-читальне им. И.С. Тургенева 325

Корольков А.А. Современная русская литература и литература русского зарубежья в наши дни. Сотрудничество и взаимодействие 339

Клочкова Е.И. По тургеневским местам Германии. 343

Бакун Д.Н. О взаимодействии библиотечных школ и направлений России и Германии . . . 351

Программа Международной научной конференции «Россия и Германия: литературные и культурные связи в XVIII–XXI веках» (Москва, 21–24 ноября 2012 года) 354

Именной указатель 361

Усачев А.С. Сигурд Оттович Шмидт и изучение книжной культуры XVI в. // Книга: исследования и материалы. – Сб. 100. – М., 2014. – С. 178–189.

Фаст А.А. Немецкий район на Алтае. 1927–1938. Док. и материалы. – Барнаул: ОАО «ИПП «Алтай», 2012. – 408 с.

Федоров Н. Справка УНКВД о политическом положении в немецких национальных районах Одесской области, сентябрь 1937 г. // Воен.-ист. архив. – М., 2014. – № 5 (173). – С. 54–59.

Фенглер Л.Г., Фенглер Н.А. Сохранение традиционной культуры немцев в условиях современного сибирского села // Традиционная культура Тарск. Прииртышья: Перспективы развития и изучения: сравнительный аспект. – Тара, 2012. – С. 49–57.

Чеботарева В.Г. Иностранные колонии в реальной ситуации крепостнической России: два стандарта в политике по отношению к немецким и русским крестьянам (1763–1870-е гг.) // Этнопанорама. – 2012. – № 1–2. – С. 2–14.

Черказьянова И.В. Диссертация Эриха Коха о петербургских колонистах: между наукой и политикой // Рос. немцы: Науч.-инфор. бюл. – М., 2014. – № 3–4 (79–80). – С. 17–20.

Черказьянова И.В. Ленинградский период деятельности Е.Г. Кагарова: вклад в изучение этнографии немцев СССР // Харківськ. історіографіч. збірн. – Вып. 13. – Харьков: Харьковск. нац. ун-т, 2014. – С. 180–203.

Черказьянова И.В. Формирование общероссийской идентичности петербургских колонистов в XIX – начале XX в. // Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности: методология, методика и практика исследования. Программа и тез. [Конф., Томск, 14–15 окт. 2014 г.]. – Томск: Изд-во Томск. ун-та, 2014. – С. 72–74.

Чернова-Дёке Т. Немцы «за Кавказом»: своеобразие становления анклава колоний на окраине Российской империи // Германия и Россия: События, образы, люди: сб. рос.-герм. исследований: Вып. 10 / Под ред. С.В. Кретинина. – Воронеж: Истоки, 2014. – С. 9–27.

Чуракова Е.А. Влияние протестантизма на этноконфессиональное пространство Удмуртии // История культуры в университетском образовании: пед. опыт и соврем. науч.-образоват. практики. – Ижевск, 2013. – С. 183–185.

Шевчук Н.А. Деятельность ЦК Союза немецких колонистов Причерноморья в годы гражданской войны (1918–1919 гг.) // Немцы Украины на пути возрождения: Материалы междунар. науч.-практ. конф. «Немецкое национально-культурное движение в Украине: история и перспективы». Киев, 24–26 сент. 2010 г. / Под ред. А.А. Дынгеса. – Киев, 2013. – С. 164–187.

Шнайдер В.Г. Некоторые черты духовной жизни немцев Армавира с конца XIX века и до 1914 г. // Межэтническое взаимодействие на Сев. Кавказе в контексте становления и развития рос. государственности. – Армавир, 2014. – С. 230–235.

Шрадер Т.А. Леопольд Радлов в Этнграфическом музее Академии // Европ. культурное пространство в коллекциях МАЭ. – СПб., 2013. – С. 75–78.

Этноконфессия в советском государстве. Меннониты Сибири в 1940–1980-е годы: религиозные диссиденты. Док. и материалы / СО РАН, Ин-т истории; сост., науч. ред. А.И. Савин. – Новосибирск: Посох, 2015. – 559 с., табл.

«Я гостем приехал в вашу страну...» Немецкие антифашисты в Советском Союзе. 1933–1956 гг.: Каталог к выставке / Сост. В. Хеделер, И. Мюнц-Кёнен. – М.: РОССПЭН, 2013. – 127 с., ил., факс.

Burgart L. Die Deutschen Katholiken in Kasachstan (vom Ende des XIX. Jahrhundert bis 1941). Die wichtige Mosaiksteine ihrer Geschichte / Übersetzung aus dem Russischen von Johannes Herzog // Wanner Michael. Gedenkbuch Kasachstan. Staatsterror an den Deutschen in den Jahren 1919–1953 auf dem Territorium der heutigen Republik Kasachstan. Russlanddeutsche Zeitgeschichte. Bd. 13. – Nürnberg, 2015. – S. 16–42.

Deutsche Siedler um St. Petersburg: eine historische Kulturlandschaft: Ausstellungskatalog = Немецкие поселенцы под Санкт-Петербургом: исторический и культурный ландшафт: кат. выставки / Ред. и сост. И.В. Черказьянова; авторы вступ. ст. И.В. Черказьянова, Т.А. Шрадер. – СПб.; Детмольд, 2014. – 380 с., ил. (парал. тексты; нем., рус.)

Deutsche Siedler um St. Petersburg: eine historische Kulturlandschaft: Ausstellungskatalog = Немецкие поселенцы под Санкт-Петербургом: исторический и культурный ландшафт: кат. выставки / Ред. и сост. И.В. Черказьянова; авторы вступ. ст. И.В. Черказьянова, Т.А. Шрадер. – 2-е доп. и исправ. изд. – СПб., 2018. – 380 с., ил. (парал. тексты; нем., рус.)

Pełczyński G. Ewangelikalizm w Rosji (XIX–XX wiek). – Poznań: Wydaw.nauk. UAM, 2012. – 261 s., il. (Ser. Etnologia i antropologia kulturowa / Uniw. im Adama Mickewicya w Poznaniu; № 28).

История протестантизма в России в XVIII–XX вв., баптисты, штундисты, пятидесятники, лютеране.

БИБЛИОГРАФИЯ, РЕЦЕНЗИИ

Составитель И.В. Черказьянова

Литература по истории петербургских колоний

Алфавитный список селений, по уездам и станам Санкт-Петербургской губернии, сост. при губернском статистическом комитете. – СПб.: Тип. Губ. правл., 1856.

Аман А.П., Штейнер И.Н. Гражданка // St. Petersburgische Zeitung. – 1993. – № 5 (26).

Андрейчева В. На землях графини Шуленбург. Из истории Ново-Александровской немецкой колонии // Санкт-Петербургск. вед. – 2012. – 3 февр.

Атлас города Царского Села, с планами города и императорских садов и парков / Сост. полковник Н. Цылов. – СПб., 1858. – [5] с., 82 л. план., 1 л. порт.

Бахмутская Е.В. Немецкие колонии Санкт-Петербургской губернии. 1760-е – 1870-е гг.: Автореф. дис. … канд. ист. наук. – СПб., 2003. – 30 с.

Бахмутская Е.В. Немецкие колонисты в России // Немцы в России / Отв. ред. Г.И. Смагина. – СПб., 2004. – С. 238–253.

Бахмутская Е.В., Шрадер Т.А. Санкт-Петербургские колонии // Немцы России: Энцикл. – Т. 3: «П–Я». – М., 2006. – С. 382–391.

Браун А., Штейнер И. Петергофская колония. Ч. 2 // St. Petersburgische Zeitung. – 1994. – № 4 (37). – С. 11.

Буданов М., Штейнер И. По специальным проектам. Некоторые особенности архитектурного стиля домов и общественных зданий немецких колоний Санкт-Петербургской губернии // St. Petersburgische Zeitung. – 1994. – № 11 (44). – С. 11.

Быт и культура российских немцев в музеях Санкт-Петербурга: Свод. кат. / Отв. ред. А.С. Мыльников, Т.А. Шрадер. – СПб: Наука, 2003. – 144 с., ил.

Ваилуа Г.П. Немецкие колонисты на берегах Невы // Немцы в Санкт-Петербурге: Биограф. аспект. XVIII–XX вв. Вып. 8 / Отв. ред. Т.А. Шрадер. – СПб., 2014. – С. 261–276.

Васильев Л. Ораниенбаумский район Ленинградской области. – Л., 1939. – 44 с.

Вересов К. Ордена Ленина колхоз имени Обкома МОПР Красносельского района Ленинградской области. – Л., 1940. – 112 с.

Весь Петербург. Адресная и справочная книга на 1902 год. – СПб., 1902. – 932 с.

Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. 3, ч. 1–3. Санкт-Петербургская губерния. – СПб., 1851.

Гейрот А. Описание Петергофа. – СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1868. – [8], IV, [2], 132, VI с., 38 л. ил., порт., план.

Георги И.Г. Описание российско-императорского столичного города Санктпетербурга и достопамятностей в окрестностях онаго. – СПб., 1794. – [8], XI, [15], 757 с.

Гернет А. Немецкая колония Стрельна под С.-Петербургом. 1810–1910. Пер. с нем. – СПб., 1910. – 29 с.

Глезеров С.Е. Лесной, Гражданка, Ручьи, Удельная. – М.; СПб.: Центрполиграф МиМ-Дельта, 2006. – 480 с., ил.

Глезеров С.Е. Неизвестная Гражданка. Люди и судьбы / Муниципал. совет муниципал. образования Гражданка. – СПб., 2008. – 288 с., ил.

Глезеров С.Е. Хутор Бич и его обитатели // Санкт-Петербургск. вед. – 2006. – 22 дек.

Горбатенко С.Б. Архитектура Стрельны. – 2-е изд. – СПб.: Европ. Дом, 2008. – 376 с., ил.

Горбатенко С.Б. Петергофская дорога. Историко-архитектурный путеводитель. – СПб.: Истор. иллюстрация; Европ. Дом, 2013. – 528 с., ил.

Горбатенко С.Б. Петергофская колония. Ч. 1 // St. Petersburgische Zeitung. – 1994. – № 3 (36).

© И.В. ЧЕРКАЗЬЯНОВА. ЕЖЕГОДНИК МАИИКРН. 2015 Г. № 1. С. 383–389.

Горбатенко С.Б. Проблема реабилитации культурного ландшафта «большого» Петербурга. Немецкие колонии в Стрельне // Социальн. участие при разработке и реализации региональн. программ развития (теорет. и практ. подходы): Материалы Всерос. науч.-практ. конф. – М., 2000. – С. 44–55.

Грибкова Р. (ур. Эйдемиллер), Штейнер И. Среднерогатская колония. Дополнительные материалы // St. Petersburgische Zeitung. – 1995. – № 6 (50). – С. 11.

Гущин В. Александринская колония // St. Petersburgische Zeitung. – 1994. – № 5 (38). – С. 11.

200 лет Стрельне // Деловые партнеры. – 2010. – № 5-6. – С. 36–37.

Дмитриев С.В. Материалы партархива Института марксизма-ленинизма при Ленинградском обкоме КПСС о немцах (1920-е годы) // Немцы Сибири: история и культура: Материалы Всерос. науч.-практ. конф. – Омск, 1993. – С. 62–68.

Дынина Е.В. Жили Шефферы и Берчи… Колонистский поселок на 11-й версте // История Петербурга. – 2007. – № 1 (35). – С. 28–37.

Жейдс Э. Из истории кладбища в Новосаратовке // Der Bote = Вестник. – 2007. – № 1. – С. 31.

Иванова Н.И. Немецкие колонии // Немцы Санкт-Петербург. губернии XVIII–XX вв. – СПб.: ИВЭСЭП, 2008. – С. 134–148.

Иванова Н.И. Немцы в Санкт-Петербурге и окрестностях (материалы исследования). – СПб.: Знак, 1999. – 84 с.

Иванова Н.И. Немцы Санкт-Петербургской губернии. XVIII–XX вв. – СПб.: ИВЭСЭП, 2008. – 203 с.

Иванова Н.И. Путеводитель по немецким колониям Санкт-Петербургской губернии. – СПб.: Нестор-История, 2015. – 368 с., ил.

Игошкина П. Как мы получаем высокий урожай овощей. Опыт работы колхоза «Роте Фане» Красносельского района Ленинградской области. – Л.: Лениздат, 1940. – 48 с., ил.

Из районов области сообщают… Свободные от оккупации районы Ленинградской области в годы войны Великой Отечественной войны. 1941–1945: Сб. док. / Отв. ред. А.Р. Дзенискевич; отв. сост. Н.Ю. Черепенина. – СПб.: Дм. Буланин, 2007. – 628 с.

К столетию колонии Стрельна // Всемирное обозрение. – 1910. – № 43. – С. 8.

Кёппен П. Об инородческом, преимущественно немецком населении Санкт-Петербургской губернии // Журн. МВД. – 1850, ч. 2. – С. 181–209.

Князева Е.Е. Материалы РГИА по истории лютеранских сельских приходов на территории Петербургской губернии в связи с переселением немцев // Материалы междунар. науч. конф., Анапа, 26–30 сент. 1997 г. / Ред. И.Р. Плеве, А.А. Герман. – М., 1998. – С. 63–72.

Князева Е.Е., Соловьева Г.Ф. Лютеранские церкви и приходы в России XVIII–XX вв.: Ист. справ. Ч. 1. – СПб.: Литера, 2001. – 296 с.

«Колония шестидесяти» // Der Bote = Вестник. – 2007. – № 1. – С. 30.

Колпино в старых открытках / Сост. Л.Д. Бурим. – СПб.: ЮПИ, 2012. – 15, [2] с., [30] л. цв. ил. (Сер.: Северная столица в старых открытках).

Колпино. Селение Ижорских адмиралтейских заводов. – СПб.: Тип. Крыловской, 1854. – 70 с.

Колхозное строительство в Ленинградской области: Сб. ст. – [Л.]: Прибой, 1930. – 126 с.

Красногородцев С. Немцы на «мызе Парголовой» // St. Petersburgische Zeitung. – 1993. – № 8 (41); 9 (42).

Лебедева Е.В. К вопросу об экономическом развитии немецких колоний Санкт-Петербургской губернии (вторая половина XVIII–XIX вв.) // Рос. немцы. Историография и источниковедение: Материалы междунар. науч. конф., Анапа, 4–9 сент. 1996 г. / Ред. И.Р. Плеве, А.А. Герман. – М., 1997. – С. 158–173.

Лебедева Е.В. Образование немецких колоний в Санкт-Петербургской губернии (вторая половина XVIII – начало XX в.) // Немцы в России: Петербургские немцы: Сб. науч. ст. / Отв. ред. Г.И. Смагина. – СПб., 1999. – С. 233–245.

Лебедева Е.В. Община немецких колонистов и российское государство в XVIII–XIX вв.: эволюция взаимоотношений (на примере колоний Северо-Запада) // Рос. государство, общество и этнические немцы: основные этапы и характер взаимоотношений (XVIII–XXI вв.): Материалы XI междунар. науч. конф., Москва, 1–3 нояб. 2006 г. / Под ред. А.А. Германа. – М., 2007. – С. 59–71.

Лебедева Е.В. Организация приема и расселения немецких колонистов в Санкт-Петербургской губернии в период правления императора Александра I // Миграцион. процессы среди рос. немцев: истор. аспект: Материалы междунар. науч. конф., Анапа, 26–30 сент. 1997 г. / Ред. И.Р. Плеве, А.А. Герман. – М., 1998. – С. 73–89.

Лебедева Е.В. От богатых колоний – к передовым колхозам // Gemeinschaft = Содружество. – № 1. – М., 2011. – С. 22–23.

Лебедева Е.В. Правительственная политика в сфере управления иностранными поселениями в России. 1760-е – 1870-е гг. (на примере немецких колоний Санкт-Петербургской губернии) // Немцы Санкт-Петербурга: наука, культура, образование / Отв. ред. Г.И. Смагина. – СПб., 2005. – С. 117–128.

Лебедева Е.В. Фактор Петербурга в экономической, социальной и духовной жизни подстоличных немецких колоний // Ключевые проблемы истории рос. немцев: Материалы X междунар. науч. конф., Москва, 18–21 нояб. 2003 г. / Под ред. А.А. Германа. – М., 2004. – С. 357–371.

Лебедева Е.В. Этносоциальные процессы в немецкой и финской деревне Северо-Запада в XVIII–XIX вв.: сравнительный анализ // Рос. немцы в инонациональном окружении: проблемы адаптации, взаимовлияния, толерантности: Материалы междунар. науч. конф., Саратов, 14–19 сент. 2004 г. / Науч. ред. А.А. Герман. – М., 2005. – С. 157–173.

Ленинградская область на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке / Сост. Б.О. Борохович, С.М. Букасов, К.Н. Вересов и др. – Л.: Лениздат, 1939. – 444 с., ил.

Люст А. Первое крестьянское сельскохозяйственное общество в Новгородской губернии // Вестн. Новгородск. земства. – 1901. – № 13. – С. 31–36.

Лютеранское кладбище Стрельнинской немецкой колонии: путеводитель / Сост. И.А. Архипченко-Эйдемиллер. – СПб.: Политехника-сервис, 2010. – 48 с., ил.; 2-е изд., доп., расш. – СПб.: Политехника-сервис, 2014. – 80 с., ил. (рус., нем.)

Материалы о городах придворного ведомства. Город Павловск и мыза Стрельно. – СПб., 1882. – [3], 60 с.

Материалы о городах придворного ведомства. Город Петергоф. – СПб., 1882. – [3], 140 с.

Михлек В. Слуцкий район Ленинградской области. – Л., 1939. – 56 с.

Найдич Л.Э. Быт и образ жизни немецких колонистов под Петербургом // Немцы в России. Люди и судьбы / Отв. ред. Л.В. Славгородская. – СПб., 1998. – С. 101–107.

Немецкая колония в Стрельне под Санкт-Петербургом (Страницы истории XIX–XX веков) / Сост. М.В. Левицкая. – СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2006. – 143 с., ил.; [2-е изд., доп.]. – СПб., 2010. – 238 с., ил.

Немецкая колония в Новосаратовке под Санкт-Петербургом. Страницы истории XIX–XX веков. 2 изд., перераб. и доп. / Сост. С.А. Шмидт. – СПб., 2013. – 352 с.

Обзор деятельности Стрельнинского ссудо-сберегательного товарищества за 25 лет. – СПб., 1901. – 23 с.

Обзор развития земско-медицинских учреждений в Санкт-Петербургской губернии с 1865 по 1880 г. – СПб.: Тип. В.С. Балашова, 1882. – [3], 380 с., 7 л. табл.

Павильон «Ленинград и Северо-Восток РСФСР»: Путеводитель / ВСХВ. – М., 1939. – 48 с.

Павловск. Очерк истории и описание. 1777–1877. – СПб., 1877. – 526 с., ил. (рус., фр.).

Памятная книжка Санкт-Петербургской губернии на … [1868, 1898, 1905 г.]. – СПб., [1868, 1898, 1905].

Парголово / Сост. П.Н. – СПб., 1867. – 22 с., карта.

Петербургские дачные местности в отношении их здоровости / Изд. В. Симанского. – СПб.: Тип. В.В. Комарова, 1881. – [4], 56 с.

Плюхина М. К немецким колониям в Петергофе // St. Petersburgische Zeitung. – 1993. – № 10 (43). – С. 11.

Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1–3-е. – СПб., [1830–1916].

Поляков Е. Всеволожский район Ленинградской области. – Л., 1939. – 60 с.

Почетная книга Всесоюзной сельскохозяйственной выставки. РСФСР. Т. 15: Ленинградская область. – М., 1940. – 158 с.

Пузейкина Л.Н. Немцы в Санкт-Петербургской губернии. История, язык, песни. – СПб.: Нестор-История, 2013. – 384 с., ил.

Пузейкина Л.Н. Мы пели, мы жили, мы

были… Песни немецких колонистов Петербургской и других губерний России. – СПб.: Нестор-История, 2015. – 192 с., ил.

Путеводитель по дачным местностям, водолечебным заведениям и морским купаниям в окрестностях Санкт-Петербурга и по железным дорогам Финляндской и Варшавской. – СПб., 1889. – С. 159–160.

Путеводитель по Петергофу, его окрестностям, садам и паркам на 1888 год / Под ред. П.П. Алексеева. – СПб., 1888. – [2], 42, 22 с., 1 л. план., ил.

Санкт-Петербургская губерния / Автор-сост. Е.Н. Кулагина. – СПб.: Лики России, 2011. – 312 с., ил. (Страницы истории Ленинградской области).

Санкт-Петербургское купечество и торгово-промышленные предприятия города к 200-летнему юбилею столицы. Ил. альманах / Сост. А.С. Шустов. – СПб., 1903. – 432 с., разд. паг., ил.

Семенова Г.В. Немецкая мануфактура-колония Фриденталь в Царском Селе // Россия – Германия: пространство общения: Материалы X Царскосельск. науч. конф., 2004 г. – СПб., 2004. – С. 379–390.

Семенова Г. Царское Село: знакомое и незнакомое. – М.: Центрполиграф, 2009. – 640 с., ил.

Сементковский Р.И. Е.Ф. Канкрин, его жизнь и государственная деятельность. Биограф. очерк. – СПб., 1893. – IV, 94, [4] с.

Сизенов Е.П., Ефимов Г.А., Иволга Р.С. Подвигу твоему, Колпино. – СПб.: Серебряный век, 2010. – 216 с.

Смирнова Т.М. Национальность – питерские. Национальные меньшинства Петербурга и Ленинградской области в XX веке. – СПб.: Сударыня, 2002. – 584 с., ил.

Списки населенных мест Российской империи. Т. 37: Санкт-Петербургская губерния: по сведениям 1862 года / Ред. И. Вильсон. – СПб., 1864. – 254 с., [1] л. цв. карт., [1] л. цв. план.

Список начальных школ и средне-учебных заведений Ленинградской области. 1932 г. – Л., 1932. – 90 с.

Список фабрично-заводских заведений Санкт-Петербурга (к плану 1914 г.). – СПб., 1914. – 38 с.

Статистический сборник по Санкт-Петербургской губернии. 1895 год. Вып. 1: Сельское хозяйство и крестьянские промыслы в 1894–1895 сельскохозяйственном году. – СПб., 1896. – [8], 228, 90 с., 7 л. диагр., карт.

Стрельнинская немецкая колония под Санкт-Петербургом (200-летию основания посвящается): Кат. образовательной выставки / Сост., науч. ред. И.В. Черказьянова; авт. вступ. ст. Е.В. Лебедева. – СПб., 2010. – 80 с., ил.

Сысоева Н.М. Немецкая колония Овцыно: прошлое и настоящее // Немцы в Санкт-Петербурге (XVIII–XX века): Биограф. аспект. Вып. 3 / Отв. ред. Т.А. Шрадер. – СПб., 2005. – С. 289–308.

Терехин С.О. Поселения немцев в России. Архитектурный феномен. – Саратов: Кадр, 1999. – 216 с., ил.

Толмачева В.А., Степаненко О.А. Русские немцы из Стрельны // Константиновские чтения – 2010 (к 510-летию Стрельны): Сб. материалов науч. конф. 27 окт. 2010 г. – СПб.; Стрельна, 2010. – С. 60–72.

Устав богадельни и сиротского приюта, учрежденных в память священного коронования их императорских величеств государя императора Николая Александровича и государыни Александры Федоровны, в Новосаратовской колонии С.-Петербургского уезда и Общества той же колонии для содержания означенных богоугодных заведений. – [СПб., 1902]. – 20 с.

Устав Ново-Саратовской похоронной кассы (С.-Петербургского уезда). Утв. 13 сент. 1875 г. – [СПб., 1875]. – 21 с. (рус., нем.)

Устав II Новосаратовской похоронной кассы (С. Петербургской губернии) = Statuten der II. Neu-Saratowischen Sterbekasse (Gouvernement St. Petersburg). Утв. 31 дек. 1878 г. – СПб., 1879. – 21 с. (рус., нем.)

Устав III Новосаратовской похоронной кассы (С. Петербургской губернии) = Statuten der III. Neu-Saratowischen Sterbekasse (Gouvernement St. Petersburg). Утв. 20 янв. 1891 г. – [СПб., 1891]. – 29 с. (рус., нем.)

Устав пятой Новосаратовской похоронной кассы. С.-Петербургской губернии. – СПб.: Тип. т-ва «Народная польза», 1899. – 15 с.

Устав VII Ново-Саратовской похоронной кассы С. Петербургской губернии. Утв. 3 авг. 1910 г. – Тип. А. Реннита в Феллине, [1910]. – 14 с.

Устав Среднерогатской (С.-Петербургского уезда) похоронной кассы. Утв. 17 янв. 1892 г. – [СПб., 1892]. – 15 с.

Устав Стрельнинского ссудо-сберегательного товарищества. Утв. 24 окт. 1875 г. – [СПб., 1875].

Федорук Н.С. Немецкие колонии Новгородской губернии в XIX – первой половине XX в. // Рос. немцы: Науч.-инф. бюл. – М., 2011. – № 4 (68). – С. 11–15.

Царское Село. Путеводитель / Сост. С.Н. Вильчковский. – [СПб., 1910]. – [4], 277 с., 98 л. ил., карт.

Черказьянова И.В. Военная судьба немцев Ленинграда и Ленинградской области (1941–1945) // Начальный период Великой Отечественной войны и депортация рос. немцев: взгляды и оценки через 70 лет: Материалы 3-й междунар. науч.-практ. конф., Саратов, 26–28 авг. 2011 г. – М.: МСНК-пресс, 2011. – С. 493–520.

Черказьянова И.В. Выставка о Стрельне: методика реконструкции истории исчезнувшего поселения // BIZ-Bote. – № 1–2. – М., 2012. – С. 52–59.

Черказьянова И.В. Выставка «Стрельнинская немецкая колония под Санкт-Петербургом»: опыт реконструкции истории исчезнувшего поселения // Вісн. Одеськ. істор.-краєзнавчого музею. – № 10. – Одесса, 2011. – С. 142–146.

Черказьянова И.В. Депортация немцев из Ленинграда и Ленинградской области // «Выселить с треском». Очевидцы и исследователи о трагедии рос. немцев: Сб. науч. ст. и воспоминаний / Под ред. А.А. Германа и О.Ю. Силантьевой. – М., 2011. – С. 215–241.

Черказьянова И.В. Диссертация Эриха Коха о петербургских колонистах: между наукой и политикой // Рос. немцы: Науч.-инф. бюл. – М., 2014. – № 3-4 (79–80). – С. 17–20.

Черказьянова И.В. Ленинградские немцы в годы войны: события 1941–1942 гг. // Немцы в Санкт-Петербурге: Биограф. аспект. XVIII–XX вв. Вып. 7 / Отв. ред. Т.А. Шрадер. – СПб., 2013. – С. 321–348.

Черказьянова И.В. Ленинградский период деятельности Е.Г. Кагарова: вклад в изучение этнографии немцев СССР // Харківськ. історіографічн. збірник. Вып. 13. – Харьков: Харьковск. нац. ун-т, 2014. – С. 180–203.

Черказьянова И.В. Ленинградские немцы: судьба военных поколений. 1941–1955 гг. – СПб.: Нестор-История, 2011. – 400 с., ил.

Черказьянова И.В. Немецкая колония в Стрельне: образы прошлого и настоящего // Константиновские чтения – 2010 (к 510-летию Стрельны): Сб. материалов науч. конф. 27 окт. 2010 г. – СПб.; Стрельна, 2010. – С. 112–129.

Черказьянова И.В. Формирование общероссийской идентичности петербургских колонистов в XIX – начале XX в. // Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности: методология, методика и практика исследования. Программа и тез. [Конф., Томск, 14–15 окт. 2014 г.]. – Томск, Изд-во Томск. ун-та, 2014. – С. 72–74.

Швецова М. Столетний юбилей [Среднерогатской колонии] // Петербургск. листок. – 1866. – № 123. – С. 2.

Шеффер В.Ф., Штейнер И.Н. Стрельнинская немецкая колония // St. Petersburgische Zeitung. – 1993. – № 4 (25).

Шефер К.Р. Шеферский переулок, дом 6 // История Петербурга. – 2007. – № 1 (35). – С. 33–37.

Шкаровский М.В., Черепенина Н.Ю. История Евангелическо-Лютеранской Церкви на Северо-Западе России (1917–1945). – СПб.: Дм. Буланин, 2004. – 384 с., ил.

Шрадер Т.А. Архивные и печатные источники о немцах Петрограда-Ленинграда с 1917 до середины 1930-х годов // Рос. немцы. Историография и источниковедение: Материалы междунар. науч. конф., Анапа, 4–9 сент. 1996 г. / Ред. И.Р. Плеве, А.А. Герман. – М., 1997. – С. 165–171.

Шрадер Т.А. Из истории немецких культурных организаций Петрограда-Ленинграда после 1917 г. // Немцы в России. Петербургские немцы / Отв. ред. Г.И. Смагина. – СПб.,1999. – С. 443–451.

Шрадер Т.А. «Немецкое засилье» и борьба с ним в Петрограде и губернии в годы Первой мировой войны // Немцы в Санкт-Петербурге: биограф. аспект. Вып. 5 / Под ред. Т.А. Шрадер. – СПб., 2009. – С. 240–247.

Шрадер Т.А. Немцы Петрограда / Ленинграда и Петроградской / Ленинградской губернии в первые годы советской власти // Рос. немцы. Историография и источникове-

дение: Материалы междунар. науч. конф., Анапа, 4–9 сент. 1996 г. / Ред. И.Р. Плеве, А.А. Герман. – М., 1997. – С. 339–405.

Шрадер Т.А. Поселения немецких крестьян-колонистов в Петербургской губернии в XIX и в первые два десятилетия XX века // Немцы в России. Люди и судьбы / Отв. ред. Л.В. Славгородская. – СПб., 1998. – С. 81–100.

Шрадер Т.А. Правовая и культурная адаптация немецких колонистов в Петербургской губернии в пореформенное время // Петербург и губерния: ист.-этнограф. исследования / Сост., отв. ред. Н.В. Юхнева. – Л., 1989. – С. 132–139.

Шрадер Т.А. Результаты аграрной политики царского правительства в Петроградской губернии в годы Первой мировой войны // Миграцион. процессы среди рос. немцев: истор. аспект: Материалы междунар. науч. конф., Анапа, 26–30 сент. 1997 г. / Ред. И.Р. Плеве, А.А. Герман. – М., 1998. – С. 196–204.

Шрадер Т.А. Социально-экономическое положение немецких колонистов Петроградской губернии (Ленинградской области) в 1920–1930-е годы // Немцы России в контексте отечеств. истории: общие проблемы и регион. особенности: Материалы междунар. науч. конф., Москва, 17–20 сент. 1998 г. / Науч. ред. И.Р. Плеве, А.А. Герман. – М., 1999. – С. 156–173.

Шрадер Т.А. Школьное образование в немецких колониях Ленинградской губернии в 1920-е годы // Немцы и развитие образования в России / Отв. ред. Г.И. Смагина. – СПб., 1998. – С. 260–267.

Шрадер Т.А. Этнокультурные процессы в среде немецких колонистов Петербургской губернии / Ленинградской области. XIX–XX вв. // Этноконфессиональная карта Ленинградск. области и сопредельных территорий – 2: Третьи Шёгреновские чтения: Сб. ст. / Сост. и науч. ред. С.Б. Коренева, О.М. Фишман. – СПб., 2009. – С. 155–172.

Шрадер Т., Штейнер И. Колонии близ Ямбурга // St. Petersburgische Zeitung. – 1993. – № 7 (40).

Штейнер И. «Извар». «Этюп» // St. Petersburgische Zeitung. – 1993. – № 9 (30). – С. 10.

Штейнер И. Колонии в окрестностях Петергофа // St. Petersburgische Zeitung. – 1994. – № 6 (39). – С. 11.

Штейнер И.Н. Немецкие колонии вдоль Петергофской дороги // St. Petersburgische Zeitung. – 1993. – № 10 (31).– С. 10.

Штейнер И.Н. Немецкие колонии под Ораниенбаумом // St. Petersburgische Zeitung. – 1993. – № 2 (35). – С. 11.

Штейнер И. Ново-Саратовская колония // St. Petersburgische Zeitung. – 1993. – № 6 (27).

Штейнер И. «Фриденталь» в Царском Селе // St. Petersburgische Zeitung. – 1993, март. – С. 10.

Штейнер И., Вернер А. Среднерогатская немецкая колония // St. Petersburgische Zeitung. – 1993. – № 8 (28). – С. 10.

Amburger E. Aus dem Kirchenbuch der Kolonie Neu-Saratowka bei St. Petersburg // Baltische familiengeschichtliche Mitteilungen. – 1938. – H. 1. – S. 6–7.

Amburger E. Die Pastoren von Neu-Saratowka // Der Auslandsdeutsche. – 1936. – H. 19. – S. 634.

Atlas der evangelisch-lutherischen Gemeinden in Russland. – St. Petersburg, 1855.

Bericht über die Evangelische Anstalt Bethesda in Strelna bei St. Petersburg für das Jahr … [1909–1910]. – St. Petersburg, [1910–1911].

Das hundertjährige Jubiläum der Kolonien Nuesaratoffka, Srednerogatka und Ishora bei St. Petersburg. 1766–1866. – [СПб., 1869].

Deutsche Siedler um St. Petersburg: eine historische Kulturlandschaft: Ausstellungskatalog = Немецкие поселенцы под Санкт-Петербургом: исторический и культурный ландшафт: кат. выставки / Ред. и сост. И.В. Черказьянова; авторы вступ. ст. И.В. Черказьянова, Т.А. Шрадер. – СПб.; Детмольд, 2014. – 380 с., ил.; 2-е доп. и испр. изд. – СПб., 2015. – 380 с., ил.

[Die deutsche Kolonie Neu-Saratowka] // St. Petersburgische Zeitung. – 1866. – 14. August. – S. 1.

Die deutschen Siedlungen in der Sowjetunion / Ausgearb. und hrsg. von der Sammlung Georg Leibbrandt. T. 1: Umgebung von Petersburg. – Berlin, 1941. – 18 S.

Die evangelische Sommerkapelle und Kinderheim in Pargala während des Sommers … [1882–1894]. – [СПб., 1883–1895].

Koch E. Die deutschen Kolonien Nordrußlands. Eine siedlungs-wirtschaftsgeographische und kulturhistorische Untersuchung: Inaugural-Dissertation. – Gera, [1932]. – 105 S. [Во всех изданиях книги после с. 32 следует с. 80 – *сост.*].

Köppen P. Erklärender Text zu der ethnographischen Karte der St. Petersburger Gouvernement. – St. Petersburg, 1867. – S. 107–114.

Lebedeva E. Arbeitsethik und Wirtschaftsverhalten der russischen, deutschen und finnischen Bauern in der St. Petersburger Region // Gemeinsam getrennt. Bäuerliche Lebenswelten des späten Zarenreiches in multiethnischen Regionen am Schwarzen Meer und an der Wolga / Hrsg.: V. Herdt, D. Neutatz. – Wiesbaden: Harrasowitz Verlag, 2010. – S. 41–64.

Müthel E. An Gottes Hand. Eine deutsch-russische Lebensgeschichte / Bearb. von V. Gast-Kellert. 2. Aufl. – Leipzig: Verlag des Gustav-Adolf-Werks e.V., 2013. – 184 S., Ill.

Najdič L. Deutsche Bauern bei St. Petersburg-Leningrad. Dialekte – Brauchtum – Folklore. – Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1997. – 241 S., Karte, Ill. (Zeitschrift für Dialektologie und Linguistik, H. 94).

Pauly Th. Description ethnographique des peuples de la Russie. – SPb.: Imprimerie de F.Bellizard, 1862. – [305] с., разд. паг., 63 л. ил., карт., табл. (нем., фр.)

Scholl R. Das erste Kirchenbuch von Neu-Saratowka // Jahrbuch für ausländische Sippenkunde / Hrsg. vom Deutschen Ausland-Institut. – Stuttgart: Verlag Karl Weinbrenner u. Söhne, 1936. – S. 72–85.

Schrader T. Die deutschen Bauerkolonien des Gouvernements Petersburg in der ersten Hälfte des 19. Jahrhunderts // Der Beitrag der Deutschbalten und der städtischen Russlanddeutschen zur Modernisierung und Europäisierung des Russischen Reiches im 18. und in der ersten Hälfte des 19. Jahrhunderts. – Köln: Verlag Wissenschaft und Politik, 1996. – S. 133–146.

Sitten, Gebräuche und Kleidung der Russen in St. Petersburg, dargestellt in Gemälden mit Beschreibung von Dr. J.G. Gruber und Ch.H. Geissler. H. 1-2. – Leipzig, 1805.

Ströhm A. Deutsche Mundarten an der Newa // Teuthonista. – 1. Jg. – 1926. – № 3. – S. 39–62.

БИБЛИОГРАФИЯ, РЕЦЕНЗИИ

В.Б. Меркурьева

Рецензия на книгу Л.Н. Пузейкиной «Немцы в Санкт-Петербургской губернии: история, язык, песни»[1]

Перед читателем объемный труд, вносящий значительный вклад в исследование языка и культуры российских немцев, – книга *«Немцы в Санкт-Петербургской губернии: история, язык, песни» (СПб.: Нестор-История, 2013. – 384 с., ил.)*. Лариса Николаевна Пузейкина выбрала для изучения оригинальный материал – песенный фольклор XVIII–XX веков, преимущественно Петербургской губернии. Автор книги – германист, живущая в Санкт-Петербурге; в сфере ее научных интересов – история немецкого языка, фонетика, фольклор, немецкая диалектология. Все эти факторы плюс любовь к материалу явились счастливым сочетанием, обусловившим плодотворное исследование, которое изобилует интересными лингвистическими наблюдениями и содержит огромное количество фактов и деталей, на сбор и обработку которых ушел, по всей видимости, не один год.

Рецензируемая книга рассчитана на широкий круг читателей. Я бы его уточнила: она предназначена русским и немцам, знающим русский язык, особенно российским немцам, но прежде всего – лингвистам (будет интересна и германистам, и славистам), а также актерам, играющим немцев, говорящих на русском (особенности немецкого акцента описаны с профессиональной точки зрения), и другим читателям.

Книга имеет четко продуманную структуру и подробнейший план. Лингвистическую часть предваряет экскурс в историю российских немцев. Поскольку ученая вторгается в чужую сферу, она проявляет особую тщательность. Первые страницы изобилуют именами ученых, занимавшихся вопросами истории российских немцев, следуют многочисленные ссылки на исторические труды, словно автор боится быть обвиненным в неточности, а сами события истории российских немцев вдруг уходят на второй план. Лингвист вряд ли обладает взглядом историка-профессионала, и это понимает автор книги, консультировавшаяся у них (см.: введение, с. 11). Однако довольно быстро пропадают некоторая робость и желание обезопасить себя ссылками. Перо автора (если так еще можно выразиться по отношению к современному набранному на компьютере тексту) обретает уверенность, поскольку Пузейкина выбирает свой (с нашей точки зрения, самый верный) ракурс подачи исторических событий – с точки зрения лингвиста. Она пишет о том, как российские немцы сохраняли свой родной язык (с. 27), писали на нем письма (с. 34), о том, что «немецкий язык не подвергался на начальном этапе сильному влиянию русского языка» (с. 35), но в XIX в. начинается ограничение прав и свобод немцев, что повлияло и на их язык. «Немецкий язык потерял статус официального в административных органах и при судах в районах с немецким населением» (с. 49). Постепенный переход к политике русификации в 60-е годы XIX в. автор связывает с процессом завершения подъема в развитии немецких колоний в России (с. 108). Автор констатирует: «Престиж двух языков – русского и немецкого – постоянно менялся в связи с разной политической ситуацией» (с. 128).

Раздел «Церковь и школа в немецких колониях Петербургской губернии» в исторической части книги особенно удался автору, он читается как интересная и очень познавательная новелла, хотя все научные каноны соблюдены.

Л.Н. Пузейкина уделяет достаточно много внимания достижениям ученых-лингвистов, занимавшихся изучением языка российских немцев (особенно диалекта), в разделе «Немецкая островная диалектология в России – история исследования» (с. 74–92) и дает обстоятельный обзор школ и имен по освещаемому вопросу. Томская школа А.П. Дульзона (вторая половина 60-х годов XX в.) занимает достойное место в этом обзоре. А вот современная Томская школа, возглавляемая доктором филологических наук З.М. Богословской, к сожалению, выпала из поля зрения исследователя.

Внесем добавление в обзор Пузейкиной. Профессор З.М. Богословская интенсивно занимается вопросами германистики (заметим, что она является также основателем диалектной вариантологии русского языка). Под ее руководством выполнены кандидатские диссертации, связанные с изучением языка российских немцев: О.А. Александров – «Основные параметры системы немецкого „островного“ говора Сибири и ее метаречевой реализации» (2007); П.И. Костомаров – «Текстовая организация немецкого народно-разговорного языка индивида» (2011); К.В. Кулаковская – «Концепт HEIMAT в диалектной картине мира российских немцев Томской области» (2014).

Основное внимание уделено в книге ученому-лингвисту, академику АН СССР, почетному члену Баварской, Британской, Саксонской и других академий, почетному доктору многих университетов Виктору Максимовичу Жирмунскому. Он, как отмечает Лариса Николаевна, собрал около 4 тыс. песен. Автор книги впервые публикует документы, написанные его рукой, а также фрагменты писем 1927 г. Д. Майера, основателя Архива немецкой народной песни во Фрайбурге, которые были направлены знаменитому ученому. Его нелегкая человеческая судьба, самоотверженность, безусловно, не могут никого оставить равнодушным. «Л.Р. Зиндер и Т.В. Строева указывают на то, что экспедиции часто осуществлялись инициативной группой под руководством В.М. Жирмунского на собственные средства и в свободное от работы время» (с. 188). Как пишет исследователь, изучение собрания В.М. Жирмунского во всей его полноте еще предстоит провести. «Однако уже сейчас очевидно, насколько грандиозной была начатая им работа в немецких поселениях СССР, не доведенная до логического завершения самим исследователем, но сохранившая для последующих поколений ценнейший фактический материал по фольклору немецких колонистов с точки зрения их языка, культуры, этнографии и устного народного творчества» (с. 169–170). Ученый, обладавший широким кругозором, автор актуальных и по сей день трудов является образцом служения науке; он оставил большое научное наследие. В книге Пузейкиной читаем: «В рукописном отделе ИРЛИ хранятся на сегодняшний день 47 папок с материалами коллекции, включающих 9597 документов на 10 325 листах. Общее название собрания: „Коллекция акад. В.М. Жирмунского (немцы-колонисты). Собрание Жирмунского (коллекция № 104). 1926–1930 гг.“» (с. 164). Работа с таким материалом, с документами Жирмунского, для которого тщательность в научной работе является абсо-

[1] Впервые рецензия опубликована: *Меркурьева В.Б.* Рец. на кн.: *Пузейкина Л.Н.* Немцы в Санкт-Петербургской губернии: история, язык, песни. – СПб.: Нестор-История, 2013. – 384 с. // Вестн. НГУ. – Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2014. – Т. 12, вып. 2. – С. 91–94.

© В.Б. МЕРКУРЬЕВА. ЕЖЕГОДНИК МАИИКРН. 2015 Г. № 1. С. 390–393.

лютным естеством, не могла не наложить отпечаток на стиль и методы работы автора рецензируемой книги. Взвешенность каждого вывода, доказательность, документирование умозаключений являются неотъемлемой чертой книги Л.Н. Пузейкиной.

Лингвистическая часть работы строится на анализе немецких колонистских песен, а именно смешанных немецко-русских макаронических песен, в них используется два типа алфавита – кириллица и латиница. К смешанным колонистским песням автор относит как песни с чередованием строк на русском и немецком языках, так и песни с единичными вкраплениями русских слов или, напротив, написанные целиком или почти целиком на русском языке, но с явным влиянием немецкого языка.

Систематизация фонетических особенностей языка песен российских немцев, отображенных в виде различных вариантов на письме, – достаточно сложная задача. Л.Н. Пузейкина с ней успешно справляется, проводит, по существу, сопоставление двух языков с фонетической точки зрения. Этот раздел можно было бы рекомендовать использовать в курсе типологии русского и немецкого языков (курс сейчас исключен из обязательной университетской программы, однако может преподаваться факультативно). Теоретически грамотно освещенное различие фонетических систем двух языков будет также интересно и русскоговорящим студентам, которые изучают немецкий язык как иностранный в качестве первого или второго. Описания фонетических различий русского и немецкого языков в качестве образца полезны для ознакомления магистрантам, аспирантам и другим исследователям, занимающимся изучением языка российских немцев.

Достаточно простой жанр макаронических песен тем не менее позволяет автору труда затронуть теоретические и практические вопросы взаимовлияния языков, например изменение рода существительных в обоих языках под их обоюдным влиянием: например, печь *'der Ofen' – der Petsch, мой печь* или *die Flinte 'ружье' – das lange Flint* (с. 326).

Особенности словообразования автор демонстрирует на примере заимствованных слов в функции полупрефиксов сложных немецких глаголов движения: *guljat… gehen (spazierengehen), gotow stehen (bereitstehen), nasat kehren (zurückkehren)* (с. 325). Здесь наблюдаются проникновение заимствований в систему словообразования и возникновение немецко-русских слов по модели немецких гибридных сложных глаголов.

Большую по объему часть исследования составляют лексические особенности островного песенного фольклора. Пузейкина привлекает для анализа примеры русских заимствований, проводит параллели с немецким языком, касается этимологии слов, проводит иногда диахронический экскурс и выявляет местные узуальные значения слов. Она снабжает свой анализ культурологическими комментариями, реконструирует ситуации общения, имевшие место один-два века тому назад между русскими и немцами, немцами и украинцами. Автор исследования приходит к выводу, что появление русских слов в тексте немецкой колонистской песни всегда не случайно. В работе проводится скрупулезный анализ включения этих слов, которые показывают комичность ситуации, указывают на диалог с русским партнером, обозначают ситуацию двуязычия, мультикультурного взаимодействия. Практически всегда необходим учет жанровой специфики, т. е. при изучении песен играют роль ритм и рифма, автор книги совершенно последовательно обращает на них внимание. Однако есть и исключения. Иногда автор начинает рассуждать, какие немецкие эквиваленты могли бы заменить в песне русское слово. Так, например, в песне „Winterzeit" самым частотным русским существительным является слово *извозчик*. «Оно ни разу не заменяется ни одним из возможных и подходящих по времени употребления немецких эквивалентов: *Fuhrmann, Fuhrknecht, Fuhrherr, Kutscher, Droschkenkutscher, Karrner, Pferdelenker, Schwager*, которые служат для обозначения человека, управляющего повозкой (разного вида – карета, дрожки, телега), запряженной лошадьми» (с. 215–216, 220). Приводимые немецкие эквиваленты свидетельствуют о глубоких познаниях исследователя, касающихся синонимов определенного периода.

В книге приводятся разные слова, показывающие, например, этноспецифику кулинарных пристрастий российских немцев. Автор анализирует песню, в которой употреблено русское слово *пирожки*:

Drin sitzt der Mann mit seinem Sohn,
Und seinen зеляки,
Die Wirtschaft ist nach seiner Art
Mit чай und пирожки,
Mit чай, mit чай, mit чай und пирожки (с. 219).

Приведем рассуждение Пузейкиной по поводу слов *Pastete* и *Pirogge*, которые могли бы использоваться, с ее точки зрения, в качестве эквивалентов слова *пирожки*: «Возможно, что немецкие поселенцы, которые записывались во время экспедиций В.М. Жирмунского и являлись потомками переселенцев, приехавших предположительно при Екатерине II, не знали данного заимствования. Кроме того, даже если предположить, что им было известно слово *die Pirogge*, оно все равно не отражает правильный размер пирожка. Русский пирожок маленький, и в немецком языке это можно было бы передать, скорее всего, при помощи прилагательного *klein – kleine Pirogge, kleine gefüllte Pastete*» (с. 221). В этой связи вспоминается распространенная народная мудрость «Из песни слов не выкинешь». Приведенная пословица касается слова *пирожки*. А говоря научным языком, одним из основополагающих принципов анализа является необходимость ограничения интерпретации лишь тем языковым материалом, который содержится в тексте. Дополнительный материал может быть интересным, но он представляет собой ассоциации исследователя на тему песни, скорее всего, не имеющие ничего общего с творческим процессом коллективного автора песни. Напрашивается еще и такой аргумент: если бы переселенцы и знали «данное заимствование», они бы его не употребили, т. к. оно не вписывается в нужный ритм изучаемой песни, по этой же причине не смогли бы «заменить его ни одним из возможных и подходящих по времени употребления немецких эквивалентов» (с. 215).

Учет особенностей художественной формы песен тем не менее позволяет исследователю показывать реальные языковые процессы, в особенности интерферирующее влияние русского языка на язык немецких колонистов. Автором было проанализировано 150 русских лексем, употребленных около 700 раз (с. 297). Налицо высокая степень достоверности, умение выделить типичные ситуации употребления изучаемых лексем. Автор показывает процесс ассимиляции русской лексики в языке российских немцев в определенный период времени. Этот процесс освоения русской лексики не может быть безграничным, однако, пока немецкий синтаксис и морфология сохраняются, язык российских немцев воспринимается как немецкий.

Воображение поражает тот факт, что так долго – до 1995 г. – собрание немецких народных песен пролежало нетронутым исследователями (с. 170). Заметим, что в книге много иллюстраций из жизни и быта российских немцев, фотографий ученых и простых переселенцев. Раздел «Приложения» содержит 54 страницы, охватывает не только сами песни, но и каталоги пластинок и валиков из коллекции В.М. Жирмунского, записанных в немецких поселениях под Ленинградом, и другие документы. Л.Н. Пузейкина – достаточно молодой ученый, но при этом является участницей проекта сохранения коллекции немецких народных песен В.М. Жирмунского (DVA/Freiburg, ИРЛИ/С.-Петербург), руководителем проекта «Германистические архивы в С.-Петербурге. Научная обработка архива В.М. Жирмунского в СПФ АРАН (РГНФ, СПбГУ, Россия)». Она является достойным продолжателем Ленинградской, а теперь Санкт-Петербургской школы германистов, куда входили и входят В.М. Жирмунский, Л.Р. Зиндер, Т.В. Строева, А.И. Домашнев, Н.Д. Светозарова. Думается, что у Л.Н. Пузейкиной большое научное будущее.

ЮБИЛЕИ

Л.В. Малиновский

Послесловие по поводу прошлого

Прошедшая в феврале 2015 г. в Москве научная конференция историков[1] была чрезвычайно полезной и плодотворной. Мы обсудили перспективы дальнейшей работы по историографии российских немцев и почувствовали перспективу. Наша историческая специальность имеет будущее и будет развиваться на основе уже имеющейся литературы и научных материалов. Но, к сожалению, эта конференция была омрачена печальным известием о смерти буквально накануне Герольда Карловича Бельгера[2], замечательного писателя и историка литературы российских немцев. Его 80-летняя жизнь и деятельность на ниве дружбы народов останется в истории как пример творческого интернационализма и личной самоотверженности в борьбе с общими и личными невзгодами и трудностями тяжелой истории XX в. Невероятно, но факт, в последние моменты своей жизни Герольд Карлович нашел время и возможность не только прислать мне свою книгу с поздравлениями «от 80-летнего – 90-летнему», но и написать для готовившейся библиографии моих работ[3] биографическую статью под уважительным заглавием «Аксакал историографии российских немцев»[4]. Я не успел ответить ему на эту статью, поскольку получил ее уже после возвращения из Москвы и после печального известия из Алма-Аты.

De mortuis nihil nisi bene, как говорили древние, мне не хотелось бы посмертно отвечать на одобрительную статью уважаемого автора, но в ней содержится неожиданная информация о событиях давно прошедшего времени, которая требует ответа и комментариев. В статье приводятся данные о письмах наших писателей Г.К. Бельгеру с протестами по поводу моих «Очерков из истории советских немцев», которые были напечатаны в „Neues Leben“ («Нойес Лебен») с продолжениями в 1971 г.[5] К сожалению, автор не привел ни одного текста из этих писем, они и впредь останутся только в его архиве, но вот уже сам список авторов[6] этих протестов наводит на определенные мысли.

[1] Речь идет о 5-й международной научно-практической конференции «Российские немцы: 50 лет послевоенному общественному движению: от первых делегаций в правительство через „Возрождение“ к современной системе Самоорганизации (1964–2014 гг.)». (*Здесь и далее прим. ред.*)

[2] Бельгер Герольд Карлович (28 окт. 1934, Энгельс – 8 фев. 2015, Алматы), казахстанский переводчик, прозаик, публицист, литературовед.

[3] Лев Викторович Малиновский: Библиограф. указ. / Автор-сост. С.В. Язовская. – Барнаул: ООО Спектр, 2015. – 43 с. (Сер.: Наши земляки, вып. 4).

[4] *Бельгер Г.К.* Аксакал историографии российских немцев // Лев Викторович Малиновский. – С. 4–5.

[5] Печатание очерков по истории российских немцев началось в газете „Neues Leben“ («Нойес Лебен») в 1967–1968 гг. Первый материал появился 11 января 1967 г. – „Geschichtliche Streiflichter I. Der ausgeträumte Traum“ («Исторические очерки. I: Рассеявшаяся мечта»). В ноябрьских номерах за 1968 г. вышли «Исторические очерки о немцах СССР: XVIII–XIX вв.» В 1971 г. они шли под разными названиями, которые отражали описываемые исторические события. Первый „Vorfahren und Vorläufer der Rußlanddeutschen“ («Предки и предшественники российских немцев») появился 6 января, следующие – в январе - октябре 1971 г.

[6] Г.К. Бельгер перечисляет авторов писем, которыми, с его слов, была завалена его почта. Это – Д. Гольман, В. Эккерт, В. Клейн, В. Вагнер, А. Гассельбах, Ф. Больгер, А. Пфейфер, А. Закс, В. Брунгард, А. Реймген, Р. Кёльн, К. Эрлих, Р. Корн, В. Гейнц. Были и другие письма от неизвестных Бельгеру авторов. «Спусковым крючком» для возмущения, со слов Бельгера, послужила «давняя рукопись» Л.В. Малиновского. «Встречались и такие пассажи, которые отказывали многострадальным немцам вообще в каком-либо позитиве. <…> Да, это были не совсем те „Streichlichter“ и не та „Geschichte“, в чем морально нуждались оболганные и униженные Sowjetdeutsche». (Цит. по: Бельгер Г.К. Аксакал историографии российских немцев. – С. 4, 5).

© Л.В. МАЛИНОВСКИЙ. ЕЖЕГОДНИК МАИИКРН. 2015 Г. № 1. С. 394–397.

Дело в том, что в списке из 14 человек содержатся фамилии исключительно немцев Поволжья, которые не без основания предъявляли претензии мне как автору тогдашних исторических очерков. Их недовольство мне вполне понятно, было понятно и тогда, но вот удовлетворить их (ныне только предполагаемые, ибо текстов писем у меня нет) претензии я тогда не мог, ни в коем случае.

Дело в том, что эти очерки были тогда лишь «отходами производства» моей научной работы, кандидатской диссертации 1967 г.[7] Готовя эту диссертацию в Томске (после того, как я получил отказ признать мою тему по истории советских немцев в Институте истории АН СССР в Москве, перевелся в аспирантуру к проф. И.М. Разгону в Томск) – мне пришлось с большим трудом ознакомиться с редкими работами предшественников, прежде всего, Д. Шмидта[8], Г. Писаревского[9] и А. Клауса[10] и написать обзор этой литературы, который и послужил основой этих очерков 1971 г. Все эти материалы были тогда сенсационными и новыми, потому что перед этим на протяжении более чем 30 лет никакой исторической литературы о немцах России, даже дореволюционного периода, не появлялось и по цензурным соображениям появиться не могло. Но ни моя диссертация (ныне доступная в Интернете), ни мои очерки не могли быть изданы по-русски и вышли в 1971 г. по-немецки – по иронии судьбы мы могли писать в „Neues Leben“ о наших немцах, а в русскую печать до 1988 г. ни слова не допускалось[11].

Более того, даже эти очерки по истории немцев в России не содержали ни слова о депортации, о ликвидации немецких районов в 1938 г., ни тем более о трудармии – все это было тогда под запретом, даже в немецкой газете и даже по-немецки. Пришлось ограничиться именно обзором прежних исторических материалов, которые тогда также не были известны большинству наших читателей. Кроме того, несмотря на мою поездку в Саратов и Энгельс в 1969 г., я так и не получил доступа к материалам архива АССР НП, так что и написать что-то серьезное по истории Поволжья не мог, мне были доступны только материалы по истории немцев из местных архивов Сибири, даже открытые материалы о немцах Юга России я смог использовать только после 1986 г. О Поволжье мне удалось использовать (и впервые опубликовать повторно!) малоизвестные тогда сведения из работ Шмидта и Писаревского[12].

[7] *Малиновский Л.В.* Немецкая деревня в Сибири в период социалистического строительства (1925–1936 гг.): Дис. … канд. ист. наук / Томск. гос. ун-т. – Томск, 1967. – 283 с.

[8] *Schmidt D.* Studien über die Geschichte der Wolgadeutschen. Bd. 1: Seit der Einwanderung bis zum imperialistischen Weltkriege. – Pokrowsk; Moskau; Charkov: Zentral-Völker-Verlag, 1930.

[9] *Писаревский Г.Г.* Из истории иностранной колонизации в России в XVIII в. (По неизданным архивным документам). – М., 1909.

[10] *Клаус А.А.* Наши колонии: Опыты и материалы по истории и статистике иностранной колонизации в России. – СПб., 1869.

[11] С 1988 г. на страницах ведущих газет и журналов выходят публицистические материалы по истории российских немцев. В научном мире до начала 1990-х годов на эту тему практически не было диссертационных исследований, исключение – диссертации Ф.А. Редько («Колонизационная политика русского царизма и немецкие колонисты на Украине (с конца XVIII до начала XX ст.)», Киев, 1952) и Л.В. Малиновского (указ. кандидатская, 1967; докторская «Социально-экономическая жизнь немецкой колонистской деревни в Южной России (1762–1917 гг.)» написана в 1986 г., защита состоялась в июне 1989 г.). В 1960–1980-е годы активные исследования вели диалектологи, прошли защиты диссертаций: А.И. Кузьминой (1962), Г.Г. Едига (канд. 1963; докт. 1972), И.Е. Авдеева (1965), А.А. Вейлерта (1968), Г.Я. Панкраца (1969), И.И. Шрамла (1969), В.К. Гейнца (1971), Д.Н. Тринива (1973), Г.И. Валла (1974) и др. Одновременно религиозные течения среди немецкого населения изучали специалисты по научному атеизму: В.Ф. Крестьянинов, В.А. Брянов, Н.И. Ильиных, А.Ф. Белимов, А.Н. Ипатов и др. В 1983 г. диссертацию «Проблема развития и современного состояния немецкой советской литературы (1917–1980 гг.)» защитила Э.Б. Репина, в 1986 г. И.П. Виндгольц представил к защите диссертацию «Фольклорная группа в локальной традиции: (На материале немецкой песенной культуры с. Кирово Карагандинской области)». Бум в изучении истории российских немцев начался в 1990-е годы.

[12] *Писаревский Г.Г.* Внутренний распорядок в колониях Поволжья при Екатерине II. – Варшава, 1914; 2) Хозяйство и формы землевладения в колониях Поволжья в XVIII и первой четверти XIX века. – Ростов-на-Дону, 1916.

Вот вам и причина, как я предполагаю, недовольства наших писателей этими очерками – наиболее сложные и трагические моменты истории немцев в СССР остались за бортом моих работ, что было вызвано исключительно цензурными условиями – даже в диссертации мне пришлось ограничиться только периодом развития немецких колоний в СССР до 1936 г.!

В то же время мои очерки, как в газете, так и позднее в журнале „Heimatliche Weiten“[13] (1981–1983) пользовались большой популярностью у читателей (об этом мне тогда же говорил лично редактор журнала Гуго Вормсбехер), поскольку до того наши читатели не могли прочитать ничего даже о своей собственной истории. А здесь были процитированы и упомянуты все основные исторические труды о немцах России!

Вот почему мои очерки, популярные у рядовых читателей, вызвали явное недовольство у писателей, которые хотели бы большего. Но, увы, этого они дождались только при перестройке в 1988 г., а ведь я напечатал свои очерки на 17 лет раньше!

Кроме недовольства неполнотой моих очерков, что было вполне понятно, у некоторых писателей недовольство вызывало также мое толкование отношений наших немцев XVIII в. и германской истории. Эти авторы боялись потерять свои германские корни и модернизировали историю эмигрантов XVIII в. из германских государств, перенося чувства и настроения немцев XIX в. на 100 лет раньше, и делая из эмигрантов того времени членов германской нации, которая возникла и официально, и морально только в середине XIX в., после революций 1848 г.

Примером этих искажений истории может служить письмо нашего историка литературы, уважаемого Эрнста Кончака[14], перевод моего ответа на которое я привожу ниже.

Ответ на письмо Э. Кончака по поводу моих исторических очерков 1971 г. от 28 апреля 1971 г.

«Дорогой тов. Кончак!

Редакция газеты «Нойес Лебен» была столь любезна, что переслала мне Вашу «подражательную прозу» по поводу моих исторических очерков и о Ваших предках вообще. Я охотно отнесся бы только с улыбкой к Вашим замечаниям, если бы дело не шло о столь серьезной теме, как история советских немцев. Поскольку Вы работаете над историей литературы наших немцев, я осмеливаюсь шагнуть на скользкий лед Вашего хобби, чтобы доказать Вашу неправоту. Большинство российских немцев приехали в Россию в 1762–1764 гг. В это время (1762) Шиллеру было 13 лет, а Гёте – 23. Фихте в 1762 г. только родился, Лессинг стал только в это время («Гамбургская драматургия» и «Лаокоон», 1766–1767 гг.) «глашатаем духовного единства германского народа» (см. Kleine Enzyklopädie – Deutsche Geschichte. – S. 199).

Фихте, Гримм и другие внесли решающий вклад в образование национального сознания немцев (там же, S. 217), но только уже в XIX в. Следовательно, Вы хотите утверждать, что наши эмигранты уже ощущали себя представителями германской нации в целом, не прочитав упомянутых поэтов и философов? Или Вы хотите утверждать, что германское национальное сознание у Ваших предков воспиталось в русских степях? Но тем самым Вы оказали бы советским немцам большую медвежью услугу и согласились бы с русскими шовинистами, которые в 1914 г. утверждали, что немецкий колонист якобы является агентом Вильгельма? Здесь я скорее согласился бы с А. Лонзингером, который уже в 1912 г. (!) писал: „Идеалы, которые заставляют сильнее биться сердце народа в Германии, не достигают нас <…>“ или с Я. Дицем, который писал: „Это совершенно новый народ, новый тип человека, созданный в особых условиях жизни, слово „немец“, как называют колонистов – это форма, лишенная всякого содержания, колонист – это не немец, хотя он и не русский <…>“. И я – исследователь, который опирается на исторические факты и высказывания современников, а не на скромные пожелания родственников, хотящих быть близкими к великим поэтам.

Вместо того чтобы посмеиваться над историками и бедными авторами мемуаров, Вы бы лучше сотрудничали с нами и помогали бы нам. Я лично Вам дважды писал, а Вы не ответили, хотя я, например, Ваши старания вполне признаю, и хотел бы получить от Вас письмо и полезную информацию. С наилучшими пожеланиями, Малиновский Л.»

Еще большую ясность вносит в вопрос о претензиях сохранившийся мой ответ на присланное мне редакцией «Нойес Лебен» письмо «И. Бендера» (как мне теперь представляется, это был не некий мужчина, а была Ида Бендер[15], дочь Д. Гольмана, одного из протестовавших против моих «Очерков».) Вот как я ей отвечал 8 сентября 1971 г. (это перевод, письмо было по-немецки).

«Дорогой тов. Бендер!

Редакция «Нойес Лебен» переслала мне Ваше письмо, большое спасибо за внимание к моей работе. Однако мне не совсем понятно, с чем именно Вы не согласны: численность иммигрантов у меня и у Вас совпадает, 27 000, то, что я не привожу все цифры приехавших по годам, вполне понятно, поскольку мои статьи – это очерки, а не вся история от и до. По поводу меннонитов в моей работе ясно сказано, согласно работе Клибанова «Меннониты» 1931 г., они приехали в 1789 г., это были первые 228 семей. Если в Вашей книге назван год 1772, то я просил бы Вас сообщить мне автора, название книги и год издания, я охотно наведу справки, кто же прав из двух авторов! И на Кавказ колонисты тогда не могли попасть, потому что в 1772 г. территория еще не принадлежала России. Если хотите прояснить еще что-то, можете писать прямо мне, Барнаул-99, аб. ящик 44. С приветом, Малиновский Л.»

В тот же день я ответил заместителю редактора газеты В.М. Полянскому, что готов отвечать на все вопросы и запросы в отношении этих материалов, как в газете, так и частным порядком. К сожалению, о наличии еще 14 протестов по поводу моих «Очерков» я до последнего времени понятия не имел, хотя со многими авторами протестов был знаком лично и по переписке.

Таким образом, лишь случайно сохранившаяся копия моего ответа Э.К. Кончаку, отчасти проясняет причины недовольства наших писателей моими тогдашними очерками. Они были, действительно, несовершенны, поскольку исторические исследования только-только возобновились после долгого перерыва, но, главное, печатались в условиях цензуры, о которых современные авторы и читатели не имеют реального представления, не говоря и о том, что слабое представление о положении историка имели тогда и наши писатели, которые не были профессионалами в этой области и даже не имели тогда возможности читать историческую литературу о немцах, которая была библиографической редкостью, доступной специалистам только через МБА.

[13] „Heimatliche Weiten“ («Родные просторы») – литературно-художественный и публицистический сборник, выходил в Москве в 1981–1990 гг.

[14] Кончак Эрнст Карлович (1903–1979), советско-немецкий писатель, репрессирован в 1937 г., после освобождения из лагерей проживал в г. Талгар.

[15] Бендер (ур. Гольман) Ида (18 июня 1922, с. Ротгамель АССР НП – 12 нояб. 2012, Гамбург), писательница, дочь писателя Доминика Гольмана, корреспондент газеты „Neues Leben“, а с 1965 г. – „Freundschaft“, автор книг о российских немцах.

Сведения об авторах

Безносова Оксана Владимировна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, проект-менеджер – координатор по Сибири МСНК, член Международной ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев (Москва, Россия). igsi47@yandex.ru
Beznosova, Oksana Vladimirovna, Dr., wissenschaftliche Mitarbeiterin, Projekt-Managerin und Koordinatorin des IVDK für Sibirien, Mitglied der Internationalen Assoziation zur Erforschung der russlanddeutschen Geschichte und Kultur (Moskau, Russland). igsi47@yandex.ru

Бобылева Светлана Иосифовна, кандидат исторических наук, профессор кафедры всемирной истории Днепропетровского национального университета им. Олеся Гончара, член Международной ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев (Днепропетровск, Украина). s-bobyleva1@ukr.net
Bobyleva, Svetlana Iosifovna, Dr., Professorin am Lehrstuhl für Weltgeschichte der Nationalen Oles'-Hontschar-Universität Dnepropetrovsk, Mitglied der Internationalen Assoziation zur Erforschung der russlanddeutschen Geschichte und Kultur (Dnepropetrovsk, Ukraine). s-bobyleva1@ukr.net

Богословская Зоя Матиновна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка как иностранного Национального исследовательского Томского политехнического университета (Томск, Россия). zefarija@mail.ru
Bogoslovskaja, Zoja Matinovna, Dr. habil., Dozentin, Professorin am Lehrstuhl Russische Sprache für Ausländer der Nationalen Polytechnischen Forschungsuniversität Tomsk (Tomsk, Russland). zefarija@mail.ru

Вайман Дмитрий Игоревич, научный сотрудник Пермского научного центра Уральского отделения РАН и Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета (Пермь, Россия). dmitrii-vaiman@yandex.ru
Vajman, Dmitrij Igorevič, wissenschaftlicher Mitarbeiter des Wissenschaftszentrums Perm' der Uraler Abteilung der Russischen Akademie der Wissenschaften und Staatlichen Geisteswissenschaftlich-Pädagogischen Universität (Perm', Russland). dmitrii-vaiman@yandex.ru

Вердиева Хаджар, доктор исторических наук, старший научный сотрудник Архива политических документов Управления делами Президента Азербайджанской Республики, член Международной ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев (Баку, Азербайджан). hacar2002@yahoo.com
Verdieva, Chadžar, Dr. habil., wissenschaftliche Mitarbeiterin des Archivs für politische Dokumente der Präsidialverwaltung der Republik Azerbaidžan, Mitglied der Internationalen Assoziation zur Erforschung der russlanddeutschen Geschichte und Kultur (Baku, Azerbaidžan). hacar2002@yahoo.com

Волкова Тамара Петровна, кандидат исторических наук, профессор Казахстанско-Немецкого университета, факультет социальных и политических наук (Алматы, Казахстан). tamara_volkova17@mail.ru volkova@dku.kz
Volkova, Tamara Petrovna, Dr., Professorin an der Fakultät für Politik- und Gesellschaftswissenschaften der Deutsch-Kasachischen Universität (Almaty, Kazachstan). tamara_volkova17@mail.ru volkova@dku.kz

Герман Аркадий Адольфович, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры отечественной истории и историографии Института истории и международных отношений Национального исследовательского Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского, председатель правления Международной ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев (Саратов, Россия). a.a.german@mail.ru
German, Arkadij Adol'fovič, Dr. habil., Professor am Lehrstuhl für Russische Geschichte und Historiographie des Instituts für Geschichte und Internationale Beziehungen der Nationalen Staatlichen Forschungsuniversität „N. G. Černyševskij" Saratov, Vorstandsvorsitzender der Internationalen Assoziation zur Erforschung der russlanddeutschen Geschichte und Kultur (Saratov, Russland). a.a.german@mail.ru

Дённингхаус Виктор, доктор исторических наук, профессор, заместитель директора Института культуры и истории немцев в Северо-Восточной Европе при Гамбургском университете, член правления Международной ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев (Люнебург, Германия). V.Doenninghaus@IKGN.de
Dönninghaus, Victor, apl. Prof. Dr. Dr. h. c., Stellvertreter des Direktors des Nordost-Instituts (Institut für Kultur und Geschichte der Deutschen in Nordosteuropa an der Universität Hamburg), Mitglied des Vorstandes der Internationalen Assoziation zur Erforschung der russlanddeutschen Geschichte und Kultur (Lüneburg, Deutschland). V.Doenninghaus@IKGN.de

Долголюк Алексей Алексеевич, доктор исторических наук, старший научный сотрудник сектора истории социально-экономического развития Института истории СО РАН (Новосибирск, Россия). dolgalal@mail.ru
Dolgoljuk, Aleksej Alekseevič, Dr. habil., wissenschaftlicher Mitarbeiter des Fachbereichs Geschichte der sozialökonomischen Entwicklung am Historischen Institut der Sibirischen Abteilung der Russischen Akademie der Wissenschaften (Novosibirsk, Russland). dolgalal@mail.ru

Евсеев Николай Олегович, аспирант кафедры отечественной истории и историографии Института истории и международных отношений Саратовского государственного научно-исследовательского университета им. Н.Г. Чернышевского (Саратов, Россия) decoloced1111@gmail.com
Evseev, Nikolaj Olegovič, Aspirant am Lehrstuhl für Russische Geschichte und Historiografie des Instituts für Geschichte und Internationale Beziehungen der Nationalen Staatlichen Forschungsuniversität „N. G. Černyševskij" Saratov (Saratov, Russland). decoloced1111@gmail.com

Жабрева Анна Эрнестовна, кандидат педагогических наук, научный сотрудник Библиотеки Российской академии наук, коллекционер (Санкт-Петербург, Россия). annazhabreva@mail.ru
Žabreva, Anna Ėrnestovna, Dr., wissenschaftliche Mitarbeiterin der Bibliothek der Russischen Akademie der Wissenschaften, Sammlerin (St. Petersburg, Russland). annazhabreva@mail.ru

Зейналова Судаба Мехти кызы, кандидат исторических наук, докторант Института археологии и этнографии Национальной академии наук Республики Азербайджан, старший консультант Администрации Президента Азербайджанской Республики, член Международной ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев (Баку, Азербайджан). sudaba@gmail.com
Zejnalova, Sudaba Mechti kyzy, Dr. habil., Doktorandin am Institut für Archäologie und Ethnografie der Nationalen Akademie der Wissenschaften der Republik Azerbajdžan, Beraterin der Präsidialverwaltung der Republik Azerbajdžan, Mitglied der Internationalen Assoziation zur Erforschung der russlanddeutschen Geschichte und Kultur (Baku, Azerbajdžan). sudaba@gmail.com

Иванова Наталья Ивановна, руководитель немецкой секции Ассоциации исследователей Санкт-Петербурга и музея немцев в Санкт-Петербурге и окрестностях (Санкт-Петербург, Россия). naiviv@mail.ru
Ivanova, Natal'a Ivanovna, Leiterin der deutschen Sektion der St. Petersburger Wissenschaftsassoziation und des Museums der Deutschen in St. Petersburg und Umgebung (St. Petersburg, Russland). naiviv@mail.ru

Ильина Анастасия Олеговна, студентка Американского Университета в Центральной Азии в г. Бишкеке (факультет антропологии), в прошлом ведущий архивист Центрального Государственного Архива Республики Узбекистан (Бишкек, Кыргызстан).
Il'ina, Anastasija Olegovna, Studentin an der Fakultät für Anthropologie der Amerikanischen Universität in Zentralasien, Biškek; vormals leitende Archivwissenschaftlerin des Zentralen Staatsarchivs der Republik Uzbekistan (Biškek, Kyrgyzstan).

Иофе Валерий Григорьевич, доцент кафедры источниковедения и архивоведения исторического факультета Национального университета Узбекистана им. Мирзо Улугбека, магистр Международной ассоциации «Искусство народов мира» (Ташкент, Узбекистан). valeriy-iofe@yandex.com
Iofe, Valerij Grigor'evič, Dozent am Lehrstuhl für Quellenkunde und Archivwissenschaften der Historischen Fakultät an der Nationalen Mirzo-Ulugbek-Universität, Magister der Internationalen Assoziation „Kunst der Völker der Welt" (Taškent, Uzbekistan). valeriy-iofe@yandex.com

Йон Экхард, доктор искусствоведения, сотрудник Центра исследования популярной культуры и музыки при Университете им. Альберта Людвига, (Фрайбург, Германия). eckhard.john@zpkm.uni-freiburg.de
John, Eckhard, Dr., Mitarbeiter des Zentrums für Populäre Kultur und Musik der Albert-Ludwigs-Universität (Freiburg, Deutschland). eckhard.john@zpkm.uni-freiburg.de

Кириллов Виктор Михайлович, доктор исторических наук, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических наук филиала Российского государственного профессионально-педагогического института в г. Нижний Тагил, член правления Международной ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев (Нижний Тагил, Россия). history_vmk@mail.ru
Kirillov, Viktor Michajlovič, Dr. habil., Professor am Lehrstuhl für Geistes- und Sozialökonomische Wissenschaften der Zweigstelle des Russischen Staatlichen Lehrerbildungsinstituts in Nižnij Tagil, Mitglied des Vorstands der Internationalen Assoziation zur Erforschung der russlanddeutschen Geschichte und Kultur (Nižnij Tagil, Russland). history_vmk@mail.ru

Клец Виктор Кириллович, кандидат исторических наук, доцент кафедры всемирной истории Днепропетровского национального университета им. Олеся Гончара, член правления Международной ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев (Днепропетровск, Украина). kletsvk@gmail.com
Klec, Viktor Kirillovič, Dr. habil., Dozent am Lehrstuhl für Weltgeschichte der Nationalen Oles'-Hontschar-Universität Dnepropetrovsk, Mitglied des Vorstands der Internationalen Assoziation zur Erforschung der russlanddeutschen Geschichte und Kultur (Dnepropetrovsk, Ukraine). kletsvk@gmail.com

Корышев Михаил Витальевич, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой немецкого языка Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия). mkorychev@yandex.ru
Koryšev, Michail Vital'evič, Dr., Dozent, Leiter des Lehrstuhls für Deutsche Sprache an der Staatlichen Universität St. Petersburg (St. Petersburg, Russland). mkorychev@yandex.ru

Малиновский Лев Викторович, доктор исторических наук, профессор кафедры правоведения и методики преподавания социально-экономических дисциплин Алтайского государственного педагогического университета, член Международной ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев (Барнаул, Россия) malgeorge@rambler.ru
Malinovskij, Lev Viktorovič, Dr. habil., Professor am Lehrstuhl für Rechtswissenschaften und Lehrmethodik der sozialökonomischen Wissenschaften an der Staatlichen Pädagogischen Universität Altai, Mitglied der Internationalen Assoziation zur Erforschung der russlanddeutschen Geschichte und Kultur (Barnaul, Russland). malgeorge@rambler.ru

Малкова Раиса Анатольевна, специалист-текстолог отдела мониторинга качества языковой подготовки Центра обеспечения качества образования Национального исследовательского Томского политехнического университета (Томск, Россия). rajamalkowa@yandex.com
Malkova, Raisa Anatol'evna, Textologin in der Abteilung für Qualitätskontrolle der Sprachausbildung im Zentrum für Qualitätssicherung der Ausbildung an der Nationalen Polytechnischen Forschungsuniversität Tomsk (Tomsk, Russland). rajamalkowa@yandex.com

Маркдорф Наталья Михайловна, доктор исторических наук, профессор кафедры социальной работы Новосибирского государственного педагогического университета, член правления НКА российских немцев Новосибирской области, Международной ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев и мультипликатор по истории и краеведению Кемеровской и Томской областей (Новосибирск, Россия). nmmark@mail.ru
Markdorf, Natalja Michajlovna, Dr. habil., Professorin am Lehrstuhl für Sozialarbeit an der Staatlichen Pädagogischen Universität Novosibirsk, Vorstandsmitglied der Nationalen Kulturautonomie der Russlanddeutschen des Gebiets Novosibirsk und der Internationalen Assoziation zur Erforschung der russlanddeutschen Geschichte und Kultur, Multiplikatorin für Geschichte und Heimatkunde der Gebiete Kemerovo und Tomsk (Novosibirsk, Russland). nmmark@mail.ru

Меркурьева Вера Брониславовна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры немецкой филологии Евразийского лингвистического института в г. Иркутске (филиал) (МГЛУ ЕАЛИ) ФГБОУ ВПО «Московский государственный лингвистический университет», член Международной ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев, член Российского союза германистов (Иркутск, Россия). vbmerk@yandex.ru
Merkur'eva, Vera Bronislavovna, Dr. habil., Professorin am Lehrstuhl für Deutsche Philologie des Eurasischen Linguistischen Instituts Irkutsk (Zweigstelle der Moskauer Staatlichen Linguistischen Universität), Mitglied der Internationalen Assoziation zur Erforschung der russlanddeutschen Geschichte und Kultur, Mitglied des Russischen Germanistenverbandes (Irkutsk, Russland). vbmerk@yandex.ru

Мешков Дмитрий, доктор философии, научный сотрудник Университета Фрайбурга (Фрайбург, Германия). dmeshkov@phil-fak.uni-duesseldorf.de
Myeshkov Dmytro, Dr. phil., wissenschaftlicher Mitarbeiter an der Universität Freiburg (Freiburg, Deutschland). dmeshkov@phil-fak.uni-duesseldorf.de

Минор Александр Яковлевич, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой немецкого языка и методики его преподавания Национального исследовательского Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского» (Саратов, Россия). a-minor27@yandex.ru
Minor, Aleksandr Jakovlevič, Dr., Dozent, Leiter des Lehrstuhls für Deutsche Sprache und Lehrmethodik an der der Nationalen Staatlichen Forschungsuniversität „N. G. Černyševskij" Saratov (Saratov, Russland). a-minor27@yandex.ru

Найдич Лариса Эриковна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник кафедры языкознания Еврейского университета в Иерусалиме (Иерусалим, Израиль). larissa.naiditch@mail.huji.ac.il
Najdič, Larisa Ėrikovna, Dr., wiss. Mitarbeiterin am Lehrstuhl für Sprachwissenschaften der Jüdischen Universität Jerusalem (Jerusalem, Israel). larissa.naiditch@mail.huji.ac.il

Нелипович Сергей Геннадьевич, кандидат исторических наук, начальник архивного управления Администрации городского округа Балашиха, член Международной ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев (Балашиха, Россия). drfaust1963@yandex.ru
Nelipovič, Sergej Gennad'evič, Dr., Leiter der Archivverwaltung in der Stadtbezirksverwaltung Balašicha, Mitglied der Internationalen Assoziation zur Erforschung der russlanddeutschen Geschichte und Kultur (Balašicha, Russland). drfaust1963@yandex.ru

Плесская-Зебольд Эльвира Германовна, историк, независимый исследователь, член Совета немцев Украины, член Международной ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев (Одесса, Украина). elvirasebold@ukr.net
Plesskaja-Zebol'd, Ėlvira Germanovna, Historikerin, freie Wissenschaftlerin, Mitglied des Rates der Deutschen der Ukraine, Mitglied der Internationalen Assoziation zur Erforschung der russlanddeutschen Geschichte und Kultur (Odessa, Ukraine). elvirasebold@ukr.net

Плохотнюк Татьяна Николаевна, доктор исторических наук, профессор кафедры истории Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета, член Международной ассоциации исследовате-

лей истории и культуры российских немцев (Ставрополь, Россия). plokhotnjuk@gmail.com
Plochotnjuk, Tat'jana Nikolajevna, Dr. habil., Professorin am Lehrstuhl für Geschichte des Gesellschaftswissenschaftlichen Instituts an der Föderalen Nordkaukasischen Universität, Mitglied der Internationalen Assoziation zur Erforschung der russlanddeutschen Geschichte und Kultur. (Stavropol', Russland). plokhotnjuk@gmail.com

Разинков Сергей Львович, кандидат исторических наук, доцент кафедры документоведения, истории и правового обеспечения Российского государственного профессионально-педагогического университета, член Международной ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев (Екатеринбург, Россия). SergeRazinkov@mail.ru
Razinkov, Sergej L'vovič, Dr., Dozent am Lehrstuhl für Dokumentation, Geschichte und Rechtssicherheit der Russischen Staatlichen Pädagogischen Universität, Mitglied der Internationalen Assoziation zur Erforschung der russlanddeutschen Geschichte und Kultur (Ekaterinburg, Russland). SergeRazinkov@mail.ru

Романенко Светлана Васильевна, заведующая отделом передвижных и стационарных выставок Николаевского областного краеведческого музея (Николаев, Украина). ro-manenko@mail.ru
Romanenko, Svetlana Vasil'evna, Leiterin der Abteilung für mobile und stationäre Ausstellungen des Heimatmuseums des Gebiets Nikolaev (Nikolaev, Ukraine). ro-manenko@mail.ru

Светозарова Наталия Дмитриевна, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник кафедры фонетики Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия). ndsvetozar@gmail.com
Svetozarova, Natalija Dmitrievna, Dr. habil., Professorin, leitende Wissenschaftlerin am Lehrstuhls für Phonetik der Staatsuniversität St. Petersburg (St. Petersburg, Russland). ndsvetozar@gmail.com

Силантьева Ольга Юрьевна, кандидат филологических наук, заведующая кафедрой истории и культуры Института этнокультурного образования (Москва, Россия). osilantieva@martens.ru
Silant'eva, Ol'ga Jur'evna, Dr., Leiterin des Lehrstuhls für Geschichte und Kultur am Institut für ethnokulturelle Bildung (Moskau, Russland). osilantieva@martens.ru

Солодова Вера Владленовна, кандидат исторических наук, директор Одесского областного историко-краеведческого музея, член Международной ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев (Одесса, Украина). oikm_solodova@ua.fm
Solodova, Vera Vladlenovna, Dr., Direktorin des Museums für Geschichte und Heimatkunde des Gebiets Odessa, Mitglied der Internationalen Assoziation zur Erforschung der russlanddeutschen Geschichte und Kultur (Odessa, Ukraine). oikm_solodova@ua.fm

Федорук Наталья Сергеевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России и архивоведения, заместитель декана исторического факультета Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого (Великий Новгород, Россия). natalya_fedoruk@mail.ru
Fedoruk, Natal'a Sergeevna, Dr., Dozentin am Lehrstuhl für Russische Geschichte und Archivkunde, stellvertretende Dekanin der Historischen Fakultät der Jaroslav-Mudryj-Staatsuniversität Novgorod (Velikij Novgorod, Russland). natalya_fedoruk@mail.ru

Хасанова Обида Убайдуллаевна, заместитель директора Центрального государственного архива Республики Узбекистан (Ташкент, Узбекистан).
Chasanova, Obida Ubajdullaevna, stellvertretende Direktorin des Zentralen Staatsarchivs der Republik Uzbekistan (Taškent, Uzbekistan).

Черказьянова Ирина Васильевна, доктор исторических наук, главный редактор «Ежегодника Международной ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев», член правления Международной ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев, куратор исторических

проектов Русско-немецкого центра встреч при Петрикирхе (Санкт-Петербург, Россия). cherk@inbox.ru
Čerkaz'anova, Irina Vasi'levna, Dr. habil., Chefredakteurin des „Jahrbuchs der Internationalen Assoziation zur Erforschung der russlanddeutschen Geschichte und Kultur", Mitglied des Vorstands der Internationalen Assoziation zur Erforschung der russlanddeutschen Geschichte und Kultur, Kuratorin historischer Projekte des Deutsch-Russischen Begegnungszentrums an der Petrikirche (St. Petersburg, Russland). cherk@inbox.ru

Чернова-Дёке Тамара Николаевна, доктор философии, независимый исследователь, член Международной ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев (Берлин, Германия). tamnik@gmx.net
Černova-Döke, Tamara Nikolaevna, Dr. phil., freie Wissenschaftlerin, Mitglied der Internationalen Assoziation zur Erforschung der russlanddeutschen Geschichte und Kultur (Berlin, Deutschland). tamnik@gmx.net

Шайдуров Владимир Николаевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Национального минерально-сырьевого университета «Горный», член Международной ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев (Санкт-Петербург, Россия). s-w-n@mail.ru
Šajdurov, Vladimir Nikolaevič, Dr., Dozent am Lehrstuhl für Geschichte der Nationalen Bergbau-Universität für Mineralogie und Rohstoffe, Mitglied der Internationalen Assoziation zur Erforschung der russlanddeutschen Geschichte und Kultur (St. Petersburg, Russland). s-w-n@mail.ru

Шваб Ева, магистрант Университета им. Альберта Людвига (Фрайбург, Германия). eva.d.schwab@gmail.com
Schwab, Eva Dorothée, Magistrantin B. A. an der Albert-Ludwigs-Universität (Freiburg, Deutschland). eva.d.schwab@gmail.com

Шрадер Татьяна Алексеевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Санкт-Петербург, Россия). tatyana.schrader@gmail.com
Šrader, Tat'jana Alekseevna, Dr., wissenschaftliche Mitarbeiterin des Museums für Anthropologie und Ethnografie „Peter der Große" (Kunstkammer) der Russischen Akademie der Wissenschaften (St. Petersburg, Russland). tatyana.schrader@gmail.com

Штейн Ольга Вячеславовна, координатор BiZ-Караганда Ассоциации общественных объединений немцев Казахстана «Возрождение» (Караганда, Казахстан). biz_karaganda@mail.ru
Štejn, O'lga Vjačeslavovna, Koordinatorin des BiZ Karaganda der Assoziation der gesellschaftlichen Vereinigungen der Deutschen Kazachstans „Wiedergeburt" (Karaganda, Kazachstan). biz_karaganda@mail.ru

Щеголихина Юлия Викторовна, кандидат филологических наук, преподаватель кафедры иностранных языков Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Томский политехнический университет» (Томск, Россия). july.shegolikhina@yandex.ru
Ščegolichina, Julija Viktorovna, Dr., Hochschullehrerin am Lehrstuhl für Fremdsprachen an der Staatlichen Föderalen Autonomen Hochschule „Nationale Polytechnische Forschungsuniversität Tomsk" (Tomsk, Russland). july.shegolikhina@yandex.ru

Ежегодник Международной ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев. Главный редактор: д. и. н. Ирина Черказьянова.

Учредитель Ежегодника Международной ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев: АНО ДО «Институт этнокультурного образования» – структура Самоорганизации российских немцев, осуществляющая образовательную деятельность. Директор: к. ф. н. Андрей Лейман.

Международная ассоциация исследователей истории и культуры российских немцев – ассоциированный член АОО «Международный союз немецкой культуры», профильная структура Самоорганизации российских немцев. Председатель: д. и. н. Аркадий Герман.

Ассоциация общественных объединений «Международный союз немецкой культуры» (МСНК) – добровольный союз общественных объединений этнических немцев, являющихся юридическими лицами, зарегистрированных в установленном порядке на территории России и других государств. МСНК – федеральная структура Самоорганизации российских немцев. Председатель: Генрих Мартенс.

НАД НОМЕРОМ РАБОТАЛИ:

Дизайн и верстка: Антонина Смирнова

Корректура: Валентина Радакова, Марина Мартынова

Перевод: Полина Кондратенко, Норберт Краллеманн, Дарья Миланчева, Лариса Пузейкина, Марина Текегалиева

Контактная информация: АНО ДО «Институт этнокультурного образования»
119435 Москва, ул. Малая Пироговская, д. 5
E-mail: history@ivdk.ru

Издательство: ООО «РусДойч Медиа»
119435 Москва, ул. Малая Пироговская, д. 5

Подписано в печать 31.12.2015.
Формат 70×100 1/16. Печать офсетная. Усл. печ. л. 25.
Тираж 500 экз. Заказ № 694-16.

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами в типографии ООО «Тверской Печатный Двор».
170100 Тверь, ул. Московская, д. 82.